

Р И Д Е Р З Д А Й Д Ж Е С Т

РИДЕРЗ
ДАЙДЖЕСТ

ИЗБРАННЫЕ
РОМАНЫ

10
ЛЕТ
В РОССИИ

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

10
ЛЕТ
В РОССИИ

БЕЗ СЛЕДА
ЛИ ЧАЙЛД

СПАСИБО
ЗА ТВОИ
ВОСПОМИНАНИЯ
СЕСИЛИЯ
АХЕРН

АДВОКАТСКАЯ
МАНТИЯ

ДИК ФРЕНСИС
И ФЕЛИКС
ФРЕНСИС

СМЕРТЬ
ФАРАОНА
ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН
И МАРТИН
ДЮГАР

СКОРО В ЭТОЙ СЕРИИ:

В ПОГОНЕ ЗА ТЬМОЙ

Роберт Крейс

Несколько лет назад Элвис Коул помог доказать невиновность человека, подозреваемого в убийстве. Теперь того нашли убитым. А рядом с трупом обнаружен альбом с фотографиями семи мертвых женщин, одна из которых была жертвой преступления, в котором обвинялся убитый. Значит ли это, что Коул помог преступнику? Пришла пора раскрыть истину.

ДОРОГАЯ ВАЛЕНТИНА

Адриана Триджани

Она стремится стать дизайнером модной обуви. Ей никак не удастся встретить мужчину своей мечты. И она же должна спасти семейный бизнес от разорения. Только путешествие в Италию способно подсказать ей правильный выбор.

РИДЕРЗ
ДАЙДЖЕСТИЗБРАННЫЕ
РОМАНЫ

A red, starburst-shaped badge with the text "10 ЛЕТ В РОССИИ" in white.

БЕЗ СЛЕДА
ЛИ ЧАЙЛДСПАСИБО
ЗА ТВОИ
ВОСПОМИНАНИЯ
СЕСИЛИЯ
АХЕРНАДВОКАТСКАЯ
МАНТИЯ
ДИК ФРЕНСИС
И ФЕЛИКС
ФРЕНСИССМЕРТЬ
ФАРАОНА
ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН
И МАРТИН
ДЮГАР

ISBN 978-5-89355-447-2

9 785893 554472

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО В СПЕЦИАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

СОКРАЩЕНИЕ РОМАНОВ, ВОШЕДШИХ В ЭТОТ ТОМ, ВЫПОЛНЕНО
«РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ АССОСИЭЙШН, ИНК.» ПО ОСОБОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ
С ИЗДАТЕЛЯМИ, АВТОРАМИ И ПРАВООБЛАДАТЕЛЯМИ.
ПЕРСОНАЖИ И СОБЫТИЯ, ОПИСЫВАЕМЫЕ В РОМАНАХ, ВЫМЫШЛЕННЫЕ.
СОВПАДЕНИЕ С РЕАЛЬНЫМИ СОБЫТИЯМИ И ЛЮДЬМИ — СЛУЧАЙНОСТЬ.

ISBN 978-5-89355-447-2

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ В ЛЮБОМ ВИДЕ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТЯМИ ЗАПРЕЩЕНО.
ССЫЛКИ НА ПРАВА, УКАЗАННЫЕ НА С. 576, ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТЬЮ КОПИРАЙТА:
© 2010 ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ»
ЛОГОТИПЫ «РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ» И «ПЕГАС» ЯВЛЯЮТСЯ
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫМИ ТОРГОВЫМИ МАРКАМИ.

Р И Д Е Р З Д А Й Д Ж Е С Т

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ
МОСКВА, 2010

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ С ВАМИ

Десять лет назад в нашей стране впервые увидела свет уникальная книжная серия «Ридерз Дайджест» — «Избранные романы», более полувека объединяющая читателей многих стран мира.

«Избранные романы» — это выбор читателей, которым дорого время и которые хотят быть в курсе самых ярких новинок современного книжного рынка. В этой серии мы публикуем только лучшие книги западных авторов, тех, чьи произведения прочно обосновались в списках мировых бестселлеров, и тех, чьи имена прозвучали совсем недавно.

За эти десять лет мы перевели и издали для вас двести книг. Мы старались подобрать книги разные по жанру и настроению — романы и боевики, любимые всеми детективы, исторические драмы и даже реальные истории реальных людей.

Мы и впредь готовы выполнять свою миссию и знакомить вас с самыми читаемыми авторами и их произведениями. Но этот, юбилейный том «Избранных романов» мы постарались сделать для вас незабываемым.

После внушительного успеха предыдущих книг о Джеке Ричере его создатель, хорошо известный нашим читателям английский писатель Ли Чайлд, решил выпустить в этом году сразу две книги. Но это произойдет позже, а пока мы предлагаем вашему вниманию роман «Без следа», где Джек Ричер не только вступает в противостояние сразу с полицией, ФБР и международными террористами, но и впервые сам рассказывает, как это было.

Вас ждет встреча с героями классика детективного жанра, недавно скончавшегося великого Дика Френсиса. Писавший последние романы в соавторстве с сыном Феликсом, Дик Френсис создал более сорока детективов, где неизменным фоном

О Т Р Е Д А К Ц И И

выступают события и участники конных скачек, но при этом каждый из них отличается своей темой и ярким, захватывающим сюжетом.

Джеймс Паттерсон давно работает в союзе с другими авторами — только так он успевает реализовать свои многочисленные творческие замыслы. На этот раз он исследует тайну смерти Тутанхамона и драму жизни Говарда Картера, который тридцать лет потратил на поиски знаменитой могилы Мальчика-Царя. Вы получите огромное удовольствие, читая о жизни и нравах Древнего Египта и о том, какую цену порой приходится платить человеку за достижение своей цели.

Ирландка Сесилия Ахерн — одна из современных молодых писательниц, чье воображение в буквальном смысле не ведает границ. Ее героини попадают в истории, которые вроде и происходят на самом деле, а с другой стороны, они настолько невероятны, что похожи скорее на чудеса или сказку.

Я с огромным удовольствием желаю вам приятного чтения. Мы с вами так хорошо знаем, что с тех пор как появились книги, человек получил увлекательнейшее занятие для ума, оно дает работу нашему воображению и развивает наши чувства. Каждая прочитанная книга делает нас мудрее и лучше. И если вы захотите поделиться с нами своими впечатлениями от прочитанного или высказать пожелания, пишите нам. До новых встреч, дорогие читатели «Избранных романов»!

Искренне ваша,
Элеонора Медведева
Главный редактор

БЕЗ СЛЕДА

ЛИ ЧАЙЛД

Сюжет нового блокбастера с участием Джека Ричера — героя-одиночки, бывшего майора американской военной полиции — неожиданно завязывается в вагоне нью-йоркской подземки. На этот раз Джеку Ричеру предстоит вступить в конфликт с ФБР, полицией и Пентагоном и одновременно противостоять террористам.

с. 9

СПАСИБО ЗА ТВОИ ВОСПОМИНАНИЯ

СЕСИЛИЯ АХЕРН

После переливания крови у Джойс Конуэй появляется ощущение дежавю. Более того, воспоминания, которые ее преследуют, скорее всего принадлежат мужчине. Что с ней происходит? Кто этот человек, с которым она таинственным образом связана? Можно ли его разыскать?

с. 187

АДВОКАТСКАЯ МАНТИЯ

**ДИК ФРЕНСИС
И ФЕЛИКС ФРЕНСИС**

Джеффри Мейсон живет в двух мирах: работает адвокатом, а в свободное время участвует в скачках в качестве жокея-любителя. Но когда убивают одного известного жокея, эти два мира совмещаются. Мейсон берется возглавить защиту в суде, и битва правды и лжи вырастает до битвы жизни и смерти.

с. 309

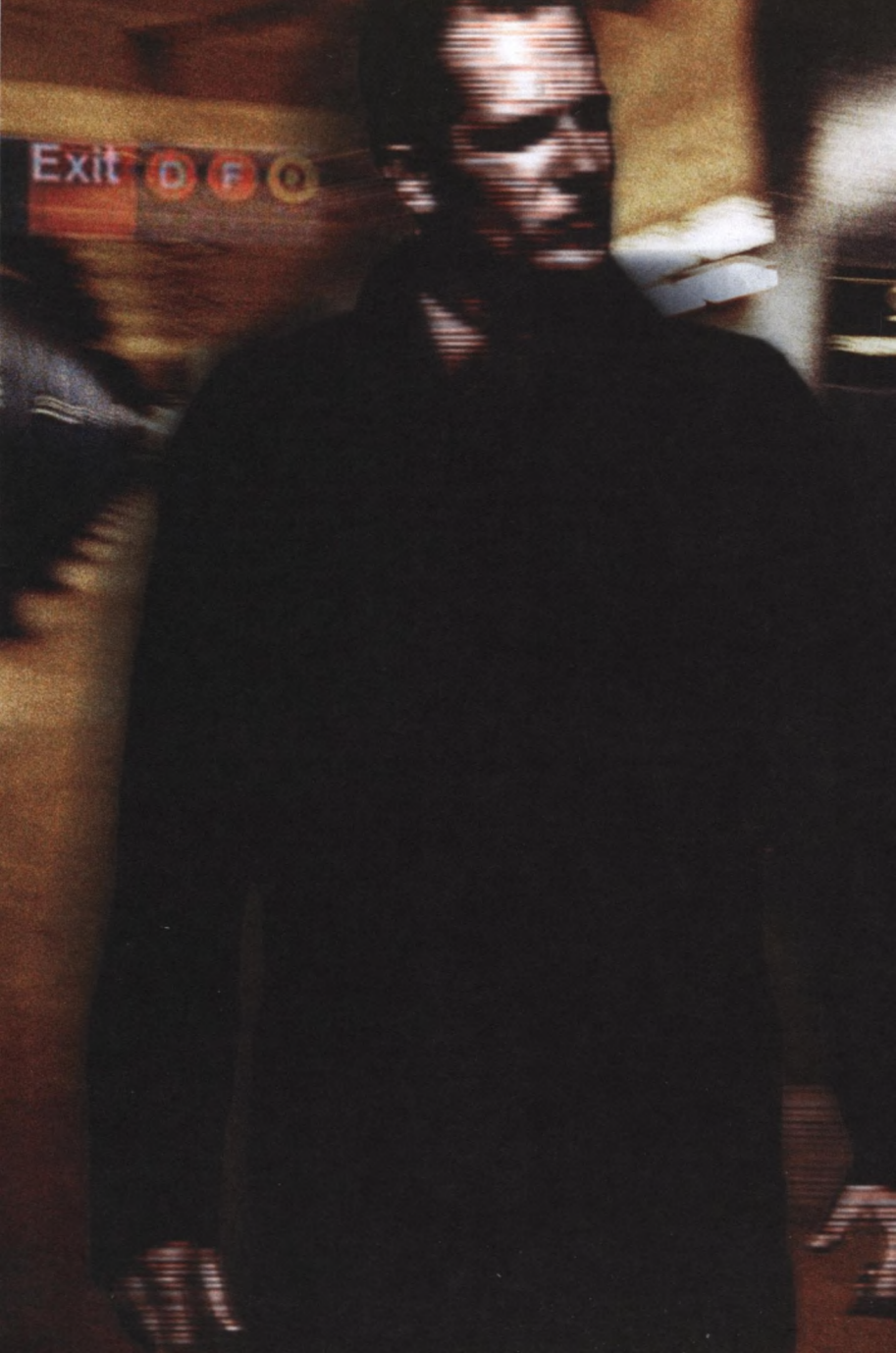

СМЕРТЬ ФАРАОНА

**ДЖЕЙМС ПАТТЕРСОН
И МАРТИН ДЮГАР**

Говард Картер, английский египтолог, мечтает совершить великое открытие. И вот после тридцати лет тяжелых трудов он находит гробницу неизвестного фараона. Так мир узнает о Тутанхамоне. Увлекательный роман о поисках истинных обстоятельств жизни и смерти Мальчика-Царя и открывшего его гробницу человека.

с. 439

Exit

D

F

Q

Джек Ривер
не сомневается: женщина
спавшая в вагоне
шлах от него в вагон
никогда не подожде
представителю крадн
и не будет стеснаться
и не будет стеснаться

Без следа

Ли Чайлд

Джек Ричер
не сомневается: женщина,
сидящая в нескольких
шагах от него в вагоне
нью-йоркской подземки,
представляет крайне опасную
и неотвратимую угрозу.
Времени на решение —
считанные секунды.

ГЛАВА 1

Распознать террориста-смертника просто. Они выдают себя сами, массой разных примет. В основном потому, что нервничают. По определению, все они — новички.

Израильская контрразведка выпустила специальную памятку. Там сказано, на что обращать внимание. Они взяли практику наблюдений, добавили психологии и выдали список поведенческих признаков. О списке я узнал от одного капитана израильской армии двадцать лет назад. Для него он был как присяга. И для меня стал тем же: в те дни я находился в трехнедельной командировке, рядом с капитаном: в самом Израиле, в Иерусалиме, на Западном берегу, в Ливане, в Сирии, в Иордании, в автобусах, в магазинах, на запруженных людьми тротуарах. Я не переставал смотреть в оба, мысленно пробегая сверху вниз жирные печатные строчки.

Прошло двадцать лет, а я до сих пор помню тот список. И глаза мои по-прежнему глядят в оба. Дело привычки. У других парней я научился еще одной мантре: «Смотреть, а не видеть; слушать, а не слышать». Чем пристальнее внимание, тем дольше ты остаешься в живых.

В списке двенадцать пунктов. Это если подозреваемый мужского пола. Одиннадцать, если женского. Разница — в свежевыбритости. Перед акцией смертники-мужчины сбывают бороду. Так проще слиться с толпой. Результат — более светлая кожа на нижней части лица.

Но в данный момент бритье меня не интересовало.

Я работал по списку из одиннадцати позиций.

Я ехал в нью-йоркской подземке. Два часа ночи. Линия 6, «Лексингтон-авеню», местный поезд со всеми остановками, в сторону спальных районов. В поезд я сел на станции «Бликер-стрит», с южной части платформы. Вагон был почти пустой — всего пять человек, не считая меня. Я устроился на двухместном сиденье, к северу от последней двери, на той стороне вагона, где двери не открываются. Пятеро остальных пассажиров находились от меня к югу, на длинных скамьях: трое — слева и двое — справа.

Номер вагона был 7622. Как-то я уже ездил 6-м маршрутом, рядом с одним полоумным типом: все восемь остановок он тараторил о вагоне, в котором мы находились, с энтузиазмом, какой большинство мужчин приберегают для женщин и спорта. Поэтому я знал, что вагон номер 7622 — это модель R-142A, новейшая в нью-йоркском метро. Что пробег вагона, построенного «Кавасаки» в Кобе, без капремонта — двести тысяч миль. Что автоматическая система оповещения выдает инструкции мужским голосом, а информацию — женским: по мнению транспортного начальства, такое разделение психологически эффективней. Я знал, что длина R-142A чуть более пятидесяти одного фута, а ширина — восемь с небольшим. И что не оснащенный кабиной машиниста вагон рассчитан на сорок сидячих и сто сорок восемь стоячих мест. Все эти данные мой одержимый сосед выдал без единой запинки.

Я видел, что стеновые панели вагона отлиты из стекловолокна, устойчивого к граффити. В том месте, где панели встречались с крышей, шли сдвоенные полосы рекламы. Маленькие яркие постеры расхваливали всевозможные шоу, языковые курсы и высшее образование без труда.

И полицейский плакат: «Если вы что-то заметили, не молчите».

Ближе всех ко мне была латиноамериканка. Она сидела слева через проход, одна на скамейке для восьмерых. Маленького роста, от тридцати до пятидесяти лет, женщина выглядела усталой и раздраженной. Видавшая виды сумка из супермаркета петлей обхватила кисть. Взгляд — слишком изнуренный, чтобы видеть много, — устремлен в пустое пространство перед собой.

Следующим был мужчина. На той же стороне, футах в четырех от латиноамериканки, один на скамейке для восьмерых. Темные волосы, кожа в сетке морщин. Жилистый, измотанный тяжким

трудом на открытом воздухе, мужчина сидел, склонившись вперед, локти на коленях. Не спал, но близко к тому. На вид около пятидесяти. Мешковатые, едва прикрывавшие икры джинсы и просторная футболка не по размеру с надписью *NBA* и именем баскетболиста, которого я не знал.

Третьей шла негритянка — вероятно, из Западной Африки. Она сидела слева, к югу от центральной двери. Утомленная, вялая; в люминесцентном свете метро ее кожа казалась присыпанной серой пылью. Цветастое платье из батика и тканевая косынка в тон. Глаза женщины были закрыты.

Я неплохо знаю Нью-Йорк. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: любая троица, севшая в движущийся на север ночной поезд метро 6-го маршрута к югу от «Бликер-стрит», либо возвращающиеся домой после вечерней смены уборщики офисов у здания городского совета, либо обслуживающий персонал из ресторанчиков Чайнатауна или «Маленькой Италии».

Пассажиры четыре и пять были совершенно другими.

Номер пять — мужчина. Вероятно, моего возраста, он сидел на двухместной скамье напротив и наискось от меня, в дальнем конце вагона. Одежда на каждый день, но явно не из дешевых. Слаксы и рубашка для гольфа. Его глаза пристально смотрели перед собой. Зрачки то сужались, то расширялись. Взгляд профессионального игрока. Практичный, осторожный, расчетливый.

Но смотрел я не на него. Я смотрел на номер четыре.

Она сидела по правой стороне, одна на скамейке для восьмерых, напротив и примерно посередине между африканкой и парнем в рубашке для гольфа. Белая кожа, возраст слегка за сорок. Неприметная. Темные волосы, аккуратная, но немодная стрижка. Одета она была во все черное. Мужчина в футболке *NBA* продолжал склоняться вперед, и V-образный зазор между его согнутой спиной и стенкой вагона обеспечивал мне хороший обзор, прерываемый лишь стальными поручнями.

Не идеальный, но достаточный, чтобы все одиннадцать пунктов списка разом раскололи мне голову колокольным звоном. Если верить израильской контрразведке, передо мной была типичная террористка-смертница.

Я тут же отмахнулся от этой мысли. Время было явно неподходящее. Метро Нью-Йорка — лакомая мишень для бомбиста-самоубийцы. 6-й маршрут — один из лучших вариантов. Поезд оста-

навливается под вокзалом Грэнд-Сентрал. Восемь утра, шесть вечера, битком набитый вагон, подождать, пока откроются двери на переполненную народом платформу, нажать на кнопку. Сотня трупов, две сотни раненых, крупный транспортный узел парализован на недели, а то и месяцы. Серьезный успех для тех, чьи мозги здорово сдвинуты набекрень.

Но не в два часа ночи.

Поезд остановился на «Астор-плейс». Двери с шипением открылись. Никто не вошел. Никто не вышел. Поезд двинулся дальше.

Жирные буквы из списка стояли у меня перед глазами.

С первым пунктом все было ясно: одежда не по сезону. В наши дни смастерить начиненный взрывчаткой пояс по силам кому угодно. Взять кусок брезента размером три на два фута, согнуть пополам в длину, и вы получите длинный сплошной карман глубиной в фут. Оберните карман вокруг смертника и сшейте края за спиной. Вложите по кругу частокол динамитных шашек, подсоедините провода, напигуйте пустоты рублеными гвоздями, обметайте верх и добавьте лямки покрепче. Эффективно, но довольно громоздко. Единственная практичная маскировка для такого сооружения — просторная одежда, лучше всего — дутая зимняя парка.

На дворе был сентябрь, но жара стояла как летом. Я был в одной футболке. Пассажирка номер четыре сидела в пуховике — черном, пышном, застегнутом на молнию до самого подбородка.

Если вы что-то заметили, не молчите.

Второй пункт списка — походка робота. В случае, когда подозреваемый сидит, — увы, бесполезный. Террористы-смертники ходят как роботы, потому что тащат на себе лишних фунтов сорок плюс находятся под воздействием наркотических средств. Ореол мученика привлекателен, но лишь до определенных пределов. Большинство нынешних бомбистов — зомбированные примитивы с шариком опия-сырца между десной и щекой.

Поезд остановился на «Юнион-сквер». Никто не вошел. Никто не вышел. Поезд двинулся дальше.

Пункты с третьего по шестой: потливость, раздражительность, тик и нервозное поведение. По мне, потливость могут вызвать не только нервы, но и физический перегрев. Равно как и одежда не по сезону, и тот же динамит. Ведь что есть динамит? Пропитанная нитроглицерином древесная пульпа, сформованная в шашки размером с жезл. А пульпа — хороший изолятор тепла. Но раздражи-

тельность, тик и нервное поведение — очень ценные индикаторы. В последние минуты жизни бомбисты испытывают патологический страх. Даже накачанные сильнодействующими наркотиками, все они жутко боятся боли. Одно дело — громкие бравады на тайных сборищах, и совсем другое — реальное действие.

Пассажирка номер четыре выглядела точь-в-точь как человек, решившийся свести счеты с жизнью.

Отсюда пункт семь: дыхание.

Женщина дышала тяжело, но ровно, точно старалась внутренне управлять собой. Так дышат роженицы или же люди, отчаянно пытающиеся подавить рвущийся из гортанного вопль ужаса.

Пункт восьмой: террористы-смертники всегда смотрят в одну точку прямо перед собой. Видеозаписи и показания свидетелей здесь сходятся на все сто. Никто не знает почему, но все люди-бомбы ведут себя именно так.

Пассажирка номер четыре сидела, вперившись в окно напротив с такой яростной напряженностью, что практически прожгла взглядом дырку в стекле.

Пункты с первого по восьмой — полное совпадение.

Пункты девять, десять, одиннадцать тоже были на месте — самые важные пункты в списке.

Пункт девять: невнятное бормотание. До сих пор все известные террористические атаки вдохновлялись или мотивировались религией, причем почти исключительно мусульманской. Мусульмане же, как известно, имеют обыкновение молиться совершенно открыто. Очевидцы, кому повезло остаться в живых, свидетельствуют о нескончаемых заклинаниях, произносимых едва слышно и более-менее невнятно, но движущимися губами. Губы пассажирки номер четыре явно что-то шептали.

«23-я улица». Двери открылись. Никто не вышел. Никто не вошел. Поезд двинулся дальше.

Пункт десять: большая сумка.

Свежий динамит — взрывчатка довольно стабильная. Чтобы привести «адскую машину» в действие, нужен детонатор. Детонаторы соединяют шнуром с источником электропитания и выключателем. Те большие штуковины с проворачивающимися ручками, что показывают в старых вестернах, — как раз и то и другое. Не слишком-то практичная вещь, когда бомбу нужно переносить. Для переносных устройств нужна батарея, причем большая, прямоугольная, размером с хорошую консервную банку, — из тех,

что продают в магазинах электротоваров для очень серьезных фонарей. Чересчур большая и слишком тяжелая, чтобы носить в кармане, — отсюда большая сумка. Батарейку пристраивают на дне, а провода от нее идут к выключателю и дальше, сквозь незаметную прорезь в задней части сумки, под край одежды не по сезону.

На коленях пассажирки номер четыре стояла большая черная «почтальонская» сумка, ремень был перекинут через плечо.

Поезд остановился на «28-й». Никто не вошел. Никто не вышел. Поезд двинулся дальше.

Пункт одиннадцать: руки внутри сумки.

Двадцать лет назад этот пункт был только-только добавлен к списку. Незадолго до того спецслужбы Израиля и некоторые смельчаки из обычной публики применили новую тактику. Если что-то вызвало подозрение, не пытайтесь спастись бегством. Без толку. Шрапнель все равно быстрее. Вместо этого надо резко рвануть вперед и, обхватив подозреваемого как можно крепче, стиснуть его в медвежьих объятиях. Пригвоздить руки террориста к бокам. Не дать дотянуться до выключателя. Так удалось предотвратить несколько терактов. Спасти десятки жизней. Но смертники быстро усвоили урок. Сегодня их учат не снимать большой палец с кнопки, и тактика «медвежьих объятий» потеряла смысл. Кнопка — в сумке, рядом с батареей. Отсюда и руки внутри.

Обе руки пассажирки номер четыре находились в сумке.

Поезд остановился на «33-й». Никто не вышел. В соседний вагон вошел одинокий пассажир. Поезд двинулся дальше.

Я смотрел на пассажирку номер четыре. Представлял себе ее большой палец, тонкий и бледный, на невидимой кнопке. Сплетение проводов. Шнур детонатора, ныряющий из сумки под пуховик и соединяющий от двенадцати до двадцати капсулей в длинную смертоносную цепь. Динамит — штука невероятно мощная. В замкнутом пространстве, таком, как вагон метро, одна взрывная волна превратит нас всех в кровавое месиво.

Я смотрел на женщину. Между нами было не менее тридцати футов. Ее палец уже на кнопке. Она готова уйти, я — еще нет.

Я смотрел на нее. Чересчур пристально.

Она почувствовала. И повернула голову, медленно и плавно.

Она поняла, что я знаю.

Десять секунд мы смотрели друг другу в глаза. Затем я встал. Тридцать футов. Если раздастся взрыв, мне конец. Так что, по-

дойди я ближе, мертвее я все равно не буду. Я взялся за поручень, шаг, перехватился за следующий, и так далее.

Я остановился в шести футах от нее.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это оказалось ошибкой.

Крупный предмет внутри сумки чуть шевельнулся.

— Покажите мне ваши руки.

Она молчала.

— Я полицейский, — солгал я. — Я могу вам помочь.

Она не ответила.

Я отпустил поручень и уронил руки по швам. Так я стал ниже. Меньше рост — меньше угроза. Я старался стоять спокойно, насколько позволял движущийся поезд. Просто стоять — и все. Других вариантов не было. Ей хватило бы доли секунды. Мне — нет. Можно попробовать вырвать у нее сумку. Только я все равно б не успел. Ее палец нажмет кнопку раньше, чем моя рука будет на полпути.

Можно попытаться вырубить террористку. Но боковой удар с шести футов — это, как минимум, полсекунды. Ей же достаточно сдвинуть палец всего на восьмую дюйма. Раунд явно за ней.

— Можно мне сесть? — спросил я. — Рядом с вами?

— Нет, — сказала она. — Не приближайтесь.

Без явного акцента. С близкого расстояния она не выглядела душевнобольной. Простая женщина — смирившаяся, напуганная, усталая. На меня она смотрела с той же напряженностью, что и на окно еще пару минут назад.

— Время ушло, — сказал я. — Лучше подождать до утра.

Она не ответила. Руки в сумке пошевелились.

— Покажите мне одну руку. Совсем незачем держать их там вместе.

Поезд резко затормозил. Меня качнуло назад, и я едва успел схватиться за верхний поручень. Вокзал Грэнд-Сентрал, подумал я и взглянул в окно, надеясь увидеть огни и белые плитки кафеля, но мы стояли в темном туннеле.

Я перевел взгляд обратно.

— Покажите мне одну руку, — повторил я.

Женщина смотрела на мою талию. Из-за поднятых рук футболка чуть задралась, открыв шрам на животе. Выпуклый белый гребень. Грубые стежки. Шрапнель — от начиненного взрывчаткой грузовика, в Бейруте, много лет назад.

— Покажите мне одну руку.

— Зачем?

— Не знаю.

Я говорил, чтобы не молчать. Для меня это нехарактерно. По большей части я человек немногословный.

Руки женщины снова шевельнулись. Я видел, как она что-то перехватывает правой рукой. Левая же медленно показалась из сумки. Маленькая и бледная. Ногти без лака, подстрижены коротко. Без колец.

— Спасибо, — сказал я.

Она положила руку на скамью — рядом с собой, вниз ладонью. Я опустил свои. Край футболки вернулся на прежнее место.

— Теперь покажите, что у вас в сумке.

Она не ответила.

— Обещаю, я не буду пытаться отнять это у вас.

Поезд вновь тронулся. Плавно, неспешно.

— Мне кажется, я, как минимум, имею право это увидеть.

Она скорчила гримасу, будто не поняла.

— Потому что теперь я тоже причастен. Возможно, я смогу проверить, все ли у вас там о'кей. На потом. Не на сейчас. Потому что сейчас этого делать не надо.

— Вы же сказали, что вы полицейский.

— Это не важно. Я могу вам помочь.

Поезд продолжал ползти. Впереди забрезжил свет. Правая рука женщины шевельнулась. Она пыталась вынуть ее из сумки.

Я наблюдал. Рука показалась наружу.

Ни батареи. Ни проводов. Ни кнопки.

Нечто совсем другое.

В правой руке у женщины был пистолет. Нацеленный в какую-то точку между моим пахом и моим пупком. Где так много всего нужного любому из нас. Органы, позвоночник, кишки, артерии, вены. Это был шестизарядный «Ругер Спид-Сикс». Старый револьвер, калибр девять миллиметров.

Но в целом настроение у меня стало намного лучше, чем еще секунду назад. Бомбам не требуется прицел — в отличие от револьверов. С полным барабаном «Спид-Сикс» весит больше двух фунтов. Довольно тяжелая вещь для тоненькой женской руки. К тому же на вылете пуля «магнум» дает обжигающую вспышку газов, сопровождаемую сильной отдачей. За долю секунды до того, как спустить курок, рука женщины напряжется, она зажмурит глаза, а голову отвернет в сторону. Есть неплохой шанс, что она про-

махнется — даже с шести футов. И если она промахнется, второго выстрела я сделать ей не дам.

— Только спокойно, — сказал я.

Палец на крючке был белее мела, но она им не шевелила. «Спид-Сикс» — самовзводный револьвер с механизмом двойного действия. Нажим на спусковой крючок до половины поворачивает барабан и отводит боек. Нажим до конца освобождает боек, и тот разбивает капсюль патрона, производя выстрел. Я не сводил глаз с ее пальца. Чувствуя на себе взгляд парня в рубашке для гольфа. Обзор для передней части вагона, по-видимому, закрывала моя спина.

— Опустите пистолет, — попросил я. — Давайте поговорим.

Она не ответила.

Я старался сосредоточиться на вибрациях, идущих от колес через пол. Ожидал остановки вагона. Мой попутчик утверждал, что R-142A весит тридцать пять тонн. И что эти поезда развивают скорость шестьдесят две мили в час. Поэтому у них очень мощные тормоза. Они смыкаются, дергают, скрежещут.

Я предполагал, что так произойдет и сейчас — даже при том, что ползли мы с черепашьей скоростью. Револьвер в вытянутой руке — своего рода груз на конце маятника. Длинный, тонкий рычаг и два фунта стали. Когда колодки вгрызутся в тормозной диск, револьвер по инерции продолжит движение вперед. Закон Ньютона. Я был готов справиться со своей собственной инерцией и, оттолкнувшись от поручня, нырнуть вниз и назад, против хода поезда. Если револьвер дернется на пять дюймов к северу, а я — на пять к югу, я буду вне опасности.

— Откуда у вас этот шрам? — неожиданно спросила она.

— Бомба, — ответил я.

Она перевела ствол туда, где под футболкой скрывался белый рубец.

Поезд подъезжал. К станции. Бесконечно медленно. Платформа на «Грэнд-Сентрал» длинная. Головной вагон направлялся к самому ее концу. Я ждал, когда сработают тормоза. Надеюсь, пусть даже на небольшой крен.

Но доехать мы не успели.

Ствол револьвера вдруг повернулся вверх. На миг я подумал, что пассажирка решила сдаться. Но ствол все продолжал подниматься. Женщина резко задрала подбородок — в гордом и своевольном жесте. Дуло уткнулось в мягкую плоть. Палец сдавил

спусковой крючок. Наполовину. Барабан повернулся, курок цапнул нейлон дутой зимней парки.

Затем она нажала курок до конца и разнесла себе голову.

ГЛАВА 2

ДВЕРИ не открывались. Возможно, кто-то воспользовался аварийной связью, а может, машинист сам услышал выстрел. Как бы то ни было, система перешла в режим полной блокировки.

Ждать было неприятно. Тело женщины сползло на скамью. Правый указательный палец по-прежнему сжимал спусковой крючок. Револьвер лежал на сиденье рядом.

Звук выстрела все еще звенел у меня в ушах. В носу стоял сладковато-приторный запах крови. Нагнувшись вперед, я проверил сумку. Пусто. Я расстегнул молнию на куртке, распахнул полы. Ничего.

Отыскав аварийную панель, я связался с машинистом.

— Самоубийство, — сообщил я. — Огнестрел. Предпоследний вагон. Все уже позади. Дальнейшей угрозы нет.

Ответа я не получил. Но через минуту громкая связь откликнулась мужским голосом:

— Уважаемые пассажиры! Внимание! Двери вагонов закрыты на несколько минут в связи с непредвиденной ситуацией.

Машинист говорил медленно. Видимо, читал по инструкции. Голос его дрожал.

Я отошел и сел в трех футах от трупа.

Наконец по лестнице протопали шесть полицейских в форме. С оружием на изготовку. Патрульные. Управление полиции Нью-Йорка, вероятно, 14-й участок на Западной 35-й улице — знаменитый Мидтаун-Саут. Пробежав по платформе, полицейские начали проверять поезд от головы. Я встал и наблюдал через окно. Копы открывали двери, одну за другой, и, оценив обстановку, разрешали пассажирам выйти. Поезд ночной, народу мало, так что до нас очередь дошла быстро. Они проверили вагон через окна и, увидев тело и револьвер, сразу напряглись. Двери с шипением открылись, и патрульные ввалились в вагон.

Трое полицейских заблокировали все три выхода, остальные трое направились напрямик к мертвой женщине. Они остановились в шести футах от трупа. Не видя смысла проверять пульс или иные признаки жизни.

Здоровяк с нашивками сержанта повернулся к пассажирам. Лицо его слегка побледнело.

— Кто видел, что здесь произошло? — спросил он.

Передняя часть вагона встретила вопрос гробовым молчанием. Латиноамериканка, мужчина в футболке *NBA* и женщина-африканка. Они не проронили ни слова. Парень в рубашке для гольфа тоже ничего не сказал. Поэтому ответил я:

— Она вынула из сумки револьвер и застрелилась.

— Так просто? Ни с того ни с сего?

— Более-менее.

— Почему?

— Откуда мне знать?

— Где и когда?

— На подъезде к станции.

Мозги сержанта переваривали информацию. Самоубийство, огнестрел. Метро — сфера ответственности полицейского управления. Зона торможения между «41-й» и «42-й» — территория 14-го участка. Его дело, как ни крути.

Он кивнул:

— О'кей. Прошу всех покинуть вагон и ждать на платформе. Нам понадобятся ваши фамилии, адреса и свидетельские показания.

Мы влились в собиравшуюся на платформе толпу. Транспортная полиция, патрульное усиление, персонал метро. Через пять минут по ступенькам прогрохотали ботинки бригады «скорой» с носилками. Дальнейшего я не видел — полицейские стали разбирать пассажиров для записи показаний. Я достался здоровяку-сержанту. Он отвел меня вглубь станции, в душную, затхлую комнатенку с белыми кафельными стенами. Предложив мне стул, сержант спросил мое имя.

— Джек Ричер, — ответил я.

Он записал имя в блокнот и больше ничего не сказал. Просто стоял в дверях и наблюдал за мной. Ждал. Наверняка детектива, подумал я.

Детектив оказался женщиной. В брюках и серой рубашке. Рубашка была навывпуск, и я сразу предположил, что полы скрыва-

ют оружие. Под рубашкой она была маленькой и стройной. Над рубашкой — темные, собранные в хвост волосы и маленький овал лица. На вид чуть меньше сорока. Интересная. Мне она понравилась сразу. Женщина выглядела доброжелательной. Она предъявила мне свой значок и вручила визитку. С номерами телефонов — служебным и сотовым. И адресом электронной почты. На карточке было имя: Тереза Ли.

— Вы не могли бы подробно рассказать, что произошло?

Голос оказался мягким и полным внимания.

И я рассказал все подробно, начиная со списка из одиннадцати пунктов и моих попыток изменить ситуацию и заканчивая револьвером и самоубийством.

Тереза Ли предложила вернуться к списку.

— У нас есть экземпляр, — сказала она. — Насколько я знаю, это секретный документ.

— Да бросьте, — улыбнулся я. — Список гуляет по миру уже лет двадцать. Только ленивый не обзавелся собственным экземпляром. Так что он давно уже не секрет.

— А вы? Где вы его видели?

— В Израиле. Сразу после того, как он был составлен.

— Каким образом?

Пришлось изложить ей мою биографию. В сокращенной редакции. Армия США, тринадцать лет в военной полиции, 110-е следственное спецподразделение, служба по всему миру плюс короткие командировки туда-сюда. Затем — развал Советов, сокращение военных расходов, урезанный оборонный бюджет, повальные увольнения в запас.

— Состав офицерский или сержантский? — поинтересовалась она.

— Последнее звание — майор.

— А сейчас?

— На пенсии.

— Вы слишком молоды для пенсионера.

— Я решил, что надо пользоваться случаем, пока он есть.

— Чем вы занимались сегодня вечером?

— Слушал музыку, — сказал я. — На Бликер-стрит полно блюз-клубов.

— И куда же вы направлялись ночью на 6-м поезде?

— Я собирался снять номер где-нибудь в гостинице или сесть на экспресс на автовокзале между 40-й и 42-й.

- Где вы живете?
- Нигде.
- Ваш багаж?
- У меня его нет.

После этой фразы большинство людей обычно задают кучу дополнительных вопросов, но не Тереза Ли. Вместо этого она сосредоточила свое внимание на другом:

— Мне не нравится, что список оказался неверным. Мы все считали его полным и окончательным.

Теперь она говорила со мной на равных.

— Список оказался неверным лишь наполовину, — поправил я. — Насчет смертника он не соврал.

— Похоже, вы правы, — согласилась Ли. — Признаки те же самые. Но результат все равно ошибочный.

— Мы знаем, кто она?

— Пока нет. Но скоро выясним. При ней нашли ключи и бумажник. Кстати, а почему она была в зимней куртке?

— Понятия не имею.

— Вы как? — неожиданно спросила она.

Я решил, что ей хочется знать, потрясен ли я тем, что случилось.

— Нормально.

В глазах Ли промелькнуло удивление.

— На вашем месте я сожалела бы о том, что подошла к ней. Там, в поезде. Мне кажется, это вы подтолкнули ее к краю пропасти. Еще пара остановок, и она наверняка справилась бы с тем, что ее так расстроило.

Следующую минуту ни один из нас не проронил ни слова. В дверях показалась голова сержанта-здоровяка. Он кивком попросил Ли выйти в коридор. До меня донеслись обрывки их приглушенного разговора, после чего Ли вернулась и предложила проехать с ней на Западную 35-ю улицу. В полицейский участок.

— Надо зафиксировать ваши показания, чтобы закрыть дело.

Пожав плечами, я последовал за Ли к выходу с «Грэнд-Сентрал» на Вандербильт-авеню, где стояла ее машина. Это был выдавший виды «форд-краун-виктория», грязный и неприметный, хотя, надо отдать ему должное, до Западной 35-й он довез нас без всяких проблем. Мы прошли вверх по лестнице к комнате для допросов. Отступив на шаг, Ли пропустила меня вперед. А затем захлопнула у меня за спиной дверь и повернула ключ.

Появилась она минут через двадцать — с папкой заведенного дела и незнакомым мне молодым человеком. Папку Ли положила на стол, а парня представила как своего напарника, добавив, что зовут его Догерти и что у Догерти ко мне ряд вопросов.

— Какие вопросы? — удивился я.

Догерти остался невозмутим:

— Расскажите все еще раз, и как можно подробнее.

Пришлось подчиниться. Как и Ли, Догерти заметно расстроился, что список дал ошибочный результат. Следующие пять минут мы представляли собой тройку единомышленников, обсуждавших удивительный феномен.

Но затем тон Догерти изменился:

— Мы полицейские детективы и занимаемся расследованием убийств. Наша обязанность — расследование всех случаев насильственной смерти. Надеюсь, вы понимаете, к чему я это говорю? Это так, на всякий случай.

— На какой еще случай?

— На случай, если в деле есть что-то, что осталось за кадром.

— За каким кадром? Она застрелилась сама.

— По вашим словам.

— Никто не скажет другого. Именно так все и было.

— А может, это вы ее застрелили?

— Я этого не делал.

Во взгляде Терезы Ли читалось сочувствие.

— Да что с вами такое, ребята? Если не верите, спросите у остальных.

Ли покачала головой:

— Никто ничего не видел. Вы закрывали им обзор. К тому же они все дремали. Плюс никто из них почти не говорит по-английски. Мне кажется, им просто хотелось побыстрее убраться отсюда, прежде чем мы начнем проверять у них «зеленые карты».

— А как насчет того парня? Того, что сидел сбоку? Он точно не спал. И выглядел как стопроцентный носитель английского.

— Что еще за парень?

— Пятый пассажир. В слаксах и рубашке для гольфа.

Ли открыла папку. И покачала головой:

— В вагоне было всего четверо пассажиров.

Она вынула из папки лист бумаги, перевернула и пододвинула к середине стола. Список свидетелей. Я плюс некие Фролов, Родригес и Мбеле.

- Должно быть, он исчез под шумок, — сказал я.
- Как он выглядел? — спросил Догерти.
- Обыкновенный мужчина. Моего возраста, явно не бедный.
- Он вступал в какой-нибудь контакт с жертвой?
- Насколько я видел, нет.

Догерти пожал плечами:

— Значит, он просто не хотел, чтобы его имя попало в сводки. Возможно, парень гулял тайком от жены. Обычное дело.

- Он сбежал. Но вы почему-то взялись именно за меня.
- Вы же сами только что заявили, что он ни при чем.
- Я тоже ни при чем.
- Как сказать.

С меня было довольно.

— Вы зря теряете время.

И я был прав. Это была настолько пустая трата времени, что я вдруг сообразил, что все это — самый заурядный спектакль. Чтобы потянуть время. И еще я понял, что Ли и Догерти пытаются оказать мне какую-то услугу, пусть даже таким извращенным способом.

Если в деле есть что-то, что осталось за кадром.

— Кто она? — спросил я.

Догерти сделал вид, что не понимает:

— А почему она обязательно должна кем-то быть?

— Да потому, что стоило вам попытаться установить ее личность, как все компьютеры зажглись, как елки на Рождество. Кто-то позвонил вам и велел задержать меня до их приезда. А вам обоим просто не хочется брать меня под арест, чтобы не портить мне биографию, поэтому вы и тянете время.

— Нам нет никакого дела до вашей биографии. Просто нам лень возиться с бумагами.

— И все-таки кто она?

— Судя по всему, она работала на правительство. Вас действительно хотят допросить. Они уже едут. Люди из федерального агентства. Нам запрещено говорить из какого.

Меня оставили одного в комнате под замком. Грязной, душной, без окон. Вся мебель — стол и три стула. Два для детективов и один для подозреваемого. В прежние времена бедняга мог запросто схлопотать удар по уху и свалиться вместе со стулом.

Я попытался определить время. С момента нашей беседы с Терезой Ли в коридоре «Грэнд-Сентрал» часы отстучали почти шесть-

десять минут. Значит, это не ФБР. Их нью-йоркский офис, самый большой в стране, базируется на Федерал-плаза, недалеко от здания Сити-Холл. Фэбээровцы уже давно были бы здесь. Остается пара контор с названиями из трех букв: ЦРУ, УВР. Центральное разведывательное управление, Управление военной разведки. Может, и еще какие из созданных в последнее время.

Спустя час я решил, что парни едут из Вашингтона, что означало небольшую специализированную контору со строго ограниченным контингентом. У всех остальных офисы были гораздо ближе. В конце концов мне надоело гадать, я откинулся на спинку стула и, задрав ноги на стол, провалился в сон.

В пять утра меня разбудили. Трое. В отглаженных костюмах — не от-кутур, но и не ширпотреб. Ясные глаза, короткие стрижки. Тела хоть и коренастые, но мышцы в тонусе. На первый взгляд — из бывших вояк. Тех, что искренне верят, что их работа важна для страны. Держались они вежливо и по-деловому. Я попросил их предъявить удостоверения, но парни сослались на «Акт о патриотизме» и заявили, что не обязаны представляться. Наверняка так оно и было, но им явно нравилось, как это звучит. Я собрался отплатить им тем же, но они быстро сообразили, что к чему, и процитировали мне еще пару абзацев из того же антитеррористического закона, чтобы у меня не оставалось сомнений: выбранный мною путь окончится массой неприятных хлопот. Я мало чего боюсь в этой жизни, но ссориться со спецслужбами в наши дни — себе дороже. Поэтому я сказал, чтобы они задавали свои вопросы.

В качестве вступления парни сообщили, что знают о моей военной карьере и относятся к ней с уважением. Затем они предупредили, что будут внимательно наблюдать за мной во время беседы и легко определяют, когда я говорю правду, а когда — нет. Что было полной мурой, поскольку на такое способны лишь лучшие из нас, а к лучшим эти клоуны явно не относились, иначе все они давно были бы при крутых должностях и уже смотрели бы десятый сон у себя дома в тихом виргинском пригороде.

Но я еще раз повторил, что готов ответить на все их вопросы.

Парней в костюмах интересовали всего три вещи.

Первая: был ли я знаком с женщиной, застрелившейся в поезде метро? Видел ли я ее когда-нибудь раньше?

— Нет, — ответил я. Коротко и по делу, тихо, но твердо.

Они не стали развивать тему. Из чего я понял, что это за ребята и каковы выданные им инструкции. Они были чьей-то коман-

дой «Б», посланной завести начатое расследование в тупик. Им нужен был отрицательный ответ на каждый поставленный вопрос, чтобы закрыть дело и отправить папку в архив.

Второй вопрос: знаю ли я женщину по имени Лиля Хоц?

— Нет, — ответил я. Потому что не знал. Пока.

Третий вопрос был скорее диалогом. Открыл его старший агент:

— Вы подошли к той женщине в поезде.

Я молчал. Моим делом было отвечать на вопросы.

— Как близко вы подошли к ней?

Вот это уже был вопрос.

— Шесть футов, — ответил я. — Плюс-минус.

— Достаточно близко, чтобы дотронуться до нее?

— Нет.

— Если бы вы вытянули руку, а она вытянула свою, ваши руки соприкоснулись бы?

— Возможно.

— Передавала ли она вам что-нибудь?

— Нет.

— Брали ли вы что-нибудь у нее после того, как она покончила с собой?

— Нет.

— Вы видели, как у нее что-то выпало из сумки или из рук?

— Нет.

— Она вам что-нибудь говорила?

— Ничего существенного.

— Не могли бы вы вывернуть карманы?

Мне было нечего скрывать. Я прошелся по карманам, выкладывая содержимое каждого на стол. Сложенная пачка купюр и горстка монет. Мой старый паспорт. Кредитная карточка. Проездной на метро. Зубная щетка. Визитка Терезы Ли.

Старший кивнул одному из помощников. Тот профессионально обхлопал меня со всех сторон, но больше ничего не нашел.

— Спасибо, мистер Ричер.

И они исчезли — так же быстро, как и появились. Я удивился, но не могу сказать, что расстроился. Рассовав свой скарб по карманам, я открыл дверь. Тереза Ли сидела за одним из столов. Догерти вел какого-то парня к кабинету за стеклянной перегородкой. На парне была мятая серая футболка и красные спортивные брюки. Из дома он вышел, явно не успев причесаться. Тереза Ли перехватила мой взгляд:

- Родственник.
- Той женщины?

Ли кивнула:

— Мы нашли телефонный номер и адрес в ее бумажнике. Он ее брат. Кстати, тоже полицейский. Из маленького городка в Нью-Джерси.

— Бедняга.

— Да. Мы решили обойтись без официального опознания. Сейчас на нее лучше не смотреть.

— То есть вы уверены, что это она?

Ли снова кивнула:

— Отпечатки пальцев.

— Кем она была?

— Это закрытая информация.

— Я могу идти?

— Федералы с вами закончили?

— Похоже, что да.

— Тогда все. Вы свободны.

Уже у выхода она вдруг окликнула меня:

— Я не хотела вас обидеть, когда говорила насчет края пропасти.

— Хотели, — ответил я. — И возможно, вы были правы.

Я вышел в предрассветную прохладу и повернул налево по 35-й. *Вы свободны.* Как бы не так. Прямо по курсу на углу ждали четверо. Из той же серии, что и давешние, но явно не федералы. Слишком дорогие костюмы.

Когда видишь четверых незнакомцев, ждущих на углу именно тебя, у тебя лишь два варианта действий: развернуться и бежать со всех ног или продолжать спокойно идти, не сбавляя шага. Невозмутимо смотреть вперед и, скользнув взглядом по их лицам, демонстративно отвернуться: мол, и это все, что вы можете предложить?

Сказать по правде, удрать гораздо умнее. Лучший бой — тот, которого ты смог избежать. Но я никогда и не заявлял, что я умный. Просто упрямый и иногда злой. Я продолжал идти.

Костюмы были все как один темно-синими и выглядели так, как выглядят костюмы из магазинов с именем какого-нибудь иностранца на вывеске над входной дверью. Люди внутри костюмов выглядели не менее внушительно. Из бывших военных или правоохранительных органов — или и то и другое вместе.

Они разделились на пары, когда я был еще в четырех шагах от них. Оставили мне проход, если бы я захотел пройти, но парень слева, тот, что был чуть впереди, жестом дал знак, который можно было расценить и как просьбу остановиться, и как информацию, что мне ничего не угрожает. На тот момент выбор у меня еще был. Либо остановиться, либо продолжать идти. Сомкни они ряды, пока я в движении, — они разлетелись бы, как кегли в кегельбане. При моих-то 250 фунтах и скорости не менее четырех миль в час.

За два шага их главный сказал:

— Мы можем поговорить?

Я остановился:

— О чем?

— Вы ведь свидетель, так?

— А вы кто такие?

Вместо ответа он молча отвернул полу пиджака — медленно, без угрозы. Ни пистолета, ни портупеи, ни кобуры. Пальцы правой руки плавно нырнули во внутренний карман и вновь возникли уже с визиткой. Протянули мне. «Уверенность и Надежность, Инк.», — гласила первая строчка. Вторая уточняла: «Охрана, дознание, посредничество». На третьей был номер телефона с кодом 212. Манхэттен.

— На кого вы работаете? — спросил я.

— Это не важно.

— В таком случае — всего хорошего.

— Будет лучше, если вы пообщаетесь с нами, а не с нашим заказчиком. Мы по крайней мере сторонники цивилизованных методов.

— Вот теперь я испугался по-настоящему.

— Всего пара вопросов. Вас это не затруднит.

— Что за вопросы?

— Она вам что-нибудь передавала?

— Кто?

— Вы знаете кто. Брали вы у нее что-нибудь?

— И?.. Какой следующий вопрос?

— Она что-нибудь говорила?

— Много чего. Жаль, что я не расслышал и половины.

— Она называла какие-нибудь имена?

— Возможно.

— Она упоминала имя Лиля Хоц?

— Нет, насколько мне помнится.

— А Джон Сэнсом?

— Нет.

— Она передавала вам что-нибудь из рук в руки?

— А это имеет какое-нибудь значение?

— Нашему заказчику нужно знать наверняка.

— Тогда передайте вашему заказчику: пусть спросит у меня сам.

Я двинулся вперед — в проход между ними. Один из парней справа попытался преградить мне путь. Я отодвинул его. Но тот не уgomонился, и мне пришлось применить силу. Споткнувшись, противник оказался чуть впереди. Его пиджак был со шлицей по линии спины. Я схватил фалды с обеих сторон и рывком распустил шов до самой шеи. И толкнул снова. Фалды крыльями взметнулись от воротника, точно больничный халат.

Я пробежал три шага и резко развернулся. Конечно, продолжай я идти спокойно — это смотрелось бы куда изящнее. Но и в сто раз глупее. Невозмутимость — штука хорошая, но быть наготове — намного лучше. Им не терпелось кинуться на меня, всем четверым. Но мы были на Западной 35-й, и еще толком не рассвело. В такой час уличное движение состоит практически только из полицейских машин. Моим новым знакомым ничего не оставалось, как одарить меня свирепыми взглядами и удалиться. Можете идти.

Но уйти снова не получилось. Повернувшись, я увидел парня, выходившего из дверей участка. Брат. Поравнявшись со мной, он сказал, что видел меня внутри и догадался, что я свидетель. И добавил, что его сестра не совершала самоубийства.

Я предложил зайти в кафе на Восьмой авеню. Когда-то, еще в мою бытность военным, меня послали в Форт-Ракер, на однодневный семинар для сотрудников военной полиции. Темой семинара были тонкие психологические моменты, которые следует учитывать при общении с людьми, недавно лишившимися родных или близких. Военным полицейским тоже иногда приходится приносить родственникам скорбные вести. По мнению начальства, мои тактические приемы в таких делах были ниже всякой критики. Я просто стучал в дверь и резал с порога всю правду-матку. Поэтому меня и послали на семинар. Где я усвоил много полезного. Я научился уважать чувства других людей. Но прежде всего я понял, что наиболее подходящая обстановка для сообщения плохих новостей — это закусочные и кафе. В общественном месте вероят-

ность того, что человек даст волю своему горю, намного меньше, а процедура заказа и питья медленными глотками делает информационный поток пунктирным, существенно облегчая восприятие.

Мы присели за столик под зеркалом. Кафе было заполнено примерно наполовину. Мы заказали кофе. Мне жутко хотелось есть, но я решил: если он ничего не закажет, я как-нибудь переживу. Иначе выйдет невежливо. Он сказал, что не голоден. Я промолчал. Как там учили психологи из Ракера? Дайте им заговорить первыми.

Он сказал, что его зовут Джейкоб Марк. И что я могу звать его Джейк. Я ответил, что он может звать меня Ричер. Он сказал, что он полицейский. Я ответил, что раньше тоже был копом, только военным. Он добавил, что не женат и живет один. Я заметил, что у меня та же история. Вблизи, если не брать во внимание внешний вид, Джейк показался мне собранным и разумным. За сорок, почти весь седой, но лицо было моложавым и без морщин.

Он заговорил о своей сестре. Сказал, что зовут ее Сьюзан Марк. До развода — Сьюзан Молина, но это было давно. Сейчас проживает одна. Джейк говорил о сестре в настоящем времени. Он еще не мог принять того факта, что ее нет в живых.

— Она не могла убить себя. Я в это не верю.

— Джейк, — сказал я, — я был там.

Официантка принесла нам кофе, и некоторое время мы молча прихлебывали горячую жидкость из чашек. Переваривали то, что случилось. Психологи из Ракера были предельно прямы: у людей, внезапно лишившихся близких, *IQ* не выше, чем у лабрадора. Грубовато — да, все-таки военные, зато в точку.

— Расскажи мне, как все случилось, — попросил Джейк.

Я поинтересовался, есть ли у них в управлении экземпляр списка израильской контрразведки. Он ответил, что после Башен-Близнецов каждый коп обязан знать наизубок каждый пункт из этого списка.

— Твоя сестра вела себя крайне подозрительно, Джейк. Совпадение сто процентов. Она выглядела как террорист-смертник.

— Чушь, — сказал он, как сказал бы на его месте любой любящий брат.

— Нет не чушь. Не будь Сьюзан твоей сестрой, ты подумал бы то же самое. Тебе просто пришлось бы, с твоей-то подготовкой.

— Значит, список больше годится для самоубийц, чем для террористов.

— Наверное.

— Сьюзан не была несчастной.

— Я бы так не сказал.

Он не отреагировал. Еще несколько молчаливых глотков.

— Расскажи о своей сестре, — попросил я.

— Какой у нее был пистолет?

— Старый «Ругер Спид-Сикс».

— Револьвер нашего отца. Он достался ей по наследству.

— Где она жила? Здесь, в городе?

Джейк покачал головой:

— Аннандейл, штат Виргиния.

— Ты знал, что она в Нью-Йорке?

Он снова покачал головой.

— Зачем ей было ехать сюда? — спросил я.

— Не знаю.

— Почему она была в зимней куртке?

— Не знаю.

— Послушай, — сказал я. — Мне задавали вопросы. Сначала федералы. Затем весьма серьезные парни из частной детективной конторы, буквально перед встречей с тобой. И те и другие спрашивали о какой-то женщине. Лиля Хоц. Ты когда-нибудь слышал от сестры это имя?

— Нет.

— А Джон Сэнсом?

— Он конгрессмен от Северной Каролины. Хочет стать сенатором. Говорят, толковый мужик.

Я что-то такое помнил. Предвыборная гонка как раз набирала обороты. Газеты, телевидение — все твердили о новой восходящей звезде. В политику Сэнсом пришел недавно, но уже успел показать себя жестким и бескомпромиссным борцом. С далеко идущими планами. Ранее он преуспел в бизнесе, а до того сделал неплохую карьеру в армии. В интервью Сэнсом намекал на службу в спецназе, но как-то вскользь и не вдаваясь в детали.

— Твоя сестра была с ним знакома?

— Откуда?

— Кем она работала?

На этот вопрос Джейк не ответил.

Да ему и не нужно было ничего отвечать. Отпечатки пальцев его сестры были в базе данных, и стоило им всплыть в уголовном деле, как трое экс-воjak примчались черт знает из какой дали, что-

бы уехать обратно уже через пять минут. Вывод напрашивался сам собой: Сьюзан Марк работала на оборону, но отнюдь не в самых верхах. Плюс ее адрес: Аннандейл, Виргиния, в часе езды от самого крупного административного здания в мире.

— Она работала в Пентагоне, — ответил я за него.

— Ей не полагалось говорить о своей работе.

Я покачал головой:

— Будь это действительно тайной, Джейк, она сказала бы тебе, что работает в супермаркете.

Он промолчал.

— Когда-то у меня был кабинет в Пентагоне, — продолжил я. — Я хорошо знаю это место. Можешь меня проверить.

— Сьюзан была обычным гражданским клерком, — сказал Джейк после небольшой паузы. — Но ей страшно хотелось, чтобы ее должность звучала внушительно. Она говорила, что работает в подразделении с грифом *CGUSAHRC*.

— Это не подразделение. Это человек. *CGUSAHRC* означает начальник Управления человеческими ресурсами, Сухопутные войска США. Проще говоря, отдел кадров. Документы, личные дела, архивы.

Джейк не ответил.

— Она что-нибудь рассказывала о своей работе? — спросил я.

— Почти ничего. Боюсь, там было не о чем особо рассказывать. — В голосе брата проступили горькие нотки.

— Люди склонны приукрашивать свою жизнь, Джейк. Такова человеческая натура. Сьюзан нравилось то, чем она занималась?

— Похоже, что да. У нее были все задатки для работы с бумагами. Отличная память, организованность, прекрасное знание компьютера.

Мои мысли вновь переключились на Аннандейл. В сложившихся обстоятельствах этот городок обладал всего одной, но очень важной характеристикой.

Аннандейл находился очень далеко от Нью-Йорка.

— Что? — прервал ход моих рассуждений Джейк.

— Сколько лет ты уже в полиции? — спросил я.

— Восемнадцать.

— Скажи, у себя в Джерси ты видел много самоубийств?

— Где-то одно-два в год.

— Кто-нибудь предвидел заранее, что они произойдут?

— Да нет. Как правило, для всех это большой сюрприз.

- Вроде нынешнего.
 - Именно.
 - Однако за каждым самоубийством неизменно кроется какая-то причина?
 - Всегда. Финансы, секс, что-нибудь, что может вот-вот раскрыться.
 - Значит, и у твоей сестры была какая-то причина.
 - Даже не знаю. Что ты имеешь в виду?
 - Я имею в виду, что мне еще ни разу не доводилось слышать о самоубийстве, когда человек едет за сотни миль от дома и совершает его, так и не закончив путь.
 - И?..
 - Думай как полицейский, Джейк. Не как брат. Как ты поступаешь, когда что-то не вписывается в рамки логики?
 - Копаю глубже.
 - Ну так копни.
 - Этим ее все равно не вернуть.
 - Но понять причину — значит помочь самому себе.
- Еще один постулат, которому учат в Форт-Ракере.
- Я попросил еще кофе. Джейкоб Марк взял пакетик с сахаром и вертел его между пальцами. Я видел, что головой он работает как полицейский, но сердцем по-прежнему остается братом. Все это читалось у него на лице.
- Что-то еще? — спросил он.
 - В вагоне был еще один пассажир. Он исчез до того, как полицейские стали опрашивать очевидцев. Копы считают, что он просто гулял налево тайком от жены.
 - Возможно. И что?
 - Да то, что и федералов, и тех парней из частной конторы больше всего интересовало одно: не передавала ли мне что-то твоя сестра? Я думаю, имелось в виду что-то очень маленькое.
 - Кто были федералы?
 - Они не представились.
 - А частники?
- Я достал из заднего кармана визитку. Джейк медленно прочитал. «Уверенность и Надежность, Инк.». Номер телефона. Он вытащил из кармана сотовый, набрал номер с карточки. Я услышал бодренький трехнотный сигнал и короткое записанное сообщение. Джейк захлопнул мобильник.
- Номер не подключен к сети.

Я снова попросил кофе. Джейк вернул мне карточку.

— Мне это не нравится, — сказал он.

— Мне тоже.

— Нам надо еще раз поговорить с теми детективами.

— Она покончила с собой, Джейк. Им плевать, как и почему.

— Это их работа.

— Согласен. Но им все равно плевать. А тебе, будь ты на их месте?

— Наверное. — Взгляд его стал пустым. — У тебя есть версии?

— Для версий еще слишком рано. Все, чем мы располагаем на настоящий момент, — это факты.

— Факты?

— Во-первых, в Пентагоне не слишком-то доверяли твоей сестре.

— Ничего себе заявление!

— Она была под подозрением, Джейк. Стоило имени Сьюзан Марк засветиться в полиции, как трое федералов тут же сорвались с места.

— И так же быстро уехали.

Я согласно кивнул.

— Что означает лишь одно: подозрения были не слишком сильными. Возможно, их беспокоила какая-то мелочь. И единственное, зачем они прибыли, — это чтобы ее отбросить.

— Какая мелочь?

— Информация, — ответил я. — То единственное, чем располагает Управление человеческими ресурсами.

— Думаешь, они решили, что сестра передает информацию на сторону?

— Кто знает? Возможно, ее видели не в том кабинете, открывающей не тот шкаф. Возможно, они допускали, что это вышло случайно, и просто хотели убедиться, что все так и есть. А может, у них что-то пропало и они просто не знали, на кого думать, а потому наблюдали за всеми подряд.

— Что за информация? Копия какой-нибудь папки?

— Нет, что-то гораздо меньшее. Листочек бумаги, флешка. Что-то, что можно передать из рук в руки в вагоне метро.

— Сьюзан была патриоткой. Она никогда бы на это не пошла.

— Она ничего никому не передавала.

— Значит, у нас ничего нет.

— У нас есть твоя сестра за сотни миль от дома с заряженным револьвером.

- И чем-то очень напуганная, — добавил Джейк.
- Одетая в зимнюю парку в тридцатиградусную жару.
- И два имени. Джон Сэнсом и Лиля Хоц.

Джейк снова замолчал. Я потягивал кофе. Движение на Восьмой авеню заметно замедлилось. Наступал утренний час пик.

- Нам надо с чего-то начать, — сказал Джейк.

Я пожал плечами:

- Ты когда-нибудь общался с бывшими спецназовцами?
- С четырьмя или пятью, если считать моих знакомых в полиции.

— Значит, скорее всего, ни с кем. Большинство спецназовских баек — это чистой воды блеф. Добрая часть этих ребят никогда не поднимались выше пехоты. А некоторые вообще не служили в армии. Люди склонны приукрашивать свои биографии.

- Как моя сестра. К чему ты ведешь?

— У нас два случайных имени, начало предвыборного сезона и твоя сестра в Управлении человеческими ресурсами Сухопутных войск США.

- Думаешь, Джон Сэнсом лжет о своем прошлом?

— Возможно, что и нет. Но это крайне благодатная почва. А политика — дело грязное. И многим наверняка не терпится проверить факты его действительной биографии. Это наш национальный американский спорт.

- Так, может, Лиля Хоц — журналистка?

— Не исключено. Предположим, что Лиля Хоц решает надавить на какого-нибудь клерка-кадровика, чтобы с его помощью проверить послужной список Сэнсома. И выбирает твою сестру.

- Но чем? Чем она могла прижать Сьюзан?

— Да, — согласился я. — Это первая большая дыра в нашей версии.

Сьюзан Марк была в ужасе и отчаянии. Трудно представить, чтобы какая-то журналистка могла ее так запугать.

- Твоя сестра увлекалась политикой?

- При чем здесь это?

— Может, у нее была какая-нибудь личная неприязнь к Сэнсому. Поэтому она и согласилась сотрудничать.

- Тогда почему она была так напугана?

- Потому что нарушила закон, — ответил я.

- А зачем она взяла револьвер?

- Разве она обычно не носила его с собой?

— Никогда. Это семейная реликвия. Она хранила его в комод.

Револьвер был второй большой дырой в нашей версии. Револьверы достаются из комодов по самым разным причинам. Для защиты, для нападения. Но никогда — на всякий пожарный, когда тебе вдруг приспичило свалить куда-нибудь подальше от дома.

— Сьюзан не увлекалась политикой, — сказал Джейк. — Здесь не может быть никакой связи с Джоном Сэнсомом.

— Тогда почему всплыло его имя?

— Не знаю.

— Скорее всего, Сьюзан добралась в Нью-Йорк на машине, — продолжал я. — Самолет исключается, револьвер туда не проне-сешь. Должно быть, твоя сестра въехала через туннель Холланд и оставила машину где-нибудь на окраине.

Джейк молчал. Мой кофе остыл. Официантка давно махнула на нас рукой. Для нее наш столик был нерентабельным. Я попы-тался представить себе Сьюзан Марк двенадцать часов назад. Вот она готовится к трудной ночи. Одевается. Находит в комод

отцовский револьвер. Заряжает и кладет в сумку. Садится в ма-шину, выруливает на кольцевую, съезжает на шоссе 95, едет на север. Широко раскрытые, полные отчаяния глаза всверливают-ся в темноту за лобовым стеклом.

Память прорезал голос Терезы Ли. *Это вы подтолкнули ее к краю пропасти.* Джейк заметил, как передернулось мое лицо.

— Что?

— Допустим, на нее все же надавили, — продолжал я. — Чем-то очень и очень серьезным. Допустим, она отправилась в Нью-Йорк, чтобы передать информацию, которую от нее требовали. Допустим, это очень плохие люди. Сьюзан не доверяла им, боя-лась, что ее все равно не снимут с крючка. Она завязла и не знала, как выпутаться из этой истории. Ей было страшно. Поэтому она взяла с собой револьвер. Возможно, твоя сестра надеялась вы-рваться из ловушки силой, но особого оптимизма у нее не было.

— И?..

— Она не собиралась совершать самоубийство.

— А как же список? Ее поведение?

— Без разницы, — сказал я. — Сьюзан ехала туда, где ее преж-ней жизни должен был прийти конец — в буквальном или пере-носном смысле.

— Все равно это не объясняет, почему она была в зимней куртке.

«Вот тут ты ошибаешься», — подумал я. Куртка как раз иде-

ально вписывалась в сценарий. Все сходилось. Даже то, почему она оставила машину за городом и пересела в метро. Скорее всего, Сьюзан Марк собиралась явиться на встречу с кем бы то ни было неожиданно, откуда ее не ждали: вооруженная, во всем черном, готовая к схватке в ночи. Возможно, парка была единственной черной вещью во всем ее гардеробе.

Этим же объяснялось еще одно. Чувство безысходности. Возможно, бормотание было репетицией будущей мольбы, просьбы или угроз. Возможно, повторенные снова и снова, слова становились для нее все более убедительными.

Джейк вновь прервал ход своих рассуждений:

— Она не собиралась что-либо передать, поскольку у нее ничего с собой не было.

— А может, было? У нее в голове. Ты же сам сказал, что у нее отличная память.

Он попытался найти контраргументы. Но не смог.

— Секретные сведения, — тихо сказал он. — Я отказываюсь в это верить.

— На нее давили, Джейк.

— Да что вообще за секреты могут быть у кадровиков?

Я не ответил. Ибо действительно не знал, что сказать. В мое время УЧР называлось просто *PERSCOM*, Командование по делам личного состава, и ни о какой «интересной» информации там не могло быть и речи.

Джейк заерзал на стуле:

— И почему она вдруг решила покончить с собой прежде, чем добралась туда, куда собиралась?

— Твоя сестра совершила должностное преступление. И наверняка подозревала за собой слежку. Любой коп был для нее потенциальной угрозой. Любой человек в костюме мог оказаться федеральным агентом. И тут к ней подошел я.

— И?..

— Сьюзан не выдержала. Она решила, что я собираюсь ее арестовать. Игра окончена.

— Не понимаю. С чего ей вдруг считать, что ты собираешься арестовать ее?

— Прости, Джейк, но я сказал ей, что я коп.

— Зачем?

— Я думал, она террористка. Я пытался выиграть эти три секунды, пока она не успела нажать на кнопку.

— Что конкретно ты ей сказал?

Пришлось выложить ему всю правду.

Это вы подтолкнули ее к краю пропасти.

На следующие пару минут я стал объектом ненависти всех и вся. Джейкоб Марк сверлил меня взглядом за то, что я убил его сестру. Официантка злилась, потому что могла продать, как минимум, восемь завтраков за то время, что мы торчим здесь, заказав лишь три чашки кофе. Я вынул из кармана двадцатку и прижал блюдцем. Это решило проблему с официанткой. Проблема с Марком была намного сложнее. В конце концов он поднялся:

— Мне пора. У меня еще уйма дел. Надо как-то сообщить о случившемся семье.

— Семье?

— Молине, ее бывшему мужу. И их сыну, Питеру.

Я не верил своим ушам.

— У Сьюзан есть сын? И ты все это время молчал? Мы битый час пытаемся разобраться, чем они могли давить на твою сестру, а ты даже не соизволил заикнуться, что у Сьюзан есть ребенок?

— Питер давно уже не ребенок. Ему двадцать два. Он на последнем курсе. В Южной Калифорнии. Играет полузащитником в университетской футбольной команде. К тому же он был не так близок с матерью. После развода он остался с отцом.

— Позвони ему, — велел я.

— Сейчас в Калифорнии четыре часа утра.

— Не важно. — Я был непреклонен. — Звони.

Джейк послушно достал сотовый во второй раз за утро. После шестого гудка в выражении его лица проступили признаки беспокойства.

— Голосовая почта, — сообщил он.

— Дуй к себе на работу, — сказал я. — Прямо сейчас. Звони в Полицейское управление Лос-Анджелеса или прямо в охрану кампуса. Попроси их об одолжении. Пусть пошлют проверить, дома ли он.

— Да они меня засмеют! Эка невидаль, студент-старшекурсник не отвечает на звонок дяди в четыре часа утра.

— Просто позвони.

— Поехали вместе, — предложил Джейк.

Я покачал головой.

— Я остаюсь в городе. Хочу еще раз переговорить с теми типами из охранной конторы.

— Как же ты их найдешь?

— Не беспокойся, они выйдут на меня сами. Я ведь так и не ответил на их вопрос: передала ли мне что-то Сьюзан? Уверен, им захочется задать его еще раз.

ГЛАВА 3

МЫ условились встретиться через пять часов в том же кафе. Попрощавшись, я зашагал по Восьмой на юг — медленно, словно мне некуда особо идти, что было истинной правдой. От недосыпа я чувствовал себя выжатым как лимон, кофе лишь добавил нервного возбуждения. Мысли снова вернулись к Сьюзан. Два часа ночи было не только неподходящим временем для теракта в метро, но и довольно странным выбором для randevu и передачи секретных данных. Я решил кое-что проверить. Подойдя к газетной стойке у гастронома, я стал листать свежую прессу. То, что я почти ожидал увидеть, пряталось в середине утренней «Дейли ньюс». Накануне вечером автострада Нью-Джерси была перекрыта для движения в северном направлении на четыре часа. Авария с бензовозом.

Я представил себе Сьюзан Марк в дорожном капкане между двумя съездами с автострады. Пробка на четыре часа. Неправдоподобность происходящего. Нарастающее напряжение. Назначенный срок — все ближе. Назначенный срок — прошел. Угрозы и наказание. *Это вы подтолкнули ее к краю пропасти.* Может, оно и так, Ли, но ее и подталкивать-то особо не требовалось.

Я побрел дальше. Парень в разорванном пиджаке наверняка поехал переодеться, но остальные трое явно где-то неподалеку. Следующий шаг — за ними.

Они появились в квартале к югу от Мэдисон-сквер-гарден. Из-за строительных работ пешеходов направляли по огороженному проходу. Я успел пройти лишь пару шагов, когда один из моих новых приятелей возник с противоположного конца спереди, второй подпер сзади, а старший оказался рядом со мной.

— Мы готовы забыть инцидент с костюмом, — сказал старший. — Но при одном условии. Нам нужно знать, есть ли у вас то, что принадлежит нам.

— Вам?

— Нашему заказчику.

— Парни, вы вообще кто?

— Я давал вам нашу визитку.

— Для телефонного номера из семи цифр существует более трех миллионов комбинаций. Однако вы не гадали. Вы выбрали именно тот, что, как вам известно, не подключен к сети. А это ох как непросто! Отсюда вывод: у вас есть доступ к списку номеров, которые никогда не работают. Телефонные компании всегда резервируют несколько — на случай, если номер вдруг мелькнет где-нибудь в кино или на ТВ. Следовательно, вы знаете людей из числа киношников или с телестудии. Вероятно, вы подвизаетесь охранниками — сторожите тротуары, когда в городе идет какое-нибудь шоу. И максимум, что вам доверяют, — это отгонять от звезд охотников за автографами. Уверен, вы мечтали о чем-то большем, когда создавали свою контору.

Старший остался невозмутим:

— Могу я угостить вас кофе?

Я был сыт по горло сидением на разных стульях, а потому согласился на кофе лишь где-нибудь по пути. Мы остановились у ближайшего «Старбакса». Я взял большой стакан фирменного черного.

Мы двинулись дальше вниз по Восьмой. Но маневрировать в толпе вчетвером, да еще с кофе, было как-то неловко, и мы свернули на поперечную улицу. Я встал спиной к ограждению, трое моих попутчиков выстроились передо мной.

— Вы нас серьезно недооцениваете, — начал старший.

— Возможно, — ответил я.

— Вы ведь бывший военный, так?

— Сухопутные войска.

— Это видно.

— По вам тоже. Спецназ?

— Нет. Так высоко мы не прыгнули.

Я улыбнулся. Честный парень.

Он продолжал:

— Нас наняли для проведения местного этапа одной временной операции. У погибшей было нечто, имеющее определенную ценность. Наша задача — вернуть это.

— Что значит «нечто»? И какую «определенную» ценность?

— Информация.

— Тут я вам не помощник.

— Наш заказчик решил, что это должен быть файл — на компьютерном чипе, что-нибудь вроде флешки. Мы ответили, нет, такое слишком сложно вынести из Пентагона. Мы сказали, что, скорее всего, это будет устная информация. Прочитанная и выученная наизусть.

Я не ответил. Мысли вновь вернулись к Сьюзан Марк, в поезде. Ее шевелящиеся губы. Возможно, это не были мольбы о пощаде. Возможно, она просто проговаривала детали, которые должна была передать кому-то при встрече.

Старший прервал мои размышления:

— Мы знаем, женщина что-то говорила вам в поезде.

— Да, — подтвердил я.

— То есть можно предположить, что вам известно то, что было известно ей.

— Все может быть.

— Следовательно, у вас проблема. Данные на чипе — ерунда, раз плюнуть. А вот информацию из головы надо каким-то образом извлекать.

Я промолчал.

— Если мы вернемся ни с чем — да, нам не заплатят. Но уже утром в понедельник мы снова будем работать, просто на другого клиента. Вы же останетесь без защиты. Наш заказчик привез с собой целую команду. Пока их держат на поводке — здесь они будут слишком бросаться в глаза. Но если мы уйдем, поводок отпустят. Поверьте моему слову, с этими людьми лучше не разговаривать.

— Я вообще ни с кем не хочу разговаривать. Ни с ними, ни с вами. Не люблю разговоры.

— Нам не до шуток.

— Вот тут вы правы. Погибла женщина. Она работала в Пентагоне. Это дело национальной безопасности. Вам следует пойти в полицию и все рассказать.

Старший покачал головой:

— Я лучше сяду в тюрьму, но этих людей не выдам.

Я осушил бумажный стакан, бросил в урну для мусора.

— Хотите совет? — сказал я. — Позвоните своему заказчику. Скажите, что информация той женщины была на флешке и флешка в данный момент находится у меня в кармане. А затем откажи-

тесь от гонорара, возвращайтесь домой, и не дай вам бог еще раз попасться мне на глаза.

Я перешел улицу и зашагал обратно к Восьмой. Старший громко окликнул меня. По имени. Повернувшись, я увидел в его вытянутой руке сотовый телефон. Он целился им прямо в меня. Затем рука опустилась, и вся троица исчезла из виду, прежде чем я сообразил, что меня только что сфотографировали.

Магазины «Радио Шэк» открывались рано. Я зашел в первый попавшийся, и ко мне тут же подскочил продавец. Я спросил о сотовых телефонах с камерами. Объяснив, что хочу посмотреть, насколько четко выходят снимки. Он наугад взял трубку с витрины, я отошел вглубь магазина, и он щелкнул меня от прилавка. Изображение получилось мелким. Черты лица — размытыми и нечеткими. Но мои габариты, формы, осанка — все это запечатлелось довольно сносно. Достаточно, чтобы стать проблемой. Вообще лицо у меня ординарное. Из тех, что забывают уже через пять секунд. И узнают меня, как мне кажется, по большей части по силуэту — его-то ординарным точно не назовешь.

Я сказал продавцу, что телефон покупать не буду. Зато купил флешку. Устройство *USB* для цифровых данных. С самой маленькой емкостью и по самой низкой цене. Витринный реквизит. Флешка шла в комплекте с прямоугольным неопреновым чехольчиком, голубым или розовым на выбор. Я выбрал розовый — он больше соответствовал женской вещи. И поблагодарил парня за помощь.

Выйдя из магазина, я прошел два с половиной квартала на восток по 28-й. На Бродвее я спустился в метро и прокатал в турникете свой проездной. После чего сел на деревянную скамью и стал считать поезда. Отчасти, чтобы убить время, пока откроются магазины, — и чтобы убедиться, что за мной нет хвоста.

После девятого я понял, что сидеть больше не могу. Я встал и занялся изучением постеров на стене. Один из них оказался предупреждением, воспевающим нечто под названием «метросерфинг». Текст сопровождался картинкой парня, распластавшегося морской звездой снаружи вагонной двери. Раньше парк нью-йоркской подземки комплектовали вагонами с оградительными планками на уровне пола, своего рода мостиком между платформой и дверью, и узким водостоком над ней, чтобы капающая вода не попала внутрь. Помнится, мой сумасшедший попутчик гово-

рил, что у более новых R-142A отсутствует и то и другое. Но если вагон был из предыдущей серии, можно выждать на платформе, пока закроются двери, а затем, втиснув пальцы ног на оградительную планку и уцепившись за выступ водостока, прижаться к двери снаружи и пронестись по туннелю с ветерком до следующей остановки. Метросерфинг.

Я вернулся обратно к путям и сел в поезд, прибывший десятым по счету. Вагон оказался старой модели. С планками и водостоками. Но поехал я все же внутри — две остановки до «Юнион-сквер».

Из метро я вышел на северо-восточном углу площади и направился к большому книжному магазину, находившемуся, насколько мне помнилось, на 17-й улице. В преддверии избирательной кампании политики-кандидаты, как правило, публикуют книги с собственными биографиями, а новостные журналы стремятся дать максимально полный обзор. Кто-то скажет, что проще зайти в интернет-кафе, но а) я не в ладах с современной техникой и б) интернет-кафе в наши дни — явление гораздо более редкое, чем еще пару лет назад. Нынче все подряд пользуются маленькими электронными штучками с названиями в честь каких-нибудь фруктов или деревьев. А интернет-кафе повторяют судьбу телефонных будок, принявших смерть от новых беспроводных изобретений.

На первом этаже книжного стояли столы с новинками. То, что я искал, нашлось на втором из них. Труд Джона Сэнсома носил гордый заголовок «Всегда в строю». Я взял верхнюю книгу в стопке, встал на эскалатор и поднялся на четвертый этаж, в секцию журналов. Прихватив по экземпляру каждого из имевшихся там еженедельников, я переместился к стеллажам с литературой по военной истории. Перво-наперво я удостоверился, что Управление человеческими ресурсами не занимается ничем, чем не занималось бы до него Командование по делам личного состава. Бумаги, личные дела, архивы — все как всегда.

Затем я присел на подоконник и стал читать то, что принес.

Все еженедельники имели раздел, посвященный предвыборной гонке. Сенат и палата представителей получили по несколько строк на каждого кандидата. До выборов оставалось еще четырнадцать месяцев, но, судя по опросам, дела у Сэнсома шли очень даже неплохо. На его избирательный счет поступало все больше средств, его грубоватую прямооту называли «свежей струей», а его военное прошлое, по мнению прессы, делало кандида-

туру Сэнсома подходящей практически для всего. Было видно, что большинству журналистов нравится этот парень. Ему прочили большое будущее.

Обложка книги состояла из имени автора, названия и двух фотографий. Более крупная представляла собой довольно зернистый снимок, увеличенный, чтобы служить фоном. Молодой человек в потертой пятнистой форме, с раскрашенным камуфляжем лицом. Поверх был размещен второй снимок, более свежий и более компактный, изображавший того же самого человека, но уже в строгом деловом костюме. Сэнсом — тогда и теперь.

Судя по второй фотографии, Сэнсом был невысокий и сухощавый, где-то пять футов девять дюймов и сто пятьдесят фунтов. И разумеется, жилистый и выносливый, как все лучшие бойцы спецназа.

Клапан обложки сообщал полное имя и воинское звание автора: майор Джон Т. Сэнсом, Сухопутные войска США, в отставке. Ниже приводился список его наград: крест «За выдающиеся заслуги», медаль «За выдающиеся заслуги» и две «Серебряные звезды». Далее говорилось, что автор на протяжении ряда лет успешно руководил компанией «Сэнсом консалтинг».

Я бегло пролистал книгу. Она делилась на пять основных частей: юные годы автора, его служба в армии, последующая женитьба и семейная жизнь, работа в бизнесе и политические взгляды на будущее. Описание юных лет представляло собой традиционную бодрягу в стиле всех автобиографий. Вечная нехватка денег, выбивающаяся из сил мать, отец, горбатящийся на двух работах, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Почти наверняка все сильно преувеличено.

Я перескочил вперед — туда, где автор встречает будущую супругу. Она — чудо, их дети — золото. Из части про бизнес я понял мало. По сути, в «Сэнсом консалтинг» давали советы, а затем вливались в корпорации, которые они же и консультировали, и через какое-то время избавлялись от своих акций, зарабатывая на этом солидный капитал. Сам Сэнсом, по его словам, сколотил целое состояние. Кто знает, что он имел в виду? Лично я чувствую себя почти счастливым с парой сотен баксов в кармане. Подзреваю, что Сэнсом срубил несколько больше, но сколько конкретно — он не уточнял.

Я мельком взглянул на часть про политические взгляды на будущее. Если коротко, они сводились к тому, чтобы дать своим из-

бирателям все, что те пожелают. Но в целом Сэнсом производил впечатление вполне достойного человека.

В середине книги было несколько фотографий. Все, кроме одной, — моменты жизни Джона Т. Сэнсома.

Но та единственная, что отличалась от остальных, выглядела, как минимум, странной.

На снимке был Дональд Рамсфелд во время его визита в Багдад в 1983 году. Улыбающийся политик дружески жмет руку иракскому диктатору Саддаму Хусейну. Дональд Рамсфелд дважды занимал пост министра обороны, но в дни, когда было сделано фото, являлся спецпредставителем президента Рональда Рейгана. И в Ирак он ездил, чтобы расцеловать Саддамову задницу и вручить пару шпор из чистого золота как знак вечной признательности народа Америки. Под фотографией Сэнсом подписал: «Иногда наши друзья становятся нашими врагами, но порой бывает наоборот».

Я вернулся к его военной карьере. Эта область была мне гораздо ближе. В армию Джон Сэнсом пришел в 1975-м, а уволился в запас в 1992-м. Семнадцать лет в армии, на четыре года дольше, чем у меня. Хорошее время, в сущности. Похоже, служба Сэнсому нравилась. Период начальной подготовки он описывал точно, школу кандидатов на офицерский чин — хорошо, приводил курьезы из первых лет службы в пехоте. И открыто признавался в своих амбициях. Не упуская случая, он постоянно повышал профессиональное мастерство и перевелся сначала в рейнджеры, а затем в только что сформированный 1-й оперативный отряд специального назначения — знаменитое подразделение «Дельта». Как обычно, автор сгущал краски, описывая тренировки спецназа с их изнурительными проверками на выдержку и выносливость. Как обычно, он не критиковал их односторонность. В «Дельте» пруд пруди тех, кто может неделю обходиться без сна, пройти сотню миль по джунглям и на лету отстрелить яйцо у мухи цеце, но лишь единицы способны на все вышеперечисленное и при этом могут назвать разницу между шиитом и шиитаке.

Но, в общем, я пришел к выводу, что Сэнсом пишет довольно честно. Сказать по правде, почти все миссии «Дельты» отменялись, так и не успев начаться, а большинство тех, что начинались, заканчивались провалом. Сэнсом прямо говорил о сладком вкусе побед и не скрывал горечи поражений.

Дальше шла обычная спецназовская рутина: Западная Африка, Панама, охота за «Скадами» в 1991-м, во время «Бури в пустыне».

Пожалуй, это были первые неприукрашенные мемуары о службе в войсках специального назначения, что мне довелось читать. Скажу даже больше. Сэнсом был скромен.

А вот это было уже интересно.

Возвращаясь обратно в кафе, я предпринял максимум мер предосторожности. *Наш заказчик привез с собой целую команду.* И сейчас все они уже примерно знали, как я выгляжу. Парень из «Радио Шэк» объяснил, как можно переслать фото с одного мобильного на другой. Я же понятия не имел, как выглядят мои противники. Но никто пока не проявил интереса к моей персоне. Правда, это было сделать не так-то просто. На метро я доехал до вокзала Грэнд-Сентрал, где пересел на автобус до Таймс-сквер, после чего сделал абсолютно нелогичный крюк до Девятой авеню и подошел к кафе с запада, пройдя мимо 14-го участка.

Джейкоб Марк был уже там. Он сидел в самой глубине зала, умытый и причесанный. Я занял место напротив.

— Ты говорил с Питером? — с ходу спросил я.

Он отрицательно покачал головой:

— Но я уверен, с ним все в порядке.

Подошла официантка. Та же, что работала утром. Я был слишком голоден, чтобы соблюдать политесы, и заказал большую тарелку салата с тунцом. Плюс кофе. Джейк попросил горячий бутерброд с сыром и стакан воды.

— Рассказывай, — сказал я.

— Ребята из охраны кампуса помогли. Питер у них там звезда футбола. Дома его не оказалось. Пришлось разбудить приятелей. Судя по всему, он сейчас где-то с девушкой.

— Что за девушка?

— Четыре дня назад Питер с друзьями гуляли в баре. Девушка была там. Питер с ней и ушел.

— Кто подцепил кого?

— Вот тут я как раз спокоен. Инициатором был он. Так что это не новая Мата Хари.

— Внешность?

— Отпад. Это по словам старшекурсников, а они-то знают, что говорят. Немного постарше Питера, может, лет двадцать пять. Если ты старшекурсник, такой случай упускать нельзя.

— Имя?

— Парни держались на расстоянии. Этикет, знаете ли.

— Это их обычное место?

— Бар прямо рядом с кампусом.

— Шлюха? Подсадная утка?

— Исключено. Парни бы отличили.

— Ну да.

Джейк видел, что я что-то недоговариваю.

— В чем дело?

— Сьюзан провела четыре часа в пробке. Интересно, куда же она опоздала, что это заставило ее свести счеты с жизнью?

Подошла официантка с нашим заказом.

— Тебя нашли те парни из частной конторы? — поинтересовался Джейк.

Я кивнул и рассказал ему всю историю, не переставая работать вилкой.

— Они знали твоё имя? — Джейк явно встревожился. — Это плохо.

— Не идеально. Плюс они знали, что я разговаривал с твоей сестрой в поезде.

— Ты говоришь, они сфотографировали тебя? Это тоже плохо.

— Не идеально, — повторил я.

— А та, другая команда, про которую они говорили? Эти не проявлялись?

Я выглянул в окно.

— Пока нет.

— Еще что-нибудь?

— Джон Сэнсом не приукрашивает свою карьеру.

— Значит, тупик?

— Не совсем. Он был майором. То есть одно звание очередное плюс два внеочередных, за особые заслуги. Я сам был майором. И знаю, как это делается. У Сэнсома имеются три из четырех наиболее почетных наград, которые он только мог заслужить, причем одна из них — дважды. Значит, он совершил нечто экстраординарное. На самом деле, даже четыре раза.

— Все получают медали.

— Но не такие. У меня у самого «Серебряная звезда». И еще «Пурпурное сердце», которого у Сэнсома, судя по всему, нет. Ни один политик не забыл бы о боевом ранении. Но заслужить медаль за отвагу и при этом остаться целым и невредимым — случай почти уникальный. Как правило, одно неотделимо от другого.

— И?..

— Я думаю, Сэнсом не приукрашивает свою жизнь. Наоборот, он что-то замалчивает.

— Почему ты так решил?

— Потому что этот парень участвовал, как минимум, в четырех тайных операциях, но до сих пор не имеет права рассказывать ни об одной из них. Что означает лишь одно: все эти операции были сверхсекретными.

— То есть от Съюзан могли потребовать раскопать подробности?

Я покачал головой:

— Это невозможно. Все оперативные журналы, приказы и рапорты после боевых миссий «Дельты» подлежат уничтожению либо хранятся шестьдесят лет в сейфах Форт-Брэгга.

— И что это нам дает?

— Это исключает из наших версий военную карьеру Сэнсома. Если Сэнсом и замешан, то в каком-нибудь ином качестве.

— В каком качестве?

Я положил вилку на стол и одним глотком осушил чашку.

— Я предпочел бы сменить обстановку. На месте той, другой команды я первым делом искал бы нас именно здесь.

Я оставил на столе чаевые и направился к выходу. На сей раз официантка была довольна. Мы обернулись в рекордно короткий срок.

Манхэттен — лучшее и в то же время худшее место в мире для ухода от наружного наблюдения. Лучшее — потому что кишит людьми. Худшее — потому что кишит людьми и тебе приходится проверять всех и каждого, а это утомляет, мешает, изнуряет и в конце концов сводит тебя с ума или притупляет бдительность. А потому мы вернулись обратно на 35-ю и прогуливались вверх-вниз по улице перед припаркованными в ряд полицейскими машинами. В нашей ситуации это, пожалуй, был самый безопасный отрезок тротуара в городе.

Джейк повторил свой вопрос:

— В каком качестве?

— Помнишь, мы говорили о самоубийствах, которые ты видел в Джерси? Какие причины ты тогда назвал?

— Финансы и секс.

— При том, что капитал Сэнсом сколотил, уже выйдя в отставку.

- Ты думаешь, у него был роман со Сьюзан?
- Кто знает.
- Это исключено. Он семейный человек. Сьюзан не из таких.
- Возможно, у Сэнсома была связь с кем-то еще, давно, в армии.

— Тогда он не был женат.

— Но были правила. Может, он переспал с кем-то из подчиненных? В политике такое резонирует, особенно в наши дни.

— То есть ты полагаешь, что вокруг Сэнсома пошли слухи и Сьюзан должна была их подтвердить?

— Она не смогла бы подтвердить поведение. Такие данные попадают в файлы совсем иного рода. Но она вполне могла, скажем, проверить, что персона А и персона Б служили вместе в один и тот же период времени. Уж в чем в чем, а в таких делах кадровики — профи.

— Так, может, эта Лиля Хоц служила вместе с Сэнсомом? Может, кто-то пытается связать два имени, готовя большой скандал?

— Не знаю, — ответил я. — Звучит логично. Но что у нас с другой стороны? Крутой мужик из частной детективной конторы, который как огня боится полиции, серьезные угрозы в мой адрес и эта история про шайку варваров, готовых сорваться с цепи. Политика — штука, конечно, грязная, но не до такой же степени.

Джейк молчал.

— И мы до сих пор не знаем, где Питер, — добавил я.

— Не волнуйся о Питере. Он блокирующий полузащитник. Поверь, эти триста фунтов мышц способны за себя постоять.

— Надеюсь, — ответил я. — Что собираешься делать дальше?

Джейк пожал плечами и просто продолжал ходить по тротуару взад-вперед — человек под гнетом своих эмоций. В конце концов он встал, прислонившись к стене, прямо напротив входа в 14-й участок. Задумчивый взгляд прошелся по стоявшим автомобилям. Я увидел машину, которой пользовалась Тереза Ли. Один из «фордов» в том же ряду был явно новее остальных. Более блестящий. Черный, с двумя короткими и тонкими, как иглы, антеннами на крышке багажника. Федералы, сразу подумал я.

Джейк вышел из оцепенения.

— Сообщи ее семье. Затем — похороны, и будем жить дальше. Возможно, причина есть. Но лучше о ней не знать. Ни к чему хорошему это не приведет. Будет лишь больше. Всем.

— Тебе решать, — ответил я.

Он молча кивнул. Мы пожали друг другу руки. Интересно, думал я, глядя на его удаляющуюся фигуру, когда мы встретимся снова? И сам же ответил на свой вопрос: дня через три, максимум неделю. Но я ошибся.

Я все еще стоял там же, напротив входа в 14-й участок, когда дверь открылась и из здания вышла Тереза Ли в сопровождении двоих мужчин в синих костюмах. Детектив выглядела усталой. Увидев меня, она тут же хлопнула по плечу одного из сопровождающих и что-то сказала, указывая пальцем в мою сторону.

Парни в костюмах резко рванули через поток, чудом увертываясь от машин и беря меня в клещи — слева и справа одновременно. Наверняка «краун-вик» с антеннами принадлежал им. Левая сторона пиджаков бугрилась больше, чем правая. Агенты-правши с наплечными кобурами. На вид около сорока. В самом расцвете сил.

ФБР, решил я. Удостоверений парни не предъявили. Видимо догадавшись, что я и так понял, кто они.

— Нам нужно поговорить, — сказал тот, что слева.

— Знаю, — ответил я.

— Откуда?

— Иначе вы бы не скакали через дорогу, как зайцы.

— И знаете о чем?

— Понятия не имею. Разве что вы хотите предложить мне бесплатную консультацию вследствие понесенной душевной травмы.

Рот фэбээровца чуть скривился в ухмылке.

— Ладно, вот вам совет. Вы отвечаете на наши вопросы, а затем навсегда забываете, что ехали в том поезде.

— В каком поезде?

Парень уже было открыл рот для ответа, но запнулся, слишком поздно сообразив, что я играю в его игру.

— Какой у вас номер телефона?

— У меня его нет.

— Даже сотового?

— Тем более сотового, — ответил я. — Я тот самый человек.

— Какой «тот самый»?

— Единственный в мире, у кого нет мобильного телефона.

Фэбээровец замолчал. Тереза Ли все еще стояла на тротуаре, греясь на солнце. В беседу вступил второй федерал:

— Это было рядовое самоубийство. Неприятно, но ничего особенного. Вам ясно?

— Мы закончили? — сказал я.

— Она вам что-нибудь передавала?

— Нет.

— Ваши планы?

— Уехать из города.

— Куда?

— Как можно дальше.

Парень кивнул:

— О'кей, мы закончили. А теперь — проваливайте.

Но я остался там, где стоял. Федералы сели в свой «форд», хлопнули дверцы и, дождавшись бреши в потоке, вырулили с парковки и скрылись из виду.

Тереза Ли все еще была на тротуаре. Я перешел улицу и поднялся на бордюр рядом с ней.

— Что это было? — спросил я.

— Они обнаружили машину Сьюзан Марк. Она оставила ее в Сохо. Ее доставили на эвакуаторе утром.

— И? Что они там нашли?

— Ключок бумаги с тем, что они считают номером телефона. С кодом 600 — по их словам, это канадский оператор мобильной связи, — пятизначным номером и литерой *D*.

Я пожал плечами:

— Мне это ни о чем не говорит.

— Мне тоже. Только я думаю, это не телефонный номер.

— А что?

Ли вынула из заднего кармана блокнот. Открыв, она показала мне страницу с записью 600-82219*D* аккуратным почерком. Ее почерком, догадался я.

— Скорее, это какой-то код или серийный номер, — сказала она. — Или номер дела.

— Возможно, бумажка тут вообще ни при чем. Просто автомобильный мусор. Кстати, а багаж там был?

— Нет. Ничего, кроме обычного хлама, который скапливается в любой машине.

— Значит, поездка планировалась короткой. Туда и обратно.

Ли не ответила. Она зевнула и продолжала молчать. Было видно, что она устала.

— Вы закрываете дело?

- Оно уже закрыто.
- То есть вас все устраивает?
- А почему нет?

— Статистика, — ответил я. — Во-первых, восемьдесят процентов самоубийц — мужчины. Во-вторых, место, которое она выбрала. Вас это не смущает?

— Но она сделала это. Сама. Вы же видели.

Ее взгляд скользнул по улице. Ли явно хотелось уйти, но она была человеком воспитанным.

— Что ж, — сказал я, — было приятно с вами познакомиться.

— Вы уезжаете?

Я кивнул:

— Да. В Вашингтон.

На поезд я сел на Пенсильванском вокзале. В Вашингтоне было так же жарко, как и в Нью-Йорке, и еще более влажно. Троюгуары усеяли группки туристов. Конечный пункт моего маршрута нельзя было спутать ни с чем, и он был прямо передо мной. Капитолий, здание конгресса США. За ним, через Индепенденс-авеню, располагались офисы нижней палаты. Когда-то я получил рудиментарное представление о принятых в конгрессе порядках. А потому знал, что политиканы постарше стремятся осесть в здании Рейберн. Молодым же конгрессменам, вроде Сэнсома, достаются офисы в здании Кэннон. Престижно, да, но не первый класс.

Здание Кэннон стоит на пересечении Индепенденс и Первой. С массой всякой разной охраны. Я спросил парня в форме, на месте ли мистер Сэнсом из Северной Каролины. Сверившись со списком, охранник сказал, что да, конгрессмен сейчас у себя. Я спросил, могу ли я передать ему в офис записку. Парень ответил, что да. И тут же любезно снабдил меня карандашом, листком бумаги с логотипом конгресса и почтовым конвертом. Я адресовал конверт «Джону Т. Сэнсому, майору в отставке, Сухопутные войска США» и добавил дату и время. На листке я написал: «Сегодня рано утром я видел, как умерла женщина с Вашим именем на устах». Неправда, но близко к тому. «Лестница перед библиотекой, ровно через час», — добавил я ниже. И подписался: «Джек (без второго имени) Ричер, майор в отставке, Сухопутные войска США». Запечатав конверт, я вручил его охраннику и отправился ждать на улицу.

Шестидесятиминутный срок подошел и истек. Через десять минут после того, как назначенное время вышло, я увидел абсолютно не подходившую друг другу пару: мужчина с женщиной вылезли из дорогого «линкольна» и огляделись по сторонам. В женщине я узнал жену Сэнсома — по фотографии из книги. Дорогая прическа, ухоженное тело, ровный загар. Ее спутник выглядел как типичный ветеран «Дельты» в гражданском костюме. Он был невысокого роста, но крепкий и жилистый. Физически тот же тип, что и сам Сэнсом.

Оба застыли на месте, всматриваясь в людей вокруг. Я приветственно поднял руку. Но не встал. Сидящий человек не кажется таким опасным. Что более способствует разговору.

Они остановились на две ступеньки ниже и представились: миссис Сэнсом — как Элспет, а ее спутник — как Браунинг, добавив, что слово пишется как автоматическая винтовка: видимо, это должно было придать беседе угрожающий дух. В книге конгрессмена о нем не было ни слова. Мужчина кратко изложил свою родословную, начиная с военной карьеры бок о бок с Сэнсомом и заканчивая постом начальника службы безопасности, пока босс руководил «Сэнсом консалтинг» и теперь, когда тот в конгрессе. За всей этой презентацией так и чувствовалась непоколебимая верность. Жена и преданный до мозга костей слуга.

— Мы победили уже не на одних выборах и победим еще, — твердо сказала миссис Сэнсом. — Многие пытались помешать нам, но у них ничего не вышло. Как не выйдет и у вас.

— Я никому не пытаюсь помешать, — ответил я. — И мне плевать, кто победит на выборах. Погибла женщина, и я хочу знать причину.

— Какая женщина?

— Клерк из Пентагона. Она выстрелила себе в голову вчера ночью в поезде метро в Нью-Йорке.

Элспет Сэнсом перевела взгляд на Браунинга. Тот утвердительно кивнул:

— Я читал об этом в Сети. На сайтах «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

Элспет Сэнсом вновь посмотрела на меня:

— И какова ваша роль в этом деле?

— Свидетель.

— Она что, действительно упоминала имя моего мужа?

— Именно это я и хочу обсудить с ним лично. Или с «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

— Это угроза? — вмешался Браунинг.

— Считайте, что да, — спокойно ответил я. — И как вы теперь поступите?

— Запомните, — ответил Браунинг, — мягкий человек никогда не добьется в жизни того, чего добился Джон Сэнсом. Я тоже не мягкий. Как и миссис Сэнсом.

— Вот и славно. Наконец-то мы выяснили, что никто из нас не мягкий человек. Более того, мы все тут твердые, как гранит. Будем считать обмен любезностями на этом законченным. Итак, когда я могу встретиться с вашим боссом?

Элспет ответила за Браунинга:

— Сегодня в семь вечера.

Она назвала ресторан на Дюпон-сёркл.

— Мой муж уделит вам пять минут, — сказала она. И добавила: — Только переоденьтесь. В этом вас не пропустят.

Они вернулись обратно к «линкольну» и тут же уехали. Мне надо было убить три часа. Для начала я зашел в магазин и купил синие брюки и синюю же клетчатую рубашку. После чего отправился в отель, который заметил по пути в двух кварталах к югу на 18-й улице. Отель был большим и довольно роскошным, но как раз такие роскошные и большие места — самый лучший выбор для тех, кто не прочь слегка сэкономить. Я сел в лифт и нажал кнопку наугад. Выйдя в коридор, я шел, пока не набрел на горничную, убиравшую пустой номер. Был уже пятый час. Время заселения — два. Следовательно, в эту ночь номер останется пустым. Горничная с радостью приняла от меня тридцатку и покатила тележку к следующему номеру в списке, чтобы вернуться сюда позднее.

На вешалке в ванной нашлось два чистых полотенца, а рядом с раковиной — нераспакованный брусок мыла и бутылочка шампуня, пусть и наполовину пустая. Я почистил зубы и принял душ. Вытершись насухо, я надел новую рубашку, брюки, переложил содержимое карманов и оставил старую одежду на полу в ванной. На все это у меня ушло ровно двадцать восемь минут.

Добравшись пешком до Дюпон-сёркл, я внимательно изучил ресторан с улицы. Афганская кухня, столики во дворе снаружи и внутри, за деревянной дверью. Покончив с разведкой, я прошел на запад по Пи-стрит к парку Рок-Крик и спустился к воде. Я присел на широкий и плоский валун, выкинул все мысли из головы

и просто слушал, как журчит под ногами поток. Когда мои внутренние часы показали без пяти семь, я встал и направился к ресторану.

Дворик украшали бумажные фонарики. Большинство столов было уже занято. Но не Сэнсомом и командой. Я предположил, что они внутри, за деревянной дверью.

Небрежно бросив на ходу: «Я с конгрессменом», я прошел мимо стойки официантки, толкнул дверь и оглядел зал.

Сэнсома там не было. Никаких следов: ни его, ни его жены, ни Браунинга, ни членов предвыборного штаба.

Я вышел обратно во двор. Женщина за стойкой смотрела на меня с недоумением:

— Кого вы ищете?

— Джона Сэнсома.

— Его здесь нет.

— Я уже понял.

— Четырнадцатый округ, Северная Каролина? Он уехал из города, — сказал молодой человек за столиком прямо у меня под локтем. — У него благотворительный завтрак в Гринсборо. Сбор средств на избирательную кампанию. Банкиры и страховщики. Я слышал, как он говорил об этом моему человеку.

Последнее предложение было адресовано не мне, а девушке за тем же столом. А может, и вся речь. «Моему человеку». Парнишка явно воображал себя чертовски важной персоной.

Я вернулся на тротуар и, постояв секунду, отправился в Гринсборо, штат Северная Каролина.

Всю дорогу я спал. Автобус прибыл в Гринсборо около четырех утра. От вокзала я шел пешком, пока не набрел на подходящую закусочную. Мне нужен был телефонный справочник и бесплатные местные газеты. Заведение, на котором я остановил свой выбор, как раз только открывалось. Паренек на кухне смазывал гриль маслом. Кофеварка выдавала кофе каплюющей струйкой. Я прихватил «Желтые страницы», сел за стол и стал просматривать раздел «Г» — «Гостиницы».

Я полагал, что завтрак такого уровня должен проходить в подобном месте. В «Шератоне» или, скажем, «Хайатте». В Гринсборо было и то и другое. Тогда я принялся листать местную прессу в поисках подтверждения.

Заметка о предстоящем завтраке обнаружилась уже на второй странице. Насчет гостиницы я ошибся. Не «Хайатт» и не «Шератон». Как выяснилось, для Сэнсома был забронирован отель «О. Генри», названный, очевидно, в честь знаменитого писателя, который был родом из этих мест. Ниже шел адрес. Прием был назначен на семь утра. Парень за стойкой молча принес кружку кофе. Я отхлебнул. Что может быть лучше свежесваренного напитка в первую минуту его ароматной жизни! Я сделал еще глоток и заказал самое большое комбо из тех, что были в меню.

К «О. Генри» я отправился на такси. Мне хотелось прибыть с шиком. В отель я вошел в четверть седьмого. Вестибюль был роскошным, повсюду — дорогие, обитые кожей кресла. Я прошествовал к стойке регистрации, стараясь держаться франтом, насколько можно держаться франтом в мятой рубашке в клетку за девятнадцать долларов. Молодая администраторша вопросительно подняла глаза.

— Я на завтрак к Сэнсому.

Женщина не ответила. Было видно, что она не знает, как реагировать, словно я выбил ее из колеи слишком большим количеством информации.

— Мне должны были оставить приглашение, — добавил я.

— Кто?

— Элспет. Я хотел сказать, миссис Сэнсом. Или их человек.

— Мистер Спрингфилд?

Я улыбнулся про себя. «Спрингфилд» — название производителя винтовок со скользящим затвором. Так же как и «Браунинг». Я гляжу, парень любит поиграть в слова.

— Вы уже видели их сегодня? — поинтересовался я. Сэнсом, скорее всего, провел ночь в отеле. Но я не был уверен.

— Они все еще наверху, насколько мне известно, — ответила администратор.

Я выждал, пока она вернется обратно к экрану компьютера, а затем скользнул к лифтам и нажал кнопку «вверх».

По моим прикидкам, Сэнсом должен был остановиться в люксе, а все люксы находятся на верхнем этаже, поэтому я нажал кнопку с самой большой из предложенных лифтом цифр. Выйдя в убранный коврами коридор, я сразу наткнулся на полицейского — тот стоял у двустворчатой двери из красного дерева. Символический пост. Я кивнул стражу порядка и со словами: «Джек Ричер к мистеру Сэнсому» — постучал в дверь. Постовой не шевельнулся.

Двери люкса открылись. В проеме стояла супруга конгрессмена: одетая, причесанная, покрашенная, готовая к выходу в свет.

— Здравствуйте, Элспет, — приветливо сказал я. — Я войду?

В глазах миссис Сэнсом отразился весь мозговой процесс настоящей жены политика. Первая реакция: вышвырнуть наглеца вон. Но в коридоре — коп, да и пресса наверняка уже собралась. Плюс местный народец — этих хлебом не корми, дай только языком почесать. Поэтому она лишь сглотнула и со словами: «Майор Ричер, как мило, что вы зашли» — отступила вглубь номера, давая мне возможность пройти.

Люкс был огромным. Просторная гостиная с баром и открытая дверь, ведущая, видимо, в спальню. Из которой тут же возник сам конгрессмен — взглянуть, что там за суета.

Джон Сэнсом был в брюках, рубашке, галстук и носках. Без обуви. Выглядел он маленьким. Телосложение — худощавое и мускулистое, плечи довольно узкие. Волосы коротко подстрижены. Загар — из тех, что получают лишь на открытом воздухе при здоровом образе жизни. Сэнсом излучал богатство, власть и харизму. Неудивительно, что он победил на множестве выборов.

Конгрессмен взглянул на меня, затем — на жену.

— Где Спрингфилд?

— Ушел вниз, — ответила Элспет. — Проверить, как там дела.

Сэнсом вновь перевел взгляд на меня:

— Я смотрю, вы не сдаетесь.

— Никогда. У вас найдется десять минут?

— Даю вам пять.

— Кофе нальете?

— Вы зря теряете время.

— У нас уйма времени. В любом случае больше, чем пять минут. Вам еще надо зашнуровать ботинки и надеть пиджак. Сколько на это уйдет?

Сэнсом подошел к стойке бара, налил чашку кофе и протянул мне.

— Ближе к делу.

— Вы знали Сьюзан Марк? — спросил я.

Он покачал головой:

— Никогда не слышал о ней до вчерашнего вечера.

Я следил за его глазами. Конгрессмен не лгал.

— Почему, как вы думаете, обычного клерка из УЧР заставили проверять ваше досье?

— Значит, в этом все дело?

— Наиболее правдоподобная версия.

— Понятия не имею. УЧР — это ведь новый *PERSCOM*? Что у них там? Даты и цифры. Моя жизнь и так всеобщее достояние.

— Кроме операций «Дельты». Они были секретными.

В номере стало тихо.

— Откуда вам это известно?

— У вас четыре высших награды. Вы не уточняете, за что.

— Чертова книга, — недовольно буркнул Сэнсом. — Медали на открытом учете. Не мог же я отречься от них. Политика — как минное поле. Шаг вправо, шаг влево — и тебя нет.

Он посмотрел на меня:

— Сколько еще людей могут связать эти два обстоятельства? Я имею в виду, кроме вас?

— Примерно три миллиона, — ответил я. — Все, кто в армии, плюс все ветераны, чье зрение еще позволяет читать.

Он покачал головой:

— Не так много. Большинство людей лишено пытливого ума. А большая часть остальных уважают такое понятие, как «секретность». Не думаю, что это проблема.

— Проблема в другом. В чем — не знаю, но она существует. Иначе почему Сьюзан Марк задавали вопросы?

— Она действительно назвала мое имя?

Я отрицательно покачал головой:

— Мне нужно было как-то привлечь ваше внимание. Ваше имя я услышал от других, весьма серьезных людей, работающих, как я полагаю, на тех, кто задает вопросы.

— А каков ваш интерес во всем этом деле?

— Никакого. Она просто показалась мне хорошим человеком, которого приперли к стенке.

— То есть вам не все равно?

— Нет. Так же, как и вам, хоть вы и делаете вид, что это не так. Сэнсом промолчал.

— ФБР ввело меня в курс дела, — сказал он наконец. — По их словам, в Управлении полиции Нью-Йорка считают, будто ваша реакция на инцидент — результат чувства вины. Будто вы перегнули палку там, в поезде. А чувство вины никогда не являлось основой для верных решений.

— Это всего лишь мнение одной женщины, — ответил я.

— Она не права?

Я не ответил.

— Я не стану рассказывать вам об операциях.

— Ничего иного я и не ждал.

— Тогда чего вы хотите?

— Я задам вам прямой вопрос. Как много из вашего прошлого может, если всплывет, стать занозой в вашей конгрессменской заднице?

Сэнсом улыбнулся, едва заметно:

— В жизни ничего не бывает полностью черным или полностью белым. Вы это знаете не хуже меня. Но преступлений никто не совершал. В любом случае никто не смог бы добраться до правды через какого-то клерка-кадровика. Надеяться на такое могли лишь какой-нибудь дилетант-журналист, в худшем смысле этого слова.

— Я так не думаю. Сьюзан Марк была сильно напугана. К тому же пропал ее сын.

Сэнсом переглянулся с женой.

— Мы этого не знали, — сказал он.

— Об этом не сообщалось. Он студент-старшекурсник. Университет Южной Калифорнии. Пять дней назад он ушел из бара с какой-то девчонкой. С тех пор его больше не видели.

— И откуда вам это известно?

— От брата Сьюзан Марк. Дяди парнишки.

— То есть вы не верите в эту версию?

— Чересчур много совпадений.

— Не обязательно. Парни часто уходят из баров с девчонками.

— Вы сами отец, — сказал я. — Что могло бы вас заставить закончить с собой?

В номере повисла тишина. Взгляд Сэнсома на миг стал каким-то отсутствующим: я видел такое раньше в глазах честных офицеров после досадной тактической неудачи. Переосмыслить, переложить, перестроить — и все за каких-то пару секунд.

— Я сожалею о ситуации с семьей Марк, — сказал он. — И я помог бы им, если б мог. Но я не могу. В моей службе в «Дельте» нет ничего, что можно раскопать через УЧР. Значит, дело в чем-то другом. Либо кто-то роет совсем не в том месте.

— А где им рыть?

— Вы сами знаете. Но туда их никто не пустит. Так что спецназ здесь, увы, ни при чем.

— Хорошо, если не спецназ, то что?

— Ничего. Я не пошел бы в политику, если б мне было что скрывать. Даже самую малость. А сейчас простите, нам нужно идти.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы когда-нибудь слышали имя Лиля Хоц?

— Лилия Хоц? — На секунду Сэнсом задумался. — Нет, это имя мне незнакомо.

Я следил за его глазами. Он не лгал. Но и не говорил правду.

ГЛАВА 4

В Нью-Йорк я вернулся тем же путем, что и уезжал. Поездка заняла весь день и часть вечера. Все это время я думал о том, что сказал мне Сэнсом и о чем он умолчал. *В жизни ничего не бывает полностью черным или полностью белым. Вы это знаете не хуже меня. Но преступлений никто не совершал. В любом случае никто не смог бы добраться до правды через какого-то клерка-кадровика.* Никакого отрицания сомнительных действий. Скорее, наоборот. Но, по словам Сэнсома, за рамки он не выходил. Разумеется, взбреди кому в голову подвергнуть тщательной проверке мою собственную карьеру, и та моментально треснула бы по швам. Вообще я рад, что детали моего прошлого скрыты от посторонних глаз. Свое прошлое я помню. Но что с Сэнсомом? Наверняка есть нечто такое, что может серьезно навредить конгрессмену. И видимо, не только ему, иначе что здесь делает ФБР?

И кто, черт возьми, такая эта Лилия Хоц?

Я задавал себе все эти вопросы и перестал размышлять о них, лишь когда поезд въехал в Балтимор. К этому моменту я думал уже о другом: куда конкретно в Нью-Йорке могла направляться Сьюзан Марк? В город она въехала с юга, планируя бросить машину и добраться до места назначения на метро. В автомобиле она, скорее всего, была без куртки. Слишком жарко. Очевидно, куртка лежала в багажнике вместе с сумкой и револьвером. То есть непосредственно к бою Сьюзан собиралась переодеться в отдалении от места встречи и в относительном уединении.

Но не слишком далеко. Она и так уже серьезно опаздывала. Если бы Сьюзан направлялась куда-нибудь на окраину, то оставила

бы автомобиль в центре. Но она бросила его в Сохо. И в поезд она, вероятно, села на «Спринг-стрит», на остановку раньше меня. На «33-й» она еще сидела спокойно. Но затем все пошло не так. Если бы не мое вмешательство, она, скорее всего, вышла бы на «51-й». Или на «59-й». Но не дальше. 68-я — это уже совсем другие районы. Значит, 59-я улица была верхней границей маршрута. По крайней мере на ее месте я поступил бы так же: въехал в город с юга, проскочил под землей и вернулся чуть назад с севера. Надеюсь, что оттуда меня не ждут.

Мысленно я нарисовал квадрат: от 42-й до 59-й и от Пятой авеню до Третьей. Шестьдесят восемь нью-йоркских кварталов. Содержащих что?

Около восьми миллионов самых разнообразных вещей.

Я бросил их считать, когда мы проехали Филадельфию. Мое внимание отвлекла девушка, сидевшая через проход. Просто отпад, как сказали бы старшекурсники из Университета Южной Калифорнии. Мысли вновь перенеслись к Питеру Молине и не дававшему мне покоя противоречию: никакой профессионал не стал бы использовать здорового парня-футболиста в роли рычага против бесполезного, по сути, источника информации.

Наш заказчик привез с собой целую команду. Нью-Йорк имеет шесть главных пассажирских ворот: международные аэропорты Ньюарк, Ла-Гуардиа и Кеннеди, плюс железнодорожные вокзалы, Пенсильванский и Грэнд-Сентрал, плюс автобусный терминал Портового управления. Реши кто организовать наблюдение на всех этих точках, ему понадобилось бы не менее сорока человек. А для круглосуточного дежурства — так и все восемьдесят. Но восемьдесят человек — это уже не команда, это целая армия. Так что с поезда я сходил лишь с обычной для себя осмотрительностью.

Которой, к счастью, оказалось достаточно.

Наблюдателя я заметил сразу. Парень стоял, привалившись к колонне в центре вокзального вестибюля. В руке — складной телефон, раскрытый и прижатый к бедру. Парень был высокий, но тощий. На вид не старше тридцати. С бритой головой и рыжей щетиной. На нем была рубаша с цветочным орнаментом и кожаная куртка, казавшаяся оранжевой под светом вокзальных ламп. Давно уставшими глазами парень оглядывал встречный пассажирский поток.

Я двигался вместе с толпой. Наблюдатель находился примерно в тридцати футах впереди и чуть слева. Зафиксировав поле зрения, он пропускал сквозь него людей. Это было все равно как ступить под рамку металлодетектора в аэропорту.

Я пересек точку его фокуса. Он не среагировал. Но уже в следующий момент глаза парня расширились, он поднял телефон и щелкнул по крышке, чтобы подсветить экран. Он взглянул туда. Взглянул на меня. Я был в четырех футах.

А затем он упал в обморок. Я рванулся вперед, успев поймать оседающее тело, и аккуратно опустил на пол. По крайней мере, это то, что видели люди. Прокрути они обратно в своих головах всю последовательность событий, кто-то из них, может, и заметил бы, что мой рывок произошел чуть раньше, чем парень лишился чувств. И хотя моя правая действительно тянулась вперед, чтобы подхватить беднягу, начала она двигаться лишь через секунду после того, как моя левая успела ткнуть парня в солнечное сплетение — резко, сильно и незаметно.

Но, как известно, люди видят лишь то, что им хочется видеть. Всегда так было и всегда будет. Я присел на корточки, склонившись над упавшим в обморок человеком, как поступил бы на моем месте любой добропорядочный гражданин. Рядом присела какая-то женщина. Вокруг собирались люди. Парень в кожаной куртке судорожно дергался, хватая воздух раскрытым ртом. Типичные последствия удара в солнечное сплетение. Но также и сердечного приступа, и еще целого ряда разных медицинских проблем.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Не знаю, — искренне ответил я. — Он стал вдруг валиться на пол. И закатывать глаза.

— Надо вызвать «скорую».

— Я где-то уронил телефон.

Женщина начала рыться в сумочке.

— Подождите! — воскликнул я. — А вдруг это припадок? Надо проверить, нет ли у него с собой карточки.

— Припадок?

— Ну, приступ или как там его.

Женщина протянула руки и похлопала парня по карманам куртки снаружи. Ничего. Она отвернула полы и проверила внутри. Внутренние карманы тоже оказались пустыми.

— Посмотрите в брюках, — сказал я. — Быстрее.

Женщина недоуменно посмотрела на меня. На помощь ей пришел местный служащий: он опустился на колени и сунул пальцы в карманы брюк парня. Ничего.

— Лучше вызвать «скорую», — сказал я. — Моего телефона там нигде не видать?

Женщина огляделась по сторонам и подняла с пола «раскладушку». Крышка чуть сдвинулась, включилась подсветка экрана. На нем красовалось мое фото. Женщина посмотрела на экран. Я знаю, люди любят хранить фотографии в своих мобильных. Их супруги, собаки, кошки, дети. Возможно, женщина решила, что я из тех самовлюбленных нарциссов, что обожают собственные портреты. Но телефон все же отдала. К этому времени служащий уже набирал номер «скорой». Поэтому я сказал:

— Я пойду за полицией.

Пробравшись сквозь массу сердобольных зевак, я вновь втиснулся в людской поток и продрейфовал с ним до дверей, на тротуар и дальше на улицу.

Теперь я больше не был «тем самым человеком». Единственным в мире, у кого нет мобильного телефона. Остановившись в знойной тени в трех кварталах от вокзала, на Седьмой авеню, я оглядел свой трофей. Перво-наперво я проверил список набранных номеров. Список был пуст. Я проверил входящие: их оказалось всего три, все в течение последних трех часов и все с одного и того же номера. Скорее всего, наблюдателю было велено регулярно удалять информацию, но тому стало лень. Звонки определенно шли от какого-то диспетчера. А может, и от самого босса.

Номер начинался на 212. Стационарный телефон, в районе Манхэттена.

А стационарные телефоны, как известно, стоят в стационарных местах.

Я нажал зеленую кнопку, на экране высветились цифры номера. Я нажал еще раз, и пошел набор. В трубке зазвучал сигнал вызова. И почти сразу — женский голос:

— «Времена года». Чем могу вам помочь?

— Это отель? — спросил я.

— Да. С кем вас соединить?

— Простите, — сказал я. — Я, похоже, ошибся номером.

И нажал на красную кнопку.

Отель «Времена года». В нем я не был ни разу. Не по моим деньгам. Здание располагалось на 57-й, между Мэдисон и Парк-

авеню. Как раз в том самом квадрате из шестидесяти восьми кварталов. В двух шагах для того, кто вышел из поезда метро 6-го маршрута на 59-й улице.

Мгновение я раздумывал, а затем огляделся, развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал к 14-му участку.

Я допускал, что Терезы Ли не окажется на месте. И что мне придется ждать ее, сидя в вестибюле, я тоже предполагал. Но вот чего я никак не мог предвидеть, так это что там уже сидит Джейкоб Марк. Он посмотрел на меня безо всякого удивления и сообщил:

— Питер не явился на тренировку.

Джейк говорил минут пять без остановки. Он рассказал, что тренеры прождали четыре часа, после чего позвонили отцу Питера, который тут же перезвонил Джейку. Для старшекурсника, спортивной звезды университета, да еще на полной стипендии, пропустить тренировку было чем-то невероятным. Плюс Питер собирался в НФЛ, Национальную футбольную лигу, а для игрока-профи репутация — наипервейшее дело. И пропустить тренировку — это все равно что свернуть шею курице, несущей золотые яйца.

Я слушал его вполуха. Прошло почти двое суток с тех пор, как Сюзан Марк не уложилась в поставленный кем-то срок. Странно, что тело Питера до сих пор никто не нашел.

Но тут появилась Тереза Ли с последними новостями.

Правда, сначала ей пришлось заниматься Джейкобом Марком. Она отвела нас в кабинет на третьем этаже и, выслушав его рассказ, спросила:

— Официально о пропаже Питера кто-нибудь заявлял?

— Именно это я и собираюсь сделать прямо сейчас, — ответил Джейк.

— Не получится, — возразила Ли. — Он пропал в Лос-Анджелесе, не в Нью-Йорке.

— В охране университета таких заявлений не принимают. А в Управлении полиции Лос-Анджелеса никто не воспримет меня всерьез.

— Неудивительно. Питеру двадцать два года. Он далеко уже не ребенок.

— Но он пропал пять дней назад!

— Срок не имеет значения. Он не живет дома. Да и кто сказал, что он пропал? Наверняка это не первый раз, когда ваш племянник отсутствует подолгу, не ставя в известность родных.

— Он пропустил тренировку. Такого еще не бывало.

— Все когда-нибудь бывает впервые.

— Здесь особый случай. Сьюзан угрожали.

— Угрожали? Кто?

Джек взглянул на меня:

— Расскажи ей, Ричер.

— Что-то, связанное с ее работой, — сказал я. — На нее давили. Шантаж сыном — вполне логичный рычаг.

— Хорошо. — Ли огляделась в поисках своего напарника. — Ступайте и опишите все как можно подробнее. Все, что вам известно. Догерти вас проводит.

Джейк благодарно кивнул и направился к Догерти. Я дождался, пока эти двое уйдут.

— Вы что, возобновляете дело? — спросил я.

— Нет. Дело остается закрытым. Причин для беспокойства нет. Но парень — наш коллега, и мы должны проявить любезность. К тому же я не хочу, чтобы он мешал нам, по крайней мере в ближайший час.

— Вы сказали, что причин для беспокойства нет. Почему?

Ли посмотрела на меня:

— Мы узнали, зачем Сьюзан Марк приехала в город.

— Как?

— У нас есть официальное заявление. Похоже, Сьюзан помогала кое-кому с расследованием, и, когда она не вышла на связь, этот человек обратился к нам, чтобы заявить о ее пропаже.

— Что за расследование?

— Меня здесь не было. Ребята из дневной смены сказали, что все выглядело вполне убедительно.

— И Джейкоб Марк не должен об этом знать? Почему?

— Сначала нужно прояснить кое-какие детали. А делать это лучше без него. Он родственник, то есть лицо заинтересованное.

— А что за человек, который принес заявление?

— Иностранное гражданство, в Нью-Йорке проездом, цель — провести расследование с помощью Сьюзан Марк.

— Постойте, — перебил ее я. — В Нью-Йорке проездом? То есть живет в отеле?

— Да, — ответила Ли.

— Отель «Времена года»?

— Да.

— Как его зовут?

— Не его, а ее, — поправила Ли. — Это женщина. Ее зовут Лиля Хоц.

Было уже довольно поздно, но Тереза Ли все равно позвонила, и Лиля Хоц согласилась встретиться с нами во «Временах года». В отель мы подъехали на служебной машине Ли. Гостиничный вестибюль был сплошь бледный песчаник, медь и золотистый мрамор. Ли показала свой значок, и администратор тут же позвонил в номер.

Номер Лили Хоц оказался люксом. Тереза Ли постучала. Правая половина двери открылась, и на пороге возникла женщина. Ей легко можно было дать шестьдесят: маленького роста, полная, грузная. Волосы — даже не седые, а совсем белые — подстрижены просто и грубо. Черные глаза полуприкрыты веками. Лицо женщины было словно вырублено из одного куска — мясистое, холодное, неподвижное. Ничего не выражающий взгляд. Одета она была в какой-то жуткий коричневый домашний халат.

— Госпожа Хоц? — спросила Ли.

Женщина лишь пригнула голову и беспомощно развела руками.

— Она не говорит по-английски, — догадался я.

— Днем еще говорила, — ответила Ли.

Свет за спиной женщины на миг потускнел, и из-за ее плеча возникла вторая фигура. Еще одна женщина. Вернее, девушка. Лет двадцати пяти. И невероятно красивая. Редкой, экзотической красотой. Она улыбнулась, как бы стесняясь.

— Это я говорила с вами по-английски. Я Лили Хоц. А это моя мама.

Она что-то быстро зашептала на ухо пожилой женщине на иностранном языке. Явно восточноевропейском. Лицо старухи просияло, губы расплылись в улыбке. Мы представились. Лили Хоц говорила за свою мать. Она сказала, что ее имя Светлана Хоц. Мы обменялись рукопожатиями. Лили Хоц выглядела сногшибательно. Высокая, но в меру, тонкая, но не слишком. Кожа у нее была почти шоколадной — идеальный пляжный загар, волосы длинные и темные. Глаза огромные и такой ярчайшей голубизны, какой я никогда раньше не встречал. Двигалась она с какой-то бережливой гибкостью. Простое черное платье для коктейлей стояло, вероятно, дороже автомобиля.

Девушка провела нас в номер, ее мать вошла следом. Люкс представлял собой гостиную в центре и две спальни по бокам.

Гостиная включала обеденный стол, на котором присутствовали следы ужина — явно из ресторана гостиницы. В углу стояли пакеты с покупками. Два из «Бергдорф Гудман» и два из «Тиффани». Тереза Ли положила на стол значок, и Лиля Хоц тут же прошла к серванту и вернулась с двумя паспортами. Похоже, она считала, что все официальные визитеры в Нью-Йорке начинают с проверки документов. Ли перелистала страницы.

Затем мы все сели. Светлана Хоц молча смотрела перед собой, исключенная из беседы в силу незнания языка.

— Я очень сожалею о том, что случилось со Сьюзан Марк, — произнесла Лиля Хоц.

По-английски она говорила свободно, но с легким акцентом.

— Мы не знаем, что случилось со Сьюзан Марк, — ответил я. — Помимо официальных фактов, естественно.

Лиля Хоц кивнула, вежливо, тактично.

— Вы хотите понять мою роль в этом деле, — сказала она.

— Да, очень.

— Это долгая история. Но оговорюсь сразу: в ней нет ничего, что могло бы объяснить происшествие в поезде метро.

— Давайте послушаем ваш рассказ, — предложила Тереза Ли.

И мы послушали. Лиле Хоц было двадцать шесть. По национальности — украинка. В восемнадцать она вышла замуж за русского. Этот русский старался отхапать у разваливающегося государства как можно больше: аренду нефтяных скважин, права на добычу угля и урана. Очень скоро он стал миллиардером — олигархом, как это называют в России. Год назад один из конкурентов прострелил ему голову. Овдовевшая Лиля Хоц перебралась в Лондон вместе со своей матерью.

— Мой отец умер еще до моего рождения, — продолжала она. — Мама — это все, что у меня осталось. Поэтому я предлагала ей все, что она только пожелает. Дома, машины, круизы, путешествия. Но она хотела лишь одного — чтобы я помогла ей разыскать одного человека из ее прошлого.

— Какого человека? — спросил я.

— Мужчину. Американского военного по имени Джон. Это все, что мы о нем знали. Но позже выяснилось еще кое-что: когда-то он очень помог моей матери.

— Когда и где?

— В 1983-м. В Берлине. Честно говоря, я была уверена, что найти человека по таким приметам — задача невыполнимая.

В какой-то момент я даже испугалась, что у мамы обыкновенный старческий маразм. Но я все равно согласилась помочь ей — пусть даже ради проформы.

Светлана Хоц механически кивнула.

— Как ваша мать оказалась в Берлине? — спросил я.

— Она служила в Советской армии, — ответила дочь.

— И чем она там занималась?

— Мама служила в пехотном полку. Политическим комиссаром. Их еще называют замполитами. В каждой военной части обязательно должен быть замполит.

— И как вы разыскивали этого американца?

— Мама знала точно, что ее друг Джон был военным. Это стало моей отправной точкой. Для начала я позвонила из Лондона в ваше Министерство обороны и спросила, как мне поступить. Меня переадресовали в УЧР, Управление человеческими ресурсами. У них есть отдел по связям с общественностью. Офицера, с которым я говорила, заинтересовала моя история. А может, он просто увидел в ней выгодный для дела аспект. Так или иначе, но он пообещал сделать соответствующий запрос. Я поблагодарила его, хотя в глубине души считала, что все это — напрасная трата времени. Джон — имя слишком распространенное. Плюс, как я понимаю, тысячи американских солдат проходят службу в Германии, и большинство из них рано или поздно посещают Берлин. Прошло несколько недель. Я уже почти забыла о нашем разговоре, но тут раздался телефонный звонок. Звонившая представилась как Сьюзан Марк и сказала, что работает клерком в УЧР. Она пояснила, что некоторые имена, которые звучат как Джон, на самом деле являются сокращенной формой от Джонатан. Ей нужно было узнать, видела ли когда-нибудь моя мама, как пишется имя человека, которого мы разыскиваем. Я еще раз уточнила у мамы и сообщила Сьюзан Марк, что мы абсолютно уверены в том, что Джон — это его полное имя. Разговор со Сьюзан получился очень душевным, и после этого мы не раз звонили друг другу. Можно сказать, мы почти подружились. Она много рассказывала о себе. Мне она показалась очень одиноким человеком.

— И что было потом? — спросила Тереза Ли.

— Как-то раз Сьюзан позвонила и сказала, что пришла к некоторому предварительному заключению. Я предложила встретиться здесь, в Нью-Йорке, — ну, вроде как закрепить нашу дружбу. Поужинать вместе, сходить на какое-нибудь шоу. Мне

очень хотелось как-то отблагодарить ее за труды. Но она так и не приехала.

— В какое время вы договорились встретиться? — спросил я.

— Около десяти. Она пообещала выехать сразу после работы.

— Не поздновато для ужина и шоу?

— Она планировала остаться на ночь. Я забронировала ей номер.

— А когда вы сами приехали в Нью-Йорк?

— Три дня назад.

— На чем?

— «Бритиш эруэйз», рейс из Лондона.

— Вы наняли команду из местных, — сказал я.

Лиля Хоц утвердительно кивнула:

— Как раз перед приездом сюда. Это иногда полезно.

— Как вы на них вышли?

— По объявлению. Такие фирмы часто рекламируют свои услуги. В Москве и в русскоязычных газетах в Лондоне. Для них это хороший бизнес, а для нас — что-то вроде подтверждения статуса. Если ты приехал за границу один, без сопровождения, ты выглядишь неубедительно.

— Они сказали, что вы привезли с собой целую команду.

Лиля Хоц искренне удивилась:

— У меня нет никакой команды. С какой стати они так сказали? Я не понимаю.

— Они сказали, что это шайка ужасных типов.

Секунду она выглядела озадаченной. Затем понимание отразилось на ее лице.

— Когда Сьюзан не появилась в условленное время, я отправила их на поиски. Я подумала: раз я все равно им плачу, пусть парни немного потрутся. Я даже пообещала им премию. Так что, скорее всего, они просто сочинили эту историю специально для вас. Чтобы вы испугались и стали более откровенны. А они получили бы свои деньги.

Я ничего не ответил.

Но тут ее осенило:

— У меня нет никакой «команды», как вы ее назвали. Всего один человек — Леонид. Из бывших людей моего покойного мужа. Он сейчас на Пенсильванском вокзале. Ждет вас. В полиции сказали, что вы уехали в Вашингтон. И я предположила, что вы поедете на поезде и вернетесь тем же путем. Разве нет?

— Да, — ответил я. — Я вернулся на поезде.

— Значит, Леонид с вами разминулся. У него была ваша фотография. Я поручила ему встретить вас и попросить позвонить мне. Наверняка он до сих пор там.

Лиля Хоц решительно направилась к телефону. Передо мной встал временная тактическая проблема. Мобильник Леонида был у меня в кармане.

Она нажала «девятку» и набрала номер.

Я незаметно сунул руку в карман, нащупал защелку и отстегнул аккумулятор.

Подождав, Лиля Хоц повесила трубку.

— Он неисправим.

Я вернулся к теме беседы:

— Ваши местные помощники упоминали имя Джон Сэнсом.

Она вздохнула:

— Когда мы прибыли сюда, я ввела их в курс дела. Рассказала им, что и как. Думаю, мы все чувствовали, что понапрасну тратим время, и даже подшучивали над маминой прихотью. Один из этих парней как раз прочел в газете о Джоне Сэнсоне. «Вот, пожалуйста, — сказал он. — Американец, военный, Джон и как раз подходящего типа. Может, Сэнсом и есть тот, кого мы ищем?» Следующие пару дней мы говорили друг другу: «Давайте просто позвоним Джону Сэнсону». Я воспринимала это как шутку, потому что какие у нас были шансы? Один на миллион? Они вроде тоже сначала шутили, но потом стали относиться к своей версии довольно серьезно. Возможно, из-за резонанса, который это могло иметь, — ведь он такой известный политик.

— Какого резонанса? Что такого было между вашей матерью и этим парнем по имени Джон?

Светлана Хоц продолжала таращиться в пустоту. Ее дочь продолжала:

— Мама никогда не рассказывала деталей. Безусловно, дело не в шпионаже. Ведь она до сих пор жива. И ее американский друг тоже не был изменником. Связь с иностранцами-предателями — это задача КГБ, а не армии. Скорее всего, речь шла о помощи личного характера, финансовой или политической. Хотя я не исключаю и романтических отношений.

— Но вы ведь не думаете, что Сэнсом действительно как-то связан с этой историей?

— Конечно, нет. То была просто шутка, которая вышла из-под контроля. Разве что это тот самый единственный шанс на милли-

он. Что было бы невероятно, согласитесь? Шутить о чем-то, а потом вдруг окажется, что все это правда?

Я ничего не ответил.

— Можно задать вам вопрос? — спросила Лиля Хоц. — Сюзан Марк передавала вам информацию, предназначенную для моей мамы?

— А почему вы решили, что она мне что-то передавала?

— Потому что люди, которых я наняла, доложили, что, по вашим же собственным словам, она передала вам информацию. Компьютерные данные на устройстве *USB*. Они сообщили мне об этом по телефону, а затем переслали ваше фото и отказались от гонорара. Я даже не знаю почему. Ведь я платила им хорошие деньги.

Я сунул руку в карман. Нашупал флешку из «Радио Шэк». И медленно достал ее, внимательно наблюдая за Лилей Хоц.

Она впиалась во флешку взглядом голодной кошки.

Тереза Ли заерзала на стуле и посмотрела на меня.

— Сюзан Марк была чем-то очень напугана там, в поезде, — сказал я. — Она не выглядела как человек, приехавший в город на дружеский ужин и шоу.

— Я ведь уже говорила вам: я не могу этого объяснить.

Я убрал флешку обратно в карман.

— У Сюзан не было с собой сумки с ночными принадлежностями.

— Этого я тоже не могу объяснить.

— Но почему-то был заряженный револьвер.

— Я не знаю, что вам ответить. Простите.

— Более того, пропал ее сын. Последний раз его видели выходящим из бара с девушкой приблизительно ваших лет и очень похожей на вас по описанию.

— Из какого бара?

— Где-то в Лос-Анджелесе. В Калифорнии.

— Я не была в Лос-Анджелесе. Все эти три дня я провела здесь, в Нью-Йорке. У меня туристическая виза. Я занимаю три номера в отеле. У меня нет никакой «команды», как вы ее называли. И я никогда не была в Калифорнии.

Я промолчал.

— Кстати, — добавила она, — я вполне допускаю, что Питер сейчас действительно где-нибудь с девушкой. Да, я знаю его имя. Сюзан говорила мне. Мы с ней делились всеми проблемами. Она

ненавидела сына. Пустой и заносчивый человек. Он отказался от родной матери, променяв ее на отца. А знаете почему? Потому что Сьюзан была приемным ребенком. Сын так и воспринимал ее всегда: как незаконнорожденную. И ненавидел за это.

Я чувствовал, что Терезе Ли пора уходить, да и мне хотелось убраться прежде, чем заявится Леонид. Поэтому я лишь пожал плечами, словно мне нечего больше сказать. Лиля Хоц поинтересовалась, не хочу ли я вернуть ей флешку, которую мне передала Сьюзан Марк. Но я никак не отреагировал. Мы все пожали друг другу руки. Двери за нами закрылись, и мы с Терезой Ли прошествовали по коридору к лифтам. Уже внутри она спросила:

— Ну и как ваше мнение?

— Я думаю, она очень красивая, — ответил я.

— А помимо этого? Вы ей верите?

— А вы?

Ли кивнула:

— Да. Потому что такую историю очень легко проверить. Например, есть ли в армии офицеры по связям с общественностью?

— Сотни.

— Значит, все, что нам нужно сделать, — это найти того, с кем она говорила по телефону. Мы можем отследить все звонки этому человеку из Лондона.

— Звонок в Министерство обороны из-за границы? Готов поспорить, им уже занимаются. Аналитики из той и другой разведок.

— Звонки Сьюзан Марк из Пентагона тоже легко отследить. Если они беседовали так часто, как утверждает Лиля, мы их быстро вычислим.

— Вот и займитесь этим, — сказал я ей.

— Наверное, я так и сделаю, — продолжала Тереза Ли. — Она, конечно же, знает, что я это могу. Ей известно, что «Бритиш эру-эйз» и Министерство национальной безопасности предоставят нам всю необходимую информацию о ее въезде и выезде. И что мы легко можем спросить у Джейкоба Марка, действительно ли его сестра была приемным ребенком. Плюс она сама пришла в полицейский участок. Сама написала заявление. И только что сама показала мне свой паспорт. Все это никак не вяжется с подозрительным поведением. Хотя, если ее история столь невинна, почему ею так заинтересовались федералы?

— Если рассказ Лили Хоц — правда, речь идет о связи американского военного с советским политическим комиссаром в годы

холодной войны. Федералы просто хотят убедиться, что все действительно безобидно.

Мы вышли из отеля и сели в машину Ли.

— Вы ведь не согласны со мной ни по одному из пунктов, так? — спросила она.

— Если история семьи Хоц безобидна, что ж, пусть так и будет. Но что-то в этом деле далеко не безобидно. И это что-то привело Сьюзан Марк именно в то место и именно в то время. Вы верите в случайные совпадения? Как часто вам доводилось слышать, чтобы один шанс к миллиону вдруг оказался выигрышным?

— Ни разу.

— Вот и я о том же. Но боюсь, здесь как раз все наоборот. Миллион шансов к одному, что Джон Сэнсом ни при чем, и все же я думаю, он замешан.

— Почему?

— Я разговаривал с ним.

— В Вашингтоне?

— Вообще-то мне пришлось ехать за ним в Северную Каролину. Но дело не в этом. Я задал ему вопрос: слышал ли он когда-либо имя Лиля Хоц? Он ответил, что нет. Я следил за его лицом. Он не лгал. Но и не говорил правду.

— Как это?

— Может, он слышал имя Хоц, но не Лилия. Может, он слышал имя Светлана Хоц.

— И что это значит?

— Возможно, больше, чем нам кажется. Зачем Сьюзан Марк лезть из кожи вон, разбираясь с этой историей?

— Хотя бы из сочувствия.

— Потому что она сама была приемным ребенком. И вероятно, часто думала о своих настоящих родителях. Отсюда и сочувствие к тем, кто оказался в подобной же ситуации. Таким, как Лилия Хоц. А что? Некий мужчина очень помог ее матери незадолго до рождения Лили. Такую фразу можно истолковать по-разному.

— Например?

— Например, что Джон Сэнсом — отец Лили Хоц.

Мы вернулись обратно в участок. Джейкоб Марк выглядел намного счастливее.

— Питер звонил своему тренеру, — радостно сообщил Джейк.

- Когда? — спросил я.
- Два часа назад. Тренер перезвонил Молине, а тот — мне.
- Так, и где он?
- Он не сказал. Питер оставил сообщение. Его тренер никогда не отвечает на звонки во время ужина.
- Но с Питером все в порядке?
- Он сказал, чтобы скоро его не ждали.
- А ты уверен, что сообщение было подлинным?
- Тренер знает его голос.
- Кто-нибудь пытался перезвонить Питеру на мобильный?
- Да все мы. Но у него опять выключен телефон.
- Можно задать тебе вопрос совсем на другую тему?
- Валяй.
- Твоя сестра была приемным ребенком?
- Джейк помедлил. Кивнул.
- Мы оба были приемными детьми. Сюзан удочерили первой.
- А почему ты об этом спрашиваешь?
- Похоже, что Сюзан ехала в Нью-Йорк на встречу с подружкой, — сказала Ли.
- Какой подружкой?
- Украинкой. Молодой женщиной по имени Лиля Хоц.
- Джейк бросил на меня недовольный взгляд.
- Я никогда не слышал от Сюзан такого имени.
- Сколько человек знали, что Сюзан была приемным ребенком? — продолжала Ли.
- Она этого не афишировала. Но и не скрывала.
- Как бы вы описали отношения между Сюзан и ее сыном?
- Прежде чем ответить, Джейк минуту колебался:
- Думаю, их можно описать как «любовь и ненависть». Сюзан любила Питера, Питер ненавидел ее.
- Почему?
- Снова колебание.
- Питеру хотелось жить в обстановке а-ля Ральф Лорен. Что бы отец имел поместье в Кеннебанкпорте, а мать родилась бы богатой наследницей. Сюзан была дочерью несовершеннолетней проститутки-наркоманки из Балтимора и не устраивала из этого тайны. Питер же так и не смог с этим сжиться. И когда дело дошло до развода, сын встал на сторону отца.
- Сюзан нравился Питер как человек?
- Джейк покачал головой:

— Нет. Что только усугубляло ситуацию. Сьюзан никогда не испытывала симпатии ко всякого рода студенческим братствам с греческими буквами на клубных куртках. Все эти «фи-бета-каппа» ее страшно бесили. Но для Питера такие вещи были важнее матери.

— Ты же говорил, что Сьюзан не была несчастным человеком, — вмешался я.

— Я и не отрицаю. Это прозвучит странно, но приемные дети ждут от семейной жизни совсем не того, что все остальные. Поверьте, я знаю. Сьюзан смогла с этим смириться. Для нее это была суровая реальность, с которой нужно считаться.

— Она была одинокой?

— Уверен, что да.

— А у вас есть дети? — спросила Ли.

— Нет, — ответил Джейк. — Я даже не женат.

Ли немного помолчала.

— Спасибо, Джейк, — наконец сказала она. — Простите, что пришлось завести этот неприятный разговор.

Она вышла из кабинета, я последовал за ней.

— Я, конечно, проверю и остальное, — сказала Тереза Ли, — но мне кажется, что с Лилей Хоц все чисто. Два факта из четырех подтвердились: и об удочерении, и о конфликте матери с сыном. Она знает то, что могла знать лишь по-настоящему близкая подруга.

Я согласно кивнул.

— А Сэнсом вас не интересует?

— Ни капельки, — ответила детектив. — А вас?

— Мне все же хочется его предупредить.

— О чем? Об одном шансе из миллиона?

— Можете считать это чувством солидарности к собрату-офицеру. Возможно, я съезжу к нему в Вашингтон еще раз.

— В этом нет нужды. Он сам завтра будет в Нью-Йорке. Сбор средств на избирательную кампанию. Благотворительный обед в «Шератоне». Мы получили уведомление.

Она ушла, а я остался один в опустевшем офисе. Наедине со смутным чувством тревоги. Возможно, Лиля Хоц действительно чиста, как свежевывпавший снег, но я не мог отделаться от ощущения, что Джона Сэнсома вот-вот накроет заброшенная кем-то сеть.

Давно канули в Лету времена, когда в Нью-Йорке можно было с комфортом заночевать всего за пятерку баксов, но это все еще можно сделать за пятьдесят, если знаешь как. Секрет в том, что-

бы прийти поздно. Я добрел до отеля, где уже как-то останавливался, вблизи от Мэдисон-сквер-гарден. Отель был большой и некогда шикарный, но сейчас он больше напоминал выцветший многоквартирный дом. После полуночи за все в отеле, включая регистрацию, отвечает ночной портье. Я прошел к стойке и спросил, найдется ли у них свободная комната. Портье для вида побрякал по клавиатуре, уставился в экран компьютера и наконец сказал «да». И тут же озвучил цену: сто восемьдесят пять долларов. Я спросил, можно ли взглянуть на номер, прежде чем дать окончательный ответ. Портье не возражал, и мы вместе поднялись на лифте на нужный этаж.

Номер меня устроил. Я достал из кармана пару двадцаток.

— А что, если мы как-нибудь обойдемся без регистрации?

Портье молчал. Я прибавил к купюрам еще десятку со словами:

— Для горничной, завтра.

Тот взял деньги и со словами: «Вам надо освободить номер завтра к восьми» — закрыл за собой дверь.

Спал я хорошо и проснулся отдохнувший. Без пяти восемь меня уже не было в номере. Я позавтракал в каком-то кафе на 33-й. В батарее мобильного Леонида оставалась еще половина заряда. На пару-тройку звонков вполне должно хватить. Я набрал 600 и уже набирал 82219, когда после второй нажатой кнопки голос женщины-робота сообщил, что номер набран неверно. Я попробовал 1-600 и получил тот же результат. Тогда я попытался выйти на международную линию через 011, а затем набрать 1 — код Северной Америки — и 600. Итог был ничуть не лучше.

Получалось, что 600-82219D не телефонный номер. И в ФБР наверняка об этом знали. То есть маскировали свои настоящие вопросы дымовой завесой.

Что еще они спрашивали у меня?

Они оценили степень моего интереса к делу, в который раз спросили, не передавала ли мне что-нибудь Сьюзан Марк, и удостоверились, что я собираюсь уехать из города. Им нужно было, чтобы я не задавал лишних вопросов и сгинул куда-нибудь.

Но зачем? Ответа у меня не было.

И если 600-82219D не телефонный номер, то что?

Первые три цифры 600 казались смутно знакомыми. Но я не мог вспомнить откуда.

Я допил кофе и направился на север, в сторону «Шератона».

Отель напоминал громадный стеклянный столб. В вестибюле висела плазма со списком мероприятий на день. Главный танцевальный зал был зарезервирован под обед некой группы людей, назвавшейся *FT*. Благовидная маскировка для кучки жирных котов с Уолл-стрит, желающих шегольнуть своей влиятельностью, а заодно прикупить еще. Мероприятие начиналось в полдень. Я прикинул, что Сэнсом постарается подъехать к одиннадцати. Мне оставалось убить еще два часа.

Я зашел в магазин одежды. Мне хотелось купить новую рубашку. Та, в которой я был сейчас, мне не нравилась. В ней я выглядел неудачником. Я вспомнил слова Элспет Сэнсом. *Только переоденьтесь. В этом вас не пропустят.* Вот ведь зараза! Вынудила купить вещь, которая мне так и не понадобилась. И если мы встретимся снова, мне не хотелось нести на себе знак моего поражения и ее победы. Я выбрал тонкую поплиновую рубашку цвета хаки за одиннадцать баксов. Дешево и сердито. Без карманов и с рукавами три четверти. Меня она вполне устраивала.

В десять тридцать я уже ждал в вестибюле «Шератона».

К десяти сорока я понял, что означает 600-82219D.

ГЛАВА 5

По указателям я отыскал гостиничный бизнес-центр, но войти не смог. Нужна была карточка-ключ. Через три минуты появился второй желающий, открыл дверь, и я шагнул следом.

В комнате было четыре рабочих места. На каждом — компьютер с принтером. Я расположился подальше от своего соседа. Проверив иконки, я выяснил, что, если придержать на них указатель мыши, на экране всплывают метки. Я нашел интернет-эксплорер и щелкнул по нему дважды. Домашняя страница поприветствовала меня разноцветным ярлыком *Google*. Я впечатал в диалоговом окне «армейский устав» и нажал «ввод».

Следующие пять минут я щелкал, прокручивал и читал.

В вестибюль я вернулся без десяти одиннадцать. И сразу вышел на улицу. По моим подсчетам, Сэнсом должен был войти в «Шератон» через парадную дверь.

В пять минут двенадцатого к отелю подкатил блестящий «линкольн». Из передней пассажирской дверцы возник Спрингфилд, из задних — Сэнсом с супругой. Все трое огляделись по сторонам и сразу заметили меня. Спрингфилд уже было двинулся в моем направлении, но Элспет успела придержать его едва уловимым жестом. Похоже, миссис Сэнсом назначила себя уполномоченным по улаживанию конфликтов во всем, что касалось моей персоны. Она протянула мне руку как старому другу. Комментарии насчет рубашки миссис Сэнсом оставила при себе. Вместо этого она наклонилась ко мне как можно ближе и тихонько спросила:

— Вам нужно с нами поговорить?

Вопрос идеальной жены политика. Между строк читалось: «Мы знаем, что у вас есть информация, которая может нам навредить, и нам это очень не нравится, но мы будем вам чрезвычайно признательны, если вы соизволите обсудить свое дело с нами прежде, чем вынесете его на суд общественности».

— Да, — ответил я. — Нам нужно поговорить.

Спрингфилд недовольно нахмурился, но Элспет лишь улыбнулась и предложила пройти в отель. Кто-то из obsługi проводил нас в приватный лаундж с бутылками минералки и кофейниками со слабым кофе. Элспет тут же взяла на себя обязанности хозяйки. Сэнсом отвечал на звонок по сотовому. Его секретарь из Вашингтона уточнял у босса повестку на вторую половину дня. Было ясно, что после обеда конгрессмен сразу же возвращается назад в офис.

Сэнсом закончил разговор, и в комнате стало тихо. Первой тишину нарушила Элспет:

— Какие-нибудь новости о пропавшем парне?

— Он пропустил футбольную тренировку, — ответил я. — Что, судя по всему, крайне большая редкость.

— В Университете Южной Калифорнии? — спросил Сэнсом.

«А у него неплохая память! — отметил я. — Название университета я упоминал всего раз».

— Правда, он звонил тренеру и оставил сообщение на автоответчике. Похоже, он где-то с девушкой.

— Тогда все в порядке, — сказала Элспет.

— Лично я предпочел бы разговор вживую и в реальном времени. Либо встречу лицом к лицу. Такой уж я недоверчивый человек.

— И о чем же вы хотели с нами поговорить?

Я посмотрел на Сэнсома:

— Скажите, где вы были в 1983 году?

— В 1983-м я был капитаном, — ответил тот после секундной паузы.

— Это не то, о чем я спросил. Я спросил, где вы были. Вы были в Берлине?

— Я не могу ответить на ваш вопрос.

— Вы когда-нибудь слышали имя Светлана Хоц?

— Никогда.

— Вы получали какую-нибудь медаль в 1983-м?

Сэнсом промолчал. В ту же секунду в моем кармане зазвонил телефон Леонида. Я кое-как выудил его и взглянул на маленькое окошко на передней панели. Номер на 212. Отель «Времена года». По-видимому, Лиля Хоц.

Я жал на кнопки, пока трезвон не прекратился.

— Прошу прощения, — извинился я, глядя на Сэнсома.

Конгрессмен молча пожал плечами.

— Вы знаете, что такое 600-8-22?

— Вероятно, какой-нибудь армейский устав?

Про себя я поразился его догадливости. И продолжил:

— Мы с самого начала поняли, что только полный глупец мог надеяться получить информацию об операциях отряда «Дельта» через УЧР. Однако человек с мозгами мог выяснить все, что нужно, даже таким способом.

— Как это?

— Предположим, кто-то точно знает, что в тот или иной момент времени имела место операция «Дельты». Предположим, что этому кому-то так же наверняка известно, что операция имела успех.

— В таком случае информация ему ни к чему, — парировал Сэнсом. — Ведь она у него уже есть.

— А что, если этому кому-то непременно нужно установить личность офицера, командовавшего операцией?

— Через кадровиков такие данные не получишь.

— Да, но что происходит с офицерами, командовавшими успешно проведенными операциями?

— Что?

— Они получают медали. Чем серьезнее операция, тем значительнее медаль. А что нам говорит армейский устав 600-8-22, раздел один, параграф девять, подраздел D? Цитирую: «Управлению человеческими ресурсами Сухопутных войск США надлежит вести обязательный учет всех приказов о награждении».

— Но если это операция «Дельты», — попытался возразить Сэнсом, — все ее подробности в приказе будут опущены.

— Согласен, — кивнул я. — В учетной карточке будут всего три факта: имя, дата, награда. А что еще нужно человеку с мозгами? Награда подтверждает успешность операции, отсутствие подробностей — ее секретность. Возьмем любой месяц. Скажем, начало 1983 года. Что тогда происходило? Почти ничего. Сколько медалей «За выдающиеся заслуги» выдано за данный период? Сколько крестов? Готов поспорить, не больше, чем зубов у курицы.

— Я не понимаю, — сказала Элпет.

Сэнсом ответил за меня:

— Если кто-то наверняка знает, что в тот или иной временной период была проведена операция «Дельты» и что операция закончилась успешно, значит, офицер, получивший самую высокую необъяснимую награду за данный месяц, вероятнее всего, и командовал этой операцией.

— Ну и кто же этот загадочный «кто-то»? — спросила Элпет.

— Одна пожилая особа по имени Светлана Хоц, — сказал я. — Она утверждает, что была политическим комиссаром в Советской армии и, находясь в 1983 году в Берлине, познакомилась с одним американским военным по имени Джон. По ее словам, этот Джон ей в чем-то очень сильно помог. И выяснять о нем через Сюзан Марк имело смысл лишь в одном случае: если в тот же период времени в Берлине проводилась какая-то секретная операция и офицер по имени Джон руководил ею и получил за нее медаль. Фэбээровцы нашли в машине Сюзан записку. Кто-то снабдил ее ссылкой на нужный устав, чтобы та наверняка знала, где искать.

Сэнсом молчал. Пришлось спросить его прямо:

— Вы участвовали в какой-либо операции в Берлине в 1983-м? Конгрессмен явно терял терпение.

— Послушайте, — сказал он. — Вы кажетесь мне далеко не глупым человеком. Подумайте сами. О какой операции «Дельты» в Берлине в 1983 году может вообще идти речь?

— Не знаю, — ответил я. — И честно говоря, мне плевать. Я пытаюсь оказать вам услугу. Как офицер — офицеру. Потому что считаю, что кое-что из вашего боевого прошлого вот-вот всплывет на поверхность и крепко укусит вас за вашу конгрессменскую задницу. Мне казалось, вы оцените предостережение.

По выражению лица Сэнсома было видно, что моя пламенная речь имела успех. Он стал заметно спокойнее.

— Я ценю ваше предостережение. И уверен, что вы поймете: я не вправе ничего отрицать. Поскольку отрицать что-либо — это все равно что признать что-либо другое. Но я готов рискнуть. Нет, я не был в Берлине в 1983 году. Я не встречался ни с какими русскими женщинами. И уж тем более никому из них не помогал: ни в начале года, ни в середине, ни в конце.

Маленький монолог Сэнсома еще секунду висел в воздухе. Элспет посмотрела на часы.

— Мы вынуждены извиниться, — сказал ее муж. — Нам действительно пора идти. Спрингфилд вас проводит.

Я догадался, что конгрессмен хочет, чтобы мы со Спрингфилдом остались наедине. Поэтому я встал и направился к двери.

Спрингфилд последовал за мной в вестибюль. Я остановился, дожидаясь, пока он поравняется со мной.

— Хотите совет? — сказал Спрингфилд. — Забудьте об этом деле. Просто выкиньте его из головы. Не стоит ворошить прошлое.

— Это почему?

— Потому что вас мгновенно сотрут в порошок. Как будто вас и не было. В наше время это не так сложно сделать.

— Но ведь его там даже не было!

— Чтобы доказать это, вам захочется выяснить, где он тогда был. А вот этого вам лучше не знать.

Я кивнул:

— Это касается и вас лично, да? Поскольку вы были там вместе с ним. Следовали за ним повсюду, где бы ни оказался ваш босс.

Он молча кивнул в ответ. А затем повернулся и направился к гостиничным лифтам.

Я едва успел шагнуть на Седьмую авеню, как в кармане вновь завибрировал телефон Леонида. Я нажал кнопку ответа. Голос Лили Хоц мягко щекотнул ухо:

— Ричер?

— Да.

— Мне нужно встретиться с вами. Это довольно срочно. Кажется, моей маме грозит опасность. Возможно, и мне тоже.

— Опасность? От кого?

— Трое мужчин задавали вопросы портье. Пока нас не было в номере. Я думаю, наши комнаты обыскали.

— Почему вы рассказываете это мне?

— Потому что про вас они тоже спрашивали.

— Вы не сердитесь из-за Леонида? — спросил я.

— Я думаю, это было просто досадное недоразумение, — сказала Лиля. — Приезжайте, пожалуйста.

Интонация ее была вежливой, даже слегка застенчивой. Но что-то в голосе Лили Хоц подсказывало мне: эта девушка настолько красива, что последний раз ей говорили «нет» лет десять назад, не меньше.

Забудьте об этом деле. Это был совет Спрингфилда, и мне следовало к нему прислушаться. Но вместо этого я сказал:

— Встретимся в вестибюле у вас в гостинице. Через пятнадцать минут.

Лилю Хоц и ее мать я нашел за угловым столиком в отгороженном панелями уголке вестибюля, в дневное время служившем чайной. Леонида с ними не было. Я огляделся, но не увидел никого, кто внушал бы мне подозрение. Я присел на диван рядом с Лилей, напротив ее матери. Девушка была в черной юбке и белой блузке. Синева ее глаз вызвала ассоциации с теплым тропическим морем. Светлана переоделась в очередной бесформенный халат, на сей раз грязно-коричневый. Когда я сел за стол, она лишь индифферентно кивнула. Лили пожала мне руку, довольно официально.

И сразу перешла к делу:

— Вы принесли флешку?

— Нет, — спокойно ответил я. Флешка лежала у меня в кармане, рядом с зубной щеткой и телефоном Леонида.

— Где она?

— В надежном месте.

Лили сменила тему.

— Почему эти люди приходили сюда? — спросила она.

— Потому что вы суете свой нос в то, что считается совершенно секретным.

— Но тот офицер-кадровик был полон энтузиазма!

— Это потому, что вы солгали ему. Вы сказали, что речь идет о Берлине. Но это не так. В 1983-м Берлин был типичной сценой холодной войны, застывшей во времени. Для наших парней этот город являлся не более чем местом туризма. Через него прошли не меньше десяти тысяч Джонов — вот только они не получали там боевых наград. Так что отследить кого-то из них — задача почти

нереальная. Сьюзан Марк не могла сообщить ничего такого, из-за чего вам стоило бы срывать с места и лететь через океан.

— Тогда почему мы здесь?

— Потому что во время первых разговоров по телефону вы постарались как можно ближе сойтись со Сьюзан и лишь тогда сообщили ей то, что вам было действительно нужно. Точно подсказав, где и как это можно найти. Речь шла не о Берлине.

Несколько секунд Лиля Хоц хранила молчание.

— Я попросила Сьюзан о помощи, — в конце концов заговорила она. — И она согласилась, причем сама и довольно охотно. Очевидно, поиски информации создали для нее определенные сложности. С другими сторонами. Поверьте, я искренне сожалею о том, что произошло.

— Что значит «с другими сторонами»? — переспросил я.

— С вашим правительством, — ответила она. — По крайней мере я так думаю.

— Почему? Что на самом деле нужно было от Сьюзан Марк вашей матери?

Помедлив, Лиля сказала, что ей придется начать историю мамы с самого начала.

Лиле Хоц было всего семь, когда распался Советский Союз, так что рассказывала она с некой долей исторической отстраненности. По словам Лили, институт комиссаров был введен в Красной армии с момента ее создания. В каждой роте в обязательном порядке имелся свой замполит. Командование и дисциплина делились между комиссаром и командиром. Соперничество было обычным делом, нередко граничившим с откровенной ненавистью, особенно когда речь шла о тактическом здравомыслии в противовес идеологической чистоте.

Светлана Хоц была приписана политическим комиссаром в пехотную роту. Роту отправили в Афганистан вскоре после вторжения туда Советов в 1979-м. Поначалу боевые действия шли успешно. Однако со временем война превратилась в настоящий кошмар. Поражения следовали одно за другим. Последовала реакция Москвы, пусть и несколько запоздавшая. Тактический здравый смысл подсказывал: окопаться и переждать. Идеология требовала возобновления наступлений. Пехотные роты переформировывались, в их состав включили команды снайперов. Из Союза в срочном порядке были доставлены стрелки-профессионалы, ра-

ботавшие в паре с корректировщиками огня. Так появились знаменитые двойки «людей в лохмотьях», привыкших, что называется, жить на подножном корму.

Снайпер, прикомандированный к роте Светланы, был ее мужем. Его напарник-корректировщик был ее младшим братом.

Ситуация заметно улучшилась. Наступательные амбиции удовлетворялись регулярными ночными вылазками снайперов.

В конце 1981 года в Москве был создан сверхсекретный опытный образец бесшумной снайперской винтовки. Тогда она была известна под индексом РГ-036. Лишь через шесть лет, когда «игрушка» поступила на вооружение спецподразделений КГБ и разведывательных отрядов армии, она получила свое нынешнее название — ВСС, винтовка снайперская специальная.

— Да, мне доводилось видеть ее однажды, — кивнул я.

ВСС считалась принципиально новым оружием. Сверхточным, полуавтоматическим и бесшумным. Винтовка шла в комплекте с мощными оптическими прицелами: обычным дневным и электронным ночным. Любой, кто попадал в их перекрестье, валился с ног как подкошенный: тихо и неожиданно.

Ситуация оставалась стабильной еще около года. В Советском Союзе самой высокой наградой за успех всегда считалось только одно: решение все более сложных задач. Так рота Светланы получила приказ — совершить марш-бросок в долину Коренгал. Подпираемый с обеих сторон хребтами Гиндукуша, извилистый шестимильный путь считался главной артерией, снабжавшей моджахедов продовольствием и боеприпасами с северо-запада Пакистана, и пехотной роте следовало перерезать ее во что бы то ни стало.

— Сто лет назад, — продолжала Лиля, — англичане написали книгу о войне в Афганистане. В ней говорилось: «Обдумывая наступление, прежде всего следует распланировать свой неизбежный отход». И еще там говорилось, что последний патрон всегда нужно сохранять для себя, ибо нет ничего ужаснее, чем попасть в плен к афганцам, особенно к женщинам. Ротные командиры читали эту книгу. Замполитам было строго-настрого приказано ее даже не открывать. Им внушали, что Британия проиграла войну из-за своей политики — ошибочной и недальновидной. Советская же идеология, по определению, была безупречной, а потому никаких сомнений в победе быть просто не могло.

Марш-бросок в Коренгал имел успех на протяжении первых трех миль. Четвертая далась гораздо сложнее: рота столкнулась

с сопротивлением, которое рядовые бойцы посчитали ожесточенным, а офицеры — подозрительно слабым.

Офицеры оказались правы. Это была ловушка.

Моджахеды выждали, пока боевой порядок Советов растянется на четыре мили, и лишь тогда обрушились на них всей своей мощью. Вертолеты с подкреплением встречались шквалом заградительного огня ракет класса «земля-воздух», поставленных американцами. К концу 1982 года тысячи советских бойцов оказались в аналогичной ситуации: брошенные на произвол судьбы в импровизированных, построенных на скорую руку палаточных лагерях, растянувшихся длинной цепью. Зима встретила их пронизывающим ветром и лютыми холодами.

А затем начались вылазки моджахедов.

Многие оказались в плену. Судьба их была ужасной.

Лиля процитировала строки из стихотворения Редьярда Киплинга: «Если ж, раненый, брошен ты в поле чужом, где старухи живых добивают ножом, дотянись до курка и ступай под ружьем к Солдатскому Богу на службу». Она рассказала, как пехотинцы внезапно пропадали неизвестно куда, а через несколько часов ветер доносил звук их нечеловеческих криков из невидимых глаз вражеских лагерей, расположенных где-то неподалеку. Большинство тел так и не нашли. Но иногда обезображенные трупы подбрасывали обратно: с отрубленными кистями и ступнями или целыми конечностями, а то и вовсе без головы.

Лиля не была свидетелем этих кошмарных событий, но рассказ ее звучал так, словно она видела все воочию. Я поймал себя на мысли, что из нее получилась бы неплохая писательница. У нее был явный талант к повествованию.

— Самой желанной добычей для моджахедов, — продолжала она, — были наши снайперы. Разумеется, мама очень беспокоилась за отца. И за брата тоже. Почти каждую ночь они уходили в рейд со своей ВСС с электронной оптикой, сливаясь с грядой холмов. Достаточно далеко для результативной стрельбы, но и достаточно близко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Хотя по-настоящему в безопасности почувствовать себя нельзя было нигде. Им приказано было стрелять по врагам. Их настоящей целью были русские пленные. Они считали это милосердием. К тому времени мама уже была беременна. Мной. Меня зачали в горном шурфе под старой шинелью образца Второй мировой войны.

Я промолчал. Светлана смотрела в одну точку прямо перед собой.

— В первый месяц отец и дядя возвращались в лагерь каждое утро, целыми и невредимыми. Они были очень хорошей командой.

На секунду Лиля задумалась. А затем вдруг сменила тему:

— В то время в Афганистане были американцы. Солдаты. Не много, но были. Советский Союз считался врагом Америки, а моджахеды — ее союзниками. Все та же холодная война, только чужими руками. Президента Рейгана устраивало, что Советская армия обескровлена и измотана. Это было частью его антикоммунистической стратегии. И он не прочь был использовать шанс для захвата образцов нашего новейшего оружия. Поэтому в зону боев были направлены специальные разведгруппы. Ваш спецназ. И однажды ночью, ранней весной 1983-го, одна из таких групп накнулась на моего отца и дядю и похитила их ВСС.

Я снова промолчал.

— Но что еще хуже, американцы передали моего отца и дядю моджахедам. Мама слышала их крики весь следующий день, вплоть до поздней ночи. Шестнадцать, восемнадцать часов. Даже в этих нечеловеческих воплях она различала...

— Простите, — прервал я ее проникновенный рассказ, — но я вам не верю.

Лиля подняла на меня глаза:

— Я говорю правду.

Я покачал головой:

— Я служил в армии США. В военной полиции. И пусть и в общих чертах, но мне известно, куда мы посылали наших солдат, а куда нет. Ни один американский военный не ступал на землю Афганистана. По крайней мере тогда.

— Но вы науськивали одних на других.

— Разумеется. Как и вы, когда мы были во Вьетнаме.

— И оказывали материальную помощь. Моджахедам. Разве нет? А где военная помощь Соединенных Штатов, там и пресловутые американские «военные советники». Это-то вы не будете отрицать?

— Даже если вы и правы, — ушел от прямого ответа я, — почему не допустить, что вашего отца и дядю захватили в плен те же моджахеды?

— Да потому, что ВСС так и не нашли. И ни один снайпер ни разу не выстрелил по расположению роты, где воевала мама. В магазине отцовской винтовки было двадцать патронов, и еще

двадцать он держал про запас. Если бы его взяли в плен сами моджахеды, они убили бы или, по крайней мере, попытались четыре десятка наших солдат, а потом бросили бы ВСС. И мамина рота обязательно наткнулась бы на нее. Моджахеды — люди неглупые. Они имели привычку запутывать след и возвращаться на позиции, которые мы давно считали покинутыми. Однако за время боев наши солдаты побывали во всех их тайных укрытиях. Они наверняка нашли бы отцовскую ВСС. Так что единственный логичный вывод напрашивается сам собой: винтовку забрали американцы.

Я не сказал ничего.

— Я говорю правду, — вновь повторила Лиля.

Какое-то время мы все сидели молча. Тактичный официант, воспользовавшись паузой, предложил нам чай. Лилия назвала сорт, о котором я даже не слышал, а затем перевела для своей мамы, которая заказала такой же. Я попросил кофе: обыкновенный, черный. Дождавшись ухода официанта, я спросил Лилию Хоц:

— И как же вы вычислили, кого искать?

— Поколение моей мамы, — ответила она, — готовилось к войне с вами и верило, что обязательно победит. Ибо их идеология была верной, а ваша — нет. Ожидалось, что после уверенной и скорой победы тысячи американцев окажутся у нас в плену. Сортировать их на этой фазе предстояло политическим комиссарам. И чтобы помочь им в этом, замполитов знакомили со структурой ваших Вооруженных сил.

— Знакомили? Кто?

— КГБ. Они знали, кто чем занимается. Многих из вас они даже знали по именам. И не только офицеров. Мама рассудила, что для спецопераций в долине Коренгал могли использоваться лишь три варианта. Либо «Морские львы» из ваших военно-морских сил, либо разведывательные подразделения Корпуса морской пехоты, либо «Дельта» из Сухопутных войск. Однако наша разведка не подтверждала присутствие «Морских львов» или морских пехотинцев. А вот на базах «Дельты», наоборот, отмечалась повышенная активность в эфире. Наш радар перехватил сигналы нескольких неопознанных самолетов. Так что логика подсказывала: операции проводились отрядом «Дельта».

Вернулся официант с подносом. Разливая чай, он устроил настоящую церемонию. Передо мной он поставил кофе в изящной чашечке. Когда официант наконец ушел, Лилия продолжила:

— Мама рассудила, что ночным рейдом должен был командовать офицер в звании капитана. Лейтенант — это слишком мало, майор — наоборот, много. У КГБ были списки личного состава. В «Дельте» числилось множество капитанов. Но был еще и анализ радиоперехватов. Кто-то слышал упоминание имени Джон.

Я кивнул.

— Мама знала все о ваших медалях. За ВСС полагалась одна из самых крупных наград. Но какая именно? Ведь большинство из них вручают «за мужество и героизм, проявленные в бою с вооруженным врагом Соединенных Штатов Америки». Тот, кто завладел ВСС моего отца, не мог претендовать на эти награды — ведь формально Советский Союз не являлся врагом США. По крайней мере, в военном смысле.

Я снова кивнул.

— Захватить ВСС было большим подвигом. Заслуживающим большой медали. И мама сделала вывод: из всех возможных это могла быть только одна медаль — «За выдающиеся заслуги». Помните ее критерий? «За служебную деятельность на благо Правительства США во время войны или же в особых обстоятельствах мирного времени, которая признана исключительной». Военнослужащие рангом ниже бригадного генерала награждаются ею крайне редко. Это была единственная значительная награда, которую мог получить капитан подразделения «Дельта» той ночью в долине Коренгал.

В душе я был с ней согласен. Светлана оказалась неплохим аналитиком.

— Итак, — подытожил я, — вы принялись искать человека по имени Джон, который был капитаном «Дельты» и был награжден медалью «За выдающиеся заслуги» в марте 1983-го. И заставили Сьюзан Марк вам в этом помочь.

— Я не заставляла Сьюзан, — возразила Лиля Хоц. — Она вызвалась сама.

— С чего бы?

— Потому что приняла близко к сердцу историю моей мамы. И мою тоже. Ведь я всю жизнь росла без отца — так же, как и она сама.

— Тогда объясните, каким образом всплыло имя Сэнсома. Я ни за что не поверю, что вся эта история с конгрессменом родилась в головах кучки частных нью-йоркских детективов, листавших газеты и отпущавших шуточки по поводу и без.

— Посудите сами, — сказала Лиля. — «Дельта», медаль, Джон, но не генерал. Слишком редкое сочетание, не правда ли? Мы обратили на него внимание случайно: когда читали статью в «Геральд трибюн», где он заявлял о своем намерении баллотироваться в сенат. Мы тогда были в Лондоне. Джон Сэнсом, пожалуй, был единственным в истории вашей армии, кто подходил под все вышеназванные критерии. Совпадение — четыре из четырех. Но нам требовалось подтверждение.

— Для чего? Что вы хотите с ним сделать?

— Сделать? — Лиля Хоц искренне удивилась. — Мы не хотим ничего с ним делать. Мы просто хотим поговорить с этим человеком, вот и все. Мы хотим спросить его: почему? Почему он так поступил с двумя другими людьми — такими же, как и он сам?

Она допила чай и поставила чашку на блюдце.

— За что убили вашего мужа? — спросил я.

— Моего мужа? — Лиля помедлила. — Такое было время.

— То же и с мужем вашей матери.

— Нет. Если бы Сэнсом выстрелил ему в голову или ударил ножом, это было бы совсем другое. Но он поступил подло.

Я промолчал.

— Вы отдадите мне информацию Сьюзан?

— А смысл? — спросил я. — К Джону Сэнсому вас все равно не подпустят. Если хоть что-то из того, о чем вы здесь рассказывали, действительно имело место, значит, это государственная тайна. И этим делом уже занимаются несколько федеральных агентств. Вы сами говорили, что вами интересуются. В лучшем случае вас вышлют из страны. В худшем — вы обе исчезнете.

Лиля ничего не ответила.

— Хотите совет? — сказал я. — Забудьте об этом деле. Ваш отец и ваш дядя просто погибли на войне.

— Мы всего лишь хотим спросить его: почему?

— Вы и так знаете почему. Официально наши страны не воевали, поэтому он не мог их просто убить.

— Сьюзан действительно везла подтверждение? Короткий ответ: да или нет. Я не стану ничего предпринимать, пока не ознакомлюсь с фактами.

— Вы не станете ничего предпринимать, точка.

— Я могу как-то заставить вас изменить свое решение?

— Нет, — твердо ответил я.

Официант принес счет. Лиля подписала его.

Я положил на стол телефон Леонида. И приготовился уходить.

— Оставьте телефон у себя, — попросила Лиля Хоц.

— Зачем?

— Мы с мамой пробудем в городе еще несколько дней. И мне хотелось бы иметь возможность вам позвонить.

Помолчав секунду, она добавила:

— Даже если вы и не друг.

Мне показалось, я услышал едва уловимую, резкую, как писк нетопыря, нотку угрозы.

Пожав плечами, я сунул телефон обратно в карман, поднялся из-за стола и направился к выходу из отеля. Намереваясь успеть в «Шератон» до того, как Сэнсом завершит свой обед.

Я не успел в «Шератон» до того, как Сэнсом завершил свой обед: отчасти потому, что тротуары были битком забиты народом, и отчасти потому, что обед конгрессмена оказался коротким. На один с ним экспресс я тоже не попал, что означало разницу в полтора часа по времени, когда каждый из нас двоих добрался до Вашингтона.

На входе в здание Кэннон дежурил уже знакомый мне паренек в форме. В вестибюле, как всегда, толклись местные служащие, и один из них вызвался проводить меня к приемной Сэнсома.

Дверь в коридор, куча флагов, куча орлов, стол секретарши, за ним — молодая женщина. Спрингфилд что-то говорил ей, опираясь на угол стола. Увидев меня, он сразу же направился к двери, коротко бросив на ходу:

— В кафетерий.

Мы спустились по лестнице на один пролет. Кафетерий представлял собой просторный зал с низким потолком и множеством столов и стульев. Сэнсома нигде не было. Спрингфилд хрюкнул, словно ничуть не был удивлен, и сделал вывод, что босс, пока мы его искали, видимо, вернулся к себе обходным путем — через кабинет кого-нибудь из коллег-конгрессменов. Мы прошли обратно тем же маршрутом. Спрингфилд приоткрыл дверь в кабинет шефа, просунул голову, а затем повернулся ко мне и кивнул, приглашая войти.

Сэнсом сидел в кресле из красной кожи за большим столом, на котором были разложены бумаги. Вид у него был сосредоточенный и спокойный — как у человека, просидевшего на одном ме-

сте довольно долго. Он явно никуда не выходил. Крюк до кафетерия был обыкновенной хитростью: чтобы тот, кто был в кабинете передо мной, успел незаметно выйти. Я сел в кресло для посетителей — оно было еще теплым. На стене за головой Сэнсома висела уже знакомая мне фотография в рамке. Та же, что и в его книге: Дональд Рамсфелд и Саддам Хусейн, в Багдаде. Рядом теснилось скопление прочих фото, некоторые из них — групповые, разумеется, с участием Сэнсома.

— Итак? — сказал конгрессмен.

— Мне известно, за что вы получили медаль в 1983-м.

— И за что же?

— За ВСС. Винтовку снайперскую специальную. Пожилая особа, о которой я вам говорил, — вдова того человека, у кого вы ее забрали. Вот почему вы так среагировали на имя. Вероятно, вы взяли у него и жетон. Возможно, он до сих пор у вас.

Никакого удивления. Никаких отрицаний. Просто ответ:

— Жетоны отданы по инстанции вместе с рапортом и всем остальным.

Я промолчал.

— Его звали Григорий Хоц, — продолжал Сэнсом. — Мы были почти ровесниками. Мне он показался вполне компетентным. Его напарник обязан был засечь наше приближение.

Последовала пауза. Затем вся серьезность ситуации словно дошла до конгрессмена, плечи его опустились. Он вздохнул:

— Разве это правильно? — спросил он. — Медали должны быть наградой, а не наказанием.

Я ничего не ответил.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Ничего. Мне плевать, что произошло в 1983-м. Но они мне солгали. Сперва о Берлине, да и теперь — они до сих пор лгут. Они утверждают, что они мать и дочь. Но я им не верю.

— Тогда кто они?

— Я готов допустить, что старуха настоящая. Она была замполитом в Советской армии и потеряла в Афганистане двоих близких людей — мужа и брата.

— Брата?

— Его напарника.

— А девушка? Думаете, она выдает себя за кого-то другого?

— За эмигрантку, вдову миллиардера, живущую в Лондоне.

— И кто же она, по-вашему?

— Думаю, журналистка. У нее подходящий склад ума. Плюс талант рассказчика. Но она говорит слишком много лишнего.

— Например?

— Она утверждает, что политические комиссары находились в окопах вместе с простыми солдатами. И что ее зачали в горном шурфе под старой шинелью образца Второй мировой. Чушь! Советские комиссары всегда держались как можно дальше от боевых действий. Торчали где-нибудь в штабе.

— А вам-то это откуда известно?

— Вы прекрасно знаете откуда. Мы готовились воевать с Советским Союзом в Европе. И верили, что победим. Мы ожидали, что миллионы русских окажутся у нас в плену. Военную полицию специально учили, как обращаться с таким количеством пленных. Руководство возлагалось на 110-е следственное спецподразделение. Мы знали о Советской армии больше, чем о собственных Вооруженных силах. Разумеется, мы знали, где искать комиссаров. Нам предписывалось уничтожать их на месте без всякой пощады.

— Хорошо, если эта девушка действительно журналистка, то какая конкретно?

— Вероятнее всего, телевизионная.

— Страна?

— Украина.

— Ракурс?

— Исследование, история плюс обыкновенный человеческий интерес.

— Но зачем? Ради чего? Поставить нас в неловкое положение?

— Не нас. Думаю, они хотят скомпрометировать русских. Между Россией и Украиной сейчас довольно напряженные отношения. Мне кажется, они хотят сказать: смотрите, какая плохая эта большая Москва, как она бросает в беде бедных беспомощных украинцев.

— Почему же этот репортаж до сих пор не снят?

— Им нужны факты, — ответил я.

— И они их получают?

— От вас? Вряд ли. А кроме вас никто ничего не знает наверняка. Сюзан Марк не успела сказать им ни «да» ни «нет». Так что завеса снова опущена. Я дал им совет: забыть обо всем и возвращаться домой.

Сэнсом молча кивнул. Лицо его едва заметно покраснело.

— И что вы теперь обо мне думаете? — спросил он.
— Я думаю, вы должны были выстрелить им в голову.

Он немного помедлил:

— У нас не было оружия с глушителем.

— Отнюдь, — возразил я. — Вы как раз завладели им.

— А как же правила боя?

— К черту правила. Советы не таскали за собой криминалистические лаборатории.

— Так что вы все-таки обо мне думаете?

— Я думаю, вам не следовало передавать пленных моджахедам. Именно на это, похоже, собиралось напирать украинское телевидение, если бы репортаж вдруг вышел в эфир. Поставить вас лицом к лицу с пожилой женщиной и задать прямой вопрос: почему?

Сэнсом пожал плечами:

— Жаль, что этого никогда не будет. Потому что на самом деле мы никому их не передавали. Мы просто отпустили их. Это был обдуманный риск. Они потеряли свою винтовку. Разумеется, все решили бы, что она попала в руки врага. А это несмываемый позор и пятно на всей роте. Мы знали, что русские до смерти боялись своих командиров и комиссаров. И эти двое лезли бы из кожи вон, пытаясь доказать правду: что это были американцы, а не афганцы. Но их правда звучала бы как жалкая отговорка. Им все равно не поверили бы. Так что я спокойно отпустил их обоих.

— И что же было дальше?

— Полагаю, им было страшно возвращаться к своим. И они бродили вокруг, пока не напоролись на кого-то из местных. Григорий Хоц был женат на политическом комиссаре. Он потерял голову от страха. Именно это его и убило.

Я промолчал.

— Я не хочу никого ни в чем переубеждать, — продолжал Сэнсом. — Вы абсолютно правы насчет напряженности между Россией и Украиной. Но между Россией и нами напряженность ничуть не меньше. Особенно сейчас. И если история с Коренгалом всплывет наружу, будет очень большой скандал.

На столе Сэнсома зазвонил телефон. Его секретарша. Я слышал ее голос из трубки.

— Мне нужно идти, — извинился конгрессмен. — Я попрошу, чтобы вас проводили к выходу.

Он вышел из кабинета. Спрингфилд тоже куда-то делся. Я остался один. Никто за мной не приходил.

Через минуту я встал и подошел к стене за столом Сэнсома. Я вглядывался в фотографии. Считая лица, которые узнавал. Четыре президента, девять политиков, пять спортсменов, два киноактера, Дональд Рамсфелд, Саддам Хусейн, Элспет, Спрингфилд. Плюс кое-кто еще.

На всех снимках, явно сделанных после очередной победы на выборах, рядом с Сэнсомом широко улыбался один и тот же человек. Вероятно, начальник его избирательного штаба.

Мужчина скалил белые зубы, но взгляд его оставался холодным. Взгляд профессионального игрока.

Я уже знал, кто сидел до меня в кабинете конгрессмена.

Я знал начальника его избирательного штаба. Я видел его раньше. В слаксах и рубашке для гольфа, в ночном поезде нью-йоркской подземки маршрута номер 6.

Но тут за мной пришли, и через две минуты я вновь стоял на Индепенденс-авеню. Четырнадцать минут спустя я уже ждал ближайшего поезда Вашингтон — Нью-Йорк. А еще через пятьдесят восемь минут сидел в вагоне, наблюдая за исчезающим за окном городом. В этот момент я уже знал все, что мне только предстояло еще узнать. Но я не знал, что знаю это. По крайней мере, тогда.

ГЛАВА 6

Когда поезд прибыл на Пенсильванский вокзал, было уже довольно поздно. Я перекусил в кафе через дорогу от того места, где мы завтракали с Джейкобом Марком. И направился в 14-й участок.

Ночная смена уже началась. Ли и ее напарник Догерти оказались на месте. В помещении было тихо — так, словно из него высосали весь воздух. Или как после дурных известий.

Я прошел в глубину зала. Догерти разговаривал по телефону. Тереза Ли подняла на меня взгляд:

— Я сейчас не в том настроении.

— Для чего?

— Для Сьюзан Марк. — Помедлив, она вздохнула: — Что у вас?

— Я знаю, кто был пятый пассажир.

— В вагоне было четверо пассажиров.

— Ага. А Земля плоская, и Луна сделана из сыра.

— Этот ваш мнимый пассажир совершал какое-нибудь преступление между 30-й и 45-й улицами?

— Нет, — ответил я.

— Значит, дело остается закрытым.

Догерти повесил трубку и посмотрел на напарницу.

— Что случилось? — спросил я.

Ли снова вздохнула:

— Массовое убийство. На территории 17-го участка. Тяжелый случай. Четыре трупа, мужчины, под магистралью ФДР, забиты до смерти.

— Молотками, — добавил Догерти.

— Кто они? — спросил я.

— Неизвестно, — ответил Догерти. — Похоже, для этого и нужны были молотки. Лица — сплошная каша, зубы выбиты, пальцы на руках расплющены.

— Старые, молодые, черные, белые?

— Белые, — сказал Догерти. — Не старые. В костюмах. С фальшивыми визитками в пиджаках.

Телефон на его столе снова зазвонил. Догерти снял трубку. Я повернулся к Ли:

— Вам придется возобновить дело Сьюзан Марк.

— С какой стати?

— С такой, что те четверо — частные детективы, нанятые Лилей Хоц.

— Вы кто? — усмехнулась она. — Телепат?

— Я встречался с ними дважды.

— Нет оснований полагать, что вы встречались именно с этими людьми.

— Они дали мне одну из своих фальшивых визиток.

— Такие визитки используют все подряд.

— Они называли имя Лили Хоц.

— Нет, некие личности называли вам ее имя. В Нью-Йорке полно частных детективов. И все они на одно лицо и занимаются одним и тем же.

— Они также упоминали имя Джона Сэнсома. Кстати, они были первыми, от кого я его услышал.

— И что? Может, это были его люди, а не Лили? У Сэнсома вполне достаточно оснований, чтобы подключить к этому делу своих людей, разве нет?

— Начальник его штаба ехал в том поезде. Он-то и был пятым пассажиром.

— Вот видите.

— И вы ничего не собираетесь предпринять?

— Я передам вашу информацию в 17-й участок.

— То есть вы не будете возобновлять дело?

— Нет, пока не услышу о преступлении по эту сторону Парк-авеню.

Я понял, что дальнейший разговор не имеет смысла.

— Я отправляюсь во «Времена года», — попрощался я.

В вестибюле было тихо. Я уверенно прошел к лифту и поднялся на этаж Лили. Перед дверью в люкс я остановился.

Дверь была на дюйм приоткрыта.

Выждав пару секунд, я постучал. Никто не ответил. Я толкнул дверь и прислушался. Ни звука.

Я вошел в номер. В гостиной было пусто. Пусто, в смысле безлюдно. Как в номере, из которого выписались.

В спальнях та же картина. Шкафы были пустыми.

Я вышел обратно в коридор. Спустился на лифте и подошел к портю. Мужчина за стойкой вопросительно взглянул на меня и спросил, может ли он чем-то помочь. Меня интересовало точное время, когда Светлана и Лиля Хоц выписались из гостиницы.

— Как вы сказали, сэр? — переспросил он.

— Светлана и Лиля Хоц, — повторил я.

Мужчина нажал какие-то кнопки на клавиатуре, покрутил колесиком мыши вверх-вниз и пожал плечами:

— Сожалею, сэр, но у нас не было таких постояльцев.

Я подсказал ему номер люкса. Он нажал еще пару кнопок:

— Этот люкс не используется уже неделю.

Я начинал терять терпение.

— Я сам был в нем вчера. И он очень даже использовался. А сегодня я лично встречался с его постояльцами, здесь, в баре гостиницы. Проверьте подпись на счете.

Мужчина снял трубку, набрал номер и попросил, видимо бармена, проверить счета, выписанные на номера гостей. Никто ни на кого ничего не выписывал.

В этот момент сзади послышались тихие звуки. Шарканье подошв по ковру, хрип сдерживаемого дыхания, вздох проходящей сквозь воздух ткани. И легкий щелчок металла. Я повернул-

ся. Прямо передо мной полукругом стояли семеро. Четверо из них были в форме патрульных. И трое уже знакомых мне федералов.

В руках у полицейских были дробовики.

У федералов — нечто совсем другое.

Семь человек. Семь стволов. Дробовики — «Франчи СПАС-12». Из Италии. Далеко не табельное оружие нью-йоркской полиции.

Двое федералов сжимали в руках пистолеты. «Глок-17», калибр девять миллиметров. Австрийские, угловатые, легкие и очень надежные.

Третий — по всей видимости, старший — держал оружие, которое я видел всего раз в жизни: по телевизору, на канале «Нэшнл джиографик». Документальный фильм о живой природе. Гориллы. Группа исследователей-зоологов выслеживала крупного самца-доминанта. Они хотели вставить в ухо гориллы серьгу с радиомаячком. Животное весило около пятисот фунтов. Они усыпили его дротиком со снотворным, выпущенным из пистолета-транквилизатора.

Именно такой штуковиной целил в меня сейчас старший из федералов. Пистолет-транквилизатор.

Люди с «Нэшнл джиографик» всячески убеждали зрителей, что эта процедура абсолютно гуманна. Дротик представлял собой миниатюрный конус с оперением и древком из хирургической стали. Острые венчала стерильная керамическая ячейка, пропитанная анестетиком. Через восемь секунд гориллу уже шатало, а через двадцать самец впал в кому. Чтобы через десять часов проснуться в отличном здравии. Но горилла весила в два раза больше меня.

Ствол пистолета смотрел мне точно в бедро. В дальнем углу вестибюля топталась бригада «скорой». С каталкой наготове.

Старший выстрелил. Из пистолета-транквилизатора. Я услышал выхлоп сжатого газа и ощутил острую боль в бедре.

Я посмотрел вниз. Из штанины торчал оперенный черешок. Я вытянул его. Стальное древко было измазано кровью. Но кончик исчез: жидкость растекалась внутри меня. Все семеро точно скользнули куда-то вбок. Край конторки ударил меня в плечо. Либо она вдруг выросла, либо это я съезжал вниз. Я пытался отсчитывать секунды. Мне хотелось дойти до девяти. Я хотел перешеголять гориллу.

Мой зад встретился с полом. Взгляд на миг прояснился, в глазах завертелся вихрь ярких серебристых фигур. Сменившийся

чередой каких-то безумных снов. Лишь позже я сообразил, что начало снов стало точкой, когда я официально отключился.

В конце концов я вынырнул на поверхность. Я лежал на узкой кровати. Кисти и лодыжки стягивали пристегнутые к рейкам пластиковые наручники. Я был по-прежнему полностью одет, только без ботинок. Я пошевелил пальцами ног. Затем бедрами. В карманах было пусто. Кто-то опустошил их, пока я спал.

Подбородком я поскреб о рубашку. Щетина. Примерно восьмичасовая. Горилла с «Нэшнл джиографик» продрыхла десять. 1:0 в пользу Ричера.

Я снова приподнял голову. Я находился в клетке, а клетка — в какой-то комнате. Без окон. Яркий электрический свет. Ряд из трех новехоньких стальных клеток, скрепленных точечной сваркой, внутри большого и старого кирпичного помещения. Каждая клетка была площадью примерно восемь на восемь футов и столько же в высоту. Вместо крыши — стальные прутья, такие же, как и с боков. Основанием каждой клетки служил стальной лист. По краям листы загибались вверх — получалось что-то вроде поддона глубиной в дюйм. Никаких болтов. Клетки не были прикреплены к полу.

Я находился в центральной клетке. Из мебели — лишь кровать, к которой я был привязан, и туалет. Ничего более. Остальные клетки выглядели точно так же. От каждой по полу комнаты тянулись длинные выемки. Три узкие канавки, недавно выдолбленные и сглаженные свежим бетоном. Канализационные трубы для туалетов, решил я, плюс водопровод к умывальникам.

Остальные две клетки были пустыми. Я был совсем один.

В дальнем углу комнаты висела камера наблюдения. Видимо, где-то были и микрофоны.

В следующую секунду деревянная дверь открылась, и в комнату вошел человек. Что-то вроде медбрата. В руке он держал шприц с какой-то жидкостью. Медик посмотрел на меня сквозь решетку.

— Смертельная доза? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Обезболивающее. Для вашей ноги.

— Моя нога в норме. Лучше проваливайте.

Что он и сделал.

Я уронил голову на кровать. Уставился сквозь прутья в потолок и приготовился ждать.

Ждать пришлось не дольше минуты: деревянная дверь снова открылась и в комнату вошли два уже знакомых мне федерала. Старшего с ними не было. Один из агентов держал в руках «Франчи-12». В руке второго был некий инструмент и связка тонких цепочек. Парень с дробовиком подошел вплотную к решетке, просунул ствол меж прутьями и вдавил дульный срез мне в шею. Второй отомкнул дверь клетки, покрутив туда-сюда круглую шкалу. Кодовый замок. Инструмент в его руке оказался резак.

Парень разложил свои цепочки на мне. Одна должна была скрепить мои кисти с талией, другая — сковать лодыжки, а третья соединяла между собой первые две. Стандартные тюремные кандалы. Чтобы я мог семенить ногами не более фута за шаг и поднимать руки не выше бедер. Парень закрепил цепочки по очереди и лишь затем разрезал пластиковые стяжки. Из клетки он вышел спиной вперед, оставив дверь решетки открытой.

От меня ждали, что я соскользну с кровати и встану на пол. Поэтому я остался лежать.

Однако мы с федералами, похоже, проходили одну и ту же спецподготовку. Они удалились, бросив на ходу:

— Когда проголодаетесь, кофе с кексами там.

Мяч вновь был на моей стороне. Я чуть выждал, из уважения к себе, и пошаркал из клетки.

Внешняя дверь вела в комнату с деревянным столом по центру. Три стула с дальней стороны были заняты федералами. Один, на моей стороне стола, явно предназначался для меня. На столе ровной линией было разложено содержимое моих карманов. Свернутая пачка купюр и горстка монет. Мой старый паспорт. Кредитная карточка. Зубная щетка. Проездной на метро. Визитка Терезы Ли. Фальшивая визитка парней, нанятых Лилей Хоц. Флешка из магазина «Радио Шэк» в розовом неопреновом чехольчике. Плюс складной телефон Леонида. Всего девять предметов.

В стене слева от стола была еще одна дверь. Справа — низкий комод. На комод — стопка салфеток, пластиковые стаканчики, термос и тарелка с двумя кексами с черникой. Я проковылял к комоду и налил кофе в стаканчик. Отнес к столу. Сел. Опустил голову, отхлебнул. Хуже кофе найти было трудно.

Старший подвинул руку к моему паспорту.

— Почему он истек? — спросил он.

— Потому что никто не властен заставить время стоять на месте.

— Я имел в виду: почему вы не продлили его?

— Не чувствовал особой нужды.

— Когда вы в последний раз выезжали за пределы США?

— Я бы и так поговорил с вами, — сменил я тему. — Незачем было стрелять в меня дротиком, точно я сбежал из зоопарка.

— Вас предупреждали не один раз.

Я усмехнулся:

— Ни удостоверений, ни имен, ни обвинений, ни адвокатов.
О, дивный новый мир!

— Именно.

— Что ж, — сказал я, — тогда желаю удачи.

— Где вы родились? — спросил старший.

— В Западном Берлине.

— Ваша мать француженка?

— Была француженкой. Она умерла.

— Мне жаль. А вы уверены, что вы американский гражданин?

— К чему вы клоните?

— Вы родились за границей от матери-иностранки.

— Я родился на военной базе. Это считается суверенной территорией США. Мои родители состояли в браке. Мой отец был американским гражданином. Морским пехотинцем.

— И вы можете это доказать? От того, гражданин вы США или нет, будет во многом зависеть ваша дальнейшая судьба.

— Моя дальнейшая судьба будет зависеть лишь от того, насколько у меня еще хватит терпения.

Агент слева поднялся и вышел в третью комнату. Я успел заметить столы, без людей. Дверь за агентом закрылась.

— Ваша мать была алжиркой? — продолжал старший.

— Я только что сказал: она была француженкой.

— Она была мусульманкой?

— Какое вам дело?

— Я просто выясняю.

Указательным пальцем он чуть пододвинул ко мне розовый чехол с флешкой.

— Вы скрыли это от нас, когда мы вас обыскивали. Сьюзан Марк передала ее вам в поезде.

— Сьюзан Марк ничего мне не передавала. Флешку я купил в магазине «Радио Шэк».

Агент молча пожал плечами и подтащил флешку обратно к себе, после чего пододвинул на дюйм вперед фальшивую визитку и телефон Леонида.

— Вы работаете на Лилу Хоц, — сказал он. — Визитка доказывает, что вы общались с местной командой, которую она наняла, а мобильник — что она звонила вам, как минимум, шесть раз. Номер отеля «Времена года» записан в памяти.

— Это не мой мобильник.

— Мы нашли его в вашем кармане.

— Лилиа Хоц не останавливалась во «Временах года». Так сказал мне портье.

— Он сказал то, что ему велели.

— Я не работаю на нее.

— Ваш телефон доказывает обратное. Где сейчас Лилиа Хоц?

— Разве вы не в курсе? Я думал, вы взяли ее, когда она выпивалась из отеля.

Агент ничего не ответил.

— Вы обыскали ее номер в гостинице. Я полагал, что вы за ней наблюдаете.

Снова молчание.

— Вы упустили ее, да? Просто великолепно! Иностранная подданная со странными связями в Пентагоне, и вы позволяете ей уйти?!

Агент был явно сконфужен.

— Мы облажались, — честно признался он.

— Кто она? — спросил я.

— Самый опасный человек из всех, кого вам доводилось встречать.

— По виду не скажешь.

— Именно поэтому.

— Я понятия не имею, где она может быть, — сказал я.

Агент подтащил фальшивую визитку с мобильником обратно в линию и пододвинул ко мне карточку Терезы Ли.

— Как много знает Ли? — спросил он.

— Вам что за дело?

— Послушайте. Перед нами очень простая последовательность задач. Нам нужно найти Хоц, нам нужно вернуть настоящую флешку с данными, но более всего нам нужно локализовать утечку информации. Для этого нам нужно знать, насколько далеко она успела распространиться. То есть нам нужно знать, кому и сколько известно.

— Никому ничего не известно. И меньше всех — мне.

— Мы с вами по одну сторону баррикад.

— Что-то не похоже.

— Советую вам отнестись к делу серьезно.

— Куда уж серьезнее! Но я действительно не знаю, кому и сколько известно.

Слева послышался звук открывающейся двери. Старший кивнул, точно давал кому-то добро. Я повернулся. В руке агента с левого стула был пистолет. Пистолет-транквилизатор. Он поднял его и спустил курок. Дротик больно вонзился мне в плечо...

Я проснулся, но продолжал лежать, не открывая глаз. Мои внутренние часы возвращались в рабочий ритм, и мне не хотелось им в этом мешать. Сейчас они показывали шесть вечера. То есть я был в отключке еще примерно восемь часов. Очень хотелось есть и пить. Я по-прежнему был без обуви. Но кисти и лоджки больше не были привязаны к раме кровати.

Открыв глаза, я обнаружил две вещи. Во-первых, в клетке справа находилась Тереза Ли. Во-вторых, в клетке слева был Джейкоб Марк. Оба — полицейские. Оба — без обуви, как и я. Оба смотрели на меня. На Ли были голубые джинсы и белая блузка. Джейк был в полицейской форме минус ремень, пистолет, радио и ботинки. Я приподнялся и перекинул ноги за край кровати. Затем встал, прошел к умывальнику и жадно приник к крану. Нью-Йорк — к гадалке не ходи. Я узнал вкус воды.

Взглянув на Терезу Ли, я спросил:

— Вы знаете точный адрес места, где мы находимся?

— Думаю, эта комната прослушивается, — предупредила Ли.

— Не сомневайтесь, — ответил я. — Но они и так знают, где мы находимся.

Ли ничего не ответила. Было видно, что ее что-то гнетет.

— В чем дело? — спросил я.

— Те клубы на Бликер-стрит — они гораздо ближе к Шестой, чем к Бродвею. Там ходят поезда всех маршрутов: А, В, С и D. Почему вы оказались именно на 6-м поезде?

— Мне некуда было идти. Я вышел из бара, свернул налево и просто пошел. Лучшего объяснения я дать не могу.

— У вас нет сумки, — продолжала она. — Я еще ни разу не видела бездомного без вещей. У большинства из них вещей больше, чем я скопила за всю свою жизнь. Они даже возят их в тележке.

— Я другой. Не бездомный. Не как они.

Она ничего не ответила.

— Вам завязывали глаза, когда везли сюда? — спросил я.

Она посмотрела на меня, долго и пристально, а затем покачала головой и вздохнула:

— Мы в старом заброшенном пожарном депо в Гринич-Вилдж. На Западной 3-й улице. В подвале.

— Вам известно, кто эти парни?

— Они не предъявили удостоверений. Ни сегодня, ни в ту первую ночь, когда приезжали в участок, чтобы допросить вас.

— И?..

— Иногда не предъявлять удостоверение — это все равно что предъявить его. Если ты из тех немногих, кто не делает этого никогда. Про них ходят разные слухи.

— Кто они?

— Они работают напрямую на министра обороны.

— Тогда все ясно, — ответил я. — Министр обороны, как правило, самый тупой человек в правительстве.

Ли скосила глаза на камеру и спросила:

— Вы знаете, что им нужно?

— Не все.

— Не надо, не говорите. Просто скажите: это как-то связано с Белым домом?

— Возможно. Когда они за вами пришли?

— Днем. Около двух. Я еще спала.

— С ними были полицейские?

Ли утвердительно кивнула.

— Вы знаете тех патрульных? — спросил я.

Она покачала головой:

— Отряд по борьбе с терроризмом. Крутые парни. Живут по собственным правилам, всегда держатся особняком. Весь день колесят по городу. В основном в спецмашинах, иногда в фальшивых такси. Один спереди, двое сзади. Большими кругами, вверх по Десятой, вниз по Второй.

— Сколько сейчас времени? Где-то шесть ноль шесть?

Она сверилась с часами и взглянула на меня с удивлением.

— Минута в минуту.

Я повернул голову к Джейку:

— А ты?

— Я здесь примерно с полудня.

— Какие-нибудь новости от Питера?

— Ничего.

— Плохо. Эти парни с вами уже говорили?

Оба моих собрата по несчастью отрицательно покачали головами.

— Вам страшно? — спросил я.

Оба кивнули.

— А вам? — поинтересовалась Ли.

— Я хорошо сплю, — усмехнулся я. — Думаю, это транквилизаторы.

В шесть тридцать принесли еду. Плюс по бутылке воды на каждого. Первым делом я опустошил бутылку и наполнил ее из-под крана.

Ровно в семь пришли за Джейкобом Марком. Без наручников. Мы с Ли почти не разговаривали. Я еще и еще раз прокручивал в памяти разговоры. С Джоном Сэнсомом, Лилей Хоц, агентами из соседней комнаты. Отмечая недомолвки, странные комментарии, полунамеки не к месту. Я не знал, что они означают. Но знать, что они есть, уже было важно само по себе.

В семь тридцать привели Джейка и забрали Терезу Ли. Без наручников. Джейк сел на кровать, спиной к камере наблюдения. Я смотрел на него. Вопросительно. Он закатил глаза. А затем положил руки на колени, вне поля зрения камеры, изобразив пистолет большим и указательным пальцем правой руки. Едва заметно похлопав себя по бедру, взглядом показал на мое. Я кивнул. Пистолет-транквилизатор. Джейк положил два пальца между коленями, а третий вытянул вперед и чуть влево. Я снова кивнул. Двое за столом, третий, с транквилизатором, слева. И начеку. Я помассировал виски и, не опуская рук, произнес одними губами: «Где наша обувь?» «Не знаю», — так же ответил Джейк. После чего мы сидели молча.

В восемь привели Терезу Ли и снова забрали меня. Без наручников. Без кандалов. Очевидно, решив, что я уже понял, что такое транквилизаторы. Парни были отчасти правы. Мне больше не хотелось терять зря время.

Комната была заполнена точь-в-точь, как просемафорил мне Джейкоб Марк. Все мои пожитки были разложены на столе. Девять предметов. Про себя я порадовался данному обстоятельству, ибо собирался забрать, как минимум, семь с собой.

— Присаживайтесь, мистер Ричер, — пригласил агент на стуле посередине.

Я двинулся к стулу. Парни явно расслабились. Как-никак, третий час допроса подряд. А допрос — работа тяжелая. Все трое утомились достаточно, чтобы их бдительность слегка притупилась. Так что, стоило мне безропотно направиться к стулу, как они решили, что неприятности позади. А зря.

В полушаге от цели я вдруг поднял ногу к краю стола и, резко выпрямив, толкнул вперед. Толкнул, а не пнул, так как был без обуви. Стол ударил обоих сидящих по животам, пригвоздив к стульям. Но я уже сместился влево. Выпрямившись из низкого старта, движением вверх и на себя я вырвал пистолет-транквилизатор из рук третьего и с ходу ударил его коленом в пах. Выпустив оружие, он скрючился пополам. Я перебросил вес на другую ногу и нанес агенту удар коленом в лицо. Прямо как танцор-ирландец. После чего развернулся и выстрелил в грудь старшему. А затем метнулся к столу и молотил второго рукояткой по голове до тех пор, пока тот не обмяк.

Четыре шумные, жесткие секунды. Стол, пистолет, старший, второй. Быстро и четко. Двое тех, кого я ударил, были в отключке. Третий — близко к тому, спасибо химии.

Я взглянул на дверь в третью комнату. Та оставалась закрытой. Я проверил у третьего парня под пиджаком. «Глока» не было. Никакого огнестрельного оружия в замкнутом помещении в присутствии заключенного. Я проверил остальных. Тот же результат.

Обыскал их карманы. Пусто.

Я снова поднял пистолет-транквилизатор. И подошел к двери в третью комнату. За дверью никого не было.

Но была прихожая и еще одна дверь. Я пересек прихожую и чуть приоткрыл дверь.

Лестница. Я закрыл дверь и осмотрелся. Три стола, пять картотечных шкафов, четыре шкафчика для одежды — все из стали, все на замках. С кодом.

Я долго стоял на месте. Замки меня очень сильно расстроили. Мне хотелось перезарядить пистолет и обездвижить тех двоих агентов. И еще мне нужны были мои ботинки.

Я прошлепал обратно к клеткам.

Джейкоб Марк и Тереза Ли посмотрели вверх, по сторонам, назад. Классическая оторопь.

— В чем дело? — спросила Ли.

— Они уснули.

— Вот теперь у вас точно будут проблемы.

Я проверил замки на решетках клеток. Шарообразные ручки поворачивались в обе стороны. Я покрутил. Никаких щелчков.

Я спросил своих братьев по несчастью:

— Вы хотите, чтобы я вытащил вас отсюда?

— Почему вы спрашиваете? — удивилась Тереза Ли.

— Потому что тогда проблемы будут и у вас. Джейк?

— Как ты нас вытащишь?

— Это будет непросто. Поэтому мне нужно знать, стоит ли начинать.

— Я — за, — ответил Джейк.

Я посмотрел на Терезу Ли:

— Я рассказывал Сэнсому, как мы изучали Советскую армию. Знаете, чего они больше всего боялись? Не нас. Больше всего они боялись своих же товарищей. Самой ужасной пыткой для них было доказывать свою невиновность — снова и снова, вплоть до конца жизни.

Ли кивнула.

— Я тоже — за, — сказала она.

— О'кей.

Я прикинул габариты и вес.

— Сидите тихо, — велел я обоим. — Я вернусь меньше чем через час.

Первой моей остановкой была соседняя комната. Все трое федералов так и лежали в ауте. Старший пробудет в этом состоянии еще часов восемь. А то и больше — ведь его масса не дотягивала и до двух третей моей. Но остальные двое могли вот-вот очнуться. А посему пришлось метнуться в прихожую, выдрать из стен все компьютерные шнуры и крепко связать обоих. Для полноты картины я снял носки и заткнул ими рот агента, получившего пистолетом по голове.

Я сгреб со стола свой скарб и, рассовав по карманам, вышел из здания.

Лестница вела вверх на первый этаж и выходила с обратной стороны того, что некогда служило гаражом для пожарных автомобилей. Дверь для персонала защищал новенький замок, но его основным предназначением было не впускать посторонних внутрь. Изнутри это была самая обыкновенная ручка. Снаружи — круговая шкала для набора кода. Я взял валявшийся на полу тя-

желый медный соединитель для шлангов и втиснул между дверью и рамой. Получился узкий зазор — на случай моего возвращения. Я вышел в переулок и через пару шагов оказался на тротуаре Западной 3-й улицы.

Никто не обращал внимания на мои босые ноги. Поймав такси, я попросил отвезти меня в строительный магазин на 23-й. Магазин уже закрывался, но меня впустили. Я быстро нашел то, что нужно: пятифутовый железный лом, толстый и крепкий. Путь к кассе вел через отдел для садоводов, и я решил прихватить пару резиновых башмаков. Они были ужасны, но все же лучше, чем ничего. Я оплатил покупки кредиткой: тем самым я, безусловно, оставлял след в компьютерной сети, но у меня не было причин скрывать тот факт, что я покупаю инвентарь. О покупке все равно скоро станет известно — и совсем иным образом.

Спустя минуту я уже ехал в такси обратно на юг. Вышел я на 3-й — рядом с пожаркой, но не совсем у входа.

Захлопнув дверцу, я заметил уже знакомого мне медбрата в десяти футах впереди. Свежий и отдохнувший, он как раз сворачивал в переулок. Пересменка, прикинул я. Весь день форт держали агенты, а на ночь их сменял эскулап.

Я перекинул лом в левую руку и оказался за спиной у медбрата перед самой дверью в депо. Не давая ему опомниться, я толкнул его в спину. Он влетел внутрь, припав на одно колено. Я высвободил соединитель для шлангов, и дверь тут же захлопнулась. Медбрат поднял руки, давая знак, что сдается.

Вместе мы прошли во вторую комнату. Увидев на полу троих агентов, он сразу понял, что дело дрянь. И взглянул на меня — здорового и решительного громилу в нелепых резиновых башмаках, с железным ломом в руках.

— Ты знаешь коды замков на клетках? — спросил я.

— Нет.

— Где твои вещи?

— В шкафчике.

— Показывай, — велел я.

Мы вернулись в прихожую, и он подвел меня к одному из четырех шкафчиков. После чего повертел шкалу с цифрами.

В шкафчике было несколько полок, доверху набитых разными медицинскими вещами. Плюс упаковка дротиков.

— Что в них? — спросил я.

- Местный наркоз для обезболивания раны плюс барбитурат.
- Сколько барбитурата? Хватит, чтобы свалить гориллу?
- Нет. Уменьшенная доза. В расчете на среднего человека.
- Побочные эффекты?
- Ноль.
- Уверен? Ты ведь уже понял, к чему я спрашиваю?

Парень кивнул. Он понял.

Я поднял пистолет, перезарядил.

— Не хочешь лечь на пол? — спросил я. — Чтобы не биться головой.

Он послушно лег на спину.

— Выбирай: в руку или в ногу?

— Лучше всего в мышечную массу, — ответил он.

— Тогда перевернись.

Он перекатился на живот, и я выстрелил ему в зад.

Дважды перезарядив пистолет, я всадил по дротику в двоих агентов, которые могли вот-вот очухаться. Это давало мне, как минимум, восемь часов форы — разве что вдруг заявятся другие гости. Или если агенты должны были докладывать начальству о ситуации каждый час. Я взял лом и отправился в тюремный блок со стальными клетками.

Обойдя клетку Ли, я вогнал лом плоским концом под днище. Навалившись, почувствовал, как вся конструкция подалась — чуть-чуть.

— Это автономный модульный куб, — сказала Тереза Ли. — Его можно перевернуть, но я все равно останусь внутри.

— Вообще-то не автономный, — заметил я.

— Он не скреплен болтами с полом.

— Его поджимают трубы канализации. Под унитазом. Если я приподниму решетку и трубы выдержат, стальной лист оторвется и вы сможете выползти наружу.

— Валяйте.

В двух комнатах от нас раздался телефонный звонок.

Я опустил на колени и просунул лом под нижнюю горизонтальную перекладину. Затем чуть подбил его ногой в сторону, чтобы лом встал точно под сварным швом: там, откуда мое усилие передастся вверх по вертикальному пруту.

Телефон в двух комнатах от нас перестал звонить.

Я посмотрел на Терезу Ли:

— Встаньте на унитаз.

Она взобралась наверх, стараясь удерживать равновесие. Навалившись на лом всем весом, я качнул — раз, два, три. Яркая бузинка металла со звоном отскочила в сторону.

— Это точка! — крикнула Тереза Ли. — Точка от сварки.

Я передвинул лом на следующую позицию, в двенадцати дюймах слева. Втиснул посильнее, убрал слабинку, качнул. Тот же результат. Зазвонил второй телефон. Уже другим тоном.

Я отступил. Передвинул лом. Повторил процедуру и был награжден еще одним сломанным швом. Три позади, но впереди намного больше. Зато теперь у меня появилась опора для рук — в нижнем пруте, где лом продавил металл. Присев на корточки лицом к клетке, я протиснул руки в пазы ладонями вверх.

Второй телефон перестал звонить.

И сразу же заголосил третий.

Я поднатужился и попытался встать. Стенка клетки приподнялась примерно на фут. Пронзительно взвизгнув, стальной лист изогнулся точно бумага. Но швы не поддались.

— Прыгайте, — приказал я Терезе Ли.

Оттолкнувшись, Ли прыгнула с унитаза. Босые ступни с силой ударили в те самые точки, где находились под давлением еще два шва. Швы лопнули, и пол клетки изогнулся, образовав V-образный скат. Как отпавшая вниз челюсть. Примерно в фут шириной и столько же в глубину. Неплохо, но все еще недостаточно.

Теперь все три телефона звонили одновременно.

Дальше было намного проще — просто повторять всю процедуру снова и снова. Мы уложились в восемь минут. Ли вылезла из клетки на спине, ногами вперед, выгибаясь, как танцор лимбо.

То же самое я проделал с клеткой Джейкоба Марка.

В двух комнатах от нас телефоны разом умолкли.

Из здания мы убрались оперативно. Ли напялила ботинки старшего федерала. Те оказались великоваты, но ненамного. Джейк переоделся в шмотки медбрата. Он полагал, что некомплектная форма полицейского, к тому же нездешнего, вызовет подозрения.

Мы вышли на 3-ю улицу и направились к Шестой авеню.

Перейдя Шестую, мы нашли убежище на Корнелия-стрит — темной и тихой, за исключением посетителей за столиками открытых кафе. Пройдя вверх по улице, мы остановились, чтобы провести инвентаризацию. У Ли и Джейка не было ничего. Все их вещи остались под замком в подвале старой пожарной. У меня было то,

что я успел забрать со стола, и самое главное — моя наличность, кредитная карточка, проездной на метро и мобильник Леонида. Мы пересчитали деньги. Сорок три доллара. На проездном — всего четыре поездки. Батарея в сотовом — почти на нуле. Мы знали, что номера кредитки и мобильного Леонида уже мигают в компьютерных сетях. Но меня это не волновало. Если бы мы, сбежав с Западной 3-й, через пару дней решили снять деньги в банкомате где-нибудь в Оклахома-Сити, тогда эти данные были бы существенными. Но если мы снимем деньги сейчас, в паре кварталов от старой пожарки, они не узнают ничего кроме того, что им известно и так.

Так что мы нашли банкомат, и я снял с карточки всю наличность, которая там была. Три сотни баксов.

По пути Ли купила внешний аккумулятор для сотовых. Подключив его к мобильнику Леонида, она позвонила Догерти, своему напарнику. Было уже десять минут одиннадцатого, и тот наверняка собирался на службу. Догерти не ответил. Ли оставила сообщение и тут же выключила мобильник. Она сказала, что сотовые снабжены чипами *GPS*. Я этого не знал. Самый безопасный способ пользоваться мобильником, когда ты в бегах, добавила она, — это держать его выключенным и включать лишь на пару секунд перед тем, как переместиться из одного места в другое. Тогда те, кто отслеживает тебя через *GPS*, всегда будут на шаг позади.

Мы зашли в шумное бistro в самом центре территории Нью-Йоркского университета. В заведении был полумрак и полно студентов. Я чувствовал себя смертельно голодным. Но более всего мне хотелось пить. Опустошив несколько стаканов воды, я заказал что-то вроде шейка из йогурта и фруктов. Плюс бургер и кофе. Джейк и Ли от еды отказались.

— Лучше расскажи нам, что все это значит, — как-то само собой перешла на «ты» Ли.

— Я думал, вы не хотите ничего знать, — ответил я.

— Мы только что перешли эту грань.

— Они не предъявили удостоверений. Вы оба имели полное право считать задержание незаконным. В этом случае побег не считается преступлением.

Ли покачала головой:

— Я знала, кто они.

Я перевел взгляд на Джейка. Мне надо было убедиться, что он в команде. Он молча пожал плечами: мол, назвался груздем, по-

лезай в кузов. И я рассказал все, что знал. Про март 1983 года, про Сэнсома, про долину Коренгал. Все детали.

— И насколько, по-твоему, это серьезно? — спросил Джейк.

— Слишком, — ответила за меня Ли. — Во всяком случае, для нас троих. Так как в целом все пока тихо. Понимаете, что я имею в виду? Если бы в курсе были три тысячи человек, изменить что-то было бы практически невозможно. Но в данный момент в курсе всего лишь трое. А три — это такая крохотная цифра. Настолько крохотная, что ее легко можно обнулить.

— Как это?

— Да вот так. Поверь, я знаю, что говорю. Кто станет наводить справки? Ты не женат. Я не замужем. — Ли посмотрела на меня. — А ты, Ричер? Ты женат?

Я покачал головой.

Она секунду помедлила.

— Видите. Никто не будет задавать никаких вопросов.

— Но это же абсурд! — возмутился Джейк. — У нас есть права!

— Были.

Джейк промолчал. Я допил свой кофе. Ли попросила счет и, дождавшись, пока я расплачусь, включила телефон Леонида. На экране мелькал маленький конвертик. Входящее сообщение.

— Это Догерти, — сказала она.

Ли читала, то и дело нажимая кнопку прокрутки. Сообщение было длинным. И, судя по лицу Ли, не предвещало ничего хорошего. Наконец она захлопнула телефон и передала мне.

— Ты был прав. Те четверо трупов под эстакадой — парни, работавшие на Лилу Хоц. Ребята из 17-го взломали их офис и нашли записи о счетах, выписанных на ее имя. Но не это главное. Этим записям три месяца, а не три дня. В Министерстве национальной безопасности нет никаких данных, подтверждающих, что две женщины с фамилией Хоц когда-либо въезжали на территорию США. И Сьюзан Марк никогда не звонила в Лондон.

ГЛАВА 7

Позвонил — сразу уходи, гласит правило. По Бродвею мы вышли к театру «Астор-плейс» и спустились в метро. После турникетов на проездом осталась одна-единственная поездка. Линия 6, местный, со всеми остановками, в сторону спальных районов. Там, где все это началось. Одиннадцать вечера. Мы сидели в вагоне, втроем на скамейке для восьмерых.

— И как это понимать? — спросил Джейк. — Или Хоцы не те, за кого себя выдают, или правительство уже прикрывает задницу, стирая информацию?

— Хоцы не те, за кого себя выдают, — ответил я.

— Ты думаешь или ты знаешь?

— Уж больно легко все вышло там, на вокзале. Леонид стоял так, чтобы я точно его заметил. Затем он позволил себя ударить. Им было нужно, чтобы я взял телефон и узнал про «Времена года». Они мной манипулировали. Накладывая слой за слоем. Они заманили меня в отель и попытались решить все по-доброму. У них был даже запасной план: прийти в участок и подать заявление о пропаже. Раньше или позже, но я должен был на них выйти.

— Что им от тебя нужно?

— Информацию Сьюзан.

— Какую?

— Я не знаю.

— Кто они?

— Не журналисты. Здесь я ошибся.

— Где они могут быть? Из отеля они ушли.

— У них всегда был запасной адрес. Я не знаю где. Вероятно, где-то здесь, в городе. Возможно, это какой-нибудь особняк. Потому что они не одни. У них целая команда. Очень опасная. Те четверо были правы. За что и поплатились.

Поезд остановился на «23-й». Двери открылись. Никто не вошел. Никто не вышел. Ли молча глядела в пол. Джейкоб посмотрел на меня:

— Если министерство не в состоянии отследить, въезжала ли в страну Лиля Хоц, значит, они не могут сказать, ездила ли она в Калифорнию. То есть она вполне могла быть той, с кем Питер ушел из бара.

— Да, — согласился я. — Вполне.

Двери закрылись. Поезд двинулся дальше.

Тереза Ли оторвала взгляд от пола и повернулась ко мне:

— То, что случилось с теми четырьмя мужчинами, — наша вина. А конкретно — твоя. Это ты сказал Лиле, что знаешь о них. Тем самым сделав из них ненужных свидетелей.

— Спасибо, что уточнила, — ответил я.

Это вы подтолкнули ее к краю пропасти. Конкретно твоя вина.

Мы вышли на «33-й». На Парк-авеню былолюдно. Две полицейские машины проехали мимо нас в первую же минуту. Путая след, мы свернули к югу, на тихую поперечную улочку, в сторону Мэдисон-авеню. Я чувствовал себя полным сил. Шестнадцать часов сна пошли мне на пользу. Но Джейк с Ли едва держались. Им некуда было идти, и для них это было впервые. О том, чтобы идти домой, не могло быть и речи.

Квартал, где мы находились, мне нравился. В Нью-Йорке сотни подобных микрорайонов. Даже на Парк-авеню и Мэдисон есть свои закутки. Поперечные улочки здесь неприглядны и бедноваты. Спрятавшись под строительными лесами, мы выждали, пока стрелки часов перевалят за полночь, и лишь затем отправились на поиски гостиницы. Та, что мы нашли, выглядела изрядно потрепанной. И была меньше, чем мне хотелось.

Зато вполне подходила для моего коронного фокуса с пятьюдесятью долларами.

В итоге пришлось выложить семьдесят пять — похоже, ночной портье заподозрил, что мы решили устроить групповуху на троих. Номер, который он предоставил, оказался крошечным, в самом конце здания, с двумя односпальными кроватями.

— Мы не можем бесконечно так жить, — сказала Тереза Ли.

— Можем, если захотим, — усмехнулся я. — Лично я живу так уже десять лет.

— Ладно, нормальный человек не может бесконечно так жить. Нам нужна помощь. Сама по себе проблема не рассосется.

— Какая помощь?! — не выдержал Джейк. — Кто станет нам помогать?!

— Сэнсом, — ответил я. — Ему есть что терять.

Я вытащил из кармана мобильник и бросил на кровать рядом с Ли.

— Позвони завтра в офис Сэнсома и потребуй личного разговора. Скажи, что ты детектив из Управления полиции Нью-Йорка и что ты со мной. Скажи, что мы знаем, что его человек был на том поезде. И что нам известно, что он получил медаль не за ВСС. И что это еще не все.

— Почему ты думаешь, что это не все? — спросила Ли.

— Потому что у Сэнсома четыре медали, а не одна. Думаю, он много чего наделал.

— Например?

— Все, что ему приказывали. Сама подумай. Какова вероятность наткнуться на пару снайперов в крошечной темноте? Один к миллиону. Послали бы они такого аса, как Сэнсом, бродить по ночным холмам наудачу? Наверняка там было что-то еще.

— Как-то слишком туманно.

— Я разговаривал с Сэнсомом в Вашингтоне. Он выглядел очень мрачным. Угрюмым и как будто обеспокоенным.

— Неудивительно. Не за горами выборы.

— Но добыть секретную винтовку у русских, разве это не круто? Разве этого нужно стыдиться? Так что его реакция была неподходящей.

— Все равно туманно.

— Он знал имя снайпера. Я предположил, что он до сих пор хранит их жетоны в качестве сувениров. Но он сказал: нет, жетоны отданы по инстанции вместе с рапортом и всем остальным. Он будто случайно оговорился. Всем остальным. Что это может значить?

Ли не ответила.

— Мы разговаривали о судьбе снайпера и корректировщика. Сэнсом сказал, у их группы не было оружия с глушителем. Еще одна оговорка. «Дельта» никогда не посылает бойцов в тайные ночные рейды без оружия с глушителем. Напрашивается вывод: эпизод с ВСС был чистой случайностью, побочным продуктом чего-то гораздо более важного.

— Насколько важного? — спросил Джейкоб Марк.

— Не знаю. Но что бы то ни было, оно непременно связано с информацией. Вспомните. Лиля Хоэ с самого начала искала флешку. Как и федералы, которые убеждены, что она должна где-то быть. Они сказали, что их задача — вернуть настоящую флешку с данными. Именно настоящую, поскольку мою они сразу отбросили как пустышку.

— Но ведь у Сьюзан ничего с собой не было.

— Верно. И тем не менее все вокруг считают, что было.

— Какого рода данные?

— Понятия не имею. Могу лишь сказать, что Спрингфилд, начальник службы безопасности Сэнсома, был не на шутку встревожен. «Не стоит ворошить прошлое», — сказал он мне.

— И что из этого следует?

— А ты подумай. Что происходит, когда начинают ворошить прошлое?

— Вылезает всякая дрянь.

— Вот именно. Вылезает. В настоящем времени. Все это дело связано с чем-то, что актуально и в наши дни.

Я видел, что Тереза обдумывает мои слова.

— Этот твой Сэнсом не больно-то осторожен, — заметила она. — Столько обмолвок за один разговор.

— Не уверен, — ответил я. — Он читал мое досье. Возможно, он искал помощи. Может, Сэнсом нарочно подбросил мне пару крошек, надеясь, что я пойду по подсказанному пути.

— Потому что?

— Потому что он хочет, чтобы крышка опять закрылась.

— Он что, не доверяет Спрингфилду?

— Доверяет всей своей жизнью. Но Спрингфилд — это всего один человек.

— Значит, Сэнсом обязан помочь нам.

— Нет, не обязан, — поправил я. — Но, возможно, склонен. Вот почему я хочу, чтобы ты позвонила ему прямо с утра. Встретимся в десять, в парке Мэдисон-сквер.

— Куда ты собрался?

— Пойду поищу Лилу Хоу. Наверняка она тоже ищет меня.

— Боюсь, не только она. Копы, ФБР, Министерство обороны — все сейчас ищут Джека Ричера.

— Да уж, хлопотная выдалась ночь.

Нью-Йорк. Час ночи. Лучшее и в то же время худшее время и место в мире для охоты на человека. На улицах все еще былолюдно. Я выбрал 30-ю и прошел до Лексингтон-авеню. Искусству быть невидимкой меня никогда не учили. Но я справлялся.

Особое внимание я уделял машинам. Единственный способ найти человека в Нью-Йорке — это колесить по улицам. Заметить полицейские автомобили было несложно. Каждый раз, когда я видел, что приближается один из них, я нырял в ближайший

дверной проем и оседал на землю. Всего-навсего очередной бездомный бродяга. Полицейские машины без маркировки отслеживать намного сложнее. Но бюджет сводит выбор к горстке конкретных моделей. Плюс все они, как правило, грязные и дышат на ладан.

Кроме федеральных машин. Те же марки, те же модели, но новые, чистые и отполированные.

У команды Лили Хоц автомобили наверняка прокатные, предположил я, новые и только из мойки. Я принимал все меры предосторожности, чтобы не попасться на глаза стражам правопорядка, и делал все от меня зависящее, чтобы броситься в глаза людям Лили Хоц.

Я бродил уже полтора часа, но ничего не происходило.

Пока я не сделал петлю до перекрестка 22-й и Бродвея.

Краем глаза я заметил, как со стороны 23-й выкатывается черный «форд». «Краун-виктория». Чистый и блестящий. Иглы антенн на крышке багажника пронзали свет фар от автомобиля, шедшего в тридцати ярдах сзади. «Форд» тащился со скоростью пешехода.

На этом участке Бродвей в два раза шире. Шесть полос — все в сторону юга. Я был на тротуаре слева. Рядом — многоквартирный дом. Справа, за шестью полосами, — Флэтайрон-билдинг, знаменитый «Утюг».

В десяти футах спереди — вход в метро.

«Форд» затормозил на второй из шести полос. Свет фар вычертил два мужских силуэта на передних сиденьях.

Я присел на низкую кирпичную стенку, отделявшую дом от тротуара. В асфальте рядом с бордюром был вход в подземку. Южный вход станции «23-я улица». Поезда *N*, *R* и *W*. Платформа в сторону окраины города. Я заключил пари сам с собой, что это вход с турникетом *HEET*. Вращающимся, от пола до потолка. Пари не на деньги. На нечто гораздо более ценное. Жизнь, свободу и стремление к счастью.

В половине второго метро работает по ночному графику. С двадцатиминутными интервалами между поездами. Я не слышал никакого грохота снизу. Не ощущал даже малейшего порыва воздуха.

«Форд» резко свернул через четыре полосы и встал параллельно бордюру, напротив меня. Оба мужчины продолжали сидеть внутри. Автомобиль точно федеральный. На тротуаре было нелюдно, но и не сказать, что пустынно.

Дверцы открылись. Пассажир встал рядом с водителем у капота. Между нами — максимум футов двадцать. Их жетоны пристегнуты к нагрудным карманам. ФБР, догадался я.

— Федеральные агенты, — громко подтвердил пассажир.

Я никак не отреагировал.

— Джек Ричер? — окликнул пассажир.

Я не ответил. Если не можешь придумать ничего лучше, прикинься глухонемым.

Мои башмаки были из резины и сидели гораздо менее плотно, чем я привык. Но даже сквозь них я почувствовал первые отголоски грохота под землей. Поезд. Либо отходящий от платформы «28-й улицы» к центру, либо идущий с «14-й» в сторону окраин. Первый мне не подходил. Я был не с той стороны Бродвея. Мне нужен был второй.

— Держите руки так, чтобы я их видел, — скомандовал пассажир.

Я сунул руку в карман. Отчасти — чтобы нащупать свой проездной, отчасти — мне было интересно, что произойдет дальше. Агентов инструктируют доставать оружие лишь в случае крайней необходимости. Иначе могут пострадать невинные люди.

Оба агента моментально извлекли пушки. Пистолеты «глок».

— Не двигаться, — приказал пассажир.

Мусор на решетке заколыхался. Поезд в сторону окраин. Я молча встал и направился к входу в метро. Вниз по лестнице — спокойно, не торопясь. Спинай я слышал шаги агентов. Я повернул проездной в кармане и вынул нужной стороной вперед.

Я не ошибся: вход защищала решетка от пола до потолка, как в тюремной камере. И два вращающихся турникета. Узкие, в полный рост. Никакой надобности в будке с контролером. Я вставил проездной в прорезь. Последний кредит отозвался зеленым светом, и я толкнул вертушку вперед. Агенты за моей спиной остановились как вкопанные. Будь это стандартный турникет, они просто перемахнули бы через него. Но *НЕЕТ* лишал их такой возможности. А проездных им не выдают. Они беспомощно стояли за прутьями. Первые три вагона уже обвинили изгиб платформы. Поезд с лязгом остановился, и я вошел внутрь, даже не сбавив шага. Двери закрылись, и состав унес меня прочь.

Я был в одном из поездов *R*. Маршрут *R* следует под Бродвеем до Таймс-сквер, где чуть выравнивается до пересечения 57-й и

Седьмой и идет строго вправо, с остановками на пересечениях 59-й и Пятой и 60-й и Лексингтон, прежде чем нырнуть под реку и дальше на восток — в Квинс. Ехать в Квинс я не собирался. Я нутром чуял: моя цель где-то тут, на Манхэттене. Вероятнее всего, в Ист-Сайде и рядом с 57-й. «Времена года» были просто обманкой. Обычным отвлекающим ходом. Но и настоящая база Лили должна быть где-то поблизости. Не по соседству, но и не далеко.

И эта база — отдельный особняк. Потому что с ней шайка головорезов и им нужно иметь возможность приходить и уходить скрытно.

Поезд миновал Таймс-сквер. Я вышел на углу 59-й и Пятой. Поднялся по подземному переходу и убедился, что меня не ждут.

Я находился в трех кварталах к западу от места, где вышла бы Сьюзан Марк, не произоиди с ней то, что произошло.

Вот тогда-то я и понял, что Сьюзан Марк вовсе не направлялась во «Времена года». Одетая во все черное и готовая принять бой. С самого начала ее целью был совсем другой адрес — на одной из поперечных улочек, темной и неприметной. В квадрате из шестидесяти восьми кварталов, что я вычертил для себя в уме: от 42-й до 59-й и от Пятой до Третьей.

Я двинулся на восток через Пятую, возобновив свой бесцельный променад: сторонясь машин, оставаясь в тени, готовый драться или бежать — в зависимости от того, кто выйдет на меня первым.

Я пересек Мэдисон, направляясь к Парк-авеню. Теперь я был точно позади «Времен года» — отель был в двух кварталах южнее. Улица состояла в основном из бутиков и розничных магазинов — все как один под замком. На Парк-авеню я свернул на юг, затем — снова на восток, по 58-й. Появились особняки. Одни из них — консульства с флагами малых держав. Другие — офисы разных фондов или небольших корпораций. Третьи — таунхаусы, но разделенные на множество отдельных квартир.

Я продолжал бродить: на запад и на восток, на север и на юг, по 58-й, 57-й, 56-й, Лексингтон, Третьей, Второй. Ничто не бросилось мне в глаза.

Время приближалось к трем, и я уже настроился повернуть назад. Но в этот момент тишину прорезал резкий визг тормозов. Я обернулся. В двадцати футах от меня стоял золотистый «шевроле-импала». Задняя дверца открылась, и из нее вышел Леонид.

Леонид шагнул на край тротуара. Машина сорвалась с места и вновь остановилась в двадцати футах за мной. Вышел водитель. Неплохая пластика. Леонид явно преобразился. Такой же высокий и худой, сейчас он был в черной обуви, черных штанах и черной спортивной толстовке с капюшоном. Он был настороже и выглядел очень опасным. Он выглядел как бывший военный.

Подал назад, я прижался спиной к стене дома рядом со мной — так я мог контролировать их обоих одновременно. Второй был от меня справа — приземистый, крепкий, на вид чуть за тридцать. Темные волосы. Дешевый черный тренировочный костюм. В мозгу у меня сразу засело: одноразовый.

Низкорослый шагнул ко мне. Леонид — тоже.

Стандартная дилемма: драться или бежать. Мы были на южной стороне 56-й. Я мог рвануть через улицу и попробовать от них оторваться. Но эти двое наверняка быстрее меня. Поэтому я остался на месте.

Слева Леонид стал ближе еще на шаг.

Справа низкорослый ответил тем же.

То, чему армии так и не удалось научить меня в дисциплине «Как оставаться невидимым для врага», она с лихвой компенсировала в дисциплине «Бой». Я был сыном военного — таким же, как множество других ребят. Нас швыряло по всему миру. Драке мы учились у местных. Боевые искусства — с Востока, кулачный бой — из горячих точек Европы, ножи и «розочки» — из не менее жарких уголков Штатов. К двенадцати годам все это сплывало в сгусток ничем не сдерживаемой свирепости. «Просто сделай это» было нашим девизом задолго до того, как «Найки» сшили свою первую пару обуви. В восемнадцать мы думали, что непобедимы. Это было не так. Но стало почти правдой, когда нам стукнуло двадцать пять.

Я взглянул на Леонида: на костяшках его пальцев блеснул кастет.

У низкорослого тоже.

Леонид шагнул в сторону. Низкорослый — за ним. Они вывели углы. Я стоял спиной к стене дома, что давало мне сто восемьдесят градусов свободного пространства спереди. Каждый из них хотел сорок пять градусов этого пространства справа и еще сорок пять — слева. Даже рванись я вперед, они перекрывали мне все направления отхода.

Первое правило, когда дерешься против кастета: не дай себя ударить. Особенно по голове. Лучший же способ не дать ударить

себя — это вытащить пистолет и пристрелить своих оппонентов. Но я был безоружен. Еще один способ — держать противника на расстоянии либо, наоборот, войти в клинч, став с ним как можно ближе. На расстоянии — чтобы тот, сколько б ни махал, ни разу не дотянулся. Как можно ближе — чтоб не махал вообще. Держать дистанцию можно с помощью длинных рук, если они у вас, конечно, имеются, либо работой ног. Длина рук у меня дай боже. Но сейчас я имел дело сразу с двумя противниками, и я не был уверен, что пинки — это вариант, который можно использовать. Все из-за этих чертовых резиновых говнодавов.

Правой пяткой я с силой уперся в стенку.

Я прикинул, что они набросятся на меня вдвоем. Утешало одно: в их задачу не входило меня убить. Лиля Хоц еще не получила от меня того, что ей нужно. Плохой же новостью было то, что масса серьезных травм заканчивается смертельным исходом.

— Тебе не обязательно становиться калекой, — сказал Леонид с диким акцентом. — Ты можешь просто поехать с нами и поговорить с Лилей.

— Пожалуй, я погожу. Кстати, вам инвалидное кресло тоже ни к чему. Просто скажи Лиле, что вы меня не нашли.

— Но это будет неправда.

— Не стоит быть рабом истины, Леонид.

Преимущество скоординированной атаки двух противников одновременно в том, что один из них должен дать другому сигнал. Я предположил, что главный здесь — Леонид. Обычно кто первым говорит — тот и главный. Именно он должен дать сигнал к бою. Я следил за его глазами, очень внимательно.

— Ты злишься за то, что произошло на вокзале? — спросил я.

— Я сам подставился под удар. Приказ Лили.

— Расскажи мне о Лиле.

— Она просто выполняет свою работу.

— Какую работу?

Леонид не ответил. Я наблюдал за ним. Его глаза чуть расширились, голова нагнулась в едва заметном кивке. Они напали на меня вместе. Оттолкнувшись от стены, я прижал кулаки к груди и, раскинув локти, как крылья самолета, рванул на них с той же силой, с какой рванули они. Мы встретились в сингулярной точке, как стягивающийся треугольник. Мои локти врезались им обоим прямо в лица. Я почувствовал, как вылетают верхние зубы низкорослого справа и как свернулась нижняя челюсть Леонида слева.

С разворота я нанес низкорослому удар в ухо. Его шея с хрустом заломилась куда-то вбок. Чвакнув второй ногой в проклятом резиновом башмаке, я резко вогнал свой локоть Леониду в живот. Его позвоночник чудом не пробил поясницу насквозь. Используя энергию толчка, я отпрыгнул обратно к низкорослому. И нанес ему удар снизу в почку. От удара его развернуло ко мне лицом. Я больно боднул его в переносицу. Он рухнул как подкошенный. Леонид успел зацепить меня по плечу кастетом. Меня это разозлило. Я вырубил его апперкотом в челюсть. Его челюсть уже была сломана. Теперь она сломалась еще чуть больше.

Я взял десять секунд, чтобы отдышаться. Еще десять — чтоб поостыть. Потом отволок обоих по тротуару и усадил, прислонив к стене, где стоял сам еще пару минут назад. Костюмы с капюшонами растянулись. Одноразовые, как я и предполагал, если вымокнут в моей крови. Затем я вывихнул обоим в локте правую руку. Оба были правши. Никакого необратимого повреждения.

Я обхлопал их карманы. У обоих были мобильники. С моим фото. Я забрал оба. Больше ничего не нашлось. Ни денег. Ни ключей.

Кастеты я выбросил в водосток.

«Импала» все еще работала на холостом ходу у бордюра. Нью-йоркские номера. Без навигатора. То есть никакой цифровой памяти с исходной точкой маршрута. В кармане в обивке двери обнаружился договор из пункта проката, выписанный на имя, которое я никогда не слышал, и адрес в Лондоне — скорее всего, фальшивый.

Я реквизирировал машину и покатил прочь.

Проехав к югу по Второй авеню, я свернул на 50-ю улицу и следовал на восток до упора, где бросил машину в половине квартала от магистрали ФДР. Надеюсь, что парни из 17-го участка обнаружат бесхозный автомобиль и, заподозрив неладное, проведут необходимые тесты. Если люди Лили использовали «шевроле», чтобы скрыться после той бойни с молотками, в машине наверняка найдутся какие-нибудь улики.

Полой рубашки я вытер руль, рычаг переключения передач и ручки дверей. После чего выбросил ключ в решетку канализации, вернулся пешком на Вторую и огляделся в надежде поймать такси. Я помнил информацию Терезы Ли: фальшивые такси, один человек спереди, двое сзади. Я дождался машины, где не было никого, кроме водителя, и поднял руку.

Выйдя на Юнион-сквер, я присел на скамейку под негоревшим фонарем. В четыре часа утра я заснул.

Ровно в пять в кармане завибрировал один из сотовых.

Встряхнувшись, я нащупал телефон и поднес к глазам. Окошко на передней панели сообщало: «Абонент неизвестен». Я отщелкнул крышку:

— Алло.

— Значит, ты решил объявить войну, — ответила Лиля Хоц.

— Кто ты такая?

— Твой худший ночной кошмар. И у тебя до сих пор есть то, что принадлежит мне.

— Так в чем же дело? Приходи и возьми сама. А лучше отправь еще кого-нибудь из своих людей. Мне как раз нужно чуток размяться.

— Ты где? — спросила она.

— Прямо напротив твоего особняка.

Пауза.

— Тебя там нет.

— Верно, — подтвердил я. — Но ты только что подтвердила, что живешь в особняке. И что сейчас ты стоишь у окна.

— Скажи, где ты находишься.

— Рядом с тобой. Между Третьей и 56-й.

Она уже начала было отвечать, но остановилась. Прорвалось лишь какое-то короткое «э». Как «это не рядом со мной».

— Последний шанс, — сказала она. — Мне нужна моя вещь. — Ее тон смягчился. — Мы можем договориться. Просто оставь ее где-то в надежном месте и сообщи мне где. Я за ней пришлю. Ты мог бы даже заработать на этом.

— Я не ищу работу.

— А жить тебе хочется?

— Я тебя не боюсь.

— То же говорил и Питер Молина.

— Где он?

— Здесь, у нас.

— Живой? Он оставил сообщение своему тренеру.

— Или я просто прокрутила запись, которую он наговорил, перед тем как умереть. Может, он рассказал, что его тренер никогда не отвечает на звонки во время ужина.

— Как давно ты знаешь Питера?

— С тех пор как подцепила его в том баре.

— Он все еще жив?
 — Приходи — сам увидишь.
 Я начал терять терпение.
 — Твои дни сочтены, Лиля. Ты убила четырех американцев в Нью-Йорке. Это тебе с рук не сойдет.
 — Я никого не убивала.
 — Не ты, так твои люди.
 — Их уже нет в стране. К нам не подкопаешься.
 — К нам?
 — Ты задаешь слишком много вопросов.
 — От меня тебе все равно не скрыться. Я тебя найду.
 — Надеюсь.
 Телефон отключился.
 Я встал со скамейки и пошел к метро.

«Юнион-сквер» — одна из самых крупных станций нью-йоркской подземки. Множество входов, выходов, линий и путей. Я купил новый проездной — на двадцать поездок плюс три в качестве бонуса. Был шестой час утра. Станция постепенно заполнялась народом. Я прошел мимо киоска с лежавшими на земле тюками свежих таблоидов. Два разных издания. С крупными заголовками на первой странице. Один: «ФБР ИЩЕТ ТРОИЦУ». Другой: «ФБР В ПОГОНЕ ЗА ТРОИЦЕЙ».

Я развернулся и направился обратно на улицу.

Парк Мэдисон-сквер находился в семи кварталах к северу. Мне нужно было убить больше четырех часов. Часть времени ушло на покупки и еду на Парк-авеню-Саут. Всегда лучше дать своим преследователям то, чего они точно не ожидают. Беглецам не положено шляться по ближайшей округе.

В столь ранний час были открыты лишь гастрономы, супермаркеты, закусочные и кафе. Я начал с «Фуд эмпориум». Вход здесь был с 14-й улицы, выход — на 15-ю. В магазине я провел сорок пять минут. Когда мне надоело, я оставил корзину в пустом проходе и выскользнул через заднюю дверь.

Следующей остановкой была закусочная в четырех кварталах к северу. Я заказал бекон и оладьи. Затем я переместился во французский ресторанчик. Еще кофе и круассан. Кто-то оставил на стуле свежую «Нью-Йорк таймс». Я прочел ее от корки до корки. Никаких упоминаний об облавах.

Из супермаркета на углу Парк-авеню и 22-й я прошел в кругло-суточную аптеку напротив. В девять тридцать пять я описал петлю и внимательно осмотрел место предстоящей встречи с 24-й улицы. Но не увидел ничего подозрительного.

Ровно в десять я вошел в парк Мэдисон-сквер.

ТЕРЕЗУ Ли и Джейкоба Марка я нашел на скамейке у площадки для выгула собак. Они выглядели отдохнувшими, но явно нервничали.

Я присел рядом с Ли.

— Догерти отправлял мне сообщения всю ночь, пока телефон был выключен, — сказала она.

Ли достала из заднего кармана согнутую пачку листов.

— Ты что, все записывала? — удивился я.

— Это были длинные сообщения. Не хотелось лишний раз включать телефон, если вдруг понадобится что-то перечитать.

— И что же нам известно?

— Парни из 17-го проверили все пограничные терминалы. Стандартная процедура. Четверо мужчин покинули США спустя три часа после наступления смерти. Из Международного аэропорта Кеннеди. В 17-м их считают возможными подозреваемыми.

— Так и есть, — вставил я. — Лиля Хоц это подтвердила.

— Ты что, виделся с ней?

— Нет. Она мне звонила.

— Куда?

— На еще один сотовый, который я взял у Леонида. Он и его приятель меня нашли.

— Она призналась?

— Более-менее.

— И где она сейчас?

— Полагаю, восточнее Пятой и южнее 59-й.

— В Квинсе нашли сгоревший автомобиль, — продолжала Тереза Ли. — Взятый напрокат. В 17-м считают, что подозреваемые использовали его, чтобы выбраться из Манхэттена. После чего пересели на надземку к аэропорту. Но это еще не все. Все четверо направлялись в Таджикистан.

— Это где такое? Все эти новые слова меня только путают.

— Таджикистан — это по соседству с Афганистаном. У них общая граница. Как и с Пакистаном.

— До Пакистана из Нью-Йорка есть прямой рейс.

— Верно. Значит, те четверо либо из Таджикистана, либо из Афганистана. Таджикистан — то место, откуда можно перебраться в Афганистан, не привлекая к себе внимания.

— Ясно.

— И еще одно. У Министерства национальной безопасности есть специальный протокол. Что-то вроде компьютерного алгоритма. Они могут отслеживать группы людей по сходным маршрутам и сопряженным рейсам. Как выяснилось, все четверо въехали в США из Таджикистана три месяца назад — так же, как и еще несколько людей, включая двух женщин с паспортами Туркменистана. Одной — шестьдесят, другой — двадцать шесть. По их утверждениям, они мать и дочь. В иммиграционной службе готовы поклясться, что их паспорта — подлинные.

— О'кей.

— Так что Хоцы не украинки. Все, что они рассказывали, — ложь.

Я прокрутил в уме то, о чем говорила Лиля Хоц, вычеркивая пункт за пунктом. Все равно как вынимать папки из шкафа, одну за другой, пролистывать и швырять в корзину для мусора.

— Где находится этот Туркменистан? — спросил я.

— Там же, рядом с Афганистаном. Афганистан окружают Иран, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Пакистан — по часовой стрелке, если смотреть от Персидского залива.

— А этнически Туркменистан и Афганистан близки?

— Возможно. Все эти географические границы абсолютно условны. Значение имеют лишь родоплеменные связи.

— Откуда такие познания?

— Полиции Нью-Йорка об этом регионе известно больше, чем ЦРУ. Наша разведка — самая лучшая. Думаешь, Хоцы из Афганистана?

— Уж слишком много они знают о той войне с русскими.

— Может, они просто много читают?

— Нет, этого недостаточно. Книги не передают чувств. И атмосферы. Деталей, которые известны только ограниченному кругу людей. Тем, кто там был. Многое из того, о чем говорили Хоцы, для меня звучало как информация из первых рук.

— И?..

— Возможно, Светлана действительно воевала в Афганистане.

Ли чуть помедлила:

— Ты думаешь, Хоцы из моджахедов?

— Если Светлана воевала в Афганистане, но не на стороне Советов, то — да.

— То есть Светлана поведала нам всю историю с другой стороны? Вывернув наизнанку? Включая все зверства и злодеяния?

— Да, — ответил я. — Светлана не страдала от них. Она их совершала.

Мы все замолчали. Джейкоб Марк глядел в землю прямо перед собой. Наконец он наклонился вперед, повернул голову и посмотрел на меня. «Начинается», — подумал я.

— Когда Лиля Хоц звонила тебе, она упоминала о Питере?

Я кивнул:

— Это она подцепила его в том баре.

— Где он?

— По ее словам, где-то здесь, в городе.

— Он в порядке?

— Нет, я не думаю, что он в порядке. Но я могу ошибаться.

— Что конкретно она сказала?

— Я заявил, что не боюсь ее, и она ответила, что то же говорил и Питер Молина.

— Зачем им вообще было связываться с Питером?

— Чтобы подобраться к Сьюзан. Зачем же еще?

— Но для чего? Пентагон же помогает Афганистану!

— Если Светлана была моджахедкой, — ответил я, — она воевала против Советов. Но когда русские ушли, моджахеды не разбрелись по домам, пасти своих коз. Некоторые из них стали Талибаном. Все остальные стали Аль-Каидой.

ГЛАВА 8

— Ты ведь понимаешь, — сказал Джейкоб Марк. — Я должен сообщить о Питере полицейским.

Я попытался отговорить его:

— Подумай хорошенько. Что сделают копы? Они просто-напросто вызовут федералов. Те снова тебя закроют, а дело Питера положат под сукно, потому что сейчас у них дела поважнее.

— Все равно. Я должен попробовать.

— Питер мертв, Джейк.

— Шанс еще есть.

— Тогда самый быстрый способ отыскать его — это найти Лилю. И мы справимся с этим лучше, чем федералы.

— Ты так думаешь?

— Взгляни на список их достижений. Один раз ее уже упустили — и прошляпили нас, позволив выбраться из тюрьмы.

Я перевел взгляд на Терезу Ли:

— Ты говорила с Сэнсомом?

Она пожала плечами:

— Очень кратко. Он ответил, что, может быть, приедет сюда. И попросил перезвонить, чтобы договориться, где и когда. Я ответила, что держу телефон выключенным. Тогда он сказал, что позвонит на мобильник Догерти, а тот отправит мне сообщение. Так я и сделала. Но Догерти ничего не прислал. И его телефон молчит. Я пробовала связаться с ним через коммутатор участка. Но диспетчер ответил, что Догерти недоступен.

— Что это означает?

— Что он, вероятнее всего, под арестом.

Это меняло все. Ли протянула мне сложенные листки.

— Ты ведь уже все понял? Мне придется явиться с повинной. Он мой напарник. Я не могу допустить, чтобы Догерти остался один на один с этим сумасшествием.

— Из тюремной камеры ты никому не сможешь помочь.

— Пойми, для тебя это совсем другое. Ты птица перелетная. Сегодня — здесь, завтра — там. Но я так не могу. Я здесь живу.

— А как же Сэнсом? — спросил я. — Мне нужно знать время и место.

— Этой информации у меня все равно нет. К тому же тебе стоит быть осторожнее с Сэнсомом. По телефону у него был очень подозрительный голос.

С этими словами она вручила мне сотовый Леонида — мой первый трофей — и внешний аккумулятор.

Теперь наше временное товарищество распалось окончательно. Джейк уже стоял на ногах.

— Я обязан так поступить. Ради Питера. Да, они могут меня посадить, но по крайней мере они начнут его поиски.

— Вы уверены? — Я еще раз посмотрел им обоим в глаза.

Оба молча кивнули. Они вышли из парка и встали на тротуаре, дожидаясь полицейской машины: так стоят люди, когда пытаются поймать такси. Я посидел на скамейке еще минуту, а затем встал и зашагал в противоположную сторону.

Следующая остановка: где-то восточнее Пятой и южнее 59-й.

Я сел в автобус: неспешно-неуклюжее средство передвижения, парадоксальный выбор для беглеца с безумными от страха глазами, идеальное убежище для меня. Человек в городском автобусе — практически невидимка.

Вышел я на 59-й. Популярная торговая зона, следовательно, главный район туризма, а значит, и полиция на каждом углу. У входа в Центральный парк было полно уличных торговцев. Я купил черную футболку с надписью «Нью-Йорк-Сити», солнцезащитные очки и черную бейсболку с вышитым на ней красным яблоком. Зайдя в туалет ближайшей гостиницы, я переоделся и отправился на Мэдисон-авеню.

Отыскать тайное убежище в многомиллионном городе — задача почти невыполнимая. Я просто следовал географической интуиции. Отель «Времена года». Не за соседней стенкой, но и не далеко. Где-то под рукой. В двух минутах езды? В пяти минутах ходьбы? В каком направлении? Не на юг, решил я. Не за 57-й — одной из главных и наиболее оживленных артерий города. Куда как привлекательнее север, с его более тихими кварталами.

«Не в двух минутах езды», — подумал я, взглянув на потоки транспорта. Езда — это отсутствие контроля над ситуацией, потеря гибкости, задержки и пробки. Кем бы ты ни был, в большом городе всегда лучше передвигаться пешком.

Я свернул на 58-ю и вышел к заднему входу отеля «Времена года». У бордюра томила в ожидании очередь лимузинов.

Встав спиной к двери, я огляделся. Как бы поступил я? На противоположной стороне — сплошные высотки. В основном жилые дома. Прямо напротив — картинная галерея. Я пересек улицу и посмотрел назад, с дальнего тротуара.

Слева от отеля, на стороне, ближней к Парк-авеню, не обнаружилось ничего интересного.

Тогда я взглянул направо — и у меня возникла новая мысль.

Сам отель был свежей постройки. Соседние здания выглядели тихими и благополучными. Но в западном конце квартала выделялись три стоявших в ряд старых особняка. Узкие, с ординарным фасадом, четырехэтажные, кирпичные, обветшалые — как три гнилых зуба в широкой улыбке. Первый этаж одного из них занимал ресторан-банкрот. Во втором был скобяной магазин. В третьем — некое предприятие, покинутое так давно, что я даже не смог определить, чем оно занималось. В каждом из особняков имелась узкая дверь. На двух было множество кнопок звонков, означавших квартиры. И лишь на двери рядом с заброшенным рестораном кнопка была одна, что означало единственного жильца на три верхних этажа.

Лиля Хоэ не украинка-миллиардерша. Значит, у нее есть бюджет. Причем весьма неслабый, раз она могла позволить себе люксы во «Временах года». Но и не безграничный. А снять отдельный особняк на Манхэттене тянуло на многие десятки тысяч долларов в месяц.

Гораздо менее затратный вариант — искать приватности в многоцелевых обветшалых постройках вроде тех трех, на которые я смотрел. Плюс никаких консьержей.

Я стоял напротив особняков и внимательно вглядывался в каждый из них. Проверая свои логические догадки. 6-й маршрут и пересечение 59-й и Лексингтон — рядом. «Времена года» — рядом. Третья авеню и 56-я — не рядом. *Это не рядом со мной.* Анонимность — гарантирована. Расходы — минимальные. Пять из пяти. Идеально. Возможно, я действительно искал место вроде этого: в пяти минутах на запад или восток от задней двери отеля. Не к северу — иначе Сьюзан оставила бы машину в центре, нацелившись выйти из метро на 68-й. И не к югу — из-за психологического барьера в виде 57-й.

Пятиминутный радиус влево-вправо от задней двери отеля заканчивался либо в квартале, где я болтался в настоящий момент, либо в следующем к востоку, между Парк-авеню и Лексингтон.

Но в кварталах вроде последнего обветшала многоцелевая недвижимость — крайне большая редкость.

Возможно, я действительно смотрел на убежище Лили Хоц.

Возможно, но маловероятно. Я верю в случай, но не до такой же степени.

Однако я верю и в логику, и именно логика привела меня сюда, на это место. Я еще раз прошелся по своим выводам и закончил тем, что поверил себе.

Из-за одного дополнительного фактора.

Что та же самая логика привела сюда не меня одного.

— Думаете? — спросил Спрингфилд, вставая рядом со мной.

На Спрингфилде был тот же костюм, что и при нашей последней встрече. Правда, сейчас он был мятым и жеваным.

— Думаете, это здесь? — спросил он.

Я не ответил. В тот момент я был занят проверкой обстановки вокруг. Я просканировал сотни людей и десятки автомобилей. Но не заметил ничего подозрительного. Спрингфилд был один.

— В чем дело? — спросил я.

— Полагаю, нам надо поговорить.

— Где?

— Где вам будет угодно, — ответил он.

Это было хорошим знаком. Означавшим, что, даже если в ближайшем будущем меня ждет ловушка, оппонентам придется импровизировать. То есть есть шанс уйти.

— Сделайте два поворота налево, — сказал я, — и идите к дому 57 на Восточной 57-й. Я буду следом через десять минут. Встретимся внутри. За чашкой кофе.

— Хорошо, — кивнул он.

Спрингфилд пересек улицу наискосок и свернул налево, на Мэдисон-авеню. Дождавшись, когда он скроется за углом, я быстро пошел в обратную сторону, к задней двери отеля. Здание было проходным. Его парадный вход был тем самым адресом: номер 57 на Восточной 57-й. Я планировал оказаться внутри на четыре минуты раньше, чем Спрингфилд. Если он не один, я это увижу.

Спрингфилд вошел один и точно в условленный срок, то есть на четыре минуты позже меня. Недостаточно для оперативного развертывания операции по захвату моей скромной персоны.

Сориентировавшись, он направился к чайной — той самой, где мы беседовали с Лилей Хоц. Я выждал десять минут и добавил еще две — для гарантии. Никакого сопровождения.

Пройдя в чайную, я нашел Спрингфилда на том же стуле, где еще недавно сидела Лиля Хоц. Зал обслуживал тот же официант. Он подошел к нам. Спрингфилд попросил минеральной воды. Я заказал кофе. Едва заметно кивнув, официант исчез.

— Вы встречались здесь с Хоцами, — сказал Спрингфилд. — Связь с этими людьми может расцениваться как тяжкое преступление.

— На основании чего?

— На основании «Акта о патриотизме».

— Ага. А еще я стрелял дротиками в четырех федеральных агентов.

— Нам нет до них никакого дела.

— Кто такие Хоцы? — спросил я.

— Я не могу добровольно выдавать информацию.

— Тогда зачем мы здесь?

— Вы помогаете нам, мы помогаем вам. Мы можем сделать так, чтобы все ваши преступления испарились. Но при одном условии: вы поможете нам найти то, что мы потеряли.

— Флешку?

Спрингфилд кивнул. Вернулся официант с минеральной водой и кофе. Расставив все на столе, он вежливо отступил.

— Я не знаю, где она, — признался я.

— Я и не сомневался. Но вы последним говорили со Сьюзан Марк и находились к ней ближе всех. Из Пентагона женщина вышла с флешкой, но сейчас ее нигде нет — ни в ее доме, ни у нее в машине. Поэтому мы надеемся, что вы что-то видели.

— Я видел, как она пустила себе пулю в голову. Вот, собственно, и все.

— Должно быть что-то еще.

— Ваш начштаба тоже был там, в вагоне. Что видел он?

— Ничего.

— Что было на флешке?

— Зачем вам это?

— Затем, что я хочу знать, хотя бы в общих чертах, в какое дерьмо я вляпаюсь, если соглашусь вам помочь.

— Тогда вам следует задать вопрос самому себе.

— Какой?

— Тот, который вы до сих пор не задали, хотя и должны были, еще в самом начале. Самый ключевой вопрос.

Я отмотал ленту назад, к самому началу, ища тот самый вопрос, который так и не задал. Началом был 6-й поезд и пассажирка номер четыре. Сьюзан Марк — гражданка, бывшая жена, мать, сестра, приемная дочь, жительница Аннандейла, штат Виргиния. Сьюзан Марк — гражданская служащая из Пентагона.

— В чем конкретно заключалась ее работа? — спросил я.

Спрингфилд сделал долгий глоток воды.

— Медленно, но вы дошли наконец до сути. Она была системным администратором, отвечавшим за определенную часть технических средств передачи информации.

— Для меня это темный лес.

— Проще говоря, она знала энное количество главных паролей к компьютерам Пентагона. Не очень важных. Но достаточных для доступа к архивам управления кадров.

— Но не к архивам «Дельты», так? Они ведь в Северной Каролине. В Форт-Брэгге. Не в Пентагоне.

— Проблема в том, что компьютеры объединены в сеть. В наши дни всё везде и в то же время нигде. Системные администраторы делятся между собой проблемами по работе. У них принято помогать друг другу. Очевидно, в какой-то момент в одном из кодов случился сбой, и, как результат, индивидуальные пароли сделались более прозрачными, чем положено. Произошла утечка.

Я вспомнил слова Джейкоба Марка: «Она прекрасно разбиралась в компьютерах».

— То есть у нее был доступ к архивам «Дельты»?

Спрингфилд кивнул.

— Но вы с Сэнсомом ушли в отставку на пять лет раньше меня. О компьютерах тогда и ведать не ведали.

— Сухопутным войскам США, в их современном виде, около девяноста лет. За эти годы в архивах скопились горы бумаг. Тонны, в буквальном смысле. Последние десять лет в доме идет уборка. Документы сканируют и сохраняют на жестких дисках.

— И Сьюзан Марк вошла в такой диск и скопировала один из файлов.

— Не просто скопировала, — поправил Спрингфилд. — Она извлекла файл из базы. Перенесла на внешний накопитель и стерла оригинал.

— На внешний накопитель — то есть на флешку?

Спрингфилд снова кивнул, добавив:

— И мы не знаем, где эта флешка сейчас.

— Почему именно Сьюзан Марк?

— Потому что она подходила по всем параметрам. На нужную часть архива вышли через медаль. Все приказы о награждениях хранятся в УЧР. Она была системным администратором. И имела слабое место — сына.

— Зачем она стерла оригинал?

— Не знаю.

— Этот документ — когда его отсканировали?

— Чуть более трех месяцев назад. Надо же, десять лет, а они дошли лишь до начала 1980-х.

— Кто этим занимается?

— Группа специалистов.

— В которой очень сильно течет. Хоцы примчались сразу.

— Мы уже предпринимаем кое-какие шаги.

— Что это за документ?

— Я не могу добровольно выдавать информацию.

— Кто такие Хоцы?

Он молча улыбнулся. *Я не могу добровольно выдавать информацию.* Шесть слов, и самое важное из них, судя по всему, четвертое.

— Давайте поступим так, — предложил я. — Вы будете задавать вопросы. Я — выдвигать предположения и строить догадки. Вы будете их комментировать. Это ведь допускается?

Спрингфилд согласно кивнул. И задал первый вопрос:

— Кто, по-вашему, Хоцы?

— Думаю, афганцы.

— Продолжайте.

— Сторонники или агенты Талибана или Аль-Каиды.

Ноль реакции.

— Аль-Каиды, — сказал я. — Талибан редко выходит в свет.

— Продолжайте.

— Агенты.

Ноль реакции.

— Командиры?

— Продолжайте.

— Аль-Каида использует женщин-командиров?

— Они хотят, чтобы мы искали мужчин, которых не существует. Продолжайте.

— Светлана дралась на стороне моджахедов и знала, что вы завладели ВСС Григория Хоца. Они использовали его имя и историю, чтобы заручиться сочувствием здесь.

— Потому что?..

— Потому что Аль-Каиде нужны документальные подтверждения того, чем вы, парни, еще занимались в ту ночь.

— Продолжайте.

— И за что Сэнсом получил большую медаль. То есть тогда это «другое» выглядело очень даже неплохо. Однако теперь, как я полагаю, выглядит уже отнюдь не так хорошо.

— Продолжайте.

— Сэнсом нервничает, но и правительство обделалось не на шутку. Следовательно, ваша миссия была скорее политической.

— Разумеется. Официально мы ни с кем не воевали.

— Вам ведь известно, что Хоцы убили четверых и, вероятно, сына Сьюзан Марк?

— Мы этого не знаем. Но подозреваем.

— Тогда почему вы до сих пор их не арестовали?

— Я всего лишь обеспечиваю безопасность конгрессмена. У меня нет права никого арестовывать.

— Но оно есть у федералов.

— Насколько я знаю, федералы считают Лилю и Светлану Хоц чрезвычайно опасными, но не активными в настоящий момент.

— Что это значит?

— Это значит, что их выгоднее сейчас не трогать.

— А фактически — что федералы не в состоянии их найти.

— Именно.

— И вас это устраивает?

— Хоцы до сих пор ищут флешку, а это значит, что у них ее нет. Так что мне плевать.

— А зря, — сказал я.

— Вы думаете, они там? Где я нашел вас?

— В том квартале. Или в соседнем.

— Скорее, в том. Федералы обыскивали их номер. Там были пакеты с покупками. Два из «Бергдорф Гудман» и два из «Тиффани». Эти магазины в квартале от тех старых особняков. Если бы их база была к востоку от Парк-авеню, они бы отправились в «Блумингдейл». Поскольку шопинг — это так, для отвода глаз.

— Ценное замечание, — согласился я.

Спрингфилд посмотрел мне в глаза.

— Вам не следует их искать.

— Вы что, вдруг начали за меня волноваться?

— Они вполне могут рассуждать, как мы: что даже если флешка и не у вас, вы так или иначе знаете, куда она подевалась. И они могут оказаться коварнее и убедительнее, чем мы.

— То есть?

— Они могут рассказать вам, что на ней. И в этом случае вы станете ненужным свидетелем уже для нас.

— Насколько все плохо?

— Майор Сэнсом будет скомпрометирован.

— А Соединенные Штаты?

— И это тоже.

Вернулся официант, спросить, не нужно ли нам чего. Спрингфилд ответил «да». И повторил заказ — для нас обоих.

— Повторите еще раз подробно, что произошло в поезде, — попросил он.

— Почему вы сами не были там, вместо вашего начальника штаба?

— Мы узнали обо всем слишком поздно. Я тогда находился в Техасе, вместе с Сэнсомом.

— А почему у федералов не было своего человека в поезде?

— Был. И не один. Две женщины. В штатском, из ФБР. Специальные агенты Родригес и Мбеле. Вы сели не в тот вагон.

— Они были профи, — признался я. Латиноамериканка: маленькая, усталая, раздраженная. Негритянка: в цветастом платье с батиком и тканевой косынке в тон. — Но как вы узнали, что Сьюзан Марк окажется именно в этом поезде?

— Мы не знали. Это была масштабная операция. У нас были сведения, что она едет на машине. Поэтому мы расставили людей в туннелях. Идея была проследить за ней оттуда.

— Почему ее не арестовали прямо на выходе из Пентагона?

— Федералы хотели раскрутить всю цепочку за раз. И возможно, смогли бы.

— Если бы я все не испортил.

— Заметьте, вы сами это сказали.

— У нее не было с собой флешки.

— Из Пентагона она вышла с ней, и ее нет ни у нее дома, ни в ее машине.

— Да что, черт возьми, было на этой флешке?!

Спрингфилд не ответил.

В кармане завибрировал один из трофейных сотовых.

Я вывалил все три трубки на стол. Одна из них мелко подергивалась. Я открыл крышку и поднес телефон к уху:

— Алло?

— Ты еще в Нью-Йорке? — спросил голос Лили Хоц.

— Да, — ответил я.

— Близко к «Временам года»?

— Не совсем.

— Иди туда. Я оставила для тебя пакет на стойке портье.

Телефон отключился.

Я взглянул на Спрингфилда.

— Подождите здесь, — сказал я и вышел в вестибюль.

Я прошел к стойке и, назвав свое имя, уже через минуту держал в руках пакет. Я поинтересовался у портье, когда его доставили. Тот ответил, что больше часа назад.

— Вы видели, кто его принес? — спросил я.

— Один иностранный джентльмен.

Пакет был примерно шесть на девять дюймов, с амортизирующей прокладкой. Внутри прощупывалось что-то плотное. Круглое, дюймов пять в диаметре. Я принес пакет в чайную и сел на свое место напротив Спрингфилда.

— От Хоцев? — спросил он.

Я кивнул. И открыл конверт. Из него выпал какой-то диск.

— *DVD*, — сказал Спрингфилд.

Это был чистый диск. На ярлыке черным маркером от руки были написаны всего два слова: «Посмотри это».

— У меня нет *DVD*-плеера, — сказал я.

— *DVD* можно смотреть на компьютере.

— У меня нет компьютера.

— Они есть в отеле.

— Я не хочу здесь оставаться.

— Это не единственный отель в городе.

— А где остановились вы?

— В «Шератоне». Там, где и в прошлый раз.

Спрингфилд оплатил счет платиновой кредиткой, и мы отправились в «Шератон».

Ключ-картой Спрингфилд открыл дверь в гостиничный бизнес-центр. Сказав, что подождет меня в вестибюле. Три из четырех компьютеров были заняты. Я сел на последний свободный стул, нашел щель на системном блоке и вставил DVD. Зажужжал моторчик, машина всосала диск.

На экране высветилось окно. В нижнем его углу — простые графические символы. Воспроизведение, пауза, перемотка вперед, назад и проскок. Я поводил мышью — стрелку курсора сменила пухлая маленькая рука.

Телефон в кармане начал вибрировать.

Я вытащил его и открыл панель:

— Алло!

— Ты забрал пакет? — спросила Лиля Хоц.

— Да, — ответил я.

— Посмотрел?

— Еще нет.

— Посмотри. Там есть чему поучиться.

— Он со звуком?

— Нет, это немой фильм. К сожалению.

Я ничего не сказал.

— Где ты сейчас? — спросила она.

— В гостиничном бизнес-центре.

— Кто-то еще может видеть экран?

Я промолчал.

— Включай, — сказала она. — Я буду вместо диктора.

Я передвинул мышью, навел пухлую ручонку на кнопку воспроизведения. Кликнул.

Окно стало ярче. Через секунду появилась картинка. Широкоугольный вид. Где-то на воздухе. Ночь. Сцена подсвечена яркими галогенными лампами. Истоптанная земля — темная, цвета хаки. Кусок скалы, плоский и большой — больше двуспальной кровати. По углам камня просверлены четыре отверстия, в каждом — железное кольцо.

К кольцам был привязан человек. Невысокий, жилистый и абсолютно голый. Оливковая кожа и черная борода. Лет тридцати. Человек лежал на спине — растянутый в форме большой буквы Х. Голова его дергалась из стороны в сторону. Он кричал, но я не мог слышать его криков. Фильм был немой.

— Что ты видишь? — спросила Лиля Хоц.

— Мужчину на каменной плите, — ответил я. — Кто он?

— Таксист. Посыльный одного американского журналиста. Смотри дальше.

В кадре возникла Светлана Хоц. В руке у нее был нож.

Светлана влезла на камень и присела на корточки рядом с жертвой. Приставила кончик лезвия к точке примерно посередине между пахом и пупком мужчины. Надавила. Мужчина невольно дернулся. Его губы складывались в слова. «Нет!» и «Не надо!» понятны на любом языке.

— Где это было? — спросил я.

— Недалеко от Кабула.

Светлана вела лезвие к пупку. Спокойно, умело, профессионально. Лезвие замерло над грудиной. Живот мужчины раскрылся, точно потянули за «молнию».

Светлана положила нож и, скользнув с камня, вышла из кадра.

— Вы сумасшедшие, — сказал я.

— То же говорил и Питер Молина.

— Он видел этот диск?

— Он на нем. Промотай вперед, если хочешь.

Я переместил пухлую ручонку на кнопку перемотки и кликнул. Картинка переключилась в ускоренный режим. Руки и ноги таксиста задергались в два раза активнее.

— Вы извращенцы, — сказал я. — И считай, уже трупы. Грузовик вас еще не сбил, но это вот-вот случится.

— Это ты, что ли, грузовик?

— Можешь не сомневаться.

— Я рада. Смотри дальше.

Я щелкал по кнопке перемотки, снова и снова. Таксист перестал двигаться. В кадр стремительно ворвалась Лиля Хоц. Она наклонилась к жертве, пощупала пульс. А затем подняла голову и улыбнулась победоносной улыбкой.

Обращенной прямо ко мне.

— Ну как, все кончилось? — спросила она по телефону.

— Да, — ответил я.

— Смотри дальше. — Ее голос проник мне в самое ухо.

Картинка открылась на новой сцене. Место действия — интерьер. Возможно, подвал. Широкая каменная плита — верх огромной столешницы. Вероятно, часть старой кухни. К плите привязан крупный молодой парень.

Поверь, эти триста фунтов мышц способны за себя постоять, — сказал тогда Джейкоб Марк.

Парень был голый. Бледная кожа, взъерошенные светлые волосы. Его голова дергалась из стороны в сторону. Он кричал.

— Я не буду на это смотреть, — сказал я.

— Что так? А вдруг мы отпустили его?

— Когда это было?

— Мы назначили срок, и мы его выдержали.

Я не ответил.

— Смотри.

Я посмотрел. *А вдруг мы отпустили его?*

Они его не отпустили.

Потом я повесил трубку, сунул диск в карман, прошел в туалет в вестибюле и заперся в кабинке. Меня вырвало. Не из-за кино. Я видел вещи намного хуже. Меня вырвало от ярости и отчаяния. Я прополоскал рот и умыл лицо.

Затем я опустошил карманы. Оставил наличные, паспорт, кредитку, проездной на метро и визитную карточку Терезы Ли. И зубную щетку. Плюс мобильник, который звонил. Остальные два я выбросил в урну для мусора, вместе с внешним аккумулятором, визиткой четверых мертвых парней из частной детективной конторы и свернутой пачкой записей, сделанных Терезой Ли.

Туда же отправился DVD-диск. Вместе с флешкой из «Радио Шэк». Я больше не нуждался в приманках. Избавившись от всего лишнего, я вышел из туалета и огляделся в поисках Спрингфилда.

Тот сидел в баре вестибюля. На столике — стакан с водой.

— Вы побледнели, — заметил он.

— Их было двое, — сказал я. — Они вспороли им животы.

— Кто эти двое?

— Один — таксист из Кабула, другой — сын Сьюзан Марк.

— Хоцы на пленке есть?

Я кивнул:

— Неопровержимая стопроцентная улика.

— Это уже не важно. Они знают, что мы в любом случае собираемся их убить. Не все ли равно, за что?

— Для меня это важно.

— Да поумнейте вы наконец, Ричер. Для этого они и послали вам пакет с диском. Им нужно вас разозлить, чтобы вы наделали кучу ошибок. Они не могут найти вас. Поэтому хотят, чтобы вы сами вышли на них.

— Что я и собираюсь сделать.

— Ваши планы на будущее — это ваше личное дело. Но вам нужно быть осторожным. Поймите, в этом их тактика. Так есть и так было уже две сотни лет. Вот почему их зверства всегда совершались в пределах слышимости от передовой. Им требовалось, чтобы противник посылал все новые группы спасателей. Или спровоцировать атаку из чувства мести. Им нужен был непрекращающийся поток пленных. Спросите британцев. Или русских.

— Я буду предельно осторожен.

— Уверен, что будете. Но не раньше, чем с вами закончим мы — насчет событий в поезде. Помочь нам — в ваших же интересах.

— Пока что-то незаметно. До сих пор одни обещания.

— Как только мы получим флешку, все обвинения против вас будут сняты.

— Этого мало. Я хочу, чтобы обвинения были сняты сейчас. Я не могу постоянно бегать от полицейских.

— Я должен позвонить Сэнсому.

— Заодно переговорите с ним о Терезе Ли и Джейкобе Марке. И Догерти. Мне нужны безупречные биографии для каждого из этих троих.

— Хорошо.

— И еще две вещи, — сказал я.

— Вы слишком много торгуетесь — для человека, которому ничего предложить.

— Министерство национальной безопасности отследило, что Хоцы прибыли из Таджикистана вместе с группой людей. Три месяца назад. Мне нужно знать, о каком количестве идет речь.

— Чтобы оценить численное превосходство врага?

— Именно.

— А второе?

— Я хочу еще раз встретиться с Сэнсомом.

— Зачем?

— Чтобы он сказал мне, что на той флешке.

— Этого не будет.

— Тогда я оставляю ее у себя и посмотрю сам.

— Флешка действительно у вас?

— Нет. Но я знаю, где она.

— И где же? — спросил Спрингфилд.

— Я не могу добровольно выдавать информацию.

— Вы блефуете, Ричер.
 — Не в этот раз. — Я отрицательно покачал головой.
 — Вы уверены? И можете показать нам место?
 — Я могу показать место с точностью до пятнадцати футов.
 Дальше — полностью ваше дело. Звоните Сэнсому.

Спрингфилд осушил стакан и дал знак официанту. Тот тут же принес счет. Спрингфилд заплатил платиновой кредиткой — за нас обоих, точь-в-точь как и во «Временах года». Я воспринял это как добрый знак. И решил поискать судьбу.

— Как насчет того, чтобы снять мне номер? — спросил я.
 — Зачем? — удивился он.
 — Затем, что пройдет какое-то время, прежде чем мое имя вычеркнут из списка самых опасных разыскиваемых преступников. А я ночь не спал. И мне хотелось бы спокойно вздремнуть.

Спустя десять минут мы стояли в номере с огромной кроватью. Простор и комфорт — да, но с тактической точки зрения — хуже не придумаешь. Как и во всех гостиничных номерах верхних этажей, здесь имелось ненужное мне окно и, следовательно, всего один выход. Я видел, что Спрингфилд думает о том же. Что надо быть сумасшедшим, чтобы запереть себя в такой мышеловке.

— Я могу доверять вам? — неожиданно спросил я.
 Он ответил без колебаний:
 — Да.
 — Тогда одолжите мне свою пушку.
 — Зачем это?
 — Вы сами знаете зачем. Чтобы, если вы приведете к моей двери не тех людей, я смог бы себя защитить.

Я знал, что Спрингфилд скорее выколет себе глаз, чем расстанется со своим оружием. Но тот лишь засунул руку за полу пиджака и вытащил девятимиллиметровый австрийский «Штейер ГБ». И протянул мне, рукояткой вперед. Восемнадцать патронов в обойме плюс один в стволе.

— Спасибо, — сказал ему я.

Он молча повернулся и вышел из номера. Я закрыл замок на два оборота, повесил цепочку и подпер стулом ручку двери. Затем выложил все из карманов на ночной столик. Сложил одежду под матрас, чтобы отутюжить ее. И долго стоял под горячим душем. После чего лег в кровать и крепко уснул.

Через четыре часа меня разбудил стук в дверь. На стене сбоку от входа висело зеркало в полный рост. Обернувшись вокруг талии полотенце, я взял пистолет. Отодвинул стул и приоткрыл дверь, докуда позволяла цепочка. А затем отступил назад и проверил отражение в зеркале.

Спрингфилд. И Сэнсом.

Одни, насколько я мог видеть в узкую щель. Я снял палец со спускового крючка и цепочку с двери.

Они вошли.

Сэнсом был в темно-синем костюме, белой рубашке и красном галстуке. Он взял стул, которым я подпираю дверь, отнес к столу и сел. Спрингфилд закрыл дверь и повесил цепочку обратно. Я по-прежнему держал пистолет. Приподняв коленкой матрас, свободной рукой я вынул из-под него одежду.

— Две минуты, — сказал я. — Пообщайтесь пока между собой.

В ванной я оделся и вернулся обратно к ним.

— Вы и правда знаете, где флешка? — спросил Сэнсом.

— Да, — ответил я.

— Зачем вы хотите знать, что на ней?

— Затем, чтобы понять, насколько неловкой может стать ситуация.

— Почему вам просто не сказать мне, где она?

— Потому что прежде мне нужно кое-что сделать. И мне нужно, чтобы, пока я делаю это, копы не путались у меня под ногами. Можете считать это средством заставить вас сосредоточиться на работе.

— Откуда мне знать, что вы не водите меня за нос?

— Ниоткуда. Придется поверить мне на слово.

— Она здесь, в Нью-Йорке?

Я не ответил.

— Я могу вам доверять? — спросил конгрессмен.

— Многие доверяют.

— Я читал ваш послужной список. Он неоднозначный.

— Я старался. Но жил своим умом.

— Почему вы вышли в отставку?

— Мне стало скучно. А вы?

— Я постарел.

— Что на той флешке?

Он не ответил. Спрингфилд стоял безмолвно, ближе к двери, чем к окну — невидимый для внешнего снайпера и достаточно

близко к коридору, чтобы блокировать гостей, если дверь неожиданно распахнется. Верно говорят: мастерство — это навсегда. Я вернул ему пистолет. Он взял, молча.

— Расскажите, что вам известно на данный момент, — попросил Сэнсом.

— Вероятно, вас перебросили по воздуху: из Форт-Брэгга в Турцию, а затем — в Оман. Дальше — в Индию и уже оттуда — к северо-западной границе Пакистана.

Он кивнул. Взгляд его на миг стал каким-то отсутствующим.

— Конечная точка — Афганистан, — добавил я.

— Продолжайте.

— По-видимому, вы двигались на юго-восток, по долине Коренгал.

— Продолжайте.

— Вы случайно наткнулись на Григория Хоца, забрали винтовку и отпустили его и корректировщика на все четыре стороны. После чего пошли дальше — туда, куда вам и было приказано.

Он кивнул.

— Вот все, что мне известно на данный момент, — закончил я. Сэнсом посмотрел мне в глаза.

— Где вы были в марте 1983-го? — спросил он.

— В Вест-Пойнте.

— Какая новость была самой горячей в те дни?

— Советская армия оказалась в капкане в долине Коренгал.

Он вновь кивнул:

— Это было безумством. С самого начала. Никому еще не удавалось победить афганцев в этой части страны. Там была настоящая мясорубка — медленная и методичная. Разумеется, нас это устраивало.

— Мы помогали, — заметил я.

— Конечно. Мы давали моджахедам все, что они хотели. Не требуя ни цента взамен.

— И?..

— Когда у людей входит в привычку получать все, что они хотят, очень трудно остановиться.

— Чего же они хотели еще?

— Признания, — ответил Сэнсом.

— И в чем заключалась ваша миссия?

— Мы должны были встретиться с их главным моджахедом. Как волхвы с личными дарами от самого Рональда Рейгана. Мы

были его послами. С приказом целовать задницу при каждом удобном случае.

— Но это было четверть века назад.

— И что?

— Кому сейчас есть до этого дело? Мелкий исторический эпизод. К тому же тогда все получилось. Это был конец коммунизма.

— Но не конец моджахедов.

— Да, — согласился я. — Они стали Талибаном и Аль-Каидой. Но избиратели из Северной Каролины не помнят историю. Большинство из них не помнят даже, что они ели сегодня на завтрак.

— Как сказать.

— В смысле?

— В бизнесе есть такой термин — узнаваемость бренда.

— Какого бренда? — не понял я.

— Коренгал стал местом, где Советы встретили свой конец. Моджахеды отлично сделали свое дело. Следовательно, их местный лидер для всех стал персоной номер один. Он был восходящей звездой. Именно с ним нам и надлежало встретиться. И мы выполнили приказ.

— Кто он?

— Довольно яркая личность, поначалу. Молодой, рослый, приятной наружности, образованный, умный, целеустремленный. Родом из семьи саудовского миллиардера. Но сын стал революционером. Пожертвовал праздной жизнью ради святого дела.

— Как его звали?

— Усама бен Ладен.

В номере стало тихо. Спрингфилд сел на кровать.

— Узнаваемость бренда, — повторил я.

— Черт бы ее побрал, — добавил Сэнсом.

— Но все мы читали военные рапорты.

— И?..

— Они бесстрастные и сухие. Возможно, ваше имя там даже не упомянуто. Или его. Возможно, там сплошь условные сокращения, зарытые в трех сотнях страниц географических ссылок.

Сэнсом ничего не ответил. Спрингфилд отвел глаза.

— Какой он был? — спросил я.

— Видите? — сказал Сэнсом. — Как раз то, о чем я и говорил. Моя жизнь больше не играет никакой роли. Теперь я всего лишь «тот самый парень, кто целовал задницу Усама бен Ладену». Он

был подонком. Психопатом. Фанатиком, поклявшимся истреблять русских без всякой пощады, что поначалу нас более чем устраивало, но уже скоро мы поняли, что он будет убивать всех, кто хоть в чем-то отличается от него самого. Для нас это был не самый лучший уик-энд.

— Вы что, провели там все выходные?

— В качестве почетных гостей. Хотя и не совсем так. Этот самонадеянный шенок все время разыгрывал из себя Господа Бога. Хвастался, как бы он выиграл войну во Вьетнаме. Нам же пришлось кивать и делать вид, что нас это впечатляет. Меня едва не стошнило. И не только из-за еды.

— Вы и ели вместе с ним?

— Мы жили в его палатке.

— Которая в рапорте наверняка названа «штабом». Три сотни утомительных и нудных страниц. Читатель умрет от скуки раньше, чем доберется до середины. Почему вы так беспокоитесь?

— Политика — ужасная вещь. Все можно повернуть так, будто бен Ладен не тратил свое наследство, а это мы субсидировали его. Почти платили ему зарплату.

— Это всего лишь слова на листе бумаги.

— Это очень большой файл, — сказал Сэнсом.

— Чем больше, тем лучше. Чем объемнее файл, тем глубже в нем спрятано все дурное.

— Вы когда-нибудь пользовались компьютером?

— Одним даже сегодня.

— Какие файлы, как правило, самые объемные?

— Длинные документы?

— Ответ неверный. Самые объемные файлы — с большим количеством пикселей.

— Я понял, — сказал я. — Это не рапорт. Это фотография.

ГЛАВА 9

— Рейгану нужна была эта фотография, — продолжал Сэнсом. — Отчасти из-за того, что старик был слишком сентиментален, плюс он хотел быть уверен, что мы выполнили приказ. Насколько я помню, я стою рядом с Усамой бен Ладеном, скаюсь, как последний кретин.

— А по другую руку — я, — добавил Спрингфилд.

— Бен Ладен сровнял с землей Башни-Близнецы, — сказал Сэнсом. — Он атаковал Пентагон. Он террорист номер один в мире. Эта фотография уничтожит меня как политика. Конец всему.

— Поэтому Хоцы и хотят ее заполучить? — спросил я.

Он кивнул:

— Чтобы Аль-Каида смогла унижить меня, а заодно и все Соединенные Штаты. Или наоборот.

— Отсюда и фотография в вашей книге. И на стене у вас в кабинете. Дональд Рамсфелд и Саддам Хусейн, в Багдаде.

— Да, — ответил Сэнсом.

— Козырная карта. Чтоб показать, что вы не один такой.

— Это не козырь. Скорее, чертова четверка трэф. Поскольку бен Ладен намного хуже Саддама. К тому же Рамсфелду не требовалось никуда баллотироваться. Его всегда назначали — его друзья. Ни один здравомыслящий избиратель не отдал бы за него голос.

— Вы получите это фото.

— Когда?

— Как у нас дела со снятием обвинений?

— Медленно.

— Но верно?

— Не совсем. Две новости: хорошая и плохая.

— Начните с плохой.

— ФБР вряд ли пойдет навстречу. Что же до Министерства обороны, то тут однозначно «нет».

— Те три клоуна?

— Они вне игры. Один со сломанным носом, у второго черепно-мозговая. Но их уже заменили.

— А хорошая новость?

— Мы думаем, Полицейское управление готово уступить.

— Отлично, — сказал я.

Сэнсом промолчал.

— А как насчет Терезы Ли и Джейкоба Марка? И Догерти?

— Они уже на работе. С благодарностью в личном деле за помощь Министерству национальной безопасности в расследовании, чреватом серьезными политическими последствиями.

— Как вы собираетесь поступить с флешкой, когда она будет у вас? — спросил я.

— Первым делом я удостоверюсь, что это она, а затем раздавлю ее, сожгу осколки, а пепел спущу в восьми разных унитазах.

— А если я попрошу вас не делать этого?

— Почему?

— Объясню позже.

Был уже конец дня — или начало вечера, в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Но я недавно проснулся, и для меня было время завтрака. Я позвонил в обслуживание номеров и заказал огромный поднос. Баксов на пятьдесят. Сэнсом никак не отреагировал.

Принесли мой завтрак. Сэнсом ответил на звонок по сотовому и подтвердил, что для полиции Нью-Йорка моя персона более не интересна. Но затем конгрессмен сделал второй звонок и сообщил, что с ФБР дело куда серьезнее. Третий звонок развеял все сомнения насчет Министерства обороны: оно не отступится.

— Конец истории, — сказал он.

— Ничего, — ответил я. — По крайней мере теперь я знаю, как выглядит поле боя.

— Это не ваш бой, Ричер.

— Джейкобу Марку станет легче, когда я подведу черту.

— Так вы делаете это для Джейкоба Марка? Или для меня?

— Для себя. Они прислали диск мне.

— Обыкновенный тактический прием. Вы реагируете, они побеждают.

— Нет. Если я среагирую, они проиграют.

— Вы хотя бы имеете представление, где они могут быть?

— Есть у меня пара мыслишек.

— А канал связи? Он у вас еще есть?

— Думаю, она скоро позвонит.

— Один промах — и вы у нее в плену. И тогда вы расскажете все, что она хочет знать.

— Сколько раз вы летали коммерческими рейсами после одиннадцатого сентября? — спросил я.

— Сотни, — ответил он.

— Готов поспорить, что во время каждого полета где-то в крошечном уголке сознания вы надеялись, что на борту окажутся угонщики-террористы. Чтобы вы могли встать с кресла и вышибить из них дух. Или погибнуть в схватке.

Губы Сэнсома сложились в едва уловимую улыбку.

— Так и есть, — признался он.

— А почему?

— Чтобы защитить пассажиров и самолет.

— И выплеснуть свою ненависть. То же и со мной. Мне нравились Башни-Близнецы. Мне нравился мир, каким он был до того. Я далек от мира политики. Поэтому для парней вроде меня шанс встретиться лицом к лицу с боевиками Аль-Каиды — это все равно как все дни рождения и новогодние праздники, вместе взятые.

— Вы безумец. Такие дела не делают в одиночку.

— А у меня есть выбор?

— Рано или поздно Министерство национальной безопасности их все равно найдет. Они подключат полицию, ФБР, спецназ.

— Одному всегда проще, — ответил я.

— Не факт, — вставил слово Спрингфилд. — Мы проверили компьютерный алгоритм. Вы были правы. Хоцы прибыли не одни.

— Сколько?

— Девятнадцать человек.

Я закончил свой завтрак. Кофейник был пуст, поэтому я осушил бутылку воды и послал ее в ведро для мусора.

— Девятнадцать человек, — сказал я. — Четверо выехали из страны, еще двое вне игры со сломанными локтями и челюстями. Итого тринадцать в остатке.

— Сломанными локтями и челюстями? — не понял Сэнсом.

— Эти двое меня искали, но, похоже, уличные драки не их стезя. Спрингфилд утвердительно кивнул:

— В ФБР поступил звонок из отделения экстренной медицинской помощи больницы Беллвью. Им доставили двух иностранцев без документов. Избитых до потери сознания.

— Наказание, — сказал я. — Хоцы сдали их — в назидание остальным.

— Жестоко.

— Тринадцать человек, — сказал я.

— Плюс Хоцы, — поправил Спрингфилд.

— Ладно, пятнадцать.

— Мы не можем активно вам помогать, — сказал Сэнсом. — Надеюсь, вы понимаете? Все может закончиться минимум одним и максимум пятнадцатью трупами на улицах Нью-Йорка. Мы не можем быть в этом замешаны. Нас не должно быть в радиусе миллиона миль от всей этой истории.

— Я не прошу помощи.

— Минимум один труп — это вы. И в этом случае я не буду знать, где искать снимок.

— Тогда молитесь и надейтесь на чудо.

— Я могу верить вам?

— Что я останусь в живых?

— Что вы сдержите слово.

— Чему вас учили в школе кандидатов на офицерский чин?

— Что собратьям по оружию нужно верить. Особенно собратьям в одинаковом с тобой звании.

— Вы сами ответили на свой вопрос.

— Только вот службы у нас были разные.

— Верно подмечено. Я проливал кровь, пока вы летали по миру, целуя задницы террористам. Вы даже «Пурпурного сердца» не получили. Это шутка. Не обижайтесь.

— Я читал ваше досье. Вам дали «Пурпурное сердце» после взрыва начиненного взрывчаткой грузовика. В Бейруте.

— Я это прекрасно помню.

— Вам надо помнить и другое: это были не Хоцы.

— Я не знаю, кто это был — там, в Бейруте. Но кто бы они ни были, это были единомышленники Светланы и Лили Хоц.

— Вами движет месть. И вы все еще считаете себя виновным в гибели Сьюзан Марк.

— И?..

— Это может помешать вам действовать эффективно.

— Беспокойтесь обо мне?

— В первую очередь о себе. Мне нужна моя фотография.

— Вы ее получите.

— Хотя бы намекните, где она может быть.

— Вы знаете столько же, сколько я. Значит, догадаетесь сами. Он попробовал. Не получилось.

— По крайней мере объясните, почему я не должен от нее извлекаться.

— Вы хороший человек, Сэнсом. Классный мужик. И вы будете отличным сенатором. Я в этом не сомневаюсь. Но по большому счету любой сенатор — это всего лишь один из сотни себе подобных. Любого из вас можно с легкостью заменить.

Сэнсом ничего не ответил. Я продолжал:

— Представьте себе пещеру где-нибудь на северо-западе Пакистана. Представьте верхушку Аль-Каиды. Как они сидят там в этот самый момент. Думаете, они говорят: «Нам ни в коем случае нельзя допустить, чтобы конгрессмен Джон Сэнсом прошел в сенат»?

— Вряд ли.

— Тогда зачем им фотография?

— Осрамить Соединенные Штаты.

— Не думаю. Вспомните фото с Рамсфелдом. Кому-нибудь есть до него хоть какое дело? Всем наплевать. Времена изменились. Уничтожить вас лично они, конечно, могли бы, но истреблять американцев поодиночке — это не метод Аль-Каиды.

— Это поставит крест на репутации Рейгана.

— Я вас умоляю. Большинство наших сограждан уже забыли, кто это. Девять из десяти опрошенных считают, что Рейган — это аэропорт в Вашингтоне.

— Мне кажется, вы недооцениваете ситуацию.

— А мне — что вы ее слишком переоцениваете.

— Вы же сами видели, что Минобороны роет землю, пытаясь вернуть фотографию.

— Да? Тогда почему они поручили это команде «Б»?

— Вы думаете, те парни были командой «Б»?

— Надеюсь. Будь они из команды «А», мы с вами бы сейчас здесь не разговаривали.

Сэнсом ничего не ответил.

— Ладно, — сказал я. — Допустим. Налицо факт стратегического просчета. Стыд и позор. Но не более того.

— То есть вы полагаете, что ожидания Аль-Каиды слишком завышены? Что они тоже ошибаются?

— Нет, я хочу сказать другое. Вам не кажется, что вся эта история как-то перекошена? Асимметрична, если хотите. Судите сами. Аль-Каида выпускает на поле команду «А», а мы в противовес выпускаем команду «Б». Какой из этого вывод? Что их стремление заполучить снимок сильнее нашего желания его удержать.

Сэнсом молчал.

— Задайте себе вопрос, — продолжал я. — Почему Сьюзан Марк не приказали просто скопировать файл? Будь целью Аль-Каиды поставить США в неловкое положение, скопировать файл — вариант куда как более уместный. Ведь когда фото вышло бы на свет божий и скептики с пеной у рта принялись бы утверждать, что это фальшивка, оригинал по-прежнему хранился бы в базе данных.

— Согласен.

— Но Сьюзан Марк приказали выкрасть его. Чтобы не осталось никаких следов. И это уже очень серьезный риск. Получается, им нужно, чтобы фотография не просто попала к ним. Им нужно, чтобы ее не было у нас.

— Я не понимаю.

— Вам придется еще раз вспомнить, что видел объектив фотоаппарата. Как можно точнее. Вы спросите зачем? Да затем, что Аль-Каида не собирается обнародовать этот снимок. Они выкрали его для того, чтобы он исчез без следа.

— Но почему?

— Да потому, что, каким бы компрометирующим он ни был лично для вас, в нем есть нечто такое, что еще опаснее для самого Усамы бен Ладена.

Сэнсом и Спрингфилд погрузились в воспоминания. Мыслями они перенеслись на двадцать пять лет назад.

— Я не помню, — сказал Сэнсом.

— Может, все дело в нас? — предположил Спрингфилд. — Возможно, встреча с американцами сегодня выглядит дурной кармой?

— Наоборот, — ответил я. — Для бен Ладена это отличный пиар. Его триумф на фоне простофиль, обмануть которых — милое дело. Должно быть что-то еще.

— Там был целый зоопарк. Дети, животные. Полный бедлам.

— Нет. Должно быть что-то такое, что его компрометирует.

— Я не помню. Прошло слишком много времени.

Сэнсом молчал. Наконец он тряхнул головой:

— Мне придется пойти на очень серьезный шаг.

— Знаю, — ответил я.

— Если этот снимок навредит ему больше, чем мне, я опубликую его.

— Нет, если этот снимок навредит ему хоть как-нибудь, вы его опубликуете. А затем соберете волю в кулак и взглянете в лицо возможным последствиям.

— Где он?

Я не ответил.

— Хорошо, — подытожил Сэнсом. — Я знаю столько же, сколько вы. Значит, я догадаюсь сам. Не так быстро, но догадаюсь. А это значит, что и Хоцы могут понять, где флешка. Возможно, она уже у них.

— Да, — сказал я. — Не исключено.

— И если их цель — уничтожить следы, может, мне проще махнуть рукой и позволить им это сделать?

— Если их цель — изъять фотографию у нас, значит, она — ценное оружие, которое может быть использовано против них.

Было видно, что Сэнсому нелегко решиться.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Идите и найдите их, прежде чем они доберутся до фотографии.

Но я не пошел. Не все сразу. Мне нужно было как следует все обдумать. И устранить кое-какие недостатки. На мне были резиновые башмаки и светлые брюки. И я был безоружен. Все это не вписывалось в мой план. Я собирался выйти в глухую ночь, одетый во все черное. В подходящей обуви. И со стволами.

Я посмотрел на Сэнсома:

— Вы сказали, что не можете активно помогать мне, так?

— Так, — ответил он.

Я перевел взгляд на Спрингфилда:

— Я собираюсь в магазин. Думаю, мне понадобятся черные брюки, черная футболка и черные ботинки. И черная ветровка — размера XXXL, чтобы сидела мешком. Что скажете?

— Нам все равно, — пожал плечами Спрингфилд. — Когда вы вернетесь, нас здесь уже не будет.

Я пошел в тот же магазин на Бродвее, где покупал рубашку перед randevу с Элспет Сэнсом. Там я нашел все, кроме носков и обуви. Черные джинсы, черную футболку и черную ветровку на молнии, топорщившуюся на животе пузырем.

Идеально — если Спрингфилд понял намек.

Я переоделся в примерочной, выбросил старые вещи и заплатил продавцу пятьдесят девять долларов. После чего отправился

в обувной. Там я взял пару черных ботинок — высоких, крепких и на шнурках — и пару черных носков. Еще около сотни баксов.

Вечер уже окутывал город темным покровом, когда я вернулся в гостиницу. Я поднялся в номер, сел на кровать и стал ждать.

Я ждал около четырех часов. Я думал, что жду Спрингфилда. Но оказалось, что ждал я Терезу Ли.

Ли постучала, когда до полуночи оставалось восемь минут. В руке у нее была черная спортивная сумка. Нейлон-баллистик. По тому, как сумка оттягивала ей руку, я сделал вывод, что внутри что-то тяжелое.

— Ты в порядке? — спросила Ли, ставя сумку на пол.

— А ты?

Она кивнула:

— Мы все снова на работе. Как будто ничего не произошло.

— Что в сумке?

— Понятия не имею. Какой-то мужчина доставил ее в участок.

— Спрингфилд?

— Нет, он назвался Браунингом. Он передал сумку мне, сказав, что ради предотвращения преступления я должна гарантировать, что она ни в коем случае не попадет к тебе.

— Но ты все равно ее принесла?

— Я ее охраняю. Так надежнее.

— Конечно.

Ли присела на кровать. В ярде от меня. А может, и ближе.

— Мы обыскали те три старых особняка на 58-й.

— Это Спрингфилд сообщил вам о них?

— Он сказал, что его зовут Браунинг. Наш спецназ устроил облаву пару часов назад. Хотев там нет.

— Знаю.

— Они были там, но успели уйти.

— Знаю.

— Откуда?

— Хоцы сдали Леонида с подельником. Следовательно, они перебрались в другое место, о котором эти двое не знают.

Она посмотрела на меня:

— Ты найдешь их?

— Как у них с наличными?

— Мы не можем их отследить. Они перестали пользоваться кредитками и банкоматами шесть дней назад.

— Что еще предпринимает ваш отдел по противодействию терроризму?

— Розыск, — ответила Ли. — Совместно с ФБР и Минобороны. Улицы патрулируют шестьсот сотрудников.

— Круто.

— Говорят, все это связано с каким-то файлом, пропавшим из Пентагона. Записанным на флешку.

— Вроде того.

— Ты знаешь, где флешка?

— Почти.

— Так иди и возьми ее. А Хочами пусть занимаются те, кому это положено.

Я промолчал. Ли поняла, что меня не переубедишь.

— Когда планируешь приступить? — спросила она.

— Через два часа. Плюс еще два, чтобы отыскать их. И атаковать в четыре утра. Мое любимое время. То, чему мы научились у русских. Самый лучший момент, чтобы застать врага врасплох.

— Пропавший файл имеет отношение к Сэнсому?

— Отчасти.

— Он знает, что файл у тебя?

— У меня его нет. Пока. Но я знаю, где он.

— А Сэнсом об этом знает?

Я молча кивнул.

— Значит, ты заключил с ним сделку, — сказала Тереза Ли. — Он вытаскивает нас с Догерти и Джейкобом Марком, а ты приводишь его к пропавшему файлу.

— Вообще-то идеей было вытащить из дерьма меня.

— Похоже, для тебя номер не сработал. У федералов ты по-прежнему на крючке.

— Зато сработал с Управлением полиции Нью-Йорка.

— Так же, как и для нас троих. Спасибо, Ричер.

— Пожалуйста.

— Как Хочы планируют выбраться из страны?

— Не думаю, что это входит в их планы. Слишком поздно. Поезд ушел пару дней назад. Сейчас у них всего один путь — довести дело до конца. Победа или смерть.

— Пойти на верную гибель?

— То, что они умеют лучше всего.

Тереза Ли встала с кровати. Она сказала, чтобы я звонил ей в любое время, когда мне понадобится ее помощь, и, пожелав уда-

чи, вышла из номера. Черная сумка осталась на полу рядом с ванной.

Я приподнял сумку, прикинул вес. Фунтов восемь, не меньше. Я перенес сумку на кровать, расстегнул молнию.

Первым, что я увидел, была картонная папка.

Двадцать один лист компьютерных распечаток. Иммиграционные бланки. Две женщины, девятнадцать мужчин. Все — граждане Туркменистана. Все въехали в США из Таджикистана три месяца назад. На каждом бланке — цифровое фото и отпечатки пальцев. Фотографии были цветными. Я без труда узнал Светлану и Лилию Хоц. И Леонида с его подельником. Остальных семнадцать я видел в первый раз. На четырех уже стояла пометка «Выбыл». Я выбросил их бланки в ведро и разложил на кровати оставшиеся тринадцать.

Все тринадцать лиц выглядели усталыми. Невысокие, судя по направлению взгляда в объектив, жилистые, ближневосточный тип, сплошь кости, мышцы и жилы. Я всматривался, изучая каждого, с номера один по номер тринадцать, пока их лица не впечатались в мою память.

Затем я вернулся к сумке.

Как минимум, я рассчитывал на сносный пистолет. Как максимум — на короткий ПП. Я не зря намекнул Спрингфилду насчет мешковатой куртки. Я надеялся, он поймет.

Он понял. Более чем. И превзошел все мои ожидания.

Он дал мне пистолет-пулемет с глушителем. Немецкий «Хекклер и Кох МП-5СД». Укороченная модификация классического МП-5. Без приклада. Пистолетная ручка, спуск, изогнутый магазин на тридцать патронов и шестидюймовый ствол с двухкамерным глушителем. Калибр девять миллиметров, быстрый, точный и тихий. Просто класс! ПП был с черным нейлоновым ремнем, предусмотрительно подтянутым почти на минимум.

С левой стороны ПП находилось комбинированное приспособление — предохранитель и переключатель режимов стрельбы. Белая точка — предохранитель, один маленький белый шаблон в форме пули — для стрельбы одиночными, три пули — для очередей по три выстрела и длинная цепочка маленьких белых пулек — для автоматического огня. Я перевел фиксатор в режим очередей по три выстрела. Мой любимый.

Я положил оружие на кровать.

Про патроны он тоже не забыл. Тридцать штук. Хотя тридцать — это не много. Для пятнадцати человек.

Я проверил сумку еще раз.

Но больше патронов не было. Зато был своего рода бонус.

Нож.

«Бенчмейд-3300». Черная фрезерованная рукоятка. Автоматический размыкающий механизм. Запрещенный во всех пятидесяти штатах — если только вы не военный и не сотрудник правоохранительных органов, коим я в данный момент не являлся. Большим пальцем я нажал спуск — лезвие молниеносно выскочило из рукоятки. Обоюдоострый клинок, копьевидное острие. Четыре дюйма длиной.

Я закрыл нож и положил рядом с ПП.

В сумке оказалось еще две вещи. Черная кожаная перчатка — на крупную левую мужскую руку. И моток черной изолянты. Я положил все в ряд с ПП, магазином с патронами и ножом.

Тридцать минут спустя, одетый, обутый и экипированный, я сидел в вагоне поезда R нью-йоркской подземки.

Поезда R оснащены вагонами старой модели — со скамейками, обращенными вперед и назад по ходу движения. Но я сидел на боковой, один. Было два часа ночи. Поезд ехал на юг.

Я вышел на «34-й», сел на скамью в вестибюле станции и еще раз мысленно прошелся по своим теориям. Я прокрутил урок истории от Лили Хоц: *Обдумывая наступление, прежде всего следует распланировать свой неизбежный отход*. Интересно, прислушались ли к этому совету ее начальники там, на родине? Я был готов поспорить, что нет. По двум причинам.

Первая — фанатизм. Идеологические организации не могут себе позволить мыслить рационально. Стоит лишь начать рассуждать трезво, и все их идеи развалятся как картонный домик.

И второе — любой план отхода неизбежно несет в себе семена краха. Шестьсот агентов патрулируют улицы. Я мог поклясться, что они ничего не найдут. Поскольку планировщики там, в горах, слишком хорошо знают, что единственный безопасный маршрут — это тот, которого в планах нет.

Поэтому сейчас Хоцы за бортом. Со всей своей бандой из тринадцати человек. Одни и без всякой поддержки. Они — в моем мире.

Телефон в кармане завибрировал. Я открыл крышку.

— И где ты? — спросила Лиля Хоц.

— Я не могу вас найти, — ответил я.

— Я знаю.

— Поэтому предлагаю сделку. Сколько у тебя наличных?

— Флешка у тебя?

— Я могу точно сказать тебе, где она.

— Но в данный момент у тебя ее нет?

— Нет.

— Тогда что ты показывал нам в отеле?

— Пустышку.

— Пятьдесят тысяч долларов.

— Сто.

— У меня нет таких денег.

— Вам все равно конец, — сказал я. — Неужели тебе не хочется умереть победителем?

— Семьдесят пять.

— Семьдесят пять, и вся сумма сегодня ночью.

— Шестьдесят.

— Договорились.

— Где ты сейчас? — спросила она.

— На окраине, — соврал я. — Но я готов встретиться на Юнион-сквер. Через сорок минут.

— Там безопасно?

— Вполне.

— Я буду, — сказала она.

— Но только ты, — предупредил я. — Одна.

Телефон отключился.

Я прошел два квартала до северного конца парка Мэдисон-сквер и сел на скамейку. Выудил из кармана визитку Терезы Ли. И набрал номер ее сотового.

— Это Ричер, — сказал я. — Ты говорила, чтобы я звонил в любое время, когда мне понадобится помощь.

— Чем я могу помочь?

— Передай парням из вашего антитеррористического отдела, что через сорок минут на Юнион-сквер ко мне подойдут от минимум двух до максимум, вероятно, шести людей Лили Хоц. Скажи, что их можно брать. Но чтобы меня не трогали.

— Приметы?

- Ты ведь заглянула в сумку? Прежде чем принести ее?
- Конечно.
- Значит, ты видела их фото.
- Где конкретно на Юнион-сквер?
- Думаю, где-то на юго-западном углу.
- Зачем ты встречаешься с ее людьми?
- Я заключил с ней сделку. Но она не придет. Она решила перехитрить меня и пошлет вместо себя кого-нибудь из своих. Чем больше вы возьмете сейчас, тем меньше мне останется на потом. Мне не хотелось бы убивать их всех.
- Совість?
- Нет. Простой расчет. У меня всего тридцать патронов.

Через девять кварталов я вышел на Юнион-сквер. Для начала я обошел вокруг площади, а затем пересек ее дважды по разным диагоналям. Ничего подозрительного. Я сел на скамейку рядом со статуей Ганди и приготовился ждать.

За двадцать минут до условленного срока я увидел, как подтягивается полицейский спецназ. Спецотряд по противодействию терроризму. Они прибывали в выдавших виды седанах и конфискованных мини-вэнах с царапинами и вмятинами на кузове. Я насчитал шестнадцать человек, но был готов признать, что мог пропустить еще четверых или пятерых. Не зная я, что к чему, можно было подумать, что у какой-нибудь секции боевых искусств только что закончилась поздняя тренировка. Парни были все как на подбор: молодые, в хорошей форме и двигались как тренированные атлеты. У каждого — спортивная сумка.

Я видел, что они опознали меня. И слились с пейзажем.

За десять минут до условленного срока я был еще полон оптимизма. За пять — уже нет.

Потому что нарисовались федералы.

Я вытащил мобильник и нажал зеленую кнопку — последний набранный номер. Ли ответила сразу.

— Здесь федералы, — сообщил я. — Как это может быть?

— Либо они прослушивают разговоры нашей диспетчерской, либо кто-то из наших ищет работу поперспективнее.

— Кто важнее в сегодняшней операции?

— Они. Как всегда. Тебе нужно немедленно убираться.

Я закрыл телефон и сунул назад в карман. Восемь человек из блестящих «фордов» скрылись в тени. На площади стало тихо.

Я ждал. Две минуты. Три.

Когда истекли тридцать девять из условленных сорока минут, я почувствовал движение справа. Я присмотрелся. Они двигались сквозь тени и тусклый свет. Семь человек.

Отлично. Чем больше сейчас, тем меньше потом.

Плюс мне это польстило. Лили рисковала более чем половиной отряда, а значит, считала меня крепким орешком.

Все семеро были невысокого роста, худые и явно усталые. Одетые, как и я, во все черное — мешковатый верх скрывал их оружие. Я знал, что они не станут в меня стрелять. Желание Лили заполучить информацию было моим бронезищелом.

Я продолжал спокойно сидеть.

В теории все должно было быть проще простого. Они подходят, спецназ осуществляет захват, я иду по своим делам.

Но не с федералами. В лучшем случае они накроют нас всех. В худшем — меня одного, ибо им я нужнее, чем эти семеро. Я знал, где находится флешка. Люди Лили — нет.

Семеро разделились. Двое остались на месте, чуть справа и ярдах в тридцати от меня. Двое быстро смещались влево. Трое продолжали идти, чтобы оказаться сзади.

Я встал. Двое справа двинулись в мою сторону. Двое слева были на половине пути для атаки с фланга. Трех сзади мне было не видно.

Я побегал.

Вперед, к павильону метро в двадцати футах прямо передо мной. Вниз по ступенькам. Сзади — отчетливый стук подошв. Человек сорок, растянутых в цепочку безумной гонки.

По крытому кафелем коридору — опять к площадке метро. Здесь я изменил направление и вильнул к поезду *R* в сторону окраин. Сиганув через турникет, я выбежал на платформу и пронесся до самого ее конца.

Встал.

И развернулся.

Позади меня одна за другой на платформу ввалились три группы людей. Впереди — семерка Лили Хоц. Они неслись прямо на меня. Они видели, что я в тупике. И остановились. А затем повернулись и оказались лицом к лицу с парнями из спецназа.

За спинами спецназовцев маячили четверо из восьми федеральных агентов.

На платформе — ни души. Лишь напротив, у противоположного пути, на скамейке лежал одинокий парень. Молодой. Вероятно, пьяный. Ничего не понимая, он тарашился на внезапное нашествие неизвестно откуда взявшегося народа.

Это напоминало гангстерскую войну. Но в действительности это был быстрый и эффективный захват силами полицейского спецназа. Крики, пушки, блеск полицейских жетонов — через секунду первая группа уже лежала мордами в пол. Никакого сопротивления. Зашелкнув наручники за спинами пленников, парни уволокли всех семерых. Выпивоха продолжал пялиться, как коза в афишу.

За путями, на противоположной платформе, возникли еще четверо федералов. Они заняли позицию напротив меня. Все ухмылялись, точно сделали особо хитрый шахматный ход. Первые четверо находились между мной и выходом. За моей спиной — глухая стена и разверстая пасть туннеля.

Шах и мат.

Агент, стоявший ближе всех ко мне, вынул из-под пиджака пушку.

— Поднимите руки, — приказал он.

Ночной график. Двадцатиминутный интервал между поездами. Мы здесь уже минуты четыре. Максимум шестнадцать минут до следующего поезда, минимум — ни одной.

В туннеле темно и тихо.

— Поднимите руки, — повторил агент. Из бывших военных, не ФБР. Похоже, уже из команды «А». — Я буду стрелять, — предупредил он.

Агент блефовал. Им нужна была флешка. А я знал, где она.

Среднее время до поезда — шестнадцать пополам. Восемь минут. Парень с пушкой шагнул вперед.

— Просто скажите нам, где она.

— Где кто? — переспросил я.

— Не кто, а что. Вы знаете, о чем я. И вы забыли об одном очень важном факторе. Если догадались вы, значит, пойдем и мы. В коем случае ваше дальнейшее существование теряет смысл.

— Валяйте, — разрешил я. — Вычисляйте.

Он поднял пушку на вытянутой руке. «Глок-17». Самый легкий из современных табельных пистолетов. Агент мог простоять в этой позе хоть до второго пришествия.

— Последний шанс, — предупредил он.

Юный выпивоха куда-то смылся. Видимо решив, что спокойная жизнь дороже той пары долларов, что он выложил за билет. Свидетелей нет.

Среднее время до поезда — шесть минут.

— Я не знаю, кто вы такие, — сказал я.

— Федеральные агенты, — ответил старший.

— Докажите.

Старший кивнул назад через плечо. Один из напарников сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек кожаную книжицу для жетона. Книжица распахнулась. Явив два пластиковых окошка с двумя разными документами. Но я не мог прочесть ни один. Слишком далеко.

Я шагнул вперед. Между нами — не более четырех футов. Я уже мог различить в верхнем пластиковом окошке стандартное удостоверение. УВР, Управление военной разведки. В нижнем находилось что-то вроде мандата, сообщавшего, что предъявитель сего действует в интересах непосредственно президента Соединенных Штатов.

— Круто, — сказал я. — На хлеб с маслом явно хватает.

И отступил назад.

Среднее время до поезда — пять минут.

Старший изменил угол руки. Теперь пистолет целил мне в колено.

— Я выстрелю, — предупредил он.

Свидетелей нет.

Если не можешь придумать ничего лучшего, начинай говорить.

— Зачем вам флешка?

— Вопрос национальной безопасности.

— Наступление или оборона?

— Считаю до трех.

— Флаг вам в руки, — ответил я. — Если собьетесь — скажете.

— Раз.

Я услышал, как зашипела подушка рельсов сбоку от меня. Из туннеля вырвался поезд, сначала быстро, а затем сработали тормоза, и поезд остановился.

Поезд R, в сторону спальных районов. Пятнадцать вагонов. В каждом — по несколько пассажиров.

Свидетели.

«Глок» старшего нырнул под пиджак.

В поездах *R* вагоны старой модели. В каждом — по четыре комплекта дверей. Головной вагон встал прямо возле нас. Я был почти напротив двери номер один. Парни из УВР находились ближе к дверям три и четыре.

Двери открылись. Где-то в конце состава вышли два пассажира. И тут же ушли.

Я повернулся к вагону.

Парни из УВР повернулись к вагону.

Я сделал шаг вперед.

Они сделали шаг вперед.

Я остановился.

Они остановились.

Варианты: я вхожу в дверь номер один, после чего они входят в двери три и четыре. В том же самом вагоне. Мы можем кататься хоть до утра. Или поезд уходит без нас и я провожу минимум двадцать минут на пустой платформе наедине с этой далеко не самой теплой компанией.

Двери были еще открыты.

Я шагнул в вагон.

Они шагнули в вагон.

Я чуть выждал и резко дал задний ход. Назад на платформу.

Они дали задний ход.

Все замерли.

Двери закрылись перед моим носом. Как финальный занавес.

Пятьсот тонн железа, вздрогнув, стронулись с места.

В поездах *R* вагоны старой модели. С планками и водостоками. Раздумывать было некогда. Я уцепился за выступ водостока и втиснул пальцы ног на оградительную планку. Распластавшись снаружи двери, прижался к металлу и стеклу. Обнял внешний изгиб вагона морской звездой. МП-5 больно вдавился в грудь. Поезд набирал ход. Жесткий выступ туннеля шел прямо на меня. Затаив дыхание, я вмялся щекой в стекло.

Это было как гонка в кошмарном сне. Бешеная скорость, вой черноты, оглушительный шум в ушах, несущиеся мимо невидимые препятствия. Неистовство физической мощи. Ветер рвал на мне одежду.

И так ровно девять кварталов. А затем мы выскочили на «23-ю», и поезд дал по тормозам. Приклеенного к вагону, меня внесло в ослепительный свет станции на скорости тридцать миль в час. Я был

расплющен словно моллюск. Головной вагон остановился в северном конце платформы. Я выгнулся, и двери передо мной открылись. Я вошел внутрь и рухнул на первое же попавшееся сиденье.

Девять кварталов. Достаточно, чтобы отбить тягу к метросерфингу на всю жизнь.

В вагоне было еще три пассажира. Никто на меня даже не взглянул. Двери закрылись. Поезд двинулся дальше.

Я вышел на «Геральд-сквер». До четырех утра оставалось десять минут. Я еще укладывался в свой график. Я был в двадцати кварталах и в четырех минутах езды к северу от места, где я «сел» на поезд на «Юнион-сквер». Слишком далеко и чересчур быстро для организованного ответного хода. Я поднялся на улицу.

Куда они могли двинуть?

Нью-Йорк. Двести пять тысяч акров земли. Восемь миллионов адресов. Я сортировал варианты, как вычислительная машина.

И не нашел ничего.

А затем я улыбнулся.

Ты говоришь слишком много лишнего, Лиля.

Я вновь услышал в голове ее голос. Из чайной во «Временах года». Когда она рассказывала об афганцах-боевиках: «Моджахеды — люди неглупые. Они умели хорошо запутывать след и возвращались на позиции, которые мы давно считали покинутыми».

Я повернул обратно на «Геральд-сквер». К поезду линии R. Чтобы выйти на углу 59-й и Пятой. Там, откуда рукой подать до старых особняков на 58-й.

ГЛАВА 10

В особняках было темно и тихо. Четыре тридцать утра. Поперек двери с одной-единственной кнопкой звонка — той, что была рядом с заброшенным рестораном на первом этаже крайнего дома слева, — красовалась ярко-желтая полицейская лента.

Лента выглядела нетронутой. Это означало наличие черного хода с задней стороны дома. Что было вполне логично, если помнить, что здесь был ресторан.

Я сместился на двадцать ярдов южнее, расширяя угол обзора. Между домами — никаких открытых проходов. Рядом с оклеенной лентой дверью находилась витрина ресторана. Но рядом с ней была еще одна дверь.

Архитектурно дверь принадлежала соседнему с рестораном зданию. И располагалась на первом этаже. Она была намного шире обычного. Черная, вся в царапинах и без дверной ручки. С одной лишь замочной скважиной. Без ключа дверь можно было открыть только изнутри. Я был готов поспорить, что за дверью — крытый проход. По моим прикидкам, сосед ресторана занимал две комнаты на первом этаже и три — этажом выше. Ибо на третьем блок уже был сплошным. Но ниже, на уровне улицы, шли крытые, невидимые снаружи коридоры, ведущие к задним выходам.

Я отступил в тень и стал ждать.

Город, который никогда не спит, по крайней мере расслабился. Три минуты спустя в кармане завибрировал телефон.

Не сводя глаз со здания с рестораном, я отщелкнул крышку мобильного. И поднес его к уху:

— Да?

— В чем дело? — спросила она.

— Ты не явилась на встречу.

— Неужели ты ждал? Что случилось с моими людьми?

— Можешь за них не переживать.

— Мы все еще можем договориться.

— Да. Только теперь цена выросла. Семьдесят пять.

— Где ты?

— Прямо у твоего дома.

В одном из окон появилось движение. Едва уловимое глазу. Четвертый этаж.

— Нет, ты не у моего дома, — ответила она.

Но без уверенности в голосе.

— Где ты хочешь встретиться? — спросила Лиля.

— Не все ли равно? Ты ведь не придешь.

— Я пришлю кого-нибудь.

— Сомневаюсь. У тебя всего шесть человек.

Она уже начала что-то отвечать, но спохватилась.

— Таймс-сквер, — сказал я. — Завтра, в десять утра.

— Почему именно там?

— Хочу, чтобы вокруг были люди. Или так, или никак.

— Не вешай трубку, — попросила она.

— Почему?

— Я должна проверить, наберется ли у нас семьдесят пять тысяч.

Я расстегнул молнию на куртке.

В ухе я слышал дыхание Лили Хоц.

В пятидесяти ярдах от меня черная дверь открылась. Крытый проход. Из двери вышел человек. Невысокий, жилистый, смуглый. И крайне осторожный.

Я сунул мобильник в карман. Не закрывая его. И не выключая.

И поднял МП-5.

Пистолеты-пулеметы конструируются для ближнего боя, но «Хекклер и Кох» бьет в цель даже со ста ярдов. Я перевел переключатель режимов на стрельбу одиночными.

Человек подошел к бордюру. Посмотрел направо, затем — налево. Вокруг лишь прохладный воздух и слабая ночная мгла.

Он повернулся обратно к двери.

Я выждал, пока его тело получит импульс на шаг вперед. И выстрелил ему в спину. Точно в яблочко.

Человек покачнулся и упал замертво. Я послал в него вторую пулю, чтобы наверняка, и вновь достал телефон.

— Ты еще там? — спросил я.

— Мы считаем, — ответила Лили Хоц.

«Запиши один в минус», — сказал я про себя.

Я застегнул куртку. Пошел. Я старался держаться дальней стороны Мэдисон и проскочил 58-ю на пару ярдов. Я пересек авеню и вышел из-за угла, прижимаясь к фасадам особняков. Мне нужно было оставаться вне линии обзора.

— Мне пора, — сказал я в сорока футах прямо под ней. — Таймс-сквер, завтра в десять. О'кей?

В сорока футах прямо надо мной она ответила:

— О'кей.

Я сунул телефон в карман и затащил труп в проход. И закрыл за нами дверь, тихо и осторожно.

В проходе тускло светила одинокая лампочка.

Я узнал труп по фотографии из папки Спрингфилда. Номер семь из девятнадцати. Имени я не помнил. Я обыскал его. Ни документов. Ни оружия.

Я отыскал внутреннюю дверь в здание и расстегнул куртку. Интересно, сколько времени им понадобится, чтобы хватиться запропастившегося дозорного? Меньше пяти минут, решил я. И скольких они пошлют? Вероятно, одного, но я надеялся, что их будет больше.

Они ждали семь минут и послали двоих. Внутренняя дверь открылась, и из нее появился первый. Номер четырнадцать в списке Спрингфилда. Он сделал несколько шагов к двери на улицу, и за ним тут же возник второй. Номер восемь.

Дальше произошли три вещи.

Раз: первый увидел, что дверь захлопнута. Без ключа снаружи ее не открыть. Следовательно, дозорный должен был оставить ее открытой. Но дверь заперта. Следовательно, дозорный должен быть где-то внутри.

Первый обернулся.

Два: второй обернулся тоже. Чтобы закрыть внутреннюю дверь — аккуратно, без шума. Я ему не мешал.

Затем он поднял взгляд и увидел меня.

Первый увидел меня.

Три: я застрелил их обоих. Двумя очередями в шею, по три выстрела в каждой.

Оба упали.

Минус восемь патронов. В остатке — двадцать два. Семеро — за решеткой, трое — в аду, трое — где-то внутри. Плюс Светлана и Лиля Хоц.

Я обыскал этих двоих. Ни документов. Ни оружия. Ни ключей. Значит, внутренняя дверь не заперта.

Я выждал.

В кармане завибрировал телефон.

Я вытащил его. Взглянул на окошко на передней панели. Абонент неизвестен. Лиля. Я не ответил. Разговоры мне надоели.

Моя левая рука в перчатке легла на ручку двери. Нажала.

До этого момента из двери выходили трое. Если кто-то ждет их внутри, у меня будет доля секунды, пока тот сообразит, кто перед ним — друг или враг.

В моем случае все проще. Любой, кого я увижу, — враг.

Я открыл дверь.

Никого.

Я смотрел на пустую комнату. Зброшенная ресторанный кухня. Давно разобранный и демонтированный. В самом центре — большой каменный стол. Холодный, гладкий и чуть вогнутый от износа. Возможно, раньше на нем раскатывали тесто для выпечки.

А совсем недавно — вспарывали живот Питеру Молине.

Без сомнения, это тот самый стол, что я видел на DVD.

В кармане завибрировал телефон.

Я не ответил. Я пошел дальше.

Из кухни в обеденный зал вела двустворчатая дверь, открывающаяся в обе стороны. В створках — окошки-иллюминаторы. Я заглянул сквозь них. Никого.

Я шагнул внутрь. Зал был пустой, большой и прямоугольный. В углу сиротливо пылился один-единственный стул. Сквозь большое грязное окно пробивался желтый свет с улицы.

Я свернул налево и еще раз налево. Нашел задний вестибюль с туалетами. Плюс еще две двери, по одной в каждой из боковых стен. На обеих — таблички: «Только для персонала». Одна явно вела обратно в кухню. Другая должна была вести к лестнице и дальше — наверх, к квартирам.

В кармане завибрировал телефон.

Я не ответил.

Я открыл вторую дверь. Прямо передо мной — клетушка, примерно тридцать на тридцать дюймов. Входная дверь с полицейской лентой — на расстоянии вытянутой руки.

Прямо из клетушки вверх шла узкая лестница.

В кармане завибрировал телефон. Я вытащил его. Взглянул на окошко на передней панели. Абонент неизвестен. Я сунул телефон в карман.

И двинулся вверх по лестнице.

Второй этаж. Вестибюль, примерно тридцать на шестьдесят. Комната слева, комната справа и две прямо передо мной. Все двери закрыты.

Движение, что я видел с улицы, было в окне четвертого этажа. В окне слева, если смотреть снаружи. Следовательно, ее комна-

та — справа, если смотреть изнутри. Вряд ли планы этажей сильно отличаются друг от друга. Значит, комната справа на втором этаже даст мне примерный расклад по топографии.

Положив палец на спусковой крючок МП-5, рукой в перчатке я взялся за ручку двери. Нажал. И открыл.

Пустая комната. Точнее, квартира-студия. Длинное, узкое пространство. Встроенный шкаф в глубине, ванная, кухня, жилая площадь. Приторный запах клопов и сырой штукатурки.

Я прошел к окну. Пожарная лестница, стандартной конструкции. Узкая, железная, она диагонально спускалась с верхнего этажа, заканчиваясь узкой железной платформой на уровне потолка первого этажа.

Окно было сдвижным. Нижняя рама поднималась отвесно вверх, где и фиксировалась медным язычком. Было видно, что рамы перекрашивались не раз.

Я открыл защелку, взялся за ручки рамы и потянул. Рама подавалась и почти тут же застряла. Я поднажал. Вздвогнув, рама поднялась еще дюймов на восемь и заклинила окончательно. Получилась брешь, дюймов двадцать в высоту.

Более чем достаточно.

Я просунул одну ногу, поднырнул, вытащил вторую.

В кармане завибрировал телефон.

Я не ответил. Я пошел по пожарной лестнице. Медленно, тихо, ступенька за ступенькой. На полпути моя голова оказалась вровень с подоконниками третьего этажа, и я мог рассмотреть оба окна комнаты.

Шторы задернуты. Никакого света внутри. Никаких звуков. Никаких признаков жизни. Я обернулся и посмотрел вниз. Ни пешеходов. Ни машин.

Я поднялся до четвертого этажа. Тот же результат. Грязное стекло, задернутые шторы. Я замер под окном, где до этого видел движение. Или воображаемое движение. Но ничего не услышал.

Я перебрался этажом выше. Здесь картина была иной. Никаких штор. Пустые комнаты. Закрытые окна. Протекающий потолок.

Не разбив стекло, я не мог ничего сделать. А это означает шум. Я был готов к шуму, но не сейчас. Шуметь я собирался позже.

Я перекинул МП-5 за спину и поставил ногу на подоконник. Опершись, подтащил вторую и ухватился за шаткий свес высоко над головой. Я подтянулся на руках и перевалился через край. Не скажу, что грациозно. Все же я не гимнаст. Тяжело дыша, я рас-

пластался по грязной крыше лицом вниз. Передохнув пару секунд, я встал на колени и огляделся в поисках люка. Тот оказался футах в сорока — прямо над местом, где, по моим расчетам, должна была находиться лестничная площадка пятого этажа.

Вероятно, люк закрыт изнутри — скорее всего, на висячий замок. Замок наверняка крепкий, но накладка, по традиции, привинчена к раме, а рама, как всегда, хлипкая от старости и дождя.

Стандартный тактический постулат для любого штурма: атаковать с возвышенного участка.

Я просунул пальцы в перчатке под край крышки люка напротив петли. Дернул. Никакого эффекта. Что ж, шутки в сторону. Две руки, полуприсед, глубокий вдох. Я рванул крышку что было сил.

Пролетев десять футов, металлический замок вместе с петлей рухнули на деревянный пол.

Нехорошо. Совсем нехорошо.

Через секунду на четвертом этаже открылась дверь.

Я нацелил МП-5.

В проеме лестницы возникла голова. Темные волосы. Мужчина. С пистолетом в руке. Он увидел замок на полу. Поднял голову. Взгляд вверх. Номер одиннадцать в списке Спрингфилда. Он увидел меня. Он промедлил. Я — нет. Я попал ему прямо в темя. Вертикально. Очередью из трех выстрелов. Он с грохотом рухнул на лестницу. Я выждал еще секунду, показавшуюся мне бесконечно долгой, а затем прыгнул через люк на площадку, приземлившись на ноги рядом с ним. Еще один громкий шум.

Со скрытностью покончено.

Минус одиннадцать патронов. В остатке — девятнадцать. И два врага.

Плюс Хоцы.

В кармане завибрировал телефон.

Не сейчас, Лиля.

Я взял пистолет убитого и посмотрел на лестницу. По ступенькам никто не поднимался.

Пистолет оказался австрийским. «ЗИГ-Зауэр П-220». Массивный глушитель. Десятимиллиметровый, патроны «парабеллум». Те же, что и в моем МП-5. Большим пальцем я выдавил их из обоймы и ссыпал себе в карман. Пистолет я положил на пол.

Я нырнул в комнату справа. Та оказалась пустой. Голые стены. Я измерил шагами план комнаты-студии, насколько я его помнил.

Шкаф, ванная, кухня, жилая зона. Дойдя до середины последней, я остановился и с силой топнул ногой. Я полагал, что Лиля сейчас прямо подо мной, вслушивается.

Ответ пришел в виде пули, пролетевшей сквозь доски пола в трех футах от моих ног. Беззвучно. У всех глушители.

Я выстрелил в ответ — тройная очередь вниз, в ту же самую дырку. И переместился туда, где, по моим подсчетам, должна быть кухня.

Минус четырнадцать патронов. В остатке — шестнадцать. И девять в кармане рассыпью.

Еще одна пуля прошла сквозь пол. В семи футах от меня. Я ответил. Следом — они. Я послал еще очередь и неслышно вышел обратно на лестницу.

Вверх по ней крался человек. Номер два в списке Спрингфилда. В руке — такой же «ЗИГ-Зауэр П-220». С глушителем. Он заметил меня первым. Выстрел. Он промахнулся. Я — нет.

Минус двадцать три патрона. В остатке — семь. Плюс девять рассыпью.

И один враг. Плюс Светлана и Лиля Хоц.

В кармане завибрировал телефон.

Слишком поздно для торга, Лиля.

Всего один — между мной и ними. Как они поступят? Скорее всего, попробуют обойти меня с фланга. Пошлют его наверх по пожарной лестнице. Отвлекая меня звонками по телефону, чтобы тот выстрелил мне в спину через окно.

Но когда?

Либо прямо сейчас, либо намного позже. Чтобы застать меня врасплох или измотать.

Они выбрали первое.

В кармане завибрировал телефон.

Я шагнул назад, в комнату слева. В этом ракурсе железная лестница за окном шла вверх слева направо. Я увижу голову последнего, когда тот будет подниматься снизу.

Я прокрался к окну и вжался в стену. Выглянул наружу. Чисто. Я отщелкнул шпингалет. Попробовал. Окно не поддавалось. Я встал прямо перед ним, взялся за ручки и, поднатужившись, потянул. Рама взлетела вверх с такой силой, что треснуло стекло. Я отступил назад и вновь прижался к стене.

Вскоре до меня донесся тупой, приглушенный стук. Резина подошв по железу. Ровный, частый ритм. Он поднимался быстро, но

не бегом. Я выждал, пока его голова и плечи окажутся внутри комнаты. Номер пятнадцать в списке Спрингфилда. Он заглянул налево. Заглянул направо. Заметил меня. Я нажал на курок. Тройная чечетка. Голова исчезла.

Возможно, первая или последняя из трех пуль успели оторвать ему ухо. Он выстрелил в ответ и нырнул обратно наружу. Я слышал, как он упал на узкий железный мостик.

Сейчас или никогда.

Я выскочил следом за ним. Он проехал головой вперед до четвертого этажа и, перекатившись на спину, поднял пистолет. Но было поздно. Тройная очередь из МП-5 пригвоздила его к полу.

Шестеро — трупы. Семеро — под арестом. Четверо вернулись домой. Двое — в больнице. Девятнадцать из девятнадцати.

Окно четвертого этажа было открыто. Шторы раздвинуты. Комната-студия. Бесхозная, но не разрушенная. Светлана и Лиля Хоц стояли вместе за стойкой кухни.

Минус двадцать девять патронов.

В остатке — один.

Я перелез через подоконник и шагнул в комнату.

Студия была той же планировки, что и на втором этаже. Жилое пространство спереди, затем — кухня, за ней — ванная и в конце — встроенный шкаф. Две лампы горели. У стены — раскладная кровать. Плюс два жестких стула. В кухонном углу — две параллельные стойки и буфет. Крохотное пространство. Светлана и Лиля Хоц ютились в нем, стоя бедром к бедру. Светлана — слева, Лиля — справа. Светлана была в коричневом домашнем халате. Лиля — в белой футболке и брюках карго — широких, черных, с карманами на штанинах. Выглядела она, как и прежде, сногшибательно. Словно какой-нибудь модный фотограф-радикал поместил свой лучший бриллиант в грубую городскую оправу.

Я навел на них МП-5. Черный и страшный. Он был горячий. От него пахло порохом, ружейным маслом и дымом.

— Руки на стойку, обе, — приказал я.

Они подчинились. Четыре кисти раскинулись морскими звездами.

— Вы не мать и дочь, — сказал я.

— Нет, — ответила Лиля.

— Тогда кто вы?

— Учитель и ученик.

— Отлично. Мне бы не хотелось убивать дочь на глазах у матери. Или наоборот.

В кармане завибрировал телефон.

Я уставился на руки Лили. Разжатые. С вытянутыми пальцами. Пустые. Без телефона.

— Может, стоит ответить? — сказала она.

Я перекинул МП-5 в левую руку и вытащил из кармана мобильник. Абонент неизвестен. Я отщелкнул крышку и поднес телефон к уху.

— Ричер?

Голос Терезы Ли.

— Где ты был, черт тебя побери?! Я не могу дозвониться до тебя уже целых двадцать минут.

— Я был занят. Что у тебя?

— Нам позвонили из Министерства национальной безопасности. Один из таджиков Лили опоздал на пересадку в Стамбуле. Ему пришлось лететь через Лондон и Вашингтон. Их не девятнадцать человек, Ричер. Их двадцать.

Лиля Хоц отодвинулась, и двадцатый вышел из ванной.

Ученые меряют время вплоть до пикосекунд. Одна триллионная доля секунды. Они считают, что за пикосекунду может произойти все, что угодно. Родиться вселенная, ускориться частицы, расщепиться атомы. То, что произошло со мной в те первые несколько пикосекунд, можно описывать долго. Во-первых, я разжал руку и выпустил телефон. К тому моменту, когда он достиг уровня моих плеч, в голове промелькнули строки из телефонного разговора с Лилей. «У тебя всего шесть человек», — сказал я ей. И она уже начала что-то отвечать, но спохватилась. «Нет, у меня их семь», — собиралась сказать она.

Урок пошел ей на пользу. В кои-то веки Лиля не говорила чересчур много. А я не обратил внимания.

Когда телефон достиг уровня моей талии, я уже сосредоточился на двадцатом. Он выглядел точь-в-точь как предыдущие четверо или пятеро. Невысокий, жилистый, черные волосы, кожа в сетке морщин. В руке — пистолет с глушителем. Правша.

Я держал МП-5 в левой. Магазин пуст. Последний патрон — в стволе. Мне хотелось поменять руку.

Но менять руку — это лишних полсекунды. Пятьсот миллиардов пикосекунд. Слишком долго. К тому моменту, когда телефон доле-

тел до моих колен, правая ладонь уже схватила ПП под ствол. Лиля смещалась влево. Последняя пуля врезалась двадцатому точно в лоб. Для левой руки — неплохо. Разве что целил я ему в грудь.

Телефон упал на пол.

Двадцатый с шумом грохнулся оземь.

Лиля нырнула вниз одновременно с ним. В следующий момент она уже стояла с его пистолетом в руке. Еще один «ЗИГ-Зауэр П-220».

«Если Лиля ринулась за стволом, — промелькнула мысль в моей голове, — значит, больше оружия в квартире нет. Из него стреляли минимум трижды, сквозь потолок».

В остатке — максимум шесть патронов. Шесть против ноля.

Лиля навела пистолет на меня. Я навел на нее свой.

Слева раздался голос Светланы:

— Твоя пушка пустая.

Я взглянул на нее:

— Ты говоришь по-английски?

— Причем неплохо.

— Я перезарядил наверху.

— Я вижу отсюда. У тебя переключатель на очередях по три выстрела. Но выстрел был один. Значит, последний.

Мы стояли так, должно быть, целую вечность. По крайней мере мне так показалось. П-220 застыл в руке у Лили, твердой как скала. Между нами — пятнадцать футов. Светлана — в районе кухни.

— Опусть пушку, — приказала она.

— Вам нужна флешка.

— У тебя ее нет.

— Но я знаю, где она.

— Мы тоже.

Я промолчал.

— Как только ты сказал нам, что знаешь, где она, мы стали думать. Ты нас подстегнул. Ты слишком много говоришь, Ричер. Ты сам сделал себя ненужным.

— Опусть, — сказала Лиля. — Имей хоть каплю достоинства. Не стой, как идиот, с пустой пушкой в руках.

Я продолжал стоять.

Лиля опустила руку и выстрелила в пол. Точь-в-точь между мысков моих новых ботинок. Похвально. Она была очень метким стрелком.

Пять патронов в остатке.

Я потянул ремень ПП через голову. От него больше не было никакой пользы.

— Бросай сюда, — велела Светлана.

Я медленно качнул рукой и отпустил МП-5.

— Теперь куртку.

Я скинул куртку и бросил рядом с ПП. Светлана обшарила карманы. Нашла девять патронов и моток изолянт. Патроны она расставила вертикально в ряд на кухонной стойке. Изолянт она пристроила рядом.

— Перчатку, — приказала Светлана.

Я подчинился.

— Ботинки и носки.

Я бросил все это, одно за другим, туда же в кучу.

— Футболку, — велела Лиля.

— Только если ты первая, — ответил я.

Еще одна пуля впилась в пол между моих ног. В остатке — четыре.

— Следующая будет в ногу, — спокойно сказала Лиля.

— Футболку, — повторила Светлана.

Стоя спиной к стене, я стянул футболку и бросил наверх кучи. Несколько секунд Лиля и Светлана разглядывали мои шрамы. Похоже, их это возбуждало. Особенно шрапнельный рубец.

— Теперь джинсы.

Я посмотрел на Лилю:

— По-моему, в твоей пушке пусто.

— Нет, — ответила та. — Еще четыре патрона. Две ноги и две руки.

Я расстегнул пуговицу. Затем молнию. Лягнув, отправил джинсы в общую кучу. Светлана прошлась по карманам. Выложила мой скарб кучкой там же, на стойке.

В комнате стало тихо. Я стоял спиной к стене, в одних белых трусах. За окном было пять утра, город начинал шевелиться.

Светлана собрала ПП, ботинки и одежду в узел и зашвырнула за стойку в кухне. Следом отправились оба стула. Она взяла мой мобильник, отключила его и бросила подальше на пол. Она расчищала место. Жилая часть студии была примерно двенадцать на двадцать футов. Я стоял по центру длинной стены. Лиля сдвинулась к окну слева, не опуская пистолет и не сводя с меня взгляда ни на секунду.

Светлана переместилась к кухне. Я слышал, как открывается выдвижной ящик. Видел, как она возвращается.

С двумя ножами.

Это были длинные орудия мясника. Для потрошения или нарезки филе. Черные рукоятки. Стальные лезвия. Тончайшие режущие кромки. Светлана бросила один Лиле. Свободной рукой та поймала его за ручку. Профессионально. Светлана сместилась в противоположный угол. Они взяли меня в клещи. Лиля — под углом сорок пять градусов слева, Светлана — под тем же углом, но справа.

Повернувшись, Лиля с силой впихнула П-220 глушителем в угол — где фасадная стена встречается с боковой. Большим пальцем она нащупала собачку внизу рукоятки и выбросила обойму вниз. Сам пистолет Лиля откинула в противоположный угол, за спину Светланы. Теперь пистолет и обойма были в двадцати футах друг от друга.

Улыбнувшись, Лиля шагнула вперед. Светлана тоже. Ножи обе держали низко: большой палец сверху рукоятки. Как уличные бойцы. Как профи.

Я не двинулся с места.

— Отсрочка — это хорошо, — сказала Лиля. — Она усиливает предвкушение.

Я ничего не сказал.

А затем моя рука вдруг исчезла у меня за спиной и вынырнула с «Бенчмейдом-3300» — оттуда, где он был приклеен к пояснику куском изоленты.

Я нажал на спуск большим пальцем, и лезвие выскочило из рукоятки. Громкий звук, в тихой комнате. Я не люблю ножи. И никогда не любил. Ну нет у меня к ним тяги. Зато есть инстинкт самосохранения — не меньше, чем у других. Если не больше.

Правило номер один: не дать себя порезать в начале схватки. Ничто не ослабляет человека быстрее, чем потеря крови.

Я хотел добраться до кухни, а потому качнулся к Светлане, которая была между мной и нею. Ее лезвие просвистело у моего бедра. Я поджал пресс — зад назад, плечи вперед — и выдал левый хук сверху. Удар пришелся точно в бок ее носа.

Старуху качнуло назад, и в бой тут же вступила Лиля. Собранно и серьезно. Игры кончились. Она пригibasлась, она отклонялась. Какое-то время мы все танцевали друг перед другом.

Я держал классическую стойку — бедра назад, плечи вперед.

Резкий свинг в лицо Лиле. Та отшатнулась. Она знала, что я промахнусь. Потому что готовила этот промах. Светлана тоже знала, что я промахнусь. Потому что верила в свою ученицу.

Но и я знал, что промахнусь. Потому что я этого хотел.

Я оборвал маневр на середине и, резко изменив направление, нанес неожиданный и страшный удар назад влево — в сторону Светланы. Лезвие рассекло ей лоб. До самой кости.

В секунды кровь залила ей глаза. Ослепила ее.

Лиля бросилась на меня.

Я едва увернулся от дуги ее лезвия. Влево, вправо. Я стукнулся о стенку прямо за мной. И тут Лиля достала меня.

Она разгадала секрет длинных рук. Она держала нож кончиками пальцев почти за край рукоятки. Выпад вперед. А затем, с упором на переднюю ногу, она нагнулась и полоснула мне по животу.

Скверный порез. Длинный, глубокий, диагональный, прямо под пупком.

Я замер. На миг. Неверие. А затем я сделал то, что делаю всегда, когда кто-то причиняет мне боль. Я пошел на сближение. По инерции ее нож просвистел мимо моего бедра. Мой был внизу. Я рассек ей бедро, резко и глубоко, а затем оттолкнулся ногой и нанес удар слева кулаком ей в лицо. Точно в яблочко. Лилю развернуло, и я рванулся к Светлане. Лицо старухи — сплошь кровавая маска. Она махнула лезвием вправо. Затем влево. Она открылась. Шаг вперед — и я ударил ножом сверху по внутренней стороне ее правого предплечья. Рассек мясо до кости. Вены, сухожилия, связки. Она взвыла. Не от боли. От страха, поскольку с ней было покончено. Рука обвисла. Ударом слева я провернул старуху волчком, а правой тут же всадил нож ей в почку. Все четыре дюйма, с яростным рывком вбок.

Светлана рухнула на колени. Лиля пыталась прийти в себя. Нос у нее был сломан. Безукоризненное лицо изуродовано навеки. Она атаковала меня. Я нырнул к кухне. Шагнул за стойку. Схватил один из стульев. И швырнул левой рукой в Лилю. Та отвернулась, сжалась. Удар пришелся ей по спине.

Я прыгнул к Светлане сзади.левой рукой я крепко схватил ее за волосы и оттянул голову назад. А затем наклонился и полоснул по горлу. От уха до уха. Сталь рассекла трахею, противно скребнула по кости. Я отпустил ее, и старуха тут же упала вперед. Ее лицо глухо стукнулось о пол.

— Одна готова, — прохрипел я, тяжело дыша.

— Другая еще нет, — ответила Лиля.

Я кивнул.

— Похоже, ученица превзошла своего учителя.

— Кто сказал, что я ученица?

Ее бедро истекало кровью. На брюках виднелся тонкий порез, и кровь струилась вниз по ноге. Одна из спортивных туфель уже пропиталась красным. Мои трусы — тоже. Я посмотрел вниз: кровь хлестала из меня ручьем. Но меня спас мой старый шрам. Моя шрапнельная рана, от начиненного взрывчаткой грузовика, в Бейруте, много лет назад. Старый рубец, белый гребень кожи после топорных стежков в военно-полевом госпитале, заскорузлый и загрубевший, замедлил лезвие Лили. Если б не он, порез был бы гораздо глубже. Годами я негодовал, возмущаясь хирургами-бракоделами. Теперь я готов был расцеловать их за эту халтуру.

Сломанный нос Лили пустил кровь. Она закашлялась, сплюнула.

Моя голова гудела. Давление падало на глазах.

— Если хорошо попросишь, — сказала Лиля, — я тебя отпущу.

— Я не попрошайка.

— И ты сможешь убить женщину?

— Я только что это сделал.

— Даже такую, как я?

— Особенно такую, как ты.

Она подняла на меня свои восхитительные глаза.

— Если не шутишь, давай. Сделай это.

Я не шутил. И сделал. Я слабел, но это было нетрудно. Нога тормозила Лилю. Она дышала с трудом. Я взял второй стул из кухни. Теперь до меня ей было не дотянуться. Держа стул перед собой, я загнал ее в угол и бил, пока она не выронила нож и не упала на пол. Тогда я сел рядом и задушил ее. Голыми руками. Я не хотел использовать нож. Я не люблю ножи.

Когда все кончилось, я дополз до кухни и промыл свой «Бенчмейд» под краном. Острием я вырезал из изоленды куски в форме бабочек. Сжав пальцами края раны, скрепил их кусками ленты. Всего-то полтора доллара. В любой скобяной лавке. Предмет первой необходимости. Я натянул на себя одежду. Рассовал по карманам скарб. И надел ботинки.

А затем сел на пол и прислонился к стене. Какой-нибудь медик сказал бы, что я отключился. Я же предпочитаю думать, что я просто уснул.

Проснулся я на больничной койке. Часы в голове показывали шестнадцать часов. Значит, прошло десять. Привкус во рту сообщил, что большая часть из них прошла при поддержке химии. На пальце у меня был зажим. С проводом. Должно быть, провод соединял меня с постом медсестры. Видимо, зажим диагностировал изменение в ритме сердца, поскольку уже через минуту в палате было полно народу. Врач, Джейкоб Марк, Тереза Ли, Спрингфилд и Сэнсом. Врач была женщиной.

Врач взяла мою кисть, проверила пульс и сообщила, что я в больнице Беллвью и что мое состояние вполне удовлетворительное. Доктора из отделения экстренной помощи прочистили мою рану, наложили швы и накачали меня антибиотиками и тремя пакетами крови. Перед уходом она предупредила, чтобы я не поднимал ничего тяжелого в ближайший месяц.

Когда врач ушла, я посмотрел на Терезу Ли:

— Что со мной было?

— Ты не помнишь?

— Конечно, помню. Какова официальная версия?

— Тебя нашли на улице в Ист-Виллидж. С ножевым ранением. У тебя взяли анализ на токсины и обнаружили следы барбитурата. Обычное дело. Наркоманы не поделили товар.

— Как я оказался в Ист-Виллидж?

— Никак. Мы привезли тебя сразу сюда.

— Мы?

— Я и мистер Спрингфилд.

— Как вы меня нашли?

— Мы вычислили район по сигналу сотового. Адрес был идеей мистера Спрингфилда.

— Двадцать пять лет назад один командир моджахедов рассказывал нам о хитром тактическом приеме: возвращаться в брошенные убежища, — добавил Спрингфилд.

— Значит, я чист?

— Да, — ответил Сэнсом.

Коротко и ясно.

— Где флешка? — спросил он.

Я взглянул на Джейкоба Марка:

— Ты как?

— Не очень, — ответил тот.

— Тебе придется кое-что выслушать.

— О'кей.

Я подтянулся в сидячее положение. Ничего нигде не болело. Обезболивающее, догадался я.

— Вы говорили, что можете указать место плюс-минус пятнадцать футов, — сказал Сэнсом.

Я покачал головой.

— Уже нет. Время прошло. Придется заняться расчетами.

— Великолепно. Я знал, что вы блефуете, Ричер. С самого начала. Вы не можете сказать, где флешка.

— Мы знаем схему в общих чертах. Большую часть трех месяцев они готовились и на последней неделе привели свой план в действие. Они принудили Сьюзан, используя Питера в качестве рычага. Она выехала из Аннандейла, застряла в дорожной пробке на четыре часа — скажем, с девяти вечера до часу ночи — и добралась до Манхэттена лишь около двух. Полагаю, мы точно знаем, когда она выбралась из туннеля Холланд. Следовательно, все, что нам нужно сделать, — это отмотать назад и точно вычислить, в каком месте в пробке стояла ее машина в полночь.

— Чем это нам поможет? И почему именно в полночь?

— Потому что в полночь она выбросила флешку из окошка своей машины.

— Откуда вы это можете знать?

— Оттуда, что, когда она добралась до города, у нее не было сотового телефона.

Сэнсом перевел взгляд на Ли. Ли кивнула:

— Ключи и бумажник. Вот все, что при ней было. В машине тоже ничего не было. ФБР составило опись.

— Вообще сотовый у нее был, — добавил Джейкоб Марк.

— И?.. — сказал Сэнсом.

— Хоцы установили крайний срок. Скорее всего, ровно в полночь. Сьюзан не появилась, и Хоцы взялись за дело. Они озвучили угрозу, и они ее выполнили. И доказали это. Они отправили фото на сотовый Сьюзан. Питер на каменном столе. С двенадцатым ударом часов жизнь Сьюзан изменилась. Она ничего не могла поделать, стоя в автомобильной пробке. Телефон в руке вдруг стал отвратительным. Она не могла этого выносить. И вышвырнула его через окошко. А за ним флешку — символ всех своих бед. Они до сих пор где-то там, на обочине трассы I-95. Других объяснений нет.

Все молчали.

— Скорее всего, на разделителе, — добавил я. — Сьюзан наверняка находилась в крайнем левом ряду, поскольку очень спе-

шила. Мы могли бы засечь сотовый по сигналу, но теперь уже поздно. Батарея села.

Тишина в палате. Не меньше минуты.

Первым заговорил Сэнсом:

— Но это же безумие. Хоцы должны были понимать, что, послав фотографию, они лишаются контроля над Сьюзан. Теряют средство давления на нее. Ведь она могла поехать прямо в полицию.

— Два ответа, — сказал я. — Хоцы были безумны, в известном смысле. Они были фанатиками. Фундаменталистами. Они могли играть роль на публике, но под маской для них все было черно-белым. Угроза есть угроза. Полночь есть полночь. В любом случае риск был минимален. Их человек следил за Сьюзан от самого дома. Он мог перехватить ее в любой момент.

— Кто?

— Двадцатый. Это не было опозданием на пересадку в Стамбуле. Это было изменением в планах в самый последний момент. Хоцы вдруг сообразили, что им нужен кто-то рядом с ней, в округе Колумбия. Потому он и полетел не в Нью-Йорк, а в Вашингтон. Он следовал за Сьюзан всю дорогу от Аннандейла. В пяти-десяти машинах сзади. Он не видел, что произошло. Это он был там, в вагоне, — мужчина в футболке *NBA*. Мне показалось, что он выглядит каким-то знакомым, когда я снова увидел его в особняке. Но, к сожалению, проверить не смог, ибо выстрелил ему в лицо уже через секунду.

— И как нам узнать, где конкретно была Сьюзан в полночь?

— Соображайте. Время, расстояние, средняя скорость. Возьмите карту, линейку, бумагу и карандаш.

Джейкоб Марк был из Джерси. Он тут же принялся рассказывать о своих знакомых патрульных. Они патрулируют I-95 днем и ночью. И знают трассу как свои пять пальцев. Там везде камеры. С помощью видеозаписи можно откалибровать вычисления на бумаге. Все вокруг вдруг разом заговорили. Никто не обращал на меня внимание. Я откинулся на подушку, и мои гости по очереди стали выходить из палаты. Последним собрался Спрингфилд. Уже в дверях он повернулся ко мне:

— Как вы себя чувствуете? По поводу ситуации с Лилей Хоц?

— Прекрасно.

— Серьезно? На вашем месте я чувствовал бы другое. Вас чуть не отправили на тот свет две бабы. Это небрежность. В таких вещах ты либо делаешь их как следует, либо не делаешь вовсе.

— У меня был слабый боезапас.

— Я дал вам тридцать патронов. Надо было стрелять одиночными. Все эти тройные очереди — все это от злости. Вы позволили эмоциям взять верх. А я вас предупреждал.

Он еще секунду смотрел на меня. Без всякого выражения на лице. А затем вышел в коридор, и больше я его никогда не видел.

Два часа спустя вернулась Тереза Ли. В руках у нее была сумка из магазина. Ли объяснила, что больнице нужно койко-место и Управление полиции Нью-Йорка решило переместить меня в отель. Она купила одежду. Ботинки, носки, джинсы, рубашку, трусы — все точь-в-точь того же размера, что и мои предыдущие вещи, которые сгорели в печке отделения скорой помощи.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Ли рассказала, что остальные заняты математикой. В основном спорят о том, каким маршрутом могла ехать Сьюзан от автостреды до туннеля Холланд.

— Знаешь, — сказала она. — Они все равно не найдут эту фотографию.

— Ты так считаешь?

— Нет, флешку-то они найдут, в этом я не сомневаюсь. Но они сто процентов скажут, что она нечитаемая, что по ней проехал какой-нибудь грузовик, что она поломана или что на ней просто нет ничего такого.

Я не ответил.

— Что ты думаешь обо всей этой истории? — спросила она.

— В общем-то я жалею, что подошел к ней тогда, в поезде. Что не дал ей еще пару остановок.

— Я была не права. Она все равно не смогла бы этого вынести.

— Отнюдь, — возразил я. — Попробуй представить Сьюзан перед тем, как она выехала в Нью-Йорк. Жизнь превратилась в сплошной кошмар. Но она не хочет верить, что все настолько плохо. А вдруг это пустая угроза? Что, если Хоцы блефуют? Она одета в то же, в чем была на работе. Черные брюки, белая блузка. Она едет, не зная, что ее ждет. Она самодостаточная женщина, она живет в Виргинии, и она много лет работает бок о бок с военными. Поэтому она берет с собой револьвер. Возможно, он так и завернут в чистый носок, как она хранила его в комоде. Она кладет револьвер в сумку. Едет из дома. И попадает в пробку. Она звонит. Или Хоцы звонят ей первыми. Они не хотят ничего слышать. Они фанати-

ки, и они не американцы. Они не понимают. Они думают, что пробки — это отговорка из серии «мою тетрадку сжевал наш пес».

— И ровно в полночь приходит сообщение.

— Да. И Сьюзан меняется на глазах. Время у нее есть. Она в пробке. Она не может обратиться в полицию. Ей приходится сидеть в машине и думать, как поступить. И она решается. Она отомстит за своего сына. У нее есть план. Она разворачивает носок и достает револьвер. Видит черный пуховик, брошенный на заднем сиденье. Ей нужна темная одежда. Она надевает его. И в конце концов добирается до Нью-Йорка.

— А как же израильский список? Тот, из одиннадцати пунктов?

— Возможно, желание убить кого-то другого порождает те же самые чувства, что и решимость убить себя. Именно это она и делала. Она взбиралась на плато. Но вершина была еще довольно далеко. Я потревожил ее слишком рано. И она сорвалась. Она выбрала второй из двух возможных вариантов. Кто знает, может, к «59-й улице» она была бы готова к схватке.

— У нее было всего шесть патронов. А их было двадцать два.

Я кивнул:

— Она бы погибла, да. Но она бы выполнила свой долг.

Днем позже Тереза Ли навестила меня в отеле. Она рассказала, что Сэнсом и его люди определили зону поиска примерно в милю длиной и дорожная полиция Джерси блокировала дорогу. После трех часов поисков они нашли сотовый Сьюзан. В четырех футах от него лежала флешка.

Она оказалась раздавленной. Видимо, ее переехал грузовик. Прочесть ее было уже нельзя.

Назавтра я покинул Нью-Йорк. Я двинулся на юг. Часть следующих двух недель я не переставая думал о том, что могло быть в том снимке. В голову лезли самые разные предположения, в том числе о пренебрежении законами шариата.

Но когда прошел месяц, я забыл обо всем. Рана зажила. Шрам был тонким и белым. Швы — маленькими и аккуратными. Низ моего туловища можно было использовать как иллюстрацию в учебнике медицины: вот здесь так, как должно быть, а вон там — как делать не надо. Но я никогда не забуду, как старые, грубые стежки спасли мне жизнь. Не зря говорят: как аукнется, так и откликнется.

РОДИЛСЯ: в 1954 года в Ковентри, Англия.

ПЕРВЫЙ РОМАН: вышел в 1997 году.

ВСЕГО ОПУБЛИКОВАНО: 15 романов.

СЕМЬЯ: жена, дочь.

ЛИ ЧАЙЛД О СВОЕМ ГЕРОЕ

Джека Ричера, рослого и честного бродягу, уже окрестили «героем мыслящего читателя». На создание этого образа автора вдохновили персонажи, о которых сам Ли Чайлд взахлеб читал в юности.

— Есть люди, кстати себя я тоже к ним отношу, — признается Ли Чайлд, — которые предвидят развитие событий и не могут пройти мимо. Джек Ричер — один из них.

Его любят женщины, хотя этот доблестный рыцарь не отличается галантностью.

— Притягательность Ричера, — объясняет Ли Чайлд, — в исполнении желаний. Женщины мечтают, чтобы Ричер постучал-

ся в их дверь, как раз потому, что он не задержится надолго. Нам всем хочется разнообразия и приключений, но любовные романы, как правило, штука хлопотная. Ричер же составит приятную компанию и исчезнет навсегда.

Характер Джека Ричера в равной степени импонирует и мужчинам.

— Все то же исполнение желаний, — продолжает Ли Чайлд, — большинство из нас весь день работают в офисе, на всех нас давит бремя обязательств и рутины. А как было бы здорово — послать все это подальше и уйти навстречу восходящему солнцу!

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТОЕ РЕДАКТОРАМИ РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ У САМОГО ДЖЕКА РИЧЕРА

Ридерз Дайджест: Вы всегда имеете при себе зубную щетку. А как же бриться?

Ричер: Когда я чувствую, что пора, я просто захожу в ближайшую аптеку, покупаю упаковку одноразовых станков и баллончик с пеной.

РД: Похоже, вы не испытываете проблем в общении с женщинами. В чем ваш секрет?

Ричер: Для меня это тоже секрет. Я веду себя естественно. Я такой, какой есть. Кому-то это нравится, кому-то — нет.

РД: Вы не думали остепениться, завести детей?

Ричер: Я люблю детей. И собак. Я не против завести парочку. Но чтобы остепениться, мне нужна помощь. Как видите, пока не нашлось той, которая захотела бы взяться за этот проект.

РД: Кажется, вы никогда не ругаетесь, несмотря на ваше военное прошлое.

Ричер: Не «несмотря», а «потому что». Офицеры не сквернословят. Это часть кодекса. Что до остальных, то меня это не касается.

РД: У вас есть шрамы?

Ричер: Несколько. Есть побольше, есть поменьше, но ничего несовместимого с жизнью.

РД: Какое оружие вы предпочитаете?

Ричер: Свои мозги.

РД: У вас нет машины. Если бы была, то какая?

Ричер: Большой седан, потрепанный снаружи, но хорошо ухоженный внутри.

РД: Вы играете на музыкальных инструментах? Или поете? Вы музыкальный человек?

Ричер: Я никогда не пробовал играть, поэтому не знаю, умею или нет. Вот пою я все время. Не очень хорошо, но это не имеет значения. Я люблю музыку.

РД: Ваш любимый альбом?

Ричер: У меня нет и не было своих записей. У отца, помню, была пластинка с речами Черчилля. Мне нравилась. *(Улыбается.)* И у брата я слушал пару блюзовых альбомов.

РД: Ваша любимая еда?

Ричер: Суп, стейк и пирог. Пью я всегда кофе, иногда пиво.

РД: Вы курите? Или когда-нибудь курили?

Ричер: Бывало, когда служил. С тех пор — нет. Пришлось бы лишнее носить с собой.

РД: Важная дата в жизни?

Ричер: Я родился 29 октября. Я этого не просил, но именно тогда все и началось.

Сесилия Ахерн

Спасибо
за твои
вспоминания

РАЗВЕ ЧЕЛОВЕК,
сдав кровь, не заслуживает благодарности
от того, кого он спас?

Пролог

Глаза закрой и смотри в темноту.

Так советовал папа, когда мне в детстве не спалось. Я смотрю в непроглядный, безмерный мрак, простирающийся гораздо дальше моих сомкнутых век. Я по-прежнему лежу на полу, а чувствую себя так, будто зависла где-то в невообразимой вышине. Бросаю последний взгляд на свои пальцы, цепляющиеся за звездный луч, и разжимаю их. И лечу вниз, падаю, потом парю, снова падаю и жду встречи с землей, на которой живу.

Я знаю: за неплотной ширмой моих закрытых глаз скрываются краски. Мой мрак испещрен вспышками — алыми и янтарными, желтыми и белыми. Зажмуриваюсь сильнее, плотно сжимаю веки, чтобы отгородиться от этих частиц света: они отвлекают, не дают лишиться чувств и в то же время указывают, что где-то там есть жизнь.

А во мне жизни нет. Я совсем не чувствую ее, лежа у подножия лестницы. Мое сердце колотится все быстрее. Старается, разгоняет по телу кровь, чтобы помочь мне исцелиться, возместить потерю. Но кровь так же стремительно утекает из меня, превращается в непроглядный черный океан вокруг места, где упала.

Быстрее, быстрее, быстрее... Вот и мы в вечной спешке, нам всегда не хватает времени. Телефон опять звонит, и я слышу в этом звонке насмешку судьбы. Я могла бы не торопиться и ответить на второй звонок. Сейчас, а не тогда. Могла бы спускаться

по лестнице медленно и осторожно, словно впереди у меня целая вечность. Но ведь мы всегда спешим. Все, кроме моего сердца: теперь оно замедляет бег.

Я прикладываю ладонь к животу. Если малыша там больше нет, я последую за ним туда, где... Куда угодно. Я буду оберегать его. Там, а не здесь.

В комнате раздаются звуки, я ощущаю чье-то присутствие.

— Джойс! Ты меня слышишь? Боже, только не Джойс, не отнимай у меня Джойс! Милая, держись, папа здесь!

Я слышу собственный стон и ужасаюсь: это не стон, а вой дикого зверя. Мне надо уйти, только тогда я смогу быть рядом со своим малышом.

Отец звонит в «скорую» и сжимает мою руку с такой яростью, словно это он из последних сил цепляется за жизнь. Как будто я — все, что у него осталось. Он отводит волосы с моего лба и рыдает в голос. Впервые слышу, как он плачет. Даже после маминей смерти он держался. А кровь по-прежнему шумит у меня в ушах. Все быстрее и быстрее. Может, и я опять тороплюсь. Может, мое время еще не пришло.

Я чувствую, как он сжимает мою руку в загрубелых ладонях, и эти знакомые прикосновения заставляют меня открыть глаза. Свет заливает все, и я замечаю на отцовском лице выражение, которого предпочла бы никогда не видеть. Он льнет к своему ребенку. Я знаю, что потеряла своего, и не могу допустить, чтобы та же участь постигла папу. Не успев принять решение, я уже сожалею о нем. Я на земле, на той самой земле, где живу.

И мое сердце по-прежнему бьется.

Оно трудится, хотя и разбито вдребезги.

МЕСЯЦЕМ РАНЬШЕ

1

— ПЕРЕЛИВАНИЕ крови, или трансфузия, — объясняет доктор Филдс с кафедры в аудитории гуманитарного факультета Тринити-колледжа, — это процесс введения крови или кровепродуктов одного человека в кровеносную систему другого. Переливание производится по медицинским показаниям, например, при значительной кровопотере в результате травмы или операции, или при нарушении кроветворных функций. Обратимся к фактам. В Ирландии еженедельно возникает потребность в трех тысячах единиц донорской крови. Всего три процента населения страны являются донорами. По меньшей мере каждому четвертому — то есть ста пятидесяти присутствующим на этой лекции — на каком-то этапе жизни понадобится переливание крови.

Поднимается рука.

— Сколько требуется одному пациенту?

— Вопрос по существу. — Лектор вглядывается в темноту аудитории. — Для того и проводится неделя «Кровь ради жизни», чтобы вы узнали о переливании крови все, что хотите узнать, а затем, возможно, стали донорами.

Большая дверь открывается, на пороге появляется Джастин Хичкок. Под мышкой у него целая стопка папок, которая уже грозит разъехаться. Джастин удерживает ее, поддав снизу коленом. В его правой руке набитый до отказа портфель и опасно накренившийся пластиковый стаканчик с кофе. Джастин опускает ногу на пол медленно, словно выполняя упражнение тай-чи, и по рядам проносится смехок.

— Я что-то напутал, — заявляет он и под пристальными взглядами всех присутствующих возвращается к двери, проверить номер аудитории. *Только не вздумай пролить кофе!*

Ухитрившись придержать открытую дверь ногой, Джастин смотрит на номер, потом в свои бумаги. Если он сию же секунду не прижмет пальцем верхний лист, тот спланирует на пол. Джастин делает неловкую попытку вцепиться в лист. Стакан летит на пол. Следом за ним — злополучная бумажка. *Черт!*

- Вам помочь? — Лектор выходит из-за кафедры.
- Э-э-э... видите ли, у меня сейчас здесь занятия...
- Регистрация иностранных студентов в другом зале.
- Да нет, я...

— Прошу прощения. — Она подходит ближе. — Мне послышался американский акцент. Заочники в соседней аудитории.

Джастин прочищает горло:

- Вообще-то я читаю здесь курс лекций по истории искусств.
- Так вы приглашенный преподаватель?

Выпятив губу, он сдвигает волосы с покрытого испариной лба.
Подстричься, не забыть бы подстричься.

— Профессор Хичкок?

— Да, это я. — Папки у него под мышкой вновь разъезжаются.

— О, простите! — Она торопливо подхватывает выскользнувшую папку. — Я доктор Сара Филдс из Ирландской службы переливания крови. Руководство факультета разрешило мне перед вашей лекцией полчаса побеседовать со студентами.

— А меня никто не предупредил, но ничего, без проблем.

Без проблем? Он качает головой, досадуя на самого себя, и делает шаг к двери.

— Хотите поприсутствовать?

— Мм... н-да.

— Прекрасно, тогда проходите. — Она сует выпавшую папку ему под мышку, в середину стопки, и возвращается на кафедру. — Итак, прошу внимания. Вернемся к вопросу о количестве крови. Пострадавшему в аварии может понадобиться до тридцати единиц крови. При кровоточащей язве желудка — от трех до тридцати единиц. Теперь вы понимаете, почему нам всегда нужны доноры.

Джастин присаживается в первом ряду, с ужасом слушая ее.

— Вопросы есть? — Лектор оглядывает аудиторию.

— Донорам платят? — задает кто-то вопрос с места.

— Боюсь, в этой стране — нет.

— А человек, которому перелили кровь, знает, кто ее сдал?

— Никаких сведений о доноре реципиенту обычно не сообщают, но в банке крови хранится вся информация, так что установить, кто сдал ту или иную дозу крови, не составит труда.

— Сдавать кровь можно всем?

— У меня с собой есть список противопоказаний к донорству крови. Пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с ним. — Доктор Филдс кладет список на проектор.

Джастин с надеждой высматривает на экране пункт о панической боязни иголок, чтобы сразу исключить себя из числа потенциальных доноров. Нет, ничего такого в списке нет, впрочем, шансов на то, что он пожертвует кому-нибудь хоть каплю своей крови, так же мало, как на здравые мысли по утрам.

Доктор Филдс продолжает:

— После сдачи крови ваш организм восстановит потерю в ближайшие двадцать четыре часа. Одна единица крови — это почти пол-литра, в организме обычно содержится восемь — двенадцать единиц крови, поэтому у кого-нибудь одна из них вполне может оказаться лишней.

Последнее замечание вызывает у молодежи смехи.

— Прошу тишины! — хлопает в ладоши доктор Филдс. — Даже если это звучит и вправду смешно, не следует забывать: возможно, уже сейчас от вашего решения зависит чья-то жизнь.

Как быстро притихают слушатели! Даже Джастин перестает говорить сам с собой.

— ПРОФЕССОР Хичкок! — Доктор Филдс направляется к Джастину, который раскладывает бумаги на кафедре, ожидая, когда закончится перерыв.

— Пожалуйста, зовите меня Джастином, доктор.

— А вы меня — Сарой. — Она протягивает руку. — Я только хотела узнать, увидимся ли мы снова.

Неужто она заигрывает? От такого я давно отвык. Не молчи, Джастин, скажи хоть что-нибудь.

— Отлично. Встретиться было бы отлично.

— В таком случае буду ждать вас у главного входа ровно в шесть и сама вас доставлю.

— Доставите? Куда?

— К нашему передвижному пункту сбора крови.

— Сбора крови... — Его мгновенно охватывает ужас. — Знаете, я только что переболел гриппом, так что в доноры не годжусь.

— Принимаете антибиотики?

— Нет, Сара, но это мысль! Пожалуй, стоило бы...

— В таком случае с вами все в порядке, — усмехается она.

— Нет-нет, видите ли, в последнее время я перенес сразу несколько заразных болезней: малярию, оспу и так далее. Побывал в тропиках. — Он припоминает список противопоказаний. — А мой брат, Эл, — так у него вообще проказа.

— Вот как? — Она вскидывает бровь. — Давно вы уехали из Штатов?

Думай, не спеши, вопрос явно с подвохом.

— Я перебрался в Лондон три месяца назад, — наконец честно отвечает он.

— О, как вам повезло! Если бы прошло всего два месяца, вы бы не подошли. Или вы струсили, профессор Хичкок? — улыбаясь, уточняет она.

— Струсил? Еще чего! — фыркает он.

— Тогда увидимся в шесть. Да, и перекусите заранее.

— Непременно! Перед свиданием с гигантской иглой у меня наверняка разыграется аппетит, — бормочет он, глядя вслед Саре.

Студенты возвращаются, заполняют аудиторию, и Джастин пытается скрыть довольную улыбку. Наконец-то слушатели в его полном распоряжении.

Они еще не успевают толком рассесться, как он приступает к лекции.

— Искусство, — провозглашает он под шорох извлекаемых тетрадей и карандашей, — есть результат творчества человека. — И, не давая студентам опомниться, галопом несется дальше: — Инженерное дело — это практическое применение науки. — В аудитории воцаряется гробовая тишина. — Творчество плюс практичность. Плод их слияния — архитектура.

Быстрее, Джастин!

— Архитектура-это-превращение-идей-в-физическую-реальность. Чтобы-понять-суть-архитектуры-следует-рассмотреть-взаимосвязь-между-техникой-наукой-и-обществом. — Он слегка сбавляет темп. — Мы узнаем, как на протяжении веков общество формировало архитектуру и как архитектура в свою очередь формирует общество.

Он делает паузу, обводит взглядом юные лица, видит, что на него устремлены все взгляды. Он поможет им перенестись из душной аудитории в Лувр, побывать в Сен-Жермен-де-Пре на Монмартре. Они узнают, какой запах исходит от полотен Пикассо, каков на ощупь барочный мрамор, как звучат колокола Нотр-Дама. Все это произойдет с ними прямо здесь, в аудитории.

— Этот курс научит вас анализировать произведения искусства и понимать их историческую ценность. Благодаря ему вы будете внимательнее относиться к тому, что вас окружает, приобре-

тете более глубокое понимание культуры и представление об идеалах других народов.

Он умолкает, в аудитории становится тихо. Интересно, взволнованы ли слушатели так же, как он? Снова вглядываясь в лица, он вот-вот воспрянет духом. *Тебе удалось их увлечь! Они ловят каждое твоё слово и хотят слушать дальше!*

Кто-то громко пускает газы, и аудитория взрывается хохотом.

Джастин разочарованно вздыхает и продолжает уныло:

— Меня зовут Джастин Хичкок, на моих лекциях вы познакомитесь с европейской живописью и архитектурой. Есть желающие помочь мне раздать материалы?

Вот и начался еще один учебный год. Только уже не дома, не в Чикаго: он перебрался в Лондон вслед за бывшей женой и дочерью и теперь мотается из Лондона в Дублин, где читает лекции, и обратно. Только что он в очередной раз убедился, что еще одна группа юнцов не разделяет его любви к искусству. Теперь хоть расшибись в лепешку, но из всей лекции они все равно запомнят только одно: как громко пукнул кто-то из них.

— Привет, Би. Как ты относишься к шуткам ниже пояса?

— О, папа, это опять ты! Кажется, в последний раз ты звонил часа три назад.

— Как там твоя мамочка — никак не нагуляется?

— Она уже дома.

— И милейший Лоуренс при ней? — Джастин даже не пытается скрыть сарказм. Он пинает ногой кусачий плед: в дешевой дублинской гостинице, где он остановился, других нет. — В этой дыре всего четыре телеканала. А дома, в Чикаго, было целых двести.

— И ты ни одного из них не смотрел.

— Зато мог при желании переключиться с какого-нибудь паршивого ремонта или с музыкального канала.

— Папа, я ценю жертвы, на которые ты идешь ради меня. Для тебя это тяжелая травма, а мне в шестнадцать лет перенести развод родителей и переезд из Чикаго в Лондон было раз плюнуть.

— Зато теперь у тебя два дома — плохо разве? — брызжит Джастин. — Кстати, идея с переездом была твоя.

— Я хотела поступить в лондонскую балетную школу.

— Ты думала, я буду сидеть в Чикаго, зная, что ты на другом конце света?

— Все равно мы теперь в разных странах, — смеется она.

— До Ирландии рукой подать. Через несколько дней я наведаюсь в Лондон.

— А я тут подумываю перебраться к Питеру, — притворно небрежным тоном сообщает она.

— Повзрослей сначала. Где-то у меня завалился твой кукольный домик — вот туда и переселяйся вместе со своим Питером.

— Мне восемнадцать, и я уже два года живу одна. Когда вы с мамой познакомились, вам было столько же лет, сколько мне сейчас.

— Что-то не припомню, чтобы мы с ней жили долго и счастливо.

Би вздыхает и меняет тему:

— Знаешь, хоть твои студенты и смеются шуткам ниже пояса, вот увидишь, как минимум четверть из них сдаст кровь.

— Только потому, что им пообещали за это шоколад. Какой смысл спасать человеку жизнь, если он никогда об этом не узнает?

— Папа, как ты можешь!

— А что такого? Ну, признайся честно, неужели ты откажешься от букета за спасение чужой жизни? Или от корзинки с твоими любимыми кексами...

— С корицей! — подхватывает она, смеясь.

— Представь: у тебя на пороге — целая корзинка кексов с корицей и записка: «Би, спасибо, что спасла мне жизнь. Обращайся, если тебе что-нибудь понадобится — забрать вещи из химчистки, принести свежую газету или кофе, прислать машину с шофером в личное пользование или билеты в оперу на первый ряд...».

— Надеюсь, ты все-таки шутишь.

— Скажи честно: по-твоему, я эгоист?

— Ты бросил налаженную жизнь, прекрасную работу и полетел за несколько тысяч километров в другую страну, лишь бы оказаться поближе ко мне. Нет, никакой ты не эгоист. Но если бы у нас в колледже проводили неделю «Кровь ради жизни», я обязательно стала бы донором.

— У меня такое чувство, будто меня загнали в угол. Я готов даже подстричься, лишь бы в меня не тыкали иголками.

— Иголки тоненькие, переживешь. Может, даже кому-то спасешь жизнь, а спасенный будет разыскивать тебя повсюду — должен же он узнать, на каком крыльце оставлять корзинки с кексами!

В передвижном пункте сбора крови в Тринити-колледже Джастин не знает, куда спрятать трясущиеся руки, а Сара беседует с ним так, словно сдача крови — самое естественное из занятий.

— Вы заполнили анкету донора?

Джастин кивает, но не может выдавить из себя ни слова.

— В таком случае можем приступать. Сейчас я проверю гемоглобин...

— Это чтобы выявить всякие болезни? — Джастин с опаской поглядывает на аппаратуру, которой заставлен фургон. *Только бы у меня ничего не нашли! Хотя вряд ли найдут. Я даже не помню, когда в последний раз занимался сексом.*

— Нет, просто чтобы узнать, сколько у вас в крови железа. На все болезни, в том числе передающиеся половым путем, кровь проверяют после.

— Хорошо вам, можете отбирать партнеров, — шутит он.

Сара накладывает ему жгут повыше локтя, так что вены сразу вздуваются, и дезинфицирует локтевой сгиб.

Джастин бросает взгляд на иглу, и у него перехватывает горло.

— Это больно? — произносит он едва слышно.

— Как будто комар укусил. — Она подносит ближе какую-то трубочку, наклоняется, и Джастин заглядывает в вырез ее свитера. Лифчик черный, кружевной. — Вот, сожмите и поработайте кулаком.

— Что сжать? — нервно смеется он.

— Мячик, — улыбается она. — Так дело пойдет быстрее.

Он принимается изо всех сил сжимать мяч.

— Не так быстро, Джастин.

По его спине струится пот. Стук сердца гулко отдается в ушах. Он представляет себе, как его сердце перекачивает кровь по жилам. Проходит пятнадцать минут, и он с гордостью смотрит на пол-литра собственной крови. Ему не хочется отдавать ее неведомо кому — уж лучше лично отвезти в больницу и вручить человеку, который ему действительно дорог, ведь ему впервые за долгие годы захотелось сделать подарок от всего сердца.

Медленно открываю глаза. Постепенно все вокруг становится отчетливым, словно мир наводится на резкость. Я в палате. Под самым потолком висит телевизор. Экран сплошь зеленый. Я присматриваюсь: ипподром, лошади. Должно быть, папа здесь. Обвожу комнату взглядом: точно, сидит в кресле спиной ко мне.

Кони несутся бесшумно. И папа не издает ни звука. Может, я оглохла?

Экран телевизора становится черным. Папа воздевает руки к небесам. Потом лезет в карманы, обшаривает их, выворачивает наизнанку. Что-то бормочет. Значит, со слухом у меня все в порядке.

Он оборачивается, чтобы продолжить поиски в карманах пальто, которое лежит рядом со мной, и я поспешно закрываю глаза. Я еще не готова. Почему знать, может, все случившееся просто кошмарный сон? Я слышу, как папа находит мелочь, как звенят монеты, которые он скормливает телевизору. Отважившись снова открыть глаза, я вижу, что папа сидит в кресле спиной ко мне.

Справа от меня задернута штора, но я уверена: в палате есть еще кто-то, кроме нас с отцом. Окна слева наглухо закрыты. Видна автобусная остановка, на остановке — какая-то женщина придерживает на бедре малыша, пухлые голенькие ножки освещены ласковым солнцем бабьего лета. Я поспешно отворачиваюсь. И вижу, что папа смотрит на меня.

— Привет, милая.

— Привет. — Я думала, мой голос прозвучит хрипло, но нет: он по-прежнему чист и мелодичен. Как будто ничего и не было. Впрочем, ничего и не случилось. Пока мне об этом не сообщили.

Схватившись обеими руками за подлокотники, папа медленно поднимается. Ныряющей, неуверенной походкой приближается к кровати. У папы с рождения одна нога короче другой, поэтому при ходьбе его шатает, несмотря на специальную обувь. Я давно привыкла к этому. Я помню, как в детстве гуляла с ним за руку. Как моя рука поднималась и опускалась в такт его шагам. Он всегда был таким сильным. Таким умелым. Вечно что-нибудь чинил. Соседи называли его мастером на все руки.

— Знаешь, у тебя... мне сказали, что... Ты ведь потеряла...

У меня дрожит нижняя губа.

Срывающимся голосом он продолжает:

— Ты потеряла много крови, Джойс. Но тебе сделали переливание, так что... словом, теперь у тебя с кровью порядок.

Я машинально кладу руки на живот. Я уже почти убедила себя: кошмар мне только привиделся? Может, я просто не услышала крик? Может, пропустила чудо первого в жизни вдоха, свидетелями которого стали все остальные?

Папа печально качает головой. Нет, если кто и кричал, то лишь я сама.

Слезы подступают стремительно, но я не даю им пролиться. Если я сейчас расплачусь, меня уже ничто не остановит. У меня вырывается странный звук. Стон. Или хрип. Или и то и другое. Папа хватается меня за руку и крепко сжимает ее.

Я то проваливаюсь в дремоту, то вновь просыпаюсь. Пробудившись, вспоминаю разговор с врачом. *Вы потеряли ребенка, Джойс... мы сделали все, что могли... сделали переливание крови...*

Проснувшись в очередной раз, я вижу, что занавеска у моей кровати отдернута. Трое ребятишек носятся вокруг меня, играют в догонялки, а какой-то мужчина, видимо их отец, напрасно просит их уговориться на языке, которого я не знаю. Очевидно, пациентка, рядом с которой он сидит, — мать малышей.

— Это откуда же вы будете? — обращается к ним папа и сам отвечает: — Ясно, что не местные.

— Мы из Нигерии, — отвечает незнакомец: он понимает, что старик настроен дружелюбно и просто не прочь поговорить.

— А, из Африки! Там я не бывал. Жарко, поди? Ну, еще бы! Уж теплее, чем здесь. Небось там в два счета загорись, да только вам это ни к чему, — смеется он. — Не мерзнете здесь? — Папа обхватывает себя обеими руками и делает вид, что дрожит от холода. — Холодно?

— Да, — улыбается его собеседник. — Иногда мерзнем.

— Так я и думал. Я и то мерзну, хоть и здешний, — признается папа.

Незнакомец вежливо смеется. Ах, папа, папа! С любым найдет общий язык.

— Ну, желаю вашей хозяйке поскорее поправиться.

В эту минуту я делаю попытку пошевелиться.

— А, проснулась, милая! Я тут разговорился с нашими соседями. — Он подходит ближе, мнет в руках кепку. — Сдается мне,

кроме нас в этой больнице ирландцев не сыскать. Вот и сестра подходила тут недавно, так она... вроде как из Семафора, что ли...

— Из Сингапура, папа, — поправляю я.

— Точно, так она и сказала. Иностранцы, а по-английски говорят. Все лучше, чем в отпуску на пальцах показывать, что и как.

— Папа, — улыбаюсь я снова, — ты же ни разу в жизни за границу не выезжал.

— Что ж я, не слышал, как народ в «Понедельничном клубе» об этом толкует? Вон Фрэнк на прошлой неделе вернулся из... как же это? — Он силится вспомнить. — Ну, где шоколад-то делают?

— Из Швейцарии?

— Да нет же, — досадует он. — Круглые такие штучки, хрустящие. Теперь они и белые бывают, а мне по вкусу темные.

— Драже «Мальтизер»? — догадываюсь я.

— Вот-вот, в Мальтизере он был.

— Папа, на Мальте.

— Ну, пусть на Мальте. — Он умолкает.

— И что же случилось на Мальте с Фрэнком?

Он зажмуривается и напряженно думает:

— Что-то никак не припомню, о чем говорил.

Папа в последнее время стал забывчивым.

— Выиграл что-нибудь на скачках? — спрашиваю я.

— Пару монет. Как раз хватит, чтобы посидеть сегодня в «Понедельничном клубе».

— Но сегодня же вторник.

— Так в понедельник-то был банковский выходной, вот на вторник и перенесли. — Он враскачку обходит вокруг кровати и садится.

Мне не до смеха. Я слишком измучена и, похоже, вместе с ребенком потеряла чувство юмора.

— Так я пойду, Джойс, ты не против? Если хочешь, я останусь.

— Ты же за двадцать лет не пропустил ни одного понедельника!

— Велика радость — выпить пару кружек и погорланить хором! Ты важнее.

— Что бы я делала без тебя? — У меня наворачиваются слезы.

— Не волнуйся, все будет хорошо. И потом, — осторожно продолжает он, — у тебя же есть Конор.

Я отвожу взгляд. А если Конор мне больше не нужен?

— Он все названивает, да не вовремя — когда ты спишь, — спешит добавить папа. — Обещает вернуться, как только сможет.

— Как мило с его стороны. Еще раз попытаемся завести детей.

Я смотрю, как трое детей играют на больничном полу: крошечные пальчики, пухлые щечки, надутые губки. К горлу снова подкатывают слезы, я отвожу взгляд.

— Можно я пощиплю твоего винограда? — спрашивает папа.

— Конечно, можно. Папа, ты иди домой, поешь что-нибудь. Как ты сюда добрался? — вдруг спохватываюсь я.

Он ведь уже несколько лет не бывал в городе. Машину продал — упало зрение. Ему семьдесят пять, десять лет назад овдовел. Теперь живет по своему распорядку: болтает с соседями, по средам и воскресеньям бывает в церкви, ходит в «Понедельничный клуб», любит кроссворды, телевизор и свой сад.

— Соседка Фран подвезла. — Он забрасывает в рот еще одну виноградину. — Раза два или три чуть не угробила нас. В общем, если я когда и сомневался, то теперь точно знаю: Господь есть.

— Неужели ты все еще веришь в Бога, папа? — Не следовало бы мне произносить эти слова, но обида почти нестерпима.

— Верю, Джойс. Пути Господни неисповедимы. Понимаю, сейчас ты сомневаешься — со всеми такое бывает. Когда умерла твоя мама, я... — Он обрывает себя на полуслове. — Но на этот раз Господь услышал все мои молитвы. Он уберет мою девочку, и за это я буду вечно благодарен Ему. — Папа придвигает стул поближе к кровати. — А еще я верю в жизнь после смерти. Правда верю. И в царство небесное. И в то, что все мы когда-нибудь там будем.

— Все? — Я борюсь со слезами. — Папа, а мой малыш там?

Несколько дней назад я начала обустривать детскую... До родов оставалось пять месяцев. Кое-кто, и в том числе мой папа, считал, что думать о детской слишком рано. Но мы ждали этого ребенка шесть лет, и ожидание казалось нам бесконечным.

— Ох, милая, откуда же мне знать...

— Если бы родился мальчик, я назвала бы его Шоном, — вдруг признаюсь я. — А если бы девочка — Грейс. В честь мамы.

В наступившем молчании я представляю себе будущее, которое никогда не наступит. Колыбельные по вечерам, купание в ванночке, брызги из-под крошечных ступней и первый трехколесный велосипед...

— Папа, где он теперь? Как может умереть тот, кто даже не родился?

— Должно быть, на небесах. Вместе с твоей мамой — да, наверняка он там. А уж она обязательно расскажет ему о тебе, точ-

но тебе говорю, он будет знать о тебе все, и, когда ты войдешь в небесные врата совсем старенькой, старше меня нынешнего, он увидит и скажет: «А вот и моя мама!»

У меня в горле вырастает ком — огромный, и я не могу сказать отцу, как я признательна ему за такие слова.

— Здесь славная часовня, милая. Может, заглянешь туда, когда поправишься и будешь в настроении? Просто посиди и подумай. Мне помогает.

Меньше всего на свете мне хочется в часовню.

— Знаешь, она построена в стиле рококо, — вдруг сообщаю я. Сама не понимаю, что несу. — Знаменита своей лепниной работы известного французского мастера Бартеlemi Крамийона.

— Правда, милая? И когда же он ее построил?

— В 1762 году.

Ума не приложу, откуда мне это известно.

— Так давно? Не знал, что больница такая старинная.

— Ее спроектировал Ричард Кассельс — создатель здания парламента, Ленстер-Хауса, выдающийся архитектор того времени.

Ума не приложу, откуда всплыли в моей памяти все эти знания. Может, все это я выдумала?

— Откуда ты все это знаешь, Джойс?

Я пожимаю плечами, и меня вдруг захлестывает волна отчаяния.

— Хочу подстричься, — вдруг выпаливаю я. — Скорее бы выпиться отсюда.

— Конечно, милая, — тихо отзывается папа. — Потерпи еще немного.

Надо постричься, наконец! Джастин сдувает со лба челку и недовольно хмурится, изучая свое отражение в зеркале.

Несколько минут назад он собирался в Лондон, укладывал вещи в сумку и насмивывал со счастливым видом разведенного мужчины, который только что переспал с первой женщиной после жены. А теперь застыл перед зеркалом, и его свист оборвался. Ему сорок три, он высок, широк в плечах, темно-каштановые волосы до сих пор густы, хоть и с проседью на висках.

Он видит в зеркале мужчину, которого хотел бы увидеть. Постройневшего, помолодевшего. Любые изъяны вроде раздавленной талии объясняются возрастом и отчасти — тем, что в процессе развода он пристрастился к пиву и фастфуду. Вспомнив минув-

шую ночь, он невольно бросает взгляд на кровать, где наконец состоялось его предельно близкое знакомство с Сарой. Неделя «Кровь ради жизни» в колледже закончилась, Сара перебазировалась на постоянное место работы. Джастин случайно столкнулся с ней в дублинском баре, мимоходом узнал, что она туда частенько заходит, так все и началось.

Отчитав свои лекции, Джастин собирается домой. Пятница, пора возвращаться в Лондон — к дочери. К тому же сейчас в Лондоне его младший брат Эл с женой Дорис.

Джастин выходит из гостиницы и садится в такси.

— В аэропорт, пожалуйста.

— Приезжали в отпуск? — заводит расспросы таксист.

— Нет. — Джастин смотрит в окно.

— Работаете здесь? — Водитель трогает машину с места.

— Да.

— А куда же тогда улетаете? В отпуск?

— Нет. Я живу в Лондоне.

Может, вам еще и номер страхового полиса назвать?

— Вот оно как. Чем занимаетесь в Лондоне?

Охочусь на любопытных таксистов.

— Много чем. — Джастин вздыхает и сдается: водитель ждет продолжения. — Редактирую журнал «Искусство и архитектура», — гордо сообщает он.

Ноль эмоций.

— И потом, я куратор...

— Покойников режете? — морщится таксист.

— Что?.. Нет. — Джастин страдальчески закатывает глаза, стаскивает пиджак и открывает окно. Волосы прилипли ко лбу. Он сдувает челку, падающую на глаза.

На светофоре они останавливаются, Джастин бросает взгляд налево. Парикмахерская.

— Послушайте, вы не могли бы подъехать вон туда и подождать несколько минут?

— Конор, об этом не волнуйся. И хватит уже извиняться, — устало говорю я в трубку. — Здесь со мной папа, мы возьмем такси и вернемся домой вместе.

Наконец-то я еду домой, но облегчения, на которое я так надеялась, нет и в помине. Нет ничего, кроме ужаса. Я со страхом жду встреч со знакомыми и неизбежных объяснений, которые придет-

ся повторять не раз и не два. Меня ужасает перспектива брака без любви и без ребенка, Конор нудно бормочет в трубку, как бы он хотел сейчас быть рядом со мной. А я хочу остаться одна, оплакать потерю, пожалеть себя.

Конор — инженер. Он месяцами пропадает за границей. Я так привыкала жить одна, что поначалу, когда он возвращался, я становилась страшно раздражительной и с нетерпением ждала, когда же он опять уедет. А потом кое-что изменилось. В последнее время я бывала раздражительной всегда, пока мы вместе. И я не одна.

Я всегда считала, что наш брак выдержит любые испытания, пока мы оба будем к этому стремиться. И вдруг поймала себя на том, что к этому стремлению мне приходится себя подталкивать. Мысленно я возвращаюсь к началу наших отношений. Что связывало нас тогда? Ах да, любовь. Простое слово. Если бы ему не придавали такого значения, наш брак был бы безупречным. Сидя в такси рядом с папой и слушая голос Конора в трубке, я вдруг понимаю, что не могу притворяться.

— А где сейчас Конор? — спрашивает папа, дождавшись, когда я закончу разговор. Он осматривает дверцу машины, ищет ручку, чтобы опустить стекло.

— Папа, здесь все на электричестве. Видишь кнопку?.. Конор все еще в Японии. Через несколько дней будет дома.

— А я вчера его ждал. — Повоевав с кнопкой, папа наконец соображает, как опустить стекло, и в душный салон такси врывается свежий воздух.

— Я его отговорила.

— Кого и от чего, милая?

— Конора. Папа, мы же о Коноре говорим.

— А-а-а, верно, о нем. Так он скоро вернется?

Я киваю.

День жаркий, челка липнет к потному лбу. И меня вновь захлестывает нестерпимое желание побриться наголо.

На светофоре мы останавливаемся, я бросаю взгляд влево. Парикмахерская.

— Пожалуйста, сверните вон туда. Папа, подожди в машине. Буду через десять минут.

Такси перед нами тоже сворачивает к тротуару. Мы паркуемся за ним. Из такси выходит мужчина. Я замираю и смотрю на него. Кажется, я его знаю. Он медлит и смотрит на меня. Некоторое

время мы просто глазеем друг на друга. Он почесывает левую руку, почему-то этот жест слишком долго приковывает мое внимание. Станные ощущения, у меня по коже бегут мурашки. Меньше всего мне сейчас нужны встречи со знакомыми, спохватываясь я и отвожу взгляд.

Я направляюсь к парикмахерской и сразу понимаю, что и пассажир такси нацелился туда же. Он распахивает дверь, придерживает ее передо мной и улыбается. Симпатичный. С чего он так разубался? Должно быть, мы все-таки знакомы.

— Спасибо, — говорю я.

— Не за что.

В парикмахерской пусто, только два мастера болтают в уголке. Оба мужчины: один с ежиком сверху и длинными волосами сзади, второй — крашеный блондин.

— Вам которого? — еле слышно спрашивает пассажир такси. У него американский акцент.

— Блондина, — улыбаюсь я.

— Значит, ежика, — заключает он.

От неожиданности я хихикаю.

— Добрый день, дорогуши, — приближается к нам мастер со стрижкой ежиком. — Чем могу помочь?

Я вдруг замечаю, что почти соприкасаюсь бедром с американцем. Мы оба делаем шаг, но в противоположные стороны.

— Вас бы в синхронное плавание! — смеется парикмахер. — Эшли, прекрасная дама твоя. А вы — со мной. — Он уводит клиента к своему креслу.

— Просто срежьте сантиметров пять, будьте добры, — просит американец. — Снаружи ждет такси, я сейчас еду в аэропорт, так что поскорее, пожалуйста.

— В Америку возвращаетесь? — улыбается парикмахер.

— Нет, просто улетаю, и все. Вы, ирландцы, задаете слишком много вопросов.

— Так-так, — многозначительно усмехается мастер и показывает клиенту ножницы.

У меня вырывается смешок, американец мгновенно поворачивается ко мне. Кажется, он слегка сконфужен. Возможно, мы все-таки знакомы. Может, он работает вместе с Конором. Или он какая-то знаменитость. Мне становится неловко, я отворачиваюсь.

Мастер накидывает на меня черный пеньюар:

— Итак, как будем стричься, мадам?

— Наголо, — отвечаю я, стараясь не смотреть на свое отражение.

Но холодные ладони касаются моих разгоряченных щек, поворачивают мое лицо к зеркалу, и я вижу запавшие щеки, черные круги под глазами, покрасневшие от слез глаза. Тем не менее я все еще похожа на себя. Это я, только уставшая. Не знаю, кого я ожидала увидеть. Несчастную женщину, при виде которой любой поймет, что она только что перенесла душевную травму? Но зеркало возражает: по твоему виду ничего не скажешь.

Я среднего роста, цвет волос — нечто среднее между русым и каштановым. Я вообще средняя: не толстая, но и не тощая, не слишком общительная и не робкая, но могу быть и той и другой, смотря по обстоятельствам. Мне нравится моя работа, но я не люблю ее. Я миловидна: не красотка, но и не страшилище; я не жду от жизни многого и потому никогда не испытываю разочарований. Глядя в зеркало, я вижу перед собой эту среднестатистическую персону — грустную, но не убитую горем. Смотрю на сидящего рядом мужчину и замечаю, что мы чем-то похожи.

Нить моих размышлений обрывает парикмахер:

— Хотите побриться наголо? А не пожалеете? У вас такие здоровые волосы... Это ваш натуральный цвет?

— Да, раньше я подкрашивала их, но потом перестала из-за... — Я чуть было не сказала «из-за ребенка». Слезы наворачиваются мгновенно, я прячу глаза. — Из-за химии, — заканчиваю я.

— Ясно, — отзывается мастер, собирает мои волосы, пытается зачесать их назад. — Может, лучше сделаем стрижку, как у Мег Райан во «Французском поцелуе»? — Быстрыми движениями он ерошит мне волосы, и они торчат во все стороны, словно я сунула палец в розетку.

— А можно побыстрее? Меня тоже ждет такси.

— Надо бы оставить хоть несколько сантиметров. Обрежем челку, уложим набок, будет очень стильно.

— А может, просто сделаем вот так — и все? — Я забираю у него ножницы, одним взмахом отхватываю свой хвост и вручаю мастеру и то и другое.

Он ахает.

— Не хотите челку — придумаем что-нибудь другое.

У американца отвисает челюсть, когда он оглядывается на моего парикмахера с пучком волос в кулаке. Он оборачивается к своему мастеру:

— Не вздумайте вытворять со мной такое!

— И в мыслях не было, сэр.

Мой мастер начинает придавать прическе форму, с каждой прядью голове становится легче. Этот волос вырос в тот день, когда мы купили детскую кроватку... *чик*. Этот — когда мы выбирали имя. *Чик*. День первого УЗИ. День, когда я обнаружила, что беременна. *Чик, чик, чик*.

Избавиться от недавних, еще более мучительных воспоминаний пока не получится. Придется подождать, пока они отрастут, и только потом обрезать их. Они бесследно исчезнут, а я смогу жить дальше.

Я достаю деньги, американец тем временем расплачивается за стрижку.

— Вам идет, — замечает он, оглядев меня.

Я смущенно пытаюсь заложить за ухо прядь волос, но не нахожу ее. На душе становится так легко, что наружу рвется смешок.

Незнакомец распахивает передо мной дверь.

— Спасибо. — Я выхожу из парикмахерской.

Мы с любопытством смотрим друг на друга. Он улыбается мне и направляется к своему такси, по пути дважды оглянувшись.

К своему такси я лечу, не касаясь земли. Таксист и папа установились на меня как на привидение.

— Твои волосы! — ахает папа. — Теперь ты похожа на мальчишку.

Чем ближе дом, тем туже затягивается узел у меня в животе.

— Тот человек, что ехал перед нами, тоже просил таксиста подождать. Смешно вышло, правда, Грейси?

— Джойс, — поправляю я. — Да, смешно. — Моя нога нервно подрагивает.

Папа придвигается ближе к водителю:

— Что, Джек, теперь так принято делать, когда едешь в такси?

— Что делать?

— Просить шофера подождать у парикмахерской?

— Раньше меня никогда об этом не просили, — вежливо отвечает таксист.

Папа откидывается на спинку сиденья.

— Так я и думал. Вон Патрик, — машет он. — Нет уж, не буду ему мешать, у него руки заняты. — Папа провожает взглядом приятеля по «Понедельничному клубу», вцепившегося обеими

руками в ходунки. — И Дэвид вывел своего пса, — снова машет он. — А вот и дом! — объявляет он наконец.

В этом красном кирпичном доме в Фисборо мы с Конором поселились десять лет назад, сразу после свадьбы. За годы мы вбухали в ремонт целое состояние. Пятачок палисадника, где мама посадила кусты роз, обнесен черной оградой. Папа живет в точно таком же доме за две улицы от нас, там, где я выросла.

Едва мы отпустили такси, как дверь распаивается. Папина соседка Фран улыбается мне с моего собственного крыльца.

— О, да ты подстриглась! — восклицает она, но тут же спохватывается. — Извини, детка, я думала, что быстро управлюсь и успею уйти до твоего приезда.

Папа нервничает и старается не встречаться со мной взглядом.

— Чем это вы занимались, Фран? — Я стараюсь быть вежливой, хотя мне очень не нравится, что кто-то без меня тут похозяйничал.

Она стаскивает резиновые перчатки:

— Твой папа дал мне ключи. Я там расстелила в коридоре симпатичный коврик — надеюсь, тебе понравится.

Я тарашусь на нее в полной растерянности.

— Ладно, я побежала. — Она берет меня за руку и крепко пожимает ее. — Береги себя, детка.

— Какого черта, папа? — выпаливаю я, с отвращением глядя на выцветший половик, расстеленный поверх бежевого ковролина. — Зачем ты дал чужому человеку ключи от моего дома?

Папа сдергивает с головы кепку и мнет ее в руках.

— Милая, она нам не чужая. Она знает тебя с того самого дня, как тебя привезли из роддома. — Он задел больную струну.

— А мне плевать! — взрываюсь я. — Не желаю видеть эту рвань! — Я выволакиваю коврик на крыльцо и хлопаю дверь.

Пылая праведным гневом, я гляжу на отца, а он устремляет взгляд на пол. Я смотрю туда же, куда и он. И вижу поблекшие бурые пятна. словно пролили красное вино. Моя кровь.

— Фран уж и так и этак их оттирала, — тихо и обиженно объясняет папа. — Вот я и предложил прикрыть их ковриком.

Мне становится стыдно.

— Прости, папа. Сама не понимаю, что на меня нашло. Я... позвоню Фран, только не сейчас, и поблагодарю ее.

— Ладно, — кивает он, — так я пойду к себе. И коврик занесу Фран. Негоже, если соседи увидят его на крыльце.

— Нет, пусть уж лежит в доме. Тебе одному его не донести. — Я почтительно вношу половик в дом и прикрываю им место, где я потеряла ребенка.

Папа осторожно похлопывает меня по плечу:

— Понимаю, тебе нелегко. Если что — я тут, рядом.

Привычным движением он нахлобучивает твидовую кепку и враскачку идет по улице. Я дожидаясь, когда он свернет за угол, и только потом закрываю дверь. Одиночество. Тишина.

Кажется, что детская наверху вибрирует, стучит в пол и в стены. Тук-тук, тук-тук. Я отступаю от лестницы и брожу по комнате. Дверь из кухни ведет в сад за домом, где до сих пор растут мамины розовые кусты. Из земли тянутся папины герани.

А сверху по-прежнему доносится пульсация детской.

Я замечаю, что автоответчик в прихожей подмигивает красным огоньком. Четыре сообщения. Просматриваю список определившихся номеров и узнаю их: это звонили подруги. И вдруг я застываю. Вот он. Понедельник, десять минут восьмого. Тот самый звонок, на который я так поспешно и глупо бросилась отвечать, упала с лестницы и пожертвовала жизнью своего ребенка.

Дрожащими пальцами жму на кнопку воспроизведения.

«Здравствуйте, вас беспокоят из пункта проката по поводу диска «Рождественские гимны Маппет-шоу». Срок возврата прошел неделю назад. Мы будем признательны, если вы в ближайшее время вернете его».

Значит, это он и есть — важный звонок, на который я так спешила ответить? Я возвращаюсь в гостиную и смотрю в упор на аудиоплеер. На нем лежит диск, который я взяла в прокате для своей крестницы. Хватаю диск и с силой швыряю его через всю комнату. Он сшибает с пианино семейные фотографии.

А наверху детская продолжает вибрировать. Я иду к лестнице, хватаюсь за перила и понимаю, что мне не хватит сил даже переставлять ноги. Я буквально втаскиваю себя вверх по ступеням.

Меня встречают лютики, ими расписано полстены. Подвешенный над кроватью мобиль с утятами. Плюшевый кролик, восседающий в кровати, глупо улыбается мне. Я разуваясь и босиком ступаю на мягкий пушистый ковер. Беру кролика и в обнимку с ним хожу по комнате, провожу ладонью по новенькой мебели, одежде и игрушкам.

— Прости, Шон, — шепчу я, и от этих слов у меня перехватывает горло.

— Никакой еды здесь нет, придется заказывать, — кричит в открытую дверь гостиной невестка Джастина, Дорис.

— Наверное, вы с ней все-таки знакомы, — заключает Эл, сидя на пластмассовом стуле в наспех обставленной гостиной своего старшего брата Джастина.

— Да нет же, как ты не понимаешь. О том и речь. Я как будто знаю ее и в то же время совсем не знаю.

— Даже имени?

— Вот именно. Понятия не имею, как ее зовут.

— Эй, меня кто-нибудь слышит? — снова вмешивается Дорис.

— Ну конечно, дорогая, — машинально отвечает Эл. — А может, она была у тебя на лекции.

— На каждую собираются сотни человек, — пожимает плечами Джастин. — И чаще всего в зале полутемно, лиц не видно.

— Заказ еды отменяется, — объявляет Дорис. — Тарелок и ложек-вилочек тоже нет — придется сходить куда-нибудь перекусить.

— Просто у меня такое чувство, будто мы знакомы.

— Или она просто похожа на кого-нибудь из твоих знакомых.

— Я что, сама с собой говорю? — прерывает их Дорис, возникшая в дверях гостиной и подбочениваясь.

— Что ты, дорогая! — подает голос Эл, но смотрит по-прежнему на Джастина. — Или это было что-то вроде дежавю.

— Именно! — шелкает пальцами Джастин. — Или не «вю», а «векю» или «санти». Или «визитэ».

— А это еще что такое? — удивляется Эл.

— «Дежавю» с французского — «уже виденное», но, по-моему, то, что случилось сегодня между мной и той женщиной, к дежавю не относится.

— Почему?

— Потому что дежавю — это когда, едва увидев, чувствуешь... не знаю, как объяснить. Просто чувствуешь. А «дежа-векю» переводится как «уже пережитое», то есть впечатления, связанные с неким пониманием того, что произойдет дальше. «Дежа-санти» — «уже прочувствованное», «дежа-визитэ» — неизвестно откуда взявшиеся знания о новом месте. Нет, — качает головой он, — в ту парикмахерскую я определенно попал впервые.

Все затихают.

Молчание прерывает Эл:

— Словом, это все равно какая-то «дежа». А ты уверен, что не переспал с ней однажды, а потом забыл?

— Эл! — Дорис хлопает мужа по руке. — Джастин, почему ты не дал мне подстричь тебя? И кстати, о ком мы вообще говорим?

— У тебя же собачья парикмахерская, — хмурится Джастин.

— Наши волосы — та же собачья шерсть, — пожимает плечами Дорис.

— Вчера в одной дублинской парикмахерской Джастин столкнулся с какой-то женщиной и решил, что знает ее, хотя на самом деле они не знакомы, — поясняет Эл.

— Я знаю, что это было! — восклицает Дорис.

— Что? — спрашивает Джастин.

— Эхо прошлой жизни. Я видела такое в телешоу.

— Нет, Дорис, прошлая жизнь тут ни при чем. Но все равно спасибо. Может, та женщина и вправду похожа на кого-то из моих давних знакомых. Словом, не о чем тут говорить. Проехали.

— А ты сам чем бы это объяснил?

Джастин пожимает плечами:

— Теорией задержки зрительной информации.

Оба слушателя недоуменно смотрят на него.

— Согласно этой теории, один глаз может воспринимать информацию на доли секунды быстрее, чем второй, и успевает создать воспоминания о том, что спустя миллисекунды зафиксирует второй глаз. Как правило, причина заключается в замедленном прохождении оптических сигналов от одного глаза или ускоренном прохождении сигналов от второго, хотя им полагается поступать в центры обработки информации одновременно. Этим и объясняется ощущение, будто то, что видишь, тебе уже знакомо.

— Знаешь, дорогая, мне больше по душе идея прошлой жизни, — фыркает Эл.

— Спасибо, милый. — Дорис растроганно прижимает ладонь к сердцу. — Между прочим, еды здесь нет, ложек и кастрюль и подавно, так что ужинать придется где-нибудь в городе. Господи, Джастин, как ты живешь! — Дорис окидывает комнату брезгливым взглядом. — Чего ни хватись, у тебя же ничего нет! А дом вообще как общежитие для студентов!

— Это шедевр викторианской эпохи, Дорис. Прибавить самую чуточку заботы и любви — и больше ничего не надо, — говорит Джастин.

— Для этого я сюда и приехала, — хлопает в ладоши Дорис.

— Отлично, — вежливо улыбается Джастин. — А теперь идем ужинать. Я бы не отказался от бифштекса.

— Ты же вегетарианка, Джойс. — Конор смотрит на меня так, словно я спятила.

Не знаю почему, но сейчас в ресторане мне вдруг ужасно захотелось бифштекса.

— Я не вегетарианка, просто не люблю мясо с кровью.

— Но ты заказала бифштекс средней прожаренности!

— Ну да, — пожимаю я плечами. — Просто прихоть такая.

— Вы еще не выбрали вино? — спрашивает Конора официант. Я поспешно берусь за меню.

— Вообще-то я хотела бы заказать вино сама. — И я показываю в меню то, что выбрала.

— «Сансер» 1998 года? Отличный выбор, мадам.

— Спасибо. — Понятия не имею, почему мне захотелось именно этого вина. Оно чересчур дорогое, но приходится вести себя как ни в чем не бывало, иначе Конор и вправду решит, что я не в своем уме.

Официант возвращается с бутылкой.

— Дегустировать будешь сам, — предупреждает Джастина Эл, — посмотришь, что выбрал.

Джастин берет бокал с вином, наклоняется к нему и делает глубокий вдох.

Я вдыхаю запах вина, делаю глоток, прислушиваюсь к ощущениям. В самый раз.

— Прекрасное вино, спасибо. — Я ставлю бокал на место.

Бокал Конора наполнен, в мой тоже подлили вина.

— Это не просто вино. — И я начинаю рассказ.

— Я открыл его для себя, когда мы с Дженнифер ездили во Францию, — объясняет Джастин. — В то время ее оркестр участвовал в фестивале пикардийских соборов. Однажды в Париже, когда у нее был выходной, мы набрали на симпатичный рыбный ресторанчик, приютившийся в каком-то мощенном булыжником переулке Монматра. Мы заказали фирменное блюдо — морского судака. Но вы же знаете мое пристрастие к красному вину! Официант посоветовал нам попробовать с рыбой «Сансер». Охлажденный, он пьется совсем как белое вино, а если не охлаждать его, подойдет и к мясу. Приятного аппетита, — желает он брату и невестке.

Конор слушает меня с застывшим лицом:

— Монмартр? Джойс, ты же никогда не бывала в Париже. И кто такая, черт возьми, эта Дженнифер?

Осекшись, я выхожу из транса и вдруг слышу только что рассказанную историю словно со стороны. В таких обстоятельствах мне остается лишь одно — рассмеяться. Что я и делаю.

— Это из фильма, который я как-то смотрела.

— А, — сразу успокаивается Конор. — Джойс, как ты меня перепугала! Что это был за фильм?

— Не помню, — пытаюсь отмахнуться я.

— Ты их разлюбила? — смотрит он на анчоусы, которые я отодвинула на край тарелки.

— Так отдай их мне, братишка, — просит Эл, придвигая свою тарелку поближе к тарелке Джастина. — Дорис, мне ведь можно анчоусы? — уточняет он. — Врач, случайно, не говорил, что для меня это яд?

— Нет, если никто не запихнет их тебе в глотку, а такое вполне возможно, — сквозь зубы отвечает Дорис.

— Мне уже тридцать девять, а со мной обращаются как с ребенком.

— А мне тридцать пять, но ребенок у меня пока только один — мой муж, — парирует Дорис, подцепив анчоус и пробуя его на вкус. — Так ты расскажи подробнее про ту женщину, Джастин.

— Дорис, я же говорил: мне просто показалось, что я знаю ее.

— Да не про эту! — вмешивается Эл с полным ртом анчоусов. — А про ту, с которой ты переспал на днях.

— Эл! — Кусок застревает у Джастина в горле.

— Джойс, как ты? — озабоченно спрашивает Конор.

Я задыхаюсь от кашля, глаза слезятся.

— Вот, выпей воды, — подносит он к моим губам стакан.

Кашель так силен, что я не могу сделать ни глотка. Конор поднимается со своего места и спешит ко мне. В панике я вскакиваю и опрокидываю свой стул.

— Эл! Эл, сделай же что-нибудь! — паникует Дорис. — Он весь посинел!

Эл хладнокровно поднимается и встает за спиной брата, обнимает его сзади за талию и резким движением давит снизу на живот.

Со второго раза застрявший кусок выскакивает из горла Джастина.

Когда уже третий спасатель приходит мне на помощь, точнее, включается в поспешный спор о том, как правильно выполнять прием Геймлиха, я вдруг перестаю кашлять.

— Прошло? — спрашивает Конор, похлопывая меня по спине.

— Да, — шепчу я, — все хорошо, спасибо. — Я поспешно сажусь, стараясь не обращать внимания на устремленные на меня взгляды. — Боже, как неловко...

— Как странно! Ты ведь даже ничего не ела.

Я пожимаю плечами:

— Не знаю, может, вдохнула что-нибудь.

Кто-то толкает меня сзади, я оборачиваюсь. Ко мне наклоняется мужчина, сидящий за соседним столиком.

— Ну вот, а я уж думал, вы прямо здесь разродитесь! Ха-ха! Верно, Маргарет? — Он переглядывается с женой и хохочет.

— Нет, — говорит та и густо краснеет, — не говори ерунды.

Мужчина отворачивается, и мы слышим приглушенную перепалку.

Конор с убитым видом берет меня за руку и крепко сжимает мои пальцы, обручальное кольцо больно врезается в кожу.

Кольцо есть, а брака нет.

— Конор... — только и могу произнести я, смотрю на него и вижу: он уже знает, что я сейчас скажу.

— Нет-нет, Джойс, только не сейчас.

— Незачем тянуть, Конор.

Подобный разговор о разводе происходит ежегодно, поэтому я жду от Конора привычных возражений, но он согласно кивает.

Я перевожу дух. Наконец-то.

Джастин изучает меню десертов.

— Тебе нельзя, Эл. — Дорис выхватывает у мужа меню.

— Это еще почему? Почитать-то хоть можно?

— У тебя холестерин повышается даже от названий.

Джастин перестает слушать их спор. Ему тоже следовало бы отказаться от десерта, но взгляд уже завис над строчками меню, словно гриф, высматривающий добычу.

— Будете заказывать десерт, сэр? — спрашивает официант.

— Да. Мне, пожалуйста...

— Банановый пирог, — неожиданно выпаливаю я, обращаясь к официанту.

У Конора отвисает челюсть. Наш брак только что распался, а я заказываю десерт. Прикусив губу, я едва сдерживаю нервный смех.

Ну а теперь — к новым горизонтам. К поискам... смысла.

3

Я стою на крыльце папиного дома. Дверной звонок виновато всхлипывает и умолкает. Будто говорит: прости, папа, прости, но твоя тридцатитрехлетняя дочь вернулась домой.

Папа открывает дверь, недоуменно смотрит сначала на меня, потом на чемоданы у моих ног. Обычно в такое время дня я разъезжаю по городу, показывая недвижимость потенциальным клиентам.

— Ты говорил, что... что я могу пожить у тебя.

— Входи, входи. А Конор где? Что-нибудь не так с домом? Опять мыши завелись?

— Папа... — начинаю я. — Мы с Конором разошлись.

— Господи, Грейси, что ты такое говоришь?

— Я не Грейси, а Джойс.

Папа приставляет чемоданы к стене, увешанной фотографиями, по которым любой гость может получить представление об истории семьи Конуэй, и бредет на кухню.

— Выпьешь чего-нибудь?

Я иду на кухню следом за ним. Здесь все осталось по-прежнему, как в те времена, когда я еще жила с родителями. Чистота идеальная, совсем как при маме, все на своих местах.

— Чем ты занимался, пока не появилась я?

— Когда — сегодня или тридцать три года назад?

— Сегодня. — Я стараюсь не улыбаться, зная, что папа и не думает шутить.

— Отгадывал викторину, — кивает он на кухонный стол, на котором разложена газета с головоломками и вопросами викторин. — Застрял на шестом номере. Посмотри. — Он ставит на стол чашки с чаем.

— «Кто из чрезвычайно влиятельных критиков оценил одну из опер Моцарта словами “слишком много нот?”» — читаю я вслух.

— Моцарт... — пожимает плечами папа. — Понятия не имею.
— Император Иосиф II, — говорю я.

Папа изумленно вскидывает брови:

— А ты откуда знаешь?

— Наверное, слышала где-то... — хмурюсь я. — Чем это здесь пахнет — дымом?

Папа выпрямляется и принохивается, точно ищетка.

— Тостом. Недавно поджарил. Передержал, вот он и подгорел.

— Не выношу запаха дыма. А где мамина фотография со столика в прихожей?

— Там же, где и всегда, — как-то неубедительно отвечает он.

Я поднимаюсь, чтобы проверить.

— Нет уж, сиди, я сам схожу. — Выходя, он прикрывает за собой кухонную дверь, и я не вижу, что происходит в прихожей. — С ней все в порядке! — кричит мне папа. — Привет, Грейси, видела, как нашей дочке померещился запах жженой бумаги? Мало того, она совсем спятила: бросила и мужа, и вдобавок работу!

Об уходе с работы папе я пока не говорила — значит, Конор звонил ему. А еще это означает, что папа с самого начала знал, почему я вернулась сюда. Но правдоподобно разыграл удивление.

— О, десять двадцать пять! — Папа в тревоге смотрит на часы, хватая газету с телепрограммой и спешит в гостиную.

— Что будем смотреть? — Я иду следом.

— «Она написала убийство». Ловко эта Джессика Флетчер вычисляет убийц. А потом на другом канале — «Диагноз: убийство». — Папа берет ручку и обводит сериал в телепрограмме.

Его воодушевление увлекает меня. Папа подпевает мелодии, звучащей в заставке серии, подражает звукам труб, надувая щеки.

— Приляг на диван, я тебя укрою.

Он снимает со спинки зеленого бархатного дивана клетчатый плед и бережно укутывает меня. В этот плед меня заворачивали, когда я возвращалась из школы простуженной. Я с нежностью смотрю на папу, вспоминаю, как он заботился обо мне в детстве, и чувствую себя так, словно вернулась в прошлое.

Пока он не плюхается на диван, отдавив мне ноги.

— Как думаешь, достанется Бетти миллион или нет?

За последние несколько дней я пересмотрела уйму получасовых утренних передач, сейчас на очереди «Антикварное путешествие». Семидесятилетняя Бетти с замиранием сердца ждет, ко-

гда оценщик наконец назовет стоимость ее старого чайника. Меня охватывает уже знакомое чувство.

— Увы, Бетти, — говорю я вслух, — эта подделка под антиквариат изготовлена в начале XX века. Это видно по форме ручки.

— Правда? — Папа с интересом смотрит на меня.

Оценщик слово в слово повторяет мою фразу. Бедняжка Бетти расстроена.

— С каких это пор ты разбираешься в старых чайниках?

Я даже не знаю, что ответить. Стоит мне подумать о новообретенных знаниях, как у меня начинает раскалываться голова.

Папа замечает выражение, промелькнувшее на моем лице.

— Может, подружкам позвонишь? Поболтали бы...

— Да, надо бы Кейт позвонить.

— Той девчонке, что спаивала тебя в шестнадцать лет? Ох и шальная была! Она хоть образумилась?

— Недавно продала свой магазин в городе за два миллиона и теперь сидит дома, воспитывает детей. — На лице у папы такой шок, что я с трудом удерживаюсь от смеха.

— Ты ей все-таки позвони, — советует он. — На душе полегчает, так твоя мама всегда говорила.

Я ухожу к себе в спальню, звонить Кейт. Эта комната была моим единственным личным пространством в детстве и до сих пор остается им. Веселенькие обои в цветочек, коричневый ковролин весь в пятнах от духов и косметики. Самая новая вещь здесь — покрывало на кровати. Мама купила его, когда моя комната стала комнатой для гостей. Я покинула родительский дом за год до ее смерти, о чем с тех пор жалею каждый день: сколько еще раз я могла бы, проснувшись, слышать ее мелодичный голос, фоном которому служила радиопередача Гэя Берна! По-моему, мама питала слабость к Гэю Бэрну. А папа его терпеть не мог.

Зато теперь к нему пристрастился. После маминой смерти папа окружил себя всем, что она особенно любила. Стал смотреть телепередачи, которые предпочитала мама, покупать ее любимое печенье, хоть прежде его в рот не брал. Папе просто нравится видеть эти упаковки на полке. Нравится напоминать себе, что его мир вовсе не разбился вдребезги. Порой мы готовы терпеть любой клей, какой только найдется, лишь бы наша жизнь не развалилась на части.

Ей было всего пятьдесят пять, еще жить бы да жить, но рак отнял у мамы жизнь, а у нас — маму.

С Конором мама не успела познакомиться, но вряд ли он пришел бы ей по душе. Мама любила людей с огоньком. А Конор приятный, симпатичный, и только. Папино недовольство Конором проскользнуло лишь однажды, в его реплике: «Не мужское это дело — ракеткой махать». Страстный поклонник футбола, папа утверждал, что в наших неудачных попытках завести ребенка виноваты тесные теннисные шорты, которые носил Конор. Конечно, это была шутка.

Присев на кровать, я включаю мобильник, который вот уже несколько дней отключен.

Кейт отвечает после четвертого гудка.

— Алло! — кричит она так, что я подскакиваю. Фон в трубке — какие-то дикие звуки, словно там разразилась микровойна. — Джойс! — снова кричит Кейт, и я понимаю, что мы общаемся по громкой связи. — А я звоню тебе, звоню... ДЕРЕК, СЯДЬ НА МЕСТО! Извини, мы тут из школы едем. Моя очередь развозить по домам шестерых, потом надо еще перекусить на скорую руку и опять везти — Эрика на баскетбол, Джейду на плавание. Хочешь, там и встретимся в семь? Джейда сегодня сдает десять метров на значок.

Слышен вопль Джейды, которая терпеть не может сдачу десятиметровок на значок.

— ДЖЕЙДА, ДАЙ МАМЕ ПОГОВОРИТЬ СПОКОЙНО! ДЕРЕК, СЕЙЧАС ЖЕ ПРИСТЕГНИСЬ! Джойс, погоди минутку...

Шум утихает, я жду. Внезапно Кейт включается снова:

— Ой, Джойс, давай закругляться. Так мы увидимся в семь в бассейне? В другое время мне не вырваться... Или лучше завтра? На теннисе в три или в спортзале в шесть. А я узнаю, пойдет Фрэнки с нами или нет.

Фрэнки. Ее окрестили Франческой, но она наотрез отказывается отзываться на полное имя. Насчет Кейт папа ошибся: да, спиртное раздобыла она, а выпить меня заставила Фрэнки.

— Завтра в спортзале. — Я улыбаюсь, слыша детские голоса. Голос Кейт обрывается, в трубке становится тихо.

— Грейси! — зовет папа. — Печенья хочешь? Я уже чайник поставил.

— Нет, спасибо. — Я падаю на постель.

— А я попью чайку. Таблетки полагаются после еды, а пообедать я забыл.

— Ты же выпил таблетку сразу после обеда, помнишь?

— Так то была от сердца, а эта для памяти.

— И ты забыл ее принять? Ох, папа! — Меня разбирает смех. — Видно, не действуют твои таблетки, нужны другие.

— Еще как действуют! Когда не забываю их принимать.

— Папа, спасибо, что ты не расспрашиваешь насчет Конора.

— Да мне и ни к чему. Как разошлись, так и снова сойдетесь.

— Вряд ли. Мы не любим друг друга.

— Но он же твой муж, Джойс. Что за молодежь пошла — то расходятся, то женятся!

— А ты хотел бы, чтобы я жила с Конором и была несчастна?

— Милая, никто не бывает счастлив всю жизнь.

— Понимаю. А как быть тем, кто всегда несчастен?

Затаив дыхание я жду, и папа наконец подает голос:

— Ладно, пойду поем печенья. — И с вызовом добавляет: — Шоколадного!

— Я же в отпуске, зачем ты тащишь меня в тренажерку? — Эл чуть ли не вприпрыжку силится поспеть за Джастином.

— На следующей неделе я встречаюсь с Сарой, хочу восстановить форму.

— Не знал, что ты ее потерял. — Эл отдувается, пот струйками стекает с багрового лица.

— Лучше на себя посмотри. Тебе же врач посоветовал сбросить пару центнеров.

— Хотя ты оставь меня в покое, хватит с меня и Дорис. Она даже ногти грызть боится — а вдруг в них лишние калории? — Эл судорожно хватается за ближайшие перила. — Вообще-то врач посоветовал мне не напрягаться. Тем более что у нас в семье были проблемы с сердцем.

— А что, у кого-то в нашей семье большое сердце?

— Отец же умер от инфаркта. А ты думал, о ком я?

Джастин молчит.

— Так сколько у тебя еще семинаров в Дублине? Мы с Дорис могли бы смотаться туда с тобой.

— Было бы неплохо. Но на следующей неделе я вас с собой не возьму: на эту поездку у меня запланировано свидание с Сарой. — Он меняет тему: — Проведем в спортзале час.

— Целый час? — взвизгивает Эл. — Да чем ты на свидании заниматься собрался — по скалам лазать?

— Думаю пообедать с ней где-нибудь.

Эл закатывает глаза:

— А сперва выследить и поймать обед? Да после часовой тренировки ты завтра встать не сможешь, не то что геройствовать в постели.

Я просыпаюсь под звон кастрюль и сковородок, доносящийся снизу. Прошлой ночью мне не спалось: мешали беспокойные мысли и шум воды, которую папа спускал в туалете.

Но какими бы обрывочными ни были мои сновидения, они до сих пор свежи в моей памяти. Помню, я гуляла в парке, держа на руках малышку с пушистой белой челкой, а рыжеволосая женщина смотрела на нас и улыбалась.

Набросив халат, я спускаюсь по лестнице.

Из кухни опять тянет дымом. Проходя мимо столика в прихожей, я замечаю, что мамина фотография снова куда-то подевалась. По наитию выдвигаю ящик стола — и точно, снимок лежит там лицом вниз. Видимо, папа прячет фотографию по каким-то своим соображениям. Бесшумно задвигаю ящик.

В кухне хаос. Повсюду кастрюли и сковородки, посудные полотенца, яичная скорлупа. Кажется, что на кухонные столы вывалено все содержимое шкафов и ящиков.

— Доброе утро, милая, — целует меня в лоб папа.

Вдруг я понимаю, что впервые за много лет кто-то удосужился приготовить завтрак для меня, а папе в кои-то веки было кому готовить. Я наблюдаю, как он переворачивает сосиски, чтобы они равномерно подрумянились со всех сторон.

— Я тоже буду сосиски.

— Ты же вегетарианка.

— Уже нет.

— Ну, если так, пожалуйста. Ты отказалась от мяса с тех пор, как в пятнадцать лет увидела ту передачу про тюленей. Чего доброго, завтра проснешься и заявишь, что теперь ты мужчина. Видал я такое по телевизору. Там женщина решила, что хочет...

Внезапно рассердившись на него, я выпаливаю:

— В прихожей опять нет маминой фотографии.

Папа виновато замирает.

— Ох-хо-хо, — кричит он, глядя в потолок. — Будь умницей, накрой на стол.

Я накрываю на стол, папа наполняет тарелки, и мы оба старательно делаем вид, что все у нас по-старому и так будет всегда.

— Так какие у тебя на сегодня планы, папа? Ты занят?

Вилка с куском сосиски и яичницы замирает на полпути, папа смотрит на меня удивленно.

— Да знаешь, Грейси, вот сейчас доем, а через четверть часа заварю чаю. Потом просмотрю вчерашний кроссворд, проверю, не ошиблись ли мы где-нибудь. Порешаю sudoku, поиграю в слова — сегодня попробуем составлять только морские. После, наверное, снова попью чайку, а там и мои передачи начнутся.

— Значит, будешь делать все то же самое, что и вчера.

— Все, да не все. — Папа листает журнал с телепрограммой. — Сегодня вместо «Антикварного путешествия» будут «Мои любимцы. Больница для животных». Значит, посмотрим песиков и кроликов, а не Бетти с ее поддельными чайниками. — Он берет маркер и обводит передачу в программе так серьезно, словно иллюстрирует древний манускрипт.

— Келлскую книгу, — неожиданно вырывается у меня. Похоже, такие бессвязные реплики становятся для меня нормой. — Давай съездим в город, в Тринити-колледж, посмотрим Келлскую книгу.

Уставившись на меня, папа продолжает машинально жевать.

— Не хочешь смотреть «Больницу для животных», так и скажи.

— Мне хочется чего-нибудь нового, — объясняю я. — Раз я теперь сама себе хозяйка. До города доберемся на такси, а там пересядем на экскурсионный автобус. Ну, что скажешь? Сейчас только приму душ, и через час выйдем.

— Грейси, мне за тобой не угнаться, — говорит папа, стараясь не отставать от меня.

Мы вдвоем лавируем в толпе пешеходов на Графтон-стрит.

— Прости. — Я притормаживаю и беру его под руку. Даже в ортопедической обуви он заметно прихрамывает. — Когда же ты наконец будешь звать меня Джойс?

— Милая, я ведь даже не замечал. Но теперь постараюсь не ошибаться. Знаешь, ты вылитая мама.

— Правда? — Я растрогана, к глазам подступают слезы.

— У вас обеих носы пятачками.

Я в изнеможении закатываю глаза.

— Не понимаю только, почему мы идем не к Тринити-колледжу, а от него. Разве ты не туда собиралась?

— Туда, но экскурсионные автобусы отправляются от парка Стивенс-Грин. А колледж мы увидим, когда будем проезжать ми-

мо. Все равно нам туда пока еще рано. — Я говорю это, сама не зная почему. Просто мне кажется, что так будет правильно.

Внутренний компас указывает мне путь.

Джастин вылетает из-под арки Тринити-колледжа и вклинивается в толпу на Графтон-стрит. Обед с Сарой! Он старается не слушать внутренний голос, который настойчиво советует ему отменить свидание. Но ведь далеко не каждое свидание похоже на его первую встречу с Дженнифер. На радостное волнение, от которого трепетало все тело. Если уж на то пошло, незнакомка, встреченная в парикмахерской несколько недель назад, вызвала у него более бурную реакцию.

Понимая, что уже опаздывает к Саре, он пытается припустить рысцей, но недавняя тренировка напоминает о себе: от боли в мышцах его едва не скрутила судорога. Остается лишь перейти на шаг и тащиться за двумя самыми медлительными пешеходами, один из которых вдобавок что-то жизнерадостно напевает себе под нос и пошатывается. Надо же, в такую рань нагрузился.

Папа никуда не торопится, бредет по Графтон-стрит зигзагами, словно в запасе у него целая вечность. Он поминутно останавливается и на что-нибудь показывает пальцем, застревает вместе с горсткой зрителей перед уличными артистами, и людской поток обтекает его, словно камень посреди ручья. Он движется дальше ныряющей походкой и напевает: «Графтон-стрит — страна чудес. Пахнет воздух волшебством...»

Папа вдруг замирает, очарованный пантомимой уличного артиста. Поскольку я держу его под руку, то и мне приходится застыть на месте, и человек, идущий следом, врывается в меня.

— Эй, поосторожнее!.. — возмущаюсь я, обернувшись.

— Сами вы «эй», — отзывается знакомый голос с американским акцентом.

Продолжить гневную реплику я не успеваю: этот голос заставляет меня умолкнуть.

— Ты только посмотри! — восторгается папа, не сводя глаз с мима, ощупывающего невидимый ящик. И смеется. — А теперь куда? — Он осматривается и направляется напрямик к стайке кришнаитов.

Американец в желто-коричневой шерстяной куртке окидывает меня пренебрежительным взглядом, хмыкает и спешит прочь.

— Грейси, билеты здесь продают? — кричит мне папа.

— Да, папа, — откликаюсь я, не сводя глаз с незнакомца.

Я мысленно набрасываю на уходящего ковбойское лассо и тащу его к себе. Внезапно он застывает как вкопанный. Потом оборачивается и кого-то высматривает в толпе. Меня? И вдруг я узнаю его. Это же тот человек из парикмахерской!

Он поднимает руку. Машет. Графтон-стрит вдруг становится тихой. Никого нет, только я и он. Я машу в ответ. Одними губами он что-то говорит мне.

«Извините». Он извиняется. Я соображаю, что сказать в ответ, но невольно начинаю улыбаться.

— Я билеты купил! — кричит папа.

Вдруг я снова слышу шум транспорта, неистовый стук собственного сердца, шум крови, разгоряченной радостным возбуждением. Чувствую, как папа тянет меня за руку.

— Пойдем же, Грейси, автобус уходит.

Поток пешеходов заслоняет от меня незнакомца. Папа настойчиво тянет меня за собой, но я все оглядываюсь.

— Не видно.

— Кого, милая?

— Да одного человека — кажется, мы с ним знакомы.

Я вхожу в автобус, сажусь и жадно прикипаю к окну. Наконец на том месте, где еще недавно стоял незнакомец, рассасывается толпа.

— Ушел... — Я поворачиваюсь к папе. — Знаешь, папа, это прямо мистика какая-то.

— Это еще что! Ты посмотри, что вокруг творится, — ошеломленно озирается папа.

Только теперь я замечаю, что у остальных пассажиров на головах шлемы, как у викингов, а на коленях — спасательные жилеты.

— Итак, внимание, — говорит в микрофон экскурсовод, — наконец все мы в сборе. По моему знаку все дружно издаем боевой клич викингов! А ну-ка, попробуем!

Автобус оглашает громовый рев, мы с папой вздрагиваем.

— Я — Олаф Белый! Добро пожаловать на борт автобуса «Посудина викингов»! Это амфибия производства «Дженерал моторс» выпущена во время Второй мировой войны. Предназначена для доставки грузов и войск с корабля на берег.

— Может, выйдем? — шепчу я на ухо отцу.

Но ему интересно, он только отмахивается.

— Наше транспортное средство весит семь тонн, у него шесть колес, — продолжает Олаф. — Наклонные стенки защищают пассажиров от стихий, что очень кстати, потому что после осмотра города мы совершим погружение у доков Гранд-канала!

Все разражаются радостными воплями, а папа смотрит на меня глазами счастливого ребенка.

— Неудивительно, что за билеты взяли двадцать евро. Подводный автобус! Будет что рассказать в «Понедельничном клубе»!

Папа берет два рогатых шлема, точно таких же, как у всех вокруг, один нахлобучивает на голову, второй вручает мне.

— Приятно познакомиться, Олаф, я Хейди. — Я надеваю шлем.

— Во время этой экскурсии мы увидим знаменитые городские церкви — соборы Святого Патрика и Христа, Тринити-колледж, правительственные здания, георгианский Дублин... И конечно, Дублин викингов!

Все радостно кричат, и папа тоже. Не удержавшись, я смеюсь.

Джастин лихорадочно вертит головой, высматривая поверх бритых голов кришнаитов женщину в красном пальто. Перед ним вдруг вырастает уличный мим в черном трико, с выбеленным лицом и кроваво-красными губами. Джастин молится, чтобы мим поскорее отошел, но напрасно. Мим только расправляет плечи, строит зловещую гримасу, расставляет ноги и поигрывает пальцами на бедре, где висит воображаемая кобура.

Понизив голос, Джастин вежливо объясняет:

— Послушайте, у меня сейчас не то настроение. Может быть, вам подыграет кто-нибудь другой?

Лицо мима становится тоскливым, он водит по струнам невидимой скрипки.

Джастин слышит смех и понимает, что вокруг собираются зрители. Этого еще не хватало! Он привстает на цыпочки, пытаясь разглядеть красное пальто.

Толпа расступается, к нему приближается Сара.

Мим, передразнивая Джастина, сначала оживляется, потом изображает отчаяние и горбит спину.

Джастин торопливо берет Сару под руку и спешит увести ее, а зрители хлопают в ладоши и бросают артисту монетки.

Всю дорогу до ресторана Джастин продолжает искать взглядом красное пальто. Новая встреча с незнакомкой из парикмахерской — чистейшее совпадение. Впрочем, Дублин невелик, кажет-

ся, все вокруг знакомы друг с другом. Но эта женщина... *Надо дать ей имя. Назову ее Анжелина.*

— О чем ты думаешь? — наклоняется над столиком Сара.

Или Люсиль.

— О кофе. Мне черный, пожалуйста, — говорит он официантке.

— Не будешь есть? — разочарованно спрашивает Сара.

— Не буду. Времени у меня не так много, как я рассчитывал. Надо пораньше вернуться в колледж.

— Ну хорошо. — Сара изучает меню. — Мне мясной салат и бокал вина, пожалуйста, — говорит она официантке.

Он улыбается: она заказала самую большую порцию салата в меню. *Как насчет имени? Может, Сьюзен? А моя женщина похожа на Сьюзен? Да что со мной, черт возьми?*

— А теперь мы сворачиваем на Доусон-стрит, названную в честь Джошуа Доусона, который также был архитектором Графтон-стрит, Энн-стрит и Генри-стрит. Справа вы видите Мэншен-Хаус, резиденцию лорда-мэра Дублина.

Все рогатые викинги поворачивают головы направо.

— Справа также находится церковь Святой Анны, построенная Айзеком Уэллсом в 1707 году.

— Вообще-то романский фасад у нее появился только в 1868 году, его создатель — Томас Ньюэнем Дин, — шепчу я папе.

— Да-а? — произносит он. — А я и не знал.

Меня тоже изумила собственная осведомленность.

— Сейчас слева мы увидим Графтон-стрит, — продолжает гид.

Папа снова поет: «Графтон-стрит — страна чудес...» Во весь голос.

Американка, сидящая перед нами, оборачивается, ее лицо сияет.

— О, мой отец тоже часто пел эту песню! Он родом из Ирландии. Вы не могли бы спеть ее нам?

И другие тоже просят: «Да, да, пожалуйста!»

Папа запекает, пассажиры автобуса подхватывают песню, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Может быть, все-таки поешь, Джастин? — Сара улыбается, взмахивает вилкой и роняет в тарелку кусочки лука и чеддера.

— Да, пожалуй, не откажусь.

Чем больше еды он сумеет в себя впахнуть, тем быстрее забудет досадное сегодняшнее происшествие. Он знает, что этой жен-

щины, *Вероники*, наверняка уже нет поблизости, но как в этом убедиться, если торчишь на одном месте?

Джастин забирает у Сары вилку и принимается тыкать во все подряд: в курятину, кукурузу, латук, свеклу, помидор, сыр. Опуштив тарелку, Джастин смотрит на часы.

— Можно убирать посуду? — спрашивает официантка.

— Да, спасибо.

— Благодарю, но вообще-то я еще не закончила, — сухо сообщает Сара.

Нога Джастина дергается под столом, нетерпение нарастает. *Сальма. Соблазнительная Сальма.* Неловкая пауза затягивается.

— Прости, Сальма, я не хотел тебя обидеть...

— Меня зовут Сара. А ты назвал меня Сальмой.

— Господи. Извини, Сара, у меня нет даже ни одной знакомой Сальмы. — И добавляет чуть мягче: — Просто мне уже пора обратно в колледж...

— Да, раньше, чем планировалось. Ты уже говорил.

Внутренне Джастин съеживается, понимая, что нахамил, а это ему несвойственно. Он смотрит на Сару в упор: красивое лицо, великолепное тело, интеллект. У этой женщины нет недостатков. Все дело в том, что Джастин никак не может сосредоточиться на ней, его не покидает ощущение, будто отчасти он сейчас совсем в другом месте.

— Сара... — Он вздыхает и на этот раз произносит совершенно искренне: — Пожалуйста, прости меня.

— Ну хорошо, — подбирая со своей тарелки последние крошки, она пожимает плечами. — Джастин, в жены я не напрашиваюсь. Мне вполне достаточно обеда.

— Извини. Давай все-таки перед уходом выпьем кофе. Я все хотел тебя спросить: давно ты решила стать врачом?

Она с улыбкой качает головой:

— С тех пор как Джеймс Голдин сделал мне операцию. Он спас мне жизнь. Мне было пять лет.

— Серьезная была операция?

— Я играла в классики, упала и разбила коленку. Пока мои подружки решали, ампутировать мне ногу или нет, Джеймс Голдин подбежал, сделал мне искусственное дыхание рот в рот, и боль прошла. В тот момент я все и поняла.

— Что хочешь быть врачом?

— Что хочу замуж за Джеймса Голдина.

Джастин улыбается:

— И вышла?

— Не-а. Зато стала врачом.

— И не абы каким, а хорошим.

— Да, это видно по тому, как кто берет кровь из вены, — улыбается она. — Кстати, после сдачи крови тебя ничто не беспокоит?

— Только рука чешется, а так все в порядке.

— Чешется? Зуда быть не должно, дай-ка взглянуть...

Джастин принимается закатывать рукав, но замирает.

— А можно узнать, кому перелили мою кровь?

Она качает головой:

— В таких вопросах соблюдается полная анонимность.

— Но кто-то же должен знать, куда она девалась, верно?

— Конечно. Путь каждой порции, попадающей в банк крови, всегда можно отследить. Но знать, кому перелили твою кровь, не положено. А зачем тебе это?

Некоторое время Джастин обдумывает ответ:

— По-моему... нет, глупости. Не будем об этом.

— Расскажи, — настаивает она, устремив на него пронизательный взгляд голубых глаз.

— Мне вдруг захотелось узнать, чью жизнь я спас. Последние несколько дней я думаю об этом не переставая. Мне словно чего-то не хватает...

— Организм восполняет потерю за двадцать четыре часа.

— Нет, я о том, что моя частица дополнила кого-то другого, и... бред какой-то. Просто мне хочется узнать, что это за человек. Мне все время кажется, будто я что-то потерял и теперь должен найти частицу себя и вернуть ее.

— Ну ты же понимаешь: вернуть тебе кровь мы не можем, — неловко шутит Сара.

Напрасно я затеял этот разговор с врачом.

— Знаешь, — говорит Сара и берет со спинки стула свое пальто, — если ты спешишь, нам уже пора.

По Графтон-стрит они бредут в дружеском молчании, время от времени перебрасываясь парой слов. Эта прогулка заканчивается у памятника Молли Малоун напротив Тринити-колледжа.

— Ты опоздаешь на занятия.

— Нет, у меня еще есть немного времени до начала...

— Может, договоримся о...

«Р-р-а-а-а!»

От неожиданности Джастин чуть не подскакивает: неистовый рев доносится из автобуса, стоящего у светофора неподалеку. Больше десятка мужчин, женщин и детей в рогатых шлемах выбрасывают вверх кулаки и ревут, глядя на прохожих. Прохожие на тротуаре смеются.

Но Джастин, у которого перехватило дыхание, молчит и не сводит глаз с залиvisto хохочущей женщины, которая сидит рядом с каким-то стариком.

Посмотри на меня, — просит ее Джастин. Но она смотрит только на старика. Свет меняется на зеленый, автобус медленно направляется по Нассау-стрит. Джастин следует за ним по тротуару, постепенно ускоряя шаг, чуть не бежит. Сара окликает его, но он не останавливается.

— Эй! — кричит он.

Автобус набирает скорость, Джастин бежит изо всех сил.

— Джойс! — вдруг выпаливает он. И от удивления застывает на месте. Что творится, черт побери?

В окне автобуса возникает рогатый шлем. Лицо под ним Джастину не удастся разглядеть, но он точно знает: это она.

Джастин приветственно вскидывает руку. В окне появляется рука, автобус сворачивает на Килдэр-стрит и скрывается из виду. Джастин смотрит на опустевшую улицу.

Кто ты, Джойс?

— Ты чего это вздумала в окна кидаться? — встревоженный папа усаживает меня на место.

— Меня кто-то позвал, — шепотом говорю я ему.

— Ну вот, теперь ей уже голоса мерещатся, — ворчит он, но отвлекается на голос Олафа:

— Слева от вас — Ленстер-Хаус, в котором сейчас размещается парламент Ирландии. Часть здания, где раньше находился Королевский медицинский колледж...

— Научный, — совсем забывшись, громко поправляю я.

Олаф умолкает, все головы поворачиваются разом — я густо краснею.

— Это был Королевский естественно-научный колледж.

— А-а-а. — Он явно раздражен. — Простите, ошибся. Часть здания, где раньше находился Королевский... — он многозначительно смотрит на меня, — естественно-научный колледж, с 1922 года занимало правительство Ирландии...

Я перестаю слушать его.

— Помнишь, я рассказывала тебе про человека, который спроектировал больницу Ротонда? — шепчу я отцу. — Про Ричарда Кассельса? Это здание — тоже его работа. Говорят, по тому же образцу построен Белый дом...

— Правда? — Американка, сидящая впереди, оборачивается к нам и громко спрашивает: — Ты слышал, дорогой?

К нам обращены все лица под рогатыми шлемами. Я негромко объясняю:

— Дело в том, что Джеймс Хобан, в 1792 году выигравший конкурс на лучший проект Белого дома, был ирландец. Он изучал архитектуру в Дублине и, скорее всего, досконально знал проект Ленстер-Хауса, — сбивчиво заканчиваю я.

— Нам не слышно! — кричит кто-то с другого конца автобуса. — Олаф, отдайте ей микрофон!

Тот нехотя подчиняется и складывает руки на груди.

— Э-э-э... всем привет! — Я повторяю свой рассказ про Ленстер-Хаус, слушатели заинтересованно кивают. Я продолжаю: — Здание слева — Национальная библиотека, справа — Национальный музей. Оба были построены по проекту Томаса Ньюэна-ма Дина и его сына Томаса Мэнли Дина после конкурса, проведенного в 1885 году. Строительством руководили подрядчики Дж. Беккет и У. Беккет. Музей — один из хорошо сохранившихся образцов характерной для ирландской архитектуры каменной кладки и резьбы по дереву и отделки керамической плиткой...

Громкие аплодисменты исходят лишь от одного слушателя — от папы. Остальные молчат. Олаф забирает у меня микрофон.

— А теперь — боевой клич викингов!

Тишины как не бывало, все кругом словно опомнились.

Папа наклоняется ко мне и шепчет:

— Милая, откуда ты все это знаешь?

И вправду, откуда?

В тот же вечер я вхожу в школьный спортзал, где меня поджидают подружки. Кейт вещает, а Фрэнки слушает с таким унылым видом, как будто ее собаку опять сбила машина. Случайно бросив взгляд в мою сторону, Кейт виновато отводит глаза, лишь бы убедить меня, что они просто обсуждали погоду.

При виде сочувствия на их лицах ко мне возвращается осознание утраты, и я вдруг понимаю: пока я прячусь в папиной норке, не стоит рассчитывать, что раны затянутся сами собой, ведь каждый раз, стоит мне выйти из дома, я обречена вновь и вновь переживать случившееся.

Мы рассаживаемся на скамьях. Я замечаю в зале детей Кейт — шестилетнего Эрика и мою пятилетнюю крестницу Джейду, фанатку «Рождественского гимна Маппет-шоу», на которую я поклялась не таить зла. Оба скачут и щебечут, как птички. Одиннадцатимесячный Сэм спит рядом с нами в прогулочной коляске. Я с нежностью смотрю на него, но под грузом нахлынувших воспоминаний поспешно отворачиваюсь.

— Как работа, Фрэнки? — спрашиваю я.

— Как всегда, полно дел, — отзывается она, и я различаю в ее голосе смущение. Тому, кто пережил трагедию, приходится заботиться о том, чтобы рядом с ним никто не испытывал дискомфорта.

— Как Оболтус? — заполняю я неловкую паузу вопросом о собаке Фрэнки, которая недавно угодила под машину.

— Лапы заживают отлично, вот только до сих пор воет, когда видит твою фотографию. Извини, пришлось пока убрать ее с каминной полки.

— Ничего. Кстати, Кейт, можешь избавиться и от моего свадебного снимка.

Вот и о разводе зашла речь. Наконец-то.

— Но это же единственная фотография, на которой я себе нравлюсь. А нельзя просто отрезать Конора?

— Или подрисовать ему усы, — добавляет Фрэнки.

Я прикусываю губу, чтобы скрыть улыбку. К подобным разговорам о моем бывшем я еще не привыкла.

Голос Фрэнки смягчается:

— Ну как ты, Джойс?

Я так и не решила, открыться им или нет. Понятия не имею, какую реакцию может вызвать рассказ о том, что со мной приключилось, — разве что желание упрятать меня в психушку.

— Это может прозвучать странно, но вы все-таки постарайтесь меня понять. Я все время сталкиваюсь с одним человеком. Мне кажется, я с ним знакома, но этого не может быть. Мы виделись трижды, в последний раз — сегодня, когда он гнался за моим викингским автобусом. И похоже, звал меня по имени. Но откуда он его узнал?

— Стоп! — вскидывается Фрэнки. — У тебя есть викингский автобус?

— Нет, конечно, я просто сидела в нем. Вместе с папой.

Фрэнки откашливается:

— Джойс, а этот человек... он молодой?

— Лет под сорок или чуть за сорок. Американец. Мы вместе стриглись в парикмахерской. Вот там я и увидела его в первый раз.

— Может, он тебя тогда запомнил, — предполагает Фрэнки.

— Даже в первый раз я все равно чувствовала себя странно. Как будто... узнала его.

— Добро пожаловать в мир одиночек! — улыбается Фрэнки.

— Да, я понимаю, звучит бредово, я устала и мало ли что мне мерещится. Сейчас мне полагалось бы думать только о Коноре, а я о нем даже не вспоминаю. И не испытываю ничего, кроме облегчения, — добавляю я. — Ужасно, правда?

— А можно я тоже вздохну с облегчением? — спрашивает Кейт.

— Ты его недолюбливала?

— Нет, ничего такого в нем не было — симпатичный, славный. Просто я ненавидела его за то, что с ним ты несчастна.

— И я его терпеть не могла! — объявляет Фрэнки.

— Кстати, вчера у нас состоялся разговор. Довольно странный. Он спрашивал, можно ли забрать кофемашину.

— Гад! — яростно выпаливает Фрэнки. — Сначала — кофемашину, потом дом, а там, глядишь, и душу твою потребует.

— Вчера Кристиан с Конором пиво пили, — сообщает Кейт. — Вроде бы Конор в порядке. Только расстроился из-за...

— Из-за ребенка. Можешь произносить это слово при мне сколько захочешь. Не развалюсь.

— Он переживает не только из-за ребенка, но и потому, что с тобой расстался. Он возвращается в Японию. Говорит, ты выставишь дом на продажу.

— А что мне остается? Он мне разонравился.

— Где же ты будешь жить? Отец еще не довел тебя до белого каления?

— Как ни странно, нет, — улыбаюсь я, вспомнив папу. — Со всем напротив. Пока дом не купят, я побуду у папы, а потом пойдISHу другое жилье.

— А в остальном-то как себя чувствуешь? Мы не виделись с тех пор, как тебя выписали из больницы, и так волновались!

— Извините. — Подруги пытались навещать меня, но я никого не желала видеть. — Я очень признательна вам за заботу.

— Неправда.

— Ну хорошо, в то время мне было все равно, а сейчас я вам благодарна. — Я задумываюсь: и вправду, каково мне сейчас? — Теперь я снова ем мясо. И пью красное вино. Терпеть не могу анчоусы и слушаю классическую музыку. Вчера вечером слушала «*Mi restano le lagrime*» из оперы Генделя «Альцина» по радио и обнаружила, что понимаю слова. Об ирландской архитектуре я знаю очень много, но о французской или итальянской еще больше. Спрашивайте что угодно, я наверняка отвечу.

Кейт и Фрэнки ошеломленно переглядываются.

— Почти каждую ночь мне снится девочка со светлыми волосами, с каждым новым сном она растет. Сны о незнакомой девочке сменяются другими, яркими и живописными, — о местах, где я никогда не бывала, о блюдах, которых ни разу не пробовала, о незнакомых людях, которые кажутся мне близкими, почти родными. Пикник в парке с рыжеволосой женщиной. Мужчина с зелеными ступнями. И разбрызгиватели на газоне. Когда я просыпаюсь, мне приходится напоминать себе, что это были всего лишь сны, что моя реальность — не сон. И я понимаю, что не верю себе — точнее, не верила бы, если бы не папа с его улыбками и сосисками на сковороде, почему-то прячущий мамину фотографию в ящик стола...

Лица подруг выражают сочувствие, смешанное с тревогой и растерянностью.

Я и не жду от них ничего, поэтому перевожу взгляд на детей и наблюдаю, как Эрик забирается на гимнастическое бревно. Он оглядывается, проверяя, смотрит ли на него мать, теряет равновесие и падает с бревна.

Фрэнки фыркает. Эрик ревет во весь голос, Кейт бежит к своему чаду.

Я ухожу.

Проезжая мимо своего бывшего дома на пути к папиному, я стараюсь не смотреть по сторонам. Но зрение проигрывает битву с разумом: я замечаю припаркованную машину Конора.

Я останавливаю машину и пристально смотрю на дом, где мы прожили вместе почти десять лет. Иду к двери, звоню — никто не открывает. В окно видно, что внутри стоят коробки с вещами, стены голы. Повернув ключ в замке, я открываю дверь и слышу негромкий перезвон откуда-то сверху. Я поднимаюсь в детскую и застаю Конора сидящим на ковре. Обливаясь слезами, он смотрит, как игрушечный мышонок бежит за сыром. Я подхожу к нему, крепко обнимаю. А потом закрываю глаза и словно куда-то уплываю.

Конор вдруг перестает рыдать и удивленно смотрит на меня.

— Что? — Я словно выхожу из забвения.

— Ты что-то сказала. По-латыни. Правда сказала.

— Я не помню, чтобы я что-нибудь говорила.

Он устремляет на меня взгляд, полный такой неприязни, что я судорожно сглатываю.

— Ладно. — Он встает и направляется к двери. Никаких вопросов, ни малейших попыток понять меня. Ему уже все равно. — Моими делами будет заниматься Патрик.

Его сволочной братец? Замечательно.

— Хорошо... — шепчу я.

У дверей Конор останавливается, оглядывается по сторонам, скрипит зубами. Еще один взгляд — и он уходит.

У меня выдалась беспокойная ночь: перед мысленным взором с быстротой молнии вспыхивали все новые и новые картины. Церковь. Звон колоколов. Разбрызгиватели. Старинные здания, витрины. Витражи. Человек с зелеными ступнями, видный в просвет между балясинами перил, — он закрывает за собой дверь. Младенец у меня на руках. Девочка с белыми волосами.

Гроб. Слезы. Семья, одетая в траур.

Качели в парке. Я качаюсь и чувствую себя ребенком, рядом щекастый мальчишка. Смех. Женщина в белом платье. Булыжная мостовая. Соборы. Конфетти. Руки, пальцы, кольца.

Бокал в моей руке. Лекционные залы и аудитории. Музыка.

Человек с зелеными ступнями, видный в просвет между балясинами, закрывает дверь. У него в руке бутылка. И упаковка таблеток. Моя рука на дверной ручке. Дверь открывается. Пустая бутылка на полу. Босые ступни, зеленые подошвы. Гроб.

Разом открываю глаза, с колотящимся сердцем нащупываю в темноте выключатель лампы на тумбочке, хватаю мобильный и дрожащими пальцами набираю номер.

— Конор? — У меня срывается голос.

— Джойс, сейчас три часа ночи. Что стряслось?

— Все хорошо, просто... понимаешь, мне... приснилось...
Perfer et obdura: dolor hic tibi proderit olim?

— Что? — сонно переспрашивает он.

— Я ведь это сказала тогда по-латыни?

— Да, похоже. Господи, Джойс...

— «Будь стойким и терпеливым; когда-нибудь эта боль принесет тебе пользу», — выпаливаю я. — Вот что это значит.

Помолчав, он вздыхает:

— Ладно, спасибо.

— Кто-то сказал эти слова мне сегодня ночью. Мне их сказали...

— Можешь не объяснять.

Пауза.

— Я все-таки еще посплю. У тебя правда все хорошо, Джойс?

— Правда. — У меня перехватывает горло. — Спокойной ночи.

Он отключается. Единственная слеза скатывается по щеке, я смахиваю ее.

На следующее утро, спускаясь по лестнице, я застаю папу у стола в коридоре: он украдкой ставит на место мамину фотографию. Услышав мои шаги, он делает вид, будто вытирает пыль носовым платком.

— Кого я вижу! Дитятко наконец-то выспалось.

— А что делать, если всю ночь меня каждые пятнадцать минут будит шум воды в туалете?

Я целую его почти лысую макушку и иду в кухню, откуда опять пахнет чем-то горелым. Папа усаживается у окна, водружает на нос очки и продолжает отгадывать sudoku. Я осматриваю тостер:

— Странно, настроен правильно, а хлеб почему-то подгорает.

Я заглядываю внутрь. Крошек нет. Горелых тостов в ведре тоже не нахожу. Папа ерзает. Ага, нервничает! Я быстро прохожу по кухне, открываю все шкафы подряд и заглядываю в них.

У папы озабоченный вид.

— Что это ты делаешь?

— А таблетки ты принимал? — спрашиваю я.

— Какие?

— От сердца, для памяти, витамины.

— Нет, нет и... — подумав, он заключает: — Нет.

Я приношу папе пузырьки с таблетками и выстраиваю их на столе. Он немного успокаивается. А я продолжаю обыск.

— Вода! — кричит папа так, что я вздрагиваю и хлопаю дверцей шкафа. — Мне бы воды, запить таблетки, — поясняет он.

Я наполняю стакан водой и ставлю перед ним. Затем возвращаюсь к шкафчику, где мы храним сухие завтраки.

— Чай! — снова кричит папа. — Нам пора пить чай. Присядь, я приготовлю.

— Папа... — предостерегающе говорю я.

Он замирает и вздыхает.

Я распахиваю дверцы шкафчика и смотрю на его содержимое. Все как обычно: овсянка, которую я ем каждое утро, коробка кукурузных колечек, к которым я не притрагиваюсь. Беру ее и сразу понимаю, что колечек там нет. Я заглядываю внутрь.

— Папа, ты же обещал! — Я возмущенно потрясаю перед его глазами обнаруженной пачкой сигарет.

— Да я только одну.

— Тебе ни одной нельзя. Так, значит, каждое утро здесь пахнет табачным дымом, а не горелыми тостами. Ты меня обманывал!

— Одна сигарета в день не повредит.

— Уже вредит, да еще как. Ты же перенес шунтирование, тебе вообще категорически запрещено курить! — втолковываю я. — Вот позвоню твоему врачу!

— Нет, милая, лучше не надо... — вскакивает папа.

Широкими шагами я выхожу в коридор, беру телефон, рядом с которым стоит мамина фотография, и набираю номер для экстренной связи. Я помню его наизусть.

— Если бы мама знала, она бы тебя убила!.. — Внезапно меня осеняет: — Так вот почему ты прячешь ее фотографию!

Потупив глаза, папа печально кивает.

— Я пообещал ей, что брошу. Не хотелось, чтобы она видела...

— Алло! — слышится в трубке. — Алло! Папа, это ты?

Голос совсем девчоночий, с американским акцентом.

— Ой! Прошу прощения, — говорю я в телефон. — Алло!

— Извините, я увидела ирландский номер и подумала, что звонит папа, — объясняет незнакомка на другом конце провода.

— Ничего, — растерянно отзываюсь я. — Я звонила по поводу...

Папа неистово машет руками, я умолкаю.

— Билетов в театр? — подсказывает девушка.

— В какой театр?

— Королевский оперный.

— Простите, а кто это говорит? Что-то я совсем запуталась.

— Меня зовут Би.

— А меня — Джойс. Неужели я позвонила в Америку?

— Нет, что вы! Вы звоните в Лондон, — объясняет она. — Дело в том, что сегодня прилетает мой папа, чтобы успеть на мое завтрашнее выступление... простите, я совершенно не понимаю, зачем объясняю вам все это, но я так волнуюсь! — Она смеется. — Строго говоря, это номер для экстренной связи.

— Забавно, но я как раз набирала свой номер для экстренной связи. Мне кажется, я узнала ваш голос. Мы знакомы?

— Вряд ли. В Ирландии у меня нет знакомых, кроме папы, так что если вы не мой папа, который решил разыграть меня...

— Нет-нет, я даже не пыталась... — У меня слабеют колени. — Можно дурацкий вопрос? Вы блондинка?

— Да! А что, по голосу слышно? Но вы угадали, — с любопытством отзывается она. — Надеюсь, все в порядке? Вы же сказали, что звонили по номеру для экстренной связи.

— Да, спасибо, все хорошо. Удачного вам выступления в балете.

Мы прощаемся, я кладу трубку на место трясущейся рукой.

— Ну и зачем ты это сделала, скажи на милость? — спрашивает папа. — Хотела меня припугнуть? А если бы меня удар хватил?

— Прости, папа. — Ноги не держат меня, я медленно опускаюсь на нижнюю ступеньку лестницы.

— Ладно уж, поделом мне, — неискренне продолжает папа. — Больше ни разу в жизни не закурю. Отдай мне сигареты, я их выкину.

Я все еще растеряна, поэтому машинально протягиваю руку. Папа хватает пачку и прячет ее поглубже в карман брюк.

— Я еду в Лондон, — вдруг объявляю я. — Поедем со мной.

Папа пятится.

— Я не могу, — бормочет он.

— Почему? Если уж ты намерен и дальше курить, хотя бы раз съезди за границу, прежде чем сведешь себя в могилу. Поедем со мной в Лондон, папа. Ну, пожалуйста.

— Но... но... — Он продолжает пятиться, широко раскрыв глаза. — Я не могу пропустить «Понедельничный клуб»!

— Мы выедем завтра утром и к понедельнику вернемся, обещаю. Он пятится, натывается на кухонный стол. На его лице — неприкрытый ужас.

— Я же никогда в жизни не летал на самолете!

— Тебе наверняка понравится. И потом, я буду рядом.

Папа все еще колеблется.

— Обычно в поездки меня собирала твоя мама...

— А на этот раз вещи уложу я. Ты только представь, как весело будет — наша с тобой первая поездка за границу! Ты прекрасно отдохнешь. Подумай, сколько всяких разностей ты сможешь рассказать друзьям в «Понедельничном клубе»! Они ушам не поверят и будут ловить каждое твое слово.

Папины губы медленно растягиваются в улыбке.

— Фран ждет снаружи, папа. Нам пора!

— погоди, милая, только проверю, все ли в порядке. Знаешь, как бывает — то телевизор загорится, то взорвется тостер. Люди уезжают в отпуск, а возвращаются к тлеющим головешкам!

Папа в который раз проверяет выключатель. Потом еще раз осматривается и бредет к двери. Он при полном параде: в костюме-тройке, начищенных до зеркального блеска ботинках и, конечно, в неизменной твидовой кепке. Остановившись у столика в коридоре, он берет фотографию мамы.

— Твоя мама всегда мечтала съездить со мной в Лондон...

— Так возьми ее с собой, папа. Втроем нам будет еще веселее.

Его глаза увлажняются, он кивает, сует снимок в карман пальто и выходит из дома.

Я вставляю ключ в замок и вдруг слышу, что в коридоре звонит телефон. Смотрю на часы: семь утра. Кому это приспичило звонить в такую рань?

Фран сигналил.

Не слушая звонков телефона, я торопливо запираю дверь и несут багаж в машину.

— Никто не подходит. — Джастин в панике вышагивает по гостиной. — Би, почему же ты вчера мне сразу не сказала?

Би закатывает глаза.

— Откуда мне было знать, что это так важно? Подумаешь, ошиблись номером! Да такое случается сплошь и рядом!

Джастин слушает автоответчик. *Оставить сообщение?*

Он кладет трубку и принимается вновь набирать тот же номер. Дочь оглядывает комнату, завешанную чехлами от пыли.

— И когда Дорис собирается закончить ремонт?

— Как только начнет его, — коротко отзывается Джастин, опять нажимая кнопки.

— «Мои уши горят...» — напевает Дорис, появляясь в дверях. — Би, дорогуша, как я рада тебя видеть! — Она бросается к племяннице, они обнимаются. — Мы ждем не дождемся твоего сегодняшнего выступления! И так гордимся тобой — правда, Эл?

Эл входит в комнату, обгладывая куриную ножку.

— Угу.

Дорис, смерив мужа недовольным взглядом, вновь поворачивается к племяннице:

— А я как раз принесла образцы краски и тканей, так что можем заняться отделкой твоей комнаты. Но предупреждаю: в дизайне интерьеров я строго следую правилам фэн-шуй.

— Да?.. Замечательно, — произносит Би без энтузиазма.

Джастин отрывается от телефона и возмущенно смотрит на дочь:

— Видишь, что получается, когда утаиваешь информацию?

— Какую информацию? Что тут происходит?

— Помните, я рассказывал вам о женщине?

— Дежавю? — уточняет Дорис.

— Да. Так вот, ее зовут Джойс, и вчера она звонила Би!

Дорис ахает:

— Не может быть! Откуда ты знаешь, как ее зовут?

— Услышал, как кто-то окликнул ее по имени в викингском автобусе. А вчера Би позвонили по номеру для экстренной связи, который есть только у меня, и больше ни у кого. Оказалось, это некая женщина из Ирландии... — для пущего эффекта Джастин выдерживает паузу, — ...и зовут ее Джойс!

Дорис смотрит на Би, округлив глаза:

— Тебе уже восемнадцать, а ты дала отцу номер для экстренной связи?

Би краснеет:

— Из-за разницы во времени мама не разрешала ему звонить, когда у нас ночь. И я обзавелась еще одним номером. Каждый раз, когда он звонит, выясняется, что у него опять что-то стряслось.

— Неправда, — возражает Джастин.

— Чистая правда! И этот человек запрещает мне переселяться к Питеру!

— Никаких Питеров! Он же клубнику собирает, чтобы заработать на хлеб.

— Питер — консультант по информационным технологиям, — растерявшись, разводит руками Би.

Решив вмешаться, Дорис поворачивается к Джастину:

— Дорогуша, ты же знаешь, я не имею ничего против дежавю и той женщины, но это всего лишь совпадение.

— Зато теперь у меня есть имя и телефон. А это уже немало.

В суете и толчее аэропорта папа цепко держится за мою руку. Мы идем к автомату регистрации.

— Давай-ка поспешим, — говорит он, прислушиваясь к объявлениям о посадке.

— До нашего рейса еще два часа.

Я вынимаю из автомата наши посадочные талоны.

— Куда теперь? — спрашивает он.

— На досмотр багажа.

Женщина за стойкой улыбается нам.

— Привет! — жизнерадостно здоровается с ней папа.

— Вы сами укладывали свои вещи?

— Да, — отвечаю я.

— Нет, — толкает меня в бок и хмурится папа. — Грейси, ты же укладывала их вместо меня!

— Но ты при этом был рядом, папа, — вздыхаю я. — Значит, мы собирали багаж вместе.

— Вас кто-нибудь просил пронести в самолет какие-либо предметы? — продолжает сотрудница аэропорта.

— Да, Грейси положила ко мне свои туфли — в ее чемодан они не влезли.

— В ручной клади у вас есть какие-нибудь острые или опасные предметы?

— Нет, — говорю я.

Папа мнетя и не отвечает.

— Папа, скажи «нет», — прошу я.

— Нет, — наконец выговаривает он.

— Счастливого пути! — Нам возвращают билеты и талоны.

— Спасибо. Отличная у вас помада, — добавляет папа.

Приближаясь к зоне досмотра пассажиров, я стараюсь дышать глубже и напоминаю себе, что папа впервые в аэропорту. Стоя в очереди, мы медленно проходим через лабиринт аэропорта.

— Чувствуешь себя подопытной мышью, — замечает папа. — А сыру потом дадут?

Мы приближаемся к металлодетектору.

— Делай что тебе скажут, — прошу я папу, снимая куртку и ремень.

— Грейси, ты чего это вздумала раздеваться?

— Сэр, будьте любезны разуться, снять ремень, пальто и кепку.

— Что-что? — смеется папа. — Ишь чего захотели! Чтобы я в одних носках разгуливал?

— Папа, просто сделай что тебе говорят, и все, — убеждаю я.

— Если я сниму ремень, с меня штаны свалятся, — недовольно возражает он.

— Так придержи их руками! — говорю я. — Давай же!

— Пожалуйста, выложите все содержимое из карманов. — К нам подходит еще один сотрудник аэропорта.

Папа медлит в нерешительности.

— Господи, папа, это не розыгрыш! Делай что говорят.

— А можно, чтобы она не видела, что у меня в карманах?

— Да не смотрю я! — Я озадаченно отворачиваюсь.

Папа опустошает карманы, что-то звенит.

— Сэр, проносить такие предметы в самолет запрещено.

Оборачиваюсь и вижу, что в руках у сотрудника службы безопасности кусачки для ногтей и зажигалка, а в лотке — пачка сигарет и мамина фотография. И банан.

— Папа! — укоризненно восклицаю я.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь.

— А вы будьте повежливее с моей дочерью.

— Хорошо, но эти вещи подлежат изъятию.

— Что же мне делать без кусачек?

— Мы купим новые, — обещаю я.

— Сэр, пожалуйста, снимите кепку, пальто, обувь и ремень.

— Он же старик, — негромко говорю я офицеру. — Чтобы разуться, ему надо сесть. И потом, такую обувь вообще незачем осматривать — она ортопедическая. Может быть, пропустите его?

— Правый ботинок необходимо проверить... — начинает было офицер, но папа слышит его и взрывается:

— Вы что, думаете, у меня в ботинке БОМБА? А мой банан — на самом деле ПИСТОЛЕТ? — Папа срывает кепку. — Или, может, у меня под кепкой ГРАНАТА...

Договорить он не успевает: все вокруг словно срываются с цепи. Папу вмиг куда-то уводят, передо мной открывают дверь комнаты, похожей на ящик, и велят ждать.

После пятнадцати минут ожидания в пустой комнате я слышу, как дверь соседнего помещения открывается и снова закрывается. Звучит папин голос — как всегда, громче всех.

— С кем вы путешествуете?

— С Грейси.

— Вы в этом уверены, мистер Конуэй? Согласно паспорту, ее зовут Джойс.

— Ох, ну конечно, Джойс, я и хотел сказать «Джойс».

— Вы уже меняете показания?

— Какие показания? Просто имя перепутал, только и всего. Грейси — это моя жена.

— Где сейчас ваша жена?

— Ее больше нет с нами. Она у меня в кармане. То есть ее фотография у меня в кармане. Была, пока ее не заставили выложить в лоток те ребята.

— Мистер Конуэй, почему вы отказались снять обувь?

— У меня носки дырявые!

— Нам необходимо убедиться, что вы не представляете угрозы для безопасности наших пассажиров.

— Угрозы? Что это значит?

Офицер откашливается:

— Это значит, что мы должны выяснить, не принадлежите ли вы к какой-либо террористической организации.

— К террористической? Да, я тот еще террорист! А принадлежу я только к одной организации — к «Понедельничному клубу». Мы пропускаем по пинте-другой, поем. Но если говорить начистоту, семейка Донала когда-то была замечена в связях с ИРА¹.

— Донала?

— Донала Маккарти. Да не трогайте вы его, ему девяносто семь, если он на что и способен, так только стучать палкой по шахматной доске, и то потому, что часто проигрывает и злится.

— Мистер Конуэй, с какой целью вы направляетесь в Лондон?

— Дочка меня зачем-то потащила, собралась вдруг ни с того ни с сего. В Лондон еду, говорит, будто можно просто взять и ука-

¹ Ирландская республиканская армия.

тить за море. Ну, может, вам-то, молодежи, это проще простого, а вот за себя не скажу. Не привык я к такому, нет, не привык. На самолете вот ни разу не летал. Но с недавних пор у нас столько всего стряслось, что я побоялся отпускать дочку одну.

— Что именно у вас стряслось с недавних пор, мистер Конуэй?

— Да понимаете, несколько недель назад дочка ребенка потеряла. И если уж начистоту, сама умом вроде как тронулась. И вдобавок на прошлой неделе с мужем разошлась. Ну не везет ей, что ты будешь делать, но какой же отец отпустит ребенка неизвестно куда в таком состоянии? Вот, забирайте мою чертову кепку. Моя Джойс хочет в Лондон, так что уж будьте любезны пустить ее. И если мне придется отдать кепку, ботинки, ремень и пальто, — ладно, пусть пропадают, но без меня Джойс никуда не полетит.

— Мистер Конуэй, вам известно, что после прохождения металлодетектора вам вернут всю одежду?

— Что-о?! — кричит папа. — Так какого же черта она мне не сказала?

Навернувшиеся было слезы мгновенно высыхают.

Наконец дверь моей тюрьмы распахивается. Я вновь свободна.

— Дорис, переставлять плиту нельзя. Эл, ну объясни же ей.

— Почему это нельзя?

— Дорогая, во-первых, плита тяжелая, а во-вторых, газовая, — толкует Эл, примериваясь, чтобы откусить пончик.

Дорис выхватывает у него лакомство.

— Вы оба ничего не понимаете. Дверь за спиной порождает чувство тревоги, а это может привести к несчастным случаям, когда стоишь у плиты.

— Для папы безопаснее было бы вообще избавиться от плиты.

— Детка, давай продолжим потом, — просит Джастин, сидящий за новым кухонным столом. — Нам пора идти.

— Куда это вы собрались? А мне можно? — спрашивает Эл.

— Я — к зубному, а у Би сегодня репетиция.

— Удачи, Блонди, — ерошит племяннице волосы Эл.

— Спасибо. — Би поправляет прическу. — Кстати, вспомнила: насчет Джойс, той женщины, которая звонила. Ей откуда-то известно, что я блондинка. Она пожелала мне удачного выступления в балете. А про балет я даже не заикнулась!

Джастин переглядывается с Элом:

— Что скажешь?

— Будь осторожен, братец. Может, она чокнутая.
— По голосу похоже? — спрашивает Джастин у дочери.
— Не знаю, — пожимает плечами Би. — А как говорят чокнутые?

Джастин и Эл как по команде смотрят на Дорис.

— Что-о?! — возмущается та.

— Нет. — Би качает головой. — Совсем не похоже.

— А это что такое, Грейси?

— Гигиенический пакет.

— А здесь?

— Столик.

— Сэр, пожалуйста, не трогайте столик до взлета.

Пауза.

— А эта штуковина для чего?

— Экстренная катапульта. Для тех, кто задает слишком много вопросов.

— А если честно?

— Чтобы наклонять спинку кресла.

— Сэр, вы не могли бы до взлета привести спинку кресла в вертикальное положение?

Я вздыхаю и делаю вид, будто не знакома с папой.

— А где туалеты?

— Вперед и налево, но до взлета туда нельзя.

Папа таращит глаза:

— А когда взлет?

— Через несколько минут.

Я вздыхаю.

— Ты не могла бы не вздыхать до взлета? — спрашивает папа, и мой сосед с другой стороны, у которого вырвался смех, пытается изобразить кашель.

Папа выглядывает в иллюминатор:

— О, Грейси, мы уже едем!

Мы отрываемся от земли, папа затихает, ошеломленный синевой и спокойствием, царящими над облаками. Папа крестится.

Потом он опускает крышку столика и достает мамину фотографию. Он ставит ее на столик лицом к иллюминатору, и они вдвоем смотрят, как далеко под нами исчезает безбрежное море белых облаков. До самого конца полета папа не говорит ни слова.

— Это было просто замечательно, уж поверьте моему слову! — Папа с энтузиазмом жмет пилоту руку.

Мы стоим возле открытой двери салона, но нам в затылок уже дышат нетерпеливые пассажиры.

— Ладно, папа, нам пора. Мы всех задерживаем.

— Правда? Ну, ребята, спасибо вам еще раз! Может, на обратном пути увидимся, — кричит он через плечо, а я спешу увести его.

Разыскивая среди чужого багажа свою поклажу, я вдруг вспоминаю, что мы отправились в поездку без цели и планов.

Если тебе чуть ли не каждую ночь снится человек, которого ты никогда не видела, а потом выпадает шанс поговорить с ним по телефону, что бы это значило? Следует ли считать этот случай совпадением? Надеюсь, эта поездка хоть что-нибудь прояснит. Обернувшись, я вижу, что папа читает какой-то плакат. Внезапно он хватается меня за руку и тянет за собой.

— Что случилось? Куда мы идем?

— Мы едем в Вестминстер. Сегодня в «Антикварном путешествии» день оценки — с половины десятого до половины пятого, в каком-то Банкетном зале. Может, мы даже увидим своими глазами Майкла Аспела. самого Майкла Аспела, Грейси! Давай-ка выбираться отсюда. — Папа с уверенным видом входит в раздвижные двери и удаляется.

Я вздыхаю и жду. Папа появляется с той же стороны, куда ушел, волоча за собой чемодан.

— Могла бы и предупредить, что нам не в ту сторону, — ворчит он, проходя мимо и устремляясь в противоположном направлении.

Папа торопливо ковыляет по Трафальгарской площади. С тех пор как мы вышли из метро, мы уже успели несколько раз повернуть не туда, пока наконец впереди не показался Банкетный зал.

Мы ждем снаружи, когда нас впустят в открытую для посещения часть Банкетного зала. Рядом несколько фургонов телевидения, операторы снимают очередь.

— Папа, по-моему, нам следовало что-нибудь прихватить с собой. Смотри, все остальные принесли вещи для оценки.

Папа снова оглядывается и, кажется, только теперь понимает, в чем дело. Он опечален.

Медленно, шаркая ногами, мы передвигаемся вместе с очередью. Я вижу, как в голове очереди отправляют восвояси пожилую пару, которая ничего не принесла с собой. Папа тоже видит это и с тревогой смотрит на меня.

Я быстро осматриваюсь, надеясь, что мне подвернется что-нибудь. В вестибюле за дверью я вдруг замечаю деревянную урну для мусора, которая, похоже, служит здесь стойкой для зонтов. Убедившись, что за мной никто не следит, я переворачиваю урну, едва успеваю загнать за дверь несколько вывалившихся из нее комков бумаги и слышу: «Следующий!» Я несу урну к столу регистрации.

— Добро пожаловать в Банкетный зал! — приветствует нас девушка. — Сколько предметов для оценки вы принесли?

— Увы, только один. — Я водружаю урну на стол.

— О, прекрасно! — Девушка проводит по урне пальцем. — Пожалуйста, встаньте в очередь. Когда дойдете до стола эксперта, просто покажите то, что принесли, и вам расскажут об этом предмете.

— А за каким столом сидит Майкл Аспел? — спрашивает папа.

— Майкл Аспел не эксперт, он ведущий передачи.

Улыбка сбегает с папиного лица.

— Но возможно, вашу вещь выберут для передачи, — поспешно добавляет девушка, почувствовав, как он разочарован. — Тогда вас отведут в комнату ожидания и на грим, а потом вы сможете обсудить свою вещь с экспертом перед камерой. Обычно при этом разговоре присутствует Майкл Аспел. Кстати, у меня потрясающая новость: мы впервые ведем передачу в прямом эфире!

Как только мы сливаемся с толпой гостей передачи, я поднимаю голову к потолку зала, заранее зная, что увижу: девять гигантских полотен, заказанных Карлом I для украшения потолочных панелей.

— Вот, держи, папа, — вручаю я ему урну. — А я осмотрю это великолепное здание, пока ты разглядываешь всякий хлам.

Я блуждаю по комнатам, и у меня возникает ощущение, что здесь я уже бывала. Найдя тихий уголок, я украдкой достаю мобильный.

— Кабинет заместителя начальника финансово-казначейского и инвестиционного отдела, Фрэнки слушает.

— Боже, какой нелепый набор слов!
 — Привет, Джойс! — Фрэнки понижает голос. — Как ты?
 — Прекрасно. Я в Лондоне. Вместе с папой.
 — Что? Со своим отцом? Что вы там делаете?
 — Сейчас снимаемся в «Антикварном путешествии». Как это вышло — лучше не спрашивай.

Я выхожу из тихой комнаты на галерею над главным залом.
 — Скажи, мы когда-нибудь бывали вдвоем в Банкетном зале?
 — В прошлый раз в Лондоне мы только и успели что заглянуть в Музей мадам Тюссо, а потом завалились в ночной клуб и продолжили вечеринку у какого-то парня, который называл себя Глорией. А что, у тебя опять странности?

— Да, — шепчу я. — Слушай, Фрэнки, вчера я в панике бросилась звонить папиному врачу, но машинально набрала какой-то британский номер, и на звонок ответила девушка по имени Би. Из нашего короткого разговора выяснилось, что ее отец американец, но живет в Дублине, а вчера вечером уехал в Лондон. И что моя собеседница — блондинка. По-моему, Би — та самая девчушка, которая мне снится. Понимаю, Фрэнки, ты думаешь, что я свихнулась, но все это было на самом деле.

— Я знаю, ты бы не стала сочинять, — торопливо уверяет она. — Но все-таки не забывай, что ты недавно перенесла травму.

— Да помню я, — со стоном отзываюсь я. — Мне нужна помощь.

— Подожди минутку. — Судя по звуку, она что-то записывает. — Значит, эта девушка тебе снилась? Ты видела, как она растет?

— Да. С рождения до... пожалуй, до ранней юности.

— Так, а рядом с Би ты видела еще кого-нибудь?

— Какую-то женщину. С фотоаппаратом.

— А когда ты наблюдала за Би и этой женщиной, вы были все вместе или тебе казалось, что ты для них — посторонний человек? Я зажмуриваюсь, старательно припоминая.

— Нет, я была с ними.

— А у тебя никогда не возникало ощущения, что во сне ты смотришь на эту девочку глазами ее отца?

— Боже мой... — шепчу я. Тот американец?

— Что-нибудь еще тебе снится?

— Видения сменяются очень быстро, так и мелькают.

— Все-таки попробуй вспомнить.

— Разбрызгиватели в саду. Щекастый мальчишка. Женщина с длинными рыжими волосами. Слышу колокольный звон, вижу, что я на похоронах. Потом в колледже. Потом с той женщиной и девочкой. Иногда она улыбается и держит меня за руку, иногда кричит и хлопает дверью.

— Хм... наверное, это твоя жена.

— Фрэнки, это же бред!

— Знаешь, что надо сделать? Когда в следующий раз что-нибудь вспомнишь, чего раньше не знала, сразу же записывай и рассказывай мне. И мы вместе во всем разберемся.

Дверь галереи распаивается, вбегает взбудораженная девушка в наушниках.

— Джойс Конуэй? — задыхаясь, спрашивает она.

— Да. — Только бы с папой ничего не случилось!

— Ваш отец ждет вас в зеленой комнате. Через несколько минут у него интервью в прямом эфире с Майклом Аспелом.

— В прямом эфире с Майклом Аспелом... — Я вдруг вспоминаю, что не отключила телефон. — Фрэнки, — растерянно говорю я в трубку, — сейчас же включай Би-би-си.

Почти бегом я следую за девушкой в наушниках и, запыхавшаяся, взвинченная, наконец вхожу в комнату, где в кресле визажиста перед зеркалом восседает папа. Его нос-картошку уже запудрили специально для крупных планов.

— А, милая, наконец-то! — важно и торжественно восклицает папа. — Представляю всем мою дочь! Она расскажет нам о ценной штучковине, которая привлекла внимание самого Майкла Аспела!

Зловредный старикашка!

Джастин сидит в приемной зубного врача, втиснутый между двумя клушами, щебечущими о какой-то Ребекке, которой давно пора бросить Тимоти. По стоящему в углу телевизору объявляют, что сейчас начнется «Антикварное путешествие».

Джастин досадливо хмурится.

— Простите, — он наконец отваживается прервать болтушек, — может быть, мы поменяемся местами с кем-нибудь из вас?

— О, не беспокойтесь, подслушивайте сколько угодно, у нас нет никаких секретов!

— Я бы рад не подслушивать, но вы говорите слишком громко. Думаете, Чарли или Ребекка были бы в восторге?

— Представляешь, Этель, он думает, что мы знакомым косточки перемываем! — смеется одна из женщин.

Джастину не остается ничего другого, как уставиться в экран телевизора.

«Приветствуем вас из Банкетного зала в Лондоне! Это первый специальный выпуск «Антикварного путешествия» в прямом эфире!»

О-о, там я бывал. Прекрасный образец коринфского и ионического стилей.

«Так, что тут у нас? — спрашивает Майкл Аспел. — Похоже на дизайнерское мусорное ведро».

Сердце Джастина трепещет.

— Хотите, я переключу, мистер? — И сидящий рядом мальчуган принимается с невероятной быстротой щелкать кнопками.

— Нет! — кричит Джастин. — Назад, назад! — Он выхватывает у мальчишки пульт и принимается переключать каналы в обратном порядке. И попадает на крупный план Джойс.

Фрэнки бегаёт по кабинетам в поисках телевизора, наконец находит его и начинает лихорадочно жать на кнопки. По Би-би-си показывают Джойс и Генри, ее отца.

«Э-э-э... — нерешительно начинает Джойс, — мы нашли ее... то есть эта прекрасная... единственная в своем роде... мм... деревянная урна... стояла у нас на веранде. Для зонтов».

«Да, она для них и предназначена, — кивает оценщик. — Как она к вам попала?»

Несколько секунд Джойс молча открывает и закрывает рот, но ей на помощь приходит Генри. С блеском в глазах, явно щеголяя аристократическим акцентом, он адресует ответ Майклу Аспелу:

«Видите ли, Майкл, она мне досталась от прапрадедушки Джозефа Конуэя. Он отдал ее моему деду Шею, а тот — моему отцу Падди Джо, а уж после его смерти она перешла ко мне».

«Понятно, — кивает оценщик. — А вы, случайно, не знаете, как она могла попасть к вашему прапрадедущке?»

«Должно быть, он стащил ее у англичан», — шутит Генри.

Джойс толкает отца локтем в бок, а в приемной лондонского стоматолога Джастин хохочет во весь голос, запрокинув голову.

«Я спрашиваю потому, что вам досталась действительно изумительная вещь. Это английский раритет XIX века, викторианской эпохи, — вертикальная жардиньерка для садовых...»

«Кстати, Майкл, я увлекаюсь садоводством, — перебивает эксперта Генри, — а вы?»

Майкл вежливо улыбается ему, а оценщик продолжает:

«Чудесные медальоны ручной работы вставлены в викторианские рамы, отделанные под черное дерево».

«Стало быть, пару фунтов за нее дадут?» — спрашивает Генри, позабыв про шикарный акцент.

«Дойдем и до цены», — обещает эксперт.

Джастин смотрит на Джойс не отрываясь.

Эксперт на экране спрашивает:

«Что вы скажете о сумме в тысячу пятьсот фунтов?»

Оператор крупным планом показывает лица Джойс и ее отца. Оба ошарашены.

— Джастин Хичкок! — вызывает медсестра.

В приемной тихо. Все переглядываются.

— Знаете что, подождите... Зуб у меня уже в порядке. Совсем не болит.

— Идемте скорее! — сердится медсестра. — Доктор Монтгомери будет недоволен, если вы и в этот раз не явитесь на прием!

Их встречает доктор Монтгомери.

— Добрый день! Снова пытались удрать?

— Нет... вообще-то да. Не то чтобы удрать, просто я вдруг вспомнил, что у меня есть дела...

Придумать отговорку он не успевает: его усаживают в зубо-врачебное кресло.

Красный глазок камеры гаснет, я хватаю папу за руку.

— Папа, сейчас же пойдем отсюда, — торопливо шепчу я.

— Еще рано. Майкл Аспел вон там. — Он явно собирается подойти к ведущему, который в одиночестве стоит возле стола с фарфором, сунув палец в ухо. — Видно, сера накапливается, как у меня, — сочувствует папа.

— Там у него наушник.

— Да нет, наверняка слуховой аппарат. Давай-ка подойдем к нему, только не забудь: говори погромче и губами как следует шевели.

Я преграждаю ему дорогу:

— Папа, если мы сейчас же не уйдем отсюда, нас упрячут за решетку. Уже во второй раз.

— Ну, это тыхватила через край, Грейси! — смеется он.

— Я Джойс, черт побери! — вскипаю я. — А ты, похоже, не понимаешь всю серьезность нашего положения. Мы только что украли викторианскую урну из королевского дворца!

Папа быстро поворачивается ко мне, его кустистые брови взлетают вверх. В его глазах тревога.

— Да ничего страшного, мы же вернем ее обратно. — Папин голос звучит виновато. — Мы даже не выносили ее отсюда, разве это преступление?

— Сейчас или никогда! Бери урну, надо вернуть ее на место.

Папа хватается со стола злополучную урну, и мы пробираемся через толпу. Я замечаю неподалеку девушку в наушниках — она кого-то высматривает.

— Скорее, папа, скорее!

Мы выходим из зала и поворачиваем к выходу. Оглянувшись, я замечаю, что девушка в наушниках что-то взволнованно говорит в микрофон. Она срывается с места, но ей преграждают дорогу двое грузчиков, несущих здоровенный шкаф. Мы прибавляем шаг.

Папа уже берется за массивную золотую ручку, как вдруг мы слышим:

— Стойте! Подождите!

Мы медленно оборачиваемся, я готовлюсь к обороне.

— Куда это вы так спешите? — спрашивает незнакомец, приближаясь к нам. — С вас еще не сняли микрофоны. — Он заводит руку за папину спину, отстегивает карман с батарейками. — Если бы вы сбежали со всей сбруей, у нас были бы крупные неприятности, — смеется он.

Папа вздыхает с облегчением, я взволнованно спрашиваю:

— Значит, все это время микрофоны были включены?

— Угу. — Незнакомец щелчком отключает их.

— И нас кто-то мог услышать?

— Да все, кто в наушниках.

Дождавшись, когда незнакомец отойдет, мы ставим урну за входную дверь и покидаем место преступления.

— Итак, Джастин, что у вас нового? — спрашивает доктор Монтгомери.

Полулежащий в кресле Джастин, у которого во рту в тот момент находятся две руки в резиновых перчатках и какой-то аппарат, понятия не имеет, как ответить.

Доктор Монтгомери усмехается:

— Если пациенты и впредь будут игнорировать мои вопросы, я, пожалуй, начну обижаться.

Джастин не сводит глаз с телевизора, подвешенного в углу под потолком. Теперь ведущий стоит на фоне Вестминстера. Джастин пытается по губам понять, что он говорит, а доктор Монтгомери тем временем подходит к нему с иглой. Картинка на экране меняется, Джастин таращит глаза. В кои-то веки ему нет дела до иглы.

Доктор Монтгомери наклоняется над пациентом, загораживая телевизор, и Джастин ерзает в кресле, чтобы увидеть экран.

— Сидите смирно! Ничего вам не сделается от такой иголки.

Джастин пытается изобразить некий звук.

— Телевизор? — наконец догадывается доктор Монтгомери.

Оба смотрят на экран: в кадр попали Джойс и ее старик, за которыми высится Биг-Бен. Ни о чем не подозревая, эта парочка, похоже, ссорится не на шутку, бурно размахивая руками.

— Вы только посмотрите на этих чудаков на заднем плане! — смеется доктор Монтгомери.

Внезапно старик толкает свой чемодан к Джойс и хромает прочь.

— Ну спасибо, ведешь себя прямо как взрослый человек! — кричу я вслед папе. Потом сажусь на чемодан и жду, когда он вернется. Звонит мой мобильный.

— Привет, Кейт.

— Джойс, ты не сделаешь мне одолжение? Подними правую руку.

— Зачем?

— Просто подними, и все. Это игра такая, меня дети научили. — Она хихикает.

— Ладно. — Я вздыхаю и поднимаю правую руку.

В трубке слышно, как дети заливаются смехом.

— Пусть подрыгает правой ногой! — кричит Джейда.

— Кейт, что все это значит?

Изнемогающая от смеха Кейт не может выговорить ни слова.

— Скажи ей, пусть теперь попрыгает! — требует Эрик.

— Не буду, — в досаде отказываюсь я.

— А Джейду послушалась! — поет он.

Я торопливо встаю и начинаю подскакивать на месте.

— Кстати, — сквозь смех выговаривает Кейт, — там рядом с тобой никого нет?

— О чем ты говоришь? — Нахмурившись, я оглядываюсь. Вижу за спиной Биг-Бен, по-прежнему ничего не понимаю, поворачиваюсь вокруг своей оси и обнаруживаю неподалеку съемочную группу. Я по-прежнему подпрыгиваю на месте.

— Что она вытворяет? — Доктор Монтгомери подходит поближе к телевизору. — Танцует, что ли?

Обрадованный тем, что Джойс не плод его воображения, Джастин тоже начинает нетерпеливо подскакивать в кресле.

— Скорее! Это Джойс. Я должен ее найти!

Доктор Монтгомери с любопытством смотрит на пациента, решительным жестом укладывает его на место и опять лезет к нему в рот с инструментами.

— Пока я не заделаю полость, никуда вы не пойдете. Не знаю, кто эта Джойс, но вы перед ней в долгу: она избавила вас от страха перед иглами. Вы даже не заметили, как я сделал вам инъекцию.

Мне удастся поймать такси, и я прошу водителя ехать за франтоватым стариком, которого нетрудно различить в любой толпе: все идут прямо, а он качается, точно подвыпивший матрос.

— Папа! — зову я в открытое окно. — Хватит уже, садись в машину.

Он идет вперед, глядя прямо перед собой, с сигаретой во рту — упрямства ему не занимать.

— Послушай, не хочешь со мной говорить — и не надо. Хотя весь вечер со мной не разговаривай, если тебе так хочется.

— А тебе только того и надо, — пыхтит он.

— Честно? Да.

Папа пытается сдерживать улыбку. Дым ест ему глаза, а я вспоминаю, какими пронзительно-голубыми они были раньше, когда в детстве я смотрела, как он сидит за кухонным столом и чинит радиоприемник, часы или штепсель. Наконец он тормозит. Бросает на землю сигарету и топчет ее. Такси останавливается. Мне удалось набросить на дерзкого беглеца спасательный круг и втащить его в лодку.

Папа держит паузу рекордно долгий срок: минут десять, а то и все пятнадцать. Но в конце концов слова сами начинают сыпаться, словно до сих пор нетерпеливо топтались в очереди, переживая редкие минуты папиного молчания.

— Жуй шербет, мне не нужен обед.

— Что?

— Что слышала. За шербет мерси, водитель такси. Сосиски отличные, плачу наличными, — объясняет он. — И в склад и в лад.

Я пытаюсь понять хоть что-нибудь.

— Дин-дон, в рифму жаргон, — заканчивает папа. — Вот он-то меня понимает, — кивает он на таксиста.

— Он тебя не слышит.

— Почему? Он глухой?

— Нет, — качаю я головой. — Когда вот эта красная лампочка не горит, ему ничего не слышно.

— А, как на слуховом аппарате Джо! — сообщает папа. Наклонившись вперед, он нажимает кнопку на перегородке такси. — Вы меня слышите? — кричит он.

— А как же, приятель, — смотрит на него в зеркало таксист.

Папа улыбается и снова жмет кнопку:

— А теперь?

Нет ответа.

Папа хихикает. Я закрываю ладонями горящее лицо.

Водитель подвозит нас к гостинице. Папа выбирается из машины и подтаскивает свой чемодан к вращающейся двери отеля. Дверь вращается так быстро, что папа не сразу понимает, что пора входить. А когда наконец отваживается, чемодан застревает, дверь заклинивает, папа оказывается внутри, как в ловушке.

— Эй, кто-нибудь! Помогите! — зовет папа.

Я не спешу выходить из такси. Наконец я вижу, что папу вызволили, и иду следом.

— Дать кредитку я вам не могу, зато могу дать честное слово, — медленно и звучно произносит папа, обращаясь к женщине-администратору за стойкой.

— Все в порядке, вот, пожалуйста, — протягиваю я кредитку.

Женщина вежливо улыбается и стучит по клавишам компьютера.

Номер стандартный, чистый, как раз по моему вкусу. Кровати стоят у противоположных стен, есть и телевизор, и мини-бар. Он-то и привлек папино внимание, пока я набирала ванну.

— Где-то здесь был коньяк — не откажусь.

Я наконец-то погружаюсь в ванну с пеной. Блаженно лежу, чувствуя, как мелкие пузырьки лопаются, касаясь моей кожи... В дверь громко стучат.

— Ну что такое? — кричу я.

— Ой, прости, я уж думал, ты заснула или еще что. Ты там поосторожнее. Опомниться не успеешь, как начнешь клевать носом, бултых в воду — и привет.

— Спасибо тебе за заботу, папа, но со мной все в порядке.

— Просто я хотел узнать, надолго ты застряла? Ты там уже двадцать минут сидишь, а ты ведь знаешь, моя простата...

Продолжения я не слушаю, потому что начинаю выбираться из ванной. Завернувшись в полотенце, я распахиваю дверь, кланяюсь и указываю на унитаз:

— Карета подана, сэр.

Сконфузившись, он входит, шаркая ногами, и запирается.

Мокрая и дрожащая, я переставляю бутылки красного вина в мини-баре. Выбираю одну и изучаю этикетку. И ко мне сразу являются вспышки воспоминаний. Корзина для пикника, а в ней — бутылка с точно такой же этикеткой, белокурая девчушка кружится в розовой пачке, как у балерины. Передо мной возникает рука с бокалом красного вина. Я перевожу взгляд на лицо. Рыжие волосы, легкая россыпь веснушек.

«Джастин, — поет незнакомка. — Слава Джастину!»

И все исчезает. Я снова в номере отеля, вода капает с моих волос на ковер. Папа с любопытством смотрит на меня.

— Слава Джойс! — поет он.

Поперхнувшись, я спрашиваю:

— Ты все?

По пути в ванную я оборачиваюсь.

— Кстати, сегодня я иду на балет. Хочешь, пойдем вместе.

— Ладно, — кивает папа и смотрит на меня со знакомой тревогой в глазах. Как будто с моего велосипеда впервые сняли боковые колесики-подпорки, и теперь папа бежит рядом, крепко держит меня и боится отпустить.

6

Билеты мы купили перед самым спектаклем, так что нам достались места на галерке, да еще сбоку, чуть не за кулисами. Я наблюдаю в бинокль, как люди заполняют ложи. Моего американца и в помине нет.

Вид с наших мест завораживает папу. Он достает из кармана мамину фотографию и ставит ее на бархатные перила.

Дирижер стучит по пульта, оркестр играет первые такты Чайковского. Папа молчит, только фыркает каждый раз, когда на сцене появляется солист в обтягивающем трико, но в остальном мы оба зачарованы сюжетом «Лебединого озера». Оторвавшись от сцены бала во дворце принца, я обвожу взглядом ложи. И вдруг вижу знакомое лицо — лицо мужчины из парикмахерской. Прочитав биографию Би в программке, я уже знаю, что фамилия незнакомца — Хичкок. Джастин Хичкок? Он не сводит глаз со сцены.

— Гляди, он ее сейчас уронит! — толкает меня локтем папа.

Я стараюсь смотреть на принца, но не могу. Словно магнит, знакомое лицо притягивает мой взгляд, мне не терпится узнать, кто окружает мистера Хичкока. Рядом с ним сидит женщина с длинными рыжими волосами. С другой стороны от нее — слащавый с виду джентльмен, а за ними — молодой парень, поминутно дергающий себя за галстук, женщина с головой в крупных огненных кудрях и здоровяк с округлым брюшком. Щекастый мальчуган из моего видения с качелями? Может быть.

Внезапно в музыке звучит новая тема, выражение лица Джастина меняется. Я сразу понимаю, что на сцене Би, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть. Ее длинные светлые волосы собраны в аккуратный пучок. Я вспоминаю, как в детстве, гуляя в парке, она без устали кружилась в своей пышной юбочке, похожей на балетную пачку, и меня переполняет гордость. Каких вершин она достигла! Какая она теперь взрослая. Слезы застилают глаза.

— Джастин, смотри! — шепчет Дженнифер.

Он и без того не сводит глаз с дочери. Какая она взрослая. Кажется, только вчера на прогулке в парке она показывала ему и Дженнифер, как умеет кружиться, а теперь... Со слезами на глазах он поворачивается к бывшей жене, чтобы разделить с ней этот волнующий момент, но она берет за руку Лоуренса.

— Ты чего плачешь? — громко спрашивает папа, неловко стирая слезы с моего подбородка. Занавес опускается — антракт.

— Сама не знаю... Это было так прекрасно. Как думаешь, маме понравилось?

Папа улыбается и смотрит на снимок:

— Еще бы! Она же с самого начала ни разу не отвернулась.

— Ты скучаешь по ней?

— С каждым днем все сильнее. Это как мой сад, милая, — все растет, и любовь тоже. А если она растет с каждым днем, разве тоска может пройти? Но растет и наша стойкость. Так мы и держимся.

Я качаю головой, потрясенная папиными откровениями.

— А я думала, тебе просто нравится возиться в саду.

— О, из этого занятия извлекаешь свои уроки.

— Это какие же?

— Ну, к примеру, любой сад может зарости сорняками. Подкрадываются и душат растения. Вот и у каждого из нас есть свои демоны.

Папа смотрит на меня в упор, я отвожу взгляд. Уж лучше бы он и дальше смеялся над мужчинами в трико.

— Джастин, мы в бар, ты с нами? — спрашивает Дорис.

— Нет, — бурчит он, как надувшийся ребенок, и складывает руки на груди.

— Мистер Хичкок, можно вас угостить? — вмешивается парень Би, Питер.

— Мистером Хичкоком был мой отец, а меня можешь звать просто Элом. — Эл шутливо толкает Питера в плечо.

— Ладно, Эл, но я вообще-то предложил Джастину...

— Можешь звать меня мистером Хичкоком, — брезгливо смотрит на Питера Джастин.

— Может, тебе сюда принести что-нибудь? — предлагает Эл.

Но Джастин лишь угрюмо качает головой.

— Ладно, минут через пятнадцать вернемся. — Эл по-братски треплет его по плечу, и все уходят, оставив Джастина в ложе.

Не проходит и двух минут, как ему надоедает жалеть себя, и он с видом заправского шпиона принимается разглядывать зрителей в театральные бинокль. В партере смотреть не на что. Он запрокидывает голову, обводит взглядом верхние ярусы.

Вдруг Джастин замирает. Снова прищуривается, глядя в окуляры, — да, это действительно она. С тем самым стариком.

Она тоже смотрит в театральные бинокль. Поднимает голову, медленно ведет биноклем вправо, и... оба застывают, разглядывая друг друга в упор. Он машет рукой. Она нерешительно делает то же самое. Старик рядом с ней подносит свой бинокль к глазам, щурится и смотрит в сторону Джастина, не переставая шевелить губами.

Джастин поднимает руку, показывая жестом: подождите! Потом показывает указательный палец. Одну минуточку! Ждите!

В ответ она поднимает вверх оба больших пальца, и он невольно расплывается в улыбке.

Уронив бинокль, он сразу же встает. Дверь ложи открывается, входит Лоуренс.

— Пожалуй, Джастин, нам следовало бы поговорить... — вежливо начинает он.

— Нет, Лоуренс, не сейчас, извини. — Джастин делает попытку обойти его.

— Всего несколько минут, пока мы одни.

— Дружище, я оценил твой жест, но сейчас я действительно страшно спешу. — Он снова пытается протиснуться мимо собеседника.

— Спешешь? — Лоуренс поднимает брови. — Ясно. Ну что ж, если ты пока не готов к разговорам...

— Не в этом дело. — Джастин хватается за бинокль и в панике смотрит в ту сторону, где видел Джойс. Она по-прежнему на том же месте. — Мне надо идти, Лоуренс.

В ложу входят Дорис и Эл. У Эла в руках бутылка кока-колы и большой пакет чипсов.

— Скажи ему хоть ты, Джастин, что нельзя столько лопать! — Дорис скрещивает руки на груди. — Напомни, что сердечные болезни — это у вас наследственное!

— Нет-нет, Эл, об этом можешь даже не думать. Ну, я пошел.

Внезапно свет меркнет, оркестр начинает играть, и Джастину не остается ничего другого, кроме как снова сесть на свое место.

Он вздыхает и умоляюще смотрит на Джойс.

Сердце у меня в груди рокошет, как барабан. Он заметил меня, он сам захотел подойти. Немного успокоившись, я перевожу взгляд на сцену, где недавно танцевала Би.

— Папа, можно один вопрос? — шепчу я, придвинувшись ближе.

— Он только что признался ей в любви, а она не та, — закатывает глаза папа. — Девушка-лебедь была в белом, а эта в черном.

— Может, переделась для бала. Никто не ходит изо дня в день в одной и той же одежде.

— На прошлой неделе ты не вылезала из банного халата. Ну, о чем ты хотела спросить?

— Знаешь, со мной поделились чем-то очень ценным.

— И что, от этого кому-нибудь плохо? Если нет, на твоём месте я бы говорил, что это дар.

Дар. Такое мне и в голову не приходило.

— Но я не могу понять, почему...

— Иногда, милая, надо просто забыть все эти «почему» и «зачем» и усвоить маленький урок под названием «спасибо». Смотри, что там творится, — указывает он на сцену. — Слышала ты когда-нибудь, чтобы женщина превращалась в лебедя?

— Нет, — засмеявшись, шепчу я.

— А тут — на тебе. И вся эта чертовщина уже больше ста лет гремит на весь мир. Все мы — неверующие, интеллектуалы, циники, но собрались здесь сегодня только затем, чтобы посмотреть, как тому типу в трико достанется девушка-лебедь и ей больше не придется тосковать на озере. Думаешь, это чудо в перьях станет допытываться, зачем да почему? Нет. Скорее, просто скажет спасибо — за то, что теперь можно жить дальше, носить красивые платья, ходить на прогулки, вместо того чтобы до конца своих дней клевать хлеб, размокший в затхлой озерной воде!

Я ошеломленно молчу.

Пока зрители аплодируют, Джастин украдкой поглядывает на Джойс, которой отец помогает надеть красное пальто — то же самое, в котором она была, когда они столкнулись на улице.

— Джастин! — Дженнифер злится на бывшего мужа, которому интереснее изучать в бинокль потолок театра, чем смотреть на кланяющуюся дочь.

Он откладывает бинокль и принимается хлопать.

— Ну, я побежал в бар, занимать для нас уютные места, — объявляет он и делает шаг к двери.

— Места уже заказаны! — кричит ему вслед Дженнифер.

Вывавшись на свободу, он ищет дорогу наверх. Зрители начинают выходить из лож, заполняя фойе. Тогда Джастин меняет тактику: решает дожидаться Джойс у выхода. Там-то он ее не пропустит.

— Пойдем выпьем, милая, — предлагает папа. — Где-то здесь должен быть бар.

Мы останавливаемся и читаем указатели.

— Бар «Амфитеатр» — это вон там, — говорю я, не переставая осматриваться в поисках Джастина Хичкока.

Дама-капельдинер объявляет, что бар открыт только для артистов, работников сцены и членов их семей.

— Так моя внучка наверняка уже там! Сегодня самый счастливый день моей жизни, — прижимает ладонь к груди папа.

Дама улыбается и впускает нас.

Мы покупаем напитки и сразу уходим в глубину зала, за самый дальний столик. Я все поглядываю по сторонам.

Входит мать Би, двое незнакомцев из той же ложи и щекастый мужчина, которого я узнала. Но мистера Хичкока с ними нет.

— Папа, мне очень надо найти одного человека, — скороговоркой выпаливаю я. — Пожалуйста, только никуда отсюда не уходи. Я скоро вернусь.

Должно быть, он ее все-таки пропустил. Джастин вздыхает. В кармане у него вибрирует телефон.

— Братец, ну где тебя носит? Скорее давай сюда, а то у Дженнифер истерика.

— Уже иду.

Он захлопывает телефон. В толпе мелькает что-то красное. Красное пальто. Джастин бросается за ним.

— Джойс! — кричит он. — Джойс, подождите!

Расталкивая толпу, он наконец догоняет ее и хватается за руку.

Она оборачивает к нему лицо, искаженное испугом и удивлением. Незнакомое лицо.

Извинившись, он медленно бредет обратно к театру, к главному входу. Дергает за ручку, но дверь не поддается. Дернув еще несколько раз, Джастин принимается колотить в дверь.

— Эй, полегче! Театр закрыт! — сообщает ему из-за стекла служащий театра.

Вернувшись в бар, я вижу, что папа сидит там же, где я его оставила. Только он уже не один. Рядом пристроилась Би.

— А, наконец-то, милая. Я уж думал, ты меня бросила. Эта славная девушка подошла узнать, не надо ли мне чего — видно, очень уж неприкаянный у меня был вид.

— Я Би, — улыбается она.

— А это моя дочь Грейси, — встревает папа, но в кои-то веки я не спешу его поправлять.

— Вы были бесподобны. Я чуть не лопнула от гордости! — признаюсь я.

— От гордости?.. Ах да, ваш отец говорил, что это вы придумали костюмы, — улыбается она. — Не понимаю, как вышло, что мы до сих пор ни разу не встретились.

У меня отвисает челюсть. Папа пожимает плечами и отхлебывает из бокала. Кажется, это уже вторая пинта.

— Нет, костюмы я не придумывала, просто... руководила работой, — неловко выкручиваюсь я, потом сажусь и продолжаю искать глазами отца Би.

— Когда вы вернулись, он как раз рассказывал, как спас лебедю жизнь, — улыбается Би.

— Спасти кого-нибудь — это замечательно, — говорю я, чтобы поддержать разговор.

— Пока сам не попробуешь, не узнаешь, — назидательно произносит папа.

— Вы говорите в точности как мой отец, — говорит Би.

— Это вы о чем? — настораживаюсь я.

— Месяц назад он сдавал кровь, — объясняет Би. — И теперь считает себя героем, потому что спас чью-то жизнь! Только об этом и говорит. В Тринити-колледж, где папа ведет семинар, приехал передвижной пункт сбора крови, там папа ее и сдал. Вообще-то я ничего не имею против, но он согласился только потому, что врач была симпатичная, да еще из-за этого китайского поверья, не помню, как называется... Когда тот, кому спасаешь жизнь, остается перед тобой в вечном долгу — кажется, так.

— В китайском я ни бум-бум, — пожимает плечами папа.

Би смеется.

— В общем, папа рассудил, что теперь человек, которого он спас, обязан до конца своих дней ежедневно благодарить его.

— Это каким же образом? — Папа придвигается ближе.

— Целыми корзинками возить ему свежие кексы, забирать вещи из химчистки, каждое утро доставлять к порогу кофе и газету, присылать машину с шофером, добывать билеты в оперу на первый ряд... — Би закатывает глаза, потом хмурится: — А я сказала, что с таким же успехом он мог бы завести себе раба. Вы только не подумайте, он замечательный, — поспешно добавляет Би, неверно истолковав мое молчание. — Кстати, вот он. — Она открывает висящий на шее медальон.

В одной половинке медальона — фотография Би и ее матери, во второй — фотография Би с отцом, сделанная в парке тем летним днем, который так отчетливо врезался в мою память.

Папа осторожно берет медальон старческими пальцами.

— Где это снимали?

— В парке неподалеку от нашего прежнего дома в Чикаго.

— Фотографируемся! — кричит кто-то в другом конце зала.

— Групповой снимок! Пойдемте! — зовет Би, схватив папу за руку.

— Нет-нет-нет! — Я пытаюсь замаскировать панику улыбкой.

— Всего один снимок, Грейси! — со смехом уговаривает Би. — Должны же мы знать, кого благодарить за чудесные костюмы!

Папа смеется, я сконфуженно встаю рядом с Би.

— А теперь — все вместе: «Чайковский!» — командует папа.

Сверкает вспышка.

В бар входит Джастин.

Толпа рассеивается.

Вцепившись в папину руку, я тащу его прочь.

В нашем с папой гостиничном номере свет уже погашен. Неподвижно лежа на спине, я перебираю в памяти события прошедшего дня. И чувствую, как отдается в пружинах матраса гулкий стук моего сердца.

Джастин сдал кровь в Дублине месяц назад, в то же время, как я свалилась с лестницы. Совпадение? Безусловно. Нечто большее? Тоже возможно.

Неужели причина внезапных вспышек чужих воспоминаний и необъяснимой связи с Джастином — всего-навсего переливание крови? На минуту примем как данность самое невероятное: если мне и вправду перелили кровь Джастина, значит, сейчас мое сердце гоняет по всему телу его кровь. Ту самую кровь, которая когда-то текла по его жилам, а теперь шумит у меня в ушах. Ту самую, которая вытекала из его сердца, делала Джастина таким, какой он есть, а теперь стала частицей меня.

Поначалу от этой мысли меня передергивает, но, поразмыслив, я вдруг понимаю: мне уже не так одиноко.

Из темноты доносится сопение вперемежку с хрипами.

— Папа! — шепотом зову я. — Что с тобой?

Внезапно раздается всхрип. И раскатистый хохот.

— Майкл Аспел! — выпаливает папа сквозь смех.

Я хихикаю. Мы вспоминаем о похищенной урне, о том, как беседовали в прямом эфире с Майклом Аспелом, как хором восклицали: «Чайковский!» — глядя в объектив. От смеха слезы катят-

ся из моих глаз, и я вдруг осознаю, насколько близки, оказывается, радость и грусть. Как тонка черта между ними! Словно ниточка, разделяющая наши эмоции, она дрожит, и граница полных противоположностей смазывается, становится нечеткой.

Я вспоминаю о нас с Конором, о стремительном переходе от любви к ненависти. Думаю о том, что одной улыбки незнакомого человека достаточно, чтобы рассеять отчаяние, и о том, что от единственной неловкой ситуации уверенность способна превратиться в страх.

7

— Так, значит, вы только и делали, что гонялись за красными автобусами? — спрашивает Фрэнки.

Я устроилась за столом в номере гостиницы и болтаю с подругами, которые сидят около телефона в доме Кейт, включили громкую связь и слушают меня обе сразу. Все утро я гуляла с папой по Лондону и фотографировала его рядом со всеми типично английскими атрибутами, какие только видела: с красными автобусами, почтовыми ящиками, конными полицейскими, пабами, Букингемским дворцом.

Сейчас папа лежит на кровати и смотрит повтор передачи «Танцы со звездами». Он потягивает коньяк, облизывает чипсы «Принглс» со сметаной и луком, а размокшие обломки выбрасывает в мусорную корзину.

— Твоего ребенка только что вырвало прямо на меня! — возмущается на другом конце провода Фрэнки.

— Да не вырвало, просто срыгнул чуть-чуть, — отвечает Кейт.

— Может, отнесешь его Кристиану? Пусть посидит с ним.

Слышно, как верещит малыш Сэм.

— Итак, Джойс, — дождавшись, когда Кейт выйдет, начинает Фрэнки, — я тут кое-что разузнала...

— Ты о чем? — слышен голос вернувшейся Кейт.

— О том, как Джойс удалось влезть в мозги тому американцу и заполучить его воспоминания, знания и интеллект.

— Что?! — восклицает Кейт.

— А я уже знаю, что его зовут Джастин Хичкок! — победно объявляю я. — Фамилию я вычитала в биографии его дочери, а

биографию — в программке, когда мы вчера ходили на балет. Имя услышала во сне.

— Поищи-ка его в «Гугле», — распоряжается Фрэнки. — Посмотрим, существует он на самом деле или нет.

— Можешь мне поверить, он существует, — говорю я.

— Ну уж нет, дорогуша! Не мешай нам собирать на него досье. Потом решим, что с ним делать. Пока Кейт ведет поиски, слушай: я тут кое-что узнала про совместную память. Как ни странно, ты вовсе не сошла с ума. Я наткнулась на сайт с рассказами людей, у которых внезапно появлялись чужие воспоминания и вдобавок даже чужие навыки и пристрастия.

— А-а-а, я так и знала, что все это подстроено, — заявляет Кейт.

— Это не розыгрыш, — уверяю я.

— Она говорит по-латыни и по-французски, — объясняет Фрэнки.

— Но почему вы решили, что это чужие навыки? Неужели она сама не смогла бы выучить иностранные языки?

— Слушай, Кейт, Джойс на самом деле научилась этим языкам чуть ли не за одну ночь, и при этом даже не думала ничего зубрить.

— А еще мне снятся случаи из детства Джастина Хичкока.

— Словом, как я уже сказала, — продолжает Фрэнки, — известны и другие... э-э-э...

— Чудаки? — подсказывает Кейт.

— ...случаи, когда люди сталкивались с такими же явлениями, как Джойс. Но есть одна деталь: все они перенесли пересадку сердца.

Тук-тук, тук-тук. Опять этот стук у самого горла.

— Слушайте... он сдавал кровь. В том же месяце, когда я попала в больницу.

— И что? — не понимает Кейт.

— А ей делали переливание крови, — растолковывает Фрэнки.

— Но ведь это почти одно и то же, правда? — подхватываю я. — Кровь же проходит через сердце.

— Я еще не все вам рассказала, — продолжает Фрэнки. — Послушайте, что еще я нашла в Сети. «Узнав о том, что пересадка сердца дала неожиданные побочные эффекты у нескольких пациентов, съемочная группа четвертого канала подготовила документальный фильм о том, можно ли вместе с трансплантированным органом унаследовать воспоминания, вкусы, желания и привыч-

ки донора. Фильм опровергает представления науки о том, как устроена память. В подготовке приняли участие ученые, исследующие разум сердца и биохимическую основу нашей памяти...»

— Значит, если выяснится, что в сердце больше разума, чем считалось раньше, тогда этот разум может содержаться и в донорской крови? — уточняет Кейт. — И переливают не только кровь, но и воспоминания донора? — язвительно заканчивает она.

— Я отчетливо помню, какие странные ощущения испытала, когда очнулась в больнице, — говорю я.

Мое нелепое заявление встречают молчанием, словно любому ясно: мои «странные ощущения» не имеют никакого отношения к переливанию крови и объясняются только страшной трагедией — потерей ребенка.

— В «Гугле» нашелся Джастин Хичкок, — прерывает паузу Кейт.

Мое сердце колотится сильнее. Пожалуйста, скажите мне, что я ничего не выдумала, что это не плод моего воображения!

— Так, Джастин Хичкок был шляпным мастером из Массачусетса, — зачитывает Кейт. — Хм... Ну, по крайней мере он и вправду американец. Он переехал в Дирфилд в 1774 году, — продолжает Кейт.

— Погоди, — вмешивается Фрэнки. — Здесь внизу еще один Джастин Хичкок, из санитарного управления Нью-Йорка...

— Не надо, — раздраженно перебиваю я, — добавьте в поиск Тринити-колледж — он там ведет семинар.

Цоканье клавиш.

— Ага! Попался, Джастин Хичкок! Приглашенный преподаватель Тринити-колледжа, Дублин. Кафедра истории искусств. Диплом получил в Чикаго, защитил диссертацию в Сорбонне. Интересы — история итальянского Ренессанса и барочной скульптуры, европейская живопись 1600–1900 годов.

Приободрившись, я прошу:

— А теперь поищи его фамилию и слова «Лондонская Национальная галерея».

Кейт продолжает читать:

— Мистер Хичкок — куратор отдела европейского искусства в Национальной галерее, Лондон. Боже, Джойс, он работает в Лондоне! Ты должна повидаться с ним.

— Не пори горячку, Кейт, — обрывает ее Фрэнки. — Может, он вообще никогда не сдавал кровь. И даже если сдавал, это еще ничего не значит.

- И что ты теперь будешь делать? — спрашивает Кейт.
 — А с чего вы взяли, что до сих пор я сидела сложа руки?

Джастин меряет шагами свой тесный кабинет в Национальной галерее, прижимая телефон к уху.

— Нет-нет, Саймон, я же сказал — голландские портреты. Эпохи Рембрандта и Франса Хальса. Об этом периоде я написал книгу, так что знаю, о чем речь.

Дверь открывается, входит Роберта, коллега Джастина.

— Простите, — шепчет она, вносит в кабинет корзиночку, добавляет: — Я только поставлю ее сюда, — и удаляется.

Джастин кивает ей и пытается вспомнить, на чем остановился.

— На выставке будет представлено шестьдесят работ, созданных в период с 1600 по 1680 год. — Джастин подозрительно поглядывает на корзинку, словно опасаясь неприятных сюрпризов.

Он спешит закончить разговор. Содержимое корзинки с плетеной ручкой прикрыто клетчатой салфеткой. Джастин опасливо приподнимает ее. И видит кексы — кажется, дюжину.

Сердце у него замирает. Джастин осматривает корзинку в поисках карточки или записки и обнаруживает прицепленный к краю белый конвертик. Поспешно оторвав его, он вынимает карточку. Аккуратная надпись, сделанная от руки: «Спасибо».

Джастин энергичным шагом идет по коридорам Национальной галереи. Навстречу ему попадает Роберта.

— Где вы взяли корзинку? — останавливает ее Джастин.

— У охранника возле входа. Чарли попросил отнести ее вам.

Джастин стремительно удаляется в сторону восточного крыла, корзинка покачивается у него на согнутой руке.

— Рабочий день закончен, Красная Шапочка?

Сообразив, как нелепо выглядит со злополучной корзинкой, Джастин оборачивается и видит перед собой охранника Чарли.

— Позвольте узнать, кто передал вам эту корзину?

— Курьер из... — Чарли роется в пачке бумаг, вытаскивает одну из них. — Из «Хэрродса». Чжан Вэй, — читает он. — А что такое? Что-нибудь не так с кексами?

— Откуда вы узнали, что там именно кексы?

Чарли отводит глаза:

— Я ведь должен был ее проверить, так? Я не имею права пропускать упаковки с неизвестным содержимым.

Джастин в упор смотрит на неудержимо краснеющего Чарли. Потом сдергивает салфетку и считает кексы. Одиннадцать штук.

— По-моему, было бы удобнее прислать дюжину.

Выйдя на Трафальгарскую площадь, он достает телефон:

— Би, это папа.

— Я с тобой не разговариваю, — слышится в ответ.

— Это еще почему?

— Питер пересказал мне ваш вчерашний разговор, — сообщает она. — Что это тебе вздумалось весь вечер допрашивать его насчет намерений?

— Я твой отец, это моя обязанность.

— Тебе бы в гестапо служить, — сердится она.

— Би, он тебе не ровня.

— Тебе, а не мне. В общем, пока не извинишься перед Питером, я не стану отвечать на твои звонки.

— Стой, стой! Всего один вопрос. Ты не посылала мне корзинку с дюжиной кексов с корицей? — выпаливает он.

— Что?.. Нет. Даже не мечтай! Не будет ни кексов, ни разговоров — ничего, пока не извинишься.

— Значит, завтра ты не заберешь мои вещи из химчистки?

В трубке раздается щелчок, становится тихо.

Джастин замирает, растерянно уставившись на телефон. Родная дочь бросила трубку, не дослушав!

Вспомнив о кексах, он набирает следующий номер, откашливается и начинает:

— Дженнифер, это Джастин.

— Здравствуй, Джастин. — Голос ледяной.

— Я хотел узнать, не присылала ли ты мне кексы. — Не успев договорить, Джастин понимает, как сгруппил с этим звонком.

— Что, извини?

— Сегодня мне на работу принесли корзину с кексами и благодарственной запиской. Подписи отправитель не оставил.

Теперь голос Дженнифер становится насмешливым. Нет, скорее издевательским:

— И за что же, интересно, я должна тебя благодарить, Джастин?

— Ну, я не знаю, может, за двадцать лет брака. За дочь. За хорошую жизнь. — Звучит глупо, он и сам это понимает. — За путешествия по всему миру. За одежду, за эти бесконечные тряпки. За новую кухню... — Он никак не может остановиться, совсем за-

быв о том, что на все это Дженнифер зарабатывала себе сама, играя в оркестре, который гастролировал по всему миру.

Когда они только поженились, им пришлось какое-то время жить с матерью Джастина. Днем Джастин учился в колледже, по вечерам работал барменом, в выходные — в галерее, а Дженнифер играла на фортепиано в престижном ресторане в центре Чикаго. Домой она возвращалась под утро, усталая, с ноющими пальцами, но обо всем этом Джастин давно и прочно забыл.

Дженнифер молчит.

— Так это была ты?

— Абсолютно точно не я. — Щелчок, гудки в трубке.

Джастин влетает в дом, оставив дверь открытой, и сразу сталкивается с Дорис, которая выходит навстречу с цветовой палитрой в руке. Каждый длинный ноготь Дорис расписан под шкуру леопарда и украшен стразом. Губная помада — под цвет взбитых рыжих волос. То, что тараторит Дорис, он понимает через слово.

— «Крыжовенный кисель», «кельтский лес», «английский туман», «лесная жемчужина» — все это спокойные оттенки, в этой комнате будут смотреться чудесно. «Леденец капучино» — мой любимый цвет, но, по-моему, он не сочетается с этими шторами. А ты как думаешь?

Дорис взмахивает перед носом Джастина куском какой-то тряпки. Джастин мысленно считает до десяти.

— Алло, Джастин! — Она щелкает пальцами перед его лицом. — Ты меня слышишь? Би наверняка понравится комната цвета «кремовое кружево». И Питеру тоже. Только представь, каким романтичным будет у них...

— ХВАТИТ! — вопит Джастин.

Дорис вздрагивает и мгновенно умолкает. Эл замирает, не успев донести бутылку до рта.

— Дорис... — Джастин делает глубокий вдох и пытается говорить как можно спокойнее. — Прошу, хватит об этом. Это викторианский особняк. Здесь нужен вдумчивый подход, мебель соответствующего периода, такая же цветовая гамма, а не комната, названия цветов в которой похожи на обеденное меню Эла!

— Э-э-э, ты чего? — подает голос Эл.

Снова глубоко вздохнув, Джастин продолжает:

— Думаю, эту работу следует поручить кому-нибудь другому. Пожалуйста, постарайся меня понять.

Внезапно палитра летит через всю комнату, а Дорис вопит:

— Ах ты, сноб паршивый! Я третью неделю подряд изучаю этот сарай вдоль и поперек! — Ее ноздри раздуваются. — Я скупаю литературу о красках разных исторических периодов, выбираю цвета по правилам конца XIX века! Я прочесываю секонд-хенды, антикварные магазины, даже лавки старьевщиков! Сажу на таких ветхих стульях, что от них так и веет эпидемией чумы, которая прикончила их предыдущих хозяев! — Она тычет в грудь Джастину похожим на кинжал ногтем. — Я взялась за этот проект, мне его и заканчивать. Я сделаю это ради твоего брата, которого, может быть, через месяц уже не будет в живых, а ты даже не заметишь!

С этими словами она круто разворачивается на каблуках и уносится к себе в спальню, но тут же возвращается и объявляет:

— Да, чтоб вы знали: я хлопнула бы дверь изо всех сил, но сейчас она стоит на заднем дворе. Сначала я обработаю ее шкуркой, потом покрою грунтовкой и наконец покрашу... — последние слова она произносит с особым злорадством: — Краской оттенка «кремовое кружево»!

Я нервно переминаюсь с ноги на ногу возле открытой двери дома Джастина. Может, позвонить? Или просто позвать его по имени? Ох, напрасно я сюда притащилась. Я примчалась на Трафальгарскую площадь в такси, рассчитывая застать Джастина в Национальной галерее, но опоздала. Я шла за ним по пятам, слышала, как он названивал знакомым и расспрашивал их про корзинку. Возмущенный тон, которым он говорил по телефону — скорее всего, с бывшей женой, — убедил меня, что сейчас к нему лучше не приближаться, и я отстала на несколько шагов. Я не спешила, набираясь смелости, чтобы заговорить с ним.

Но и в метро подходящего случая не представилось. Вагон был переполнен, пассажиры теснились и толкались. И вот теперь я стою перед дверью его дома. Но мой план уже срывается: Джастин и Эл завели разговор, который мне не следовало подслушивать — я и без того знаю слишком много тайн этой семьи.

Я отдергиваю палец от дверного звонка.

Джастин в панике смотрит на брата:

— Эл, о чем она говорит? Почему тебя через месяц не будет в живых?

— Да нет же, — смеется Эл, — она сказала: «Может быть, не будет».

— Постой, постой! Эл, что сказал тебе врач?

— Только то, что ты уже слышал от меня две недели назад. Если у кого-нибудь в нашей семье была ишемическая болезнь сердца, значит, для всех нас возрастает риск сердечных заболеваний.

— Эл, инфаркта у тебя не будет.

— На следующей неделе мне стукнет сорок. Столько было и папе, когда он умер. — Эл отводит глаза и принимается сдирать этикетку со своей бутылки пива.

— Так вот в чем дело. — Голос Джастина смягчается. — Слушай, Эл, ты должен кое-что узнать... — Голос срывается. Об этом Джастин еще никогда и никому не говорил. — У отца было немало трудностей, и не только финансовых.

— Знаю, Джастин, знаю. Не мог же он просто взять и умереть ни с того ни с сего. Это его стресс доконал. А мне живется гораздо легче. Но меня с самого детства не покидает ощущение, что и со мной будет так же. Ситуация в бизнесе напряженная, мне некогда следить за здоровьем.

— Передо мной можешь не оправдываться.

— Помнишь, в тот день мы играли с ним на газоне перед домом? Бегали вокруг разбрызгивателей? Отец взял садовый шланг и обливал нас обоих. Стояла страшная жара, помнишь?

— Ага.

— Он закатал штаны до колен, разулся и снял носки. Трава на газоне была мокрая, он гонялся за нами по всему газону кругами... Таким я его и запомнил, потому что видел в последний раз.

А я — не в последний.

В памяти Джастина вспыхивает картина: отец прикрывает за собой дверь гостиной. Джастин как раз прибежал в дом со двора, чтобы сходить в туалет. Он уже спускался на первый этаж, как вдруг заметил вышедшего из кухни отца, пригнулся и стал наблюдать за ним в просвет между столбиками перил.

В руке отец нес бутылку, которую доставал откуда-то только по особым случаям, когда в гости приезжали из Ирландии родственники. Тогда все они пили из этой бутылки, пели, смеялись, иногда плакали. Потом Джастин заметил у отца флакон с таблетками. Отец прикрыл за собой дверь. Вспоминая об этом, Джастин всегда винил себя за то, что не додумался окликнуть отца и остановить его. Но как бы там ни было, девятилетний мальчуган си-

дел на корточках и ждал, когда отец выйдет. Время шло, Джастин волновался, хоть и не понимал почему.

Выждав несколько минут, которые тянулись бесконечно долго, Джастин поднялся. Он вошел в комнату и увидел зеленые от травы ступни. Он отчетливо запомнил отца, который лежал на полу и смотрел безжизненными глазами в потолок.

Джастин не попытался помочь отцу: он догадался, что уже слишком поздно. Он лишь притворил за собой дверь и бросился прочь из дома, к маме и младшему брату, игравшему на газоне.

У них осталось пять минут. Всего пять минут прежней жизни, а потом мама вошла в дом, и все сразу изменилось.

Мама тогда объяснила им, что у отца случился инфаркт. А теперь история смерти отца, выдуманная для того, чтобы помочь детям, нависла над Элом, словно черная туча, и тяжелой ношей легла на плечи Джастина.

— Эл, я должен кое-что рассказать тебе, — начинает Джастин. Внезапно в дверь звонят. Резкий звук словно жалит.

Джастин идет к двери и распахивает ее. Перед ним на перилах висит его одежда из химчистки. Джастин выходит на крыльцо, чтобы выяснить, кто привез ее, но, если не считать мусорного контейнера, на лужайке перед домом пусто.

— Кто там? — спрашивает Дорис.

— Никого, — озадаченно отвечает Джастин.

Он снимает с перил плечики с одеждой и несет в дом.

— Хочешь сказать, этот костюм сам позвонил в дверь? — спрашивает Дорис, которая по-прежнему злится на него.

— Не знаю. Би должна была привезти его только завтра.

— А может, это специальная доставка для самых выгодных клиентов?

— Да уж, только сдается мне, где специальная доставка, там и счет на кругленькую сумму. Сегодня днем мы с Би повздорили — может, таким способом она решила извиниться.

— Ну и самовлюбленность! — Дорис закатывает глаза. — И тебе ни на секунду не пришло в голову, что извиняться должен ты?

— Смотри-ка, здесь конверт, — указывает Эл.

При виде знакомого конверта сердце Джастина радостно сжимается. Он открывает конверт, читает записку. Потом достает первую карточку, которую нашел в корзинке с кексами, и кладет рядом со второй. Получается целая фраза.

«Спасибо... За то, что спасли мою жизнь».

Я лежу на дне контейнера и не дышу. Вся одежда моя в штукатурке и пыли. В кого я превратилась, черт возьми? В трусиху. Не выдержав напряжения, я нажала кнопку звонка, лишь бы Джастин не рассказал Элу о своем отце, а потом, до смерти перепугавшись, бросилась бежать, запрыгнула в контейнер и съехала на дне среди мусора. Символично.

— Джастин, ради бога, успокойся. — Дорис присаживается на стремянку и смотрит, как Джастин вышагивает по комнате.

— Не могу. Ты понимаешь, что это значит? — Он показывает ей две карточки.

Она широко раскрывает глаза.

— Ты спас кому-то жизнь?

— Вообще-то да. — Он пожимает плечами и перестает метаться. — Оказалось, это не так уж сложно.

— Он сдал кровь, — вмешивается Эл, прерывая неудачную попытку Джастина изобразить воплощенную скромность. — Помнишь, где он познакомился с Вампирой?

— Ее зовут не Вампирой, а Сарой.

— Стало быть, ты сдал кровь, лишь бы добиться свидания. — Дорис скрестила руки на груди. — А ты хоть на что-нибудь способен просто из человеколюбия?

— Слушай, я потратил уйму личного времени, помогая организациям, которым требовался мой опыт.

— Да уж. И ручаюсь, слупил с них втридорога за каждое слово.

Джастин тяжело вздыхает:

— Вернемся к нашим конвентам. Кто присылает мне эти карточки и знает о моих повседневных заботах? — Он снова принимается мерить шагами комнату. — Если кто и знает, что я жду благодарности за спасение жизни, так только Би.

— Нет, — качает головой Дорис, и длинные серьги при каждом движении хлещут ее по щекам. — Би не желает с тобой общаться, пока ты не извинишься.

— Дорис, разузнай у Би, кому она рассказывала обо мне.

— Ха! После всех гадостей, что ты мне сегодня наговорил, я даже не знаю, стоит ли тебе помогать.

— Ну пожалуйста, Дорис. Честное слово, я очень сожалею о том, что произошло. Я тебя недооценил.

— Значит, я все-таки хороший дизайнер? — уточняет Дорис.

И в знак примирения подает ему руку.

Через несколько минут все они сидят вокруг нового кухонного стола и слушают, как Дорис говорит по телефону.

— Значит, так: Би беседовала с Питером и главным костюмером «Лебединого озера». И с ее отцом.

— С костюмером? У кого-нибудь сохранилась программка?

Дорис исчезает в своей спальне, возвращается с буклетом и листает страницы.

— Давай сюда, я позвоню в театр, — говорит Джастин.

— А что ты ей скажешь?

— Все, что мне нужно знать — не ирландец ли ее отец и не была ли она в Ирландии в прошлом месяце. Остальное придумаю в процессе.

Эл и Дорис обеспокоенно переглядываются, а Джастин уходит звонить в другую комнату.

— Это ты? — тихо спрашивает Дорис мужа.

— Ты что! — качает головой Эл.

Через пять минут Джастин возвращается.

— Она помнит меня по вчерашнему вечеру, но ни она, ни ее отец тут ни при чем. Значит, остается Питер.

— Это не он, Джастин, — заявляет Дорис. — Лучше позвони в химичку и еще разыщи курьера, который принес кексы.

— Уже искал. С ними расплатились кредиткой, разглашать сведения о ее владельце они не имеют права.

— Твоя жизнь превратилась в одну большую загадку. Сначала эта Джойс, потом загадочные доставки... может, нанять частного детектива? Кстати, о детективах: смотри, что я для тебя раздобыла. — Дорис вручает ему лист бумаги со сведениями о Джойс. — Я обратилась в международную справочную и назвала номер той Джойс, которая звонила Би на прошлой неделе. Мне дали адрес дома, откуда был сделан этот звонок. По-моему, тебе следовало бы разыскать эту женщину, Джастин. Займись поисками, нормальная личная жизнь тебе не повредит.

Невнимательно пробежав взглядом по строчкам, Джастин сует бумагу с адресом в карман пиджака. Мыслями он уже далеко.

— А может, Джойс и есть женщина, которая организовала эту доставку, — осеняет Эла.

— С чего ты взял, что это должна быть женщина?

— Это же очевидно, — отзывается Эл. — Только женщине могло прийти в голову прислать корзинку с кексами. Или гею.

— От вас помощи не дождешься, — машет рукой Джастин.

— Зато я знаю, кто мог бы тебе помочь, — продолжает Эл. — Вампира!

— Она даже не сказала, кому перелили мою кровь, а теперь и подавно не станет со мной разговаривать.

— А зачем расспрашивать Сару напрямик? — загорается Эл. — Можно просто поискать у нее на работе.

— Нет, так нельзя, — с сомнением отзывается Джастин. — И потом, слишком уж жестоко я с ней обошелся.

— Значит, у тебя есть хороший повод явиться к ней в офис и извиниться, — лукаво разъясняет Дорис. — По-дружески.

На лицах всех троих расцветают улыбки.

— А ты сможешь на следующей неделе взять выходной для поездки в Дублин? — прерывает минуту коварства Дорис.

— Я уже принял приглашение дублинской Национальной галереи, — радостно объявляет Джастин. — Меня зовут выступить с лекцией о «Женщине, пишущей письмо» Терборха.

8

Следующее утро, четверть восьмого. Собираясь на работу, Джастин уже берется за ручку входной двери, но вдруг замирает как вкопанный.

— Джастин, а где Эл? — Из спальни выходит Дорис.

Джастин подносит палец к губам: «Молчи!» — и кивком указывает на дверь.

— Там кто-то есть? — взволнованно шепчет она.

Джастин кивает.

— На счет «три», — тихо предупреждает Джастин, и оба отсчитывают, шевеля губами: — Один, два... — Джастин рывком распахивает дверь. — Ага, попался! — кричит он.

— А-а-а! — в ужасе вопит почтальон, роняет пачку конвертов и швыряет в Джастина свертком.

— Джастин, ты болван! — взвизгивает Дорис. — Это же почтальон!

— Вижу, — хрипит он. И обращается к почтальону: — Все в порядке, сэр, простите, если я вас напугал. Я думал, что за дверью стоит кто-то другой. Еще раз прошу меня простить.

Левая рука Джастина опять зудит. Он начинает чесаться. Зуд усиливается, Джастин скребет ногтями кожу.

Почтальон качает головой, начинает пятиться.

— Вам никто не поручал отнести мне что-нибудь? — Джастин делает шаг к почтальону.

— Нет-нет. — Почтальон поспешно сбегает по ступенькам.

— Оставь ты его в покое. Ты его чуть до инфаркта не довел, — Дорис собирает конверты.

Джастин закатывает рукав рубашки и осматривает руку, но на ней нет ничего, кроме следов его собственных ногтей.

— Помогите! На помощь! — слышится голос Эла — такой глухой, словно ему набили рот носками.

Джастин обнаруживает Эла на земле возле крыльца. Его футболка пропитана потом, ноги в тренировочных штанах неестественно подогнуты. Похоже, он упал и боится сменить позу.

Решительно оттолкнув Джастина, Дорис устремляется к мужу и падает возле него на колени:

— Что с тобой? С крыльца свалился?

— Нет, — стонет Эл, запрокидывает голову и ударяется затылком о стену.

Джастин понимает, что его брат не пострадал и что его единственная беда — неважная физическая форма. Он спешит на кухню за водой для Эла.

— Сердце... — Эл растирает грудь и хватается ртом воздух.

— Не смей терять сознание, слышишь? — Схватив с земли газету, Дорис хлещет мужа по руке. — Не вздумай!

— Ой, больно! — Эл хватается за руку.

— Стоп, стоп! — вмешивается Джастин. — Дай-ка сюда газету, Дорис. Откуда она у тебя?

— Лежала на земле рядом с Элом. Наверное, мальчишка-газетчик принес.

— Здесь нет мальчишек-газетчиков.

— Зато есть кофе, — сообщает Эл, отдышавшись.

— Ты купил кофе? — верещит Дорис. — Неудивительно, что ты умираешь!

Джастин сует отнятую у Дорис газету под мышку и поднимает с земли коробку, в каких продают стаканы с кофе навынос.

Газету Джастин пробует потрясти в надежде, что из нее вывалится записка. Но записки нет, и он разворачивает газету. На первой полосе надписано: «Стр. 42».

Джастин судорожно листает страницы. Наконец он доходит до сорок второй, раздела объявлений, и просматривает их.

«Вечно признательный реципиент благодарит Джастина Хичкока, донора и героя, за спасение жизни. Спасибо».

Запрокинув голову, Джастин раздражается хохотом. Дорис и Эл изумленно таращатся на него.

— Эл, — Джастин наклоняется к брату, — ты никого не видел, когда подбегал к дому?

— Не помню, — хнычет Эл. — Когда я возвращался, я не то что смотреть по сторонам — дышать не мог. Если кого и видел, не помню. Прости, братишка.

— Ничего. — Джастин выскакивает на улицу, останавливается на тротуаре.

На улице в понедельник, в половине восьмого утра, жизнь кипит вовсю: соседи выходят из домов, направляются на работу, по мостовой мчатся машины.

— СПАСИБО! — во все горло кричит Джастин. Несколько прохожих оборачиваются, но большинство проходит мимо: подумаешь, невидаль — еще один спятил в большом городе.

— Я РАД, ЧТО ВЫ ЖИВЫ! — кричит Джастин.

— Ну что ж, спасибо, — бросает мимоходом какая-то женщина.

— ЗАВТРА МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕ БУДЕТ! — Пауза. — ЭТО НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ, ВДРУГ ВЫ ПЛАНИРУЕТЕ ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЕ! — Джастин поднимает вверх коробку с кофе и размахивает ею, несколько капель обжигают ему руку. Кофе все еще горячий. Его доставили совсем недавно. — ЗАВТРА УТРОМ Я ПЕРВЫМ РЕЙСОМ ВЫЛЕТАЮ В ДУБЛИН! — продолжает кричать Джастин, и его слова уносит ветер. — ЕЩЕ РАЗ СПАСИБО!

Он идет к дому, на ходу нащупывает в кармане листок бумаги, достает его, быстро пробегаем взглядом, комкает и бросает в контейнер. Как он и предполагал, он спас человеку жизнь — это самое важное, на этом надо сосредоточиться. Он входит в дом, стараясь выглядеть как можно достойнее.

Я лежу на дне контейнера, в старой выброшенной ванне, и прислушиваюсь к удаляющимся голосам. Наконец хлопает входная дверь. Дотянувшись до скомканного листа бумаги, я осторожно разворачиваю его, и сердце начинает отстукивать румбу. Я вижу на листе свое имя, папин адрес и номер его телефона.

— Где тебя носило? Что это с тобой, Грейси?

— Меня зовут Джойс! — выпаливаю я, врываясь в номер отеля. Я запыхалась и вся в пыли. — Некогда объяснять. — Я мечусь по номеру, бросая в чемодан вещи и вытаскивая чистую одежду.

— А я звонил тебе на мобильный, — продолжает папа.

— Да? Я не слышала. — Я пытаюсь одновременно втиснуться в джинсы и почистить зубы.

— Еще бы! Ведь звонил-то он здесь, в номере. Лежал у тебя на подушке. Я беспокоился за тебя, — добавляет папа.

— Ну и напрасно. — Я прыгаю на одной ноге, повсюду разыскивая вторую туфлю.

— Я позвонил вниз, спросить, не знают ли там, куда ты ушла.

— Да? — Я замираю, вдевая в уши сережки.

— Потом я прошелся туда-сюда по улице, заглядывая во все двери подряд.

— Правда? — рассеянно переспрашиваю я. — Да где моя туфля, черт возьми?

— Мне встретился полицейский, — продолжает папа. — Он посоветовал ждать тебя в отеле, а если через сутки ты не вернешься, позвонить вот по этому номеру.

— Очень мило с его стороны. — Я распахиваю дверцы шкафа, проверяя, нет ли там пропавшей туфли, и обнаруживаю, что внутри все еще висят папины вещи. — Папа! — возмущаюсь я. — Ты забыл свой второй костюм! И новый джемпер!

Обернувшись, я вдруг замечаю, какой он бледный и враз поставившийся. Папа сидит на краю постели, перед своим полупустым чемоданом. В одной руке у него мамина фотография, в другой — визитка, которую дал ему полицейский.

— Я беспокоился, — говорит папа все тем же изменившимся голосом, на который я до сих пор не обращала внимания. — Я же не знал, где ты.

— Подругу навещала, — тихо говорю я, присаживаясь рядом.

— Ну вот... А друг волновался, — слабо улыбается он.

Я заглядываю в его чемодан:

— Так, ну-ка посмотрим, что у нас тут... — Я вдруг ловлю себя на том, что обращаюсь с отцом как с ребенком.

— А успеем? — спрашивает папа.

— Конечно. — Мои глаза внезапно наполняются слезами, и я говорю решительнее, чем хотела: — Папа, времени у нас сколько угодно, — и ставлю его чемодан на кровать.

Внутри все свалено как попало, и неудивительно: за всю свою жизнь папа ни разу не собирал чемодан сам. Мой сильный и умный папа с такими простыми задачами просто не справляется. Все вещи скомканы, словно их укладывал ребенок. Свою туфлю я нахожу завернутой в гостиничное полотенце. Вынимаю ее, молча обуваюсь, а полотенце отношу обратно в ванную. Потом начинаю доставать вещи и складывать как следует.

В метро по пути в аэропорт папа то и дело поглядывает на часы.

— Куда ты так спешишь? — с улыбкой спрашиваю я.

— «Понедельничный клуб»! Как бы нам на рейс не опоздать.

— Опоздаем на этот — улетим следующим.

— Хорошо, — вздыхает с облегчением папа. — Донала удар хватит, если все в кои-то веки будут слушать не его, а меня.

Он устраивается поудобнее и смотрит за окно, на темные стены туннеля. Я достаю мобильный и приступаю к планированию следующего шага.

— Фрэнки, это я. Джастин Хичкок завтра утром вылетает первым рейсом в Дублин. Мне надо знать, куда он собрался.

— Через час сообщу.

Спустя два часа, когда мы с папой уже добрались до аэропорта, Фрэнки наконец перезванивает мне:

— Завтра в половине одиннадцатого у него лекция в Национальной галерее.

— Ясно. Скажи, твой дядя Том еще не продал свою компанию?

— Что это ты задумала? — спрашивает папа, когда я заканчиваю разговор с подругой.

— Немножко развлечься.

— Совсем забыл сказать тебе: звонил Конор. Он в Японии. Хотел узнать, почему возле дома до сих пор нет таблички «Продается».

— Я сама его продаю.

Папа явно сомневается, и правильно делает, потому что я вру.

Пока мы стоим в очереди на посадку, я посылаю нескольким клиентам сообщения, предлагая показать дом. Затем звоню фотографу, с которым давно работаю, и заказываю несколько снимков. К тому времени, как мы занимаем свои места в самолете, все уже улажено: фотографии и табличка заказаны, на завтра назначен показ дома. Мои клиенты — супружеская пара, оба — учителя.

В ответном сообщении от них — приписка: «Примите соболезнования». Я сразу же стираю его и отключаю телефон.

— Так ты правду сказала насчет дома? — спрашивает папа.

— Конечно, — на этот раз уверенно отвечаю я.

— А я и не знал. Если бы знал, сам сказал бы ему. Знаешь, он ведь беспокоится о тебе. Считает, что тебе надо показаться хорошему врачу.

Я складываю руки на груди, горя желанием сразу же перезвонить Конору и высказать все, что я о нем думаю. Припомнить ему обрезки ногтей в постели, привычку оглушительно сморкаться каждое утро, перебивать, не дослушав. А еще я напостила бы ему, как он показывал на вечеринках один и тот же дурацкий фокус с монетой, над которым мне осточертело смеяться, и никогда не умел толком обсудить наши проблемы...

Папа прерывает воображаемую пытку, которую я устраиваю Конору.

— Он сказал, однажды ты позвонила ему среди ночи и что-то бормотала по-латыни.

— Правда? — Меня захлестывает гнев. — А ты что ответил?

— Что из тебя получился прекрасный викинг-полиглот.

По голосу я слышу, что папа улыбается, запрокидываю голову и смеюсь.

Папа вдруг берет меня за руку:

— Спасибо тебе за все, милая. Я отлично провел время. — Он пожимает мои пальцы.

По прибытии в аэропорт Дублина Джастин выходит навстречу толпе встречающих и видит среди них незнакомца с большим плакатом, на котором крупными буквами написана фамилия Джастина. Ниже — магическое слово: «СПАСИБО».

Это слово с недавних пор привлекает его внимание повсюду — на рекламных щитах и в газетах, в радио- и телевизионных рекламах. Так продолжается изо дня в день с тех пор, как он получил первую записку. В голове Джастина постоянно вертится: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Джастин отступает на шаг от плаката. Словно картина в галерее, это слово само подсказывает, в каком ракурсе его следует рассматривать. Джастин уже нашел ракурс. И теперь видит, насколько весома надпись. В отличие от вежливого бормотания, которое слышишь тысячи раз на дню, это «спасибо» исполнено смысла.

Он подходит к человеку, держащему плакат:

— Здравствуйте.

— Мистер Хичкок? — У здоровяка ростом под два метра брови такие густые и темные, что глаз толком не разглядеть.

— Да, — осторожно отвечает Джастин. — Машину прислали за Джастином Хичкоком?

— Верно, сэр. Это по-прежнему вы или что-то изменилось?

— Это все еще я, — задумчиво произносит Джастин.

— Что-то вы не очень уверены, — опускает плакат водитель. — Какие у вас планы на это утро?

— Мне надо в Национальную галерею. Но я не ожидал, что меня встретят. — Следом за шофером Джастин выходит из аэропорта. — Из галереи мне не сообщили, что за мной пришлют.

— Меня об этом заказе известили только вчера поздно вечером. Вообще-то сегодня я должен был присутствовать на похоронах тетки моей жены.

— Очень жаль...

— Мне тоже. Терпеть не могу похороны. — Шофер останавливается и поворачивается к Джастину с выражением преувеличенной серьезности на лице. — На похоронах меня всегда на смех пробивает, — объясняет он. — А с вами такое бывает?

Джастин не знает, всерьез говорит водитель или шутит: на лице у того ни тени улыбки. Ему вспоминаются похороны отца. Две семьи собрались на кладбище вокруг зияющей ямы, в которую опустили гроб. Родные отца прилетели из Ирландии и привезли с собой дождь, редкий для жаркого чикагского лета. Все стояли под зонтами, Джастин — рядом с тетей Эмельдой, которая сжимала одной рукой ручку зонта, другой — его плечо. За это он ненавидел тетку. Ее рука казалась слишком тяжелой и жесткой, словно пригвозждала к месту, не давала подойти ближе к сырой яме. Может, тетя Эмельда умела читать мысли? Потому что Джастин и вправду подумывал прыгнуть в могилу.

Если он спрячется в ней незаметно, они с отцом снова будут вместе. Отец будет принадлежать только ему, его уже не придется делить с мамой и Элом, они смогут смеяться и играть вдвоем...

Очнувшись, Джастин чувствует на себе пристальный взгляд водителя.

— Нет, — тихо отвечает он, откашливается и смотрит по сторонам, возвращаясь в мир, каким он стал по прошествии тридцати пяти лет.

— Нам вон туда. — Водитель жмет на кнопку брелока, «мерседес» подмигивает фарами.

У Джастина отвисает челюсть.

— А вы, случайно, не знаете, кто организовал эту встречу?

— Понятия не имею.

— А вы не могли бы узнать у своего начальства, кто оплатил заказ машины?

— Попробую.

— Это было бы замечательно. — Развалившись на кожаном сиденье, Джастин закрывает глаза и улыбается.

— Кстати, меня зовут Томас, — представляется водитель, — и я целый день в вашем распоряжении.

— Целый день? — Значит, он спас жизнь какому-то богачу. Надо было в разговоре с Би упомянуть не только про кексы и газеты. Например, еще про виллу на юге Франции. — Вы не могли бы после галереи отвезти меня на Д'Олиер-стрит? Мне надо кое-кого провести в центре переливания крови.

— Нет проблем, босс.

Октябрьский ветер свирепствует, пытаюсь сдуть последние листья с деревьев. Не люблю осень. Горько смотреть, как увядают растения, как проигрывают битву с природой.

— Вон машина, — говорю я Кейт.

Мы стоим через дорогу от Национальной галереи, за припаркованными машинами, среди деревьев.

— Это ты ее оплатила? — спрашивает Кейт. — Совсем рехнулась.

— Вообще-то я заплатила только половину суммы. За рулем дядя Фрэнки — он хозяин компании.

«Мерседес» подкатывает к воротам галереи. Джастин выходит, улыбаясь от уха до уха, и я с удовольствием вижу, что деньги, предназначенные для выплат по ипотеке за следующий месяц, не пропали даром.

Шуршат сухие листья у меня под ногами, и мне кажется, что очередной порыв ветра доносит до меня запах лосьона, которым Джастин пользуется после бритья — тот же самый запах, как в парикмахерской. На краткий миг, закрыв глаза, я вижу его со свертком в изумрудно-зеленой бумаге. Сверток перевязан алым бантом, мои руки вспоминают, как аккуратно отклеивали скотч от бумаги. Меня умиляет его бережное отношение к этому подар-

ку — до тех пор, пока я не вспоминаю, что на цветную бумагу у Джастина свои планы: в нее он заворачивает купленные в последнюю минуту подарки, сидя в машине. В свертке с алым бантом обнаруживаются бритвенный прибор и лосьон после бритья. Подарок от Би к Рождеству...

— Симпатичный, — шепчет Кейт. — Знаешь, Джойс, я полностью тебя поддерживаю.

— Я поступила бы так же, даже если бы он оказался уродом.

— Можно мне зайти и послушать лекцию? — спрашивает Кейт.

— Нет!

— Но почему? По крайней мере присмотрюсь к нему, увижу, какой он вблизи.

— А Сэм?

— Ты не присмотришь пока за ним?

Я цепенею.

— А впрочем, не надо, — спохватывается Кейт. — Я возьму его с собой.

— Нет, ничего. Я побуду с ним. — Я подталкиваю подругу к воротам галереи.

Кейт посылает сыну воздушный поцелуй и перебегает через улицу.

— Та-ак... — нервно оглядываюсь я, — вот мы с тобой и остались вдвоем, Шон.

Он смотрит на меня большими голубыми глазами — так, что у меня наворачиваются слезы.

Я еще раз оглядываюсь, убеждаясь, что меня никто не слышал. Я хотела сказать не «Шон», а «Сэм».

Джастин занимает место за кафедрой в лекционном зале. Почти все кресла заняты, слушатели внимательно смотрят на лектора. Опоздавшая молодая женщина проскальзывает в зал.

— Доброе утро, леди и джентльмены. Я расскажу вам о картине Терборха, голландского живописца XVII века, которая называется «Женщина, пишущая письмо». Это полотно, точнее, изображения людей, пишущих письма, мне особенно по душе, потому что в наше время искусство личной переписки почти утрачено.

Он умолкает. Прищурившись, обводит взглядом аудиторию. Кто-то из этих людей может оказаться таинственным отправителем. Он присматривается к женщине, которая едва не опоздала, затем к другой, сидящей за ней, пытается угадать, улавливают ли

они скрытый смысл его слов. На что он рассчитывает, на какой исход событий надеется?

Я везу коляску Сэма к Мэррион-сквер. Осенние листья всех оттенков охры, багрянца и золота устилают землю, взметаются над ней от каждого дуновения ветра. Я выбираю скамейку на тихой аллее и поворачиваю коляску так, чтобы Сэм сидел лицом ко мне.

Малыш указывает пальчиком в небо и что-то лепечет.

— Дерево, — объясняю я. Сэм улыбается. — Знаешь, Сэм, я хочу извиниться перед тобой. В последнее время я уделяла тебе слишком мало внимания, правда? Дело в том, что... — Я осекаюсь, малыш улыбается еще радостнее. — Ну-ка, иди сюда...

Я вынимаю его из коляски и усаживаю к себе на колени. Я дышу ему в макушку, в шелковистые детские волосы.

— Дело в том, — тихо продолжаю я, — что мне больно даже смотреть на тебя. — Он поднимает голову и согласно пускает пузыри. Я чмокаю его в носик-кнопку. — Не следовало об этом заикаться, но ты не мой малыш, и сознавать это очень тяжело. — У меня наворачиваются слезы, я не вытираю их. — Мне так хотелось, чтобы и у меня был маленький мальчик или девочка, чтобы люди, видя, как улыбается мой малыш, говорили: смотри-ка, точная копия мамочки.

— Ля-ля, — говорит Сэм.

Я всхлипываю.

— Ляли нет, Сэм. Был бы мальчик — Шон, девочка — Грейс. Я вытираю нос. Сэму надоедают мои слезы, он отворачивается и разглядывает птичку. Снова показывает пухлым пальчиком.

— Птичка, — объясняю я сквозь слезы.

— Ля-ля, — отвечает он.

Попрыгав, птичка взлетает.

— Ля-ля нет, — сообщает Сэм и разводит руками, повернув ладошки вверх.

Я смотрю, как улетает птица, превращаясь в темную точку на фоне бледно-голубого неба. Слезы перестают литься.

— Ляли нет, — повторяю я.

— Ну и как тебе? — спрашиваю я Кейт.

Мы гуляем по Мэррион-сквер, она рассказывает мне, как прошла лекция Джастина.

— По-моему, он прелесть. Подойди и познакомься с ним.

— Не могу, — качаю я головой.

— Но почему? Он, похоже, заинтересовался тобой, иначе не бежал бы за автобусом и не махал бы тебе в театре.

— Кейт, у него был мой адрес, а он выбросил его в мусорный ящик. Только не спрашивай, откуда я знаю!

— Могу предположить только одно: что в этот момент ты пряталась в мусорном ящике.

Я упрямо молчу.

Кейт вздыхает.

— И долго ты намерена продолжать в том же духе? А что будет с работой? И с Конором?

— Между мной и Конором все кончено. На работу я выхожу со следующей недели, у меня уже назначено несколько встреч с клиентами, а что касается дома... — Я спохватываюсь, смотрю на часы. — Все, мне пора. Через час нужно показывать клиентам дом.

— Да, это здесь. — Джастин смотрит из окна машины на второй этаж здания, где размещается центр переливания крови.

В приемной он с волнением спрашивает о Саре, его просят подождать. Вокруг него мужчины и женщины — читают газеты, ждут, когда их вызовут сдавать кровь. Когда Джастин наконец остается один в приемной, к нему выходит Сара.

— Джастин? — Она вовсе не сурова и не рассержена. Сдержанна. И обижена.

— Сара! — Он встает, приветствуя ее. — Я ненадолго, решил проведать тебя по пути в аэропорт.

— Вот как. — Она присаживается на краешек стула.

Джастин оглядывается:

— А где твой кабинет?

Она подозрительно прищуривается, и Джастин, не дожидаясь ответа, поспешно садится рядом.

— Вообще-то я здесь, чтобы извиниться за то, как вел себя в прошлый раз. Я на самом деле очень сожалею об этом.

Она кивает и ждет продолжения.

Черт возьми, мне больше нечего сказать! Думай, думай...

— Я не хотел тебя обидеть... Прости, можно мне в туалет?

Просьба застала ее врасплох, но она объясняет:

— Прямо по коридору и до конца.

Стоя возле дома, украшенного табличкой «Продается», Линда и ее муж прижимаются носами к стеклу, заглядывая в гостиную.

— Джойс, это вы? — Линда опускает на глаза солнечные очки.

— Привет, Линда. Привет, Джо, — протягиваю я им руку.

— Ох, я так вам сочувствую! — Линда пожимает мне руку.

Жест был бы милым, будь мы знакомы подольше, но в прошлом у нас — только осмотр трех домов больше месяца назад.

Я поворачиваю ключ в замке и пропускаю клиентов вперед.

— О-о! — восторженно восклицает Линда, ее муж улыбается.

Я вдруг вспоминаю, как мы с Конором впервые вошли в этот дом десять лет назад.

В то время у нас все было еще впереди. Но чем уютнее и красивее становился дом, тем безобразнее — наши отношения. Мелкие размолвки мы пытались загладить покупкой нового дивана, заменой щелястых оконных рам. Но никто из нас и не подумал заделывать трещины в наших отношениях. Из нашей супружеской жизни сквозняками выдуло все тепло.

— Нижние комнаты я вам покажу. — Я смотрю вверх, на дверь детской: она уже не вибрирует, как после моего возвращения из больницы. — А наверх вы сможете сходить сами.

— Хозяева еще живут здесь? — спрашивает Линда.

Я осматриваюсь:

— Нет. Они давно переехали.

По пути в туалет Джастин вертит головой, пытается отыскать кабинет Сары. Если ему посчастливится найти папку с документами доноров из Тринити-колледжа, тогда он приблизится к разгадке плотную.

Прочитав ее фамилию на табличке, он входит в кабинет и прикрывает за собой дверь. И сразу же бросается к шкафам, начинает рыться в ящиках. Не проходит и нескольких минут, как ручка двери поворачивается. Вошедшая Сара изумленно смотрит на него:

— Джастин, что ты делаешь в моем кабинете?

Ты же образованный человек, придумай убедительную причину.

— Повернул не туда.

Она упирает руки в боки:

— А может, хоть теперь скажешь правду?

— Я заметил твою фамилию на двери, вот и решил заглянуть.

Его взгляд падает на фотографию на столе Сары: на снимке она обнимает мужчину и белокурую девочку.

Сара замечает, куда он смотрит.

— Это моя дочь Молли.

— Я не знал, что у тебя есть дочь.

— Ты обо мне многого не знаешь.

— Сара, мне очень жаль.

— Это ты уже говорил. Еще до того, как пробрался в мой кабинет и начал ртыться в моих вещах.

Посмотрев ей в лицо, Джастин удержался от очередной лжи.

— Прости, — говорит он. — Мне стыдно, я сам от себя такого не ожидал. В моей жизни сейчас происходят странные события...

— А у кого в жизни их нет? Каждому приходится расхлебывать кашу, которую он заварил, Джастин. Только, пожалуйста, не проси меня расхлебывать твою.

— Хорошо. — Он снова смущенно улыбается и выходит из кабинета, чувствуя себя полным ничтожеством.

— А это что такое?

— Понятия не имею. Давай спросим у Джойс.

Я слышу, как Линда и Джо негромко переговариваются в коридоре. Предоставив их самим себе, я стою у окна в кухне и смотрю на кусты роз, которые посадила мама.

— Джойс, можно вас на минутку?

Я выхожу в коридор. И вижу, что мои клиенты стоят у подножия лестницы, возле пятна. Моего пятна.

— По-моему, это вино, — говорит Джо, глядя на меня. — Хозяева ничего не говорили об этом пятне?

— Э-э-э... — У меня дрожат колени. — А вы хотели бы оставить здесь это ковровое покрытие?

Линда задумывается.

— Пусть лучше будут просто деревянные полы. А ты как считаешь? — спрашивает она мужа.

— Да, — кивает он. — Красивый светлый дуб.

— Верно, — соглашается она. — Нет, ковровое покрытие оставлять не будем.

— Отличное решение, — улыбаюсь я, и от этой похвалы их лица словно освещаются изнутри.

— Пожалуй, — соглашается Линда. — Нам надо подыскать жилье попросторнее, и как можно скорее — видите ли, мы раз-

растаемся, точнее, пока только я разрастаюсь, — неловко шутит она, и только тогда я замечаю у нее небольшой животик.

У меня опять предательски дрожат колени. Только бы скорее закончился этот осмотр, только бы ушли отсюда эти люди!

— Потрясающе! Мои поздравления! — сам собой выговаривает мой язык.

— Неужели хозяевам совсем не нужна эта мебель? — спрашивает Линда, оглядываясь по сторонам. — Они ничего с собой не увозят?

— Ничего, — улыбаюсь я. — Кроме розовых кустов из сада. И чемодана с воспоминаниями.

Джастин с тяжким вздохом падает на сиденье машины.

— Вы не могли бы теперь отвезти меня прямо в аэропорт?

Джастин прикрывает лицо ладонью, ненавидя себя. Да, они с Сарой не подходят друг другу, но какое право он имел использовать ее?

— У меня есть кое-что для вас — авось поможет взбодриться, — объявляет Томас, тянется к бардачку, достает знакомый конверт и вручает Джастину. — Мой босс велел отдать его вам перед отъездом в аэропорт.

— Ваш босс? — Джастин прищуривается. — Как его зовут? Некоторое время Томас молчит.

— Джон Смит, — наконец говорит он.

Понимая, что больше из Томаса ничего не вытянет, Джастин переводит взгляд на конверт. Вертит его в руках.

— Ну что? Открывать будете? — спрашивает Томас.

Джастин продолжает вертеть конверт.

— Может быть.

Папа выходит встречать меня, заткнув уши наушниками айпода.

— О, КАКАЯ ТЫ СЕГОДНЯ КРАСИВАЯ, ГРЕЙСИ! — кричит он во весь голос. — ГДЕ БЫЛА?

Я улыбаюсь: наконец-то можно вздохнуть с облегчением. Приставив палец к губам, я вынимаю наушники из папиных ушей.

— Показывала дом клиентам.

— Им понравилось?

— Хотят прийти через несколько дней и сделать замеры. Моя мебель им вряд ли понадобится. Можно я перевезу ее к тебе в гараж?

— Ну конечно!

Я присаживаюсь к кухонному столу, а папа сразу находит себе дело — ставит чайник, как делает всякий раз, когда кто-нибудь появляется на кухне.

— Как вчера прошел «Понедельничный клуб»? Ручаюсь, Донал Маккарти тебе не поверил. Здорово у него вытянулось лицо?

— В выходные он умер, — говорит папа, повернувшись ко мне спиной и доставая из шкафа чашку с блюдцем для себя и кружку для меня. — Мы весь вечер вспоминали о нем.

— Ох, папа, как я тебе сочувствую!

— Но если бы он не умер, он бы уж точно лопнул от зависти, узнав, что я познакомился с Майклом Аспелом, — печально улыбается папа.

Некоторое время мы сидим молча.

— А кусты роз ты привезешь? — вдруг спрашивает папа.

— Само собой. Думаю, у тебя в саду для них найдется место.

Папа подходит к окну и смотрит в сад, вероятно прикидывая, где посадит розы.

Мой телефон на столе начинает вибрировать.

— Алло!

— Джойс, это Томас. Я только что высадил вашего молодого человека в аэропорту.

— О, спасибо вам огромное! Конверт ему отдали?

— Отдал, как было условлено, а сейчас смотрю — он лежит на заднем сиденье.

— Что?! — подсказываю я на табурете.

— По-моему, он с самого начала не знал, стоит ли открывать его.

— Что?.. Но почему?

— Не знаю, дорогая! Он был чем-то подавлен, я отдал ему конверт. Он долго смотрел на него, а когда я спросил, откроет он его или нет, ответил: «Может быть».

— «Может быть»... — повторяю я. — Он был чем-то расстроен, когда вышел из галерей?

— Нет, не из галерей — потом, когда мы заехали в центр переживания крови.

Боже мой, он, наверное, узнал, что его кровь перелили мне, и разочаровался.

— Вы не посмотрите, вскрыт конверт или нет?

— Запечатан. Извините, что так вышло. Хотите, я завезу его к вам домой?

— Да, будьте добры.

Через час Томас привозит мне конверт. Внутри по-прежнему прощупываются билеты, и это меня еще больше огорчает.

— Вот, папа, — я кладу конверт на кухонный стол, — это тебе подарок.

— Что там?

— Билеты в оперу на следующие выходные.

— Опера — это не по мне, милая, но все равно спасибо.

— Но балет же тебе понравился!

— На балет я ходил с тобой. А одному не хочется.

— И не придется. Там два билета.

— Ничего подобного.

Папа переворачивает конверт вверх дном и трясет. Из него вываливается листок бумаги и, порхнув, ложится на стол.

Мое сердце пропускает положенный удар.

Папа читает записку:

— «Составите мне компанию...»

— Дай-ка мне, — все еще не веря, я забираю у него записку и читаю ее сама. Потом перечитываю. И еще раз, и еще.

«Составите мне компанию? Джастин».

9

— **О**Н ХОЧЕТ встретиться со мной, — волнуясь, сообщаю я Кейт. Мы с ней сидим на балконе в плавательном бассейне. Внизу шумно плещутся Эрик и Джейда, рядом с нами в коляске восседает Сэм.

— Джойс, ты несколько недель разжигала его любопытство. Если он и вправду спас тебе жизнь, думаешь, ему не хочется познакомиться со спасенной?

— А вот и я! — объявляет подошедшая Фрэнки. — Первый вопрос на повестке дня: почему нам всегда приходится встречаться там, где полно мелюзги? — Фрэнки смотрит на купающихся детей. — Помните, как мы раньше веселились?

— У меня и сейчас веселья хоть отбавляй, — возражает Кейт.

— Да уж, на вечеринках для родителей, которые месяцами нос не высовывают из дому. Так себе веселье.

— Будут у тебя свои дети — поймешь.

— В моих планах дети не значатся. Все хорошо?

— Да, просто замечательно, — отвечаю я за Кейт, обеими руками изображая кавычки.

— Ясно, — отзывается Фрэнки и одними губами спрашивает у меня: «Кристиан?»

Кейт вспыхивает, глядя на нас:

— Хватит перемывать мне кости! Не нравится — проваливайте, здесь вас никто не держит.

— Хорошо, — помолчав, отвечает Фрэнки и поворачивается ко мне: — Можем заглянуть в новый бар по соседству.

— Никуда мы не пойдем, — сопротивляюсь я.

— Ты не развлекалась с тех пор, как рассталась с мужем и твоя жизнь полетела ко всем чертям, — мрачно заявляет Фрэнки. — А ты, Кейт, вообще стала невыносимой — с тех пор, как вы наняли в няньки эту шведку и твой муж положил на нее глаз. А мне осточертел бессмысленный секс каждый раз с новым партнером и подогретые в микроволновке полуфабрикаты на ужин. Все, я высказалась.

У меня отвисает челюсть. У Кейт тоже. Мы обе пытаемся дать Фрэнки отпор, но ее замечания попали не в бровь, а в глаз, поэтому нам вдруг становится смешно. Фрэнки толкает меня локтем в бок и усмехается. Уголки губ Кейт тоже начинают подрагивать.

— Надо было нанимать лесбиянку, — наконец говорит Кейт.

— Кристиану все равно доверять опасно, — возражает Фрэнки. — А у тебя, Кейт, паранойя, — на полном серьезе добавляет она. — Он обожает тебя, а она вовсе не симпатичная.

Но когда Кейт отводит взгляд, Фрэнки еле слышно шепчет мне: «Красотка».

— Итак, — продолжает она, — по какому случаю сбор?

— Джастин хочет встретиться с Джойс, — сообщает Кейт.

— О, прекрасно! — воодушевляется Фрэнки. — За чем же дело стало?

— Она влюблена. Как думаете, это нормально? — волнуется Кейт: ее дочь в бассейне закашлялась.

— С чего вдруг? — возражает Фрэнки. — С этим парнем она едва знакома...

— Да помолчите вы! — перебивает Кейт. — Думаете, с ней все хорошо?

— Ты влюблена? — Фрэнки смотрит на меня так, словно я только что сказала, что хочу сменить пол.

Я улыбаюсь, а тем временем инструктор прыгает в воду — спасать Джейду.

— Придется тебе взять нас с собой в Ирландию, — заявляет Дорис, водружая вазу на кухонный подоконник. Отделка квартиры почти закончена. — Мы должны быть поблизости на всякий случай — вдруг это шайка маньяков, которые заманивают людей на свидания, а затем убивают. Что-то такое говорили по телевизору.

— В оперу я вас с собой не возьму, — предупреждает Джастин.

— А если она знаменитость? — насаждает Дорис. — Ой, наверняка так и есть! Может, даже Дженнифер Энистон!

— Ну с чего ты взяла? Мы даже не знаем, женщина это или мужчина, — вздыхает Джастин.

— Вот именно, Дорис, — вступает в разговор Эл. — Скорее всего, просто обычный человек.

— Завтра мы летим в Дублин, — непререкаемым тоном продолжает Дорис. — У твоего брата день рождения, так что выходные в Дублине, в отеле «Шелбурн», будут очень кстати!

— «Шелбурн» мне не по карману, Дорис.

— Ну хорошо, поселимся где-нибудь поближе к больнице на случай сердечного приступа. Так или иначе, мы едем все вместе! — Она восторженно хлопает в ладоши.

— Дорис, а это обязательно? — стонет в ванной Джастин.

— Да! — кричит она. — Для этого мы сюда и приехали. Наш долг — позаботиться, чтобы сегодня ты выглядел прилично.

Дорис и Эл сидят на кровати в номере дублинского отеля — не «Шелбурна», но вполне приличного.

До начала спектакля остались считанные часы. Еще немного — и он узнает, кто его таинственный благодетель.

Он поправляет галстук и выходит из ванной. Его встречают гробовым молчанием.

— Ну что? — нервно спрашивает он. — Где пятно?

— Это и есть твой лучший костюм? — недоверчиво переспрашивает Дорис, окидывая его взглядом.

— Кажется, я узнал его — ты был в нем на нашей свадьбе, — говорит Эл, присмотревшись.

Дорис встает и берет сумочку.

— Раздевайся, — командует она.

— Слишком официально, Кейт. Мне бы что-нибудь...

— ...Сексуальное, — подхватывает Фрэнки и трясет перед своим носом платтицем-мини.

— Это опера, а не ночной клуб! — Кейт отнимает у нее платье. Обе продолжают перебирать наряды на вешалках.

— Нашла! — восклицает Фрэнки.

— Нет, мое лучше!

Они оборачиваются ко мне с совершенно одинаковыми платьями в руках: Кейт — с красным, Фрэнки — с черным. Я кусаю губу.

— Прекрати! — хором требуют подруги.

— Господи... — потрясенно шепчет Джастин.

— Ну что опять не так? Впервые видишь костюм в розовую полоску? — восклицает Дорис.

— Это Джойс, — негромко говорит Джастин. Где-то он вычитал, что у синегорлого колибри сердце бьется с частотой тысяча двести шестьдесят ударов в минуту, и еще долго гадал, можно ли выжить при таком пульсе. Теперь он точно знает: можно.

— Это Джойс? — Дорис тоже потрясена. — Та женщина, которая звонила? Знаешь, Джастин, она выглядит... как нормальная. А ты как думаешь, Эл?

Эл толкает брата в бок:

— Давно бы уж мог пригласить ее куда-нибудь и не мучиться.

— Но почему вас обоих так удивляет, что у нее нормальный вид?

— Понимаешь, дорогуша, сам факт ее существования — уже сюрприз, — фыркает Дорис. — А уж то, что она симпатичная — вообще чудо. Ну, иди, пригласи ее сегодня поужинать.

— Сегодня я не могу. Я иду в оперу!

Джастин не успевает даже задуматься: все происходит слишком быстро. Джойс, которая сегодня гораздо красивее, чем ему запомнилось, вот-вот уйдет. Надо действовать, и побыстрее.

— Если ты не пригласишь ее сейчас же, это сделаю я, — подталкивает его в спину Дорис.

Джойс проходит мимо.

— Джойс! — окликает ее Дорис.

— Боже мой, — обернувшись, Джастин понимает, что ему никуда не деться: путь к отступлению преграждают Эл и Дорис.

— Джастин Хичкок! — громко произносит незнакомый голос. Стоящая рядом с Джойс женщина кажется ему знакомой. Она катит коляску с ребенком. — Вы ведь Джастин Хичкок? — Женщи-

на протягивает руку. — А я — Кейт Макдональд. На прошлой неделе я слушала вашу лекцию в Национальной галерее. Было так интересно! Не знала, что вы знакомы с Джойс. — Она толкает подругу локтем. — Джойс, ты мне ничего не говорила!

Испуганные глаза Джойс кажутся огромными. Она растерянно переводит взгляд с подруги на Джастина и обратно.

— На самом деле мы встречались несколько раз, но до знакомства дело так и не дошло. — Он протягивает руку: — Джойс, я Джастин.

Она подает ему руку, и между ними внезапно проскакивает искра. Оба отдергивают руки.

— Ой! — Джойс пятится.

— Это статическое электричество. Здесь не помешал бы увлажнитель воздуха, — голосом робота объясняет Джастин.

Поколебавшись, Джойс снова протягивает руку, чтобы все-таки скрепить знакомство рукопожатием.

— Простите, просто меня...

— Ничего, меня тоже, — улыбается он.

Дорис шумно откашливается:

— Я Дорис, его невестка. Не хотите поужинать сегодня с Джастином?

— Сегодня? — Джойс теряет.

— Она будет только рада, — отвечает за нее Фрэнки.

— А у вас на сегодня точно нет других планов? — уточняет смутившаяся Джойс.

— Нет, никаких, — качает головой Джастин. — Я предпочел бы поужинать с вами.

— Куда вы ее поведете? — Фрэнки дружески улыбается Джастину.

— В отель «Шелбурн», — подсказывает Дорис. — Скажем, в восемь.

— В восемь — это ей подойдет, — отвечает Кейт.

Джойс задумывается:

— Вы уверены, что хотите отменить сегодняшние дела?

Чувство вины на миг охватывает его. Он кивает, но не знает, убедительно ли выглядел его ответ.

Дорис настойчиво тянет его прочь.

— Ну, было очень приятно познакомиться, а теперь нам пора. Джойс, дорогуша, не забудьте про ужин — в восемь, в отеле «Шелбурн».

— Красное или черное? — Джойс показывает Джастину оба платья, пока его не увели.

— Красное.

— Значит, черное, — улыбается она, вспомнив их первый и единственный разговор в парикмахерской, в день знакомства.

Он смеется, позволяя Дорис утащить его.

— Какого черта ты это сделала, Дорис? — спрашивает Джастин на обратном пути в отель. — Я не могу подвести человека.

— Джастин, послушай: вся эта затея с благодарственными записками вполне может оказаться розыгрышем. Не лучше ли поужинать с симпатичной девушкой, от которой ты без ума?

— Даже на Дженнифер ты так не засматривался, — подхватывает Эл.

Джастин улыбается.

— Внимание, иду! — кричу я сверху Кейт, Фрэнки и папе.

Папа надувает щеки, изображая фанфары, я со смехом спускаюсь по ступенькам. Время от времени я поглядываю на мамину фотографию, стоящую на столике в коридоре, и подмигиваю, когда прохожу мимо.

Сделав несколько шагов по коридору, я сворачиваю на кухню, к зрителям, и меня встречают гробовым молчанием.

— Что не так?

— Джойс... — шепчет Фрэнки, — какая ты красивая!

Я вздыхаю с облегчением и кружусь в своем новом красном платье, а Сэм хлопает пухлыми ладошками.

— Мистер Конуэй, правда, она красавица? — спрашивает Фрэнки у папы.

Все мы поворачиваемся к папе: его глаза полны слез.

— Папа, это же просто платье! — обнимаю я его.

— Ты прекрасна, милая, — с трудом выговаривает он. — Пойди и очаруй его, детка. — Он целует меня в щеку и поспешно уходит в гостиную, застыдившись своих чувств.

— Итак, ты уже решила, куда сегодня идешь — ужинать или в оперу? — с улыбкой спрашивает Фрэнки.

— Он пригласил тебя на ужин, — напоминает Кейт.

— Не он, а его невестка. А я не соглашалась — это сделала ты, — недовольно напоминаю я Кейт. — Он умрет от любопытства, если не узнает, чью жизнь спас.

— Мне показалось, он не прочь поужинать с тобой.

— Непростое решение, — подытоживает Фрэнки. — Не хотела бы я оказаться в твоей шкурке.

— Шкурка ее собственная, только туфли мои, — напоминает Кейт. — Может, просто объяснишь ему, что ты — это ты?

— Так и было задумано, только не за ужином, а в опере.

— А ты приди на ужин и Расскажи все как есть.

— А вдруг он явится в оперу?

Мы несколько раз возвращаемся к тому, с чего начали, у меня уже голова идет кругом. Когда приезжает такси, папа провожает меня до двери.

— Не знаю, о чем вы там спорили, но принимать решение все-таки придется тебе, — мягко напоминает папа. — Ты всегда сама выбирала дорогу, милая.

— Ты о чем?

Он указывает в окно на сад.

— Видишь вон ту тропинку?

Тропинка едва заметна, трава на ней вытоптана, видна земля.

— Это ты ее проложила. В то время ты была совсем крохой, — улыбается он. — Садоводы говорят, что это «линии желаний» — пути, которые люди прокладывают для себя. Ты всегда избегала дорог, выбранных другими, милая. И в этом ты похожа на свою маму...

Мы оба рассматриваем узкую ленточку утоптанной земли, которая тянется через весь сад.

— Линии желаний... — повторяю я. — Нет, желания не могут быть линейными: прямой путь к тому, чего хочешь, невозможен.

Я приподнимаюсь и целую папу в лоб.

Я выхожу из такси и сразу вижу толпу разодетых в пух и прах зрителей Национальной ирландской оперы. Меня переполняет волнение: сегодня я перехожу к финальной стадии своего плана.

Я стою на полпути между отелем «Шелбурн» и театром Гайети. Закрыв глаза, я жду, когда меня потянет в одну из сторон. Куда же мне?

Повернув налево, я уверенными шагами направляюсь к театру. В многолюдном фойе покупаю программку и направляюсь к своему месту. Я сажусь, наслаждаясь волшебной атмосферой. Оркестранты настраиваются, воздух, словно нектаром, напоен ароматами духов и лосьонов.

Смотрю направо, на пустое кресло рядом со мной, и вздрагиваю от радостного предчувствия.

Через пять минут начнется спектакль, опоздавших впустят в зал лишь в антракте. Скорее, Джастин! — умоляю я и нервно постукиваю ногой об пол.

Джастин быстрым шагом идет от отеля по Килдэр-стрит. У перекрестка он останавливается. Отель «Шелбурн» прямо перед ним, театр Гайети — справа, на расстоянии менее двухсот метров.

Закрыв глаза, Джастин делает несколько глубоких вдохов. Дышит свежим октябрьским воздухом Дублина.

Куда пойти? Куда?

Спектакль начался. Кресло рядом со мной пустует.

Я снова оборачиваюсь и замираю: дверь неподалеку открывается.

Джастин толкает дверь и входит в зал.

Его приветствует метрдотель:

— Добро пожаловать, сэр. Чем могу помочь?

— Добрый вечер. Я заказывал столик на двоих, моя фамилия Хичкок. — Он нервно озирается.

Если она придет и увидит, что его нет за столиком, он никогда себе этого не простит.

— Принести вам меню, сэр, или вы пока подождете?

— Подожду, спасибо. — Он не сводит глаз с двери.

Прошло больше часа. Кресло рядом со мной все еще пустое. Соседка с другой стороны вежливо и сочувственно улыбается мне. От этой улыбки у меня наворачиваются слезы. Начинается антракт, зрители выходят из зала. А я по-прежнему сижу и жду.

Может, он еще придет. Может, для него это так же важно, как и для меня. Ужин с женщиной, которую видел всего раз в жизни, — это не вечер с человеком, которому спас жизнь.

Но возможно, спасения жизни недостаточно.

— Не хотите посмотреть меню, сэр?

Она опаздывает уже на полчаса, но он пока не теряет надежды.

— Видите ли, моя дама немного задерживается... — объясняет он. — Так что я пока хотел бы взглянуть на меню, если можно.

«Пойди и очаруй его», — велел папа. А я не смогла. Меня подвел человек, который выбрал ужин со мной. Мне хотелось, чтобы он пришел сюда.

А что, если я уйду и мы разминемся? Нет, уж лучше досижу до конца. Но если он сейчас в ресторане, а я здесь, тогда он пробыл один больше часа. Почему же не прошел пару сотен метров, не посмотрел, кто его таинственный спутник? Или все-таки не поленился, заглянул в дверь, увидел меня и не стал входить? Мысли путаются у меня в голове.

Я не успеваю опомниться, как опера заканчивается. Выхожу на свежий ночной воздух и чувствую, как слезы на ветру холодят кожу.

Джастин выливает в бокал остатки вина из второй бутылки. Он сидит здесь уже больше часа, а Джойс так и не появилась.

Его обманули. И это сделала единственная женщина, к которой он проявил хоть какое-то подобие интереса впервые после развода. Не считая бедняжки Сары.

— Простите, если помешал, сэр, — вежливо говорит метрдотель, — но нам звонил ваш брат Эл. Он просил передать вам, что он все еще жив.

— Жив?

— Да, сэр, он сказал, что вы поймете, ведь уже двенадцать. Сегодня его день рождения.

Джастин смотрит на него осоловелыми глазами.

— Я подвел человека, с которым даже не знаком. А он был так добр ко мне. Да, очень добр. Присылал мне кексы и кофе, машину с шофером. А я обошелся с ним или с ней как последний мерзавец... — Он вдруг осекается. Может, там еще открыто!

— Вот. — Он бросает на стол кредитку. — Может, я еще успею все исправить.

Я прошу таксиста остановиться за углом, чтобы пройтись пешком, проветриться и выплакаться к тому времени, как меня увидит папа — уверена, он все еще сидит в кресле, с нетерпением поджидая меня.

Я прохожу мимо моего прежнего дома, который удачно продала всего несколько дней назад, но не Линде и Джо, которые узнали, что в нем раньше жила я, и решили, что для беременной Линды лестница может оказаться слишком опасной.

Я останавливаюсь у своего бывшего дома. Раньше он хранил мои мечты, теперь стал воплощением чужих, и я этому только рада. Рада, что могу начать все сначала, заново, несмотря на старые шрамы.

К папиному дому я подхожу в полночь и вижу, что все окна черны. Ни в одном не горит свет. Обычно такое случается редко.

Разыскивая в сумочке ключи, натыкаюсь на мобильный. Оказывается, я пропустила восемь звонков. В опере я отключила телефон, а потом не удосужилась взглянуть на него. В дом я влетаю пулей, зажигая повсюду свет.

— Папа! — кричу я из коридора.

Тишина. На кухонном столе — полная чашка чаю.

В панике мчусь вверх, включаю свет, продолжая кричать: «ПАПА, ПАПА, ГДЕ ТЫ?» Слезы текут ручьем.

Всюду меня встречает тишина, никогда еще мне не было так одиноко. И вдруг...

— Джойс? — Голос доносится от входной двери, которую я оставила распахнутой. — Джойс, это я, Фран. — Соседка стоит у порога, кутаясь в халат.

— Папа исчез... — У меня дрожит голос.

— Он в больнице, я пыталась тебе дозвониться, но...

— Что? Как? — Я сбегая по лестнице.

— Джойс, успокойся, — обнимает меня Фран. — Я отвезу тебя к нему.

Папа лежит в постели, к его запястьям и носу тянутся какие-то трубки, кожа мертвенно-бледная, тело словно съежилось под больничным одеялом.

— Папа... — Я стараюсь сохранять спокойствие, но сдавленный голос выдает меня.

— Все хорошо, милая. Просто у меня был шок, вот и все. Я-то думал, опять сердце пошаливает, начал таблетки принимать, а потом и голова закружилась. Говорят, это из-за сахара. Ну, иди сюда, глупышка, — протягивает он ко мне руки.

Я бросаюсь к нему и крепко обнимаю.

— Надеюсь, я не испортил тебе вечер. Я запретил Фран беспокоить тебя.

— Я так перепугалась, когда не нашла тебя дома!

— Но теперь-то со мной все в порядке, а как у тебя дела? — спохватывается папа. — Рассказывай все по порядку.

— Он... — я поджимаю губы, — так и не пришел. — И я снова начинаю плакать.

— Ох, милая, — ласково говорит папа, — он просто болван.

Джастин заканчивает рассказ о своих плачевных выходных. Би слушает его, сидя на диване.

— И я все это пропустила! Вот облом!

— Не пропустила бы, если бы не обиделась на меня, — поддразнивает ее Джастин.

— Спасибо, что извинился перед Питером.

— Я вел себя по-идиотски, никак не мог смириться с тем, что моя девочка уже выросла.

Би улыбается.

— А тот бедняга! — Она вспоминает только что услышанный рассказ отца. — Наверняка весь вечер ждал тебя в опере!

Джастин прячет в ладонях покрасневшее от стыда лицо.

— Пожалуйста, не надо, мне и так тяжело. Что было — то прошло, пора жить дальше. Если ты не вспомнишь, кому еще рассказывала про кексы и все остальное, мы так и не узнаем, кто это был.

— Только Питеру, той костюмерше и ее отцу, — говорит Би.

— С костюмершей я уже побеседовал. Она, похоже, меня ни разу не видела, к тому же она англичанка. А ее отец — поляк.

— Постой-ка, она не англичанка, а ирландка, — хмурится Би.

— Джастин, я только хотел узнать, — Лоуренс вносит в комнату чашки с кофе, — когда мы сможем поговорить.

— Не сейчас, Лоуренс. Би, где твоя программка? Там наверняка есть ее фотография.

— Ну сколько можно, Джастин! — В дверях возникает Дженнифер, раздраженно складывает руки на груди. — Мог бы выслушать хотя бы из вежливости!

Би убегает к себе и возвращается, потрясая программкой. Не обращая внимания на бывшую жену, Джастин торопливо пролистывает страницы.

— Вот! — тычет он пальцем в страницу.

— Слушайте, — встает перед ними Дженнифер, — нам давно пора все прояснить.

— Не сейчас, мама. Ну пожалуйста! — умоляет Би. — Но это не она! — Би решительно качает головой. — Я говорила с другой женщиной!

— А как она выглядела? — допытывается Джастин.

— Сейчас, сейчас вспомню... Знаю! Мама, где фотографии, которые мы сделали в день премьеры?

— В кухонном шкафу, — хмурясь, подсказывает Лоуренс.

— Отлично, Лоуренс! Скорее тащи их сюда!

Встревоженный, Лоуренс бросается на кухню, в ожидании его Джастин ходит из угла в угол.

— Вот они.

Би выхватывает у него снимки и быстро перебирает их.

— В тот момент тебя в баре не было, папа, а мы как раз решили сделать групповой снимок. Смотри, что получилось!

Молчание.

— Папа?..

— Джастин! — Дженнифер подходит ближе. — Какой он бледный! Лоуренс, скорее принеси ему воды!

— Это Джойс, — шепчет Джастин.

Би ахает:

— Та самая, что звонила мне?

Он кивает.

— Би, где твой телефон? Там должен быть ее номер.

— Папа, это же когда было! Мой телефон хранит в памяти только десять последних номеров. Но я дала его Дорис, помнишь?

А ты вышвырнул записку в мусорный ящик! Только бы его еще не увезли!

— Вот. — Лоуренс приносит стакан воды.

— Лоуренс! — Джастин бросается к нему и целует в лоб. — Вот тебе мое благословение! Дженнифер, — он поворачивается к бывшей жене и целует ее в губы, — желаю удачи!

Он выбегает из квартиры под радостные вопли дочери. Дженнифер смотрит ему вслед, с отвращением вытирая губы. Лоуренс смахивает с одежды расплескавшуюся воду.

На пути от станции метро до дома Джастин попадает под дождь, который льет так, словно в небе выжимают тучи. Джастину все равно, он только смеется, не в силах поверить, что Джойс и есть та самая женщина. Он должен был догадаться.

Он сворачивает на свою улицу и с облегчением видит возле дома контейнер, уже заполненный мусором до краев. Запрыгнув на него, Джастин принимается расшвыривать мусор.

Дорис и Эл перестают укладывать чемоданы и озабоченно наблюдают за ним в окно.

— Черт, а я уж думал, он теперь нормальный, — бормочет Эл. — Может, останемся?

Я лежу в постели, глядя в потолок. Папа еще в больнице, но завтра его выпишывают. Оставшись одна, я волей-неволей думаю о своей жизни, и меня бросает от угрызений совести к отчаянию, но я все ищу путь к надежде.

В одиннадцать вечера звонит телефон. Я хватаю трубку:

— Алло!

— Значит, это была ты.

— Джастин?

— Я видел фотографию, на которой ты с отцом и с Би. В тот вечер она рассказала тебе о том, как я сдавал кровь и ждал благодарности. Почему же ты мне ничего не сказала?

— Ты сердисься?

— Нет! Вернее, не знаю. Не понимаю. Я в растерянности.

— Тогда позволь, я тебе все объясню. — Я перевожу дыхание, надеясь, что голос звучит ровно. — Когда мне переливали кровь, что-то произошло, и внезапно я поняла, что мы с тобой связаны. Нас тянуло в одни и те же места, как в ту парикмахерскую, и хотя мы встретились по чистой случайности... — Я говорю слишком быстро, почти тараторю. — А потом Би рассказала мне, что ты сдавал кровь в то самое время, когда мне переливали ее...

— Хочешь сказать, ты не знаешь наверняка, мою кровь тебе перелили или нет?

— Не знаю, но...

— Джойс, — перебивает он меня тоном, который мне сразу не нравится.

— Джастин, поверь мне. За последние несколько недель со мной произошло слишком много странных событий. — Я подробно рассказываю ему о том, как мне достались его умения, его знания, даже его вкусы. Он молчит. — Скажи хоть что-нибудь, Джастин.

— Не знаю, что и сказать. Все это... странно.

— И все-таки это правда. Мне передались даже твои воспоминания.

— Вот как? — Голос становится холодным, отчужденным.

— Воспоминания о прогулке в чикагском парке, о Би в юбочке, похожей на балетную пачку, о клетчатой скатерти, катании на качелях с Элом, разбрызгивателях на газоне, о...

— Все, все, хватит. Кто тебе рассказал?

— Никто, я просто знаю — и все! — Я устало тру глаза. — Понимаю, Джастин, это звучит дико, но я говорю правду. Если ты мне не веришь — что ж, очень жаль, но это не розыгрыш.

Некоторое время он молчит. Потом говорит:

— Мне хочется тебе поверить.

— Ты ведь чувствуешь, что между нами что-то есть?

— Чувствую. — Он произносит это так медленно, словно обдумывает каждую букву. — Но все эти воспоминания, вкусы, страсти и так далее, о которых ты говорила, ты могла просто видеть или узнать от кого-нибудь. Фотографию Би ты видела у нее в медальоне, ты слышала мои лекции, читала мои статьи. Откуда мне знать, что все это ты знаешь благодаря переливанию крови? Уж не обижайся, но где гарантии, что ты не сумасшедшая, которая начиталась бредовых книг или насмотрелась фильмов и убедила себя, что все это чистая правда?

Я вздыхаю. Мне нечего ему возразить.

— И ты даже не попытаешься мне поверить?

— Может, тебе стоило бы... обратиться к специалисту.

— Джастин, прошу тебя! Может, мне все-таки удастся как-нибудь переубедить тебя... — Я осекаюсь, кое-что вспомнив. Нет, это запрещенный прием.

— До свидания, Джойс. Надеюсь, у тебя все сложится хорошо.

— Подожди! Есть то, что известно только тебе.

Он медлит.

— Что именно?

Крепко зажмурившись, я делаю глубокий вдох. Сейчас или никогда! Открыв глаза, я выпаливаю:

— Насчет твоего отца.

— А он тут при чем? — Голос прямо ледяной.

— Я знаю, что ты видел, — тихо говорю я. — Знаю, как ты ждал на лестнице, как смотрел на него. Я тоже его видела. Как он взял бутылку и таблетки, как прикрыл за собой дверь. А потом я увидела выпачканные зеленую ступни...

— ЗАМОЛЧИ! — кричит он, и я потрясенно умолкаю.

Нет, я все-таки должна попытаться:

— Я знаю, как тяжело тебе пришлось в детстве...

— Ничего ты не знаешь, — холодно чеканит он. — Абсолютно ничего. Пожалуйста, не пытайся больше связаться со мной. Больше я не желаю о тебе слышать.

— Хорошо, — шепчу я, но он уже повесил трубку.

Я сижу на лестнице в темном опустевшем доме и слушаю, как он сотрясается под порывами осеннего ветра.

Вот и все.

Месяц снустя

10

— **В** следующий раз надо будет поймать такси, Грейси, — говорит папа на обратном пути из Ботанического сада.

— Нет, папа, тебе нужно двигаться.

— За себя решай, — бормочет он. — Эй, Шон! Скверная погода, верно? — окликает он старика, идущего по противоположной стороне улицы.

— Кошмарная, — соглашается Шон.

— Так что ты думаешь о той квартире, папа?

— Даже не знаю. В ней же развернуться негде!.. Доброе утро, Грэм. Скверная погода, да? — заговаривает папа с проходящим мимо соседом.

— Хуже некуда, Генри, — отвечает Грэм.

— В общем, не стоит тебе ее покупать, Грейси.

— Папа, мы пересмотрели уже десять квартир, и ни одна тебе не понравилась. Не могу же я вечно жить в твоём доме.

— «Вечно» — это еще мягко сказано, милая. Тебя же оттуда не выманишь. Ты побила все рекорды среди взрослых детей, живущих с родителями.

— А можно мне сегодня в «Понедельничный клуб»? В прошлый раз я не доиграла партию в шахматы с Ларри.

— Ларри нарочно скармливает тебе пешки, чтобы ты воспряла духом, и заранее просчитывает каждый твой ход. Этой партии не будет конца, — закатывает глаза папа. — Тебе давно пора выходить в люди, а не торчать среди старых пней вроде нас с Ларри.

— Но мне нравится с вами.

Он прячет довольную улыбку. Мы сворачиваем к папиному дому. Взглянув на крыльцо, я застываю на месте.

Корзинка с кексами, с розовым бантом на ручке. Смотрю на папу, который обходит корзинку и отпирает дверь. Может, она мне померещилась? Потрясенная, я смотрю по сторонам, но никого не замечаю.

Подмигнув, папа захлопывает дверь перед моим носом.

Я достаю из корзинки конверт и дрожащими пальцами вынимаю из него карточку. «Спасибо...»

— Извини, Джойс, — раздается за моей спиной голос.

Вздвогнув, я оборачиваюсь. Он стоит у калитки с букетом в руках, с выражением искреннего раскаяния на лице. От этого зрелища у меня перехватывает дыхание, ощущение его близости оказывается почти невыносимым.

— Джастин... — больше я не могу вымолвить ни слова.

— Как ты думаешь, — он делает шаг ко мне, — ты смогла бы простить такого болвана, как я? — Он останавливается в дальнем конце сада.

Не знаю что и сказать. Прошел целый месяц. Почему именно сейчас?

— В том разговоре ты наступила на больную мозоль, — объясняет он, смущенно покашливая. — О том, что случилось с моим отцом, не знает никто. Не представляю, откуда это тебе известно. Просто не могу понять. Но с другой стороны, в жизни есть немало вещей, которых я не понимаю. Например, что моя дочь нашла в своем приятеле. Как мой брат вопреки всем законам науки еще не превратился в мешок чипсов. Не понимаю, как Дорис с такими длинными ногтями ухитряется вскрывать молочные пакеты. Почему я не позвонил в твою дверь еще месяц назад и не объяснил, что я чувствую...

Я гляжу и не могу наглядеться на его лицо, кудрявые волосы под шляпой, тонкую нервную улыбку. Он тоже рассматривает меня, и я вздрагиваю, но не от холода. Холода я просто не чувствую.

— Сейчас ты так похожа на одну мою давнюю знакомую... — признается он, улыбаясь и покашливая.

— На Элоизу Паркер! — догадываюсь я, и его улыбка блекнет. — Когда тебе было пять лет, ты нарвал в палисаднике цветов и принес ей. Она выбежала навстречу, не успел ты сделать и нескольких шагов по дорожке к ее дому, — рассказываю я, плотнее запахивая пальто.

— И что было дальше? — ошеломленно спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

— Ты бросил цветы на землю и удрал.

Он качает головой и улыбается.

— Но как, откуда?.. — Он прищуривается. — И это все, что тебе известно про Элоизу Паркер?

Улыбнувшись, я отвожу взгляд.

— С ней ты лишился невинности, когда тебе было шестнадцать. Это случилось в ее спальне, пока ее родителей не было дома.

Он закатывает глаза.

— Такое тебе знать не полагается!

Я смеюсь.

— А тебе при крещении дали имя Джойс Бриджит Конуэй, а ты всем говоришь, что твое второе имя — Анжелина, — не остается в долгу он. — И еще у тебя был пес по кличке Зайка, — усмехается он, приподняв бровь.

Я прищуриваюсь.

— Ты напилась в стельку, когда тебе было... — он закрывает глаза и, подумав, продолжает: — ...пятнадцать. Вместе с подружками Кейт и Фрэнки.

С каждой новой подробностью моего прошлого он делает шаг ко мне.

— Впервые ты поцеловалась взапас с Джейсоном Харди, в десять лет. Видишь, не только для тебя нет никаких секретов!

Мое сердце словно включается в марафонский забег. Надеюсь, Джастин не слышит, как ликующе оно стучит.

— Кто тебе все это рассказал?

— Твои подруги заставили меня пройти целый ряд испытаний, прежде чем я сумел доказать им, что сожалею о случившемся и достоин встретиться с тобой.

Мы стоим так близко, что мне кажется, я коснусь носом его подбородка, если подниму голову. Но я упорно смотрю вниз.

— Ты до сих пор боишься спать в темноте, — шепчет он, взяв меня ладонью за подбородок и заглядывая мне в глаза. — Если рядом никого нет, — с лукавой улыбкой добавляет он.

— А ты списал первую контрольную в колледже, — шепчу я.

— А ты раньше терпеть не могла живопись. — Он целует меня в лоб.

— А ты врешь, что тебе нравится Мона Лиза.

— В пять лет у тебя был воображаемый друг Гораций. — Он целует меня в нос, и я уже собираюсь что-нибудь сказать в отместку, когда его губы нежно прикасаются к моим.

Я теряю все слова, они не успевают сорваться с языка.

— Ты простила меня? — спрашивает он, отстранившись.

— У меня не было выбора. Это у меня в крови, — улыбаюсь я и смотрю на букет в его руках, который мы совсем измяли. — Тебе и сейчас хочется бросить цветы и удрать?

— Вообще-то они не тебе, — густо краснеет он. — А одному человеку из центра переливания крови, перед которым я обязан извиниться. Я надеялся, что ты поедешь со мной, сможешь объяснить, почему я вел себя как помешанный, и, может быть, убедишь выдать нам одну тайну.

Я оборачиваюсь к дому и вижу, как папа подглядывает за нами из-за шторы. Он показывает мне большой палец, и я чуть не плачу.

— Значит, и он все знал?

— И называл меня бестолковым и непутевым. — Он криво усмехается, а я хохочу.

Послав папе воздушный поцелуй, я иду следом за Джастином. Я чувствую, как папа смотрит мне вслед, как мама следит за мной его глазами, и продолжаю идти по садовой тропинке — по той самой «линии желания», которую проложила еще в детстве, — пока не выхожу на тротуар, уводящий меня прочь от дома моего детства.

Но на этот раз я уже не одна.

РОДИЛАСЬ: 30 сентября 1981 года в Дублине.

ОБОЖАЕТ: своих чудесных племянников-близнецов.

НЕ НАВИДИТ: желтые ленты в аэропортах, за которые нельзя заходить.

ЛУЧШИЙ СОВЕТ: любой, полученный от мамы.

СЕСИЛИЯ АХЕРН

Свой первый роман «P. S. Люблю, целую» выпускница гуманитарного факультета Сесилия Ахерн написала, когда ей исполнился всего 21 год.

Роман был тепло встречен публикой, а после его успешной экранизации к молодой ирландской писательнице пришла всемирная слава.

Яркие, жизнеутверждающие произведения Сесилии Ахерн, отмеченные неповторимым ирландским колоритом, пользуются успехом у читателей и вызывают заслуженный интерес у кинопродюсеров.

«Спасибо за твои воспоминания» — пятый роман Сесилии, тоже готовится к экранизации.

Вот что сама Сесилия Ахерн рассказывает о своих достижениях:

— До сих пор не верится, я ведь не рассчитывала на такой успех, особенно в кино, — признается Сесилия. — Наряд для премьеры фильма я подыскивала себе с тех пор, как начались съемки. В конце концов я заказала его, но вечером накануне премьеры случайно увидела идеальное платье, оно мне так подошло! Его-то я и надела. Это был потрясающий вечер — представляете, красные ковры, разложенные зигзагами, и по всем надо пройтись, улыбаясь в объективы!

Сесилия чувствует себя особенно счастливой, когда пишет,

— но не в кабинете, как маститые писатели, а уютно устроившись на кухне в своем дублинском доме. А еще ей нравится встречаться с молодыми читателями. Ее романы не похожи один на другой, но, как правило, жизнь их главной героини совершает настолько крутой поворот, что бедной девушке приходится начинать все заново.

— Мне не нравится, когда мои романы называют «волшебными

сказками», — говорит Сесилия Ахерн. — В сказках и традиционных романтических историях на помощь женщинам приходят отважные мужчины, а в моих книгах героини спасаются из безвыходных ситуаций сами.

На вопрос, случалось ли ей самой когда-нибудь сдавать кровь по примеру Джастина Хичкока из романа «Спасибо за твои воспоминания», Сесилия отвечает:

— Пока нет. Но я этого действительно хочу. И обязательно сделаю. Обещаю.

Всего Сесилия опубликовала семь бестселлеров. Она также пишет рассказы, гонорары от которых идут на благотворительность.

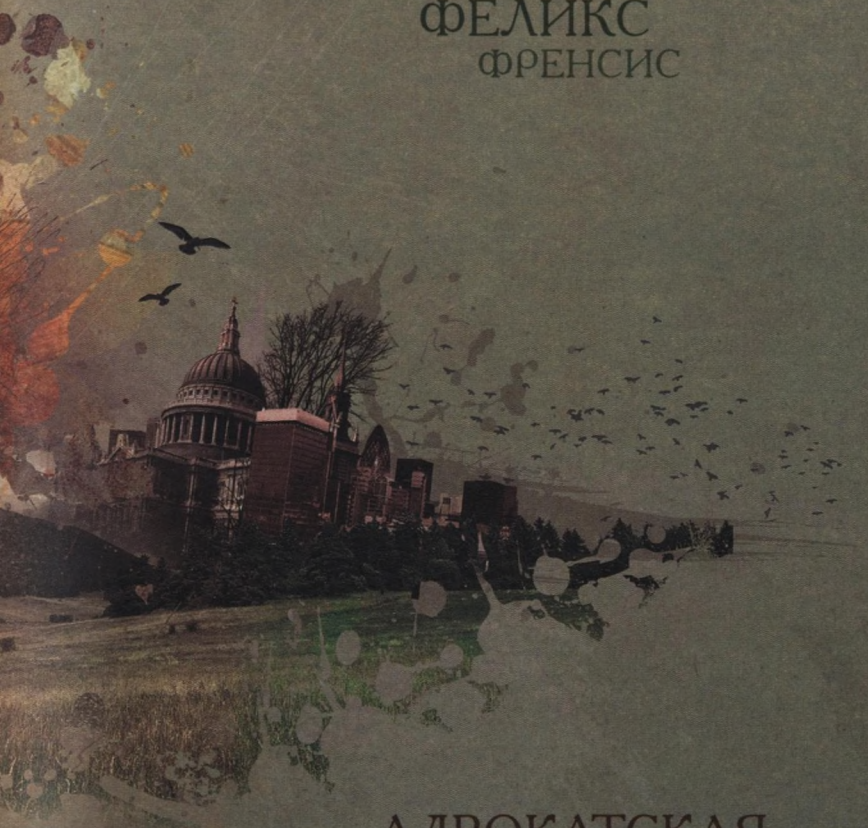
Кроме того, Сесилия — соавтор сценария комедийного телесериала «Кто такая Саманта?» — о женщине, страдающей амнезией.

Между прочим, Сесилия Ахерн — очень душевный и приятный в общении человек, и стоит только заговорить с ней, вам сразу же покажется, будто вы знакомы всю жизнь.

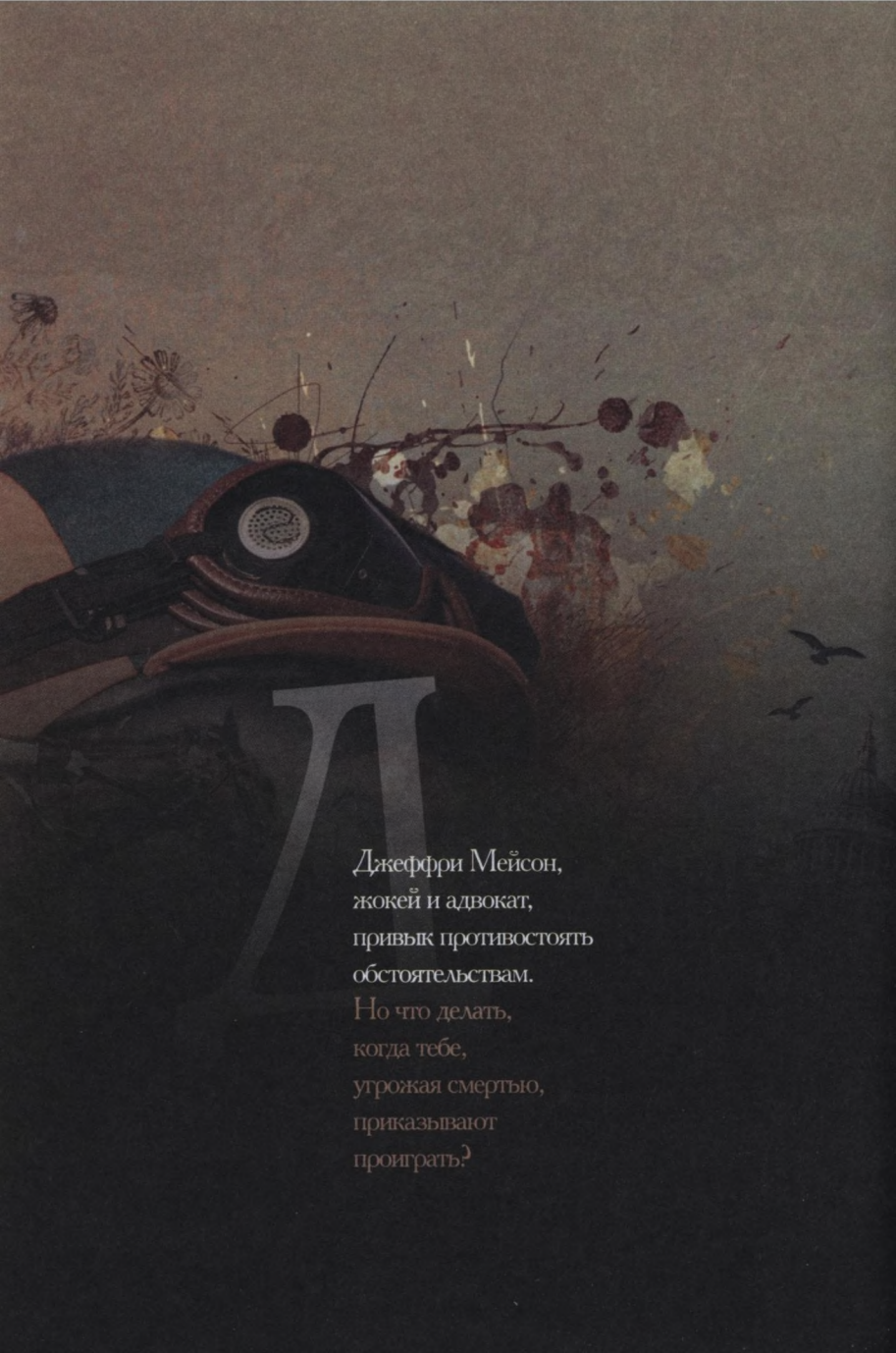

ДИК
ФРЕНСИС
ФЕЛИКС
ФРЕНСИС

АДВОКАТСКАЯ
МАНТИЯ

Джеффри Мейсон,
жокей и адвокат,
привык противостоять
обстоятельствам.
Но что делать,
когда тебе,
угрожая смертью,
приказывают
проиграть?

ПРОЛОГ

Март 2008 года

Виновен, — произнес приговор старшина присяжных. Он был в светлом твидовом пиджаке и рубашке в бело-голубую полоску. В начале процесса он повязывал еще и неяркий, тоже полосатый, галстук, но потом, видимо, стал неловко себя чувствовать в столь официальном костюме среди остальных одиннадцати присяжных, одетых весьма неформально, и теперь верхняя пуговица рубашки у него всегда была расстегнута. В отличие от остальных, он был седой и держался прямо. Я решил, что он бывший учитель, потому и привык командовать.

— Виновен, — повторил он несколько нервно.

Он не сводил глаз с судьи в парике, который сидел слева, чуть повыше его, и ни разу не взглянул направо, в сторону молодого человека на скамье подсудимых. Мы находились в зале суда номер три в Олд-Бейли, построенном еще в те времена, когда считалось, что судебный процесс должен устрашать и предостерегать. Однако при всей своей официозности этот зал был не больше, чем средних размеров гостиная. В нем доминировал судья, его место возвышалось над остальными, а защита, обвинение и присяжные сидели так близко, что при желании, чуть подавшись вперед, могли коснуться друг друга.

Похожий на учителя старшина присяжных повторил «Виновен» восемь раз и сел, как мне показалось, со вздохом облегчения. Жюри присяжных сочло молодого человека виновным по всем восьми пунктам обвинения: из них четыре — нанесение те-

лесных повреждений, три — нанесение тяжких телесных повреждений и один — покушение на убийство.

Это меня не удивило. Я тоже был убежден, что молодой человек виновен, при том что я был его защитником.

Почему, спросил я себя, я должен впустую растрачивать лучшие дни в году, сидя в Олд-Бейли и стараясь спасти этого жуткого типа от тюрьмы? Как бы я хотел вместо этого оказаться в Челтнеме на скачках! Особенно если учесть, что сегодня я должен был на собственном скакуне участвовать в забеге «Фоксхантерз», также известном как «Золотой кубок» для любителей.

Не успел старшина присяжных усесться на место, поднялся представитель обвинения и сообщил суду о предыдущих судимостях обвиняемого, который уже четырежды привлекался за оскорбление действием в особо жестокой форме. В двух последних случаях этот молодой человек отбывал наказание в исправительных учреждениях для малолетних преступников.

Мне было интересно, как присяжные воспримут эти сведения. Перед тем как вынести свой вердикт, они почти неделю провели в обсуждениях, и сейчас некоторые были буквально потрясены, узнав истинный характер сидевшего на скамье подсудимых прекрасно одетого юноши, на вид такого скромного и застенчивого.

Почему я взялся за столь безнадежное дело? Потому что меня попросил об этом один мой знакомый, приятель которого дружил с родителями этого парня. Они умоляли выволить его, клялись, что все обвинения — результат ошибки при опознании. Ну и, конечно, они хорошо заплатили.

Однако я скоро понял: единственной ошибкой в этом деле было твердое убеждение родителей, что их ангелочек никак не мог совершить такое — избить целую семью бейсбольной битой. У него был повод: глава злосчастного семейства пожаловался на парня в полицию, ибо тот каждый вечер устраивал на дороге перед их домом мотоциклетные гонки без глушителей.

Чем больше я узнавал о своем подзащитном, тем яснее понимал, что напрасно взялся за его дело. Он был настолько очевидно виновен, что, казалось мне, процесс закончится быстро и я успею на Челтнемские скачки — с легким сердцем и потяжелевшим бумажником. Но, как назло, присяжные неожиданно долго не могли прийти к однозначному заключению.

Я подумывал удрать с заседания, сказавшись больным, но судья был завсегдатай тотализатора и накануне вечером даже выразил

сочувствие по поводу того, что я не смогу скакать в «Фоксхантерз». Если, «заболев», я буду участвовать в забеге, тогда мне уже нечего рассчитывать на его содействие в получении шелковой мантии королевского адвоката. Каждый барристер мечтает стать королевским адвокатом, но лишь десяти процентам это удастся.

— Ничего, значит, на будущий год, — произнес вчера судья с улыбкой, еще больше меня обозлившей.

Просто так записать лошадь на «Фоксхантерз» невозможно; нужно долго готовиться, выиграть несколько других соревнований, и лишь в этом году мне удалось это сделать — впервые. А на будущий год и лошадь, и жокей будут еще на год старше, при том что мы и так не первой молодости.

Я посмотрел на часы. Забег начинается через полчаса. Моя лошадь сегодня все же побежит, но с другим жокеем, и сама мысль об этом была мне отвратительна. Сейчас я должен быть в челтенемской раздевалке, натягивать бриджи для верховой езды и яркий жокейский камзол, а не сидеть здесь в мантии и парике.

— Мистер Мейсон, — повторил судья, возвращая меня к действительности. — Я спрашиваю вас, не хочет ли защита что-нибудь сказать перед оглашением приговора.

— Нет, ваша честь, — ответил я. Насколько мне было известно, никаких смягчающих обстоятельств не было.

— Подсудимый, встать, — провозгласил секретарь суда.

Молодой человек медленно поднялся на ноги. Я тоже встал.

— Джулиан Трент, — обратился к нему судья, — вы обвиняетесь в совершении жестокого и неспровоцированного нападения на ни в чем не повинную семью и в покушении на убийство. Вас и прежде арестовывали, но вы не смогли или не захотели извлечь урок из своих ошибок. Поэтому я приговариваю вас к тюремному заключению сроком на восемь лет. Увести его.

Джулиан Трент только пожал плечами — и два дюжих тюремщика препроводили его со скамьи подсудимых в камеру. Миссис Трент ударилась в слезы, муж стал ее утешать. Неужели, подумал я, неделя свидетельских показаний не изменила их умильного отношения к дорогому мальчику?

В глубине души я надеялся, что судья упечет юного Джулиана пожизненно. Я понимал, что, несмотря на восемь лет по приговору, фактически едва минет половина этого срока — он снова пойдет по улицам со своей бейсбольной битой. Тогда я еще не знал, что это случится гораздо раньше и что на пути у него окажется я.

ГЛАВА 1

Ноябрь 2008 года

ПРИВЕТ, Перри! Как дела?
— Спасибо, хорошо, — ответил я.

На самом деле меня зовут не Перри, а Джеффри, но жокеи в раздевалке почему-то всегда называют меня так. Если ты адвокат и твоя фамилия Мейсон, к этому следует быть готовым.

Я был втайне польщен, что они вообще ко мне обращаются. Жокеи работают вместе изо дня в день на разных ипподромах по всей стране, а я сажусь на лошадь в среднем раз двенадцать в году. Наездника-любителя терпят, покуда он знает свое место, а место его рядом с дверью, на сквозняке.

— Есть интересные дела, Перри? — донеслось из дальнего конца раздевалки.

Стив Митчелл. Элита. В последние несколько сезонов корона чемпиона в стипль-чезе много раз переходила от него еще к двум жокеям и обратно. В настоящий момент чемпионом был он.

— Все как обычно, — сказал я. — Похищения, изнасилования, убийства.

— Не понимаю, как ты можешь этим заниматься. — Он натягивал через голову белый свитер с высоким воротом.

— Такая работа, — сказал я. — Кстати, безопаснее, чем твоя.

— Да, но от тебя зависит человеческая жизнь. — Он надел бриджи. — Если ты что-нибудь напутаешь, кто-то на долгие годы может оказаться за решеткой.

— Кто-то окажется за решеткой, если он этого заслуживает.

— И это будет твой проигрыш? — Он застегивал камзол.

— Ха, — рассмеялся я. — Когда я выигрываю процесс, то ставлю это себе в заслугу. Когда проигрываю — говорю, что свершилось правосудие.

— У меня иначе, — с усмешкой заметил он. — Когда я выигрываю — моя заслуга, когда проигрываю — виновата лошадь.

Все засмеялись. Взаимное подкалывание в раздевалке — это реакция на опасность, своего рода противоядие. Каждый день по пять-шесть раз эти ребята рискуют жизнью, на лошади весом в

полтонны взлетая над барьером пять футов высотой. Без ремней и подушек безопасности.

— Если ты ее не придержал, — сказал кто-то. В голосе слышался отчетливый шотландский акцент.

Смех тотчас стих. Скотт Барлоу, как бы это помягче выразиться, был не самым популярным из завсегдатаев жокейской раздевалки. Если бы это замечание исходило от кого-нибудь другого, оно вызвало бы новый взрыв веселья, но в устах Скотта Барлоу оно таило в себе угрозу.

Как и Стив Митчелл, Барлоу входил в большую тройку и в настоящее время лидировал в финальном зачете. Его недолюбливали за то, что он стучал начальству на своих товарищей-жокеев, которые нарушают правила. Как сказал мне однажды Рено Клеменс, третий из большой тройки: «Барлоу стукач, смотри, как бы он не добрался до твоих билетиков». Профессиональным жокеям не разрешается делать ставки. Конечно, они все равно их делают. Так вот, Барлоу прославился тем, что обшаривал карманы коллег-жокеев в поисках билетиков тотализатора, которые и отдавал распорядителю.

Мы были в раздевалке для жокеев ипподрома «Сэндаун-Парк», в Суррее. Я скакал в пятом заезде — три мили для наездников-любителей. Мне страшно льстило то, что я участвую в больших субботних скачках. Заезд любителей — редкость в наши дни, и обычно ближе к делу я ограничивал себя в еде, поскольку любители, как правило, тяжеловаты. А мой вес в последнее время стремился к значению, естественному для тридцатилетнего мужчины ростом пять футов десять дюймов, но совершенно недопустимому для жокея. В зимние месяцы я прямо-таки изнурял себя голодом, чтобы по весне участвовать в любительском заезде.

Вызвали жокеев для третьего заезда — главного события сегодняшнего дня, и, как всегда, в дверях не было никакой толчеи. Жокеи, как правило, суеверны: каждому хочется выйти из раздевалки последним — на счастье. Как только самый медлительный из медлительных наконец вышел, я надел поверх камзола твидовый пиджак и отправился в весовую — посмотреть забег на экранах телевизоров.

У финиша мелькнули белый и синий — цвета Стива Митчелла. В последний момент он вырвался вперед и обошел соперников, в том числе Барлоу и Клеменса.

Я вернулся во внутреннее святилище жокеев, мне нужно было настроиться перед состязанием. Сел на скамью и стал мысленно проходить дистанцию — представлял себе, где я хочу быть, когда мы приблизимся к первому барьеру, и где надеюсь оказаться, когда мы дойдем до последнего. Разумеется, перед моим внутренним взором проходили картины нашей победы. Которой, можно сказать, все ожидали. Мы с моим гнедым будем стартовать фаворитами, его победа в Челтнеме в марте не оставляла в этом сомнений.

Танцующей походкой, с широкой улыбкой на лице в раздевалку вернулся Стив Митчелл.

— Что скажешь, Перри? — хлопнул он меня по плечу. — Круто, да? Я обошел этого гада Барлоу. Видел бы ты его физиономию. Как он разозлился! Так ему и надо!

— Почему? — наивно спросил я.

На мгновение он остановился и пытливо посмотрел на меня.

— Потому, — бросил он и направился к своей вешалке.

— Так или иначе, это было красиво, — запоздало сказал я, но момент был упущен, и он, помахав мне рукой, отвернулся.

— Жокеи! — В дверях раздевалки показалась голова служителя: он вызывал на круг группу из девятнадцати любителей.

Адреналин взыграл в крови, я вскочил и вылетел из двери. Добрая примета — счастье тому, кто последним выйдет из раздевалки, — предрассудок; это не для меня. Я буду наслаждаться каждым мгном.

Как я любил это чувство! Это для меня как наркотик, как азартная игра. Возбуждение в предвкушении скачки не оставляло места для мыслей о страшных падениях, переломах, синяках и ссадинах.

Я вышел на плотно утопанную траву призового круга и, взволнованный, встал рядом со своим тренером Полом Ньюингтоном.

Когда пятнадцать лет назад я купил свою первую лошадь, Пол считался молодым и перспективным тренером. Сейчас о нем говорят: «Этот человек не полностью раскрыл свой потенциал», и он с трудом заполняет свои дорогостоящие конюшни в Грейт-Милтоне. Но мне он нравился, и мой опыт работы с ним был исключительно позитивным. Все эти годы он подбирал для меня крепких и надежных лошадей, которые пронесли меня живым и невредимым через тысячи препятствий.

— Я думаю, этих ты обскачешь, — сказал Пол, взмахом руки приветствуя других наездников.

— Надеюсь, — ответил я.

Судья-стартер ударил в колокол. Пол посадил меня в седло, и вот я верхом на гнедом. Сэндмен — моя гордость, это самый лучший конь из всех, что у меня были. Пол купил его для меня как восьмилетку с очень неоднозначной историей выступлений в конкуре. Он понял, что Сэндмен слишком крупный для прыжков через барьеры и стипль-чез подойдет ему больше, — и оказался прав. Восемь скачек мы выиграли вместе с Сэндменом, и еще пять он выиграл без меня.

Сегодняшние скачки — первые после летнего перерыва. Первого января гнедому исполнится тринадцать лет, его карьера близится к закату. Поэтому мы с Полом решили его побережить для очередной (как я надеялся) победы в Челтнеме, так что до этого он будет лишь дважды участвовать в скачках.

С соревнованиями в стипль-чезе мой дядя Билл познакомил меня, когда мне было двенадцать лет. Меня на целый день отдали на его попечение и попросили его следить за мной, чтобы я не безобразничал. Я радостно забрался в его автомобиль, и мы отправились на ипподром в Фонтуэлл-Парке. Так зародилась моя страсть к скачкам с прыжками через препятствия.

Почти на каждом английском ипподроме зрителям разрешается стоять у самого препятствия, чтобы сердце замирало, когда лошадь взлетает над крепко связанными березовыми ветками, чтобы слышать глухие удары копыт по траве, чувствовать возбуждение жокея — и свою причастность ко всему этому. К концу того дня в Фонтуэлле я страстно хотел быть таким же, как эти храбрецы в ярких камзолах, бесстрашно летящие вперед, понукая благородных животных.

Я так увлекся, что не мог думать ни о чем другом, и, когда удавалось уйти от прозы жизни, то есть от учебы в школе, все умолял дядю взять меня на скачки.

Я записался в конноспортивный клуб, где меня безуспешно пытались научить сидеть в седле прямо, пятки вниз. Я же норовил приподняться на стременах, припав к холке лошади, и скакать на бешеной скорости, как это делают жокеи.

Как ни печально, к семнадцати годам мне пришлось смириться с тем, что я не смогу зарабатывать на жизнь скачками. Я вырос слишком высоким и уже тогда обещал стать слишком тяжеловесным для профессионального жокея. Плюс явные способности к академическим занятиям и твердое убеждение моего отца, что я,

как и он, должен работать в той же почтенной юридической конторе, куда он сам поступил лет тридцать назад. Что я так же, как и он, обречен всю жизнь оформлять передачу недвижимости, заверять завещания и распутывать хитросплетения неудачных браков. От всего этого веяло такой скукой!

Мне был двадцать один год, и я учился на третьем курсе юридического факультета Лондонского университета, когда моя мать в конце концов проиграла сражение с лейкемией. Она умерла в свой сорок девятый день рождения. И тогда я решил, что буду заниматься тем, чем хочется. Ведь жизнь слишком коротка.

Я, как полагается, окончил университет, получил диплом, но потом, к вящему ужасу своего родителя, переехал в Ламборн и устроился там добровольным помощником тренера по конному спорту, а по совместительству жокеем-любителем.

— На что же ты будешь жить? — спросил отец.

— Мама оставила мне наследство, — ответил я, после чего он разразился тирадой об отсутствии у молодежи чувства ответственности.

В июле я уехал в Ламборн. Мамино наследство я употребил не только на оплату своих расходов, но и на покупку семилетнего мерина. Весь август мы привыкали друг к другу. Каждое утро я выводил его из стойла и галопом скакал вдоль конюшен к холмам за деревней, а после полудня повторял этот маршрут без лошади, бегом. К середине сентября и лошадь, и жокей были готовы выйти на скаковой круг.

В первый раз я принял участие в настоящих скачках в Фонтуэлле, в начале октября. Я финишировал одиннадцатым из тринадцати, и тренер был мной, в общем, доволен.

— По крайней мере ты не упал, — сказал он, когда мы возвращались домой в его машине.

В тот год мы с этой лошадью вместе участвовали еще в пяти соревнованиях, и каждый следующий результат был лучше предыдущего. На последних скачках в Точестере за неделю до Рождества мы пришли к финишу вторыми. До марта следующего года я еще девять раз проходил дистанции с препятствиями.

И хотя я не выиграл ни разу, все равно я любил скачки, мне нравилось возбуждение, которое меня охватывало, нравилось, как бушует адреналин в крови. Но в перерывах между скачками я стал скучать по интеллектуальной деятельности. К тому же мамино наследство таяло. Пора было покончить с блажью и начать

зарабатывать на жизнь. Я по-прежнему испытывал стойкое отвращение к карьере солиситора, но что мне еще оставалось с моим дипломом юриста?

Однако не все юристы — солиситоры. Существуют еще и барристеры. Если солиситоры обычно занимаются бумажной работой в своих тихих кабинетах и их не видно и не слышно, то барристеры — это адвокаты, которые держат удар в зале суда, спорят, убеждают, доказывают. Вдруг меня чрезвычайно увлекла перспектива стать барристером, и я со всей своей нерастроченной энергией устремился в мир закона.

И вот через четырнадцать лет я утвердился в этом мире париков из конского волоса, шелковых мантий и судебных протоколов, не прекращая скакать на лошади через препятствия.

— Жокеи, на старт! — Эти слова вернули меня к реальности.

Все девятнадцать всадников выстроились в неровную линию. Служащий нажал на рычаг, ленточка взлетела, и мы стартовали. Вся группа двигалась ровно, постепенно переходя с шага на рысь, потом на легкий галоп — скачку надо начинать без спешки. Три мили — нешуточное расстояние, и разогнаться слишком рано было бы грубейшей ошибкой.

В Сэндауне на этой дистанции лошади должны пройти почти два полных круга, преодолев в общей сложности двадцать два препятствия. Первое выглядело совершенно безобидно, но почти все жокеи в свое время на нем споткнулись. Место приземления там сильно понижается по отношению к точке отталкивания от земли, отчего лошади обычно «ныряют» носом вперед. Но все девятнадцать всадников остались в седле, выровняли шаг и повернули направо, выехав на прямую с известной в стипль-чезе комбинацией из семи препятствий. Очень близко друг к другу два барьера и ров, потом небольшой ровный участок перед водным препятствием, потом знаменитый «поезд» — три барьера почти подряд.

Миновав эту полосу препятствий, все девятнадцать всадников остались на дистанции и шли кучно по длинной дуге, ведущей к «прудовому» барьеру, и потом по прямой под зрительскими трибунами. Только миновав место старта, на пологом склоне холма мы стали увеличивать скорость. Скачка пошла всерьез.

Мы с Сэндменом держались у внутренней ограды, примерно в двух корпусах от ведущего трио. Лошадь, бежавшая непосредственно перед нами, стала уставать, что вынуждало меня замедлиться, потому что куда же деваться!

— Пропусти, черт возьми! — крикнул я жокею, не слишком надеясь, что тот меня действительно пропустит. Скачки ведь устраивают для того, чтобы выигрывать, а если быть с соперниками слишком вежливым, то выиграешь вряд ли.

К моему удивлению, он отклонился от ограды и пропустил.

— Спасибо! — крикнул я, обгоняя его справа.

Молодой человек, румяный и большеглазый, что-то изобразил мимикой мне в ответ.

У следующего барьера две лошади выбыли. Обе приземлились на передние ноги, и всадники кувырком полетели в траву. Оставшиеся семнадцать, растянувшись цепью, пошли на второй, и последний, круг. Сэндмен держался молодцом, и я поднял его на первое из семи препятствий. Он перемахнул через березовую загородку и на корпус приблизился к двум лошадям впереди.

— Давай, мальчик! — крикнул я ему в ухо.

На последнем повороте стало очевидно, что реальные шансы на победу есть у четверых. Я по-прежнему был у внутренней ограды. Удар, толчок, удар, толчок. Мы приближались к «прудовому» барьеру, мои руки и пятки работали беспрерывно. Сэндмен шел первым, еще один его длинный прыжок — и остальные оказались далеко позади.

— Давай, мальчик! — крикнул я опять, почти беззвучно.

Мы устали, но и остальные тоже. Три мили по пересеченной местности — это суровая проверка на жизнестойкость. Выходя на финишную прямую, мы все еще были первыми, но тут Сэндмен задел барьер и приземлился на все четыре ноги. Мерзавец. Нас обошли две лошади, и я решил, что все кончено. Но Сэндмен рассудил иначе и бросился их догонять. К последнему барьеру мы подошли все вместе и прыгали все трое в ряд.

Хотя все три лошади приземлились одновременно, еще две миновали финишный столб раньше нас — их жокеи уверенно стремились к победе, в то время как меняхватило только на то, чтобы не свалиться, так я устал. Мы финишировали третьими, причем по моей вине — это у меня не хватило выносливости, а не у Сэндмена. Слишком уж много времени я просиживаю в залах суда.

В загоне для расседлывания я сполз со спины Сэндмена и едва не сел на траву — ноги были ватными.

— Ты в порядке? — встревоженно спросил мой тренер, Пол.

— Нормально, — ответил я, пытаясь развязать подпругу. — Немножко запыхался.

— Надо было и тебя гонять как следует, — сказал он. — Что толку в хорошей лошади, если жокей как мешок с картошкой!

Что ж, грубо, но верно.

Кое-как я дошел до весовой, взвесился и поплелся в раздевалку, где рухнул на скамью и задумался, не пора ли уходить из большого спорта. Если я намерен продолжать и в следующем году, нужно быть в форме, иначе и до инфаркта недалеко. Я без сил прислонился к стене и закрыл глаза.

Только когда конюхи начали упаковывать снаряжение, я очнулся и осознал, что последний забег кончился и в раздевалке я остался практически один, причем до сих пор еще не переоделся.

Я с трудом поднялся, стянул жокейский костюм и, взяв полотенце, пошел в душ.

Там на кафельном полу, прислонившись к стене, полусидел-полулежал Скотт Барлоу. Из правой ноздри у него текла кровь, веки распухли.

— Что с тобой? — спросил я, тронув его за плечо.

Он посмотрел на меня — в его взгляде не было приязни.

— Отвали, — сказал он. — Любители чертовы. Жить не дают. Вы скачете, а я расплачиваюсь.

Прелестно, подумал я. Хотел сказать, что участвую в скачках для любителей и потому ему никак не конкурент, но он явно не был настроен на серьезную дискуссию.

— Помощь нужна? — спросил я, уверенный, что он упал и тормознул лицом, оттого и ссадины.

— Отвали, — повторил он. — Не нужна мне твоя помощь. Ты и сам не лучше своего дружка.

— Какого дружка? — не понял я.

— Стива Митчелла, чтоб ему пусто было. Кто же еще, думаешь, это сделал? — поднес он руку к лицу.

— Что? — изумился я. — Это сделал Стив Митчелл? Но почему?

— Спроси у него, — сказал он. — Причем не в первый раз. Так что чеши домой. И не распускай язык. — Он отвернулся.

Я стал думать, что делать. Позвать врача или поискать полицейского и доложить о нападении?

В конце концов я не сделал ничего — собрал свои пожитки и поехал домой.

— Черт побери, не верю! — громко сказал кто-то в комнате клерков, как раз когда я утром в понедельник входил в свою контору.

Подобные выражения редко услышишь в солидной конторе сэра Джеймса Хорли, королевского адвоката. Должность главы адвокатской конторы была скорее почетной, чаще всего ее занимал королевский адвокат с самым большим стажем. Все сорок пять барристеров в этой конторе были на вольных хлебах. Вместе мы собрались с одной только целью: сосредоточить в одном помещении все, что нам нужно: клерков, кабинеты, библиотеку и тому подобное. И каждый отвечал за свою собственную работу.

Сэр Джеймс стоял перед столами клерков и с явным раздражением читал какой-то листок.

— Чему не верите? — спросил я.

— Вот этому. — Он протянул мне лист.

Это была распечатка электронного письма, заголовок гласил: «Обвинение против Джулиана Трента рассыпалось».

— В первый раз его защитником были вы, — сказал сэр Джеймс. Это было утверждение, а не вопрос.

— Да, — ответил я. — Он был виновен на все сто. Не понимаю, как ему удалось добиться повторного слушания дела.

— Чертов солиситор, — сказал сэр Джеймс. — Пишут, что обвинение снято за отсутствием доказательств.

Скорее за отсутствием свидетелей, готовых дать показания, подумал я. Все боятся бейсбольной биты.

У меня был собственный интерес к апелляции Джулиана Трента, хотя я и не был больше адвокатом этого бандита. «Чертов солиситор», как выразился сэр Джеймс, был одним из представителей обвинения, и на первоначальном процессе он якобы уговаривал присяжных вынести обвинительный приговор. Трое присяжных обратились в полицию и оставили заявления, и позже, на апелляционных слушаниях, дали свидетельские показания, утверждая, что к каждому из них этот самый солиситор обращался по отдельности. Зачем он это делал, совершенно непонятно, потому что свидетельские показания по этому делу были абсолютно ошеломляющие. И недвусмысленные. Но у судей апелляционного суда не было выбора, они назначили повторное расследование. Солиситору этот эпизод стоил работы. Хуже того, его профессионально дисквалифицировали. Но по крайней мере апелляционным судьям хватило здравого смысла оставить юного Джулиана ожидать окончания судебных процедур за решеткой.

Однако, похоже, теперь его выпустят.

Я вспомнил, что сказал мне Трент в тюремной камере в подвалах Олд-Бейли в марте прошлого года, после вынесения приговора: «Я и до тебя доберусь, размазня».

Я полагаю, он считал, что в исходе дела виноват я, потому что не стал угрожать свидетелям расправой, а он именно этого от меня требовал.

— Ну погоди, — злобно продолжал он. — Когда-нибудь я и до тебя доберусь, причем очень скоро — подкрадусь незаметно, ты и ахнуть не успеешь.

И вот теперь у меня от ужаса мурашки побежали по коже, и я непроизвольно оглянулся, словно ожидал увидеть его прямо здесь, в адвокатской конторе. Другие мои клиенты тоже порой угрожали мне, но в Джулиане Тренте было что-то такое, что пугало меня чрезвычайно.

— С вами все в порядке? — Чуть наклонив голову, сэр Джеймс смотрел на меня. — У вас такое лицо, словно вы увидели привидение.

— Все нормально, — дрогнувшим голосом сказал я. — Просто вспомнил тот процесс.

— Все это в высшей степени подозрительно, — заключил он.

Как глава нашей конторы, сэр Джеймс живо интересовался всем, что происходит в этих стенах. Он знал все дела, над которыми работали «его» барристеры, не важно, на стороне защиты или обвинения. И знать ничего не желал о процессах, в которых не участвовала «его» команда.

— Не думаю, что там работает кто-то из нашей конторы, — сказал я. — Откуда же такой интерес к этому процессу?

— Разве непременно должна быть причина? — Он словно бы защищался.

— Нет. Но все же, откуда такой интерес?

— Не устраивайте мне перекрестный допрос, — взорвался он. Сэр Джеймс любил напомнить, кто здесь главный.

— Хорошо, — сказал я, прекращая разговор.

Если захочет, сам расскажет. Спрашивать его бесполезно. Сэр Джеймс был как те свидетели на суде, у которых есть твердое мнение, о чем надо рассказывать, а о чем — нет, и наводящие вопросы адвоката не производят на них никакого впечатления. Возможно, только такой упрямец и может сломить другого упрянца — вот почему сэр Джеймс считался одним из лучших адвокатов в стране.

— Я консультирую судью на этом процессе, — пояснил он.

«Надо же! Хвастается», — подумал я без всякого почтения.

— О, — только и сказал я и стал вынимать письма из своей ячейки в стеллаже. Я тоже умею играть в эти игры.

— Этот процесс все время застопоривается, — продолжал сэр Джеймс. — На новом слушании возникла проблема: свидетели обвинения или совсем отказываются давать показания, или говорят прямо противоположное тому, что говорили раньше. Ясно, что их запугали. И судья спрашивает совета: можно ли прочесть на суде первоначальные заявления свидетелей, взятые полицией непосредственно в момент происшествия.

— И что вы ему посоветовали?

— Ей, — уточнил он. — Дороти Макги. Похоже, все свидетели изменили показания, включая потерпевшего и его семью. Он теперь утверждает, что ничего не было, а повреждения он получил, упав с какой-то лестницы. Они что, считают нас идиотами? На суде я посоветовал ей упираться на это.

— Возможно, Трент запугал и присяжных тоже, — заметил я.

— Кто знает, — вздохнул сэр Джеймс. — В этой заметке говорится, что обвинение против Джулиана Трента рассыпалось. Боюсь, что при отсутствии других свидетелей, кроме тех, которые все отрицают, суду придется сдаться. Позор. — Он резко повернулся и вышел.

— Доброе утро, мистер Мейсон, — вдруг сказал старший клерк.

Я вздрогнул от неожиданности. Во время нашего разговора с сэром Джеймсом он тихо сидел за своим столом — от меня его заслонял компьютер.

— Доброе утро, Артур, — ответил я и отступил на шаг, чтобы лучше его видеть.

Ему было за шестьдесят, и в этой конторе он работал уже больше сорока лет. Когда я пришел сюда двенадцать лет назад, он давно уже пребывал в должности старшего клерка и с тех пор насколько не изменился, разве что в его густых черных волосах появилась седина.

— Немного запаздываете сегодня, сэр?

Я взглянул на часы на стене. Половина двенадцатого. Нельзя не согласиться, что это не рано. Особенно для первого дня рабочей недели.

— У меня была встреча, — пробормотал я. Встреча с подушкой в собственной постели.

— Не вводите ли вы суд в заблуждение? — улыбнулся он.

По идее, старший клерк работает на адвокатов, но Артур явно придерживался противоположного убеждения. Если какой-нибудь молодой адвокат вел себя неподобающим образом или небрежно работал, именно старший клерк, а не глава конторы делал ему предупреждение. Каждый адвокат конторы отчислял процент от своих гонораров на зарплату клеркам, которые были нашими секретарями, няньками и дуэньями. Хотя Артур номинально мне подчинялся, я, простой барристер, питающий надежду стать королевским адвокатом, был бы дураком, если бы на него рассердился.

К счастью для меня, у него зазвонил телефон, и я юркнул в безопасное место — за свой стол. Почему, думал я, рядом с Артуром я чувствую себя как нашкодивший мальчишка? Может быть, потому, что он понимает, что когда я не здесь, а где-нибудь на скачках, то я счастлив — там? Впрочем, моя гонорарная база была крепка. У меня принцип: гонорары должны быть не ниже определенного уровня.

Я сидел за столом и смотрел в окно, на Грейс-Инн-Гарденз, оазис спокойствия в шумном Лондоне. Ровные ряды жалких облетевших деревьев навевали уныние, что вполне соответствовало моему настроению. Если наша система правосудия не может удержать под замком такую опасную сволочь, как Джулиан Трент, то это прямая угроза нам всем.

Я откинулся на спинку стула и зевнул. Вопреки тому, что мог подумать Артур, причиной моего опоздания была не лень, а то, что до пяти утра я читал материалы дела для процесса, в котором выступал на стороне обвинения.

Остаток дня я провел, уткнувшись носом в пухлые тома протоколов судебных заседаний, а потом — в экран компьютера. Далеко не всегда работа барристера так волнующе интересна, как ее изображают в телесериалах. К половине восьмого я устал и решил, что на сегодня хватит. Сложил в папку все, что понадобится утром, и вышел в ночь.

Я жил в Барнсе, на западе Лондона, к югу от Темзы. Там мы с моей женой Анджелой купили часть особняка, рядом с парком. Мы выбрали верхнюю половину — второй и третий этажи; из окон спален видны были верхушки деревьев. Наши соседи заняли сохраненный в изначальном виде первый этаж с парадными залами плюс бывшее помещение для слуг в цоколе.

Мы с Анджелой любили наш дом. Мы не жалели времени и денег на его обустройство, готовясь к рождению первенца, сына, который должен был появиться на свет через полгода после новоселья. Это было семь лет назад.

Как всегда, я шел к дому через парк, от станции «Барнс». Сплошную темноту прорезали лишь слабые отблески далеких уличных фонарей. Нижняя часть особняка была ярко освещена. Верхние этажи были темны — утром, уходя, я выключил свет. Я вошел в дом и в темноте поднялся по лестнице.

Анджелы не было, но я знал, что ее не будет.

Анджела умерла.

Я так и не привык возвращаться в опустевший дом. Может быть, давно уже надо было переехать, но первые несколько месяцев, прожитые здесь, были самыми счастливыми в моей жизни, и я хотел сохранить воспоминания о них.

Анджела умерла скорострительно — от легочной эмболии, за месяц до родов. В то роковое утро она поцеловала меня на прощание, как всегда спокойная и веселая. Это был первый день ее предродового отпуска. Днем я звонил ей несколько раз, никто не брал трубку, но мне и в голову не пришло, что что-то неладно, пока я не подошел к дому и не увидел темные окна.

Она лежала на полу в гостиной, свернувшись клубочком, словно спала. Но была уже холодной — умерла несколько часов назад. Ничто этого не предвещало, никаких предупреждающих симптомов не было. Младенец, которого она вынашивала, тоже умер. Как ни печально, сказал врач, это самая распространенная причина внезапной смерти во время беременности.

Все были очень добры ко мне. Приезжали друзья, отец на время перебрался ко мне, чтобы я не оставался один, а судья на процессе, в котором я участвовал на стороне обвинения, даже на несколько дней отложил слушания, чтобы я успел прийти в себя после похорон. Близкие суетились вокруг меня, а я ушел в свое горе и не замечал, как летит время.

Через несколько месяцев я стал постепенно возвращаться к жизни. Обо мне говорили: «Он молодой, он найдет кого-нибудь еще».

Прошло семь лет, я так и не нашел кого-нибудь еще. Да и не стремился — я все еще любил Анджелу.

Я включил свет на кухне и поискал в холодильнике чего-нибудь поесть. Остановил свой выбор на лососе с макаронами под

соусом песто. После смерти Анджелы я научился неплохо готовить.

Не успел я сесть к телевизору посмотреть новости, как зазвонил телефон.

— Перри? — послышался голос.

— Да, — ответил я, но не сразу. В конце концов, я не Перри, я Джеффри.

— Слава богу, — сказал голос. — Это Стив Митчелл.

Я вспомнил разговор в жокейской раздевалке.

— Слушай, Перри, — взволнованно начал он, — у меня небольшие неприятности.

— Что такое? — спросил я.

— Ну, то есть большие неприятности. Этот гад Скотт Барлоу убит, и меня арестовали.

— Так ты убил Скотта Барлоу?! — воскликнул я.

— Нет, — ответил он. — Черт побери, конечно, я его не убивал.

— Полицейские тебя уже допрашивали?

— Нет еще. Но, кажется, собираются. Я сказал, что позвоню своему адвокату, и вот звоню тебе. Ты единственный адвокат, которого я знаю.

— Тебе нужен солиситор, а не барристер, — сказал я.

— Солиситор, барристер — какая разница? Ты же адвокат, правда? Ты мне поможешь? — В его голосе слышалось отчаяние.

— Успокойся. Где ты находишься?

— В Ньюбери. В полицейском участке Ньюбери.

Я посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. Знаю ли я в Ньюбери солиситора, которого можно поднять в такой час? Нет.

— Стив, — сказал я. — Я подумаю, как раздобыть тебе солиситора, но на это уйдет как минимум несколько часов.

— А ты не можешь приехать?

— Нет, — ответил я. — Это все равно что просить нейрохирурга удалить зуб. Лучше обратиться к дантисту.

— Полицейские сказали, я могу поговорить с дежурным солиситором.

— Скорее всего, это будет какой-нибудь недавний выпускник, а тебе предъявляют такое серьезное обвинение. Я бы на твоём месте дождался более опытного солиситора.

— Ладно, я подожду, — сказал он.

— Хорошо. Я пришлю кого-нибудь как можно скорее. И до его приезда не отвечай ни на какие вопросы. Понял?

— Понял, — скучным голосом ответил он.

— Во сколько ты встал сегодня утром? — спросил я.

— В обычное время. Без десяти шесть. В семь я уже на лошади.

— Скажи полицейским, что ты бодрствуешь почти семнадцать часов подряд и перед допросом имеешь право поспать. А когда мой солиситор придет, слушайся его беспрекословно.

— Ладно. Буду слушаться.

Я позвонил знакомому солиситору из Оксфорда и изложил свою просьбу.

— Прости, друг, — сказал он с непередаваемым австралийским акцентом.

Он был слишком занят преподаванием некой блестящей юной студентке радостей секса с пожилым мужчиной. Однако он дал мне название фирмы в Ньюбери и номер мобильного одного из ее партнеров.

Конечно, сказал тот, когда я позвонил ему, он возьмется за это дело. Стив Митчелл в тех краях был знаменит, а представлять интересы знаменитости, обвиняемой в убийстве, — заветная мечта любого провинциального адвоката.

Я повесил трубку и снова задумался о том, что произошло в субботу в Сэндауне, о странном разговоре в душевой с избитым Скоттом Барлоу.

Известны случаи, когда барристеры представляли интересы своих друзей. На мой взгляд, дружба превыше всего, и негоже подвергать ее испытанию, заставляя друга раскрыть все свои тайны. Поэтому обычно я придумывал всякие уловки, чтобы избежать подобной ситуации. Говорил, что такой-то в моей конторе — куда более квалифицированный адвокат, чем я, или что я занят другими процессами.

А в этот раз не надо было даже придумывать предлог. Я не мог представлять интересы Стива Митчелла в суде, потому что знаю о некоторых привходящих обстоятельствах и с куда большей долей вероятности стану свидетелем обвинения, чем защитником. Но, подумал я, других свидетелей моего разговора с Барлоу в душевой не было, а Барлоу мертв. Кому бы, подумал я, предложить эту информацию? И когда?

ГЛАВА 2

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро убийство жокея-чемпиона Скотта Барлоу стало темой номер один в восьмичасовом выпуске телевизионных новостей. Репортер объявил, что Барлоу нашли на кухне его дома в луже крови с двузубыми вилами, воткнутыми в грудь.

Я намазывал тост маслом, и вдруг мой мобильный зазвонил.

— Это Джеффри Мейсон? — Незнакомец говорил шепотом.

— Да.

— Делайте, что велено, — произнес голос тихо, но отчетливо.

— Кто это? — спросил я, но звонивший повесил трубку.

Как странно, думал я. Проверил принятые звонки, но номер не высветился.

Телефон у меня в руке зазвонил вновь, и я вздрогнул.

— Алло? — сказал я несколько напряженно.

— Это Джеффри Мейсон? — спросил другой мужской голос.

— Да, — настороженно ответил я. — Кто это?

— Брюс Лайгон.

Брюс Лайгон был солиситор из Ньюбери, которому я звонил прошлой ночью.

— Похоже, ваш друг крупно влип, — заметил он. — Полицейские почти не сомневаются, что это его рук дело. Мы тут с шести утра всем этим занимаемся.

— А каковы доказательства? — спросил я.

— Я так понял, что жертву закололи какими-то вилами, которые, как оказалось, принадлежат мистеру Митчеллу. На них наколоты несколько билетиков тотализатора, где написано имя мистера Митчелла. И еще вчера на мобильный Барлоу пришло сообщение от Митчелла, в котором говорилось, что тот намерен разобратся с ним «так, что мало не покажется».

— А Митчелл что говорит?

— Мямлит, что его подставили, — ответил Брюс, и было понятно, что сам он в это не верит. — Вы хотите, чтобы я здесь остался?

— Это не мне решать. Митчелл — ваш клиент. Его и спрашивайте.

— Я уже спросил. Он ответил, что нужно позвонить вам и делать, как вы скажете.

«Вот незадача, — подумал я. — Не могу я впутываться в это дело. Я слишком много знаю».

— Тогда оставайтесь, — сказал я. — Когда кончается время?

На то, чтобы предъявить обвинение, у полиции есть максимум тридцать шесть часов с момента, когда задержанного привезли в участок. Если в течение этого времени Стиву не предъявят обвинения или официально не попросят отсрочки, то его должны выпустить.

— Судя по протоколу, в полицейский участок его привезли в девять пятьдесят шесть, — ответил он. — Так что вряд ли они просили отсрочки, и я думаю, уже не попросят. Кажется, им даже не нужны его показания.

— Итак, вы остаетесь до предъявления обвинения? — спросил я.

— Только до шести вечера, — ответил он. — После шести я везу свою жену на ужин. У нее день рождения, и отменить его я не мог бы даже под угрозой выговора. Но если я уеду, меня заменит кто-нибудь из моей фирмы.

— Отлично, — сказал я. — Держите меня в курсе, пожалуйста.

Статья об аресте Стива Митчелла попала на первую полосу «Ивнинг стандарт». Я прихватил газету, чтобы прикрыться от дождя, выбегая из Королевского суда в соседнее кафе пообедать. «Жокей-чемпион задержан по подозрению в убийстве», — гласил заголовок. В статье было чуть больше фактов, чем я уже знал, и одно предположение о причине убийства: месть за то, что Барлоу выдал администрации скачек подробности незаконных ставок Митчелла.

Я включил мобильный телефон. Одно голосовое сообщение. От того же тихогоголосого, четко артикулирующего шептуна. «Помните, — угрожающе прошептал он, — делайте точно то, что велено».

Я сидел у окна кафе, ел сэндвич с сыром и маринованными огурчиками и пытался понять, что же, черт возьми, он имеет в виду. Никто мне ничего не велел, так как же я могу это делать? Я бы решил, что меня с кем-то перепутали, если бы утром он не спросил: «Это Джеффрей Мейсон?»

Решив, что лучше заняться вещами понятными, я позвонил Брюсу Лайгону.

— Есть новости? — спросил я у него.

— Нет. — В его голосе была скука. — Они обыскивают дом.

— А как он?

— Сыт всем этим по горло и все повторяет, что должен выступать на Хантингдонских скачках. Кажется, он не понимает, во что вляпался.

— Думаете, ему предъявят обвинение? — спросил я.

— Да, никаких сомнений. За истекшие четыре часа они даже не позаботились допросить его. Они уверены, что это сделал он.

— Что ж, надеюсь, обвинение предъявят еще до шести, — сказал я, намекая на день рождения его жены. — Вы поедете с ним утром в магистрат?

— Вы шутите? — сказал он. — Не каждый день дело, которое я веду, попадает в дневной выпуск новостей. Даже жена сказала, чтобы я оставался здесь сколько понадобится, хоть на всю ночь.

Проведя день в суде, я взял такси до конторы, потому что вез с собой бумаги и ноутбук. Был гадкий, сырой ноябрьский день. У входа в Раймонд-Билдингз я расплатился с шофером.

Джулиан Трент караулил меня между двумя рядами припаркованных машин. Я не ожидал нападения. Я не видел его, пока не подошел прямо к месту, где он прятался. Боковым зрением я уловил какое-то движение справа и взглянул ему в лицо за полмига до удара. Он улыбался.

Бейсбольной битой он подсек мне сзади ноги чуть выше колен. От удара колени подогнулись, и я кувырком полетел на землю. Бумаги рассыпались.

Он стоял надо мной, поигрывая битой. Вокруг не было ни души. Он явно был очень доволен собой.

— Здравствуйте, мистер Умный Адвокат, — сказал он, скривив верхнюю губу.

Я не ответил.

Он занес биту для следующего удара, я заслонил руками голову и закрыл глаза. С жутким стуком бита опустилась, но не мне на голову. Трент изо всех сил ударил по ноутбуку, и тот рассыпался на куски.

Я открыл глаза и посмотрел на него.

— В следующий раз, — пригрозил он, — я разможжу тебе голову. — Шагнул и сильно наступил мне на низ живота.

Боль была жуткая — острая, пронзительная, мучительная. Я застонал и перекатился на бок, и тут, к счастью, он убрал ногу.

— В следующий раз, — сказал он, — я отрежу тебе яйца. Понял? Я слабо кивнул.

— Так-то, — сказал он. — И впредь будь послушным.

Тут он повернулся и пошел прочь, а я остался лежать в луже, скрючившись, как младенец. Меня трясло — то ли от страха, то ли от шока, то ли от холода и сырости. С момента, когда я вышел из такси, прошло всего несколько минут, а жизнь моя изменилась кардинально. Вместо дисциплины и порядка — хаос и ужас.

Моя работа такова, что страх, шантаж и угрозы — это практически ежедневная реальность. Как надменно относился я к потенциальным свидетелям, которые боялись давать показания! «Мы защитим вас от хулиганов, — говорил я, — но вы должны поступить как должно». Только сейчас я в полной мере понял всю затруднительность их положения. Я должен был послать Джулиана Трента к черту, но на самом деле я бы лизал ему ботинки, если бы он попросил, и ненавидел себя за это.

Постепенно боль утихала, я смог встать на четвереньки. Компьютер был разбит, бумаги разлетелись по всей улице и мокли под дождем. Мантия и парик, которые были в одной коробке с бумагами, валялись в луже. Мне было уже все равно. Максимум, что я смог сделать, это, шатаясь, преодолеть несколько ярдов, отделявших меня от двери моей конторы.

Я прислонился к доске с именами всех работающих здесь барристеров, глядя на синюю входную дверь. Я никак не мог вспомнить код замка и в итоге просто нажал кнопку звонка. В ответ раздался дружелюбный голос Артура:

— Да, кто там?

— Джеффри Мейсон, — прохрипел я. — Вы не могли бы выйти и помочь мне?

Тотчас дверь открылась, и Артур вышел меня спасать. Он, можно сказать, дотащил меня через весь холл до комнаты клерков, подпихнул под меня стул. Я представлял собой то еще зрелище. Насквозь мокрый, брюки костюма в тонкую полоску продрапаны об асфальт. Мокрые от дождя волосы прилипли ко лбу.

— Боже милостивый, — заохал Артур. — Что произошло?

— На меня напали, — сказал я.

— Где?

— У дверей. Мои вещи до сих пор там валяются.

Артур рванул к дверям и скоро вернулся с париком в одной руке и мантией — в другой. На светло-зеленый ковер с них стекала вода. Под мышкой у него было зажато несколько набухших влагой бумажных листов.

— Это ваш компьютер? — спросил он, выглядывая за дверь.

— То, что от него осталось.

— Странно. — Он покачал головой. — Обычно грабители крадут вещи, а не разбивают. У вас что-нибудь пропало?

— Кажется, нет, — сказал я, но на всякий случай проверил. И бумажник, и мобильный прошупывались в карманах пиджака.

— Я звоню в полицию, — вызвался он. — Вам нужен врач?

— Нет. Однако переодеться в сухое было бы неплохо.

В ожидании полицейских я переоделся в спортивный костюм, который нашелся в кабинете одного из моих коллег, и попытался навести какой-то порядок в размокших бумагах, которые не мог распечатать заново, потому что почти все файлы находились в погибшем компьютере.

Через сорок минут приехали два констебля в форме. Артур кружил поблизости.

— Вы видели нападавшего? — спросил один из полицейских.

— Нет, — сказал я. — Он ударил меня сзади бейсбольной битой.

— Куда он вас ударил?

— Сзади, по ногам.

— Странное место для удара, — заметил другой полицейский. — Обычно бьют по голове. Вы видели его лицо?

— Нет, — ответил я. — Было темно.

«Почему же я не говорю им, что на меня напал Джулиан Трент? — мелькнула мысль. — Что я делаю? Почему не отстаиваю свои права?»

— Вы смогли бы его узнать? — спросил полицейский.

— Сомневаюсь, — услышал я собственный голос. *В следующий раз я размокну тебе голову.*

— Но вы уверены, что это был мужчина?

— Мне так показалось, — ответил я.

— Белый? Чернокожий?

— Не могу сказать. — Даже мне самому было понятно, как жалко это звучит.

— Ну, по крайней мере у вас ничего не украли, — подытожил констебль. — Позвоните потом в чаринг-кросский участок, вам продиктуют номер дела, чтобы оформить страховку.

И они ушли.

— Вы не слишком-то им помогали, — с некоторым осуждением сказал Артур. — Вы правда не видели, кто это был?

— Я бы сказал, если бы видел, — резко перебил его я, но, похоже, он мне не поверил.

Мне было стыдно его обманывать, но я очень боялся «следующего раза». Я ведь жив и не слишком пострадал. И мне хотелось, чтобы все так и оставалось.

Чтобы немного прийти в себя, я сел за свой письменный стол. *Впредь будь послушным*, — сказал Трент. Что он имел в виду? И связано ли это как-нибудь с шепотом: *Делайте, что велено*? Происходит что-то непонятное.

Постучав, вошел Артур и закрыл за собой дверь.

— Мистер Мейсон, могу я с вами поговорить?

— Конечно, Артур.

— Мне кажется, это вовсе на вас не похоже — такая рассеянность с полицейскими. Вы самый блестящий молодой адвокат в нашей конторе, вы никогда ничего не упускаете. Могу я спросить прямо?

Не скрою, я был польщен его комплиментом.

— У вас неприятности? — спросил он.

— Нет, конечно, нет, — ответил я. — Какие неприятности?

— Да любые, — сказал он. — Может быть, неприятности с женщинами?

Он что, думает, меня избил ревнивый супруг?

— Нет, Артур, никаких неприятностей. Честное слово.

— Если возникнут, вы всегда можете обратиться ко мне.

— Спасибо, Артур, — сказал я. — Когда у меня будут неприятности, я обязательно вам расскажу. — Для вящей убедительности я посмотрел ему прямо в глаза.

Он кивнул и направился к двери. Уже открыв ее, вернулся.

— Ах да, вам пришло вот это. — Он протянул мне белый конверт, на котором было крупно отпечатано мое имя. И удалился.

В конверте был сложенный листок бумаги, а в нем фотография, которая не оставляла никаких сомнений в том, что телефонный шепот и визит Джулиана Трента взаимосвязаны.

В центре листочка были напечатаны четыре строчки.

БУДЬ ПОСЛУШНЫМ АДВОКАТИКОМ
ВОЗЬМИ ДЕЛО СТИВА МИТЧЕЛЛА И ПРОИГРАЙ ЕГО
ДЕЛАЙ, ЧТО ВЕЛЯТ
НЕ ТО КОМУ-ТО БУДЕТ ОЧЕНЬ ПЛОХО

На фотографии был мой семидесятивосьмилетний отец на фоне своего домика в Нортгемптоншире.

Говорят, дом англичанина — его крепость. Я забрался в свою крепость, поднял мост и стал думать, что же со мной случилось.

В офис я вызвал такси, которое доставило меня домой в целости и сохранности, и теперь сидел у себя на кухне и смотрел на листок белой бумаги. *Возьми дело Стива Митчелла и проиграй его.* Судя по тому, что я слышал от Брюса Лайгона, с тем, чтобы проиграть, проблем не будет. Но почему кому-то так нужно, чтобы это дело было непременно проиграно?

Делай, что велят. Значит ли это, что я должен взять это дело и проиграть? И как с этим связано нападение Трента?

Я позвонил отцу.

— Алло, — произнес он в своей обычной суховатой манере. Я ясно представлял себе, как он сидит перед телевизором в своем бунгало и смотрит новости. Из родного урбанизированного Суррея после смерти матери он перебрался в деревушку Кингз-Саттон под Банбери.

— Привет, пап.

— А, Джефф, — сказал он. — Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у тебя как?

Мы с ним говорили по телефону примерно раз в неделю, и каждый раз обменивались такими вот любезностями. Мы никогда не были особенно близки, и, к сожалению, нам нечего было сказать друг другу.

— Все так же, — ответил он.

— Пап, — сказал я, — я понимаю, это странный вопрос, но скажи, как ты сегодня был одет?

— Зачем тебе знать? — с подозрением спросил он. Видно, решил, что я опять буду упрекать его в старомодности.

— Просто так, — ответил я. — Ну, пожалуйста.

— Брюки, желтая рубашка, поверх нее зеленый пуловер.

— На пуловере есть дырка на левом локте? — спросил я.

— Она маленькая, — защищался он. — Почему ты спрашиваешь?

— Да просто так. Забудь, — сказал я. — Я тебе в воскресенье позвоню.

— Ладно. Тогда пока. — Он вообще не любил говорить по телефону, а сегодня мы были еще лаконичней, чем обычно.

Я смотрел на фотографию, присланную вместе с запиской. На ней у дверей своего деревенского дома стоял мой отец в брюках, желтой рубашке и зеленом пуловере с маленькой дырочкой на левом локте. Должно быть, фотографию сделали прямо сегодня.

Так. Джулиана Трента освободили в пятницу. Скотт Барлоу убит вчера. Насколько одно вытекает из другого?

Мне даже не позвонил еще Брюс Лайгон, я даже не знаю, предъявлено ли Стиву Митчеллу официальное обвинение в убийстве, но вот, пожалуйста, мне уже велено засадить его за решетку.

И тут телефон зазвонил — как по заказу.

— Джеффри? — раздался знакомый голос.

— Брюс, какие новости?

— Сегодня в шесть вечера Митчеллу было предъявлено обвинение. — Завтра в десять он предстанет перед судом.

— А суд какой?

— Магистрата Ньюбери, — ответил он. — Наверняка будет назначено дальнейшее содержание под стражей на время расследования. Ни один провинциальный магистрат не освобождает под залог обвиняемых в убийстве. То есть это, конечно, мое предположение, но все же маловероятно.

— Пожалуй, — сказал я. — Согласен.

— Мистер Митчелл настаивает, чтобы вы были его защитником, — продолжал Брюс Лайгон.

— Но у меня недостаточно опыта. Судья захочет, чтобы защиту вел королевский адвокат.

— Однако мистер Митчелл настаивает.

Даже если бы я хотел вести защиту на этом процессе, самое большее, на что я мог бы рассчитывать, — что меня назначат помощником королевского адвоката. «Но о чем это я, — сказал я себе. — Я не могу работать на этом процессе. Закон запрещает».

Делай, что велят... Кому-то будет очень плохо.

Черт. Как же быть?

— Вы слышите меня? — спросил Брюс.

— Простите. Задумался.

— Так, значит, я свяжусь с вашим клерком. Номер у меня есть, — сказал он.

— Хорошо, — ответил я. Уж не сошел ли я с ума?

Как и ожидалось, на следующее утро после коротких слушаний в суде магистрата Ньюбери Стив Митчелл был оставлен под стра-

жей. Согласно дневным новостям, его отправили в Буллингдонскую тюрьму неподалеку от Бистера, с тем чтобы в недельный срок он предстал перед Оксфордским королевским судом.

Я набрал номер Брюса Лайгона. Он оставил мне на автоответчике сообщение с отчетом о слушаниях в магистрате, но мне было нужно от него гораздо больше.

— Брюс, я хочу увидеть место преступления, — сказал я. — Можете вы это устроить? Адвокатам обвиняемого разрешен доступ к месту преступления, но не раньше, чем будут собраны вещественные доказательства.

— Со мной или без меня? — спросил он.

— На ваше усмотрение, — ответил я. — Только, пожалуйста, как можно скорее.

— Значит ли это, что вы будете защищать его?

— Нет, — сказал я. — Пока нет. Но это поможет мне принять решение.

— Но доступ имеют только его представители.

— Если вы не скажете полиции, они и не узнают.

— Ладно, — ответил он после паузы. Я чувствовал, что он запутался. Что ж, не он один.

— И не могли бы вы устроить мне завтра свидание с Митчеллом в Буллингдоне?

— Ладно. Я позвоню вам.

Брюс так стремился представлять интересы своего знаменитого клиента, что готов был чуть нарушить правила.

Когда на следующий день я встретился в Буллингдонской тюрьме со Стивом Митчеллом, он был очень возбужден.

— Перри, — сказал он, входя в комнату для допросов, — когда ты меня вытащишь отсюда?

— Не знаю, Стив. Дату суда еще не назначили, вряд ли суд состоится раньше чем через полгода, а может, и через год.

— Через год! — воскликнул он, побледнев. — Я с ума сойду. — Он зашагал по комнате. — Я этого не делал, клянусь.

— Сядь, — сказал я.

Он перестал шагать и сел на стул у серого стального стола, а я сел на такой же стул напротив. Комната была маленькая и освещалась люминесцентной лампой на потолке.

— Я этого не делал, — повторил он. — Говорю тебе, меня подставили.

— Кто тебя подставил? — спросил я.

— Понятия не имею, — сказал он. — Вот ты и выясни.

— Кто такой Джулиан Трент? — произнес я спокойно.

— Никогда не слышал о нем. — Ни проблеска в глазах, ни малейшей заминки в интонации. Или Стив говорит правду, или очень хорошо умеет лгать. — А кто это? — спросил он.

— Не важно, — сказал я. — Мне просто нужно знать, не знакомы ли вы.

— А я должен быть с ним знаком?

— Да в общем, нет. — Я решил переменить тему. — Так почему полиция считает, что ты убил Скотта Барлоу?

— Кажется, в этого гада воткнули мои вилы. — Я подумал, что привычка Стива называть Барлоу не иначе как гадом произвела не лучшее впечатление на полицейских. — Что я, дурак — убивать этого гада собственными вилами?

— Что еще у них есть? — спросил я.

— Они что-то говорили о пятнах его крови и его волосах, которые нашли в моей машине, и еще его кровь нашли на моих сапогах. Все это полная чушь. Я никогда не был в его доме.

— А где ты был в момент убийства? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Они же не сказали мне, когда он был убит. Но они спрашивали, что я делал между часом и шестью в понедельник. Я сказал, что участвовал в скачках в Ладлоу. Но я не участвовал. Их отменили, потому что поле было залито водой.

Как глупо, подумал я. Это же так легко проверить!

— Так где ты был? — снова спросил я.

Он явно не хотел отвечать, так что я молча ждал.

— Дома, — наконец сказал он.

— Один? — уточнил я.

— Да. Я был один и весь день читал.

А вот теперь он лгал, я был уверен.

— Какая жалость, — сказал я. — Если бы ты был с кем-то, этот человек мог бы подтвердить твою алиби.

— Ты хочешь сказать, что я вру?

— Нет. Я просто хочу убедиться, что ты все вспомнил.

— Я тебе сейчас скажу, что я вспомнил. Я вспомнил, что никогда не был в доме Скотта Барлоу. Ни в понедельник. Ни когда-либо еще. Я даже не знаю, где жил этот гаденыш.

— А текстовое сообщение, — спросил я, — в котором говорилось, что ты с ним разберешься?

— Не посылал я никакого сообщения, — ответил он.

Наверняка, подумал я, полиция проверила телефонные записи.

— Я его не убивал. — Он посмотрел на меня. — Но ничуть не жалею, что он мертв.

— Что такое между вами было? За что ты его так ненавидишь?

— Я его ненавидел, потому что он был подлец, — сказал Стив. — Он стучал начальству ипподрома, если кто-нибудь что-нибудь делал не так.

— Откуда ты знаешь? Он хоть раз на тебя нажаловался?

— Ну нет. На меня — нет. Но все равно подлец.

— Да почему же? — взорвался я. — Если хочешь, чтобы я тебе помог, ты должен все рассказать мне.

Он встал со стула и отвернулся.

— Потому что он сказал моей жене, что у меня роман. И она от меня ушла и забрала детей.

— А откуда Барлоу узнал, что у тебя роман? — спросил я.

— Роман был с его сестрой.

— И когда все это случилось?

— Много лет назад.

— Твой роман с сестрой Барлоу продолжается?

— Нет. Это была просто интрижка, — сказал он. — Но Натали — это моя бывшая жена — уже не вернешь. Она вышла замуж за австралийца и теперь живет в Сиднее. И мои дети тоже. И все из-за Барлоу.

Я подумал, что присяжные вряд ли с ним согласятся.

— А что за билетки тотализатора, найденные на зубьях вил? — спросил я. — На них значится твое имя.

— Ну да, я такой дурак, что наколол их на вилы, перед тем как воткнуть их Барлоу в грудь! Явная подстава.

Мне стало казаться, что полицейские и в самом деле считают Стива круглым дураком, если их уверенность в его виновности основывается только на этом.

— А это вообще-то твои билетки? — спросил я. Мы оба знали, что профессиональным жокеям запрещено делать ставки.

Стив пожал плечами.

— Даже если бы они были моими, ты думаешь, на них стояло бы мое имя? Я не настолько глуп.

— А правда, что Барлоу обшаривал карманы жокеев в поисках билетиков тотализатора? — спросил я.

— Не знаю. Сомневаюсь. Кажется, я сам и пустил этот слух. — Он ухмыльнулся. — Просто чтоб ему насолить.

— Надеюсь, убили его не из-за этого слуха, — заметил я.

В четверг вечером я приехал погостить к своему тренеру Полу Ньюингтону на конюшни в Грейт-Милтон.

Мы с Полом обходили стойла. Работники убирали навоз, задавали своим подопечным корма на ночь, заливали воду. Сэндмен выглядел прекрасно, его золотистые бока блестели.

Я похлопал его по шее.

— Хороший мальчик, — тихо сказал я. — Кто у нас хороший мальчик?

Он шумно выдохнул и повернул голову посмотреть, не принес ли я ему лакомства. Я всегда приезжал к Полу с полными карманами яблок. Сэндмен благодарно захрупал зеленым яблочком.

— Утром увидимся, мальчик, — простился я и вышел из его стойла.

Лора, жена Пола, приготовила нам ужин, и за кухонным столом мы ели лучшие в мире макароны с сыром. Скоро разговор свернул на самую горячую тему в конноспортивных кругах.

— Ты думаешь, это сделал Митчелл? — поинтересовался Пол.

— На это указывают вещественные доказательства, — сказал я. — Однако чтобы оставить все эти улики, надо быть полным идиотом.

— А кто еще мог это сделать? — удивился Пол. — Все знали, как Митчелл ненавидел Барлоу.

— Почему Барлоу и Митчелл невзлюбили друг друга?

— Вроде это как-то связано с сестрой Барлоу, — сказал Пол. — У Митчелла, кажется, была с ней интрижка.

— Как жалко сестру Скотта, — подала реплику Лора.

— А что такое? — спросил я.

— В июне она покончила с собой.

— Что?! — воскликнул я.

— На вечеринке, — продолжала Лора. — Видимо, у нее была депрессия, и она вколола себе огромную дозу обезболивающего.

— А где она взяла обезболивающее?

— Она была ветеринаром, — пояснил Пол. — В Ламборне. Большинство местных тренеров лечили лошадей у нее.

— Вспомни, — сказала мне Лора. — Это было во всех газетах.

— Я первую половину июня был в отъезде, — ответил я. — Должно быть, пропустил. А чья была вечеринка?

— Саймона Дэйси, — сказал Пол. — Он закатил торжество, когда выиграл дерби. Ты знаешь — с Пенинсулой.

Пенинсула был самый крутой жеребец в мире. Только в этом сезоне он выиграл приз «Две тысячи гиней» в Ньюмаркете, дерби в Эпсоме и Кубок заводчиков в Калифорнии и обещал стать отличным племенным жеребцом. Дэйси был его тренер.

— Вот гости-то порадовались, — заметил я.

— Разумеется, нет, — серьезно ответила Лора. — Мы тоже там были. Огромный шатер в саду с гирляндами из живых цветов и все такое. Это было грандиозно. По крайней мере, пока в одной из спален наверху не нашли Милли Барлоу.

— А кто ее нашел?

— Без понятия, — ответил Пол. — Около девяти приехали полицейские и прекратили вечеринку. Переписали наши адреса и отправили всех по домам.

— А действительно ли это было самоубийство?

— Все задавались этим вопросом, — сказал Пол.

— Отчего у нее случилась депрессия?

— Что это тебя вдруг заинтересовало?

— Просто я подозрителен по природе, — отшутился я.

Одна насильственная смерть в семье — это несчастье, но две в течение пяти месяцев — это уже не просто совпадение.

— А что моя лошадь? — решил я сменить тему беседы.

— Медлительная и толстая, — со смехом ответил Пол, — совсем как ее хозяин.

Я выпил доброго красного вина за нашу медлительность и полноту и добавил себе полноты, взяв вторую порцию макарон.

Как я люблю скакать на лошади морозным утром, когда иней блестит на солнце! К сожалению, в ту пятницу утро выдалось совсем не морозное. Лил дождь, его капли громко стучали по моему шлему.

Мы с Сэндменом были шестыми в веренице из десяти лошадей. Легким галопом мы скакали мимо деревни, подковы цокали на твердом дорожном покрытии. И лошади, и всадники промокли, но мне было на это наплевать, и Сэндмену тоже. Я чувствовал, как подо мной играют его мускулы. Нас обоих возбуждало предвкушение настоящего галопа, который вот-вот начнется.

Ветер рвал куртку, и жалили капли дождя, но ничто не могло стереть улыбки с моего лица, когда мы пустились в галоп. Пол, сидя на лошади на вершине холма, смотрел, как я к нему приближаюсь. Ровный галоп в три четверти силы, велел он. Он наказывал мне не переутомлять лошадь, но Сэндмен хотел скакать и, как всегда, норовил обогнать других лошадей. Я сдерживал его, крепко натягивая поводья. Несмотря на скромность Пола, он все же был великий тренер по выездке, и я никогда не оспаривал его суждений.

Я перевел Сэндмена на рысь, потом на шаг. Нет лучше способа проветрить голову от паутины судебных залов! Круг за кругом я выводил его шагом, пока мы не остыли. Потом путь наш лежал назад по деревне к дому Пола.

Когда я спешил, из дома вышла Лора.

— Десять минут назад тебе звонил какой-то мистер Лайгон, — сказала она. — Очень просил, чтобы ты позвонил ему как можно скорее.

— Спасибо, — сказал я, удивляясь, откуда он узнал, где я.

Я отвел Сэндмена в стойло, снял с него седло и уздечку, заменив их сухой попоной и хомутом.

— Прости, старик, — сказал я ему на прощание. — Я к тебе еще вернусь.

Я вошел в дом, оставляя лужи на полу Лориной кухни.

— Брюс, — спросил я, услышав его «алло», — как вам удалось меня найти?

— Ваш клерк сказал мне, что сегодня вам не нужно идти в суд и вы, вероятно, выезжаете свою лошадь. — Я почти услышал, как Артур говорит это. — И я посмотрел на сайте «Рэйсинг пост», кто тренирует вашу лошадь.

— Так чем я могу вам помочь?

— Я договорился об осмотре места преступления, — ответил он. — Полицейские разрешили приехать сегодня в два. Но предупредили: осмотр производить только в их присутствии.

— Отлично, — сказал я. — А где это?

— Грейт-Шеффорд, деревушка между Ламборном и Ньюбери. Сам дом называется «Дом среди жимолости».

— Рядом есть паб?

— Да, кажется, есть какой-то на главной дороге.

— Давайте встретимся там в час, — предложил я.

— Хорошо, — сказал он. — До встречи.

ГЛАВА 3

Когда я ровно в час вошел в паб «Лебедь», у стойки было только три посетителя, двое из них — явно пара влюбленных: голова к голове, рука в руке. Третий был мужчина лет сорока пяти в сером костюме и синем галстуке. Он мельком взглянул на меня и снова стал смотреть на дверь, словно ожидая кого-то.

— Брюс? — спросил я, подходя к нему.

— Да? — сказал он вопросительно.

— Я Джеффри, — представился я. — Джеффри Мейсон.

— Знаете, мне почему-то казалось, что вы постарше.

— Постарше и поумнее? — добавил я.

Он засмеялся. Мы прошли к столику в углу и сделали заказ.

— Виделись вчера с Митчеллом? — спросил Брюс.

— Да, — ответил я. — Говорит, что его подставили.

— Вы верите?

Вместо ответа я спросил:

— Вы знаете, что у Скотта Барлоу была сестра?

— Нет. А что, я должен об этом знать?

— В июне она покончила с собой, — сказал я, но на его лице не прибавилось понимания. — Во время торжественного приема в Ламборне.

— Что? Девушка-ветеринар?! — воскликнул он.

— Она самая. Милли Барлоу.

— Вот это да! В наших краях это была новость номер один. На вечеринке собралось столько знаменитостей! Видимо, и кокаина было вволю. Сначала думали, что эта ветеринарша умерла от передозировки, но потом оказалось, что от лошадиного обезболивающего, и кажется, она это сделала умышленно.

— Странное она выбрала место и время. Испортить вечеринку — это... — Я замолчал, не найдя слов.

— Самоубийцы вообще люди странные, — сказал он. — У меня был однажды клиент, чья бывшая жена бросилась под грузовик прямо под окнами загса, где он регистрировал второй брак.

— То-то порадовались гости на свадьбе, — заметил я.

— Я грешным делом думаю, что на самом деле мой клиент был доволен. Она избавила его от уплаты алиментов.

Мы рассмеялись. Брюс нравился мне все больше.

— Так скажите мне, что мы будем искать в доме Барлоу? — спросил он.

— Пока не знаю, — ответил я. — Я всегда стараюсь осмотреть место преступления, когда работаю над делом. Очень часто это наталкивает на полезные догадки.

— Так вы работаете над этим делом? — спросил он.

— Временно, — улыбнулся я.

«Дом среди жимолости» оказался красивым старым каменным строением, отделенным от дороги рощицей высоких каштанов.

Перед гаражом, пристроенным к коттеджу, уже стояли две машины. Когда мы подъехали, дверца одной открылась, и вышел молодой человек.

— Мистер Лайгон? — спросил он, приблизившись к нам.

— Это я. — Брюс шагнул вперед и протянул ему руку.

— Детектив констебль Хилльер, — произнес молодой человек, пожимая ее.

— Джеффри Мейсон, — представил меня Брюс. — Барристер, который работает по этому делу.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Боюсь, придется пошевеливаться. Не могу дать вам больше получаса, — сказал полицейский. — Кроме того, мы там будем не одни. Из Глазго прибыли родители Барлоу. Они сейчас в доме.

Когда мы вошли, Хилльер представил нас миссис и мистеру Барлоу.

— Это адвокаты, — сказал он. — Защищают интересы Стива Митчелла.

Мистер Барлоу посмотрел на нас с презрением.

— Чтоб вам гореть в аду веки вечные! Зачем вы помогаете этому человеку? Он послан дьяволом, этот негодяй. — Все это он произнес с сильным шотландским выговором.

— Дорогой! — Миссис Барлоу положила руку ему на плечо. — Вспомни, что говорил врач. Тебе нельзя волноваться.

Барлоу немного успокоился. Это был крупный высокий мужчина с тяжелой челюстью и кустистыми бровями, в дурно сидящем темном костюме, без галстука. Миссис Барлоу, наоборот, была миниатюрная и худощавая. Неуместно веселенькое цветастое платье висело на ней мешком.

— Митчелл пока не осужден, — сказал я. Это было ошибкой.

— Говорю вам, — закричал мистер Барлоу, тыча в меня пальцем, — этот человек виновен, и он за все ответит перед Богом! Он убил не только Хэмиша, а обоих наших детей!

— Кто такой Хэмиш? — спросил я. Это было второй ошибкой.

— Хэмиш, чтоб ты знал, — взревел он в ярости, — это мой сын! Брюс быстро зашептал мне в ухо:

— Настоящее имя Скотта Барлоу — Хэмиш.

В мире скачек Барлоу всегда был известен как Скотт, и лишь теперь я понял, что это исключительно из-за шотландского происхождения.

— Что вы имеете в виду, говоря, что Митчелл убил обоих ваших детей? — спросил я.

— Он убил нашу Милли, — тихо сказала миссис Барлоу.

— Я думал, это было самоубийство, — возразил я как можно мягче.

— Это все равно на его совести! — возвысил голос мистер Барлоу. — Этот человек прелюбодействовал с моей дочерью.

— Но разве этот факт делает его ответственным за ее смерть? — спросил я.

— Делает, — сказала миссис Барлоу, — потому что он бросил ее ради другой в день ее смерти.

Интересно, почему Стив Митчелл не рассказал мне об этом? Хуже того — если Барлоу говорят правду, то выходит, Митчелл что-то утаивает от меня.

Супруги Барлоу не отходили от нас ни на шаг, когда мы с Брюсом осматривали дом их сына. Куда бы мы ни пошли, они следовали за нами по пятам и смотрели во все глаза.

Полицейские, собирая вещественные доказательства, засыпали все поверхности порошком для снятия отпечатков пальцев. В телерепортажах говорилось, что Скотт, или Хэмиш, был найден на полу в кухне в луже крови с вилами в груди. Если лужа крови там и была, то ее с тех пор вытерли.

На кухонном столе лежала покореженная серебряная рамочка с вдребезги разбитым стеклом. И без фотографии.

— Интересно, что здесь было, — произнес я, беря рамочку в руки.

— Фотография нашей Милли, — пояснила миссис Барлоу, появляясь в дверях. — Должно быть, он ее забрал.

То, как миссис Барлоу произнесла слово «он», не оставило у меня сомнений, что она имеет в виду Стива Митчелла.

— Портрет? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Фото, сделанное во время работы, в ветлечебнице. Она там с лошастью. Это вообще-то была ее фотография, но Хэмиш ее взял, когда... — Она не договорила, из глаз ее полились слезы.

— Мне очень жаль, миссис Барлоу, — сказал я.

— Спасибо, — отозвалась она, вытирая лицо носовым платком.

— Наверное, это была очень важная фотография, если она ее поместила в серебряную рамку. Вы не помните, с какой лошастью там была Милли?

— Нет. Я только помню, что я эту фотографию увидела после ее смерти. И Хэмиш захотел взять ее. На память.

— Где она жила? — спросил я.

— В квартире при лечебнице, вместе с другой женщиной-ветеринаром. Не помню имени.

Детектив констебль Хилльер слышал почти весь наш разговор с супругами Барлоу, но интереса к нему не проявлял. Он постоянно поглядывал на часы.

— Ну, все осмотрели? — спросил он. — А то мне пора.

Брюс задержал супругов в каком-то повороте коридора, а я тем временем сбегал наверх, в спальни. Смотреть там было особенно не на что. В гардеробе Хэмиша Барлоу аккуратно висели дизайнерские вещи, еще два шкафа были набиты памятными призами и прочими спортивными трофеями. Никаких скелетов.

Полицейский выставил всех нас из дома, запер дверь на всякий замок и предложил покинуть владение.

— Есть у вас телефон, по которому мой солиситор смог бы с вами связаться? — спросил я родителей Барлоу. — В случае, если возникнут вопросы?

Мистер Барлоу, успокоившийся было после взрыва в начале беседы с нами, вдруг сказал:

— Я больше не хочу отвечать на ваши вопросы.

— Я, так же как и вы, заинтересован в том, чтобы найти убийцу вашего сына.

— Митчелл его убил, — твердил мистер Барлоу упрямо. — Хэмиш часто говорил, что в один прекрасный день Митчелл убьет его, как убил его сестру. И вот это случилось. Чтоб ему гореть в аду!

Ну что тут скажешь?

Брюс довез меня до «Лебеда», чтобы я забрал свою машину, и уехал по своим делам. Было уже почти пять, и я решил, раз уж я здесь, посетить лечебницу для лошадей в Ламборне.

Я объяснил девушке в приемной, что ищу женщину, которая до июня жила вместе с Милли Барлоу.

— Простите, — сказала она, — я новенькая. Вам нужно спросить кого-нибудь из ветеринаров. Правда, сейчас у нас некоторая запарка, и в данный момент они все в операционной.

— Как долго это может продлиться?

— Не знаю. Но вы можете подождать. Вон там. — Она указала дверь напротив.

— Спасибо, — сказал я и прошел в приемную.

По стенам там стояли обитые розовой тканью кресла, кое-где между ними были столики, пол покрывал голубой ковер. В одном из розовых кресел сидел мужчина, когда я вошел, он поднял глаза. Мы кивнули друг другу в знак приветствия, и он вернулся к изучению каких-то бумаг. Я сел напротив и стал перелистывать номер «Сельской жизни», оставленный кем-то на столике.

Я начал читать обзор книжных новинок, и тут дальняя дверь открылась. В комнату вошла женщина в зеленой застиранной тунике, брюках и коротких зеленых сапожках. Ветеринар, догадался я.

Мужчина поднялся на ноги.

— Ну как? — спросил он.

— Удалось спасти почти всю мышечную массу плеча. Так что после соответствующего лечения станет не хуже, чем был, — ответила она.

Мужчина с облегчением вздохнул:

— Мистер Радклифф будет доволен.

— Я должна идти, нужно закончить операцию. Мы оставим его здесь на ночь. Посмотрим, что будет утром.

— Хорошо, — сказал мужчина. — Спасибо.

Мужчина стал собирать свои бумаги. Ветеринар обратилась ко мне:

— Вы кого-то ищите?

— Нет-нет, я просто хотел поговорить с кем-нибудь, кто знал одну женщину, которая здесь работала.

— Какую именно?

— Милли Барлоу.

Реакция мужчины оказалась неожиданно бурной.

— Подлюка, — выдохнул он сквозь зубы.

— Прошу прощения? — обернулся я к нему.

— Я сказал: подлюка, — повторил он.

— Простите, — обратилась ко мне ветеринар, — сейчас я должна уйти: нужно наложить швы. Если вы согласны ждать, я поговорю с вами, когда закончу.

— Я подожду, — ответил я, и она исчезла за дверью.

— Я вас знаю, — сказал мужчина. — Вашу лошадь тренирует Пол Ньюингтон.

— Меня зовут Джеффри Мейсон. Я барристер.

— Саймон Дэйси. — Он протянул руку.

А, подумал я. Это ему Милли Барлоу испортила торжество.

— У вас неприятности? — спросил я, кивая на дверь, за которой скрылась женщина-ветеринар.

— Годовалый жеребенок удрал и поранился об автомобиль.

— Но все будет в порядке?

— От всей души на это надеюсь. Он стоит почти полмиллиона.

— Но ведь наверняка все скаковые лошади застрахованы, — заметил я. Моя была застрахована.

— Мистер Радклифф, его хозяин, считает, что страховые взносы слишком высоки. Он держит у меня дюжину своих лошадей и говорит, что лучше на сэкономленные деньги купит еще одну. Но Пенинсулу он застраховал, иначе бы его не взяли в завод.

О, подумал я, значит, владелец Пенинсулы — мистер Радклифф. Тогда он вряд ли считает копейки.

— Так скажите, чем вам так не угодил Милли Барлоу? — Я решил вернуться к предмету, который меня интересовал.

— Она испортила мне вечеринку, — сказал он.

— Бедной девушке было так плохо, что она покончила с собой, — возразил я. — Она ведь не нарочно.

— Нарочно или не нарочно, а испортила. Словно не могла сделать это где-нибудь еще. Этот прием по случаю победы на дерби был бы самым лучшим днем моей жизни, если бы она все не испортила.

Я вполне понимал его чувства.

— Вы не знаете, почему она покончила с собой?

— Не знаю. Я с ней был едва знаком.

— Но вы знали, что у нее был роман со Стивом Митчеллом?

— Да. Это весь Ламборн знал. Послушайте, мне пора. Вечером в конюшне дел невпроворот.

— Ладно, — сказал я. — Спасибо. Можно вам позвонить, если у меня появятся еще вопросы? Я защитник Стива Митчелла. — И я протянул ему свою визитную карточку.

— В самом деле? Стало быть, вы здесь по работе.

— Почему все так уверены, что это сделал он? — спросил я.

— Потому что весь Ламборн наблюдал, как они цапались. Постоянно. Барлоу был странноватый, а Митчелл так просто наглец.

— Но как вы думаете, убийца — он?

— Должен сказать, меня удивило, что его арестовали. Но в ярости люди на такое способны! Совершенно теряют разум.

— Так можно вам позвонить, порасспросить, если понадобится?

— Можно. Но я не слишком хорошо их знал — и того и другого. А теперь я должен идти.

— Удачи вам с жеребенком!

Он ушел, а я остался ждать в приемной. Настенные часы показывали половину седьмого.

Что же я делаю? — сам себе удивлялся я. Я стольким людям сказал, что я адвокат, защищающий в суде Стива Митчелла, а между тем я не имею на это права. Я ведь потенциальный свидетель. На самом деле мой долг — пойти и рассказать полиции о своем разговоре со Скоттом Барлоу в Сандауне. Все мои профессиональные инстинкты кричали, что не нужно ввязываться в это дело, пусть свершится правосудие.

Но что такое правосудие? Кто-то настойчиво велит мне взять это дело и проиграть его. Если я самоустранюсь, не станут ли угрожать кому-то еще, чтобы тот упек Стива за решетку? И не доказывает ли столь горячее стремление посадить Стива за убийство, что Стив его не совершал?

Но даже если предположить, что я смогу выиграть процесс, к чему меня это приведет? *В следующий раз я разможжу тебе голову*, — сказал Трент.

— Анджела, любимая, — тихонько позвал я, — что мне делать?

Нет ответа. Как мне не хватает ее — ее присутствия, ее мудрости! Невольно мои глаза наполнились слезами.

В этот момент вернулась женщина в зеленой тунике. Я вытер глаза рукавом в надежде, что она не заметила моих слез.

— Итак, чем могу помочь? — устало произнесла она.

— Тяжелый выдался день? — скорее констатировал, чем спросил я.

— О да, — улыбнулась она. — Если бы мы не постарались, он не смог бы скакать. Но, кажется, мы сберегли деньги мистера Радклиффа. Стригунок молоденький, вылечим — будет как новенький.

— Саймон Дэйси тоже так сказал.

Она удивленно подняла брови:

— А кто вы, собственно?

— Джеффри Мейсон. — Я вытащил из кармана еще одну карточку и вручил ей. — Я барристер, защищаю Стива Митчелла.

— Наглый тип, — заметила она.

— Да? А почему?

— Думает, что для женщин он — божий дар и каждая радостно сбросит трусы по первому же его требованию.

— И что, сбрасывают?

Она взглянула на меня и улыбнулась:

— Напомните мне, чтобы я не оказалась на месте свидетеля, когда перекрестный допрос ведете вы.

— Хорошо. — Я улыбнулся в ответ. — Но сначала позвольте узнать ваше имя.

— Элеанор Кларк. Кажется, вы хотели меня расспросить о Милли Барлоу?

— Да. Вы ее знали?

— Конечно. Мы жили с ней в одном доме при лечебнице. Но не каждую ночь она проводила там.

— Потому что иные ночи проводила со Стивом Митчеллом?

— Да, — с запинкой сказала она.

— Или с кем-то еще? — спросил я.

— Вы верно уловили. Наша Милли была хорошая девушка, но боюсь, спала с каждым, кто попросит как следует.

— Почему она покончила с собой?

— Не знаю, говорят, из-за депрессии, но я так не думаю. Она была веселой и жизнерадостной. И всегда строила планы, как бы побыстрее разбогатеть.

— Она торговала собой?

— Нет, — сказала она серьезно. — Вы не так меня поняли. Она спала не со всеми подряд. У нее были фавориты. И порой она говорила «нет», особенно женатым.

Я подумал, что, вероятно, Милли воспитывали в чрезмерной строгости, а вырвавшись из-под опеки отца, она пустилась во все тяжкие.

— Где она взяла обезболивающее? — задал я вопрос.

— Ну, у нас здесь, конечно, есть препараты для наркоза. Но вот что странно. — Она помолчала. — Токсикологический отчет показал, что Милли ввела себе тиопентал. Но мы в лечебнице не пользуемся тиопенталом. Мы используем кетамин в сочетании с ксилазином или детомидином.

— Вас это не настораживает?

— Любой ветеринар может заказать лекарства у любого поставщика, просто заполнив бланк.

— Но это значит, что она покончила с собой не под влиянием момента, — сказал я. — Если ей надо было специально заказывать эту штуку.

— Может, тиопентал у нее уже был? — предположила Элеанор. — У меня в сумке, например, есть несколько лекарств, не имеющих отношения к аптеке лечебницы.

— А где лечебница берет лекарства?

— В Рединге есть специальный ветеринарный фармацевт.

— Наверное, она заказала его там отдельно, для себя.

— Нет, — тотчас ответила она. — Полиция проверила все их записи, и в них ничего не было. Послушайте, пора уходить. Обычно после шести мы закрыты, и сейчас нас ждут, чтобы запереть двери.

— Но мне нужно задать вам еще несколько вопросов о Милли, — взмолился я.

— Давайте я сейчас переоденусь, и я давно уже мечтаю выпить.

— А может быть, поужинаем? — обрадовался я.

— Не торопите события, мистер Мейсон.

— Нет. Простите, — замямлил я, — я не это имел в виду.

— Вот спасибо! Не успела я подумать, что меня приглашают на свидание, как оказывается, что вы не это имели в виду, — рассмеялась она. — И так всю жизнь.

Мы поехали, каждый в своей машине, в «Королевский герб», в нескольких милях от лечебницы. Я прибыл первым, заказал себе диетической кока-колы и уселся на высокий табурет у барной стойки, обдумывая свои вопросы.

Когда Элеанор Кларк вошла в тускло освещенный бар, я ее не сразу узнал. Она переоделась, вместо рабочего костюма ветеринара на ней были белый свитер и джинсы. Ее светлые волосы больше не были забраны в хвост, а свободно рассыпались по плечам. Мне показалось, что новая прическа ей не идет, потому что

скрывает прелестный овал ее лица. Вдруг поймав себя на этих мыслях, я удивился, ведь со дня встречи с Анджелой я почти не смотрел на женщин.

— Вот вы где, — сказала Элеанор, подходя ко мне и садясь рядом.

— Что будете пить? — спросил я.

— Джин с тоником, пожалуйста.

Я заказал, и пока бармен смешивал напитки, мы сидели в молчании.

— Отлично, — сказала она, сделав изрядный глоток. — Трудный был день.

— Закажу-ка я вам еще, — предложил я.

— Я за рулем, — ответила она.

— Давайте все-таки поужинаем.

— А я думала, что вы не это имели в виду. — В ее голубых глазах мелькнули веселые искорки.

— Я имел в виду именно это, а не... — Я смутился. — Так вы поужинаете со мной?

— Да, — без раздумья ответила она.

— Хорошо, — улыбнулся я.

— Вы женаты? — внезапно спросила она.

— Был, — неохотно сказал я. — Я вдовец.

— Ох, — смутилась она. — Простите.

— Это было давно, — сказал я. — Но словно бы только вчера.

Мы помолчали.

— Пойдемте есть, — в конце концов сказал я.

Мы предпочли столик в баре столику в ресторане — без скатерти, менее формально, но меню такое же. Я выбрал жареное мясо, Элеанор — жареную рыбу.

— Вы хорошо знали Милли? — спросил я, когда еду принесли.

— Мы три года вместе работали в лечебнице и почти все это время жили в одном доме.

— У нее были денежные затруднения?

— Нет. Наоборот, она была хорошо обеспечена. Она купила новую красную спортивную «мазду» за год до смерти и всегда покупала много одежды. Я думаю, отец продолжал посылать ей деньги, хотя и в лечебнице мы зарабатываем неплохо.

Я вспомнил родителей Барлоу, их дурно сидевшую нелепую одежду. Как-то не похожи они на людей, которые станут высылать деньги хорошо зарабатывающей дочери.

— А не была ли она беременна? — вдруг появилась у меня дикая мысль.

— Маловероятно, — сказала Элеанор. — Она все хвасталась, что у нее большой запас отличных пилюль.

— Милли общалась с братом?

— Да, кажется, у них были хорошие отношения. Но не думаю, что его радовала ее репутация.

— Ну да. Не такая это репутация, которой следует дорожить. Сколько, вы сказали, было у нее любовников?

— По крайней мере полдюжины одновременно. Чем-чем, а скромностью она не отличалась. Достаточно сказать, что она любила жокеев.

— Вы их видели у нее дома?

— У нас было одно неписаное правило. Долгие и серьезные отношения — ладно, но случайных партнеров в дом не водим. Надо ли говорить, что Милли нарушала его постоянно.

— А Стив Митчелл? Он у нее оставался?

— Нет, никогда. Милли всегда старалась остаться у него. Она нам все уши прожужжала про его горячую ванну. — И Элеанор неодобрительно приподняла брови.

— За что вы так не любите Митчелла? — спросил я.

— Это так заметно?

— Да.

— Когда лет десять назад я только что приехала в Ламборн, а он был начинающим жокеем, мы некоторое время были вместе. Я думала, что это серьезные отношения, а он, видимо, так не считал. Он мне изменял с одной девушкой и, когда она забеременела, бросил меня и женился на ней. — Она помолчала. — Сейчас я думаю, что она меня просто спасла.

— Сколько длился их брак?

— Около шести лет. У них было двое детей. А когда Натали, его бывшая жена, наконец опомнилась и ушла от него, он опять пришел к моей двери как ни в чем не бывало. Я его послала, и ему это очень не понравилось. Мне иногда кажется, что он так носился с Милли, чтобы насолить мне.

Значит, роман Стива с Милли Барлоу был не случайной короткой интрижкой, как он мне сказал, но продолжался и после того, как об этом узнала его жена. Значит, и здесь он мне солгал.

— Вы помните фотографию Милли с лошадью в серебряной рамке? — спросил я.

Она кивнула:

— Самая большая ее ценность.

— Почему?

— На этой фотографии она была с новорожденным жеребенком. Первый в ее жизни жеребенок, которого она приняла сама, почти сразу же после того, как приехала в Ламборн. Роды начались внезапно, среди ночи, во время ее дежурства. Но она молодец, все получилось хорошо.

Я был разочарован. Я думал, это нечто более значительное.

— Почему вас заинтересовала эта фотография? — спросила она.

— Потому что кто-то забрал ее из дома Скотта Барлоу.

— Может быть, из-за серебряной рамки?

— Нет. Взяли фотографию, рамку оставили.

— Ну, могу сказать вам, что на ней была Милли, жеребенок, а на заднем плане кобыла и конюх из Центра жеребенка.

— А вы не знаете, кто этот конюх?

— Понятия не имею. Зато я знаю, что это за жеребенок. И почему для Милли это была самая большая ценность.

— Продолжайте же, — нетерпеливо сказал я, поскольку она замолчала.

— Пенинсула. — Элеанор сопровождала это имя эффектным жестом.

Так вот почему Милли Барлоу оказалась на приеме у Саймона Дэйси!

ГЛАВА 4

Март 2009 года

КМАРТОВСКОМУ фестивалю стипль-чеза в Челтнеме Стив Митчелл уже четыре месяца как был в тюрьме, и его имя исчезло с газетных страниц.

Брюс Лайгон сделал все, что мог, чтобы Митчелла выпустили под залог, но, как и следовало ожидать, суд отклонил его ходатайство.

Я не собирался присутствовать на слушаниях об освобождении под залог, но за два дня до них получил еще одно анонимное напоминание. Это был тонкий белый конверт, как и в прошлый раз подброшенный в контору. Никто не видел, как он был доставлен. Как и в прошлый раз, в конверте лежал сложенный листок бумаги и фотография. Как и раньше, на листке были отпечатаны четыре строчки.

ПОСЛУШНЫЙ АДВОКАТИК
В СРЕДУ В ОКСФОРДЕ Я ПРОСЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ
НЕ ВЫПУСКАЙ МИТЧЕЛЛА ПОД ЗАЛОГ
ПРОИГРАЙ ПРОЦЕСС, НЕ ТО КОМУ-ТО БУДЕТ ПЛОХО

И фотография моей умершей жены Анджелы. Точнее, фотография фотографии Анджелы в серебряной рамке, которую вскоре после ее смерти я поставил на туалетный столик в спальне. Каждый день я говорил, обращаясь к этой фотографии: «Доброе утро, милая». Кто-то залез ко мне в дом и сделал этот снимок. Чем привел меня в ярость. Да кто же они, эти люди?

Я сидел за столом в конторе и думал. У меня намечалось несколько свободных дней. Недавно я выиграл крупный процесс. И чтобы избежать повторения прошлогодней истории, когда я сидел в суде, вместо того чтобы участвовать в скачках в Челтнеме, я наказал Артуру не планировать для меня никаких дел на эту неделю.

Сэндмен был допущен на «Фоксхантерз» на основании своих прошлогодних побед, и в конце января Пол заверил меня, что те-

перь лошадь в отличной форме. Тем самым он прозрачно намекал, что если в этом году Сэндмен не выиграет, то не по своей вине. Это было ясное и недвусмысленное предложение заняться тренировками.

С тех пор я каждый день бегал. Вдобавок в середине февраля отправился кататься на лыжах во Францию. Целый день я проводил на склоне, возвращался в свое шале на закате, безумно усталый, и часами сидел в сауне, выпаривая лишние фунты. Потом съедал ужин с высоким содержанием белка и рано ложился спать. К середине марта я был в отличной форме.

В мой кабинет вошел Артур. Несмотря на наличие прекрасной внутренней телефонной связи, Артур любил договариваться с глазу на глаз — он был работник старой закалки.

— Сэр Джеймс хочет устроить совещание по делу Стива Митчелла, — объявил он. — Я назначил его на завтра, на девять тридцать. Вам удобно?

— Я же просил не назначать мне на этой неделе совсем ничего, — напомнил я.

— Но вы же не уедете на скачки до четверга, — ответил он с улыбкой. Откуда он знает? Спрашивать его самого бесполезно. Он ответит, как и всегда: «Такая у меня работа: знать все о своих барристерах».

— Да, завтра в половине десятого мне удобно, — сказал я.

— Я так и подумал, — улыбнулся он. — Пойду доложу сэру Джеймсу.

Сэр Джеймс Хорли, королевский адвокат, возглавил защиту Стива Митчелла. Когда Брюс Лайгон позвонил Артуру в поисках адвоката, сэр Джеймс прямо-таки вцепился в это дело. Отказать знаменитости он просто не мог.

Я так никому и не рассказал о своем разговоре с жертвой в душевой Сандауна. Я должен был о нем рассказать так давно, что сейчас уже не мог этого сделать, не скомпрометировав себя. Если расскажу — нехорошо, если не расскажу — опять нехорошо, но в последнем случае — только если кто-то об этом узнает.

Новость, что я больше не единственный барристер на этом процессе, дошла до ушей того, кто был весьма заинтересован в результате. Буквально через два-три часа после того, как назначение сэра Джеймса Хорли королевским адвокатом защиты появилось на веб-сайте суда, мой мобильный зазвонил.

— Я велел тебе взять дело Митчелла, — услышал я шепот. — Почему ты не назван в числе барристеров защиты?

Я попытался объяснить, что такие громкие дела всегда ведут королевские адвокаты, а я таковым не являюсь. Сказал, что буду помогать.

— Ты должен сделать так, чтобы Митчелла осудили.

— Зачем? — спросил я.

— Исполни! — И незнакомец повесил трубку.

В самом деле, зачем им — кто бы они ни были — нужно, чтобы Митчелла осудили? Чтобы в преступлении, которое они совершили, обвинили другого? Или они хотят увериться, что он получит по заслугам? И откуда они могут знать о его виновности, если не были вместе с ним в том же самом месте и в то же самое время?

Нет, пожалуй, я склонялся к тому, что Стива подставили.

Хотя доказательства обвинения и покажутся присяжным убедительными, любое из них можно назвать второстепенным. Никто не оспаривает того, что вилы — орудие убийства — принадлежат Стиву Митчеллу, но его вилы лежали отнюдь не за семью печатями и кто угодно мог взять их. Кровь и волосы жертвы нашли на сапогах Митчелла и в его машине, но сапоги эти стояли в том же самом сарае, что и вилы. Заявление защиты сводилось к тому, что мистеру Митчеллу хотят приписать преступление, которое совершил кто-то другой. И что преступление было тщательно спланировано таким образом, чтобы создалось впечатление, будто его совершил наш клиент.

Обвинение не смогло установить, посылал ли Митчелл Барлоу угрожающее текстовое сообщение. Оно было отправлено бесплатным интернет-сервисом, доступным в любой точке мира.

Впрочем, билетки тотализатора принадлежали Митчеллу, и он все-таки оказался настолько глуп, чтобы поставить на них собственное имя. Он это отрицал, но даже я понял, что он врет. Я сказал ему, что уже не время врать про билетки, против него возводятся куда более серьезные обвинения, но он настаивал.

Я объяснил Стиву, что если у него есть алиби, то он должен предварительно объявить об этом суду. Однако он был непоколебим — продолжал утверждать, что в тот понедельник был дома один и весь день читал.

— Стив, — взорвался я, — я тебе не верю. Лучше скажи мне, если к тебе кто-нибудь приходил.

— Я уже сказал, я был один, — уперся он. — Правда.

— Ты что, не понимаешь, во что влип? — закричал я. — Тебе грозит пожизненное заключение!

— Не могу, — наконец сказал он.

— Потому что она замужем?

— Да. И кажется, она уже ушла, когда Барлоу убивали. Это был секс в обеденный перерыв, мы договорились, когда скачки в Ладлоу отменили. И я не хочу впутывать ее в это.

Из документов обвинения следовало, что Барлоу умер между двумя и четырьмя пополудни. Тело обнаружили около шести. В полицейский участок Ньюбери анонимно позвонили и сообщили о незаконном вторжении в «Дом среди жимолости».

— Она ушла не позже половины третьего, — добавил он. — Дом Барлоу всего в десяти минутах ходьбы от моего. Я легко мог оказаться там еще до трех, так что это никакое не алиби. Нет, я не хочу ее впутывать.

Я также спросил его о Милли Барлоу и почему он не рассказал мне о ней в нашу первую встречу.

— Я не думал, что это так важно, — ответил он.

— Еще как важно! — не сдержался я. — Мне надо рассказывать абсолютно все, я сам разберусь, что важно, а что нет.

Он посмотрел на меня большими глазами, как наказанный щенок.

— Я не делал этого, ты же знаешь, — сказал он скорбно.

— Но Барлоу обвинял тебя в самоубийстве сестры?

— Постоянно, — подтвердил он. — А я ему говорил: заткнись, убью! — Стив внезапно замолчал и заглянул мне в глаза. — Но я не убивал его. Клянусь, не убивал. — Он закрыл лицо руками и всхлипнул.

— Успокойся, Стив. Я знаю, что ты этого не делал.

Он посмотрел на меня:

— Так убеди в этом присяжных.

Видимо, именно это мне и придется сделать, думал я, сидя в конторе за своим столом. Может, рассказать присяжным, как мне угрожали и просили, чтобы я проиграл процесс? Но что тогда будет со мной? Я все время буду ждать, когда мне разmozжат голову. И что будет с моим стариком отцом? Какой опасности я его подвергаю? Похоже, единственный способ решения проблемы — узнать, кто меня запугивает.

Так просто, подумал я. Но с чего начать?

С Джулиана Трента. Разгадка в нем.

На следующее утро мы с сэром Джеймсом Хорли, королевским адвокатом, сидели по одну сторону стола в переговорной, а напротив нас — Брюс Лайгон. Два часа мы снова и снова разбирали каждый пункт обвинительного заключения.

Мы запросили у обвинения все материалы, собранные ими, все, что может оказаться полезным для нас, исходя из нашей линии защиты. Ответ был, что у них нет другой информации, кроме той, которая обнародована в предварительном обвинительном заключении. Мы ничего другого и не ждали.

— Вы уверены, что Митчелл не признает себя виновным? — сказал сэр Джеймс. — У обвинения очень сильные позиции.

— Он не признает себя виновным в том, чего не совершал. Наша линия защиты — доказать, что нашего подзащитного подставили.

— Тогда нужно найти, кто его подставил, — сказал сэр Джеймс. — В противном случае нас закидают тухлыми яйцами. Суд назначен на вторую неделю мая. То есть нам осталось два месяца. Предлагаю снова собраться через две недели и посмотреть, насколько мы продвинулись.

Вернувшись в свой кабинет, я заказал стенограмму слушаний апелляции Джулиана Трента за прошлый ноябрь и стал изучать плотно исписанные страницы, ища одно имя.

Паршивую овцу — солиситора, который спровоцировал апелляцию, — звали Джозеф Хьюз, он жил в доме 845 по Финчли-роуд, Голдерз-Грин, на севере Лондона. Якобы его давление на присяжных в конечном итоге привело к освобождению Трента. Если, как я подозревал, его вынудили свидетельствовать в апелляционном суде, то он может помочь мне понять, как Джулиан Трент связан с убийством Скотта Барлоу. И в среду с утра я отправился в Голдерз-Грин.

При упоминании имени Джулиана Трента Джозеф Хьюз побледнел и едва не упал в обморок прямо в дверях своей квартиры. Упал бы, если бы я не подхватил его и не ввел в комнату. Он тяжело опустился на край двуспальной кровати, которая занимала почти все небольшое помещение.

Мы были там не одни. На стуле, укачивая младенца, сидела молодая женщина. Она смотрела на меня огромными карими испуганными глазами.

Я огляделся. Кроме покрытой зеленым покрывалом кровати и кресла, мебели здесь почти не было. У окна — столик со стулом.

В угловой нише — крошечная кухонька. Я подошел к кухонной раковине налить Джозефу стакан воды. На сушилке стояла кружка с оббитыми краями. Я плеснул туда воды и принес ему. Он сделал несколько глотков, и нормальный цвет лица стал к нему постепенно возвращаться.

— Успокойтесь, — сказал я. — Я не посланец Джулиана Трента.

Женщина чуть слышно застонала и теснее прижала к себе ребенка. Что сделал с этими людьми Джулиан Трент? Я снова оглядел комнату. Голые крашенные стены, потертый ковер, тонкие занавески.

— Раньше мы жили в большой квартире на верхнем этаже, — сказала молодая женщина, поймав мой взгляд. — С собственной ванной. А потом Джо потерял работу и пришлось переехать сюда. Теперь у нас одна ванная на четыре квартиры.

— Сколько ребеночку? — поинтересовался я.

— В пятницу будет восемь месяцев.

— Как вас зовут? — улыбнулся я ей.

— Бриджит, — ответила она.

— Расскажите мне, что произошло, — тихо сказал я.

— Однажды к нам на квартиру пришел мужчина... — начала Бриджит.

— Нет! — выпалил Джозеф.

— Да! — возразила Бриджит. — Мы должны кому-нибудь об этом рассказать. Я не могу так больше жить. — Она заплакала.

— Клянусь, я хочу помочь вам! — воскликнул я.

— Он сломал мне руку, — продолжала Бриджит. — Я была на седьмом месяце, а он ударил меня, пнул в живот. Потом сломал мне руку дверью.

— Кто это был? — спросил я ее. Джулиан Трент в это время находился в тюрьме.

— Отец Джулиана Трента.

В конце концов они рассказали мне все. Мужчина, назвавшийся отцом Джулиана Трента, пришел к ним однажды вечером, вскоре после того, как Джозеф вернулся с работы. Всего за год до этого получив квалификацию солиситора, он работал в Королевской прокуратуре. Они с Бриджит поженились, когда он еще учился в колледже, переехали на новую квартиру и стали готовиться к рождению первенца. И все у них было прекрасно, пока над их жизнью не нависла тень Джулиана Трента.

Поначалу этот мужчина был мил и даже предложил Джозефу денег за кое-какую информацию.

— За какую именно информацию? — спросил я.

— Имена и адреса присяжных, — ответил он.

— На суде над Джулианом Трентом? — спросил я, уже зная ответ.

Он кивнул:

— Вообще-то имена присяжных есть в стенограмме.

Но адреса присяжных, в отличие от имен, не могут быть достоянием общественности.

— Нам нужны были деньги, — сказала Бриджит. — К рождению ребенка так много всего приходится покупать.

— И когда он пришел опять?

— На следующий день, — сказал Джозеф. — Предполагалось, что он принесет деньги за информацию, которую я ему подготовлю. Но он вошел прямо в квартиру и ударил Бриджит. Она упала, он подтащил ее к двери и дверью сломал ей руку.

— А потом? — спросил я.

— Он велел немедленно выдать ему эту информацию, или он сломает Бриджит вторую руку. — Он всхлипнул. — Пришлось вызвать «скорую помощь». Мы боялись потерять ребенка. Бриджит неделю пролежала в больнице.

— Вы звонили в полицию? — спросил я.

— Нет. Он сказал, что если мы кому-нибудь расскажем об этом, то он вернется и устроит Бриджит выкидыш.

— И что, вернулся? — спросил я.

— Нет. Когда процесс кончился, он прислал письмо.

— И о чем там говорилось? — спросил я, хотя я догадывался, о чем пойдет речь.

— Он велел мне сказать адвокату Джулиана Трента, что я пытался надавить на присяжных, чтобы они вынесли обвинительный приговор, — возбужденно заговорил он. — Но я этого не делал, клянусь!

— Имя этого адвоката?

— Какой-то солиситор из Уэйбриджа, имени не помню.

— Постарайтесь вспомнить, кто это был, — попросил я. Солиситор, который уговорил меня защищать Трента, был не из Уэйбриджа.

— Не могу, — сказал он. — Имя было в письме, но адвокат его забрал. В Уэйбридже, на Хай-стрит, над какими-то магазинами.

— А еще что-нибудь было в том письме? — спросил я.

— Там была фотография. — Он снова вскрикнул. — На ней мы с Бриджит выходим из женской консультации. И красной ручкой нарисована стрела, направленная прямо ей в живот.

В общей сложности я провел у Джозефа и Бриджит Хьюз больше часа. Человек, предложивший деньги за информацию, разрушил их жизнь. Джозефа дисквалифицировали, он избежал обвинения лишь по счастливой случайности. Теперь он был вынужден браться за любую работу, ночами двигал полки в супермаркете. По утрам приносил домой просроченные продукты — часть своего заработка.

— Помогите нам, — умоляюще говорил Джозеф, провожая меня к парадной двери. — Я держусь только ради Бриджит и Рори.

— Как с вами связаться? — спросил я.

— Здесь есть платный телефон. — Он указал куда-то за дверь. Я дал ему свою визитную карточку.

— Позвоните, если вам что-нибудь будет нужно.

Он кивнул, но я понимал, что он не позвонит. Открывая дверь, Джозеф осторожно выглянул и оглядел улицу. Я сунул ему в руку несколько банкнот.

— Купите ребенку еды.

— Спасибо, — пробормотал он.

Все было так плохо, что он не мог отказаться от денег, хотя и ненавидел себя за это.

Затем я поехал в Хендон, на север Лондона, к одному из трех присяжных первого процесса, которые давали свидетельские показания на апелляции.

Джордж Барнетт попытался захлопнуть дверь у меня перед носом. Это был тот самый старшина присяжных, похожий на учителя, но теперь от него осталась лишь бледная тень. Исчезли прямая осанка и уверенность в себе. На их место пришли старческая согбенность и страх. Всепоглощающий страх.

— Уходите! — крикнул он в щель, которая образовалась, когда я помешал закрыть дверь собственным ботинком. — Я сделал, как вы просили. Оставьте меня в покое!

— Мистер Барнетт, — воззвал я, — я пришел сюда, чтобы помочь вам. Я не посланец мистера Трента.

Изнутри донеслось сдавленное «о боже», и он надавил на дверь сильнее.

— Уходите! — снова крикнул он.

— Мистер Барнетт! — снова обратился к нему я. — Меня тоже избил Джулиан Трент. Я хочу понять почему. И мне нужна ваша помощь.

— Пожалуйста, уходите, — взмолился он.

— Ладно. — Я убрал ногу. Он тотчас захлопнул дверь.

— Мистер Барнетт, — сказал я через дверь. — Вы хотите провести всю оставшуюся жизнь в страхе или вы поможете мне остановить этих злодеев? — Я бросил визитную карточку в почтовый ящик. — Позвоните, если передумаете. Поверьте, я на вашей стороне.

Мистер Барнетт не сказал ничего полезного, но по крайней мере подтвердил то, что я подозревал: Джулиан Трент вместе со своими родственниками оставлял после себя страшный след. Он запугивал порядочных людей, и они делали такое, чего никогда не сделали бы в нормальном состоянии. Он извращал правосудие в своих собственных целях.

ГЛАВА 5

В ЧЕТВЕРГ я отбросил все тревоги и поехал в Челтнем.

Скачки «Фоксхантерз» были назначены на завтрашний день, сразу после «Золотого кубка». А четверг — день скачек с барьерами.

Сегодня я был приглашен на ланч Ламборнской компанией по перевозке лошадей, которая снимала на ипподроме частную ложу. В прошлом году я защищал одного из водителей этой компании, обвиненного в неосторожной езде, и выиграл процесс.

Частная ложа находилась на самом верхнем уровне огромной трибуны, которая чуть позже вместит десятки тысяч болельщиков. Здесь соберутся все сливки — владельцы, тренеры, жокеи.

— А, Джеффри! — Эдвард Картрайт, владелец компании, встретил меня у дверей. — Добро пожаловать в Челтнем! — сказал он.

Центр ложи занимал большой, застеленный скатертью стол, накрытый для ланча. Я с благодарностью принял из рук официантки бокал шампанского и вышел на смотровой балкон, к другим гостям.

— Здравствуйте, — поприветствовал меня один из них. — Помните меня?

— Конечно, — ответил я. Мы познакомились с ним в ноябре в лечебнице для лошадей. — Как ваш годовалый?

— Уже двухлеток, — поправил меня Саймон Дэйси. — Практически здоров. Позвольте представить вас моей жене Франческе.

Франческа Дэйси, высокая и стройная блондинка, была одета в желтый костюм, который выгодно подчеркивал все, что следует. Саймон махнул рукой еще двоим — супружеской паре средних лет: он — в костюме в тонкую полоску, она — в элегантном длинном коричневом жакете и коричневых же брюках.

— Роджер и Дебора Радклифф.

Ага, я понял. Все они связаны с Пенинсулой.

— Мои поздравления с июньской победой, — сказал я. — На дерби.

— Спасибо, — ответила Дебора Радклифф. — Это был лучший день нашей жизни.

Могу себе представить. Выиграть дерби в Эпсоме — мечта каждого лошадирика.

— Мне очень неловко, — сказал Саймон Дэйси. — Я помню, что вы держите лошадей у Пола Ньюингтона, но вот имени вашего, увы, не помню.

— Джеффри Мейсон.

— Ах да, Джеффри Мейсон. Юрист — так, кажется?

— Да, правильно. Но здесь я не юрист, а жокей-любитель, — улыбнулся я. — Завтра я буду скакать в «Фоксхантерз».

— Желаю удачи, — откликнулась Дебора Радклифф. — А мы не держим прыгунов через препятствия.

Складывалось впечатление, что «прыгунов» она не считает истинными скаковыми лошадьми. Ну и дура, подумал я.

Роджер Радклифф, который явно разделял это ее убеждение, двинулся с балкона в ложу, чтобы вновь наполнить бокал шампанским. Франческа Дэйси и Дебора Радклифф отошли в сторонку поговорить о своем, о девичьем. Мы с Саймоном остались наедине, и на несколько секунд повисло неловкое молчание.

— Вы говорили, кажется, что защищаете Стива Митчелла? — наконец спросил Саймон Дэйси.

— Да, я один из его адвокатов.

— Вы действительно думаете, что он невиновен?

— Это ведь не важно, — сказал я. — Я вовсе не должен доказывать его невиновность, достаточно возбудить обоснованные сомнения в его виновности.

Он покачал головой:

— Эта старая система такая странная.

— Согласен, но она работает уже несколько сотен лет. А вы, случайно, не знаете человека по имени Джулиан Трент?

— Нет. А нужно? Он участвует в скачках?

— Нет-нет. Я просто так спросил, на всякий случай. — Если он и лгал, то очень правдоподобно.

Тут к нам подошла официантка и сообщила, что сейчас подадут ланч, и пригласила всех к столу.

Меня усадили между Франческой Дэйси и Джоанной, женой Николаса Осборна, ламборнского тренера, которого я знал лет сто. Рассаживаясь, мы с Николасом сердечно кивнули друг другу.

— Ну, рассказывай. Чем занимаешься? — спросила Джоанна, когда мы покончили с закуской — спаржей на пару в голландском соусе.

— Защищаю Стива Митчелла, — ответил я.

Франческа Дэйси по другую сторону от меня вздрогнула.

— Как интересно, — с любопытством сказала Джоанна. — Так он виновен?

— Это решит жюри присяжных.

— Не занудствуй, — сказала Джоанна. — Скажи, это он убил?

— А как ты думаешь?

— Должно быть, он. Иначе бы его не арестовали. И потом, все знают, что Барлоу и Митчелл терпеть не могли друг друга.

— Однако это не делает его убийцей, — заметил я. — В сущности, если все знают, что он ненавидел Барлоу, то он — идеальная фигура для подставы.

Пустые тарелки унесли и подали главное блюдо — куриные грудки в горчичном соусе. Джоанна заговорила со своим соседом слева, тоже тренером.

Я в свою очередь обратился к Франческе:

— Так давно вы знаете Стива Митчелла?

— Я его не знаю, — сказала она. Но оба мы понимали, что она лжет.

— Вы ведь были у него в тот день, когда убили Скотта Барлоу? — спросил я совсем тихо, так что никто не смог бы ничего расслышать.

— Нет, — сказала она. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы действительно ушли от него в половине третьего? — Я не поднимал глаз от своей тарелки.

— О господи, — простонала она. Я подумал, что сейчас она выбежит из-за стола, но она лишь сделала два глубоких вдоха. — Да. В половине третьего я была уже дома — сантехник должен был прийти устанавливать посудомоечную машину.

Значит, как и говорил Стив, впутывать ее в это дело действительно нет смысла — это не обеспечит ему алиби.

— Стив мне про вас ничего не говорил, — продолжал я еще тише. — Он отказался ответить, кто с ним был.

— Пожалуйста, не говорите ничего моему мужу.

— Не буду. В этом нет надобности.

Она то ли закашлялась, то ли заплакала и внезапно встала.

— Простите, — сдавленно сказала она нашему хозяину, — не в то горло попало. — И выбежала вон, прижимая к лицу белую льняную салфетку.

После ланча я пошел бродить по улицам, наслаждаясь неповторимой атмосферой фестиваля. Я дошел до Гиннесс-Виллидж, которая стала временным пристанищем для тысяч ирландцев, чье ежегодное паломничество в Глостершир во многом сделало этот фестиваль уникальным.

— Привет, бродяга, — послышался за спиной знакомый голос. Я радостно обернулся.

— Привет, Элеанор. — Я поцеловал ее в щеку. — Как я рад тебя видеть! Ты здесь на работе или для собственного удовольствия?

— И то и другое, — ответила она. — Я на пейджере. Это значит, я могу делать что хочу, пока нет вызовов. Только обязательно должна носить с собой пейджер.

— Не хочешь ли выпить? — спросил я.

— Да, но не здесь, — ответила она, указывая на «Гиннесс-бар».

— Не здесь, — согласился я. — Пойдем. Поднимемся в ложи.

Я был уверен, что Эдвард Картрайт, хозяин приема, не станет возражать, если я приведу Элеанор в его ложу. Так и вышло. Бо-

лее того, он мою спутницу фактически монополизировал, и я пожалел, что мы не остались внизу.

После ноября мы встречались с Элеанор дважды. В первый раз в Лондоне, когда я пригласил ее на официальный ужин. Вечер получился неудачный. За столом нас посадили друг напротив друга, и беседовать было трудно из-за шума от разговоров трехсот человек. За весь вечер мы едва перекинулись словом, да и речи моих коллег-юристов ей были скучны. А когда ужин кончился, она помчалась на Паддингтонский вокзал, чтобы успеть на последний поезд.

Во второй раз мы встретились на рождественском балу в Нью-бери, куда оба были приглашены независимо друг от друга. Я обрадовался, увидев ее, и пригласил танцевать, но она была с каким-то типом, решительно не желавшим, чтобы я подходил к «его» девушке. И я весь вечер чувствовал себя несчастным.

— Отличная идея, — прозвучал голос Элеанор у меня за спиной.

Я смотрел вниз, на толпу, и не заметил, что она ускользнула от Эдварда и вернулась ко мне.

— Это ты. — Я обернулся и заглянул ей в глаза.

Она вспыхнула — румянец залил ее лицо.

— А знаешь, — сказал я, — если бы ты была голая, то покраснела бы всем телом.

— Бесстыдник! — засмеялась она.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спросил я.

— Так или иначе, но еще на один твой жуткий официальный ужин уж точно не пойду.

— Согласен, это было ужасно, — сказал я.

— Я всегда думала, что юристы зануды, теперь я знаю это точно.

— Ты еще не видела настоящих юристов!

— Ох, видела.

К сожалению, мне не суждено было провести этот вечер с Элеанор. Ее пейджер запищал, и ей пришлось срочно вернуться в Ламборн — у какого-то элитного жеребца случился заворот кишок или что-то в этом роде.

— Ты завтра здесь будешь? — жалобно прокричал я ей вслед, когда она метнулась к машине.

— Надеюсь! — крикнула она в ответ. — Позвони утром.

Она уехала, и я, к своему удивлению, почувствовал сильнее разочарование. Может быть, прошло семь с половиной лет, и я наконец созрел? «Не торопись», — сказал я себе.

Скачка с барьерами — крупнейшее событие дня — это трехмильный забег для выносливых лошадей, тренированных на длинные дистанции, особенно если учесть финиш на вершине холма и мартовскую грязь. Четыре лошади перескочили последнее препятствие грудь в грудь, толпа рукоплескала им, и победителя мог определить только судья.

Когда лошади приближались к финишу, толпа загудела. Ради таких моментов люди и стекаются в Челтнем. Лучшие лошади с лучшими жокеями, вытянувшись в ряд, летели к финишной черте.

— Первая — номер семь, — послышалось из репродукторов, и грянули аплодисменты. Жокей на лошади номер семь приподнялся на стремянах и потряс поднятым кулаком. Как мне хотелось, чтобы завтра на его месте оказался я!

Гости ринулись смотреть на победителя, а я остался в ложе.

Теперь стол ломился от сэндвичей и пирожных, приготовленных к чаю. Я с воодушевлением посмотрел на шоколадный эклер.

— Я слышала, вы юрист, — произнес женский голос.

Я повернулся — рядом со мной стояла Дебора Радклифф.

— Так и есть, — улыбнулся я. — Я барристер.

— Вы носите парик?

— Только в суде.

— Вы представляете интересы жокеев?

— Бывает, — сказал я. — Но нечасто. Как поживает Пенинсула?

— Насколько я знаю, прекрасно. Он сейчас на Рашморском заводе, в Ирландии. Первый сезон.

Уйти на пенсию в возрасте трех лет и провести остаток жизни по-королевски — есть, спать, покрывать кобыл. Лошадиный рай!

— Разве он родился в Рашморе? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Мы вывели его дома.

— А где дом?

— Под Уффингтоном, в южном Оксфордшире.

— Вы помните Милли Барлоу, которая присутствовала при рождении Пенинсулы? — спросил я. — Дежурную ветеринаршу.

— Боюсь, что нет. А почему вы о ней спросили?

— Она в июне покончила с собой, вот я и подумал, вдруг вы ее помните.

— Это та, что совершила самоубийство на вечеринке?

Я кивнул.

— Конечно, помню. То есть само событие помню, но я не знала, что Пенинсулу принимала именно она.

- Значит, вы не видели ее фотографию с Пенинсулой?
- Нет, — ответила она несколько раздраженно. — А почему вы спрашиваете? Зачем мне ее видеть?
- Кажется, она пропала.
- Мне очень жаль, — сказала она, теряя ко мне интерес. — Ничем не могу помочь.

На следующее утро я проснулся очень рано. Я весь был как натянутая струна. «Фоксхантерз» в Челтнеме считается «Золотым кубком» для любителей. Проходят оба состязания на том же поле и на той же дистанции, только у «Золотого кубка» самый большой денежный приз, а у «Фоксхантерз» — самый маленький. Но дело не в деньгах. Для меня выиграть «Фоксхантерз» было все равно что для профессионала выиграть «Золотой кубок», «Большой национальный» и дерби, вместе взятые.

Я позвонил Элеанор.

— Алло, — сонно ответила она.

— Поздно легла?

— Около четырех.

Сердце у меня упало. Я так надеялся, что она увидит меня на лошади!

— Ты сегодня придешь? — спросил я без особой надежды.

— Может быть, и нет. Я по-прежнему на пейджере. И мне нужно выспаться. Я постараюсь, но если не получится, то буду смотреть тебя по телевизору. — Она зевнула. — Позвони мне потом. Когда будешь совершать круг почета.

— Постараюсь, — ответил я уже гораздо веселее.

К двум часам, когда начинался заезд, кишки у меня заворачивало круче, чем у вчерашнего пациента Элеанор. Чтобы успокоиться, я сел на скамейку в раздевалке. Сэндмен в отличной форме, я тоже. Сегодня и у лошади, и у жокея хватит выносливости, чтобы после трех миль с четвертью подняться на Челтнемский холм.

Я встал на весы — уже в жокейском костюме и с седлом в руках. Цифровое табло показало двенадцать стоунов — вес не превышен, и служитель при весах сделал отметку в своем списке. Пробежки и горные лыжи сделали свое дело.

Успешно пройдя взвешивание, я протянул седло и все остальное Полу Ньюингтону, который ждал рядом.

— Увидимся на призовом кругу, — сказал он и поспешил к Сэндмену. Похоже, он тоже нервничал.

Я вернулся в раздевалку и стал мерить ее шагами. До начала заезда оставалось меньше чем полчаса, и струна у меня внутри натянулась до самого крайнего предела. Ощущение такое же, как на выпускных экзаменах в университете.

Наконец раздался звонок — жокеям выходить на призовой круг. Как всегда, я почувствовал прилив адреналина, но на сей раз, пожалуй, не обрадовался. Скакать на прошлогоднем победителе и нынешнем фаворите слишком ответственно, какая уж тут радость.

Пол со своей женой Лорой стояли в паддоке на траве и нервно переминались с ноги на ногу.

— Удачи! — сказала Лора и поцеловала меня в щеку.

Пол посадил меня на Сэндмена и шлепнул его по шее.

— Сделай их, ковбой, — сказал он, изображая американский акцент.

— Постараюсь, дружище, — подыграл я ему.

Верховые в алых камзолах торжественно повели нас на поле. Сэндмен плясал подо мной, ему не нравилась необъятная толпа, которая бушевала прямо за ограждениями.

— Удачи, Джеффри! — услышал я откуда-то слева и бросил взгляд на толпу. Элеанор бешено замахала рукой. Приехала все-таки. Как хорошо!

— Спасибо! — закричал я, стараясь перекрыть шум.

Я в последний раз оглянулся на нее — сейчас мы с Сэндменом выйдем на дистанцию. Она широко улыбалась и продолжала махать рукой, но взгляд мой уловил и кое-что еще. Рядом с ней, почти у нее за спиной, стоял Джулиан Трент, и он тоже улыбался.

Проклятие. Мне хотелось спешиться, подбежать к ней и защитить, но мы с Сэндменом были уже на дорожке, мы уже шли парадом перед толпой. Я сказал себе, что, пока Элеанор в гуще людей, ей, безусловно, ничего не угрожает. Вполне возможно, Трент не заметил нашего обмена репликами и принял ее за одну из восторженных зрительниц.

Лошадей должны были провести мимо главной трибуны, а потом мы повернем и легким галопом поскачем к старту. Я был в таком смятении, что едва не упал, когда конюх отпустил Сэндмена, слегка шлепнув по крупу. Я машинально ухватил поводья и перевел коня на легкий галоп, но до самого старта вглядывался в лица, ища Элеанор. Мне было плохо.

Все мои предварительные планы насчет того, откуда я хотел бы стартовать, пошли прахом. Взлет стартовой ленточки застал Сэн-

дмена врасплох — по моей вине, и я тем самым позволил остальным с самого начала обойти себя на десяток корпусов. Можно представить, как ругался Пол, но мне было все равно. Меня куда больше заботила безопасность Элеанор.

Сэндмен пустился в погоню за остальными и сделал прекрасный прыжок через первое препятствие — практически совсем без моего участия. «Ну же, — сказал я себе. — С Элеанор будет все в порядке. Сосредоточься на происходящем».

Я перевел Сэндмена с бешеного галопа на более ровный шаг, и мы постепенно сократили разрыв. Это был забег на три с четвертью мили с двадцатью двумя прыжками, два круга. К счастью, на первом круге за скоростью никто не гнался, поскольку забег длинный, а земля превратилась в грязь.

На вершине холма я позволил Сэндмену ускорить бег, и, спускаясь к месту начала забега, мы легко обошли восемь лошадей. Второй круг мы начинали уже в середине головной группы, но те, что были впереди, шли очень плотно.

Когда мы подошли к водному препятствию на середине дальней прямой, началась серьезная борьба. Сэндмен легко перемахнул ров. Трех лошадей мы обошли в прыжке и, приземлившись, развили хорошую скорость. Но две лошади вырвались вперед, между ними и основной группой был разрыв в три корпуса.

Я ударил Сэндмена пятками по бокам.

— Давай, мальчик! — крикнул я ему в ухо. — Пора!

Мы наддали газу. Мы пожирали пространство, и вскоре шли уже третьими.

Я взбодрился. Две лошади впереди тоже шли хорошо, бок о бок, примерно в четырех корпусах от нас. На спуске с холма я дал Сэндмену передохнуть, выпрямившись в седле. Под холмом было два барьера.

Выворняв шаг, мы приготовились к большому прыжку. Мой конь послушно перелетел через первый барьер, наполовину сократив расстояние до соперников.

— Давай, мальчик! — снова крикнул я ему в ухо.

Обе лошади впереди чуть дрогнули, подходя к барьеру, и тут я вдруг понял, что мы победим.

Я слегка натянул поводья, направляя Сэндмена на следующий большой прыжок. Я смотрел на землю и только боковым зрением увидел, что одна из лошадей сильно ударилась о верх барьера. Я пустил Сэндмена чуть быстрее, но делать этого не следовало.

Передняя лошадь, приземляясь, потеряла равновесие и покати-лась по земле, прямо нам под ноги. Мы с Сэндменом были в воз-духе, когда я понял, что нам некуда приземляться.

Сэндмен споткнулся о распростертую лошадь и закувыркался в воздухе. Последнее, что я помню: на меня несется зеленая тра-ва. Потом темнота.

ГЛАВА 6

Май 2009 года

Я сидел за столом в конторе, просматривая бумаги для пред-стоявших дисциплинарных слушаний.

Телефон на моем столе зазвонил. Это был Артур.

— Мистер Мейсон, — сказал он. — К вам пришли.

— Кто? — спросил я.

— Он не представился, — с явным неодобрением сказал Ар-тур. — Настаивает на том, что хочет поговорить с вами, и только с вами. Провести его к вам?

— Да, пожалуйста, — сказал я. — Но только не уходите, пока я вас не попрошу.

— Хорошо, — согласился он. — А почему?

— На случай, если мне понадобится свидетель, — ответил я. Хотя, конечно, Джулиан Трент вряд ли придет ко мне в контору и станет настаивать на встрече.

Я положил трубку. Существовало общее правило — адвокаты конторы встречались с посетителями только в специальных пе-реговорных комнатах, но когда после Челтнема я вернулся к ра-боте, Артур был так добр, что позволил мне, в отступление от этого правила, принимать посетителей в кабинете. Поднимать-ся и спускаться на костылях даже по нескольким ступенькам нелегко.

В дверь постучали, и вошел Артур вместе с нервным седовла-сым мужчиной в твидовом пиджаке и полосатой рубашке — я его уже видел в зале суда номер три в Олд-Бейли. Это был старшина

присяжных, с которым я в последний раз разговаривал, просунув ботинок в дверь его дома.

— Здравствуйте, мистер Барнетт. Рад вас видеть, — сказал я. — Входите, входите. Спасибо, Артур. Это все.

Артур вопросительно посмотрел на меня, я улыбнулся ему, и он ушел. Я неуклюже встал и протянул руку. Джордж Барнетт коротко ее пожал.

— Садитесь, пожалуйста, — показал я на кресло.

— Это Трент сделал? — посетитель покосился на мою загипсованную левую ногу.

— Нет. Я упал с лошади и разбил колено.

— А...

Мгновение мы сидели молча.

— Мистер Барнетт, — сказал я, — чем могу вам помочь?

— Я думал, это я должен помочь вам, — ответил он.

— Да? — удивился я. — Хотите чаю?

— С удовольствием, — оживился он. — Мне с молоком. И кусочек сахара.

Я поднял трубку, позвонил одному из младших клерков и попросил приготовить чай.

— А теперь, мистер Барнетт, расскажите мне все по порядку.

За чаем он и рассказал мне свою историю:

— Я обрадовался, когда получил предложение стать присяжным. К тому времени я был уже четыре года на пенсии, и мне казалось, это будет интересно.

— Так что же случилось? — подбодрил его я.

— Я оказался в Олд-Бейли и был отобран для процесса.

— Процесса Трента? — уточнил я.

Он кивнул.

— Сначала все шло хорошо. А через неделю, в выходные, ко мне пришел один мужчина. Он назвался отцом Джулиана Трента, но, похоже, лгал. Когда я пару раз назвал его мистером Трентом, он не понял, что я обращаюсь к нему. Я сразу же попросил его уйти. Нам ведь запрещено обсуждать процесс, особенно с членами семьи подозреваемого. Но он не ушел, а предложил мне денег, чтобы я голосовал за невиновность.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Я послал его к черту, но он уселся поудобнее в моей гостиной и стал оглядываться. И сказал, что у меня прелестный дом и грустно будет, если я его потеряю или с женой моей произойдет

несчастный случай. Я спросил, что он имеет в виду. Но он только улыбнулся и сказал: подумайте об этом.

— И вы проголосовали за невиновность?

— У моей жены болезнь Паркинсона, — ответил он. — И слабое сердце. Я знал, нужно, чтобы только десять присяжных из двенадцати проголосовали за виновность, так что мой голос ничего не решал.

— И что произошло в комнате присяжных? — спросил я. По закону он не имел права отвечать мне, да и меня вполне могли исключить из корпорации барристеров за этот вопрос, но какая разница, одним должностным преступлением больше, одним меньше, подумал я.

— Девять сразу сказали, что считают его виновным. А трое сказали: невиновен. — Он помолчал. — Теперь я понимаю, что он приходил ко всем трем. Никто из нас троих не смог назвать причины, почему считает Трента невиновным. Просто проголосовали.

— Но вы в конце концов вернулись к обвинительному приговору, — сказал я.

— Причем именно я огласил его в суде, поскольку с самого начала меня назначили старшиной присяжных. Это было ужасно.

Я вспомнил его нервозность, когда он зачитывал приговор.

— Кто не выдержал? — спросил я.

— Одна женщина. Это было такое облегчение для меня. Я много раз был на грани того, чтобы сказать «виновен», но каждое утро этот человек звонил мне и напоминал, что если я не буду твердо стоять на невиновности, то с моей женой произойдет несчастный случай.

Я вспомнил, что судья постоянно вызывал присяжных в суд и снова просил вынести приговор, за который проголосовали бы по крайней мере десять из них. Это продолжалось целых шесть дней.

— А что было потом? — спросил я.

— Довольно долго не происходило ничего, по крайней мере месяц. А потом этот человек появился у моих дверей, я не хотел его пускать, но он меня просто отшвырнул. Вошел и дважды ударил меня в живот. А потом вывалил мою жену из инвалидной коляски на пол. — Его глаза наполнились слезами.

— И он велел вам пойти в полицию и заявить, что к вам обратился некий солиситор и попросил сделать так, чтобы Трент получил обвинительный приговор?

Он кивнул.

— Это было тяжело, вот так лгать суду. Апелляционные судьи все спрашивали меня, говорю ли я правду или мне велели так говорить. Они безусловно понимали, что я лгу. Мне было так стыдно. Вот почему я здесь, — сказал он уже громче и тверже. — Когда вы пришли ко мне, я испугался. Весь прошлый год я боялся всех. После суда я почти не выходил из дома. Я неделями глядел на вашу карточку, собираясь с силами, чтобы прийти сюда.

— Я очень рад, что в итоге вы пришли, — сказал я. — А как себя чувствует ваша жена?

— Вчера ее, бедняжку, увезли в частную лечебницу. Болезнь прогрессирует, я уже не могу ухаживать за ней сам. Теперь она в безопасности. Охрана в этой лечебнице хорошая.

— И что мне делать с вашей информацией? — спросил я. — Вы намерены пойти в полицию?

— Нет, — твердо ответил он. И, помолчав, добавил: — Не думаю.

— Вы по-прежнему боитесь этого человека?

— Черт возьми, боюсь. Но нельзя же прожить всю жизнь в страхе.

— И что нам делать?

— Не знаю. Может, не стоило мне сюда приходить. Мне очень жаль. Я пойду. — И он поднялся.

— Мистер Барнетт, — сказал я, — обещаю, я никому не передам того, что вы мне сейчас рассказали. Но если я попытаюсь отправить этого человека за решетку, вы мне поможете?

— Как? — спросил он.

— Пока не знаю. Вы сможете его опознать?

— Смогу, безусловно. Я никогда его не забуду.

После ланча — сэндвича, съеденного прямо за рабочим столом, я вызвал такси и поехал к ортопеду, вытянув загипсованную ногу на заднем сиденье.

Семь недель прошло с того момента, как я очнулся в больнице Челтнема. Голова болела так, что казалось, череп вот-вот лопнет. Когда я пришел в сознание, я был распластан на спине, левая нога на вытяжке, а над левым плечом — капельница со впечатляющим количеством прозрачных пластиковых пакетов, откуда множество трубочек стекались к игле в вене левой руки.

— Вам повезло, вы остались в живых, — приветливо сообщила мне улыбающаяся медсестра. — Вы три дня были в коме.

— Что случилось? — проскрипел я из-под кислородной маски.

— Вы упали с лошади.

И я вспомнил все — до самого момента падения.

— Я не упал, это лошадь упала. — Для жокея это огромная разница. — Что с моей лошадьё?

Она изумленно посмотрела на меня:

— Понятия не имею.

В следующие несколько часов головная боль отступила перед повышенной дозой морфия внутривенно. Потом провал в темноту, потом пришел врач и зачитал полный список травм, которые я получил, слетев на землю на скорости тридцать миль в час, после чего на меня обрушилась еще и лошадь весом в полтонны.

Спина сломана, сказал он, в трех позвонках трещины, но, к счастью, спинной мозг не задет благодаря защитному жилету, который был на мне. Сломаны четыре ребра, одно из них проткнуло легкое. Сильнейшее сотрясение мозга. Раздроблено левое колено, его оперировали, насколько успешно — покажет время.

— Но жить буду? — шутливо спросил я.

— Вы были на волосок от смерти, — ответил он серьезно. — Но теперь я думаю, через некоторое время поправитесь.

— И снова смогу участвовать в скачках?

— Время покажет. Это зависит от того, насколько вы безумны. Я лично думаю, что все жокеи слегка помешанные.

И только когда вечером меня пришли навестить Пол и Лора Ньюингтон, я услышал подробный рассказ о том, как это все произошло.

Только они заволновались, гадая, как будет вести себя второй претендент на победу, как вдруг мы с Сэндменом исчезли в переплетении лошадиных ног. Пол бежал полмили — от главной трибуны до места, где я и мой конь неподвижно лежали на траве, скрытые от глаз зрителей спешно воздвигнутыми холщовыми ширмами.

Сэндмен, покотившись по земле, сильно повредил спину. Пятнадцать минут у него ушло на то, чтобы подняться на ноги, и лишь вмешательство Пола спасло ему жизнь — тамошний ветеринар хотел его усыпить. А мною почти час занимался врач ипподрома, а потом меня увезли на «скорой помощи».

— Там еще была одна девушка, — добавил он. — Неслась по траве в туфлях на высоких каблуках. Красавица. Назвалась Элеанор. Очень за тебя переживала.

— Как она? — спросил я.

— Не знаю. Я занимался Сэндменом, не до нее было. Его забрали в лечебницу для лошадей в Ламборне. Лечат ему спину.

Я засмеялся:

— Элеанор — ветеринар в этой лечебнице.

— Гипс можно снять, — сказал хирург-ортопед. — Рентген показывает, что колено заживает хорошо, но еще некоторое время придется походить на костылях.

— А спина?

— Судя по снимкам, кости потихоньку срастаются, но корсет не снимать еще полтора месяца как минимум.

Он имел в виду твердую белую пластиковую скорлупу, которую я носил, чтобы не сгибать спину. От шеи и почти до паха спереди, от лопаток до ягодиц сзади, эта штука состояла из двух половинок, отлитых точно по моему торсу и соединявшихся липучками. Сидеть в ней было почти невозможно, но благодаря ей я по крайней мере мог передвигаться.

— Полтора месяца? — ужаснулся я. — Но в нем чертовски неудобно. И все время хочется почесаться.

— Это лучше, чем быть парализованным, — сказал он.

На это нечего было возразить.

— Когда я смогу снова сесть на лошадь? — спросил я.

Он перестал делать пометки и поднял глаза на меня:

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

Он положил ручку:

— Ну, кости-то через несколько месяцев срастутся, но вот за вашу голову я боюсь. Мозг может не выдержать такого количества ударов.

— Но я не собираюсь больше приземляться на голову.

— Никто не думал, что после Первой мировой войны возможна Вторая. Однако она была.

Вернувшись ближе к вечеру в контору, я словно бы ступал по облакам — даром что лишь одной ногой. Все-таки гипс был очень тяжелым и страшно мешал.

Артур, сидя за своим столом, смотрел, как я скачу по комнате клерков.

— Идете на поправку, как я понимаю, — прокомментировал он.

— Только слишком медленно, — улыбнулся я.

— В вашем ящике опять конверт, доставленный лично, — сообщил он. — Принесли, пока вас не было.

Артур посмотрел мне прямо в глаза, и я на мгновение подумал, что сейчас он спросит, что в этом конверте, но он вместо этого принялся перебирать какие-то бумаги на своем столе.

Я подошел к ящикам, взял конверт и проковылял в свой кабинет.

Я осторожно распечатал конверт. Как и в прошлый раз, там был листок бумаги и фотография. На листке всего две короткие строчки, черными заглавными буквами.

ПОМНИ, ПРОЦЕСС НАДО ПРОИГРАТЬ МИТЧЕЛЛА ДОЛЖНЫ ОБВИНИТЬ

На фотографии была Элеанор. Она шла по дорожке, ведущей к лечебнице для лошадей в Ламборне.

Я сидел за столом и вертел в руках фотографию Элеанор. Даже если Джулиан Трент тогда в Челтнеме заметил, как она звала меня и махала рукой, откуда он знает, где она работает?

Я задавал себе этот вопрос, когда мой телефон зазвонил. Не без опаски я взял его в руки — но услышал знакомый голос.

— Что сказал врач? — спросила Элеанор.

— Сказал, что буду жить, — с улыбкой ответил я.

— Отлично. В таком случае поведешь меня сегодня ужинать, нравится тебе это или нет.

Мне нравилось.

— Как твоя конференция? — спросил я. Она была участницей двухдневного симпозиума в Лондонской ветеринарной школе.

— Скучища, — ответила она. — Слушай, мне надо бежать. Лекция уже начинается — о слепой кишке и ее роли в образовании колик.

— Смешно, — сказал я.

— Нисколько. Увидимся в ресторане в половине восьмого. — И она отключилась, я даже не успел попрощаться.

После моего падения в Челтнеме мы виделись с ней уже четыре или пять раз.

— Как всегда, — сказала она, когда пришла навестить меня в больницу. — Почти три дня я сидела здесь в ожидании, когда он очнется, но стоило мне уйти на работу, он тотчас открыл глаза.

Она помогала мне, когда меня выписали и я вернулся домой, и даже осталась на первую ночь у меня. Спала в комнате, которую

много лет назад мы с Анджелой радостно оклеили детскими обоями с мишками — я так и не удосужился их переклеить. Я думаю, Элеанор чувствовала некоторую неловкость, оставаясь на ночь в моей квартире, так же как и я чувствовал неловкость от того, что она здесь остается. Она переночевала у меня только однажды и вернулась в Ламборн, но мы часто говорили по телефону.

Она мне нравилась. Очень нравилась. Но я все еще не был уверен, что готов к новым серьезным отношениям. Однако я с чрезвычайным нетерпением ожидал, когда же увижу ее за ужином, и прямо-таки подпрыгивал на одной ноге, выходя в семь часов из конторы.

У поворота на Теобальд-роуд, прислонившись к столбу, стоял Джулиан Трент — я увидел его сразу.

Не было смысла бежать. На скорости, которую я развиваю с двумя костылями и одной ногой, я не обогнал бы и годовалого ребенка. Я направился прямо к нему. Он смотрел, как я медленно преодолеваю разделяющие нас шестьдесят ярдов. Я отметил, что его любимый предмет — бейсбольная бита — сегодня отсутствует. Казалось, он что-то хочет сказать, но я его опередил.

— Какого дьявола тебе нужно? — закричал я.

Он чуть отступил и стал оглядываться, не слышит ли меня кто. В семь часов вечера в мае на Теобальд-роуд довольно-такилюдно.

— Ты что, не слышишь? — продолжал кричать я. — Я спрашиваю, какого дьявола тебе нужно?

Трент явно занервничал.

— Вы получили письмо? — спросил он.

— Ты это имеешь в виду? — Я вытащил листок из брючного кармана, разорвал в клочья и швырнул в воздух. Клочки бумаги упали к его ногам. — Вали отсюда.

— Не кричите, — зашипел он, — замолчите.

Я поднял костыль.

— Замолчу, когда ты оставишь меня наконец в покое.

— Делайте, что велено, — угрожающе выдохнул он.

— Зачем? — орал я. — Кем это велено? На кого работаешь, гаденыш? Убирайся прочь! И держись от меня подальше.

Люди стали оборачиваться, а один мужчина даже остановился и стал на нас глазеть. У Джулиана Трента сдали нервы.

— Вы об этом сильно пожалеете, — процедил он сквозь зубы и скрылся в толпе.

Я еще минуту постоял, глубоко дыша и размышляя, не совершил ли я только что большую ошибку. Возможно, как сказал Трент, я об этом и пожалею. Но пора наконец сделать выбор.

В сущности, все эти месяцы мне было безразлично, чем кончится процесс Стива Митчелла. Если он будет осужден, то мне нечего бояться Джулиана Трента. Если оправдан, то восторжествует правосудие, и я смогу ходить с гордо поднятой головой.

А сейчас вдруг результат стал невероятно важен для меня.

Элеанор пришла в ресторан раньше меня и сидела у барной стойки, спиной ко мне. Я весь день ждал, когда же наступит вечер, так почему же сейчас мне так хочется убежать? Она повернулась на табурете, увидела меня, улыбнулась и помахала рукой. За ужином мы с Элеанор обсуждали все что угодно, только не наши отношения. Я расспрашивал ее о ветеринарном симпозиуме.

— Я многому научилась, — сказала она за закусками. — Несколько новых методов лечения для Ламборна весьма перспективны. С искусственными органами делают просто удивительные вещи.

— Бионические лошади, — откликнулся я. — Лошадь за шесть миллионов долларов.

— Нет. Гораздо, гораздо дороже, — засмеялась она. — Пенинсула как производитель зарабатывает раз в десять больше!

— Ого! И подумать только, его принимала девушка, которая делала это первый раз в жизни!

— Огромная ответственность, — согласилась она. — Но, конечно, тогда никто еще не знал, что он будет так хорош.

— Хотел бы я иметь тот снимок Милли с новорожденным Пенинсулой, — сказал я.

— Ты думаешь, там есть что-то настолько важное?

— Не знаю. Тому, кто ее взял, это было настолько важно, что он вынул фотографию из рамочки, а рамочку протер. На ней нет никаких отпечатков.

— Я хорошо помню эту фотографию, — сказала Элеанор. — Она стояла на камине, и Милли постоянно полировала рамочку.

— Опиши мне фотографию еще раз, — попросил я.

— Милли сидит на соломе, у нее на коленях — голова жеребенка. За спиной — какой-то конюх, судя по всему, он моет кобылу после родов.

— А ты не знаешь, кто сделал этот снимок? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответила она.

Нам принесли основное блюдо, и несколько минут мы ели в молчании.

— Так что тебе сказал врач? — поинтересовалась Элеанор.

— Придется носить этот проклятый панцирь еще как минимум полтора месяца. А это очень неудобно.

— Но по крайней мере с ноги сняли гипс, — утешила она.

Нам принесли кофе. С «Бейлис» для Элеанор и бокалом портвейна для меня.

— Я спросил у врача, когда я снова смогу сесть на лошадь.

— И что?

— Врач говорит, через несколько месяцев кости срастутся и будут как новенькие, но вот в мозгах моих он не уверен. Нельзя безнаказанно столько раз ударяться головой.

— Мне кажется, он прав, — широко улыбнулась она. В ее прелестных голубых глазах опять мерцали искры.

Я улыбнулся ей в ответ, потом вдруг отвел взгляд.

— Расскажи мне о ней, — тихо сказала она.

— О ком? — спросил я, хотя прекрасно понимал, о ком.

— Об Андже.

Я смотрел в стол. Элеанор сидела молча, на лице ожидание.

— Она была на втором курсе Кингс-колледжа, изучала психологию. Мы встретились на какой-то вечеринке и понравились друг другу с первого взгляда. А через полгода поженились. Пять лет мы были счастливы. Она хотела ребенка, но оказалось, что это не так просто. У нас получилось только в пробирке. Мы так радовались, что у нас будет мальчик...

Я замолчал. На глаза навернулись слезы. Элеанор протянула руку через стол и накрыла мою.

— Она была на девятом месяце, когда умерла. От легочной эмболии. Это было семь лет назад. Но иногда кажется, что только вчера.

Казалось, мы просидели в молчании целую вечность — пока не подошел официант и не спросил, не налить ли нам еще кофе.

— Да, пожалуйста, — сказал я, полностью овладев собой.

Он разлил кофе по чашкам и удалился, оставив нас наедине.

— Что ж, — сказала Элеанор, — тогда у меня мало шансов.

— Дай мне еще немного времени. — Я смущенно улыбнулся.

— Еще немного — это сколько? — спросила она.

— Не знаю.

— Но мне нужно знать, — со всей серьезностью заявила она. — Ты очень нравишься мне, мистер барристер, но я должна знать ответ, если я собираюсь вкладывать в наши отношения свое время и эмоции. Мне тридцать три года, биологические часы тикают все громче. Я хочу завести дом, детей... Хочу семейной жизни. Когда я была начинающим ветеринаром, я думала только о работе, о карьере. Я любила свою работу и сейчас люблю. Но теперь я поняла, что мне этого мало. — Она снова взяла меня за руку. — И кажется, я хочу всего этого с тобой.

ГЛАВА 7

Утром меня забрала из дома заказанная машина. Элеанор ночевала в гостинице. Так ей было удобнее: конский симпозиум начинался в девять.

Шофер Боб вышел из серебристого «мерседеса» поддержать дверцу, пока я неуклюже карабкался на заднее сиденье. Я объяснил ему, куда ехать.

Когда я зашел на конюшню к Сэндмену, он ел из своей кормушки. Посмотрел на меня, фыркнул и снова занялся своим овсом. Я подковылял ближе, похлопал его по шее.

— Привет, старик! — Я ласково потрепал его за уши, а он прижался ко мне головой и игриво боднул.

— Ого! — восхитился я. — Осторожней, старик, я пока не могу играть.

— Он выздоравливает, — сказал Пол Ньюингтон, стоя в дверях, откуда наблюдал наш обмен любезностями. — Мы начали по утрам его выводить, и он даже пытается бегать по кругу. Пока еще рано нагружать ему спину тяжестями, но, кажется, ему не больно.

— Хорошо, — сказал я. — А сможет он опять участвовать в скачках?

— Полагаю, смог бы, — ответил он. — Но ему уже тринадцать лет, а до того момента, когда исполнится четырнадцать, он не успеет восстановиться.

В Северном полушарии первого января все лошади становятся на год старше, вне зависимости от реального дня своего рождения.

— Думаешь, ему пора на пенсию? — жалобно спросил я. Отправить на пенсию Сэндмена — это значит и меня отправить на пенсию в смысле скачек. Я слишком стар, чтобы начинать все сначала с новой лошадью.

— Думаю, — ответил он безо всякого выражения. — И понимаю, что это значит. Скорее всего, мне уже не придется тренировать для тебя новую лошадь.

— А что делать с ним? — жалобно спросил я.

— Только пойми меня правильно. Дело в том, что мне нужна рабочая лошадь.

— А старик Дибенча? — Дибенча был рабочей лошадью Пола с тех пор, как я его помню.

— Он уже слишком стар, ему пора на травку.

— И Сэндмен будет жить в том же стойле?

— Конечно, там он и останется.

— И я смогу на нем скакать?

— Джеффри, — он положил руку мне на плечо, — ты не захочешь скакать на рабочей лошади. Если тебе захочется поскакать, возьмишь любую другую.

— Ты серьезно? — изумленно спросил я.

— Конечно, — ответил он. — Приезжай в любое время, пока ты в форме и не тяжелый. Превысишь семьдесят пять килограммов — не позволю.

— Совершенно исключено, — сказал я.

— Все растолстевшие бывшие жокеи так говорили, — засмеялся он.

Сэндмен покончил со своим обедом и подошел к двери стойла за яблоком из моего кармана. Я погладил его по шее.

— Похоже, старик, мы с тобой свое отскакали, — сказал я.

У меня возникло странное чувство, что эти слова точно определяют данный момент моей жизни. Я вдруг стал бывшим жокеем и остро ощущал потерю. Во мне образовалась пустота, словно часть моей души удалили хирургическим путем.

— Ты в порядке? — спросил Пол.

— Все нормально, — улыбнулся я. Хотя на самом деле было больно.

— Просто тебе нужно придумать новое хобби, — сказал Пол.

Но я никогда не считал скачки своим хобби. Они составляли смысл моей жизни, особенно в последние семь лет. Значит, и вправду пора начинать все заново.

Я остался у Пола с Лорой на неспешный ланч, а потом Боб отвез меня в Уффингтон, в Радклиффовский центр жеребенка. Я предварительно позвонил туда и поговорил с управляющим, Ларри Клейтоном, который рад был показать посетителю это место.

Шины «мерседеса» зашуршали по гравию, мы припарковались перед кирпичным домом. Рядом на газоне стоял изящный указатель: «Посетителям обращаться сюда». Что я и сделал.

— В это время здесь очень тихо, — сказал Ларри Клейтон, когда мы расположились у него в кабинете. — Большинство кобыл и жеребят уже вернулись к своим владельцам на лето.

— А когда напряженно? — спросил я.

— С января по апрель, — ответил он. — Тогда только успевай поворачиваться. Февраль-март — совершенно сумасшедшее время, каждые пять минут появляется по жеребенку.

— И сколько всего их бывает?

— Около сотни, и Радклиффы хотят удвоить их число.

Я смотрел на его ноги — он положил их на стол. В сильно изношенных ковбойских сапогах и узких джинсах. Интересно, Радклифф знает, что его управляющий так непринужденно ведет себя с гостями Центра? В приемной я взял кое-какие рекламные материалы: глянцевые брошюры с впечатляющими фактами и цифрами, рассказывающие, как здесь заботятся о жеребых кобылах. На обложке красовалась фотография улыбающихся Роджера и Деборы Радклифф.

— Они здесь? — спросил я Ларри.

— Нет. Они на дерби в Кентукки.

— Можно мне осмотреть Центр?

— Конечно, — сказал он. — Только посмотреть-то почти нечего.

Мы вошли в новый комплекс родильных боксов с прочими стойлами. В углу каждого была вращающаяся телекамера.

— Большой у вас штат? — спросил я.

— В зимний сезон — около дюжины, сейчас — два человека.

Пройдя мимо ряда пустых стойл, мы заглянули в новые родильные боксы.

— А где родился Пенинсула? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответил он, — я здесь первый год.

— А вы не знаете, не работает ли здесь еще тот конюх, который помогал принимать Пенинсулу?

— Понятия не имею, — повторил он.

— Вы слышали о Джулиане Тренте?

— Нет, — ответил он. — А надо?

И я понял, что поездка сюда была пустой тратой времени.

Боб привез меня домой около восьми.

Я был на середине лестничного марша, когда услышал шум льющейся воды. И понял, что случилось что-то очень плохое. Вода лилась с подвесного потолка гостиной и заливала пол. И не только. Мой дом был разгромлен, причем со всей основательностью.

Я заторопился, насколько мог на костылях, на верхний этаж, отключить воду. Но обнаружил, что раковина во второй ванной выкорчевана и вода хлещет прямо из дыры в стене. Поток низверглся по лестнице подобно водопаду.

Я осторожно спустился по скользким ступенькам в гостиную и позвонил нижним соседям, чтобы попросить о помощи. Их телефон не отвечал. Сидя на разодранном подлокотнике изрезанного дивана, я смотрел вокруг. Мой большой плазменный телевизор с плоским экраном — последняя модель! — уже никогда ничего не покажет. Анджелиной коллекции вустерских фарфоровых фигурок больше нет, кухонный пол устилают осколки фарфора и стекла.

Но по крайней мере телефон работал. Я набрал 999 и попросил оператора соединить меня с полицией. Там обещали прислать кого-нибудь как можно скорее. Я стал листать намокшие страницы телефонного справочника в поисках аварийной службы, и, когда уже набрал номер, потолок вокруг осветительной арматуры с грохотом обрушился, и масса воды хлынула в гостиную. Аварийная служба поклялась, что мастер уже в пути.

Я захромал по дому, оценивая ущерб. Все было разломано или изрезано. Зеркало, висевшее на стене в гостиной, лежало, разбитое, под остатками журнального столика. Электрика каким-то чудом не пострадала.

Наверху в спальне матрас тоже прошел обработку резаком для кожи, как и вся моя одежда. Но хуже всего, что налетчик — а я почти наверняка знал, кто все это сделал, — расколотил рамку, стоявшую на туалетном столике, и в мелкие клочки изорвал фотографию Анджелы.

Глядя на эти конфетти, я чувствовал уже не скорбь по умершей жене, а ярость оттого, что над ее изображением надругались.

Зазвонил телефон.

— Я предупреждал, что вы пожалеете, — раздался в трубке угрожающий голос Джулиана Трента.

— Отвали, гаденыш! — сказал я и бросил трубку.

Телефон почти немедленно зазвонил вновь.

— Я сказал, отвали! — заорал я в трубку.

— Джеффри, это ты? — неуверенно произнесла Элеанор.

— Ох, прости, пожалуйста, — сказал я. — Я думал, что это совсем другой человек.

— Надеюсь, — отозвалась она. — Я позвонила, потому что у меня хорошая новость. Я нашла фотографию Милли с жеребенком.

Через сорок пять минут прибыла аварийная водопроводная служба. К этому времени обрушился не только потолок в моей гостиной, но и еще два на нижних этажах. Я это знал, потому что по полной программе получил от соседей, когда в девять они приехали домой.

Двое полицейских в форме появились по меньшей мере через час после того, как водопроводчики заткнули сломанную трубу и уехали. Качая головами, они осматривали разгром.

— У вас есть соображения, кто мог это сделать? — спросили они.

Я пожал плечами. Почему-то если ничего не говорить, то кажется, что меньше лжешь.

Почему я не сказал, что знаю, кто это сделал? Джулиан Трент смог снять с себя обвинение в покушении на убийство. И у меня не было ни малейшего сомнения, что уж обвинения в злостном нанесении ущерба имуществу он точно сможет избежать.

— Тот, кто это сделал, вероятно, забрался через это окно, — сказал полицейский, указывая на разбитое стекло в кладовке. — Должно быть, влез по водосточной трубе. Что-нибудь пропало?

— Кажется, нет, — ответил я. — Но все разломано и разбито.

— Бессмысленный вандализм, — сказал полицейский. — К сожалению, имеет место сплошь и рядом.

— И что теперь? — спросил я.

— Если ничего не похищено, то департамент уголовного розыска этим не заинтересуется. Утром позвоните в отделение, вам дадут номер дела для вашей страховой компании.

С тем они и ушли.

Ни фотографий, ни замеров, ни поисков отпечатков пальцев — ничего. Они даже не надеялись поймать виновного, и, честно говоря, я тоже не слишком им помогал.

Около десяти приехала Элеанор. Ее так встревожил мой рассказ по телефону, что она тотчас примчалась из Ламборна. Она

пришла в ужас от того, что стало с квартирой, и мне это было приятно. Я как-то уже привык к разгрому за эти два часа, что прошли с момента, когда я перешагнул порог квартиры. Не то чтобы меня не заботило мое имущество. Но потеря всего отлично вписывалась в охватившее меня чувство перемен, начала новой жизни.

— Ты звонил в полицию? — спросила она.

— Они только что уехали. Не пообещав, что поймают того, кто это сделал.

— Но, Джеффри, — сказала она серьезно, — это тебя лично затрагивает. И ты должен знать, кто это сделал и почему. Расскажи мне все, — потребовала она.

Два часа среди обломков моего дома я рассказывал ей о Джулиане Тренте и явной связи между ним и убийством Скотта Барлоу. Я говорил, что не должен был участвовать в этом процессе, потому что утаил информацию от полиции. Я рассказал о Джозефе Хьюзе и Джордже Барнетте. И показал фотографию, на которой она идет к лечебнице в Ламборне. Фотография лежала в кармане моего пиджака и таким образом избежала уничтожения.

Она дрожащими руками взяла фотографию и побледнела.

После долгих поисков я нашел на кухне два уцелевших пластиковых стаканчика и бутылку минеральной воды в холодильнике.

— Лучше вина, — сказала Элеанор.

Мой винный стеллаж был разломан, дюжина бутылок кларета разбита вдребезги. Но в дверце холодильника я обнаружил бутылку шампанского. Сидя на разодранном диване, мы пили «Вдову Клико» из пластиковых стаканчиков. Ну не романтично ли?

— Почему ты не сказал мне об этой фотографии сразу? — спросила она с упреком. — Ведь мне, вероятно, угрожает опасность.

— Не думаю, что действительно угрожает, пока Трент и те, кто за ним стоит, уверены, что я выполню их требования.

— Милый, — она впервые назвала меня так, — тебе нужно обратиться к властям и все объяснить.

— Не так все просто, — ответил я. — Для начала обращение к властям может стоить мне карьеры. Я недвусмысленно лгал полицию, а закон не прощает лжи.

— Но у тебя была веская причина.

— Да, конечно, была. Мне угрожали. И до сих пор угрожают. Но для суда это не является определяющим.

— Так что ты намерен делать? — спросила она.

— Я намерен добиться оправдания Стива Митчелла. Беда в том, что я не вполне понимаю, как это сделать.

— А фотография Милли тебе в этом поможет?

— Может быть. Кстати, где она?

— Здесь. — Элеанор достала из сумочки цифровой фотоаппарат. — Вот снимки, которые я сделала в комнате Милли на вечеринке в честь ее дня рождения. На заднем плане, на камине, стоит эта фотография. Когда вчера вечером ты заговорил о ней, я посмотрела, что у меня есть, и нашла их.

Она показала мне снимок, где три молодые женщины стояли перед камином. И между двумя головами было видно фото в рамочке. Элеанор увеличила изображение. Экран заполнила фотография в рамочке: Милли с головой жеребенка на коленях, за ними кобыла и конюх.

— Ну? — сказала Элеанор.

— Не знаю, — ответил я. — Она, безусловно, очень важна, в противном случае зачем было ее похищать из дома Барлоу? Но я не понимаю почему. Может быть, это связано с конюхом, но я его не узнаю. Это не Джулиан Трент, однозначно. — Все-таки я подозревал, что там может оказаться он.

И во второй раз Элеанор провела ночь в моем доме. На сей раз она спала — одна — в моей спальне, то есть в том, что от нее осталось, а я задремал внизу, на искромсанном диване. Ни она, ни я не считали, что предлагаемые обстоятельства благоприятны для дальнейшего сближения.

Я проснулся рано, с рассветом, и его лучи осветили печальную картину. Не то чтобы я не мог восстановить то, что разрушил Трент, но он сильно осложнил мне жизнь. Я стал искать в ящиках стола свой страховой полис. Ясное дело, Трент вылил на мои бумаги пару бутылок вина, с них и теперь еще капало.

Элеанор спустилась вниз, босая, в моем халате.

— Осторожно, — сказал я, — тут по всему полу битое стекло.

— Должно быть, вечеринка удалась, — улыбнулась она.

— В лучшем виде, — улыбнулся я в ответ.

Она ушла в спальню и скоро вернулась, уже одетая и обутая.

— Я, пожалуй, поеду, — сказала она уже без шуток. — Седьмой час, а в восемь мне надо быть на работе. Ты справишься?

— Конечно, — ответил я. — В восемь за мной приедет машина.

— Вот возьми. — Она протянула мне свой фотоаппарат.

— Спасибо. Воспользуюсь, чтобы сделать снимки для страховой компании.

— Хорошая мысль, — сказала она, остановившись на полпути к холлу. Так, словно не хотела уходить.

— Что ты делаешь вечером? — спросил я.

— Сегодня я на пейджере, — вздохнула она. — И должна оставаться в Ламборне.

— Можно я приеду вечером отдать тебе фотоаппарат?

— О да, пожалуйста, — засмеялась она.

Вся свободная память фотоаппарата Элеанор ушла на то, чтобы запечатлеть плоды трудов Джулиана Трента. Потом я нашел чистую рубашку в ящике комода, который мистер Трент почему-то пропустил, и, хотя в обеих ваннах комнатах не было воды, чтобы умыться, мне удалось побриться уцелевшей электробритвой. Спускаясь ровно в восемь к ожидавшему меня «мерседесу» Боба, я выглядел вполне rispetабельно.

Когда мы доехали до конторы, Боб пошел забрать мою почту, а вернулся вместе с Артуром.

— Мистер Мейсон, — сказал Артур в окошко машины, как всегда очень официально. — Сэр Джеймс желает с вами встретиться и поговорить насчет понедельника. — В понедельник начинался процесс Стива Митчелла в Оксфорде. — Он полагает, что не сможет присутствовать, ибо дело, которое он ведет в настоящий момент, отнимает все его время.

Вот так сюрприз, подумал я. Я так и знал, что он найдет какой-нибудь предлог, чтобы не ехать в Оксфорд. У меня сложилось впечатление, что, боясь потерпеть поражение в зале суда, сэр Джеймс с радостью предоставит мне право вести этот процесс. И это меня полностью устраивало.

— Передайте ему, что я справлюсь один, — сказал я. — А если он хочет, чтобы я попросил перенести процесс еще на день, то пусть позвонит мне в выходные.

— Хорошо, — сказал Артур. — Сделаю.

Мы оба отлично понимали, что происходит, но протокол и хорошие манеры обязывают. Я попросил Артура подготовить все мои бумаги, папки, мантию, парик и прочие необходимые для суда вещи, чтобы послать прямо в забронированную для меня гостиницу в Оксфорде, в которой я намеревался провести выходные, готовясь к понедельнику.

- Назад в Барнс? — спросил Боб, когда Артур ушел.
- Нет, Боб. Отвезите меня, пожалуйста, в Ламборн.
- С удовольствием. Туда и обратно или в один конец?
- Наверное, в один. Мне нужно позвонить. Да, и еще: надо

найти фотосалон. Я должен туда зайти, а вы меня подождете.

Проведя полчаса у автомата цифровой печати, я отпечатал все снимки, сделанные утром камерой Элеанор, и десять экземпляров фотографии Милли с жеребенком. Они получились более расплывчатыми, чем на экране фотоаппарата, но это неизбежно.

Я позвонил в гостиницу «Королевский герб», где мы с Элеанор впервые вместе выпили и закусили в день нашего знакомства в ноябре.

— Да, у нас есть свободные номера. На сколько человек?

— На одного, — сказал я. — Но, если можно, с двуспальной кроватью. — Никогда ведь не знаешь наперед.

Боб довез меня до гостиницы, где мне любезно выделили номер на первом этаже. Я вошел и лег на кровать — дать отдых усталой спине в ожидании, когда приедет Элеанор.

Мы ужинали за тем же самым столиком, но сегодняшний вечер для нас закончился звонком на ее пейджер. Она глянула на экран и озабоченно покачала головой.

— Попросить оставить тебе ужин? — предложил я.

— Нет. Это надолго. Я тебе позвоню.

Я очень расстроился. И вдруг поймал себя на том, что впервые не чувствую себя виноватым, общаясь с другой женщиной, не Анджелой.

Она метнулась к машине, а я в одиночку доел свой ужин, в одиночку допил вино и в надлежащее время в одиночку улегся в постель.

ГЛАВА 8

Утром я пошел за покупками. Вызвал такси к гостинице и за два часа закупил себе если и не полностью новый гардероб, то достаточное количество одежды, чтобы в ближайшие недели достойно смотреться в Оксфордском королевском суде.

Вернувшись в «Королевский герб», я освободился от белого пластикового панциря и с наслаждением встал под душ. Я вымыл голову новым шампунем, почистил зубы новой щеткой и побрился новой бритвой. Потом с неохотой влез в свой пластик и надел новую рубашку и брюки. Я чувствовал себя новым человеком.

Пообедав, я вызвал такси и поехал в Радклиффовский центр, предварительно позвонив Ларри Клейтону. И когда в половине третьего я приехал, он сидел, положив на стол ноги в тех же самых ковбойских сапогах.

Я протянул ему снимок Милли с жеребенком.

— Вы узнаете кого-нибудь на этой фотографии?

Он долго всматривался в снимок.

— Нет, — сказал он наконец.

— Этот жеребенок — Пенинсула.

Он снова посмотрел на фото.

— Мне очень жаль. Ничем не могу помочь.

— Когда, вы сказали, вы начали здесь работать?

— В прошлом сентябре.

— А здесь остался кто-нибудь, кто работал, когда родился Пенинсула?

— Сомневаюсь, — сказал он весьма нелюбезно.

— Ну, все равно возьмите это фото, — сказал я. — А если кто-нибудь узнает мужчину, попросите его позвонить мне, пожалуйста. — Я протянул ему свою визитную карточку. — Когда, вы сказали, возвращаются Радклиффы?

— Кентуккийское дерби начинается завтра. — Он откинулся на спинку стула. — Когда закончится, они вернутся.

— Будьте добры, покажите им это фото, ладно?

— Если не забуду.

Такси ожидало, и я велел шоферу везти меня обратно в гостиницу. Зря съездил.

Я позвонил Элеанор, спросил, есть ли смысл оставаться здесь на вторую ночь или лучше ехать в Оксфорд, где отель забронирован с пятницы и куда уже благополучно прибыли все мои коробки.

— Я опять на пейджере, — ответила она как-то очень сдержанно.

— Может быть, поужинаем вместе? — предложил я.

Возникла пауза. Неужели я слишком настойчив?

— Джеффри, — наконец сказала она. — Я охотно с тобой поужинаю, но после этого мне придется вернуться сюда.

— Хорошо. Тогда ужинаем в «Лисице и гончих» в Уффингтоне, а потом я на такси отправляюсь в Оксфорд.

— Отлично, — сказала она с явным облегчением.

— У тебя все в порядке?

— Да, — ответила она. — Честное слово. Все отлично.

Положив трубку, я задумался о том, что, вероятно, мужчине никогда не удастся понять женщину в полной мере.

Заведение под названием «Лисица и гончие» располагалось в желтом оштукатуренном здании в центре городка. Мы с Элеанор договорились встретиться в восемь, но я — на такси, с двумя чемоданами — приехал раньше, в десять минут восьмого.

— Простите, — сказал хозяин, когда я попытался войти со своими двумя чемоданами и костылями. — У нас здесь не гостиница.

Я объяснил, что позже уеду на другом такси, и он любезно разрешил мне сложить вещи в его кабинете.

— А теперь, — сказал он, когда я уселся на барный табурет, — чего вам налить?

— Красного вина, пожалуйста. Мерло, если есть.

Он щедро налил в бокал вина и поставил передо мной. Я огляделся. Я был единственный посетитель.

— Сегодня у вас тихо, — заметил я.

— Скоро станет громко. Завсегдатаи еще не собрались.

Я вытащил из кармана фотографию Милли с жеребенком.

— Вы не узнаете кого-нибудь здесь?

Он долго рассматривал снимок.

— Женщину я не знаю, — сказал он наконец, — а мужчина, мне кажется, Джек Ренсбург.

Я с трудом сдерживал волнение.

— Он где-то здесь живет?

— Раньше жил. Работал в конюшнях на Вулстон-роуд. А теперь уехал — года три-четыре назад.

— Вы хорошо его знали?

— Неплохой парень. Южноафриканец. Играл за здешнюю крикетную команду, и летом они заходили сюда после матчей всей командой.

— Вы не знаете, почему он уехал?

— Понятия не имею. Просто уехал в отпуск и не вернулся.

— А когда именно?

Он задумался на мгновение и покачал головой:

— Нет, не припомню.

Тут появились посетители, и он отошел обслужить их.

Элеанор приехала ровно в восемь. Я все сидел у барной стойки, наслаждаясь уже вторым бокалом мерло. Она клюнула меня в щеку, села рядом и заказала белого вина.

— Хорошо прошел день? — спросила она, пробуя вино.

— Да, неплохо. Скупил в Ньюбери почти всю мужскую одежду, помылся, побрился, почистил перышки и, — не сдержал я радостной улыбки, — узнал имя мужчины с фотографии.

— О, ты с пользой провел время! — Она улыбнулась — словно солнышко выглянуло.

— Так-то лучше, — сказал я. — А ты чем занималась?

— А я почти весь день наблюдала двухлетку, которого вчера привезли, и обсуждала его будущее с владельцем.

Подошел хозяин и спросил, готовы ли мы приступить к ужину. Мы пересели за столик.

— Расскажи мне о мужчине на фотографии, — попросила Элеанор.

— Рассказывать почти нечего. Зовут его Джек Ренсбург, он южноафриканец, работал у Радклиффа, но уехал.

— Куда?

— Не знаю. Уехал три года назад.

— Похоже, тупик? — сказала она.

— Похоже, — согласился я. — Но в понедельник я подключу к этому делу Артура.

— Артура? — переспросила она.

— Это старший клерк моей конторы. Человек, который знает все.

— Полезный человек, — сказала она, улыбнувшись, но улыбка тотчас померкла.

— Лошадь входит в бар. Бармен говорит: «Почему морда вытянутая?»

Она засмеялась:

— Старые анекдоты — самые лучшие.

— Так почему морда вытянутая? — повторил я.

— Нипочему. Забудь.

— Не могу. В первый раз за семь лет я встречаюсь с женщиной, которая мне безоговорочно нравится, и вдруг что-то не так.

— Джеффри, да ничего подобного. — Она погладила меня по плечу. — Просто месячные, и я боялась, что ты захочешь уложить меня в постель. Но ко вторнику это пройдет.

Я не знал, как реагировать. Смущаться? Волноваться? Просто сидеть дурак дураком? Вечер пролетел как одно мгновение, и, когда без десяти одиннадцать приехало такси, я совсем не был к этому готов.

Прощаясь, мы целовались долго и всерьез. После столь длительного воздержания для меня это было как откровение. Что-то во мне встрепенулось, и я чрезвычайно неохотно карабкался на заднее сиденье такси. Я мог теперь помечтать о будущем, особенно о вторнике.

Субботнее утро я провел, снова и снова просматривая материалы дела. Мы получили копии банковских счетов Скотта Барлоу вместе с остальными документами следствия, и еще я запросил у банка распечатку поступлений на счет его сестры Милли. Я стал изучать их и обнаружил, что на счет Милли регулярно приходили деньги помимо ее зарплаты в лечебнице. Счет Скотта показывал, что деньги сестре шли не от него — во всяком случае, не с его банковского счета.

Суммы были небольшие, по несколько сотен в месяц, и поступали по меньшей мере в течение полутора последних лет ее жизни. Я стал вспоминать встречу с ее родителями. Посылали ли они деньги дочери? Неизвестно. Их простоватость не обязательно означает, что у них не отложено деньжонок на черный день.

Скотт же действительно хорошо зарабатывал. Почти все поступления шли от «Уэзербиз», компании — организатора скачек, которая выплачивала все гонорары и бонусы владельцам лошадей, тренерам по выездке и жокеям. Скотт был одним из лучших в своей профессии и зарабатывал соответственно, но ни в каких его платежах не было ничего необычного.

Днем мы встретились с Брюсом Лайгоном и еще раз прошлись по обвинительному заключению. На первый взгляд доказательств

ва выглядели убедительно, но чем больше я на них смотрел, тем отчетливее понимал, что у нас есть возможность их оспорить, настаивая на отсутствии состава преступления. Собственно, прямых доказательств и не было, только косвенные.

— Но как бы вы рассудили, если бы были присяжным? — сказал Брюс. — При том что каждый знает, как Митчелл ненавидел Барлоу.

— Вот почему мы должны доказать отсутствие состава преступления, — сказал я. — Если дело дойдет до присяжных, нам не поздоровится.

В воскресенье я поехал на ланч к отцу, в его домик на окраине деревни Кингз-Саттон. Он приехал встречать меня на станцию на винтажном «моррисе-миноре». Он очень любил свой старенький автомобиль, и не было для него большего удовольствия, чем часами копаться в его двигателе.

Мы с отцом никогда не были особенно близки. Однако в это воскресенье мне было с ним как никогда хорошо. И ланч был вкусен необычайно — ростбиф и йоркширский пудинг.

— Я просто потрясен, — сказал я, откладывая вилку и нож. — Я и не знал, что ты так хорошо готовишь.

— Надо чаще приезжать, — улыбнулся он в ответ.

— Сделай мне, пожалуйста, приятное, — начал я нелегкий разговор, когда мы с чашками кофе переместились в гостиную. — Как тымотришь на то, чтобы уехать отсюда на пару недель?

— С какой стати?

— Я хочу, чтобы ты отдохнул.

— Но я не хочу никуда уезжать.

— Уехать будет безопаснее.

— Безопаснее? — переспросил он. — Что значит безопаснее?

Я стал объяснять, что некие люди хотят повлиять на исход судебного процесса, пытаюсь надавить на меня.

— Так пойди и расскажи все в полиции, — сказал он.

— Конечно, я так и сделаю. Но пока суд да дело, лучше чтобы эти люди не знали, где ты находишься.

— Не смей меня, мальчик, — сказал он строго. — Кому какое дело до того, где я живу?

Я вынул из кармана и протянул ему его фотографию. Ту, на которой он стоит рядом с домом.

— Говоришь, кто-то меня сфотографировал?

— В ноябре, — кивнул я. — Помнишь, я тебе звонил и спрашивал про дырку на джемпере?

— Смутно, — ответил он, продолжая рассматривать фотографию.

— Ну вот, и я не хочу, чтобы эти люди опять здесь появились.

— Но зачем им здесь появляться?

— Потому что я не намерен делать то, чего они от меня хотят.

Процесс Стива Митчелла начался в понедельник в половине одиннадцатого утра в Оксфордском королевском суде — судья в красной мантии Высокого суда был специально прислан из Лондона. Все-таки процесс об убийстве со знаменитостью на скамье подсудимых, и все должно быть на высшем уровне.

Как и следовало ожидать, сэр Джеймс Хорли, королевский адвокат, в выходные мне не позвонил и не попросил перенести начало процесса. Более того, Артур по электронной почте сообщил, что сэр Джеймс вообще не сможет быть в Оксфорде раньше четверга.

Защита состояла из Брюса Лайгона, его секретаря и меня. Я попросил Брюса взять с собой секретаря, чтобы как-то заполнить бреши. Надо сказать, что в нашем распоряжении был еще один солиситор из фирмы Лайгона, молодая и энергичная Никки Пейн, но она в зале суда отсутствовала, потому что в это время в Лондоне пыталась найти ответы на некоторые вопросы, которые я переслал ей накануне вечером.

Обвинение, напротив, выставило на поле целых семь игроков. Возглавлял его королевский адвокат Высокого суда с местным барристером в подчинении. Эти двое сидели в первом ряду, справа от нас. За ними — два солиситора с двумя помощниками, а в следующем ряду нечто среднее между мальчиком на побегушках и секретарем. Если они хотели поразить своей численностью, то им это удалось.

Журналисты присутствовали в изобилии — в ложе прессы не было ни единого свободного места. Процесс обещал стать главной новостью, и примерно тридцать мест, оставленных для публики, тоже были все заняты. В первом ряду сидели мистер и миссис Барлоу, родители Скотта.

Тюремный охранник ввел в зал Стива Митчелла, оба сели на скамью подсудимых. Я ободряюще улыбнулся Стиву. Мне показалось, что он нервничает, но одет он был как надо: в блейзер, белую рубашку и галстук, который накануне я купил ему в Ньюбери.

— Встать, суд идет! — провозгласил секретарь.

Все встали, и вошел судья. Он поклонился, мы поклонились в ответ. Все снова сели.

Поднялся секретарь суда.

— Подсудимый, встать!

Стив встал.

— Вы — Стивен Майлс Митчелл?

— Да, — ответил Стив.

— Садитесь, — сказал секретарь суда, что Стив и сделал.

— Защиту ведете вы, мистер Мейсон? — спросил судья.

Я поднялся на ноги.

— Да, милорд.

— Вам не кажется, что вашу команду нужно усилить? — Таким образом он спрашивал, не думаю ли я, что королевский адвокат был бы здесь более уместен.

— Милорд, — ответил я. — Номинально защиту на этом процессе возглавляет сэр Джеймс Хорли, но он сегодня не может присутствовать здесь. Подготовку к процессу мы вели вместе с сэром Джеймсом, и мой клиент согласен, чтобы сегодня на суде я представлял его интересы.

— Хорошо, — сказал судья.

— Подсудимый, встать! — сказал секретарь. — Вы обвиняетесь в том, что семнадцатого ноября 2008 года убили Хэмиша Джейми Барлоу, также известного как Скотт Барлоу. Вам понятно обвинение?

— Да, — ответил Стив.

— Признаете ли вы себя виновным?

— Нет, — четко произнес Стив.

Далее следовало представление присяжных и приведение их к присяге. Самые разные люди входили в зал и садились в противоположной от нас стороне. Всего их было восемнадцать. Секретарь суда вытащил из коробки двенадцать бумажек с их именами, и эти двенадцать человек заняли места на скамье присяжных.

Теперь можно было начинать.

— Дамы и господа присяжные, — начал королевский обвинитель. — На этом процессе вы услышите о жесточайшей вражде в мире конного спорта, которая привела к зверскому убийству одного жокея руками другого. Вы услышите, как обвиняемый преднамеренно умертвил жертву, воткнув вилы ему в сердце, и как теперь обвиняемый заявляет о своей невиновности и о том, что его

подставили неизвестные лица. Но представленные доказательства, без сомнения, убедят вас, что обвиняемый виновен в убийстве и что его заявление лишено оснований.

Он больше часа описывал со всевозможными подробностями это дело, и к концу многие присяжные бросали на скамью подсудимых взгляды, полные неприязни и даже отвращения.

Когда судья объявил перерыв, я пошел в камеру к Стиву.

— Боже мой, — сказал он в отчаянии, — ты заметил, как эти присяжные на меня смотрели? У меня нет шансов.

Днем все казалось так же безнадежно, как и утром. Два с половиной часа на свидетельском месте пребывал детектив инспектор Макнил, который возглавлял полицейское расследование. Заглядывая в свои записи, он рассказал о том, что происходило с момента прибытия полиции в дом Барлоу до ареста Стива Митчелла.

— Инспектор, — задал вопрос представитель обвинения, — машиной какой модели владел обвиняемый во время совершения убийства?

— «Ауди А-четыре», — ответил тот. — Серебристая.

— Так, — продолжал обвинитель. — И в ходе расследования вы установили, была ли в машине сигнализация, а также система иммобилизации двигателя?

— Да. Были.

— Будет ли правильно сказать, что машину можно было открыть и включить двигатель только с помощью ключей от нее?

— Насколько я понимаю, да, — ответил инспектор.

— Нашли ли вы ключи от этой машины?

— Да. Один — у обвиняемого, в кармане его брюк, а другой — в верхнем ящике стола мистера Митчелла в его комнате.

— Обращались ли вы к дилеру компании «Ауди» с вопросом о ключах для их машин?

— Да, — снова ответил инспектор. — Мне сообщили, что, как правило, к новому автомобилю прилагаются два комплекта ключей, а также что замена или изготовление дополнительного комплекта производится после тщательной проверки службы безопасности.

— Были ли затребованы дополнительные ключи для машины мистера Митчелла?

— Нет.

— И последний вопрос, инспектор. Была ли машина мистера Митчелла закрыта, когда вы приехали его арестовывать?

— Да.

— Свидетель ваш, — сказал представитель обвинения, обернувшись ко мне.

— Спасибо. — Я обратился к свидетелю: — Инспектор, расскажите, пожалуйста, суду, как в полиции узнали об убийстве мистера Барлоу. — Этот момент в своем выступлении он как-то пропустил.

— Поступил звонок в полицейский участок.

— От кого поступил звонок?

— Мне очень жаль, но у меня нет такой информации.

— Но ведь все чрезвычайные звонки в полицию регистрируются; указывается точное время звонка и от кого он поступил.

— Да, такова обычная практика.

— Так почему же вы не записали, кто звонил?

Он явно чувствовал себя неловко.

— Звонок был принят на телефон гражданского чиновника дирекции полицейского участка.

— Номер этого телефона доступен широкой публике?

— Не уверен, — сказал он.

— Вы не находите странным тот факт, что этот звонок поступил на телефон, номер которого не является широко известным; на телефон, который не регистрирует входящие звонки и к которому не подсоединено звукозаписывающее оборудование?

— Мистер Мейсон, — перебил меня судья, — это уже три вопроса.

— Прошу прощения, милорд, — сказал я. — Инспектор Макнил, согласны ли вы, что, пока полиция не прибыла в дом мистера Барлоу и не обнаружила его тело, о его смерти мог знать лишь один человек, а именно тот, кто его убил?

— Я полагаю, да, это так.

— Инспектор, сколько лет вы работаете детективом?

— Пятнадцать.

— Часто ли за эти пятнадцать лет вам звонили анонимно, по незарегистрированной линии, сообщая о вторжении в частные владения, чтобы полиция, прибыв, обнаружила жертву убийства в окружении множества вещественных доказательств?

Но судья перебил меня:

— Достаточно, мистер Мейсон.

— Милорд, — почтительно сказал я и сел на место. Хоть одна маленькая победа за целый день бесконечных гадостей.

Элеанор не приехала в Оксфорд в понедельник. С одной стороны, для меня это было облегчение, с другой — разочарование. Когда я добрался до гостиницы из суда, голова у меня просто раскалывалась от напряжения. Впервые после долгого перерыва она болела так же, как сразу после падения в Челтнеме, я уже начал забывать, какая это чудовищная боль. Оставалось только одно: лечь в постель и расслабиться.

Я уже начал засыпать, но был разбужен телефонным звонком.

— Да? — сказал я в трубку, с трудом пытаюсь сесть: корсет мешал.

— Мистер Мейсон? — услышал я женский голос.

— Да.

— Это Никки Пейн. Как вы просили, я побывала в Министерстве внутренних дел и в южноафриканском посольстве, и нигде никаких следов Джека Ренсбурга, но зато есть записи о некоем Жаке ван Ренсбурге. Собственно, в Англии живут три Жака ван Ренсбурга. Двое уже два года учатся в университетах по студенческим визам, один в Дареме, другой в Кембридже.

— А третий?

— Его виза кончилась, но, похоже, он все еще здесь, хотя его разрешение на работу тоже просрочено. Видимо, в этом нет ничего необычного. Один добрый человек в посольстве поищет его в ЮАР, на случай если он вернулся домой. У нас не регистрируют выехавших из Соединенного Королевства, только въехавших.

— Вы показывали фотографию?

— Конечно, — сказала она. — Мой друг из посольства пытается добыть для меня копию паспорта ван Ренсбурга, чтобы я убедилась, что это действительно он.

— Очень хорошо. Позвоните мне завтра, как только получите фото.

Мы распрощались, и я уронил голову на подушку.

Телефон зазвонил опять, снова разбудив меня.

Проклятье, подумал я. Не дают покоя человеку.

— Алло, — раздраженно сказал я в трубку.

— Ты должен проиграть процесс, — шепотом произнесли в трубке.

Сон как рукой сняло.

— Кто вы? — громко спросил я.

— Не важно, — ответил шептун. — Делай, что велено.

ГЛАВА 9

Утром во вторник инспектор Макнил снова занял свидетельское место. Перекрестный допрос продолжился.

Я с трудом поднялся, опираясь на кафедру.

— Инспектор Макнил, насколько мне известно, полиция установила, что в день смерти мистера Барлоу на его мобильный телефон пришло текстовое сообщение. Это так?

— Да, — ответил он.

— И в этом сообщении говорилось, я цитирую: «Я с тобой разберусь! Мало не покажется, подлый мерзавец!» Оно было подписано именем мистера Митчелла.

— Да, — подтвердил он. — Примерно так.

— Спасибо, — сказал я. — Может ли полиция установить, что это сообщение действительно было послано мистером Митчеллом?

— Нет, — сказал он. — Это невозможно.

— Правильно ли будет сказать: вы обнаружили, что это сообщение было послано неизвестным лицом через бесплатный сервер, доступный любому, кто имеет выход в Интернет?

— Да, правильно.

— Таким образом, в дополнение к анонимному незарегистрированному телефонному звонку в полицию, направившему вас на место преступления, вы получили еще один сигнал. Это было анонимное текстовое сообщение, посланное на телефон мистера Барлоу, причем составленное таким образом, словно оно исходило от обвиняемого.

— Я не говорил, что оно не исходило от обвиняемого, — возразил инспектор. — Я сказал только, что мы не можем установить, откуда оно исходило.

— Спасибо, — сказал я. — Больше вопросов нет.

Я сел, вполне довольный собой. Брюс Лайгон потрепал меня по плечу.

Я повернулся его поблагодарить — и наткнулся на взгляд Джулиана Трента. Он сидел среди публики. Я похолодел.

Вызвали следующего свидетеля обвинения, судебный пристав пошел за ним, возникла пауза. Джулиан Трент заметил, что я на него смотрю, поднялся и пошел к выходу.

Перекрестный допрос инспектора Макнила стал высшим достижением дня для защиты. Остальные три свидетеля обвинения дали нам передышку. Они не утверждали, что убийство совершено человеком, сидящим на скамье подсудимых.

Судебный эксперт с утомительными подробностями объяснил присяжным, каким образом из крови и волос выделяют ДНК, и затем перешел к тому, что несколько капель крови и два волоса Скотта Барлоу были обнаружены в машине Стива Митчелла, а на его резиновых сапогах тоже была кровь Барлоу и еще четыре волоса. Далее он сказал, что кровавые следы на месте преступления соответствуют отпечаткам подошв резиновых сапог мистера Митчелла.

Я заставил эксперта признать, что ДНК мистера Митчелла не обнаружено ни на орудии убийства, ни на теле убитого. Более того, он согласился, что даже если ДНК Барлоу и присутствует на сапогах мистера Митчелла и в его машине, это отнюдь не доказывает, что в момент совершения убийства на нем были эти сапоги или что он в тот день сажился в свою машину.

Последним свидетелем был патологоанатом, который делал посмертный осмотр тела Барлоу. Зубья вил не прошли через грудную клетку, как я думал, вилы воткнули под ребра, в диафрагму. Зубец задел сердце снизу. Одного удара хватило, чтобы через минуту наступила смерть.

Патологоанатом сообщил, что для нанесения смертельного удара требовалось обладать значительной физической силой. Из чего обвинитель без труда заключил, что спортивный мужчина тридцати трех лет, особенно профессиональный спортсмен, обладает силой, необходимой для нанесения такого удара.

Орудие убийства было представлено как вещественное доказательство. В тишине зала суда вилы казались огромными и зловещими. Патологоанатом продемонстрировал, как был нанесен удар снизу, который оказался смертельным для Барлоу. Я заметил, что некоторые из присяжных вздрогнули.

Элеанор не приехала в Оксфорд и во вторник тоже. Прислала сообщение, что одна из ее коллег заболела, поэтому она должна остаться в Ламборне вместо нее. И, вот странно, снова я ощутил что-то вроде облегчения. Я так долго ни с кем не спал, что эта перспектива меня слегка пугала.

На самом деле у меня в телефоне было два сообщения. Второе было от шептуна. «Проиграй процесс. А не то...»

Сообщение было отправлено в полдень. Очевидно, сразу же после того, как Джулиан Трент доложил ему о ходе процесса и моих стараниях подкопаться под полицейского инспектора. Когда же наконец этот шептун поймет, подумал я, что чем больше он повторяет: проиграй, тем больше я стремлюсь выиграть!

В половине одиннадцатого утра в среду суд начался допросом следующего свидетеля обвинения, детектива констебля Хилльера — полицейского, с которым я познакомился в доме Барлоу. Хилльер как образцовый свидетель ясно растолковал присяжным, что орудие убийства идентично двум другим вилам, обнаруженным во владении Митчелла. Рассказал он и о том, что в ходе расследования был обнаружен счет из магазина в Ньюбери, доказывающий, что в прошлом году Митчелл действительно приобрел там трое вил.

Он рассказал далее, как убедился в том, что счета, проткнутые зубьями вил, оплачены карточкой «Маэстро», выданной банком на имя мистера Стивена Митчелла. Еще он сказал, что второй счет — от букмекера в Хангерфорде — оплачен той же карточкой.

— Детектив констебль Хилльер, — сказал я, начиная перекрестный допрос, — не находите ли вы странным, что убийца столь демонстративно оставил на месте преступления обвиняющие его именные счета, оплаченные его картой?

— Не нахожу, — ответил он. — Многие преступники делают странные вещи.

— Вы не заподозрили, что эти счета оставлены на вилах человека, который хотел убедить полицию в том, что преступление совершил мистер Митчелл?

— Нет, — ответил он. — Может быть, Митчелл насадил их на вилы, чтобы подразнить Барлоу, и не собирався там оставлять. А потом просто не смог вытащить орудие преступления из тела.

— Это предположения, — перебил его судья. — Свидетель должен ограничиваться известными ему фактами.

Но дело было сделано, слово произнесено.

«Новое сообщение», — оповестила меня моя голосовая почта, когда в обеденный перерыв я включил телефон. Сообщение было от Никки Пейн. «Мистер Мейсон, — голос ее звучал взволнованно, — я нашла вашего Жака ван Ренсбурга. Позвоните мне, пожалуйста, как только получите это сообщение».

Я тотчас позвонил.

— Это третий, — быстро заговорила она. — Из Южной Африки прислали его паспортную фотографию, нет никаких сомнений.

— Так он со своей просроченной визой все еще здесь?

— Не совсем. — И она выдала мне столь интересную информацию о Жаке Ренсбурге, что сразу стало понятно, почему фотографию Милли с жеребенком забрали из дома Скотта Барлоу. Ей придавали такое значение, что, возможно, Скотта убили только ради того, чтобы ее забрать.

На дневное заседание суда обвинение вызвало свидетелей, рассказавших о широко известной вражде между обвиняемым и жертвой.

От надежды защиты умолчать о сестре Барлоу ничего не оставил уже первый в списке, Чарльз Пикеринг, тренер по выездке из Ламборна.

— Мистер Пикеринг, — обратился к нему обвинитель, — насколько хорошо вы знали мистера Барлоу?

— Очень хорошо, — ответил тот. — Скотт скакал на моих лошадях как жокей номер один с тех самых пор, как приехал из Шотландии, а было это восемь лет назад.

— Хорошо ли вы знаете обвиняемого, мистера Митчелла?

— Достаточно хорошо. Он несколько раз выступал на моих лошадях, когда Скотт был в отъезде или болел.

— Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы мистер Митчелл и мистер Барлоу ссорились?

— Все время. Цапались как кошка с собакой.

— Не знаете ли вы, из-за чего они ссорились?

— В основном из-за сестры Скотта, — сказал Чарльз Пикеринг.

— Из-за сестры Скотта Барлоу? — переспросил обвинитель для пущего эффекта.

— Да. Скотт обвинял Митчелла ни много ни мало в убийстве своей сестры. Сестра Скотта покончила с собой, и он считал, что Митчелл ее до этого довел. Митчелл же обычно отвечал: «Заткнись, убью». И так они ссорились постоянно.

— Были ли Барлоу и Митчелл в нормальных отношениях до самоубийства сестры Барлоу? — спросил обвинитель.

— Нет, — ответил Чарльз Пикеринг. — Они всегда ненавидели друг друга. Скотту с самого начала не нравились отношения Митчелла с его сестрой.

— А когда было начало?

— Года три-четыре назад, когда сестра Барлоу приехала из Шотландии в Ламборн.

— Спасибо, мистер Пикеринг, — сказал королевский обвинитель и повернулся ко мне: — Свидетель ваш.

— У меня нет вопросов, милорд, — сказал я.

Я не хотел случайно подвести его к раскрытию невыгодных для нас подробностей вроде той, что Барлоу рассказал об их романе жене Митчелла. Но моя надежда сохранить это в тайне рухнула в ту же минуту, когда на Библии поклялся следующий свидетель — Рено Клеменс, который теперь стал ведущим жокеем.

— Мистер Клеменс, — сказал представитель обвинения, — я думаю, вы являетесь успешным жокеем в стипль-чезе. Это так?

— Да, сэр. В настоящий момент я возглавляю турнирную таблицу.

— Вы хорошо знаете обвиняемого?

— Да, сэр. — Он мельком взглянул на Стива.

— И вы хорошо знали мистера Барлоу?

— Да, сэр.

— Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы мистер Митчелл и мистер Барлоу ссорились?

— Они всегда ссорились, — сказал Рено. — Иногда они цапались даже во время скачек.

— А по какому поводу они ссорились?

— По какому угодно. Но чаще всего из-за сестры Барлоу, с которой у Митчелла был роман.

— Был ли Митчелл женат, когда у них был роман?

Ну вот, подумал я, приехали.

— Вначале был, — отвечал Рено, — в конце — уже нет.

— Скажите, знала ли жена Митчелла о его романе с сестрой Барлоу? — спросил обвинитель так, словно был уверен в ответе.

— Узнала, когда Барлоу ей рассказал.

— Вы это точно знаете, мистер Клеменс, или просто слышали от кого-то?

— Я слышал это от самого Митчелла, — сказал Рено. — Он часто орал на Барлоу в раздевалке, называя Иудой за то, что тот наступал его жене.

— Врешь, поганец! — закричал со скамьи подсудимых Стив Митчелл, заколовтив кулаками по прозрачной перегородке.

Судья постучал молоточком. Крик смолк.

— Прошу тишины, — приказал он. — Мистер Митчелл, еще один подобный взрыв, и я велю увести вас в камеру. Вы поняли?

— Да, милорд, — сказал Стив. — Простите, пожалуйста.

Стив сел на место, но мы опять понесли урон.

— Итак, мистер Клеменс, — продолжал обвинитель, весьма довольный собой, — вы рассказали суду о том, что часто слышали, как обвиняемый кричал на мистера Барлоу, называя его Иудой, потому что мистер Барлоу рассказал жене Митчелла, что у ее мужа роман с его сестрой.

— Да, сэр, — ответил Рене Клеменс.

Таким образом был четко определен мотив убийства Барлоу.

Следующим свидетелем обвинения был Фред Плит. Он работал конюхом в конюшне Митчелла.

— Мистер Плит, — задал вопрос представитель обвинения, — присутствовали ли вы в доме мистера Митчелла в тот день, когда туда были доставлены трое новых вил?

— Да.

— Что сделал мистер Митчелл, когда их доставили.

— Он взял вилы и стал ими размахивать, приговаривая, что так бы и проткнул ими этого гада Скотта Барлоу.

В зале суда на мгновение повисла тишина.

— Спасибо, мистер Плит, — сказал обвинитель.

Я встал.

— Мистер Плит, вы испугались, когда мистер Митчелл совершал действия, только что описанные вами? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

— Ясно же было, что Стив просто шутит, — сказал он. — Он смеялся. Мы оба смеялись.

— Спасибо, мистер Плит, — сказал я. — Вопросов больше нет.

Фред Плит вышел из зала суда и, что делает ему честь, проходя мимо скамьи подсудимых, помахал рукой Стиву. Я очень надеялся, что присяжные это заметили.

Судья посмотрел на стенные часы и произнес:

— Дамы и господа присяжные, вы свободны до десяти часов завтрашнего утра. Напоминаю вам, что вы не должны обсуждать процесс ни между собой, ни с кем бы то ни было еще, даже со своими семьями.

Присяжные покинули зал суда.

— Мистер Мейсон, вам слово, — сказал судья, когда дверь за присяжными закрылась.

Юридические обсуждения обычно проходили в отсутствие присяжных, и я заранее оповестил судью, что по окончании работы обвинения намерен сделать заявление.

— Да, милорд. — Я поднялся на ноги. — Спасибо. Защита хочет сделать заявление. Мы утверждаем, что в действиях обвиняемого отсутствует состав преступления. Обвинение предоставило только лишь косвенные улики. Ничто не указывает на то, что мой подзащитный вообще когда-либо бывал в доме Скотта Барлоу, а не только в момент убийства.

И я подробно разобрал свидетельские показания.

— В заключение скажу, что хотя защита признает существование глубочайшего антагонизма между нашим клиентом и мистером Барлоу, это отнюдь не доказательство совершения убийства. Далее, защита признает, что у нашего клиента нет алиби, но отсутствие алиби опять-таки не является доказательством виновности. Мы утверждаем, что обвинению не удалось представить прямых и неопровержимых доказательств вины мистера Митчелла. Мы заявляем, что вам надлежит дать указание присяжным вынести мистеру Митчеллу оправдательный приговор за отсутствием состава преступления.

— Спасибо, — сказал судья. — Я рассмотрю ваше заявление и сообщу свое решение утром. Объявляю перерыв до завтра.

В итоге Элеанор приехала в Оксфорд в среду. Когда я возвращался из суда, она сидела в вестибюле гостиницы. Я не ждал ее так рано и был застигнут врасплох, когда силился войти в дверь на своих костылях и с бумагами, а она подошла сзади и вовремя подхватила бумаги, не то они полетели бы на пол.

— Спасибо, — сказал я, думая, что это кто-то из гостиничного персонала.

Она посмотрела на меня сбоку.

— Привет! — улыбнулся я. — Просто удивительно!

— Я и подумала: удивлю-ка! — сказала она. — Я уже час тебя жду.

— Да что ты! Если бы я знал, я бы пришел час назад.

— Почему же не пришел? — поддразнила она.

— Потому что объяснял своему подзащитному, какой он дурак.

— Почему дурак?

— Потому что он кричал на свидетеля. Ну что за идиот!

Я и впрямь провел последний час у Стива в камере.

— Не сдержался, — хныкал Стив. — Кровь в голову ударила. Этот Клеменс скачет на всех моих лошадях. Он только обрадуется, если меня посадят. Будет смеяться от счастья на призовом кругу.

— И все равно так нельзя, — втолковывал ему я.

— Прости.

Если процесс будет продолжаться, мне нужно, чтобы он сидел на скамье подсудимых тихо и не реагировал на провокации.

Элеанор подалась ко мне и быстро поцеловала в губы.

— Хочешь, пойдем выпьем, — предложил я. — Уже почти шесть.

— Нет, — сказала она значительно. — Я хочу в постель.

Мы сделали и то и другое. Я заказал в баре бутылку шампанского с двумя бокалами и велел принести в номер.

Все мои страхи перед любовной схваткой вернулись ко мне с удвоенной силой — когда мы по длинному коридору шли в мою комнату, я трясся как осиновый лист. Я даже не смог откупорить шампанское.

— Давай, — Элеанор забрала из моих дрожащих рук бутылку, — сама открою.

— Извини...

— Ничего, — сказала она. — Я тоже нервничаю.

Я присел на край кровати, сбросил ботинки, лег и постучал по твердому пластиковому панцирю под рубашкой.

— И эта штука не способствует...

— Я о тебе позабочусь, — сказала она, ложась рядом.

И позаботилась.

Страхи мои оказались беспочвенными. Заниматься любовью со сломанной спиной приходится очень осторожно, но мы вложили в это дело бездну чувственности и страсти.

Потом мы долго лежали обнявшись, то задремывая, то просыпаясь, и я был бы рад провести так всю ночь, но нужно подготовиться к завтрашнему заседанию.

Когда я стал высвобождать руку, Элеанор открыла глаза.

— Эй, — улыбнулась она, — уже убегаешь?

— Да, — улыбнулся я в ответ. — Надо еще поработать, чтобы завтра быть во всеоружии. Но что гораздо важнее, я хочу есть.

— А я хочу тебя. — Ее ресницы затрепетали.

— Позже, милая, позже. Не сексом единым жив человек.

— Давай проверим, — сказала она. Но, вздохнув, отпустила меня.

— Закажем ужин в номер, — предложил я. — Тогда я смогу одновременно есть и работать.

Элеанор стала звонить по поводу ужина, а я уселся просматривать бумаги, которые понадобятся в случае, если судья не вынесет решение в нашу пользу.

За едой я рассказал Элеанор новость, которую сообщила мне Никки.

— И что ты будешь с этим делать? — спросила она.

— Если судья не согласится с заявлением защиты, то вызову свидетеля в суд и воспользуюсь информацией, которую добыла Никки. Сегодня днем я уже попросил Брюса Лайгона связаться с моим новым свидетелем. Очень хочется послушать, что он скажет, но мне почему-то кажется, что свидетель не захочет явиться в суд.

— А потом? — спросила Элеанор.

— Обращусь к суду с просьбой вызвать его официально.

— Но это еще не значит, что он ответит на все твои вопросы.

— Не значит, — согласился я. — Но если не ответит, то ему придется назвать причину, а в данном случае единственная причина та, что его ответ приведет к его обвинению. А это по крайней мере внесет в умы присяжных сомнения в виновности Стива. Но на самом деле мне нужно время. Время для дальнейшего расследования.

ГЛАВА 10

Как я и ожидал, в четверг утром судья отклонил заявление защиты об отсутствии состава преступления.

— Милорд, — сказал я, вставая, — в таком случае защита представляет на рассмотрение суда имя свидетеля, которого мы хотели бы вызвать.

Я передал лист бумаги судебному приставу. Судья прочитал короткую строчку.

— Почему это имя не было представлено на рассмотрение суда своевременно, чтобы заранее отправить повестку? — строго спросил он.

— Милорд, мы только вчера получили информацию, которая показала, как важен для процесса этот свидетель. Солиситор мистера Митчелла связался с предполагаемым свидетелем, но тот не пожелал прийти в суд и помочь защите. Исходя из этого, я прошу суд официально вызвать его повесткой.

— Вы ознакомили с этим именем обвинение? — спросил он.

— Да, милорд, я сделал это перед началом заседания.

Судья предложил обвинению высказываться.

— Милорд, — льстиво сказал королевский адвокат, — обвинение не возражает против вызова в суд этого свидетеля, если это поможет правосудию. Однако следует заметить, что у защиты было достаточно времени для подготовки к процессу и дальнейшее откладывание недопустимо.

Иными словами, подумал я, мы не возражаем, но, в конце концов, да, возражаем. Очень солидно звучит, но смысла не имеет никакого.

— Хорошо, — сказал судья. — Я разрешаю вызвать свидетеля в суд повесткой. Но предупреждаю вас, мистер Мейсон, если я сочту, что защита впустую отнимает у суда время, я займу очень жесткую позицию. Будет ли ваш свидетель к завтрашнему дню готов отвечать на вопросы суда?

— Милорд, — сказал королевский адвокат, — обвинению требуется больше времени для подготовки к перекрестному допросу свидетеля. Мы бы предпочли понедельник, милорд.

— Вы не возражаете, мистер Мейсон?

— Нет, милорд.

— Хорошо, — заключил судья. Очевидно, он уже предвкушал, как проведет лишний день на поле для гольфа. — Суд объявляет перерыв до понедельника.

Я заказал такси до гостиницы. Ожидая его в вестибюле суда, позвонил Никки.

— Документы у меня, — сообщила она. — Пришли сегодня утром.

— Отлично. Теперь я хочу, чтобы вы поехали в Ньюбери. — И я объяснил, что необходимо выяснить.

— Ладно, — ответила она. — Как сделаю — позвоню.

Такси доставило меня в гостиницу, а потом, подождав, когда я упакую в один из своих новых чемоданов кое-какую одежду, — на вокзал, где я и сел в скоростной поезд на Лондон.

— Что вы здесь делаете? — спросил Артур, когда вскоре после полудня я вошел в контору.

— Суд распустили до понедельника. Может быть, к этому времени сэра Джеймса будет готов принять у меня дела?

— Э-э-э, — заюлил Артур, — кажется, его процесс еще не кончился.

— Я вам плачу, чтобы вы лгали для меня, а не мне, — заметил я.

— Сэр Джеймс платит мне больше, — улыбнулся он.

На самом деле у меня вовсе не было намерения рассказывать сэру Джеймсу Хорли о моем новом свидетеле. Меньше всего я хотел, чтобы ему достались все лавры.

Я прошел в свой кабинет и позвонил шоферу Бобу.

— Подъеду через полчаса, — сказал он.

Еще я позвонил Элеанор и оставил сообщение на автоответчике. Она уехала из оксфордской гостиницы рано утром, чтобы успеть на работу. Она перезвонила мне на мобильный, когда Боб уже вез меня из конторы.

— Я в Лондоне, — сказал я ей. — В суде перерыв до понедельника. Я сейчас еду в Барнс разобраться с разгромом и, возможно, останусь там на ночь.

— Значит, я не еду в Оксфорд, — вздохнула она.

— Не едешь, — подтвердил я. — Меня там не будет до вечера воскресенья.

— До вечера воскресенья! — повторила она. — И до тех пор я тебя не увижу?

- Завтра днем я занят, а на ночь, если можно, приеду к тебе.
— Отлично, — ответила она.

Состояние моего дома было еще хуже, чем я ожидал. Там стало плохо пахнуть. Я открыл все окна, впустил свежий воздух. Потом в справочнике нашел телефон компании по уборке помещений и пообещал громадный бонус, если людей пришлют срочно.

Приехала команда из четырех человек. Казалось, этот ужасающий разгром их нисколько не обескуражил.

— Что, подростковая вечеринка? — на полном серьезе спросил один.

— Нет, злостный вандализм.

— Это одно и то же, — засмеялся он. — Скажите, есть здесь то, что вы непременно хотите сохранить?

— Не выбрасывайте того, что уцелело, и не выбрасывайте никаких бумаг, в каком бы состоянии они ни были.

— Ладно, — сказал он, объяснил задачу своей команде, и ребята начали орудовать швабрами, тряпками и щетками.

Я удивился, как быстро улучшилось положение дел. Уже часа через три обломки мебели были вынесены, ковры и коврики отчищены, кухня засияла хромом, вымытый пол блестел.

— Все, — сказал наконец глава уборщиков. — Не так уж и страшно. Вот ваши бумаги, — указал он на две картонные коробки на полу. К моему удивлению, чековая книжка уцелела.

Я выписал чек, и он ушли, унеся с собой почти все мои земные сокровища на ближайшую помойку.

И раз уж мне было не на чем спать, я решил не ночевать здесь. Часов в шесть я заказал такси и номер в «Новотеле».

Но все же хорошо, что я заехал домой. И не только потому, что привел в порядок оставшееся имущество. Ненависть и презрение к Джулиану Тренту разгорелись с новой силой. В груди у меня бушевал огонь, которым я и хотел его уничтожить.

В пятницу, в половине восьмого утра, Боб приехал за мной на своем «мерседесе», и мы отправились в Голдерз-Грин.

Когда мы прибыли на Финчли-роуд, 845, Джозеф Хьюз уже поджидал нас у дома. Он быстро перешел улицу и забрался на заднее сиденье машины.

— Доброе утро, Джозеф, — улыбнулся ему я.

— Доброе утро, — ответил он.

Вид у него был затравленный, как и в прошлый раз. Он озирался, постоянно бросал взгляды в заднее окно.

— Это Боб, — сказал я, указывая на шофера. — Боб стопроцентно на нашей стороне.

Боб странно посмотрел на меня, но я его взгляд проигнорировал.

— Куда едем? — спросил он.

— В Хендон, — ответил я.

Мы забрали Джорджа Барнетта с автобусной станции Хендона, где он назначил встречу, сказав, что не хочет, чтобы меня видели возле его дома.

Я представил его Бобу и Джозефу.

— Куда теперь? — снова спросил Боб. Я намеренно не сказал никому из них ни слова о нашем маршруте.

— В Уэйбридж.

Джозеф напрягся. Ему это не нравилось, и чем ближе мы подъезжали к Уэйбриджу, тем сильнее он волновался.

— Джозеф, — спокойно сказал я. — Единственное, чего я от вас хочу, — покажите, куда вам велели пойти, чтобы рассказать о том, что вы надавили на присяжных на первом суде над Трентом. Мы просто проедем мимо.

Он мямлил, что не поедет. Нелегко было преодолеть страх перед длинными руками Джулиана Трента.

Когда мы медленно ползли по Хай-стрит, Джозеф сжался на сиденье, а потом почти сполз на пол.

— Здесь, — сказал он, указывая на китайскую закусочную.

Над ней, на стекле окна второго этажа, было написано: «Кулстон и Блэк, солиситоры».

Боб остановил машину на противоположной стороне улицы, помог мне выйти и подал костыли. Я попросил его проследить, чтобы оставшиеся пассажиры не сбежали, пока меня не будет. А еще я попросил его ровно через три минуты вывести Джозефа из машины и прогуляться с ним до угла и стоять там, пока я не махну рукой из окна. После чего перешел улицу и поднялся в офис Кулстона и Блэка.

В маленькой приемной за столом сидела женщина средних лет в серой юбке и облегающей бордовой водолазке.

— Чем могу помочь? — спросила она, как только я открыл дверь.

— Здесь ли мистер Кулстон или мистер Блэк? — спросил я.

— Боюсь, оба они умерли, — улыбнулась она. Очевидно, ей регулярно приходилось давать такой ответ, и это ее забавляло. —

Единственный солиситор этой фирмы — мистер Гамильтон. Пойдете к нему?

— Да, пожалуйста.

— Нанесение телесных повреждений? — спросила она, глянув на костыли.

— Да.

— Как вас представить?

— Трент, — нагло сказал я. — Джулиан Трент.

Эффект получился ошеломляющий. Сначала она остолбенела, потом метнулась к двери, распахнула ее и влетела в соседнюю комнату. Там за столом сидел мужчина.

— Патрик, — сказала секретарша, — этот человек говорит, что он Джулиан Трент.

Патрик Гамильтон лучше владел собой — он лишь чуть прищурил глаза.

— Все в порядке, Одри. Он не Джулиан Трент. — Он посмотрел на меня. — Кто вы? И чего вы хотите?

— Расскажите все, что знаете о Джулиане Тренте, — потребовал я, усаживаясь на стул напротив него.

— С чего бы?

— В противном случае я пойду прямиком в Общество юристов и расскажу о роли, какую вы сыграли в снятии с Джулиана Трента обвинения в попытке убийства.

— Вы не сможете, — сказал он. — У вас нет доказательств.

— А вот тут вы ошибаетесь. Вы знаете Джозефа Хьюза?

Он слегка побледнел. Я встал и подошел к окну. Боб и Джозеф стояли на углу, напротив.

— Хотите, он сейчас поднимется сюда и опознает вас?

Он тоже встал и выглянул в окно. Потом тяжело опустился в кресло. Я помахал Бобу.

— Итак, — спросил я, — что вы знаете о Джулиане Тренте?

В общей сложности я провел в кабинете Патрика Гамильтона сорок пять минут, слушая еще одну печальную историю о том, к чему приводит жадность. Как и в остальных случаях, для начала попросили о немногом. Всего лишь, не задавая вопросов, оформить как данное под присягой заявление, которое сделает один человек. Потом последовали другие требования: явиться в Высокий суд и лжесвидетельствовать, чтобы убедить апелляционный суд в правомочности этого заявления. «Вы ничем не рискуете, — сказал посетитель, — Джозеф Хьюз никому ничего не скажет».

Я показал ему фотографию, и он съезжился. Можно было не спрашивать, узнал ли он своего посетителя. Видно было, что узнал.

Я поднялся, собираясь уходить.

— Последний вопрос, — сказал я. — Почему вы это сделали?

Я не надеялся получить ответ, но он ответил.

— Я много лет был семейным солиситором Трентов. Майкл и Барбара Трент сейчас переехали, но они жили здесь очень долго.

— Но ведь посетитель не был отцом Джулиана Трента?

— Нет. Это был его крестный отец.

На ланч я повез Джозефа Хьюза и Джорджа Барнетта в «Ранимед-отель», ресторан там выходит окнами на Темзу. К нам присоединилась Никки Пейн. Я специально выбрал место потише, чтобы рассказать Джозефу и Джорджу, что мы обнаружили и какая помощь мне нужна от них.

Мы четверо заняли столик у окна. Сначала болтали о том о сем, любуясь лодками, скользившими по реке, и наслаждаясь прохладным шабли. А когда с едой было покончено и нам принесли кофе, я рассказал им об убийстве Скотта Барлоу и о том, как сейчас в Оксфордском королевском суде за это убийство судят Стива Митчелла.

— Я видел отчеты в газетах, — кивнул Джордж.

— Таким образом, я не сомневаюсь, что Стива Митчелла подставили, — серьезно сказал я. — И я уверен, что подставил его именно этот человек. — Я положил перед ними ту же фотографию, что показывал Патрику Гамильтону.

Эффект был молниеносный. Оба, и Джозеф, и Джордж, отпрянули.

— Не бойтесь, — сказал я. — Он не знает, что мы здесь. А с вашей помощью я упрячу его за решетку, и он вас не достанет.

— Джулиан Трент уже был за решеткой, — сказал Джозеф. — И кто скажет, что он нас оттуда не достал? Где гарантия?

— Я согласен с Джозефом, — нахмурился Джордж.

Я понял, что теряю свидетелей.

— Давайте я объясню вам, что я собираюсь делать, и тогда вы решите, станете ли мне помогать. Но я упеку его так или иначе, с вашей помощью или без. Просто с вами будет легче.

И мы с Никки рассказали им, что мы раскопали, попросив сохранить это в тайне.

— Но зачем вам мы? — спросил Джозеф. — Почему вы не передадите все это в полицию, и пусть там разбираются?

— Можно и так, — сказал я. — Но тогда полиция целую вечность будет вести расследование, а тем временем Стива Митчелла осудят.

— Так что же вы собираетесь делать? — спросил Джордж. Я рассказал.

Мне нужна была полная уверенность, что все трое, включая Никки, сохраняют это в тайне, поэтому я рассказал не все. Рассказать все значило бы открыть Никки неудобную правду о том, что меня запугивали с целью повлиять на исход процесса, а это поставило бы ее перед необходимостью уведомить об этом суд.

Когда я закончил, все трое некоторое время сидели молча. Прервал молчание Джордж:

— Вы думаете, это сработает?

— Стоит попробовать. И это наверняка сработает, если вы двое сыграете свою роль.

— Что ж, я сыграю, — сказал Джордж.

— А вы мне поможете? — спросил я Джозефа.

— Да, — сказал он, глядя мне в глаза. — Помогу.

Боб поехал развозить по домам Джозефа и Джорджа, а Никки подбросила меня до вокзала. Когда я уже стоял на платформе и ждал поезда, мой телефон зазвонил.

— Алло, — отозвался я.

— Как тебя заставить делать то, что тебе велят? — Это был шептун.

— Никак, — сказал я и отключился.

Надеюсь, он никогда не узнает, насколько я был запуган. Я все еще боялся его, боялся того, что он может сделать.

Я позвонил отцу на мобильный, который купил ему недавно.

— Как отдыхается? — Я отправил его на море, в Сидмут, и поселил в гостинице «Виктория», надеясь, что уж здесь-то Джулиану Тренту не придет в голову его искать.

— Спасибо, неплохо, — сказал он. — Но тут одни старики. Когда можно будет вернуться домой?

— Скоро, — сказал я. — Я сразу же дам тебе знать.

— Зачем все это? — проворчал он. — Почему я должен здесь торчать?

— На следующей неделе я все тебе расскажу, — пообещал я, — а пока побудь там, пожалуйста, еще немного.

— Какой ты странный мальчик, — сказал отец. Он всегда так говорил.

— Может быть. Но прошу тебя, пап, оставайся пока там.

— Ну ладно, — неохотно согласился он.

Потом я позвонил Элеанор:

— Ты свободна сегодня вечером?

— И все выходные тоже, — радостно сказала она.

— Отлично. Тогда, пожалуйста, собери чемодан, поезжай на вокзал в Ньюбери и жди меня там.

— Джеффри, — заволновалась она, — ты меня пугаешь.

— Пожалуйста, Элеанор, — повторил я. — Прямо сейчас, как можно быстрее, уезжай подальше от лечебницы и от дома. Уедешь, позвони.

— Ладно. Уже иду.

— Я буду в Ньюбери через сорок пять минут. Постарайся за это время доехать и избегай глухих переулков. Только по главным дорогам!

Я сел в поезд и был как на иголках, пока Элеанор не сообщила, что выбралась из Ламборна и сейчас едет по шоссе М-4.

— За тобой нет слежки? — спросил я.

— Во всяком случае, не вижу, — ответила она.

— Отлично. Встретимся на вокзале в Ньюбери.

ЭЛЕАНОР подрулила к зданию вокзала, когда я как раз протискивался в дверь, на костылях и с чемоданом. Я быстро закинул чемодан на заднее сиденье ее машины и вскарабкался на пассажирское место. Она подалась ко мне, быстро поцеловала.

— Куда? — отъезжая, спросила она.

— В Оксфорд.

Я попросил Элеанор дважды объехать развязку, где А-34 пересекается с М-4, но если кто-то нас и преследовал, то я не заметил.

— Ты действительно думаешь, что кто-то может искать меня в Ламборне? — спросила Элеанор.

— Да. Эти люди ни перед чем не остановятся.

После этого Элеанор смотрела в зеркало заднего вида чуть ли не чаще, чем на дорогу впереди, но тем не менее до гостиницы мы добрались благополучно. А когда остановились у входа, у Элеанор зазвонил телефон.

— Алло, — ответила она и стала слушать. — Сьюзи, подожди минутку.

Она обратилась ко мне:

— Это Сьюзи, наш ветеринар. Говорит, пришел какой-то молодой человек, спрашивал обо мне. Назвался моим братом.

— А на самом деле?

— А на самом деле я единственный ребенок в семье. Молодой человек попросился в мою комнату и ждет меня там. Сьюзи внизу.

— Можно я с ней поговорю?

Элеанор протянула мне телефон, а я вложил ей в руку свой.

— Звони в полицию, — велел я. — Скажи, что в дом вторгся злоумышленник и что в этом же доме девушка, одна.

Я поднес телефон к уху.

— Сьюзи, — сказал я в трубку, — это Джеффри Мейсон, друг Элеанор.

— Знаю, — ответила Сьюзи. — Она мне про вас все уши прожужжала.

— Вы там в одиночестве? — спросил я.

— Да. Если не считать этого парня наверху. Все остальные ушли в паб, а я не пошла.

— Сьюзи, я не хочу вас пугать, но этот молодой человек — не брат Элеанор. Кроме того, он очень опасен. Элеанор сейчас звонит в полицию.

— Господи! — потрясенно сказала она.

— Сьюзи, — продолжал я, — выбирайтесь из дома так, чтобы он вас не видел, бегите в паб и оставайтесь там со всеми.

— Да-да, конечно.

— Продолжайте говорить со мной, выходя из дома. Не отключайтесь.

Я услышал скрип открываемой двери, шорох гравия у нее под ногами.

— Он идет за мной! — вскрикнула она.

— Бегите!

Я услышал торопливые шаги, потом хлопнула дверь машины и раздался щелчок замка.

— Я в своей машине, — тяжело дыша, сказала она. — Ой! — закричала она в панике. — Он преграждает мне путь!

— Где Элеанор Кларк? — услышал я крик Джулиана Трента.

— Уйди! — взвизгнула Сьюзи. — Я звоню в полицию!

— Где Элеанор? — вопил Трент, колотя в окно машины.

— У своего бойфренда, в Лондоне.

Все затихло, слышалось только ушаченное дыхание Сьюзи.

— Сьюзи? — сказал я. — Что произошло?

— Он ушел обратно к лечебнице, — ответила она.

— Полиция уже едет, — сказал я. — Оставайтесь в машине, пока они не придут. — Я очень надеялся, что Трент ушел не за своей верной бейсбольной битой и, вернувшись, не разгромит машину Сьюзи.

— Кто это был, черт возьми? — спросила меня девушка.

— Не знаю, — соврал я. — Но уж точно не брат Элеанор. Я думаю, какой-нибудь маньяк, что охотится за женщинами.

— Ой! — снова взвизгнула она. — Он мог меня изнасиловать.

— Сьюзи, — сказал я успокаивающе, — радуйтесь: он этого не сделал. Все в порядке.

— Полиция приехала, — сказала она с облегчением.

— Хорошо. Позвоните Элеанор, когда поговорите с полицией.

— Ладно, позвоню. — Теперь ее голос звучал совершенно нормально. Эти девушки-ветеринары сделаны из крепкого материала.

Я вернул телефон Элеанор.

— Почему ты не сказал Сьюзи, что это Джулиан Трент? — спросила она.

— Мы же не знаем этого точно, хотя и почти уверены. Полиции придется связаться с нами. И если мы захотим, мы назовем имя Трента — как подозреваемого.

— Но почему ты вдруг решил, что сейчас мне угрожает опасность от Джулиана Трента? Ведь раньше ты так не думал?

— Потому что, когда моего свидетеля вызвали повесткой в суд, он убедился, что я не стану делать, чего он хочет. И я подумал, что он попробует использовать тебя, чтобы оказать на меня давление.

— Похоже, ты не ошибся. И что теперь?

— Элеанор, никто как следует не понимает, с какими людьми мы имеем дело. Это долгая история шантажа и убийств, и эти люди с легкостью могут тебя убить, прихлопнуть, как муху. Но я им этого не позволю.

Зная, что четверть часа назад Джулиан Трент был в Ламборне, мы с Элеанор спокойно выбрались из машины, взяли вещи и вошли в гостиницу.

Я запер дверь в наш номер, позвонил портье, попросил не беспокоить и заказал бутылку красного вина. Если нам с Элеанор суждено провести все выходные взаперти, это не значит, что мы не можем позволить себе маленьких радостей.

ГЛАВА 11

Встать, суд идет! — объявил секретарь суда.
Вошел судья и занял свое место. Все остальные тоже сели.
Суд начал свою работу.

— Мистер Мейсон, — сказал судья.

— Да, милорд. — Я поднялся.

— Ваш свидетель здесь?

— Насколько мне известно, да, — ответил я.

Я сам не выходил проверить, но Брюс Лайгон был доволен.

С вечера пятницы я не вышел на улицу ни разу.

В пятницу, в половине одиннадцатого вечера, в гостиничном номере раздался телефонный звонок.

— Мистер Мейсон, прошу прощения за беспокойство, — сказала дежурная, — но тут звонит ваш племянник и очень хочет с вами поговорить. Мне очень жаль, но он говорит, что ваш престарелый отец упал и его увезли в больницу.

— Вы подтвердили моему племяннику, что я здесь? — спросил я.

— Конечно, — ответила она. — Соединить вас?

— Спасибо, — сказал я.

Раздался щелчок, но на линии никого не было. Трент уже получил необходимую информацию.

После чего мы с Элеанор не выходили из номера все выходные. Мы заказывали еду в номер и, когда ее доставляли, просили работника гостиницы убедиться, что в коридоре никого нет. Вероятно, они решили, что мы сумасшедшие.

Я позвонил Брюсу, чтобы обсудить, как нам безопаснее добраться до суда в понедельник. Сказал, что, мол, не хочу столкнуться со своим свидетелем до слушаний. У него возникла гениальная идея нанять частную охранную фирму и привезти меня в тюремном фургоне. Фургон доставил нас в суд через служебные ворота на заднем дворе. Элеанор позвонила в свою лечебницу, предупредила, что на работу не выйдет, и сейчас, во время суда, сидела у меня за спиной, рядом с Брюсом.

— Хорошо, — сказал судья и кивнул судебному исполнителю.

Тот пошел за присяжными. Пока ждали присяжных, я огляделся. Ложа прессы уже не была переполнена, как в начале процес-

са. На местах для публики сидело всего человек пятнадцать, в первом ряду, как всегда, мистер и миссис Барлоу.

Присяжные — пятеро мужчин и семь женщин — вошли и заняли свои места. Надеюсь, они хорошо отдохнули в эти выходные, подумал я. Сегодня им надо быть на высоте, ибо сегодня-то все и произойдет.

— Мистер Мейсон, — произнес судья, посмотрев на меня с кафедры.

Пора!

— Спасибо, милорд. — Я поднялся. — Защита вызывает мистера Роджера Радклиффа.

Судебный исполнитель подвел Роджера Радклиффа к свидетельскому месту и попросил назваться полным именем.

— Роджер Кимбл Радклифф, — звучно произнес тот, после чего ему дали Новый Завет и попросили вслух прочесть текст с карточки. — «Клянусь всемогущим Господом говорить правду, только правду и ничего кроме правды».

«Будем надеяться», — подумал я.

А Радклифф уже обращался к судье:

— Ваша честь, я не имею ни малейшего представления, почему меня сегодня попросили прийти сюда. Скотта Барлоу я знал только понаслышке. Он не скакал на моих лошадях. Я занятой человек, и я не намерен попусту тратить время.

— Мистер Радклифф, — ответил судья, — защита имеет право вызвать кого угодно, лишь бы его показания помогли суду. Если я сочту, что ваше присутствие является пустой тратой времени, я так и скажу. Но решение буду принимать я, а не вы. Вы поняли?

— Да, ваша честь, — сказал Радклифф.

— Мистер Мейсон, — пригласил судья.

— Спасибо, милорд.

Тишина в зале стала почти осязаемой, и все взгляды устремились на меня.

— Мистер Радклифф, — начал я, — будьте любезны, расскажите присяжным, чем занимается ваша компания.

Этого он не ожидал — и, кажется, слегка расслабился.

— Мой главный бизнес — Радклиффовский центр жеребенка.

— Не будете ли вы так любезны объяснить присяжным, чем он занимается?

— Ежегодно к нам поступает около сотни кобыл, они у нас жеребятся, получая необходимую ветеринарную помощь и уход.

— Как давно существует ваш бизнес? — спросил я.

— Около восьми лет, но в последнее время он сильно расширился.

— Были ли какие-то особые причины для его роста?

— Дела пошли хорошо, и за последний год я смог вложить в компанию значительные средства.

— Не обязаны ли вы этой возможностью вашему жеребцу по кличке Пенинсула?

— Да, — сказал он. — Именно так.

— Некоторые присяжные не знакомы с миром скачек, поэтому расскажите им, пожалуйста, о Пенинсуле.

— Строго говоря, Пенинсула больше не моя лошадь. Как племенной жеребец он принадлежит теперь нескольким индивидуальным владельцам и организациям. Я оставил себе только две доли из шестидесяти.

— Но когда он еще был скаковой лошастью, его владельцем были вы?

— Да. — Он улыбнулся от приятных воспоминаний. — Я его воспитал. Он родился у меня в Центре.

— Достиг ли он успеха на скачках?

— Да, разумеется. Он был чемпионом среди двухлеток и в 2007 году был признан лучшей лошастью года. — Радклиффу явно было приятно рассказывать об этом. — В мае прошлого года он выиграл приз в Ньюмаркете, в июне — дерби в Эпсоме, а в октябре — Кубок заводчиков в Калифорнии. Это был великий год. — Он улыбнулся присяжным, и многие улыбнулись ему в ответ.

В зал суда тихонько вошла Никки и села рядом с Элеанор.

— Все готово, — тихо шепнула она мне в спину.

— Хорошо, — шепнул я в ответ, обернувшись к ней. — Следите за мной из-за двери, я дам сигнал.

Она встала, слегка поклонилась судье и исчезла.

— Мистер Мейсон, — сказал судья, — и мне, и присяжным, я уверен, очень нравится эта маленькая лекция о мире скачек, но не объясните ли вы, какое отношение это имеет к нашей теме?

— Да, милорд, — как бы смущенно сказал я.

Роджер Радклифф явно наслаждался моим смущением. Что ж, подумал я, пора стереть с его физиономии эту самодовольную улыбку.

— Мистер Радклифф, насколько хорошо вы знаете обвиняемого, Стива Митчелла?

— Митчелл был жокеем — чемпионом в скачках с препятствиями, — сказал он. — Я сам не держу лошадей для прыжков через барьеры, но я о нем слышал. Несколько раз мы встречались на торжествах. Точно уже не помню.

— А Милли Барлоу, сестру Скотта Барлоу? Ее вы знали?

Он едва заметно прищурился.

— Не думаю, — спокойно сказал он.

Первая ложь.

— Она была хирургом-ветеринаром, специалистом по лошадям. К сожалению, в прошлом июне она умерла. Не помните?

— Какая-то девушка-ветеринар умерла прошлым летом на вечеринке. Это она?

— Да, — подтвердил я. — И следствие установило, что она покончила с собой, введя себе тиопентал.

— Печально, — сказал он.

— Мистер Радклифф, не было ли у вас романа с Милли Барлоу?

— Нет, не было, — почти выкрикнул он. — Как вы смеете выдумывать такие вещи?! — Он посмотрел на места для публики, где сидела его жена Дебора, которая пришла в суд вместе с ним.

— Вы присутствовали на вечеринке, где умерла Милли Барлоу?

— Да, не отрицаю, присутствовал.

— Вы помните, по какому поводу устроили эту вечеринку?

— Да. Это была вечеринка, которую мы устроили с Саймоном Дэйси, чтобы отпраздновать победу Пенинсулы в дерби.

— Саймон Дэйси был тренером этой лошади?

— Да.

— Не помните ли вы, почему Милли Барлоу была приглашена на эту вечеринку?

— Понятия не имею. Я уже сказал, я не был с ней знаком.

— Тогда почему же, — я взял со стола лист бумаги, — вы приобрели новый спортивный автомобиль и подарили ей?

Он заволновался было, но тотчас взял себя в руки.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю о красной «Мазде МХ-5 Родстер», купленной в сентябре 2007 года в автосалоне в Ньюбери, — я сверился с листком, который раздобыла для меня Никки, — за пятнадцать тысяч семсот фунтов стерлингов.

Он молча смотрел на меня.

— Мистер Радклифф, — сказал я, — в прошлую пятницу помощница моего солиситора посетила этот автосалон, и там ей

сказали, что за эту машину расплатились сразу, причем банковским чеком, что весьма необычно. На чеке не было имени покупателя. Однако сотрудник автосалона идентифицировал вас по этой фотографии. — Я поднял и продемонстрировал глянцевую брошюру, которую прихватил в Радклиффовском центре, когда впервые там оказался, брошюру с улыбающимися Роджером и Деборой на обложке. Брошюру, которую я показывал Патрику Гамильтону, а потом Джозефу Хьюзу и Джорджу Барнетту. — Если хотите, я могу вызвать продавца в суд как свидетеля. Итак, мистер Радклифф, пожалуйста, объясните присяжным, почему вы подарили Милли Барлоу совершенно новый автомобиль.

— Не ваше дело, — грубо ответил Радклифф.

— Мистер Радклифф, — вмешался судья, — отвечайте на вопрос. В противном случае вопросом может заинтересоваться полиция.

Еще минуту Радклифф молчал, потом улыбнулся.

— Это был подарок ей за отличную работу, ведь это она приняла Пенинсулу, когда он родился. Она была дежурным ветеринаром. Я не хотел афишировать свое имя, покупая машину, чтобы налоговое управление не расценило это как плату за услуги и не потребовало у нее уплаты подоходного налога, — усмехнулся он. — Но я заплачу этот налог.

«Хорошо сыграл, — подумал я. — Быстро соображает».

— А может, вы откупились этой машиной, потому что Милли вас шантажировала? — спросил я.

— Шантажировала? Что за чушь!

Я помахал рукой Никки, которая наблюдала за мной из-за стеклянной двери, и она вошла в сопровождении еще двоих мужчин. Когда Роджер Радклифф увидел вновь пришедших, краска отлила от его щек. Джозеф Хьюз и Джордж Барнетт молча смотрели на него.

— Мистер Радклифф, — задал я свой следующий вопрос, — знаете ли вы Джулиана Трента?

На сей раз Роджер Радклифф заволновался всерьез. В уголке его глаза появился тик, но я не сомневался, что за стальной завесой этих серых глаз его мозг молниеносно просчитывает варианты.

— Джулиан Трент — ваш крестник, не так ли? — добавил я.

— Да, — тихо сказал он.

— Прошу прощения, мистер Радклифф, не могли бы вы говорить громче? Присяжные не слышат вашего шепота.

От него не укрылась моя ирония, и он ответил мне весьма выразительным взглядом.

Я отметил, что ложа прессы заполнилась — журналистов стало значительно больше, чем в самом начале заседания. Вероятно, наружу просочилась молва, что дело приобретает интересный оборот.

— Итак, — сказал я, — вернемся к вопросу о шантаже. Вы сказали, что купили новую машину и подарили ее Милли Барлоу. Это так?

— Да.

— Повторяю вопрос. Была ли эта машина подарена Милли Барлоу, потому что она вас шантажировала?

— Нет. Это полная чепуха.

Я взял со стола еще несколько листов бумаги.

— Это выписка с банковского счета Милли Барлоу. Из нее следует, что Милли регулярно переводились деньги помимо и сверх ее зарплаты в лечебнице. Эти деньги тоже платили ей вы, мистер Радклифф? За молчание?

— Нет, — ответил он.

Но кое-кто из присяжных отнесся к этому скептически.

— Мистер Радклифф, — сказал я, меняя тему. — В вашем Центре жеребенка у вас возникает нужда в обезболивающих препаратах?

— Нет, — твердо ответил он. — Для чего?

— Может быть, при кесаревом сечении?

— Нет, — сказал он столь же уверенно. — Тогда кобылу отправляют в одну из местных ветеринарных лечебниц и делают анестезию там.

— А если жеребенок родился с сильными повреждениями?

— Такое бывает крайне редко.

— Но, должно быть, случалось раз-другой на вашей памяти. Разве жеребенка в этом случае не надо извлечь немедленно?

Он понимал, к чему я клоню, и это ему не нравилось.

— Наверное, так, — сказал он.

— Так не используется ли для этой цели большая доза обезболивающего, такого, например, как тиопентал?

— Не знаю, — сказал он.

— Мистер Радклифф, — я снова сменил тему, — знаете ли вы некоего Жака ван Ренсбурга?

— Не думаю, — ответил он, но при этом pokrылся потом.

— Вы могли знать его как Джека Ренсбурга. Он работал у вас конюхом.

— В сезон мы нанимаем очень много конюхов, — сказал он, — они постоянно приходят и уходят. У нас было несколько Джеков.

— Давайте я вам помогу. У меня есть его фотография.

Я вынул из папки пачку фотографий Милли с жеребенком и протянул одну — судье, одну — обвинению, шесть — присяжным и, наконец, одну — Радклиффу.

— Дамы и господа присяжные, — сказал я, — на этой фотографии вы видите новорожденного жеребенка. Женщина — это Милли Барлоу, хирург-ветеринар, а мужчина позади нее — это Жак ван Ренсбург. Правильно, мистер Радклифф?

— Если вы настаиваете.

— Настаиваю. А жеребенок — это Пенинсула, который впоследствии стал таким знаменитым чемпионом. Правильно?

— Может быть, — сказал он. — Не могу сказать. Все жеребята похожи друг на друга.

— Конечно, — согласился я. — Но я вас уверяю, что жеребенок на этой фотографии — Пенинсула. Это был самый первый жеребенок, которого приняла Милли Барлоу сама, без посторонней помощи. Она так гордилась этим, что поместила эту фотографию в серебряную рамку. Правильно, мистер Радклифф?

— Понятия не имею, — сказал он.

— После смерти сестры Скотт Барлоу взял фотографию в серебряной рамке себе на память. Но в ту ночь, когда его убили, фотографию вытащили из рамки, и она исчезла из его дома. Как вы думаете, почему?

— Понятия не имею, — повторил он.

— Объясняю, мистер Радклифф: фотография исчезла, потому что Скотт Барлоу использовал ее, чтобы шантажировать вас так же, как ранее — его сестра. Правильно?

— Нет, — сказал он. — Я не знаю, о чем вы говорите.

— Жак ван Ренсбург до сих пор на вас работает?

— Нет, — сказал он. — Не думаю.

— Нет, — подтвердил я. — Как он может на вас работать? Он ведь мертв. Правильно, мистер Радклифф?

— Понятия не имею, — все твердил он.

— Думаю, что имеете. Жак ван Ренсбург отправился в отпуск в Таиланд, так?

— Если вы утверждаете.

— Это утверждаю не я, мистер Радклифф, это утверждает южноафриканское Министерство внутренних дел. Он уехал в отпуск в Таиланд и не вернулся. Вы знаете, почему он не вернулся?

Роджер Радклифф молчал.

— Он не вернулся потому, что утонул на пляже в Пхукете во время азиатского цунами 2004 года. Иногда его называют «цунами второго дня Рождества», потому что трагедия произошла двадцать шестого декабря. Правильно?

Он и не думал отвечать.

Я продолжал:

— А раз Жак ван Ренсбург утонул в Таиланде двадцать шестого декабря 2004 года, то, значит, эта фотография сделана до Рождества. И таким образом, хотя запись о рождении, представленная вами в «Уэзербиз», показывает иное, Пенинсула родился до первого января 2005 года, а следовательно, официально был четырехлетней, когда в прошлом году на дерби выиграл приз «Две тысячи гиней», а не трехлетней, как того требуют правила соревнований.

Казалось, целую вечность тишину в зале суда нарушали лишь шелест карандашей по бумаге в ложе прессы и тихие всхлипывания Деборы Радклифф.

Судья пристально посмотрел на Роджера Радклиффа, молча стоявшего на свидетельском месте с опущенной головой.

— Ну? — сказал судья. — Свидетель, отвечайте на вопрос. Был ли Пенинсула четырехлетней, когда выиграл дерби?

Радклифф поднял голову:

— Я отказываюсь отвечать.

Это было очень близко к признанию, которое мы хотели получить.

Но я еще не закончил.

— Мистер Радклифф, — сказал я. — Вы убили Милли Барлоу, потому что она продолжала шантажировать вас и после победы Пенинсулы на дерби выдвинула новые требования?

Он резко вскинул голову и посмотрел на меня.

— Нет, — сказал он.

— И затем вы убили Скотта Барлоу, когда он стал вас шантажировать вместо умершей сестры?

— Нет, — повторил он.

— Или это сделал ваш крестник Джулиан Трент, благодаря вам вышедший на свободу, после того как вы запугали этих лю-

дей? — Я взмахнул рукой, указывая на Джозефа Хьюза и Джорджа Барнетта.

Налет благопристойности с него как ветром сдуло.

— Заткнись! — заорал он на меня. — Проклятый адвокатишка! Я и тебя убью!

Он рванулся ко мне, но не успел сделать и пары шагов, как его окружили охранники.

Судья ударил молоточком и восстановил тишину.

— Защита закончила, милорд, — сказал я и сел.

Сам Перри Мейсон мог бы мной гордиться.

Суд объявил перерыв на обед. Детектив инспектор Макнил арестовал Роджера Радклиффа. Того, кто был для меня Шептуном, увели.

Королевский обвинитель крепко пожал мне руку.

— Великолепно, — произнес он с явной теплотой. — В английском суде нечасто случается такое увидеть.

— Спасибо, — сказал я. — Я намерен требовать оправдательного приговора.

— Это к судье, старина, — ответил он. — Но не думаю, что с нашей стороны возникнут возражения.

Элеанор сзади обняла меня за плечи.

— Ты был неподражаем.

Я обернулся к ней и улыбнулся. Джозеф Хьюз и Джордж Барнетт, сидевшие за ее спиной, сияли так, как будто боялись, что улыбаться завтра будет не модно и надо успеть.

— Вы совершили мужественный поступок, — сказал я им. — Если бы вы не пришли, он бы выкрутился.

Они заулыбались еще шире, если такое возможно.

— Не выпить ли нам кофе? — предложил я.

Элеанор, Джозеф, Джордж, Брюс, Никки и я сели за столик кафетерия в коридоре суда и стали чокаться пластиковыми стаканчиками с кофе из автомата, поздравляя друг друга с успехом.

— Но почему так важен возраст лошади? — спросил Брюс. — Какая разница, была ли лошадь на год старше, когда участвовала в дерби? Я понимаю, что это обман, но неужели из-за этого можно пойти на убийство? Это же всего лишь скачки.

— Это были бы всего лишь скачки, — ответил я, — если бы скачки не стали большим бизнесом. Пенинсула был продан в завод за шестьдесят миллионов долларов. И этим он обязан в основ-

ном тому, что выиграл эти скачки как трехлетка, обойдя других трехлеток. На «классических» соревнованиях в Англии разрешено бежать только лошадям этого возраста.

— Я этого не знал, — сказал Брюс.

— Пенинсула был синдицирован, его стоимость была разбита на шестьдесят долей, — сказал я. — Радклифф оставил себе две, следовательно, пятьдесят восемь других держателей долей заплатили ему по миллиону долларов. Подозреваю, что большинство из них захочет вернуть свои деньги. Грязная получилась история.

— Но почему Радклифф не зарегистрировал лошадь по реальной дате рождения и не выпустил выступать годом раньше? — спросил Джозеф.

— Большинство скаковых лошадей рождается между февралем и концом апреля. Штука в том, чтобы кобылы понесли в правильный момент. Чтобы жеребята родились как можно раньше, как только начнется новый календарный год. Чтобы они реально были как можно старше, не будучи официально старше на год. Наверное, Пенинсула был первым жеребенком у кобылы, возможно, он родился преждевременно. И вероятно, Радклифф решил сохранить его рождение в тайне до января. Если бы он зарегистрировал Пенинсулу в декабре, с первого января тот официально считался бы годовалым, будучи биологически младше месяца. Это поставило бы его в очень невыгодное положение. Он все равно стал бы хорошей лошадью — но не великой. Не шестидесятимиллионной. Не говоря уже о призовых деньгах, которые Радклиффу теперь придется вернуть.

— А Милли знала правду, потому что присутствовала при рождении Пенинсулы, — сказала Элеанор.

— Именно, — согласился я. — Вероятно, Радклифф платил ей за молчание. Но, может быть, она пожалничала, и это стоило ей жизни. Наше счастье, что ты нашла эту фотографию Милли с жеребенком. Смешно, но если бы Радклифф не вытащил фотографию из рамки в доме Скотта Барлоу, мне бы и в голову не пришло, насколько она важна.

— А как ты узнал про машину Милли? — спросила Элеанор.

— У меня появились подозрения, когда я не обнаружил регулярных платежей ни одной автомобильно-кредитной компании в банковской истории Милли. И крупного платежа в тот период, когда, судя по твоим словам, у нее появилась машина, тоже не было. Поэтому я послал Никки в центр продаж «мазды», чтобы

задать несколько вопросов. Я обнаружил, что Радклифф связан с Джулианом Трентом, только в пятницу, когда показал его фотографию Джозефу и Джорджу.

— А Трент? — спросил Джордж. — Что с Трентом?

— Надеюсь, его разыскивает полиция в связи с убийством Барлоу. Но я намерен с ним разобраться.

— Как и все мы, — сказал Джордж.

Он все еще боялся столкнуться с Трентом лицом к лицу. И не напрасно.

ГЛАВА 12

В два часа дня суд собрался вновь. Едва я сделал заявление, как судья тут же спросил обвинение о позиции Короны, и королевский обвинитель засвидетельствовал, что Корона не возражает против его удовлетворения. Судья поручил присяжным вынести оправдательный приговор, и Стив Митчелл был освобожден прямо в зале суда.

Молва распространяется быстро, и, когда в три мы с Брюсом и Стивом вышли из здания суда, нас встретила целая толпа репортеров и несколько телекамер. Пробриться к такси было невозможно, и Элеанор крикнула, что сейчас подгонит машину.

— Будь осторожна! — крикнул я ей в ответ, имея в виду Джулиана Трента.

Стив и Брюс охрипли, отвечая на вопросы, и даже у меня ушные журналисты выманили несколько замечаний. Наконец нас оставили в покое.

— Чертовски здорово, Перри, — сказал Стив, тряся мне руку. — Почти как выиграть Национальный кубок. Спасибо тебе большое.

Я решил пока не заговаривать о гонораре — во всяком случае, сегодня не заговаривать.

Брюс и Стив пошли пешком, а я отступил в здание суда, чтобы там подождать Элеанор с машиной.

Я позвонил отцу:

— Привет, пап. Как дела?

— Как хорошо дома! — ответил отец.

В голове у меня набатом забила тревога.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «дома»?

— Я вернулся минут десять назад. Выехал из отеля, как только получил твоё сообщение.

— Но я не отправлял тебе никакого сообщения!

— Как не отправлял? На телефон. Текстовое сообщение. Подожди. — Я услышал, как он нажимает кнопки. — Вот оно. «Привет, папа. Все хорошо. Можно возвращаться домой. С любовью, Джеффри».

— Во сколько ты его получил? — спросил я.

— Примерно в половине одиннадцатого утра.

В половине одиннадцатого Радклифф был на свидетельском месте. Сообщение мог послать только Джулиан Трент.

— Я же просил тебя никому не говорить, где ты.

— Я и не говорил. Никто, кроме тебя, не знает, где я.

— А кто, кроме меня, знает номер этого телефона? — спросил я.

— А, ну я в субботу дал его Берил и Тони. Соседям. Если вдруг что-то случится с домом.

Я живо представил себе, как Джулиан Трент, обнаружив, что в доме пусто, во всеоружии своего обаяния пошел опрашивать соседей, не знают ли они, куда подевался мистер Мейсон.

— Пап, — скомандовал я, — пожалуйста, сядь в машину и уезжай. Куда угодно. Только подальше от дома.

— Да за каким чертом? Я только что вошел.

— Пап, пожалуйста, и побыстрей.

— Ну ладно, — сказал он. — Какой ты все-таки странный.

— Пап, и возьми с собой телефон. Я тебе перезвоню через минуту.

К зданию суда подкатила Элеанор, и я захромал к машине.

— Едем, — скомандовал я, взобравшись на сиденье. — Отец вернулся в деревню, и боюсь, Трент уже бродит вокруг его дома. Трент послал ему сообщение, якобы от меня, чтобы он возвращался домой.

— Какой ужас! — И Элеанор нажала на акселератор.

— А я позвоню в полицию.

Я набрал 999, и оператор почти тотчас же ответил. Элеанор свернула на Корнмаркет-стрит, которая вообще-то была пешеходной, но это сильно сокращало путь. Вскоре мы выехали из города. Я услышал, как в полиции взяли трубку, и оператор назвал мой номер.

— Да, — наконец сказал полицейский, — чем можем помочь? Я сказал, что мой отец в опасности, под угрозой вторжения злоумышленника.

— Так на данный момент вторжения еще не произошло? — переспросил полицейский.

— Нет, — ответил я. — Но злоумышленник рядом с домом.

— Но мы ведь не можем посылать патрульную машину только потому, что кому-то кажется, что когда-нибудь на него нападут, не правда ли, сэр?

— Послушайте, — сказал я. — Я барристер, я работал в Королевском суде в Оксфорде, и у меня есть основания думать, что мой отец в опасности. Я сейчас еду к нему, но я там буду не раньше чем через двадцать минут. Прошу вас, пошлите патрульную машину немедленно!

— Я попробую, сэр, — ответил он, — но на это потребуется некоторое время.

— Безнадежно, — отключившись, сказал я Элеанор и набрал номер отца. — Ты вышел из дома? — спросил я его.

— Почти, — ответил он.

— А что ты так долго копался? — раздраженно сказал я. С момента, когда я позвонил ему в первый раз, прошло минут десять.

— Искал подарочек, который купил Берил и Тони в Сидмуте. Я же помню, я положил его в чемодан.

— Папа, пожалуйста, — я почти кричал, — беги из дома!

— Ага! — воскликнул он торжествующе. — Нашел!

— Очень хорошо. Теперь выходи из дома.

— Подожди минутку, — сказал он. — Там кто-то в дверь стучит.

— Не открывай! — заорал я, но он меня явно уже не слышал.

Телефон он не отключил, и до меня издали доносился разговор у дверей.

— Чего вам надо? — спросил отец.

Ответа незваного гостя я не расслышал, но в голосе отца появилось беспокойство.

— Мне не нужно, уходите.

Вдруг раздался треск, и телефон замолчал. Я набрал домашний, но раздавались только длинные гудки, пока кто-то не снял трубку. Потом телефон замолчал. Я снова набрал номер, на сей раз послышались короткие гудки.

— Кажется, Джулиан Трент уже там.

— Позвони в полицию, — сказала Элеанор.

На сей раз меня соединили уже с другим полицейским, и он сразу пообещал послать патрульную машину.

— Когда она прибудет? — спросил я.

— Минут через двадцать, — ответил он. — В лучшем случае.

— Двадцать минут! — не веря своим ушам, повторил я. — Это невозможно! Пошлите туда кого-нибудь немедленно!

Элеанор ехала на сумасшедшей скорости, но мы добрались до Кингз-Саттон благополучно и в рекордное время. Она припарковалась там, где я сказал, — вне поля зрения, если смотреть из отцовского дома.

— Жди здесь, — приказал я. — Когда приедет полиция, покажешь им нужный дом.

— Может, и ты дождешься полиции? Пожалуйста!

— Элеанор, милая, там мой отец с Джулианом Трентом.

Элеанор крепко обняла меня.

— Тогда будь осторожен. Я люблю тебя.

— Я люблю тебя сильнее, — ответил я и отстранился. Нужно было спешить.

Я осторожно прошел по газону вдоль стены к входной двери. Она была распахнута настежь. На полу валялся мобильный телефон.

Я вошел в холл, стараясь, чтобы костыли не так громко цокали по деревянному полу. Но можно было не беспокоиться. Продвигаясь по коридору, я услышал, как в спальне Джулиан Трент бейсбольной битой крушит все вокруг.

Я заглянул в гостиную. Отец лежал лицом вниз на ковре, голова в луже крови. Я быстро подошел к нему, осторожно перевернул. Его сильно ударили по лицу, за правым ухом виднелась глубокая рана. Я не понял, дышит он или нет, и безуспешно старался нащупать пульс на шее. Впрочем, из раны на голове сочилась кровь, что обнадеживало.

«Где же эта чертова полиция?» — думал я.

Шум в спальне внезапно смолк, и я услышал шаги Трента в коридоре. Я поднялся и спрятался за открытой дверью гостиной.

Отец застонал. Трент услышал стон и ступил на порог. Я посмотрел на отца и с ужасом увидел, что оставил на ковре рядом с ним костыль. И забирать его было уже поздно.

Трент вошел в гостиную. Я видел только конец его бейсбольной биты, которой он вертел перед собой.

— О'кей, — громко сказал он. — Я знаю, что ты здесь. Выходи.

Дверь закрылась, обнаруживая мое убежище, и он возник передо мной, поигрывая битой.

— Пора покончить с недоделками, — сказал он.

— Не поможет, — возразил я. — Твоего крестного утром арестовали, а сюда едет полиция.

— Значит, придется сделать это быстро. Какой ужас, а я хотел продлить удовольствие. — И он занес биту над моей головой.

В последний миг я поднырнул, и деревянная бита обрушилась на стену, туда, где секундой раньше была моя голова. Я отскочил, запрыгал на одной ноге по комнате, но все же это было очень медленно, и Трент опять поднял биту — она угодила мне в левый бицепс. Удар был непрямым, но рука повисла, как плеть. Тяжело дыша, я прислонился к стене у окна. Я был не в форме — сказывались два месяца в гипсе после падения в Челтнеме. Похоже, эта битва кончится для меня слишком скоро.

Ухмыляясь, Трент двинулся ко мне и снова занес биту для удара. Я выжидал, собравшись и глядя на него.

В последний момент я отпрянул влево, и бита ударила в стену у меня над правым плечом. Я перехватил ее обеими руками, здоровой правой и почти бесполезной левой, и вцепился в нее что было сил.

Подняв руки, я открыл корпус. Трент ударил меня кулаком в солнечное сплетение. Это была фатальная для него ошибка — он ведь не знал, что под накрахмаленной белой рубашкой у меня панцирь из жесткого пластика.

Он вскрикнул от боли. Должно быть, это было все равно что ударить изо всех сил в кирпичную стену. Он выронил биту и шлепнулся на колени, сжимая правое запястье.

Но так легко он у меня не отделается! Я нанес ему удар его же битой и, судя по звуку, сломал ему челюсть. Он рухнул на пол и потерял сознание.

Я присел на подлокотник дивана и выглянул в окно. Ничего похожего на парней в синем, но теперь мне было уже спокойнее. Я взял телефонную трубку и вызвал «скорую помощь». Потом подошел к отцу. Он дышал, и на руке прощупывался слабый пульс. Я уложил его поудобнее, он тихо застонал, я стал гладить его по голове.

Тут застонал и Джулиан Трент. Я вернулся на диван и стал наблюдать за ним. Он зашевелился, стал подтягивать колени к животу и, не поднимая головы, затылком ко мне, встал на четвереньки.

ки. Потом медленно потянулся левой рукой к бейсбольной бите, которую я оставил на диване.

Он ведь не сдастся, подумал я и взял биту, чтобы, не дай бог, не дотянулся. Тогда он оперся на левую руку, пытаясь встать.

Нет, вдруг понял я. Он не сдастся, и он не исправится никогда. Никогда.

Мы с Элеанор начнем совместную жизнь, но призрак Джулиана Трента будет вечно кружить поблизости, ища возможности отомстить. Даже если его посадят за убийство Скотта Барлоу, в тюрьме он будет строить планы, как «покончить с недоделками». И мы будем жить в постоянном страхе, как Джозеф Хьюз и Джордж Барнетт. Пока будет жив Джулиан Трент.

Я снова глянул в окно. Ни полиции, ни «скорой помощи».

Джулиан Трент вытянул левую ногу и стал подниматься.

Сейчас или никогда.

Я встал, поднял повыше его бейсбольную биту и ударил. Удар пришелся в основание черепа. Что-то жутко хрустнуло, он упал ничком и затих.

Не знаю, был то смертельный удар или нет, но с меня довольно. Я вложил в этот удар все разочарования и страхи последних месяцев, гнев за разгром моей квартиры, ярость при виде разорванной фотографии Анджели, злость за то, что он сделал с отцом.

И снова уселся на подлокотник дивана. Наконец-то все кончено. Честно говоря, я подсознательно чувствовал, что все сделал правильно и что суд должен признать это самозащитой.

Еще раз выглянув в окно, я наконец увидел двух полицейских.

Но теперь мне нужна была помощь иного рода.

Я вынул телефон и позвонил Артуру.

ДИК ФРЕНСИС

РОДИЛСЯ: в 1920 году.

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ: в 2010 году.

ОПУБЛИКОВАЛ: более 40 романов, четыре последних в соавторстве с сыном.

РАБОТАЛ: пилотом, жокеем.

ВЕБ-САЙТ: www.DickFrancis.com

ФЕЛИКС ФРЕНСИС

РОДИЛСЯ: в 1953 году.

ЖИВЕТ: в Англии.

РАННЕЕ РАБОТАЛ: преподавателем физики.

ДИК И ФЕЛИКС ФРЕНСИСЫ

В жизни порой случайные эпизоды имеют далеко идущие последствия. Возьмем, к примеру, Дика Френсиса. Когда ему было пять лет, его взрослый брат поставил шесть пенсов на то, что маленький Дик не сможет перескочить забор, сидя на ослике задом наперед. После недолгой тренировки малыш решительно принял вызов, заработав, как он выразился, свой «первый гонорар за скачки». Это пари и заронило искру вспыхнувшей потом страсти к скачкам.

Перенесемся на два десятилетия вперед. Френсис на вершине увлекательной и опасной карьеры ведущего жокея в стипль-чезе. За десять лет он выиграл три-

ста пятьдесят соревнований. Но тут вмешалась судьба — серьезная травма ускорила его уход из спорта; ему было всего тридцать шесть лет.

Благодаря знанию жокейского мира изнутри Френсис стал репортером «Санди экспресс», где писал обо всем, что связано со скачками. Отточив перо, он попробовал себя в жанре автобиографии — написал книгу «Спорт королей» (1957). В 1962 году он написал свой первый детективный роман «Фаворит», с которого началась его блистательная карьера признанного мастера криминального жанра.

Через некоторое время писательство Дика стало семейным

КОРОЛЕВСКИЙ АДВОКАТ

Оригинальное название романа, по-английски — *Silks*, остроумно объединяет в себе два значения одного и того же слова. *Silks* — это яркий костюм жокея, камзол, в котором он выступает на скачках, а кроме того, в Англии *silk* — это еще и прозвище адвокатов самого высокого уровня.

Официально их называют королевскими адвокатами, или адвокатами Ее (или Его, если правит монарх мужского пола) Величества. Шелковая мантия (*silks*) — особого покроя, она показывает, что адвокат достиг вершин своей профессии.

предприятием. Жена Мэри помогала с подготовкой материалов и редактурой. Феликс Френсис, младший из сыновей, вспоминает, что, в отличие от других семей, разговоры у них всегда были об убийствах, нанесении увечий да безумном исступлением преступника.

«Я рос в доме, где за завтраком говорили о том, как проходит пуля сквозь человеческие кишки, а не о чем-то простом, из обыденной жизни», — писал он.

Феликс изучал физику и электронику в Лондонском университете, а потом семнадцать лет был преподавателем, причем последние семь возглавлял научный отдел в Блоксеме, частной школе в Оксфордшире. Сорок лет Френсис помогал отцу собирать материал для его книг, а в 1991 году он ушел с преподава-

тельской должности и стал работать только в семейном бизнесе.

Сначала он управлял делами отца и продолжал помогать с подготовкой будущих романов, но после смерти матери стал соавтором отца. Тандем отца и сына оказался успешным, вместе они написали четыре романа. Разумеется, все они о скачках.

СМЕРТЬ ФАРАОНА

ДЖЕЙМС ПАТТЕРСОН

МАРТИН ДЮГАР

Множество теорий
объясняют неожиданную кончину Тутанхамона,
рано умершего царя Древнего Египта.
Джеймс Паттерсон считает, что белые пятна
в биографии фараона могут скрывать историю
не менее увлекательную, чем сюжет
первоклассного детективного
романа.

Ф

ПРОЛОГ

Долина царей, 1900 г.

31 декабря мрачноватый, хотя и приятной внешности, бегло говоривший по-арабски археолог Говард Картер приказал приступить к последнему этапу раскопок.

Картер стоял посреди камеры, находившейся более чем в трехстах футах под поверхностью земли. Воздух здесь был влажный, промозглый, а Картеру страшно хотелось курить. Все-таки пристрастился он к этой гадости, к табаку. Под мышками его белого кителя расплывались пятна пота, сапоги покрывал слой пыли. Услышав приказ Картера, рабочие-египтяне тут же принялись что было мочи орудовать лопатами.

Прошло почти два года с того дня, как Картер упал с лошади. И это счастливое падение изменило всю его жизнь.

Он сильно ударился о твердую почву и с изумлением обнаружил прямо у себя под носом глубокую щель. Очень походившую на начало тайного хода, который ведет в подземную погребальную камеру.

Действуя быстро и скрытно, двадцатилетний египтолог получил у правительства соответствующее разрешение, нанял рабочих и приступил к раскопкам.

Теперь он рассчитывал приобрести в свои еще очень молодые годы известность — и несметное богатство.

Ранних правителей Египта хоронили в сложно устроенных пирамидах, однако их столетиями обворовывали, и фараонов более поздних начали хоронить в подземных камерах. После того как фараон умирал, его тело превращали в мумию и запечатывали вместе со всеми его земными богатствами в такой подземной гробнице, прилагая немалые труды к тому, чтобы скрыть ее местонахождение.

Но и это не помогло. Расхитители гробниц отыскивали их и, похоже, отыскиали все до единой.

Картер, широкоплечий мужчина, любивший галстуки-бабочки, льняные брюки и фетровые шляпы, полагал, что эта гробница может оказаться исключением. Известняковый щебень, которым засыпал туннели и шахты гробницы ее древний строитель — простой, но действенный способ отпугнуть воров, — выглядел нетронутым.

Картеру и его рабочим потребовался не один месяц, чтобы удалить всю щебенку. И с каждой поднимаемой наверх корзиной он обретал все большую уверенность в том, что глубоко под землей скрыта огромная, сохранившаяся в неприкосновенности погребальная камера. Если он прав, в гробнице находятся бесценные сокровища — и мумия фараона.

Говард Картер будет сказочно богат, а он знал толк в сказках.

«Рабочие уже углубились под землю на девяносто семь футов, — писал он своей давней покровительнице леди Амхерст, — а конца пока не видно».

И действительно, когда узкий проход, на который он случайно наткнулся, расширили, за ним обнаружилась целая сеть уходивших глубоко под землю туннелей.

Один из них вывел в камеру, где стояла большая статуя египетского фараона. Однако туннель этот уткнулся в засыпанную камнями и мусором вертикальную шахту.

Месяцы шли, рабочие зарывались все глубже под землю — теперь их приходилось спускать туда на веревках. Картер все больше верил в успех. Он даже предпринял необычный шаг: связался с находившимся в Каире генеральным консулом Британии и предупредил его о том, что приближается великий миг, когда будет открыта «девственная» гробница.

И вот сейчас он стоял на дне шахты перед дверным проемом, заделанным штукатуркой и помеченным знаком фараона, — *входом в погребальную камеру*.

Картер приказал рабочим взломать его.

Шахта наполнилась шумом и клубами пыли — рабочие разбивали древнюю дверь. Картер, кашляя в носовой платок, пытался хоть что-то разглядеть в этой пыли.

Сердце его бешено колотилось, когда он, подняв фонарь, вступил в погребальную камеру. Взмолнованные рабочие замерли у него за спиной.

Но камера была пуста.

Сокровища, мумия фараона — все уже было вынесено из нее.

Кем-то другим.

Палм-Бич, штат Флорида, наше время

— Это Джеймс Паттерсон. Там Майкла поблизости нет? Я хочу рассказать ему таинственную историю.

Как многие догадываются, я люблю тайны, а сейчас мне казалось, что я откопал нечто сногшибательное, достойное того, чтобы написать об этом. И потому я позвонил своему редактору Майклу Питшу в издательство «Литтл, Браун».

Пока Майкла звали к телефону, я оглядывал свой кабинет и думал: *«Может, я окончательно спятил?»*

Ведь написание еще одной книги совершенно не входило в мои планы. У меня уже находился в работе новый роман об Алексе Кроссе и вызревал еще один, из серии «Убийный клуб женщин», не говоря уж о том, что и очередной роман серии «Максимальная скорость» тоже не мешало бы закончить. Собственно говоря, на руках у меня находилось *двадцать четыре* не доведенных до окончательного ума рукописей, лежавших на столешнице дорогого стола, который занимает большую часть моего кабинета. Названия некоторых я мог прочитать, не поднимаясь из кресла: «Купальник», «Колдунья и колдун», «Дэниэл Икс», «Убийный клуб женщин-9», «Худший случай»...

— Я окончательно спятил, да? — спросил я у Питша, когда он взял трубку.

Майкл человек неторопливый, умеющий успокаивать людей одним своим присутствием, очень умный и к тому же чудесный отец, которому удастся, как правило, справиться и с детьми вроде меня. За годы работы мы с ним отлично притерлись друг к другу и выпустили в свет больше дюжины бестселлеров.

— Разумеется спятил, и уже давно, но что это ты вдруг звонишь? — спросил он. — Почему просто не написал?

— У меня появилась идея.

— Только одна?

— Эта мне по-настоящему нравится, Майкл. Я отниму у тебя всего пару минут. Поскольку ты, похоже, знаешь все и обо всем, тебе, вероятно, известно, что по миру сейчас возят сокровища Тутанхамона. И везде на эту выставку стоят длинные очереди, а билеты раскупаются на неделю вперед. Я и сам несколько лет назад был на подобной выставке в музее «Метрополитен», в Нью-Йорке, а совсем недавно еще и в Форт-Лодердейле. Так что я своими глазами видел, как история Туты кружит людям головы, всем людям — мужчинам, женщинам, детям, богатым и бедным.

В ней есть что-то такое, что делает Древний Египет живым для большинства из нас. И причина тут не только в немыслимых сокровищах, которые были с ним захоронены, не в произведениях искусства, не в напоминающем чудо открытии его погребальной камеры Говардом Картером. Все это, разумеется, тоже имеет значение, однако в Туте есть и что-то волшебное, что-то от иконы. Имя его было на тысячи лет вычеркнуто из истории Египта, а теперь он стал едва ли не самым известным из фараонов. *И тем не менее о нем почти ничего не известно.*

Я хочу написать книгу о Тутанхамоне, Майкл. Три линии: наше время, про то, как я узнаю — *надеюсь, мне это удастся* — о Мальчике-Царе все больше и больше; поразительное открытие его гробницы и ее сокровищ Картером, который и сам отдельной книги заслуживает; и третья — собственно Тут. Что скажешь? Ты не хочешь попробовать отговорить меня? Не хочешь, хотя бы на этот раз, спасти меня от меня самого?

В трубке послышался заразительный смех Майкла.

— Знаешь, Джим, как почти все в нашем мире, я зачарован Древним Египтом, пирамидами, Долиной царей, Тутанхамоном, Нефертити, юными Рамзесами. Так что должен тебе сказать, мне твоя идея очень по душе.

Теперь настал мой черед заулыбаться и даже рассмеяться.

— Ну и отлично. Тогда давай я скажу тебе то, что, как мне кажется, позволит нам подписать договор, хотя, как ты понимаешь, я в нем не нуждаюсь. У меня такое чувство, что Тутанхамон был убит. И надеюсь доказать это — по крайней мере на бумаге.

Майкл снова рассмеялся.

— Считаю, что на «Смерть фараона» я согласен, — сказал он.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Долина царей, 1492 г. до н. э.

— Хватит! Всем стоять!

Более пятисот направлявшихся в Фивы пленных воинов остановились посреди огромного поля в двух милях от города. Отряд дворцовой стражи охранял пленников, стоя под палящим полуденным солнцем. Впрочем, необходимость в надзоре отсутствовала. Ноги изнуренных пленников были связаны кожаными ремешками, длина которых позволяла им передвигаться лишь черепашим шагом, — сбежать они не могли.

Инени, достойный царский архитектор, всматривался в печальную сцену. Он хорошо знал этих людей. Он провел вместе с ними последние пять лет в уединенной долине, сооружая гробницу для Тутмоса I.

Днем они страдали от иссушающей летней жары и странно холодного ветра пустыни, временами прорывавшегося в долину. Ночами спали под усыпанным звездами небом.

Прошло больше тысячи лет с тех пор, как Хеопс построил в Гизе, что у Нила, свою великую пирамиду. Сколь ни величавы были пирамиды и какое благоговение ни внушали, они оказались словно бы маяками, приманивавшими к себе окрестных воров и святотатственных расхитителей гробниц. Ни одна из них не избежала печальной участи. Все были разграблены.

Инени же считал, что ему удалось найти решение этой проблемы. Используя рабский труд заключенных, он вырубил в земле *тайную* погребальную камеру Тутмоса I. Это была не просто пещера, гробница состояла из нескольких туннелей, переходов и полудюжины залов. Каменный саркофаг фараона будет покоиться в ее центре, в самом большом и самом роскошном из залов.

Правда, — подумал Инени, смахивая с брови каплю пота, — такой подземной гробнице недостает величия возносящейся в небеса пирамиды. Но во многих отношениях оно и к лучшему.

Стены ее были гладкими, их расписали яркими сценами из жизни фараона — как той, которую он только что завершил, так и той, что ему еще предстоит. А самое главное, никто не потревожит покой фараона. И можно надеяться, до скончания веков.

Устройство этой гробницы понравилось Инени настолько, что он уже начал работать над похожей, но предназначенной для себя самого. «Я руководил земляными работами на строительстве гробницы Его Величества, — напишет Инени на стенах собственной погребальной камеры. — Один, никем не видимый и никем не слышимый».

Не совсем один, конечно. Заключенные там тоже работали. Он успел перезнакомиться с ними, этими хеттами и нубийцами. Он слушал рассказы об их женах и детях. Некоторые из заключенных даже стали его друзьями.

Но после того, как гробница была запечатана, а вход в нее засыпан камнями, он увел этих людей от нее — из местности, которая приобретет в будущем известность как Долина царей, потому что еще многие фараоны воспользуются архитектурной выдумкой Инени как средством скрыть место своего последнего упокоения.

Инени вглядывался в лица заключенных. Они знали, где находится тайная могила фараона, а это недопустимо. Архитектор отвернулся от них и подал знак стражам:

— Сделайте то, что должны сделать. Сделайте это быстро, будьте милосердны. Это хорошие люди.

И началась кровавая бойня. Вопли заключенных возносились к небесам, и Инени оставалось только надеяться, что боги Египта одобрят его трудное, но необходимое решение.

Фивы, 1357 г. до н. э.

Шаркающей походкой войдя в залитую солнечным светом тронную залу, Аменхотеп Величавый влил в себя кубок красного вина.

Когда-то фараон был худошавым, мускулистым воином, которого боялись во всей ойкумене. Ныне он пребывал в «расцвете лет» — учтивое выражение, описывающее то обстоятельство, что большой живот предшествовал фараону, куда бы он ни шел.

— Ты не боишься поправиться от вина? — проворковала Тэе, его царица и любимая — возможно, потому, что у обоих было схожее чувство юмора, — жена.

— Ты запоздала с этим вопросом, — заплетающимся языком ответил Аменхотеп. — И самое малое на десяток лет.

Только что возвратившаяся с утреннего катания по Нилу Тэе вошла сюда из главной залы без фанфар, негромко шлепая сандалиями по плитам пола. У царицы были пухлые губы и приятно обильная грудь, белое льняное одеяние с вертикальными синими полосами обтягивало ее узкую талию.

Оба знали, почему она пришла повидаться с ним сегодня.

— Фараон, — сказала Тэе, приблизившись к нему, — нам необходимо поговорить. И на этот раз тебе придется прислушаться к словам женщины, любовь моя. *Придется.*

Аменхотеп сделал вид, что не слышит ее. Он подумал, что надо бы протереть гниющие зубы раствором опиума — просто чтобы ослабить боль, — а затем, может быть, вздремнуть до обеда. Хотя нет. Сначала нужно навестить гарем — ради веселой послеполуденной возни с прелестной Реси, а уж потом можно будет и вздремнуть. При одной лишь мысли о ней Аменхотеп ощутил прилив счастья.

Там, в Мемфисе, северной столице его царства, чиновники только и знали, что изводить его докладами об урожаях и предполагаемом объеме налогов. Целыми днями одни совещания. Да, Египту необходим такой служивый люд, без легиона писцов страна обратилась бы в незаконное болото. Но он процарствовал уже три десятка лет и нуждался в отдыхе.

Потому-то он и любил Фивы больше, чем Мемфис.

Фивы, отделенные от Мемфиса неделей пути вверх по течению Нила, отличались от северной столицы так сильно, что могли бы и вовсе находиться в другой стране. В Фивах фараон мог наслаждаться солнцем пустыни, пить вино, когда ему заблагорассудится, любить хоть весь свой гарем сразу — а это двенадцать красавиц, отобранных лично им, — и ни один бюрократ ему ни слова не скажет. В Фивах у фараона есть время подумать, помечтать. В Фивах фараон ни перед кем отчитываться не обязан — кроме своей жены.

Аменхотеп поднял взгляд на Тэе:

— Я старый толстый фараон, больше уже не пригодный для управления нашей державой. Ты это мне собиралась сказать? Так скажи.

Тэе прикусила язык. Она в общем-то любила своего толстого старика, *живого бога*. Однако теперь Аменхотеп умирал. И необходимо, пока еще не слишком поздно, принять не одно важное решение, касающееся и Египта, и его царицы.

— Ну хорошо, — со вздохом сказал он. — Давай поговорим. Я умираю. Что дальше?

— Речь идет о будущем Египта. Ты это знаешь. И должен принять решение.

— Я никогда не разделю власть с *этим злосчастьем*, — крикнул фараон.

Аменхотеп даже протрезвел немного. И теперь стены дворца сотрясались от его гневных протестующих криков. Он и Тэе разговаривали с глазу на глаз, однако все — от стражников у дверей до служанок, полирующих полы огромного коридора, — обратились в заинтересованных свидетелей их перепалки. Вскоре эти простолюдины расскажут о ней друзьям и родичам, и подробности царской ссоры распространятся по всем Фивам.

— Ты говоришь о *ребенке*, зачатом в мгновение страсти. Может быть, фараон соизволит объяснить мне, какое в этом заключается злосчастье?

— Я не сожалею о том, что предавался любви, я сожалею только о результате этого занятия. Он не станет моим соправителем. Я этого не вынесу. Он просто сопливый щенок.

Тэе насмешливо улыбнулась:

— Мы оба знаем, что он станет твоим преемником.

— Ты рассчитываешь на это, так ведь? Не признается ли моя царица в том, что у нее имеются собственные шкурные причины желать, чтобы этого мальчишку сделали соправителем?

— Ни в чем подобном царица не признается. Царица желает лишь того, что будет наилучшим для Египта. Разве тебе не хочется, чтобы твой сын сделал шаг к власти вооруженным твоей полученной тяжкими трудами мудростью?

Если моим преемником станет кто-то другой, — цинично думал Аменхотеп, — ты лишишься всего. И потому не рассказывай мне о том, что является наилучшим для Египта. Разве это ты терпела жажду и зной пустыни, воюя с хеттами? Разве ты вдыхала ароматы кедровых лесов Вавилона? Ты украшена золотом и лазуритами, которые мы получаем как дань от стран, завоеванных мной, но ничего не знаешь о мире, лежащем за пределами Фив.

— Его руки свисают до самых колен, а лицо у него длинное, как у лошади, — заявил Аменхотеп. — Мышц его не хватит на то, чтобы замахнуть мечом. Быть фараоном — значит быть богом во плоти. А этот мальчишка — уродец.

— Он рожден для того, чтобы вести за собой наш народ, — ответила Тэе. — Он умеет править колесницей не хуже любого мужчины. Он начитан и умен.

Фараон хмыкнул. Довольно взглянуть на его сына — также названного Аменхотепом, — чтобы понять всю смехотворность одной только мысли о колеснице. Чудо уже и то, что кони до сих пор не затоптали этого слабоумного до смерти.

— Кататься по полю пшеницы — это одно. А лететь по полю битвы — совсем другое, — сказал он.

Внезапно на Аменхотепа навалилась слабость. Опиум начинал делать свое дело, однако боль оставалась непереносимой. Надо выпить еще вина.

И Аменхотеп поднял к губам кубок. Рубиновая жидкость плеснула ему в лицо, струйки потекли по его толстой шее за ворот и на медную кожу живота. Пояс белой юбки преградил ей путь, оставив на ткани кровавое пятно.

Фараон откинулся на подушки. Это был акт отступления, и оба это знали.

Тэе, совсем уже близкая к победе, стояла над ним. Яростные лучи солнца били в крокодилов и кобр, которыми были расписаны плитки пола.

— Это следует сделать, фараон. И поскорее.

— Отделка моей гробницы почти завершена, — пробормотал Аменхотеп и потянулся к блюду с хлебом, приправленным медом и финиками. Он не догадывался о том, что причиной его страданий были песчинки, попадавшие ему в рот с каждым куском, который он пережевывал. Год за годом содержащийся в хлебе песок пустыни перемалывал эмаль зубов Аменхотепа, отчего те крошились и гнили. Вскоре этой напасти суждено было убить его.

Тэе протянула ему полный кубок вина и застыла, глядя, как Аменхотеп запивает хлеб длинным глотком. Она была спокойна, как Сфинкс, и просто ждала, когда муж склонится перед ее железной волей.

— Тутмос стал бы великим фараоном, — горестно произнес он.

— Этот твой сын ныне блуждает по царству мертвых, — ответила Тэе.

Аменхотеп печально кивнул. Их старший сын — его любимец, его фаворит — был мертв. Скоро и сам он присоединится к Тутмосу. Египту понадобится новый фараон. Придется делать выбор самому.

— Приведи ко мне это несчастье, — буркнул Аменхотеп. — Разумеется, он станет фараоном. Но для меня позор — оставить страну на него. Позор для нас обоих.

Дидлингтон-Холл, близ Суоффема, Англия, 1887 г.

— Что ты тут делаешь, Говард? — спросил, распахнув двери библиотеки, лорд Амхерст. — Я уже говорил тебе: эти экспонаты *невосполнимы*. Упрямый мальчишка.

Тринадцатилетний Говард Картер живо обернулся на голос его светлости. Попался! Его не один раз предупреждали: не входи в эту комнату. И вправду, упрямый мальчишка.

Была середина дня. Юному Картеру следовало в это время помогать отцу-живописцу, который выполнял новый заказ его светлости. Но ему стало скучно, и он улизнул в самую запретную и великолепную из комнат Дидлингтон-Холла — *в библиотеку*.

Он просто не мог ничего с собой поделать. Эта большая комната притягивала Картера. Царившему в ней безмолвию придавали величие массивные каменные изваяния, вывезенные из песков Египта. Глядя на них, Картер прозревал историю Древнего мира. Эти вещи и вправду было *нечем* заменить.

По счастью, лорд Амхерст был милейшим человеком и отцом пяти дочерей, и Картер стал для него почти родным сыном. Лорд видел в этом худощавом юноше с упрямой нижней челюстью врожденную, временами исступленную любознательность, видел сходство с собой. Лорд Амхерст и молодой Картер хотели — нет, это слишком слабое слово, — *жаждали* узнать как можно больше о том, что открывалось сейчас их взорам. Древность была их манией.

И потому лорд Амхерст не выгнал Картера из библиотеки, но прошелся вместе с ним вдоль ее обшитых деревянными панелями стен, терпеливо объясняя мальчику значение наиболее приметных книг. Здесь имелось бесценное собрание Библий, многие из которых были отпечатаны не одно столетие назад. Было собрание инкунабул, книг, которые вышли в свет вскоре после изобретения печатного станка. Книги с чертежами фантастических зданий, первые издания прославленных авторов и так далее, и тому подобное.

А кроме того, здесь имелась египетская коллекция.

К большому числу содержавшихся в его библиотеке томов, посвященных подробному описанию дошедших до нашего времени сведений об истории Древнего Египта, лорд Амхерст добавлял,

точно одержимый, египетские реликвии. Высокие, выше человеческого роста статуи громоздились, подобно часовым, среди мягких покойных кресел и масляных читальных ламп. Имелись здесь и десятки изваяний поменьше, и редкие папирусы под стеклом, которое не позволяло рукам людей вроде Говарда повредить их. Коллекцию эту Амхерст два десятилетия назад купил у немецкого священника и с тех пор что ни год пополнял.

— Это не просто самая крупная в Великобритании египтологическая коллекция, — говорил он Картеру, — это радость всей моей жизни.

— И моей тоже, — вторил ему Картер.

Обход библиотеки завершился объявлением, которое изменило дальнейшую историю: отныне лорд Амхерст предоставляет юноше неограниченный доступ к его коллекции. Конечно, случайно налетев на статую, можно причинить ей ущерб, который не поправишь, даже потратив тысячи фунтов, однако Амхерст, рассказывая Картеру о древней культуре египтян с ее странным алфавитом, верой в загробную жизнь и поразительными погребальными камерами, видел в глазах мальчика подлинную страсть.

Амхерст помог Картеру с головой уйти в египтологию. И только его Говард Картер и занимался — с того дня и до самой своей смерти.

Дидлингтон-Холл, 1891 г.

Был конец мая, еще несколько дней — и наступит июнь. Говард Картер, теперь уже семнадцатилетний, шел по «Тропе Ватто» к белым колоннам южного входа в Дидлингтон-Холл.

В воздухе веяло запахом молодой травы, однако поступь Картера была тяжелой, усталой. Он провел нынешний день, как и большую часть предыдущего, зарисовывая домашних животных. Это давало ему заработок, не очень большой, да и работа была не самая захватывающая, однако ничего другого делать он не умел, а настоящего, серьезного образования у него не имелось. И хотя Картер уже привык к тому, что Амхерсты относятся к нему как к близкому родственнику, факт оставался фактом: он мог похвастаться близким знакомством с одной из родовитейших семей страны, мог в любое время приходить в библиотеку лорда Амхерста, однако был обречен на жизнь скудную и незаметную.

Картер вступил в прохладный вестибюль Дидлингтон-Холла. Стены этого огромного помещения были увешаны дорогими кар-

тинами и другими произведениями искусства. Некоторые из них датировались одиннадцатым столетием.

Дворецкий провел Картера в библиотеку. Там его ожидали леди Амхерст и ее младшая дочь, двадцатипятилетняя Алисия. Они радушно поздоровались с Картером, а затем представили его учтивому незнакомцу, явно равнодушному к Алисии.

Перки Ньюберри, как звали незнакомца, был костлявым молодым человеком двадцати с небольшим лет. Сильно загорелые лицо и руки свидетельствовали о том, что он проводит немало времени под открытым небом, половину лица закрывали пышные усы. Вскоре Картер узнал, что Ньюберри — египтолог, стремящийся завладеть и сердцем Алисии, и некоторой частью средств леди Амхерст. Он только что вернулся из места, именуемого Бени-Хассан, где пробыл с ноября прошлого года по апрель нынешнего.

Леди Амхерст, всегда любившей Картера, явно хотелось познакомить двоих этих мужчин. Картер сидел в библиотеке, с огромным интересом слушая невероятные рассказы Ньюберри о жизни на Ниле. Тот рассказывал о работе в гробницах, которая начиналась при первом свете дня и продолжалась до позднего вечернего ужина, после чего большая часть ночи посвящалась изучению и обсуждению сделанных за день находок. Рассказывал Ньюберри очень живо, к работе своей он, вне всяких сомнений, относился со страстью. Картеру он понравился сразу.

Задача организованной Британским музеем экспедиции Ньюберри состояла в том, чтобы скопировать имевшиеся в гробницах фараонов рисунки и цветные иероглифы, прежде чем они полностью выцветут, что нередко случалось под воздействием свежего воздуха и раскопщиков. Задача была огромная. Копированию подлежали росписи, украшавшие стены площадью *двадцать тысяч квадратных футов*.

Поначалу работа шла хорошо, но затем отношения Ньюберри с его копировальщиком стали портиться. И сейчас, собирая в Англии деньги, необходимые для следующего сезона работ, Ньюберри искал также и нового копировальщика. Для такого дела требовался человек, обладавший и серьезным знанием Древнего Египта, и незаурядным талантом рисовальщика и живописца.

И очень скоро стало очевидным, что таким человеком является Говард Картер.

Александрия, 1891 г.

Только одно крайне неприятное обстоятельство — подверженность морской болезни — и мешало восторженному волнению разорвать сердце Картера на куски. Боже мой, он же в Египте, в Александрии! Уцепившись за палубные поручни, он обшаривал взглядом причал, стараясь отыскать Перки Ньюберри.

Пароход Картера только что прибыл в порт, заложенный еще Александром Великим, человеком, который покончил с древней империей египтян. Одни называли этот город воротами Африки, другие — перекрестком мировых дорог. Но для семнадцатилетнего Картера он был местом, где начнется его настоящая жизнь.

Однако первым делом следовало найти Перки Ньюберри.

Именно Ньюберри избавил Картера от скуки, сопряженной с выполнением зарисовок домашних животных, и отправил его в Британский музей, дабы молодой человек подготовился к работе копировальщика. Перки уехал в Египет раньше Картера и теперь должен был ждать его где-то на берегу.

Где-то. *Но где?*

Картер был юношей худощавым, с выступающей нижней челюстью и намеком на пушистые усы, которым предстояло украшать в течение следующих четырех десятилетий его верхнюю губу. Здешний ветер, казалось, дул прямо из домны, Картер чувствовал, как жар раскаленной палубы пробивается сквозь подошвы. Одежда его была хороша для английского октября, но не для египетского. Он с удовольствием обменял бы свой костюм и галстук на простую белую рубашу одного из портовых рабочих. Их-то зной, похоже, нисколько не донимал.

Щурясь под бледным солнцем, Картер пытался различить на причале Ньюберри. Однако ни одного англичанина среди толпившихся там полуголых марокканцев, турок, нубийцев и египтян не наблюдалось. И никаких признаков соломенной шляпы Ньюберри тоже.

Куда же ты, черт побери, подевался, Перки?

Окинув взглядом силуэт города, Картер различил приапическую Колонну Помпея, которая торчала в небе, точно некая глупая шутка, сыгранная римлянами. Он еще раз проверил, не забыл ли он что из того, с чем собирался спуститься на берег. Список его вещей был короток: альбом для набросков, записная книжка, чемодан.

Якоря парохода упали в воду Большой Гавани с шумом, очень похожим на пушечный выстрел. И по борту его тучей саранчи по-

лезли вверх портовые рабочие. Картера, направившегося к сброшенному с борта трапу, они едва не сбили с ног. Он спустился в ожидавшую пассажира веселую лодку одного из местных жителей, и тот повез его к берегу.

Расплатившись с лодочником, Картер ступил на каменные плиты причала. И тут же увидел Перки Ньюберри — в соломенном канотье и с широкой улыбкой на лице.

— Где вы пропадали? — решился спросить у своего начальника и работодателя Картер. — Я вот всегда стараюсь быть расторопным и точным.

Перки Ньюберри лишь рассмеялся:

— Ну, в вашем положении это самое правильное. Добро пожаловать в Египет, Картер.

Так начались египетские приключения Говарда Картера. Этому почти еще мальчику предстояло обнаружить Мальчика-Царя, но тогда этого еще никто не мог предвидеть.

Бени-Хассан, 1891 г.

Проснулся Картер внутри гробницы. Ему не терпелось приступить к работе, хотя было еще темно, а пахло в маленькой комнатке — как бы это выразиться? — подогретой смертью.

Пол погребальной камеры покрывали резные каменные плиты, присыпанные тонким слоем песка. С потолка свисали летучие мыши. Шуршание их крыльев походило, как однажды выразился Картер, на звуки, издаваемые «странными призраками древних мертвецов».

Рядом с ним все еще спал Ньюберри. Ему, как и Картеру, пришлось провести ночь в гробнице, потому что приехали они сюда уже затемно и другого места для ночлега не нашли.

Если этому дню предстояло стать первым днем египтолога Говарда Картера — а так оно и было, — лучшего начала для него и придумать было нельзя.

Из Александрии Картер и Ньюберри отправились поездом в Каир и провели там неделю в обществе Флиндерса Петри, которого лорд Амхерст называл — по причине опыта, приобретенного этим человеком за годы работы в гробницах, — «мастером египетских раскопок».

Дни, проведенные в столице Египта, оказались очень интересными, но вскоре настало время двигаться дальше. Из Каира Картер и Ньюберри устремились на юг. Железная дорога тянулась

вдоль Нила, однако если из окна александрийского поезда открывались картины пышной зелени — как-никак речная дельта, — то сразу за Каиром земля стала выжженной и голой. Узкая полоска растительности, обязанная своим происхождением обыкновению Нила ежегодно выходить из берегов, шла лишь вдоль воды, а все остальное, во что упирался здесь взгляд, создавало мощное ощущение пустыни.

Проехав двести миль, они сошли на станции Абу-Киркас и наняли ослов — по одному для себя и по одному для своего багажа. Картер, проживший всю свою недолгую жизнь в сельской местности, управлял своим осликом без особых затруднений.

Плодородный черный суглинок, по которому тропа шла вдоль реки, скоро сменился почвой сухой и каменистой. Садилось солнце, Картер и Ньюберри понимали, что им следует поторопиться, иначе они не достигнут гробниц до наступления темноты.

Тем не менее *они сбились с пути.*

Круто поднимавшаяся вверх тропа становилась все более узкой и неровной. И все же добраться до гробниц, дававших приемлемую защиту от холодного ночного ветра, им удалось. В таком удаленном месте можно было обойтись без церемоний, поэтому двое мужчин просто переступили древний каменный порог и устроились на ночь на полу.

Теперь же Картер выбрался наружу, чтобы посмотреть, как выглядит египетская пустыня на заре. И пустыня его не разочаровала.

«От этого вида захватывало дух, — писал он впоследствии. — Долину Нила медленно заливал уходящий все дальше и дальше солнечный свет, рыжевато-коричневая окраина пустыни приятно контрастировала с плодородной речной долиной».

Он находился в землях, настолько сильно отличавшихся от зеленых пастбищ Суоффема, что дальше было уже и некуда.

Однако Говарду Картеру казалось, что он наконец отыскал свой дом.

Глава 2

Фивы, 1347 г. до н. э.

Безумный рев толпы пробивался сквозь толстые каменные стены храма, сотрясая их до основания. В Фивах творился настоящий бедлам — оглушительный шум, под который мужчины и женщины лихорадочно совокуплялись в переулках, не обращая внимания на запах мочи, песок пустыни и блевотину пьяниц.

Так выглядел в Фивах праздник бога Сета, во время которого весь Египет торжественно отмечал бессмертие фараона. Однако уличный разгул не проникал за священные стены.

Сидевшая внутри карнакского храма царица Нефертити словно и не слышала рева толпы. Эта худошавая, обритая наголо женщина — соединение интеллекта с ничем не прикрытой сексуальностью — обладала способностью одним своим присутствием доводить мужчин до обморока. (Имя ее означало «Красавица пришла».) Известна была Нефертити и своим самообладанием, однако в этот миг ей страшно хотелось вlepить кому-нибудь пощечину. Кому именно — вечно чем-то озабоченному слизняку-мужу или идиоту-скульптору с крестьянской бородкой, у которого несколько часов уходит на то, чтобы сделать простой рисунок, — этого она решить пока не могла.

И потому Нефертити просто сидела на троне и старалась представить себе, каким видит скульптор ее мужа. В двадцать с небольшим лет Аменхотеп IV пребывал в зените своей мощи и мужской силы. Что не мешало ему обладать уродливо торчащими вперед зубами и длинными паучьими руками. А уши! Интересно узнать, существует ли на свете человек, превосходящий его величиною ушей?

И все же она любила его — по-своему. Муж всю его жизнь был уродцем. Но он был ее уродцем, да к тому же фараоном, что обращало Нефертити в царицу.

Да еще какую! Она исполняла священные обряды, к которым до нее допускали лишь фараонов. Она нередко надевала нубийский парик, который прежде могли носить только мужчины, даже водила собственную колесницу с ничуть не меньшим, чем мужчины, искусством.

Многое из этого стало возможным лишь потому, что в Египте принято было обращаться с женщинами лучше, чем в других древних цивилизациях. Здесь женщины могли заниматься торговлей, владеть собственностью, представлять сами себя в суде и становиться врачами. Женщины становились даже фараонами, а царицы, обладавшие волей Нефертити, с легкостью управляли своими более слабыми мужьями.

— Выглядишь просто божественно, — промурлыкала наконец Нефертити.

— Я и *есть* бог, — усмехнулся Аменхотеп IV.

Это была их интимная шутка.

— Неужели столь трудно изобразить меня таким, каков я есть? — рывкнул он в конце концов, обратившись к художнику.

Фараоном Аменхотеп стал недавно и еще не успел понять, что повышать на кого-либо голос — значит показывать свою слабость. Его отец, Аменхотеп III Величавый, скончался от мучительного заражения полости рта. А Аменхотеп IV лишь недолгое время был его соправителем.

Нефертити понимала, что он выглядит слишком по-человечески, особенно для дня, когда весь Египет предположительно греется в лучах его, фараонова, могущества.

Имелась и еще одна проблема: чтобы доказать свое бессмертие, фараону надлежало на полной скорости пронестись через собравшуюся снаружи толпу на колеснице. Предприятие это было опасное и даже при самых благоприятных условиях требовало отваги и безрассудства, потому что такая скачка легко могла завершиться крушением колесницы, а для молодого фараона оно стало бы истинным бедствием.

Служители дворца слишком хорошо знали, что управлять колесницей Аменхотеп IV толком не умеет. Ритуальная скачка вполне могла обернуться для него самоубийством.

Если фараон каким-то чудом справится с ней, его притязания на египетский трон обретут твердое основание. Никто больше в его мужественности не усомнится. Всего лишь одной, словно отрицающей смерть скачкой Аменхотеп IV продемонстрирует свою мощь самым впечатляющим для народа образом. Египет поймет, что он и вправду истинный фараон.

А вот если все обернется плохо — если Аменхотеп IV вылетит из колесницы или бросит поводья и врежется в толпу, если у колесницы отвалится колесо и она станет неуправляемой, — тогда

все мгновенно поймут, что этот странного обличья человек, претендующий на трон, вовсе никакой не бог. И поскольку фараон ничего божественного в себе не несет, высшие храмовые жрецы посадят на его место другого.

Предварительно прикончив Аменхотепа. А заодно, что весьма вероятно, и его царицу.

— Ну как ты? — спросила Нефертити. — Я преисполнена такой веры в тебя, государь.

— Ты лжешь, но лжешь прекрасно, — ответил фараон.

— Долго еще? — резко повернувшись к скульптору, крикнула Нефертити.

— По меньшей мере тридцать минут. — И бессовестный мужлан скомкал листок папируса, чтобы начать все заново.

— У тебя есть *десять*.

— Но, царица...

— И ни секундой больше.

— Сделаю все, что смогу, — обиженно произнес скульптор.

Нефертити растянула губы в узкой крокодильей улыбке и поставила в уме пометку: как только этот так называемый скульптор завершит статую, его надо будет убить.

Когда скульптор наконец удалился, храмовый зал наполнили самодовольные, говорливые жрецы. Такие же высокомерные, как знаменитые кошки царицы. Нефертити презирала и их власть, и то, как они использовали религию для собственного обогащения.

— Куда теперь? — спросил Аменхотеп IV у верховного жреца Птахмоса, надевая ритуальную накидку Сета.

— Вас ожидает храм Упуата, Ваше Величество. Нам должно смазать священной мазью знамя.

— Упуат ничего для меня не значит, — заявил Аменхотеп.

От такой ереси жрецы содрогнулись. Даже Нефертити и та была потрясена, хотя ее верования мало чем отличались от верований мужа. И все-таки Египет был землей многих богов, и всех их надлежало чтить, так требовал закон.

Прежде чем Нефертити успела произнести что-нибудь дипломатичное, Аменхотеп схватил ее за руку и потащил по ровному каменному полу коридора на улицу.

— Я знаю, что делаю! — сказал он ей, не дожидаясь, когда пронзительные вопли толпы станут оглушительными настолько, что они уже не смогут слышать друг друга.

Царственная чета подошла к смотровому помосту, построенному у задней стены храма, и встала так, чтобы видеть толпу, оставаясь невидимой для нее.

Нефертити смотрела на толпу с испуганным благоговением.

— Все эти люди собрались здесь ради тебя, — сказала она мужу. — Они любят тебя, как и я.

Богачи и бедняки, писцы, врачи и крестьяне пришли в Фивы со всего Египта. Они вопили от восторга этим утром, когда фараон надзирал за переписью скота. И еще большее их число разевало в изумлении рты, когда в полдень он облачился в ритуальную накидку Сета. Но это было шесть часов назад.

Теперь у храма собрались уже десятки тысяч человек. Слишком яркое солнце и слишком обильные возлияния превратили их восторг в нетерпение. Ремесленники, лавочники, даже рабы скандировали, как один человек, требование: дайте нам посмотреть, как наш фараон совершит в колеснице опасную скачку.

Ведь неудачу он потерпеть не может — если он и вправду бог.

Нефертити взглянула на мужа, ожидая увидеть его трясущимся от страха. Ничего подобного, Аменхотеп казался совершенно спокойным.

— Когда я покончу с этой докукой, весь Египет изведает силу моей руки, — сказал он. — Я не позволю шутам из храма и дальше...

— Ты говоришь так о жрецах? — прошептала Нефертити. Она и сама большого уважения к жрецам не испытывала, понимая, впрочем, что говорить так о них не следует. Что произошло с ее мужем? Может быть, он ведет подобные разговоры просто потому, что знает: его ожидает верная смерть?

— Именно о них. Ты слышала, что я сказал. Я не позволю им и дальше указывать мне, как я должен управлять моей державой. Завтра я объявлю Амона, Ра и других их жалких богов вне закона.

— Ты говоришь ересь, — произнесла Нефертити. Она боялась потерять сознание. Может быть, Аменхотеп сошел с ума? Или устами его говорит ужас?

— Мы будем поклоняться Атону — и только Атону.

Атон был богом солнца.

— А жрецы знают об этом? Хоть кто-то из них? Птахмос знает?

Ответом на ее вопросы послужила лукавая улыбка мужа.

— Они же разъярятся! — сказала Нефертити. — Попытаются убить тебя. *И меня заодно.*

— Ничего у них не получится. Хочешь знать почему?

Вообще-то она не хотела. В нынешнем его состоянии Аменхотеп IV вполне мог сказать нечто совершенно безумное. И он сказал:

— Я строю для нас новый город.

— Не понимаю, фараон, — произнесла Нефертити. — Какой новый город? Где? Почему ты не говорил мне о нем раньше?

— Он будет стоять на полдороге из Фив в Мемфис, — сказал фараон. — И станет величайшим городом мира. Я никогда не буду покидать его. Даже ради войны или сбора налогов. Фивы и Мемфис могут снова обратиться в пустыню — мне все равно.

Толпа громко скандировала имя фараона, но Нефертити еще не готова была отпустить от себя мужа. Она молчала, вцепившись в него. Однако фараон оторвал от себя ее руки и пошел к смотровому помосту, даже не поцеловав жену и не попрощавшись с ней.

— Да! — воскликнул он, вдруг обернувшись к Нефертити. — Самое главное я приберег напоследок. Завтра я изменю свое имя — в честь величия нашего бога. И больше никто меня с отцом путать не будет.

— И как же прикажешь тебя называть? — спросила царица, у которой уже путались мысли и дрожали колени.

— Эхнатоном.

После этого фараон под громовые аплодисменты подошел к колеснице и начал скачку, которой предстояло привести его к бессмертию.

Когда кони фараона стали набирать скорость, по Фивам прокатился рев еще более мощный.

Стоя на смотровом помосте, Нефертити, старавшаяся казаться спокойной, наблюдала за... *Эхнатоном...*

А тем временем на нее похотливо взирали два глубоко посаженных глаза. Глаза эти принадлежали фараонову писцу, мощного сложения мужчине сорока без малого лет, носившему имя Эйе.

Все вокруг замерли, наблюдая за тем, как фараон с лошадиным лицом летит в своей колеснице, однако Эйе это зрелище интересовало меньше всего. Он как замороженный наблюдал за нервничавшей молодой царицей. Она сунула указательный палец в рот, собираясь прикусить накрашенный ноготь, и только тут сообразила, что ее неуверенность в успехе мужа могут заметить тысячи человек.

Царский писец облизнулся. Он мог получить едва ли не любую женщину Египта, но желал только эту. Взгляд Эйе прошелся от грациозной шеи царицы вниз по ее телу, остановившись на нежном изгибе бедер. Она была гораздо умнее фараона, уроды, ничем ее не заслужившего. Эйе состоял в писцах еще при его отце и знал, как должен выглядеть и вести себя фараон, — Аменхотеп таким человеком не был.

Но если править не Аменхотепу, то кому же? — спросил себя Эйе.

И сам ответил на свой вопрос: *мне*.

Внезапно Нефертити обернулась к нему. Она поймала взгляд Эйе, но притворилась, что не заметила его. Она никогда его не замечала.

Эйе улыбнулся, взглянул на улицу. Фараон непонятно каким чудом одолел первый отрезок пути и теперь, развернув колесницу, поскакал назад.

Тут-то у колесницы и отлетело колесо — и врезалось в толпу, едва не снеся голову одному из зрителей. Воздух наполнился воплями. Зрители разбегались, уверенные, что колесница налетит на них и поубивает десятки ни в чем не повинных людей.

Фараона выбросило из нее на спину одного из коней. Поводья он ухитрился каким-то образом удержать в руках, но теперь свисал с коня лицом вниз. Испуганная упряжка неслась галопом, набирая все большую скорость, волоча за собой колесницу, копыта коней мелькали в опасной близости от лица фараона.

Эйе снова взглянул на Нефертити, прикрывшую ладонями рот. Будущее Египта зависело от того, что произойдет в ближайшие несколько секунд, а Эйе не мог оторвать от нее глаз. Она была исключительной во всем, истинная царица, самое, быть может, поразительное существо в Египте.

Толпа вдруг взревела так громко, что под смотровым помостом дрогнула земля.

Взгляд Эйе метнулся обратно к улице: фараон каким-то образом сумел забраться на конскую спину и теперь скакал верхом на белом коне, уверенно управляя упряжкой. Руки Нефертити упали вниз, выражение ужаса покинуло ее лицо. Она обратилась в совершенно другую женщину, сияющую от гордости и любви.

Когда фараон остановил коней у смотрового помоста, толпа завопила, восторженно и раболепно. Он взглянул вверх, на Нефертити, во взгляде его читалось облегчение и уверенность в себе. А

затем он спешился и вышел на середину улицы, наслаждаясь восхитительной уверенностью в том, что отныне он — царь и бог.

И тогда Нефертити приблизила губы к уху Эйе. Он ощутил запах ее духов, жар ее кожи. И сильнее, чем когда-либо прежде, возжелал эту прекрасную женщину.

— С завтрашнего дня, Эйе, — произнесла она, — Египет изменится навсегда. Попомни мои слова. И знаешь что, Эйе?

— Да, моя царица?

— Если ты еще хоть раз посмеешь бросить на меня такой взгляд, я прикажу скормить твое сердце крокодилам.

Амарна, 1345 г. до н. э.

Строительные чудеса подобного рода были возможны только в Древнем мире. Город Амарна построили всего за два года. Строительством руководил Эйе, и теперь он отправил фараону донесение. По его прикидкам, до появления Эхнатона и орды царских прихлебателей должно было пройти три, а то и четыре недели.

Однако он недооценил стремление царя выбраться из Фив. Через неделю после того, как донесение было доставлено адресату, Эйе сидел, лениво попивая пиво, на террасе нового царского дворца. Ему было скучно, одиноко. Жена по-прежнему оставалась в Фивах. Хуже того, там же оставался и весь его гарем.

Он глядел на Нил — великолепное зрелище. День стоял по-настоящему роскошный. Чистое синее небо, да и жара вполне сносная, если, конечно, оставаться в тени.

И тут царский визирь увидел нечто, потрясшее его настолько, что он едва не выронил глиняную кружку.

По Нилу шел целый флот. Десятки ладей. Да нет, какие там десятки — сотни. Их огромные треугольные паруса различались за несколько миль. На палубах, сообразил вскоре Эйе, стояли тысячи фиванских граждан, готовых начать новую жизнь в Амарне.

А на носу самой большой из ладей стоял Эхнатон, которому не терпелось собственными глазами увидеть свое творение. Рядом с фараоном находилась ослепительная Нефертити и троица их шаловливых дочерей.

Эхнатон поднял в знак своего триумфа царское знамя, однако Эйе смотрел только на Нефертити и трех девочек.

Не мальчиков. Девочек.

«Я убью его», — ощутив внезапный прилив вдохновения, сказал себе Эйе. Ну конечно. Самое правильное решение.

Нефертити, какой бы великолепной женщиной она ни была, так и не родила фараону наследника. А нет наследника — нет и преемника. Если Эхнатон умрет — неожиданно, — никто не сможет помешать Эйе провозгласить себя фараоном.

Никто, кроме первой дамы Египта, Нефертити.

— С ней я разберусь, когда придет время, — пробормотал уже начавший обдумывать свой замысел Эйе. Ошибки он позволить себе не мог. Прикончить фараона и остаться вне подозрений — это была головоломная задача. Он должен проявить терпение, выбрать правильный момент и правильный способ убийства.

Эйе поджал губы. Чего-чего, а терпения ему было не занимать. План убийства вдруг сам открылся ему во всех деталях и тонкостях, однако исполнение его требовало немалого времени.

— Придет день, и я стану фараоном, — громко сказал он.

Амарна, 1892 г.

Она была поразительна — *Амарна!*

Говард Картер внимательно изучал ландшафт, выбирая место для лагеря. Место ему требовалось с хорошим обзором и близкое к гробницам. Он уже осмотрел рассекавшие песок пересохшие канавы, — ему вовсе не хотелось, чтобы его стоянку смыл ливень или разлив Нила.

И наконец выбор был сделан. *Вот оно.*

Окинув взглядом горизонт, он кивнул строителям, и те сразу же принялись за дело.

Представьте — он строил здесь дом, простой, из глиняных кирпичей, подобных тем, какими пользовались строители Древнего Египта. Впервые в жизни у Говарда Картера должна была появиться собственная крыша над головой, пусть и не очень высокая.

Происходило это в Амарне, бывшей некогда домом для Эхнатона и Нефертити. В прошлом величественный, а ныне превратившийся в руины город стоял у широкой излучины Нила, на низком плато, за которым возвышались поразительной красоты скалы. Домов в этом недавно открытом городе почти не осталось, вот Картеру и пришлось строить собственный.

Стоял январь, самый пик сезона раскопок. Картер покинул Бени-Хассан — и Перки Ньюберри — ради Амарны, и произошло это опять-таки благодаря покровительству лорда Амхерста. Здесь ему предстояло работать под началом ветерана Флиндерса Петри: точно зарисовывать находки, большие и малые.

Петри, едва приняв Картера на работу, сообщил ему, что они везде будут передвигаться пешком. Будучи человеком бережливым, Петри не видел смысла покупать ослов, когда до места можно было добраться и без них — так же быстро, но с гораздо меньшими затратами. А кроме этого, Картер услышал, что он теперь не просто рисовальщик. Петри уже случалось видеть десятки получивших книжное образование англичан, которые приезжали на раскопки, будучи совершенно уверенными в том, что приобретенные ими познания сделали из них отличных археологов-землекопов. В большинстве своем эти люди были абсолютно не приспособлены к такой работе.

Так что теперь, поскольку землекопов ему не хватало, а он интуитивно чувствовал, что самолюбивого молодого Картера обучить делу будет намного легче, чем человека более зрелого и менее честолюбивого, Петри уведомил Картера, что к его повседневным обязанностям добавляется и непосредственное участие в раскопках.

Как ни удивительно, но результаты эта затея дала отнюдь не впечатляющие. «Интересы Картера целиком ограничиваются рисованием и естествознанием, — записал 9 января, меньше чем через неделю после появления Картера на раскопках, Петри в своем дневнике. — Как от археолога-землекопа пользы от него не будет».

Таков один из первых отзывов о человеке, которому предстояло сделать самое впечатляющее открытие в археологической истории Долины царей.

Амарна, 1345 г. до н. э.

Свирепый и воинственный генерал Хоремхеб никак не мог поверить тому, что он услышал от этого глупого, ни на что не годного фараона.

— С соседями мы воевать не будем, — объявил неуклюже сидевший на троне Эхнатон.

Пустыми словами генерала было не запугать, а вот напряженная сила, с которой смотрел ему в глаза произнесший их Эхнатон, его встревожила. Одни люди получают власть благодаря привилегиям. Другие — благодаря своему положению. Третьи — благодаря физической силе. Фараон полагал, будто он обладает и тем, и другим, и третьим. И это придавало ему уверенности в себе, которую Хоремхеб находил удручающей — и это еще слабо сказано.

И вот Хoremхeб, которому не терпелось прославить совершенно негодное, вообще говоря, правление фараона какой-нибудь великолепной военной победой, захватом новых земель, вынужден был слушать, как этот уродливый слабак говорит вещи совершенно немыслимые, — и ничего тут поделать не мог.

— Но, фараон, войны, с вашего позволения, дали нам очень многое: богатство, безопасность, верховное положение в мире. Если мы перестанем воевать, это приведет нас к краху. Ваш отец...

— Я не желаю ничего слышать о моем отце. Мой отец покоится в гробнице. Его методы и его боги отошли в прошлое. Они так же мертвы, как и он сам.

— И все же, Ваше Величество, мы — с какой стороны ни взгляни — самая могущественная из держав. И нам следует защищать это наше положение.

С тех пор как мы перебрались в Амарну, все изменилось к худшему, — хотелось закричать Хoremхeбу. — Страна расслабилась. Фараон никогда не покидает дворца. Великие города, Мемфис и Фивы, приходят в упадок. И мы, египтяне, тоже.

Однако ничего такого он не прокричал. Он всего лишь слушал дурацкие, идеалистические речи фараона.

— И мы его защитим. Мы будем служить Атону, который ограждает наши границы. В войне же я никакой необходимости не вижу. Что дурного в том, чтобы быть мирным государством?

— Я считаю, что мир рождает сила, Ваше Величество. Да и все мы знаем это по долгому опыту.

— Ничего другого, генерал, я от вас услышать и не ожидал. Сохранять нас сильными — в этом и состоит ваша задача.

— Но что происходит с силой, когда ее не упражняют? Могу я спросить вас об этом?

Фараон улыбнулся, да еще и самым снисходительным образом:

— Генерал, когда вы в последний раз провели весь день в мечтаниях, и только в них?

У Хoremхeба отвисла челюсть.

— Прошу прощения?

— Вы слышали мой вопрос. Вам когда-нибудь случалось сочинять стихи? Погружались вы когда-либо в глубокие размышления? Написали хотя бы одну картину?

— Я воин, Ваше Величество. Я не обучен сидеть и размышлять, я обучен действовать.

— Так обучитесь и *этому*.

И Эхнатон закрыл глаза, словно приступил к медитации.

Хоремхеб ждал, ждал и в конце концов не выдержал:

— Так чего же вы от меня хотели бы, Ваше Величество?

— Чтобы вы расслабились. Перестаньте думать о войне. Египет не нуждается в конфликтах, ибо мы пребываем под защитой великого бога солнца, который даст нам все, что требуется.

И приведет нас к гибели, — гневно подумал Хоремхеб.

— Вы свободны, — сказал, вяло взмахнув рукой, фараон. — Идите и напишите стихотворение.

Амарна, 1341 г. до н. э.

— Тут. Мой бедный Тут. Что с тобой будет?

Нефертити держала на руках своего новорожденного сына и со страхом думала о жизни, которая его ожидает. Строго говоря, сыном он ей не был, поскольку появился на свет из другой утробы. Однако отцом мальчика стал ее похотливый идиот-муж, и потому ребенок вполне мог бы быть и сыном царицы.

Настоящей его матерью была Кийа, и фараон дал этой молодой хорошенькой потаскушке титул *Весьма Возлюбленная Жена* — честь более высокая, чем та, какой была удостоена Нефертити.

Кийа была когда-то митаннийской принцессой по имени Тадухепа, посланной ее отцом в Египет, чтобы скрепить мирный договор между двумя державами. В течение трех долгих лет Нефертити терпела ее присутствие, наблюдая за тем, как она раз за разом занимает место царицы на ложе фараона. Человек, которого Нефертити любила когда-то, стал для нее чужим, преданным своему любимому Атону и юной наложнице.

Фараон начал поговаривать о том, что он-то, собственно, и есть Атон, что между ним и богом нет никакой разницы. Нефертити хватало храбрости перечить ему, и за это он отлучил ее от своего ложа.

Я все еще остаюсь матерью его детей, — напоминала она себе. — *Да, но все они — девочки. А вот этот, мальчик, станет следующим фараоном. Когда нынешний умрет, царство достанется этому ребенку, этому малышу. И что тогда будет со мной?*

А впрочем, какая разница? Ко времени смерти моего мужа от великой египетской державы уже ничего не останется. Наш дурак позаботится об этом.

Народ Египта голодал и возвращался к кочевому образу жизни, бросая города и деревни ради изматывающих вечных блужда-

ний, — и все из-за пренебрежения, а может быть, и безумия фараона. Жрецы в Фивах хотели убить его за то, что он заменил их богов своим собственным, да и самого себя объявил богом. Царский визирь притворялся его верным слугой, но, когда и он устанет от самодовольства Эхнатона, он проникнется желанием убить его ударом в спину.

А Хоремхеп? Генералу, разумеется, каждую ночь только одно и снится — военные победы.

И кто способен помешать им? Хотя, может быть, они и в самом деле верят, что фараон — бог? Какие они все-таки дураки, мужчины. Или — какие лжецы.

Младенец заплакал. Бедный Тут.

Нефертити хотелось нашептать ребенку, что вот в эту самую минуту его мать опускают в гробницу. Что она умерла при родах и Тут никогда не будет покоиться у нее на руках и сосать ее грудь. Однако время для таких разговоров уже миновало.

— Успокойся, сын мой, — сказала Нефертити. — Теперь я — твоя мать, и я воспитаю тебя фараоном — таким, каким следовало бы стать твоему отцу. Ты будешь царем. Обещаю.

Глава 3

Дейр-эль-Бахри, 1894 г.

ЖАРКОЕ солнце обжигало шею Говарда Картера. Стоял Рамадан, священный месяц мусульман, а это означало, что с раскопками пришлось на время покончить, поскольку рабочие целыми днями постились и сил для того, чтобы копать под палящим солнцем землю, у них попросту не было.

И теперь Картер, работая в одиночестве, попеременно фотографировал и зарисовывал храм, недавно раскопанный неподалеку от Луксора. Ему было девятнадцать лет.

Картер уже второй год участвовал в раскопках строения, посвященного Хатшепсут, женщине-фараону, знаменитой почти так же, как Нефертити. Местность здесь была каменистая и лежала у подножия скал, возвышавшихся в двух милях от Нила. Днем

температура нередко поднималась выше 43 градусов по Цельсию, а тени не было никакой.

И все же Картер работал, как научил его Петри, от рассвета до заката — главным образом потому, что любил то, чем занимался. Это была его жизнь. А никакой другой он не знал.

Теперь его начальником был француз по имени Эдуар Навилль. Этот археолог, на счету которого числилось множество находок, давно уже верил в то, что под землей Дейр-эль-Бахри скрыт огромный храмовый комплекс, и несколько сезонов раскопок показали, что он был прав. Ныне над раскопом поднимались огромные колонны и стены, освобожденные из-под земли после того, как их в течение столетий засыпали оползни и бури.

Навиллю было по душе все возмраставшее профессиональное мастерство Картера, однако его беспокоило то обстоятельство, что, когда дело доходило до фотографирования и зарисовок, молодой англичанин работал слишком медленно. Методичность, столь поощрявшаяся Петри, воспринималась Навиллем как серьезный изъян.

Впрочем, худа без добра не бывает. Навилль нанял в помощь Картеру второго художника, и им оказался не кто иной, как Верне, тридцатилетний брат Картера. В первые месяцы 1894 года они работали бок о бок, и результатом их трудов стала великолепная серия рисунков, которые вскоре должны были выйти отдельным альбомом. Прекратив раскопки на время Рамадана, Навилль попросил братьев продолжить работу. Однако на рослого и крепкого Верне жара и лишения действовали угнетающе, и ему пришлось возвратиться в Англию, оставив брата выполнять задание Навилля в одиночку.

Говард получал огромное удовольствие от работы с братом, однако ему ни разу и в голову не пришла мысль о том, чтобы уехать вместе с Верне домой. Конечно, жизнь египтолога не лишена определенных трудностей. Эта работа не всякому кажется идеальной. Однако для Говарда Картера она была истинным *раем*.

Он надеялся в один прекрасный день стать повелителем Долины царей. Мечтал открыть величайшую из гробниц, хоть и понятия не имел, чьей она будет.

Дейр-эль-Бахри, 1899 г.

Тени в долине Дейр-эль-Бахри не было, разве что от танцевавших в воздухе пылинок. И потому Картер установил свой мольберт над развалинами древней гробницы очень рано.

Всходившее мартовское солнце едва расцветило горизонт. Пройдет час, жара усилится, и пот пропитает ленту на шляпе Картера. Через два часа мазки акварели будут подсыхать на бумаге почти мгновенно. А через три и грифель карандаша размякнет настолько, что им невозможно будет провести ни единой линии.

Картер быстро зарисовывал наружный вид гробницы, стараясь добиться соответствия ее массивных пропорций пропорциям возвышавшейся за ней не менее массивной скальной стены.

Он уже успел приобрести репутацию очень хорошего художника, способного изображать и животных Каирского зоопарка, и сложные интерьеры гробниц. Однако, после того как Картер провел в Египте восемь лет, он не мог не думать, создавая, как сейчас, акварельное изображение какого-либо здания, о стоящей за этим зданием истории.

Храм, раскинувшийся перед ним, был посвящен царице Хатшепсут. Постройка его заняла пятнадцать лет. Своей показной роскошью он походил скорее на дворец, чем на усыпальницу. Во времена его возведения — в XV веке до нашей эры — фараоны стремились скрыть свои усыпальницы, а не выставлять их напоказ перед каждым грабителем.

Но необычная гробница принадлежала экстраординарной женщине, которой была Хатшепсут. После смерти мужа (который приходился ей двоюродным братом) она нарушила вековую традицию и стала править страной как первая женщина-фараон. Правление Хатшепсут, как и правление ее детей и внуков, привело страну к процветанию.

Картер знал, что Хатшепсут извела большую любовь, поскольку до того, как стать фараоном, она была царицей. Знал он и то, что ее отец, Тутмос I, был первым фараоном, погребенным не в пирамиде, а в Долине царей.

Пирамиды, столь приметные и соблазнительные, грабить было нетрудно, а это означало, что фараоны, совершая путь к загробному миру, лишаются своих богатств. И потому было решено, что лучший способ отпугнуть воров состоит в том, чтобы построить гробницу фараона в безлюдной пустыне.

Увы, на этот счет архитектор Инени ошибся.

Картер торопливо наносил краску на бумагу. Солнце, низко стоявшее над горизонтом, било ему в глаза. Он старался почаще отводить взгляд в сторону — не мешало еще заболеть офтальми-

ей — повреждением глаз, возникающим, если долго смотреть на солнце. Египтологи заболевали ею довольно часто, и для них это становилось концом карьеры.

В нескольких сотнях ярдов от него спешили и направились к храму туристы и их египетские гиды.

Конечно, никто из этих людей не знал, что совсем рядом с ними находится один из самых многообещающих египтологов мира. Картер сумел подняться наверх, начав с положения низкооплачиваемого рисовальщика, и сейчас изучал методы проведения больших раскопок.

Самое главное для археолога, как очень хорошо сознавал Картер, это удача. А на втором месте стоят деньги, большие деньги. Для того чтобы покрыть связанные с раскопками расходы, ему требовался богатый благодетель. Картер видел таких в Луксоре, они жили в отеле «Уинтер-Палас» или наслаждались ночной жизнью на бортах роскошных, стоявших на Ниле яхт.

Как ему стать своим человеком в их обществе, да, собственно, и в любом другом, Картер не знал, однако теперь для него настало время научиться и этому.

Так ли уж трудно будет одурачить компанию дураков?

Долина царей, январь 1900 г.

— Джентльменам лучше снять плащи, — сказал, приблизившись с группой туристов к гробнице, Картер. — Внутри довольно тепло. Дамам, боюсь, придется ограничиться снятием шляпок.

Добросовестное отношение к работе и страсть к египтологии уже позволили честолюбивому двадцатипятилетнему Картеру подняться от безвестности его ранних лет до сопряженного с определенной властью поста генерального инспектора Отдела древностей Верхнего Египта.

На этот пост метил Перки Ньюберри, однако получил его Картер, и теперь именно он инспектировал все раскопки, проводившиеся в его регионе.

Многие британские египтологи находили назначение Картера на столь высокий пост обидным для них и даже нелепым. Они твердили об отсутствии у Картера теоретических знаний и университетского образования и — самое, может быть, главное — умения вести себя за столом. Для них Картер был не одним из самых выдающихся египтологов мира, а самым скандально известным и неотесанным.

Даже Гастон Масперо, новый начальник Картера, считал своего подчиненного чрезмерно упрямым.

Впрочем, имелись у Картера и сторонники, по большей части женщины. Леди Амхерст по-прежнему с радостью принимала его в Дидлингтон-Холле, когда он приезжал в Англию. Для всей ее семьи он стал — вследствие множества пережитых им в пустынях Египта приключений — чем-то вроде героя.

Картер, безусловно, был человеком, с которым приходилось считаться, пусть даже он и не знал, какой вилкой полагается есть салат. Он стал музейным смотрителем всей Долины царей. Эта пустынная местность представляла собой мешанину холмов, скал и русел пересохших рек. Она лежала в трех милях к западу от Нила, прямо под «рогом», самым высоким из фиванских холмов.

Сколько правителей Египта скрыто под пропеченной солнцем поверхностью этой земли, точно не знал никто. И с большой вероятностью можно было предположить, что никто этого никогда и не узнает. Время и непогода, раскрошившиеся скалы и приносимый ветрами песок полностью изменили облик Долины, усилив ее естественный камуфляж.

Наткнуться здесь на захоронение было так же трудно, как найти пресловутую иголку в стоге сена, и потому каждое сделанное в Долине открытие представлялось бесценным. И всем, от туристов до грабителей, очень хотелось заглянуть в каждую из здешних погребальных камер.

С 1815 года, когда итальянский цирковой силач и по совместительству египтолог Джованни Бельцони провел в Долине первые серьезные раскопки, между ее высоких скалистых стен были обнаружены гробницы более чем двух дюжин фараонов. Бельцони вел здесь поиски в течение тринадцати лет, а затем прекратил их, решив, что искать в Долине больше нечего. Однако он ошибся, что и доказали последующие открытия многочисленных гробниц.

Археологи соглашались отдавать в обмен на концессию — разрешение вести здесь раскопки — половину своих находок правительству Египта. Иногда открытия совершались легко и быстро — достаточно было убрать несколько валявшихся на земле камней. Иногда же приходилось срывать целые горы плотно слежавшегося песка и камней, добираясь до прежнего дна Долины.

Главной приманкой при этом были сокровища, история занимала второе место.

Купить концессию Картеру было не на что.

Тем не менее в первые месяцы своего пребывания на новом посту он занимался тем, что деловито благоустраивал Долину. Он построил загон для ослов, способный принять до сотни этих животных, приступил к оборудованию всех входов в гробницы крепкими металлическими дверьми, чтобы не пускать внутрь гробниц докучливых воров, да и просто бродяг, которые по ночам норовили проникнуть в Долину. Кроме того, он провел в гробницы электричество, чтобы сделать их более привлекательными для европейских туристов, приезжавших в Долину в дневное время.

И по причинам, никак не связанным с его должностью, зато имеющим непосредственное отношение к его будущим успехам, он начал обхаживать богатых заграничных туристов, надеясь, что кто-то из них даст ему денег на концессию.

Одним из таким туристов оказался американский бизнесмен Теодор Дэвис.

Дэвис был мелким, крайне самоуверенным господином с густыми, седыми, тянувшимися до самых ушей усами. Он регулярно навещал Луксор (где в древности находились Фивы) и в конце концов проникся почти маниакальным интересом к египтологии.

И теперь Картер стоял с Дэвисом и его группой у входа в гробницу Аменхотепа II, эффектную, но опасную усыпальницу для того, чтобы водить по ней новичков, особенно богатых и влиятельных. Любой из них мог сломать здесь ногу или свалиться от теплового удара.

Гробница была высечена в высокой скальной стене, к входу в нее всем пришлось карабкаться — первым шел Картер — по длинной и шаткой лестнице. Одежда туристов для исследования гробницы вовсе не подходила: мужчины были в полуботинках и при галстуках, женщины — в широкополых шляпах и длинных платьях. Картер выдал каждому по свече и строго-настрого приказал не отставать от группы. А затем повел их по узкому и низкому проходу, который круто уходил вниз, внутрь гробницы.

— Прошу вас, будьте очень внимательны на каждом шагу, — сказал Картер, когда на дне туннеля внезапно возник провал: строители гробницы, чтобы отпугнуть воров, а вернее, поймать их в ловушку и искалечить, вырыли в этом месте колодец тридцать футов глубиной и десять шириной. Картер перебросил через провал доски, и туристы один за другим перешли по ним на другую сторону. По правде сказать, Картер немного преувеличи-

вал опасности гробницы, чтобы обострить к ней интерес со стороны потенциальных благотворителей.

Туннель, продолжая спускаться в глубь земли, привел их к древнему лестничному колодцу, в который туристы спустились по расшатавшимся каменным ступеням. Стены здесь были украшены древними фресками бордовых и желтых тонов.

За этим лестничным колодцем последовал другой, в котором туристам пришлось карабкаться, держась за руки, на груду камней, а затем протискиваться, чтобы продолжить путь, в узкий лаз. К этому времени почти все они уже вспотели и дышали с немалым трудом. Некоторых начало подташнивать от спертости воздуха. Далеко не одному туристу обжег пальцы или кисть руки горячий воск — управляться с горящей свечой умел не каждый.

И все же они храбро следовали за Картером, который вел их в чрево земли.

Коридор круто повернул, и туристы оказались вдруг в большой прямоугольной камере, искупившей все трудности их похода.

Потолок камеры был расписан синими и желтыми звездами. А в центре ее стоял каменный саркофаг с еще не извлеченной из него мумией.

— Обратите внимание на иероглифы на крышке саркофага, — хриплым шепотом порекомендовал Картер. — Это проклятие мумии, и это — *единственное*, что помешало ворах украсть ее.

Туристы, приоткрыв рты, благоговейно взирали на саркофаг, и Картеру пришлось подавить улыбку. Какие они все-таки немислимые идиоты! Никакого проклятия эти иероглифы не содержали. Он просто соврал, надеясь, что его выдумка сможет подтолкнуть Дэвиса к покупке концессии.

И к великому удовольствию Картера, именно это и произошло.

Долина царей, 1902 г.

Сорок три. Говард Картер стоял на вершине высокого фиванского холма, смотрел вниз, на Долину царей, и в голове у него вертелся этот номер.

Ночью прошел дождь. Колоссальная гроза породила самые настоящие потоки и вызвала несколько оползней на склонах окрестных холмов.

Верхний слой почвы смыло, и вся местность приобрела идеальный для целей Картера вид. Номер сорок три продолжал стучать у него в голове, а Картер все вглядывался в обнажившуюся зем-

лю, отыскивая складки или щели, которые могли указывать на вход в новую гробницу.

Сердце Картера гулко билось. Он ощущал великую мощь Долины царей и верил, что эта земля живет собственной жизнью. Жизнью то духовной, то полной игры, в которой озорная пустыня раз за разом выставляла на посмешище египтологов, уверовавших в то, что обнаружить здесь больше ничего не удастся. Время от времени очередной великий археолог объявлял: все, что можно было найти в Долине, уже найдено. А следом Долина позволяла отыскать новую гробницу, новое хранилище мумий, и лихорадочные раскопки возобновлялись, требуя новых огромных затрат.

Картер внимательнейшим образом изучил все записи, оставленные каждым из египтологов, которые приезжали сюда с того времени, когда в начале XIX столетия по Долине прошел Наполеон и его солдаты. Изучал он и родословные фараонов, сравнивая их имена со списком уже найденных мумий. И простое сопоставление двух списков сказало ему, что где-то под поверхностью Долины еще лежат несколько фараонов.

И теперь Картер оглядывал Долину, думая о загадочном числе: сорок три.

«Сорок три» не было именем. Открываемые в Долине гробницы нумеровались одна за другой в порядке их обнаружения, а в предыдущие три года француз Виктор Лоре обнаружил здесь поразительное количество новых захоронений — десять. Однако, найдя в 1900-м KV 42 и позволив Картеру поучаствовать в большей части раскопок этой гробницы, Лоре Долину покинул.

А между тем где-то здесь еще оставалась KV 43, ожидавшая того, кто ее отыщет.

Картер подозревал — не без грусти, — что человеком этим станет не он. Для того чтобы нанять на сезон несколько сотен землекопов, требовалось больше пяти тысяч фунтов стерлингов. А если добавить к этой фантастической сумме стоимость годовой концессии, организации жилья и питания, ослов, лопат, кирок и тачек, станет вполне очевидным тот факт, что египтология — занятие для богачей. Какие же шансы имелись у Картера, сына простого портретиста, открыть гробницу великого фараона? Но хотя бы помечтать-то он мог. Да и находился он все-таки *здесь*, в Египте, а не в скучной старой Англии.

Картер всматривался в складки Долины так, точно думал, что если смотреть на них достаточно долго, то рано или поздно уви-

дишь некий неприметный знак, указывающий на местонахождение гробницы. В конце концов он опустился, скрестив ноги, на единственный гладкий участок желтой земли и открыл свой альбом для зарисовок.

Легко водя карандашом по бумаге, он сделал простой набросок дна Долины, низких и плоских гор, тянувшихся к западу от нее. Задача его, как и всегда, состояла в том, чтобы передать в рисунке покой и величие, которые пропитывали собою эти места. Однако при всей одаренности Картера как художника, карандашными линиям на белом листе бумаги никогда не удавалось полностью передать все чудеса этого волшебного места.

Где-то здесь кроются свидетельства великой истории — ах, если бы только ему удалось обнаружить хотя бы часть из них, если бы только он смог отыскать KV 43!

Долина царей, 1 февраля 1903 г.

Выбравшись под бледный утренний свет этого столь любимого им места, Картер несколько раз быстро моргнул. Преданный ему египетский рабочий протянул Картеру бутылку с водой и сигарету.

Картер сделал жадный глоток, еще один рабочий накинул ему на плечи двубортное пальто. Оно, пожалуй, и могло бы придать молодому англичанину вид небрежно элегантный, если бы не то обстоятельство, что любому стороннему наблюдателю он напоминал, скорее, привидение.

Сказать по правде, он был совершенно изнурен, к тому же большую часть ночи ему пришлось проспать под открытым небом, на голой земле.

В четыре утра, оставив двух рабочих охранять вход в гробницу, он спустился в нее, чтобы подготовиться к ее торжественному вскрытию — протянуть электрические провода, перебросить бруссы через глубокие колодцы, подвесить веревочные лестницы и поручни, проложить доски, по которым пройдут восемнадцать его гостей, — да так, чтобы они не погубили хрупкие археологические находки.

Говард Картер все же нашел свою гробницу.

Вернее, гробницу Тутмоса IV, восьмого монарха Восемнадцатой династии Египта. Он правил с 1401 по 1391 год до нашей эры и был отцом Аменхотепа Величавого и дедом Эхнатона. Тело его было укрыто в колоссальной гробнице, находившейся в юго-восточном углу Долины царей, в нескольких сотнях ярдов от захоро-

нений всех остальных фараонов. Тутмос IV намеренно выбрал самое пустынное и далекое место. И тем не менее всего через семьдесят девять лет после смерти фараона грабители его отыскивали.

А 17 января 1903 года отыскал и Говард Картер.

Так Тутмос IV обратился в KV 43.

То была первая в карьере Картера великая находка.

Две недели он дожидался приезда своего покровителя Теодора Дэвиса, который уплыл на яхте вверх по реке, к Асуану. И теперь Картеру предстояло провести для него еще одну экскурсию — только на этот раз по гробнице, найденной им самим.

В 1902 году Дэвис купил дорогостоящую концессию на раскопки в Долине и сразу же нанял для их проведения Картера. Первый сезон больших результатов не принес — Картеру удалось обнаружить лишь захоронение знатного египтянина и короб с двумя кожаными набедренными повязками.

В сезоне 1903 года Картер решил копать в маленькой, забытой всеми «долине в долине». И всего за несколько дней его рабочие обнаружили проход в никем еще не открытую гробницу и вмурованные в скалу небольшие сосуды, обладавшие, как считали египтяне, магической силой.

Вот в этот проход он и повел сегодня своих гостей. К этому времени Картер жил исключительно на адреналине, но он гордился своим открытием и потому коротко описал гостям содержимое гробницы: военную колесницу, саркофаг, множество прекрасных обломков и осколков, разбросанных — несомненно, грабителями — по полу погребальной камеры.

Воздух здесь поначалу был зловонный и затхлый, во время раскопок Картеру даже пришлось установить в гробнице вентиляторы и подтянуть в нее воздуховодные рукава. Впрочем, сейчас дышать в ней было можно. Проводив довольных гостей до коридора, круто поднимавшегося вверх, к главному входу, Картер сообразил, что на сегодня его рабочий день, пожалуй что, завершился. Он чувствовал себя богом.

Гостей ожидали чай и закуски, расставленные по накрытому белой скатертью столу. Гости, явно ошеломленные увиденным, приступив к завтраку, первым делом принялись поздравлять Картера и Дэвиса.

Картер отклонил все хвалы, переадресовав их своему самолюбленному боссу, который уже видел себя не только спонсором, но и вполне самостоятельным египтологом. Хвалы сыпались

на него со всех сторон, и каждый из гостей непременно говорил о том, каким удачным окажется предстоящий сезон.

— Все это заслуга мистера Дэвиса! — заявил Говард Картер, не веря, впрочем, ни одному из своих слов.

Все заслуги принадлежат мне и, возможно, Тутмосу IV, — думал он.

Долина царей, 12 февраля 1904 г.

Картеру нечем было дышать, бедный Перки Ньюберри мог в любую минуту лишиться сознания от нехватки воздуха, однако цель их была близка, и они продолжали пробиваться к недавно обнаруженной погребальной камере.

Суть великого мгновения состояла в том, что Говард Картер повторил свой успех. Невероятно, но всего через несколько недель после открытия гробницы Тутмоса IV он обнаружил в той же части Долины еще одну гробницу. А в ней и саркофаг с мумией.

Кого здесь похоронили, было пока неизвестно, однако находку Картер сделал поразительную. Незадолго до этого он наткнулся на свидетельства существования погребальной камеры Хатшепсут. Находившийся по другую сторону горы надгробный храм женщины-фараона располагался на одной линии с последней из найденных гробниц. И Картер считал возможным и даже правдоподобным, что они соединены туннелем.

«Найти девственную гробницу я не рассчитываю, — писал он Эдуару Навиллю, подразумевая возносимые каждым египтологом молитвы о том, чтобы ему удалось отыскать погребальную камеру, в которой никто еще не побывал. — Дождевая вода — великий наш враг, однако будем надеяться на лучшее».

Относительно дождевой воды Картер был прав. Грозы сносили со склонов гор и холмов весь сор; обломки камней и песок забивались в ведущие к гробницам проходы и затвердевали в них, точно цемент. Рабочие Картера уже с середины октября орудовали в коридорах гробницы кирками, выбирая слежавшуюся почву.

Осколки керамики и погребальных принадлежностей, которые рабочие находили в этой земле, подкрепляли надежды Картера на то, что неуловимая мумия Хатшепсут может находиться именно здесь. Если он отыщет ее, это станет высшим взлетом карьеры Говарда Картера и прославит его имя на весь мир.

И наконец после четырех месяцев труда рабочие добрались до погребальной камеры. Перки Ньюберри и Картер отвалили слеп-

ленную из земли и камней плиту, перекрывавшую дверной проем камеры, и вместе вошли в нее.

Волна сырого, сперттого воздуха рванулась им навстречу. Ньюберри, сделав несколько шагов, продвинуться дальше не смог.

И он, предложив Картеру последовать его примеру, направился, пошатываясь, обратно к свету. Картер же продолжал идти вперед. *Да и как он мог не идти?* Ради этого дня, ради этого открытия он трудился тринадцать долгих, тяжелых лет.

Жара и влажный воздух словно сговорились помешать ему. Каждая стежка на швах его одежды была пропитана потом, он задыхался.

Гробница, как и предсказывал Картер, не была нетронутой. В ней стоял саркофаг, *пустой*, древний сосуд — канопа — и разбитые вазы, украшенные именами Хатшепсут и ее отца.

Исторический интерес они, разумеется, представляли, но не более того.

А он жаждал *большего*.

Просто обнаружение захоронений Говарда Картера больше не удовлетворяло. Теперь он хотел находить гробницы, полные значения, остававшиеся нетронутыми на протяжении всей истории, и в особенности хотелось ему обнаружить сокровища, которые погребали вместе с каждым фараоном.

Картер «вылез из гробницы, — писал один из друзей Теодора Дэвиса, — в совершенно кошмарном виде: весь мокрый, с черной пылью на лице и руках — к тому же чувствовал он себя так худо, что ему поневоле пришлось пролежать довольно долгое время».

Однако уже на следующий день Картер вернулся к работе и снова приступил к поискам нетронутого захоронения, которое прославило бы его на весь мир.

Возможно, им окажется гробница Хатшепсут.

А возможно, и какого-то другого фараона, имеющего для истории значение даже большее.

Охота за сокровищами продолжалась и, если сказать всю правду, она стала главным содержанием жизни Говарда Картера.

Амарна, 1335 г. до н. э.

Нефертити плакала так, как никогда не плакала прежде.

— Эйе! — наконец вскричала она. — Приведите ко мне Эйе. Он нужен мне сию же минуту. Сейчас!

Вскоре в опочивальню фараона вбежал царский писец.

Нефертити стояла, понурившись, у изножья кровати, гибкое тело ее было скрыто богатой мантией. Фараон лежал на спине, не одетый, Нефертити набросила постельное покрывало лишь на нижнюю половину его тела.

— Он мертв, — сказала Нефертити, прежде чем Эйе успел произнести хоть слово.

Взгляды их встретились, и огонь, полыхнувший в этот краткий миг в глазах Нефертити, был свидетельством того, что власть над царским дворцом необратимо перешла в ее руки — руки новоиспеченной вдовы. Она была уже не женой фараона, но правительницей всего Египта. Она была божеством. А Эйе так и останется писцом — если, конечно, она сохранит ему жизнь.

Эйе откашлялся:

— Что случилось?

— А что, по-твоему, случилось, писец? Или ты ничего не видишь? Мне еле-еле удалось сбросить его с себя.

Эйе ясно представил себе, как царица напрягает силы, чтобы сдвинуть с себя мертвое тело супруга после того, как фараона хватил удар.

— Я сам займусь его погребением, Ваше Величество, — сказал он. — Я позабочусь обо всем.

— Разошли гонцов, — приказала Нефертити, и нижняя губа ее задрожала. — Отправь их в Мемфис и в Фивы. Пусть объявят всем и каждому, что великий фараон скончался.

— Будет ли это мудрым шагом, Ваше Величество? Я хочу сказать — пока мы не знаем, кто станет преемником Эхнатона.

Взгляд Эйе выразил некоторую надменность. Как-никак, он обладал в державе немалой властью и силой и не желал выслушивать приказы от женщины.

Нефертити смерила его гневным взглядом:

— Ты что, забыл, что у моего мужа имеется сын от другой женщины? — Голос ее был полон сарказма. После того как они перебрались в Амарну, она тоже родила Эхнатону мальчика, однако ребенок этот вскоре умер. — Когда настанет время, когда он вырастет и станет мужчиной, я сама возведу сына моего мужа на царский трон, пока же, Эйе, *фараон — это я*. И не обманывайся на этот счет.

Она помолчала, снова окинула его взглядом.

— А теперь оставь меня с моим мужем. Иди. Исполни, что должен.

Эйе, потупившись, развернулся на каблуках и выскочил из заливной солнцем опочивальни. Придется делать то, что ему приказывают, — во всяком случае, пока.

Нефертити снова взглянула на своего мертвого мужа. Потом присела на кровать, мягко провела рукой по его обритой голове, прошла длинным пальцем по груди, погладила фараона по лицу, пытаясь запомнить каждую деталь.

Это были последние их общие мгновения, и она старалась сохранить Эхнатона в своей памяти сильным мужчиной, каким он был когда-то, а не слабым, взбалмошным фараоном, каким стал. И Нефертити содрогнулась при мысли о том, что вскоре произойдет с этим телом, которое она так хорошо знала.

Она положила указательный палец ему на переносицу. Царские бальзамировщики начнут отсюда, они вставят в ноздри два длинных провода и протолкнут их в его великолепный, эксцентричный мозг. А затем станут крутить эти провода, пока желеобразные ткани мозга не разжижятся и не польют из ноздрей, точно серые сопли. Тогда они перевернут тело, свесят голову фараона с края алебастрового стола, чтобы мозг его вылился в позолоченное ведро.

Ладонь Нефертити спустилась к паху мужа, в то место, где один из бальзамировщиков сделает надрез, сунет через него руку в тело и вырвет оттуда внутренние органы.

А затем Нефертити, улыбнувшись, опустила ладонь на его грудь, — она так часто укладывала сюда голову и слушала, как бьется сердце мужа. По крайней мере сердце они оставят нетронутым. Нефертити, как и все египтяне, верила, что сердце является источником знаний и мудрости. А Эхнатону потребуется вся его великая мудрость, чтобы произнести заклинание, которое оживит его труп.

Семьдесят дней, — думала она. Столько времени займет приготовление мумии.

Семьдесят дней, чтобы высушить тело под зноем пустыни, — иначе оно разложится, не достигнув загробного мира.

Семьдесят дней, а затем ее мужа поместят в гробницу, находящуюся в шести с половиной милях от места, где она сейчас сидела.

Пусть другие фараоны приказывали погребать их в Долине царей, Эхнатон выбрал для себя место вблизи его любимой Амарны, в прекрасной, уединенной долине, купающейся в лучах солн-

ца, которые позволят ему еще немного насладиться чудесным величием Атона.

— Когда-нибудь и я присоединюсь к тебе там, — сказала Нефертити, склонившись и поцеловав губы, которые успели изучить каждый дюйм ее тела.

И, в последний раз взглянув на фараона, она покинула опочивальню. Муж мертв. Их сын ушел раньше, чем он, а из прочих его детей мальчиком был только один.

Теперь ее долг состоял в том, чтобы править страной, пока этот мальчик не станет мужчиной. Она поманила к себе служанку.

— Да, царица?

— Приведи ко мне Тутанхамона.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4

Палм-Бич, штат Флорида, наше время

«Одной из самых интересных находок, сделанных в гробнице царя Тутанхамона, был безрукий манекен. Предположительно на него примерялись одежды фараона. У манекена и лицо было Тутанхамона. Юношеское, мягкое, доброе и умное».

Я перемещался, как делаю едва ли не каждое утро, по находящемуся в Уэст-Палм гольфовому раю Доналда Трампа, лучшему из известных мне полей для гольфа. Однако голова моя была занята Тутанхамоном. В какую невероятную детективную историю обращалось то, что я о нем знал! Он овладевал моим умом почти так же, как, надо полагать, овладел когда-то умом Говарда Картера.

«При всем моем уважении к вам, доктор Кросс и Линдсей Боксер, преступления, которые вы расследуете, я займусь, лишь покончив с Тутанхамоном».

Сочинение этой книги было для меня чем-то совершенно новым — главным образом потому, что оно подразумевало проведение обширных исследований. Мне посчастливилось, я смог подключить к этой работе Марти Дюгара, талантливого и щедрого писателя и исследователя, который уже успел съездить сначала в Лондон, а затем в Долину царей, чтобы помочь мне сделать мой рассказ настолько достоверным, насколько это возможно, и, что еще более важно, собрать подробности, позволяющие разрешить загадку убийства.

У этой истории был такой огромный потенциал, какой и не снился большинству детективных романов. В конце концов, речь в ней шла о царях и царицах, о зарытом в землю сокровище, об археологе, который напоминал мне разгневанного Индиану Джонса, и об убийстве *юноши*, а возможно, и его возлюбленной.

Вернувшись в кабинет, я открыл толстую папку с документами, которые собрала моя неутомимая помощница Мэри Джордан. Свидетельств того, что передо мной история убийства, становилось все больше.

8 марта 2005 года был обнародован пресс-релиз, посвященный результатам проведенного властями Египта томографического сканирования всей мумии Тутанхамона. Это исследование, инициатором которого стал Генеральный секретарь Высшего совета по древностям Захи Хавасс, показало, что Тутанхамон умер от заражения, вызванного переломом ноги. По мнению Хавасса, причиной заражения стала, скорее всего, гангрена.

Все это казалось мне серьезным достижением Генерального секретаря, пока я не наткнулся несколько дальше на фразу: «Никаких следов обызвествления или гематомы на сломанной бедренной кости не обнаружено», а между тем сразу после перелома должны были развиваться и то и другая.

На самом-то деле часть группы экспертов, изучавших результаты томографии, не согласилась с тем, что причиной смерти Тутанхамона стал перелом ноги. Они считали, что нога была сломана совершенно случайно и уже *после* обнаружения гробницы — кем-то из тех, кто пытался извлечь мумию Тутанхамона из саркофага. Тем не менее в интервью, которое Хавасс дал в 2007 году, он снова заявил, что Тутанхамон умер вследствие перелома ноги.

Следующие найденные мной данные оказались еще более любопытными: проведенная намного раньше рентгенография обнаружила утолщение черепной кости, вызванное обызвествлением,

которое возникает, когда вокруг сильно травмированной области образуется сгусток крови. Это явление называется *«хронической субдуральной гематомой»*. Однако томография никаких признаков удара по голове не показала. Быть может, египетские исследователи потратили слишком много времени на подтверждение теории, связанной с переломом ноги, и слишком мало — на рану у основания черепа Тутанхамона?

Ранние рентгенограммы были получены британским анатомом Р. Дж. Гаррисоном, который предпринял в 1960-х и 1970-х годах обширное исследование мумии Тутанхамона. Гаррисон не только провел рентгенографию скелета, но и пошел на меру довольно крайнюю — отделил от мумии голову, чтобы исследовать ее отдельно. И то, что он обнаружил, навело его на мысль об убийстве.

Мне эта мысль показалась резонной. Субдуральная гематома может развиться у человека, получившего очень сильный удар по голове, — сам удар он переживет, но спустя несколько недель все же скончается. За эти недели в месте ушиба образуется сгусток крови, и этот сгусток — хроническая субдуральная гематома — начнет обызвествляться.

Все это заставляло меня только удивляться тому, что кто-то может считать, будто Тутанхамон умер вследствие перелома ноги.

Вторая из описанных мной возможностей представлялась мне более правдоподобной, и это меня взволновало. Результаты, полученные в 2005 году, в сочетании с результатами 1969 и 1978 годов, позволяли заключить, что Тутанхамон умер не из-за перелома ноги, но от сильного удара по задней части черепа.

Однако, если Тутанхамона убили, а возможно, и забили до смерти, то кто это сделал?

Долина царей, 1907 г.

О, как пали сильные!

Говард Картер стоял у отеля «Уинтер-Палас», держа под мышкой пачку акварелей. Пиджак Картера был изношен, на рукавах его красовались уродливые заплаты. Туфли выглядели не многим лучше — нечищенные, сношенные.

Он поставил мольберт на мраморные ступени отеля, молясь, чтобы одна из его акварелей понравилась какому-нибудь дурню туристу. Продажа акварели принесет позарез нужные ему деньги, которых хватит на виски и сигареты, а то и на приличный завтрак в самом отеле.

Говард Картер, быть может, и превратился в уличного бродягу, но кое-какие принципы все же сохранил.

Беды Картера начались, когда Совет по древностям перевел его из Долины царей на другую работу. Он получил пост близ Каира, а это означало, что Дэвису пришлось искать нового главного египтолога экспедиции. Хуже того, расположенные в Саккаре древние гробницы обернулись для Картера административным кошмаром.

Когда он разрешил — и совершенно обоснованно — охранявшим гробницы египтянам использовать силу против оравы пьяных французских туристов, это вылилось в международный скандал. Картеру пришлось в течение девяти месяцев сносить унижения и начальственную немилость, а затем он подал в отставку.

Если сказать правду, ему отчаянно хотелось вернуться в Долину. Он все еще надеялся найти мумию Хатшепсут, а может быть, и никому до сих пор не давшуюся нетронутую гробницу.

Эта гробница, если считать показательными недавние события в Долине, могла принадлежать давно забытому фараону по имени Тутанхамон. Царь Тут каким-то образом провалился в одну из трещин истории, а возможно, был намеренно вымаран оттуда.

Имя его не значилось *ни в одном* из святилищ и храмов, на каменных стенах которых высекалась череда имен сменявших один другого фараонов. В 1837 году британский египтолог сэра Джон Гарднер Уилкинсон обнаружил имя Тутанхамона на одной из статуй. Однако, если не считать этого единственного упоминания, о Тутанхамоне практически ничего известно не было.

По иронии судьбы, на интересные новые данные о Тутанхамоне удалось наткнуться американцу Теодору Дэвису — человеку, которого Картер уговорил когда-то купить концессию на раскопки в Долине.

Эта невероятная история началась, по сведениям Картера, с того, что Теодор Дэвис и его новый главный египтолог Эдвард Айртон решили поискать для себя укрытие от полуденного зноя.

Дэвис и Айртон «владели», если так можно выразиться, Долиной. Дэвису все еще принадлежали права на проведение в ней раскопок, а после изгнания Картера главным его распорядителем здесь стал прошедший выучку у Петри Айртон.

До сих пор сезон складывался удачно — 18 декабря была обнаружена гробница фараона Сиптах. Теперь же январское солнце

загнало двоих мужчин в юго-западный угол Долины, где можно было найти хотя бы небольшую тень, и они решили потратить немного времени на планирование дальнейших раскопок.

Айртон спокойно курил, эксцентричный Дэвис сидел и смотрел в пространство, — так, во всяком случае, казалось.

«Мое внимание, — вспоминал впоследствии Дэвис, — привлёк большой, покосившийся валун, — по какой-то загадочной причине он меня заинтересовал».

Двое мужчин вышли на свет солнца. Худой как щепка Айртон проработал у Дэвиса всего несколько месяцев, однако уже успел привыкнуть к его импульсивному поведению. Если Дэвису хочется взглянуть на валун, значит, придется на него взглянуть.

Айртон пригляделся к валуну с одной стороны, с другой, с третьей. А затем, приметив что-то странное, опустился на колени и начал руками выгребать из-под него песок.

И обнаружил нечто и вправду удивительное, пролежавшее здесь много сотен лет!

«После тщательного осмотра и раскопок, которые мой помощник мистер Айртон произвел голыми руками, — писал впоследствии Дэвис, — мы обнаружили прекрасную синюю чашу». Чаша была изготовлена из покрытого глазурью материала, известного как «египетский фаянс», и оказалась, если не считать нескольких шербинок, совершенно целой.

Древние египтяне использовали такие чаши во время похорон. А на этой стояло и имя фараона — *Тутанхамон*.

Чаша свидетельствовала, по-видимому, о том, что этот самый Тутанхамон — кем бы он ни был — похоронен где-то поблизости.

Держа в руках «прекрасную синюю чашу», Дэвис мысленно добавил имя загадочного нового фараона к списку тех, чьи гробницы следует отыскать. И Дэвис был уверен, что именно он это и делает.

Говард Картер, живший теперь продажей акварелей туристам, ничего в связи с новым развитием событий предпринять не мог. Он просто добавил эту информацию к той, что уже хранилась в его памяти.

Тутанхамон лежал где-то в Долине и ждал, когда его обнаружат.

Амарна, 1335 г. до н. э.

УТРЕННЕЕ солнце, такое доброжелательное и вездесущее, словно благословляло Нефертити, ожидавшую в своих покоях появле-

ния Тут. Эхнатон скончался лишь несколько часов назад. Она уже подобрала группу плакальщиц, которые будут скорбеть на похоронах ее мужа — бить себя в обнаженные груди и рвать волосы на своих головах.

Теперь для царицы и ее мальчика настало время поговорить повзрослому о его будущем, да, собственно, и о будущем всего Египта.

Нефертити любила шестилетнего Тутанхамона, любила его доверчивые карие глаза, его страсть к настольным играм, даже его бесконечные вопросы о том, почему царская семья никогда не посещает такие города, как Фивы и Мемфис. По сути дела, Нефертити обожала в нем все, кроме одной небольшой детали: того, что он не был ее сыном по рождению.

Будучи очень умной и практичной женщиной для своего времени, Нефертити понимала, что у фараона могут иметься потребности, которые одна женщина удовлетворить не в состоянии. И все же, когда Эхнатон сделал своей второй женой Кийу и обрюхатил ее, Нефертити разгневалась. Великий бог Атон показал свою мудрость и справедливость, взяв жизнь Кийи, когда та рожала Тут. А Нефертити позаботилась о том, чтобы никакая вторая жена больше при царском дворе не появлялась.

Она удовлетворяла все фантазии мужа. Если же ей это не удавалось, Нефертити обращала его взоры в сторону гарема. Ибо все знали, что ни один фараон, даже такой чудаковатый, как Эхнатон, никогда на потаскухе не женится.

Так и получилось, что Нефертити стала растить Тутанхамона как собственного сына.

Настоящей своей матери мальчик не знал, и хотя он слышал рассказы о ее жизни и трагической смерти, малый возраст еще не позволял ему по-настоящему понять, что значит быть зачатым одной женщиной, а затем быть отданным в любящие руки другой.

— Ты хотела видеть меня, мама?

Он был так невинен и при этом так полон жизни. Нефертити смотрела на мальчика, и сердце ее омывала теплая волна. Она любила Тут, однако при дворе его любили далеко не все. Для некоторых он уже обратился в ненавистного соперника.

— Да, Тут. Войди. Сядь рядом со мной. Сядь поближе к своей матери.

Он пересек ее покой, ступая босыми ногами по плиточному полу, и плюхнулся рядом с Нефертити на диван.

— Я слышал о фараоне, — негромко сказал он. — Мне очень жаль.

Она взяла Тута за подбородок, приподняла голову мальчика так, что его глаза встретились с ее глазами.

— Твой отец давно уже чувствовал себя не очень хорошо, — сказала она. — Тут, существует кое-что, о чем нам необходимо поговорить. Прошу тебя, выслушай со всем вниманием то, что я скажу.

— Да, мама?

— Пока ты просто мальчик и не обучен всему, что следует знать фараону. Но ты должен помнить, что именно в этом состоит твое предназначение.

Мальчик перебил ее:

— Я не понимаю.

— Придет день, и ты станешь фараоном, Тут.

— Но я не хочу быть фараоном. Нет! Почему бы фараоном не стать тебе, мама?

— Считается, что женщина не может править Египтом, Тут. Но поскольку в моих жилах течет царская кровь, я отыщу возможность, которая позволит мне управлять, пока ты не вырастешь и не станешь великим фараоном.

— А сколько времени это займет, мама?

— Дюжину лет, может быть меньше. Ведь ты очень умен, Тут. Спешить некуда. Самое главное, чтобы ты стал таким же мудрым, сильным и полным сострадания к народу Египта, каким был твой отец. Он был хорошим человеком, всегда.

— Из Сменхкары вышел бы хороший фараон, — сказал Тут. — К тому же он был твоим настоящим сыном. Наверное, сегодняшний день горек для тебя.

Да, мальчик умен, и, может быть, поэтому она его так любит.

— Сменхкара умер, Тут.

Она не стала добавлять, что никогда не любила своего сына так, как любит Тута. Она пыталась полюбить сына, однако в глазах Сменхкары не было света и неразрывной связи с ним Нефертити не чувствовала. Такому человеку не следовало доверять правление Египтом.

— Нет, Тут. Фараоном должен стать ты.

Тут просто кивнул:

— Так что же я должен делать теперь? Ты поможешь мне, мама?

— Ты видишь, как мы сидим здесь, бок о бок друг с другом?

— Да. Конечно, вижу.

— Вот так мы поначалу и будем править Египтом. Сидя бок о бок, вдвоем. Пока принимать решения буду я, потому что ты еще слишком мал. Но ты будешь расти, превращаться в мужчину, и занимать все больше места, и обретать знания, необходимые для того, чтобы принимать правильные решения.

— А потом начну править, как фараон?

— Да, Тут. И я уверена, тебя ждут великие дела. Ты станешь фараоном, которого народ будет помнить всегда.

Амарна, 1334 г. до н. э.

Таким был план, исполнение которого превратило бы мальчика в настоящего царя, хоть этого и не случилось. Не случилось ничего даже похожего на это. В который раз исполнению великого плана помешала смерть — а может быть, и убийство.

— Чтобы стать фараоном, вы должны стать мужчиной, — заверил Тута его наставник по воинскому искусству. — Придет время, и вы станете таким же большим и сильным, как я. Когда мы закончим ваше обучение, ни один мужчина не решится преградить вам путь.

Глядя на мощные мускулы и широкую грудь наставника, Тут с трудом верил, что такое возможно, однако каждое слово его слушал очень внимательно.

Они находились на огромном зеленом поле, раскинувшемся на левом берегу Нила. Стоял февраль, неяркое солнце нежно ласкало землю.

Тут был худеньким мальчиком. Чуть расщепленное нёбо надеяло его легкой шепелявостью, однако все остальное в нем несло на себе отпечаток безупречной красоты его матери. Руки у Тута были тонкие, да и обутые в сандалии ноги тоже особой массивностью не отличались.

— Вы готовы, мой господин? — спросил наставник.

Тут попытался ответить, но так сильно нервничал, что у него получился только вздох.

Наставник постарался скрыть улыбку.

— В таком случае поговорим о разных типах луков, которые мы будем использовать.

Список луков оказался слишком длинным для того, чтобы Тут смог запомнить его с первого раза — хоть наставник и не преми-

нул подчеркнуть, что фараону надлежит искусно владеть каждым из них — наравне с мечом и булавой, — что он должен уметь сражаться на мечах, метать копье, править колесницей, скакать верхом, владеть приемами рукопашного боя и боя на кинжалах, бумерангом, дубинкой и боевым топором. Сегодняшний урок был посвящен двойному составному угольному луку, составному угольному луку, лучным дугам и коротким простым лукам. И Туту предстояло освоить *все это*.

Луки изготавливали из березы, а для пущей крепости обертывали корой и обматывали жилами. Их украшали золотой фольгой и накладками из слоновой кости. Большой лук наставника был выше Туты, его же собственный доходил, когда вертикально стоял на земле, до колена Туты.

Наставник вложил его в руки мальчика:

— Теперь слушайте внимательно. Без лука вам в загробном мире никак не обойтись. Все ваши луки похоронят вместе с вами. Так что научитесь, государь, умело пользоваться ими. Правила боя, которые вам предстоит освоить, будут хорошо служить вам... везде и всегда.

Тут наложил на лук стрелу, натянул тетиву. И с первого же выстрела попал в мишень, стоявшую, впрочем, не так уж и далеко от него.

— Очень хорошо, мой господин. *Вы прирожденный лучник.*

Амарна, 1333 г. до н. э.

— Вы опаздываете. Я этого не потерплю, Тутанхамон. Ваше поведение непростительно.

Тут вбежал в класс царской школы с любимым охотничьим луком в руке. Он снова бродил в тростнике, стрелял там уток и слишком поздно понял, что уже настало время занятий.

Привести себя в должный вид Тут не успел и теперь, фараон он там или не фараон, вынужден был выслушивать выговор рассерженного наставника.

— Наставник, я...

— Молчите. Ни слова больше. Сядьте и займитесь иероглифами.

Наставник был тощим, страдающим несварением желудка молодым человеком, который не расхаживал по классу, а порхал по нему, точно нервная птица. Тут любил забавлять сестру, изображая его, однако сейчас шутить с ней никакого смысла не имело —

она была слишком занята тем, что хихикала, радуясь невезению брата.

Обычное наказание для опоздавшего состояло в том, что он должен был сто раз вывести на куске папируса по двадцать пять букв иероглифического алфавита. Исполнение этой задачи занимало часа два, и наставник прекрасно понимал, что для Тута это была сплошная мука.

Ему уже исполнилось восемь лет, последним его страстным увлечением были уроки вождения колесницы. Два часа, проведенные в классе за переписыванием иероглифов, означали, что носиться с поводьями в руках по пустыне ему придется на два часа меньше.

Примерно в той же мере, в какой отец его ненавидел войну, Тут жаждал дожждаться дня, когда он поведет воинов Египта в бой. Он рисовал в воображении себя в колеснице, двух несущих ее галопом могучих коней и многотысячную армию, готовую исполнить любой его приказ.

— Браво, фараон, — прошептала его сестра Анхесенпаатон. Она родилась на несколько лет раньше Тута и была очень красива — даже красивее, чем Тут.

— В один прекрасный день, — объявил наставник, — когда вы будете править Египтом, как самый настоящий фараон, вы, возможно, прикажете убить меня за мою нынешнюю дерзость, но до той поры это мой класс и вам придется поступать так, как приказываю я, в частности вовремя приходить на занятия. *Вы хорошо меня поняли, Тутанхамон?*

Злой, багровилицый Тут кивнул и, стараясь не встречаться взглядом с сестрой, сунул в рот свежую тростинку. Он жевал ее кончик, пока тот не расщепился и волокна тростинки не образовали легкую и податливую кисть.

Затем Тут обмакнул это новенькое орудие для письма в воду и коснулся им плитки твердой туши. А после этого рука его принялась без особых усилий выводить на куске пергамента соколов, сов, ступни и множество других изображений, из которых и состоял иероглифический алфавит.

Впрочем, очень скоро слепополуденная жара и тишина классной комнаты заставили его мысли отвлечься от выполнения этой задачи. Он так любил находиться под открытым небом, что необходимость сидеть в столь прекрасный день под крышей ранила его душу.

Туту страшно хотелось искупаться сейчас в Ниле, забыв о таящихся в воде крокодилах. Или покатать Анхесенпаатон на колеснице — сестру он обожал. Или, может быть, просто постоять на вершине горы, вглядываясь в далекие лиловатые скалы и наслаждаясь фантастической мыслью о том, что вся эта земля когда-нибудь будет принадлежать ему.

И это были не просто ребяческие мечты — это была реальность.

Выводя иероглифы, Тут поглядывал на своего строгого наставника, истинную отраву его детства. Последним, в чем он нуждался, было еще одно несправедливое наказание — в добавление к тем, что он уже получил. Нефертити высказалась по поводу его учебы с полной определенностью, предупредив Туту, что если он провалит экзамен по какому-либо предмету или даже просто окажется отстающим учеником, то лишится права покидать стены дворца. А более ужасного наказания Тут и представить себе не мог.

И вот, к радостному изумлению Туту, то же самое послепопуденное солнце, которое отвлекало его мысли от письма, действовало и на наставника. Тут с нетерпеливым восторгом наблюдал за тем, как наставник поудобнее устраивается в кресле, как смыкаются его веки. Затем голова наставника откинулась назад, рот его приоткрылся, и вскоре он начал негромко похрапывать.

Анхесенпаатон прижала, чтобы не захихикать, ладонь к губам. Тут аккуратно опустил свою кисть на дощечку слоновой кости и, легко похлопав сестру по плечу, указал ей большим пальцем на дверь.

— Нет, — одними губами сказала Анхесенпаатон. — Нельзя, Тут. *Нельзя.*

Однако Тут настоял на своем — тихо встал и взял ее за руку. И она, оглянувшись на наставника, храп которого становился все более громким, тоже встала.

Девочка и мальчик царских кровей на цыпочках направились к двери, к свободе речного простора. По пути Тут прихватил свой охотничий лук — на всякий случай.

Однако в коридоре им преградила дорогу грузная туша Эйе.

— Куда это вы, интересно узнать, собрались? — бухнул бас царского писца, напугав Анхесенпаатон настолько, что она даже подпрыгнула.

Наставник, мгновенно проснувшись, вскочил на ноги.

Эйе, крепко взяв Туту и Анхесенпаатон за руки, потащил их обратно в классную комнату, ногти его впились в руку Туту.

— Отпусти меня, — закричал мальчик, но Эйе лишь стиснул его руку еще сильнее. — Когда я стану фараоном, ты вылетишь из дворца! Это я тебе обещаю, писец! И тебе тоже, наставник!

И Тут, вырвавшись из крепкой хватки Эйе, побежал — и не останавливался, пока не достиг берега Нила. А самое замечательное — по пятам за ним неслась, шаг в шаг, и Анхесенпаатон.

— Как по-твоему, что они с нами сделают, если поймают? — спросил, улыбаясь, Тут, сидевший на корточках посреди тростников, которые заслоняли детей от Эйе и второго их заклятого врага, наставника.

Вообще-то Анхесенпаатон была обычно девочкой практичной. Ее импульсивное решение удрать из дворца вместе с ним стало для Тута большим сюрпризом.

Впрочем, сюрприз этот был приятным — из тех, которые внушают человеку чувство, что он не одинок в этом мире. Так хорошо иметь товарища по оружию, друга, даже если другу этому предстоит всего лишь разделить с тобой наказание, которое, несомненно, последует за этим возмутительным проступком.

Тут смотрел в глаза сестры и улыбался. Строго говоря, сестрой она ему приходилась лишь единокровной, ибо он был плодом супружества его отца со злосчастной Кийей, однако, хоть они и были детьми одного отца, относились эти двое друг к другу скорее как лучшие друзья, чем как брат и сестра.

Она была и похожа на него, и не похожа. Это было трудно объяснить. Тут любил ее всей душой. Он очень любил свою Анхе.

— Побить-то они нас не побьют, — объявил Тут, отвечая на собственный вопрос.

— Почему ты говоришь «они»? — спросила Анхесенпаатон. — Наказание для нас будет выбирать мама.

— Не совсем так, — терпеливо объяснил ей Тут. — Эйе и наставник — мужчины. И считают, что они главнее мамы.

Чтобы сделать из Тута настоящего фараона, Нефертити старалась привлекать его к участию во всех важных совещаниях, какие она проводила со своими советниками. И даже мальчику не составляло труда заметить, что Эйе жаждал власти гораздо большей, чем та, какой обладала Нефертити. Царский визирь часто бросал на Тута гневные взгляды, как-будто само присутствие мальчика оскорбляло его.

Эйе пугал Тута, и сейчас, сидя в тростниках, он потирал следы, оставленные на его руке толстыми ногтями визирия.

— Будь осторожной с Эйе, — сказал Тут сестре. — Я ему не доверяю. И ты не доверяй. По-моему, он хочет жениться на маме и стать фараоном.

Анхесенпаатон лишь улыбнулась в ответ:

— У него это не получится, Тут. Ведь фараон — ты.

— Может получиться, если он женится на царице. Брак с женщиной царских кровей позволит Эйе претендовать на трон.

Тут умолк, давая сестре время, чтобы усвоить его слова, и, склонив голову набок, стал наблюдать за уткой, садившейся на воду.

— Мне это не нравится, — негромко сказала Анхесенпаатон. — И сам Эйе не нравится. Ни капельки. Он злой, он грубит маме. Да и генерал Хоремхеб тоже какой-то скользкий. Будь поосторожнее и с ним.

— Я буду осторожен со всей этой компанией, — ответил Тут и внезапно проделал то, чего и сам от себя не ожидал, — наклонился к Анхе и поцеловал ее. И самое, может быть, удивительное состояло в том, что она этому не воспротивилась.

А затем, убедившись, что поимка им больше не грозит, двое детей покинули свое укрытие и, хохоча, понеслись к реке. Крокодилы, которые прятались в ней, пугали их меньше, чем наделенные властью мужчины, бродившие по коридорам дворца.

Глава 5

Фивы, 1908 г.

Говард Картер получил официальный вызов.

Давний друг Картера, глава Отдела древностей Гастон Масперо захотел встретиться с ним, чтобы обсудить его «будущее». За те четыре года, что прошли со времени ухода Картера со службы, подобных разговоров с ним никто не вел. Так что приглашение на встречу с Гастоном Масперо было для него неожиданностью более чем приятной. Возможно, этот разговор станет его спасательным кругом.

Отель «Уинтер-Палас» отделяло от Долины царей расстояние примерно в пять миль. Стоя на огромной мраморной лестнице, поднимавшейся к главному вестибюлю отеля, можно было без труда разглядеть за Нилом далекие скалы, за которыми лежала Долина. А когда ветра не было и песок пустыни не мутил воздух, казалось, что до этих скал и вовсе рукой подать.

Именно это ощущение и мучило Картера в дни изгнания. Человек, относящийся к египтологии с меньшей страстностью, никогда не пал бы так низко, как он, Картер, охотившийся теперь за туристами, чтобы заработать на пропитание. Мало того, поскольку продажей акварелей прокормиться было трудно, Картер еще и приторговывал древностями на черном рынке, скатившись, таким образом, на уровень одного из тех людей, которых сам же и отдавал когда-то под суд за разграбление гробниц.

И словно для того, чтобы еще ухудшить его тяжелое положение, судьба устроила так, что любимые покровители Картера, лорд и леди Амхерст, также переживали далеко не лучшие времена. В 1907 году им пришлось продать Дидлингтон-Холл, здоровье лорда Амхерста расстроилось.

Вот тут-то на сцене и появился — большое спасибо Масперо — неподражаемый лорд Карнарвон.

Джордж Эдвард Стенхоуп Молино Герберт, более известный как пятый граф Карнарвон, или совсем просто — *Его Светлость*, был человеком худощавым и бледным, с изъеденным оспой лицом гончей собаки. Он непрерывно курил, водил гоночные машины, держал конюшню — вообще наслаждался жизнью богатого, поглощенного только самим собой бонвивана. Даже автомобильная катастрофа 1901 года, в которой он едва не погиб, не остановила Карнарвона: он по-прежнему сорил деньгами и продолжал вести жизнь светского бездельника, жизнь, полную удовольствий, совершенно им не заслуженных, во всяком случае по мнению Картера.

В Египет Его Светлость впервые попал в 1905 году; этот визит и последующие «туры» возбудили в нем аппетит ко всему египетскому. Мало-помалу Карнарвон превратился из человека, жившего только одним мгновением, настоящим, в человека, поглощенного прошлым — *древним прошлым*.

И теперь, подобно многим богатым людям до него, страстно увлекавшимся Египтом и поиском сокровищ, лорд Карнарвон захотел заняться раскопками самостоятельно.

Успехи Картера и Теодора Дэвиса были широко известны, яхта Дэвиса «Бедуин» стояла на якоре через улицу от отеля, в котором жил Карнарвон. У него имелись британские знакомые, купившие небольшие концессии, и потому Карнарвон считал, что он тоже сможет откопать что-нибудь важное для истории, да еще и удовольствие при этом получить. Собственно говоря, он полагал, что раскопки — дело *страшно веселое*.

Увы, первый его сезон многообещающих результатов не дал. Да и веселого в нем оказалось мало. Артур Уайгалл, который ныне занимал прежний пост Картера — генерального инспектора Верхнего Египта, — счел Карнарвона отъявленным дилетантом, каким он, в сущности, и был. Уайгалл выделил Карнарвону просто-напросто кучу мусора, известную под названием Шейх абд-эль-Курна, и результаты раскопок оказались предсказуемо жалкими. Единственным, что там удалось обнаружить за первый шестинедельный сезон, была мумия кошки, похороненная в деревянном, специально для нее изготовленном гробике.

Карнарвон, хоть и был разочарован, относился к этой мумии как к сокровищу. В конце концов, она стала его первой находкой. И теперь египтология овладела им окончательно.

Единственной проблемой Карнарвона, как считали все, был сам Карнарвон. Вместо того чтобы нанять опытного профессионала, он руководил раскопками самолично. Каждый день он сидел в большом ящике, обтянутом, чтобы в него не лезли мухи, мелкой сеткой, курил сигарету за сигаретой и наблюдал за тем, как работает на жаре и в пыли его набранная с бору по сосенке команда.

Что Карнарвону действительно требовалось — о чем все и твердили ему раз за разом, — так это закаленный профессионал, который руководил бы его раскопками.

А Говарду Картеру требовался, чтобы вернуться к своему делу, богатый, купивший концессию патрон.

В перерыве между сезонами Карнарвон написал из Англии Уайгаллу, попросив его найти «ученого человека, поскольку у меня на изучение всех необходимых тонкостей просто нет времени».

Главной связующей нитью всей этой истории стал Масперо, который, собственно, и продал Карнарвону концессию.

Благодаря этому Картера и вызвали в «Уинтер-Палас», чтобы он обсудил с Карнарвоном и Масперо возможность снова встать во главе масштабных раскопок. Одежда его к этому времени из-

носилась окончательно, под мышкой у Картера был зажат вечный портфель с рисунками, как если бы его позвали лишь для того, чтобы он зарисовал происходящее, чего, как горестно полагал Картер, от него и ждали.

А его спросили: хочет ли он вернуться к работе?

И впавший в немилость египтолог, испытывая восторг от того, что судьба дает ему второй шанс, мгновенно ответил: хочу.

Амарна, 1333 г. до н. э.

— Что с тобой, мама? — спросил Тут.

Красивый мальчик стоял рядом с Нефертити на густой зеленой траве сада, обсаженного смоковницами и финиковыми пальмами. Царица сидела в тени маленькой пальметты. Ее прекрасное лицо превратилось ныне в маску с туго натянутой кожей. Оба знали: в последнее время царице нездоровилось, однако до этого дня Нефертити делала вид, что с ней все в порядке.

Иметь всего восемь лет от роду и столкнуться с перспективой утраты матери, да еще вскоре после смерти отца, — к этому не мог быть готов ни один ребенок.

Однако Тут не был обычным ребенком: он был ребенком царской крови, божеством.

Он присел на диванчик матери, посмотрел, как она откидывается назад, стараясь расслабиться, как морщится от боли, когда ее кожа касается жесткой спинки дивана.

— Я умираю, Тут, и должна попросить тебя сделать одно дело, которое может показаться тебе странным.

— Не говори так, мама. Ты *не* умираешь.

— Умираю. Либо меня отравили, либо во мне поселилась хворь, от которой Атон избавить меня не желает. Я приказала слугам ускорить подготовку моей погребальной камеры, поскольку времени у меня осталось, быть может, совсем не много.

Нефертити сомкнула веки, боль пронзила ее тело. Тут накрыл ладонью ее ладонь, мягко, чтобы не причинить матери новую боль.

Это проявление доброты и сострадания заставило Нефертити улыбнуться.

— Ты будешь великим фараоном. Я нисколько в этом не сомневаюсь.

— Спасибо, мама.

Тут помялся, ему не хотелось говорить о том, что было у него на уме.

— Ну что? — спросила Нефертити.

— Ты обещаешь, что не станешь сердиться?

Она помолчала, обдумывая ответ.

— Обещаю. А теперь спрашивай. Ты должен всегда говорить со мной начистоту, Тут.

— Это дело рук Эйе? Я же вижу, как он смотрит на тебя. Невозможно сказать, любит он тебя или ненавидит.

— Думаю, и то и другое, всего понемногу. Но нет, я не страшусь Эйе, — а вот тебе страшиться его следует. Ты пока всего лишь мальчик и нуждаешься в защите от обладающих властью неразборчивых в средствах мужчин, которые могут желать тебе зла.

— Думаешь, он хочет стать фараоном?

— Да, Тут, думаю. И он не единственный, кто мечтает править Египтом.

— Но он же простолюдин.

— Как и ты, Тут. Не забывай, твоя настоящая мать была чужеземкой. Ты царь лишь наполовину. В этом дворце единственный ребенок, в чьих жилах течет только царская кровь, — твоя сестра. Именно поэтому я и призвала тебя сюда.

— Что это значит? О чем ты говоришь, мама?

— Анхесенпаатон не может править державой, потому что она женщина. Для того же, чтобы ты мог властвовать как фараон и произвести на свет наследника, который обеспечит неразрывность линии царственной крови, тебе придется смешать твою кровь с кровью женщины царского и только царского происхождения. Ты понимаешь меня?

— Но ведь единственная такая женщина — Анхесенпаатон.

— Вот именно, Тут. Анхе — единственная.

— То есть ты хочешь сказать, что...

Голос его смущенно замер, и Нефертити пришлось самой закончить начатое Тутот предложение:

— Ты должен жениться на своей сестре.

Луксор, 1909 г.

Говард Картер снова оказался в мире, который любил больше всего на свете. Возможно, он стал немного старше и немного исхудал, однако в профессию свою вернулся.

Пока над могучим Нилом всходило солнце, Картер окидывал взглядом, как уже много раз делал это прежде, маленькую армию своих рабочих. Конечно, раскопки он вел в той части фиванского

некрополя, которую многие называли «нефешенебельной», — лучшим, на что Картер мог здесь рассчитывать, было обнаружение захоронений вельмож и богатых торговцев, однако после нескольких проведенных впроголодь лет он нисколько не возражал и против этого.

Хорошо иметь работу. Он закурил и приказал рабочим браться за лопаты.

Рядом с ним стоял лорд Карнарвон — в элегантном костюме и шляпе.

Отношения их явным образом отличались от тех, которые Картер поддерживал с лордом Амхерстом и даже с Теодором Дэвисом. В прежние дни Картер мог упрямо стоять на своем. Теперь же он был наемным служащим, и никому даже в голову не приходило относиться к нему, как к члену семьи.

Впрочем, его это не заботило. У него имелись планы, которые позволили бы сообщить неряшливому стилю проводимых Карнарвоном раскопок профессионализм и ответственность. При опыте Картера и деньгах Карнарвона они и впрямь могли найти что-нибудь значительное.

А со временем, если планы Картера осуществляются, они смогут перебраться в Долину царей и приступить к настоящим раскопкам, к поискам *настоящего сокровища*.

Амарна, 1330 г. до н. э.

Никакой официальной церемонии не было, как не было и торжественных речей высших жрецов, отмечавших заключение брачного союза.

Анхесенпаатон просто переселилась в отведенную Туту часть дворца, туда, где когда-то размещались покои их отца.

Это произошло три года назад. Они спали в разных комнатах, но при этом очень подружились. Ныне же, в день погребения Нефертити, Тут стал единоличным правителем державы.

Анхесенпаатон мяла пальцами подол своей полупрозрачной белой ночной рубашки, готовясь впервые разделить ложе с Тутом. Он не достиг еще даже юношеской поры, сестра была на несколько лет старше него, однако Тут уже начал физически развиваться как мужчина, и это не ускользнуло от внимания его супруги.

Для них настало время произвести на свет наследника престола или по крайней мере — возраст их пока не давал уверенности в успехе такого начинания — приступить к попыткам сделать это.

Тут развязал тесемки украшавшей его лицо накладной бороды фараона и положил ее на столик у кровати. Нефертити, побеседовав с братом и сестрой по отдельности, научила их всему, что им требовалось знать, и Тут полагал, что все хорошо понял. Однако он ни разу еще не заглядывал в гарем, и то, что должно было сейчас произойти, представлялось ему неестественным и неловким.

Сбрасывая рубашку с плеч, Анхесенпаатон благопристойно повернулась к нему спиной. Тут смотрел, как ткань соскользнула с ее узких бедер и беззвучно опала на пол.

Затем она, прикрыв ладонью еще не развившуюся окончательно грудь, повернулась к нему, чтобы откинуть постельное покрывало и скользнуть на теплую простыню, накрыв себя другой. Тут услышал запах ароматических масел, которыми Анхесенпаатон умастила свое тело и волосы.

— Теперь ты, *фараон*.

От мысли о том, что ему придется сбросить с себя одежды на глазах у Анхе, Тута пробила нервная дрожь.

— Ты когда-нибудь пиновала так, как сегодня? — задал он не вполне уместный в эту минуту вопрос, подразумевая пиршество, устроенное после похорон Нефертити. На пиршество собрались, чтобы почтить ее, все жрецы Атона. Присутствовал и Эйе, и Тут заметил, что царский визирь, сидевший в углу залы с генералами фараона, пил, не соблюдая никакой меры.

— По-моему, я в жизни не видела столько еды, — ответила Анхесенпаатон.

— Жаль, что там не было мамы.

— Теперь ты сможешь предъявить права на престол, и оспорить их никто не посмеет.

— Да, — негромко ответил Тут, который впервые понял сегодня, какое это тяжелое бремя — быть правителем всего Египта. Оно давило на него, точно каменная плита.

— Мы остались одни, Тут, — прошептала Анхесенпаатон, также ощутившая в этот день тяжесть своего бремени, хоть оно и было иным. — Только ты и я в этом сложном и трудном мире. Без родителей, которые наставили бы нас. Только мы.

— Меня от твоих слов страх пробирает.

— Я понимаю. Но, Тут, давай пообещаем всегда заботиться друг о друге, защищать друг друга от тех, кто пожелает нам зла.

— Я обещаю, Анхесенпаатон. Я никому не позволю навредить тебе.

— И я обещаю, Тут.

В спальне наступила неловкая тишина. Теплый воздух пустыни втекал сюда через открытое окно, Тут чувствовал легкий, такой восхитительно знакомый запах Нила.

Анхесенпаатон глубоко вздохнула и отбросила накрывавшую ее простыню, больше уже не боясь показать себя мужу.

За многие проведенные ими вместе годы Тут ни разу еще не видел свою сестру нагой, и сейчас, когда он понял, насколько прекрасно ее тело, у него перехватило дыхание.

— Сними юбку, Тут, — велела она.

Фараон подчинился. Он тоже был прекрасен.

Фивы, 1326 г. до н. э.

Теперь ночи страстной любви отзывались в памяти Анхесенпаатон чем-то сладостно-горьким. Никогда еще не была юная царица так взволнована — или испугана.

— *У меня задержка*, — шепнула она, перекатившись на ложе и положив подбородок на грудь Тут.

— Сколько раз я уже слышал это? — ответил Тут.

— Целых три месяца, Тут, — прошептала Анхесенпаатон. — У нас будет малыш. Я уверена. Так что думай об имени.

— Нефертити, — сразу сказал он.

— А если родится мальчик?

— Нефертити, — повторил Тут и рассмеялся.

Анхесенпаатон смотрела на него.

— У нас будет малыш, — снова сказала она.

С той ночи прошло пять месяцев.

Сейчас, сидя верхом на царском родильном стуле, Анхесенпаатон в последний раз напрягла мышцы живота, выталкивая из себя младенца. Тут стоял рядом, сжимая руку Анхе, и их дитя наконец присоединилось к ним, упав на ожидавшие его ладони царского врача.

Ребенок был мертв. Бедный младенец был очевидным образом деформирован — одно плечо много выше другого, позвоночник искривлен — и столь же очевидным образом мертв.

— Призовите царского мага, — сказал врач, обратившись к стоявшей за спиной Анхесенпаатон дворцовой служанке.

Царский маг отвечал за лечение всех недугов, какие только могли привести царицу к выкидышу, ему надлежало, пока она

еще сидела на низком стуле, поместить на пол между ее ног жаровню с горящими углями, дым которых проникнет в чрево царицы и уничтожит все, что есть в нем нечистого.

— Мальчик или девочка? — слабым голосом спросила Анхесенпаатон. Ей хотелось плакать, однако она сдерживала слезы.

— Какая теперь разница, царица, — ответил врач.

— Мальчик или девочка? — рявкнул Тут, показав, что он подобной дерзости не потерпит.

Врач, немедленно вспомнив о своем месте, вытянулся в струнку:

— Девочка, Ваше Величество.

Анхесенпаатон протянула к врачу руки. Пуповина, соединявшая мать с дочерью, не была еще перерезана, и теперь царица прижала мертвое дитя к груди и горько заплакала. Она провела пальцем по головке младенца, тронула его крошечный носик, погладила завитки мягких черных волос. Глаза ребенка были закрыты, Анхесенпаатон поцеловала каждый из них.

Скоро, очень скоро, знала она, дворцовый бальзамировщик сделает из новорожденной девочки мумию и поместит ее в царскую гробницу, где она будет ожидать смерти своих родителей.

— Мы узнаем друг друга в следующей жизни, — прошептала Анхесенпаатон. — Я люблю тебя, моя маленькая Нефертити.

Египетская пустыня, 1324 г. до н. э.

Время его настало, и он был готов — умереть, что вполне возможно? Тут стоял в одиночестве посреди своего шатра, живот его свело от страха. Адреналин струился по жилам. Тут сжал и разжал кулаки, потом полдюжины раз подпрыгнул на носках ног. Ему было семнадцать лет, и он собирался впервые выйти на поле битвы.

Снаружи доносились лязг мечей и конское ржание, — это огромная армия Тута строилась для утреннего сражения. *Его армия Египта.*

Тут прошептал молитву Амону, застегнул кожаный нагрудный доспех, вставил меч в висевшие на поясе ножны и вышел под безжалостное солнце пустыни, чтобы присоединиться к своим войнам.

В отличие от многих солдат, жены которых последовали за армией, Тут был один. Горе, вызванное утратой ребенка, изменило отношения между ним и Анхесенпаатон. Даже при том, что она снова забеременела, все теперь было иначе. Анхесенпаатон повзрослела, стала более раздражительной.

Отец Туту всю жизнь просидел с Нефертити во дворце, а сам Туту пристрастился к разъездам. Теперь он нередко отправлялся с Эйе, которому по-прежнему не доверял, охотиться на оленей. И попал под влияние генерала Хоремхеба — особенно в том, что касалось войны. Чтобы стать настоящим мужчиной, решил Туту, он должен принять участие в сражении. Должен выйти со своими солдатами на поле битвы.

И в этот день ему впервые представилась такая возможность. Сегодня он испытает свою храбрость — и, возможно, умрет.

Огромная армия египтян стояла лагерем под хананейским городом Мегиддо, крепостью, возведенной в пустыне и защищенной высокими стенами из глины и известняка. Вполне возможно было, что хананеи не пожелают выйти из нее на сражение, предпочтут терпеть осаду египтян, вместо того чтобы гибнуть от их рук на глазах у своих женщин и детей.

Туту молился о том, чтобы этого не случилось. Он жаждал впервые ощутить вкус битвы.

Сверкающий меч тяжело хлопал его по бедру. Туту инспектировал отряд воинов, которым предстояло понестись в бой на колесницах. Подобно стоявшим перед ним солдатам, он поклялся быть сильным и не показывать страха, и все же побаивался того, что может вдруг развернуть колесницу и бежать с поля боя.

— Вы обладаете даром настоящего художника, фараон, — сказал, подойдя к нему, Хоремхеб. — От изображенных вами богов веет такой силой, что, когда я вижу их, мне хочется склониться перед ними.

Этот ядовитый комплимент, высказанный генералом в связи с увлечением Туту искусством, содержал в себе не слишком тонкий оскорбительный выпад — намек на то, что юный фараон так же трусоват, как и его отец.

— Ты хочешь сказать, что мне следовало остаться в Фивах, генерал?

Туту не боялся задавать резкие вопросы даже тем, кто был на десятки лет старше него.

Он вытер со лба пот и снова взгляделся в своих солдат — пехотинцев, лучников, воинов на боевых колесницах, — построившихся в длинные, аккуратные колонны. Всего лишь окинув их взглядом, можно было увидеть арсенал, равный которому до сей поры видели немногие: мощные луки и булавы, наточенные топоры, пики и кинжалы, поблескивавшие под солнцем.

То, что в его распоряжении находится такая мощь, волновало Туту невообразимо. Нет, он *не* был сыном своего отца. Он был воином!

— Я всего лишь сделал вам комплимент, фараон, — ответил лукавый Хоремхеб.

— Комплимент принимается. Но скажи, генерал, какой будет сегодня наша стратегия?

Генерал взглянул на далекие укрепления Мегиддо.

— Могу ли я говорить прямо, государь?

— Разумеется, можешь. Ты уже достаточно хорошо знаешь меня. Я хочу слышать правду — всегда. Говори все, что у тебя на уме.

— Мне уже доводилось брать этот жалкий город. Его населяют блудницы и воры, которые понимают только одно — грубую силу. Если они выйдут, чтобы сразиться с нами, мы сначала осыпем их стрелами, а затем бросим на них колесницы, которые обратят их армию в бегство. Наши бойцы налетят на хананеев и будут резать их, как жалких поросят, каковыми они и являются. И песок пустыни пропитается кровью, которая хлынет из их тел, точно вода ревушего водопада.

Хоремхеб злобно усмехнулся. От раболепства его не осталось и следа, теперь он пытался различить на лице Туты признаки безгливости.

— Когда настанет этот миг, генерал, я лично вспорю живот одному из хананеев. И смажу его нутряным салом ось моей колесницы.

— Как вам будет угодно, — сказал Хоремхеб, которому слова фараона, похоже, пришлись по душе.

Тут еще раз взгляделся в Мегиддо, а затем снова обратился к Хоремхебу:

— А если они не выйдут, что тогда?

— Тогда мы осадим город. Отравим источники воды и возьмем их измором. Осада может отнять у нас несколько месяцев, однако в город мы войдем. Это я гарантирую. Если человеку не пришлось участвовать в разграблении города наподобие этого, можно считать, что он и не жил. Женщины ни в чем вам не отказывают. А мужчинам города хватает ума отдавать победителям тех, что помоложе и покрасивее. Вы, разумеется, сможете выбирать их сами. — Хоремхеб выдержал безукоризненно рассчитанную паузу. — То есть если для вас предпочтительнее взрослые жен-

щины. В постели они иногда ведут себя очень бурно, фараон. Особенно когда победитель берет их силой.

Тут подавил желание выхватить меч и отсечь Хoremхебу руку, дабы поставить его на место.

— Мне довольно и моей жены. Мою долю необузданных женщин можешь взять себе.

Внезапно бегающие глаза Хoremхеба замерли, он явно увидел что-то интересное.

— Что такое, генерал?

Хoremхeб указал узловатым пальцем вдаль:

— Городские ворота. Посмотрите сами. Они открываются! Хананеи выходят, чтобы сразиться с нами.

— *Стой!* — рывкнул Хoremхeб, и его низкий, мощный голос словно рассек сухой воздух пустыни. Хорошо обученная армия египтян резко встала. Тут тоже остановил колесницу. И то, что он увидел перед собой, привело его в полное изумление.

В миле от него из-за стен города вытекала армия хананеев. Пехотинцы шли плечом к плечу тремя колоннами, их было около пяти тысяч человек. Лучники вышагивали с флангов, готовые осыпать стрелами египтян, если те попытаются совершить обходной маневр.

А впереди плыли, точно зеркальные отражения Хoremхеба, Тута и прочих египетских командиров, воины на боевых колесницах. В каждой из них находилось по два человека — возница и лучник, обученный обстреливать противника на полном ходу.

Хананеи двигались быстро, словно стремясь сразу же завладеть полем боя. Их массивные плечи и темные, закрывавшие грудь бороды придавали им облик людей, куда более крупных и мощных, нежели египтяне.

К стыду Тута, у него перехватило от ужаса дыхание. Он разинул рот. Вглядываясь в хананеев, он увидел, что надвигаются они неуклонно, не сбавляя шага. И теперь, когда до них оставалось около пятисот ярдов, они казались еще более страшными.

Однако их кони! Тут понял, что кони эти обучены плохо, ибо они норовили развернуться и бежать с поля битвы.

Даже животным хватает ума страшиться близящегося сражения, — подумал он. Это были не кони непобедимых воинов, но кони, хорошо знавшие, что такое бегство от гибели. Мысль эта подействовала на Тута ободряюще, однако хаос, тво-

рившийся у него в желудке, лишь обострился. Он наклонился, и его вырвало. Впрочем, Тут быстро отер рот и выпрямился, дабы солдаты не подумали, что их фараон дал слаbinу.

Но от Хoremхеба скрыть что-либо было попросту невозможно.

— Я и сам проделывал это множество раз, фараон, — сообщил он полным сарказма голосом.

Нет, сейчас не время отрубать ему руку. Может быть, позже. После победы.

— Больше этого не случится, — со сталью в голосе пообещал Тут.

Помимо прочего, Тут был обучен тактике и искусству ведения боя. И теперь, пока издевка Хoremхеба еще звенела в его ушах, Тут принял командование армией на себя. Он стянул с плеч составной лук. Изготовленный из вишневого дерева и кожи, украшенный поблескивавшими под солнцем инкрустациями из слоновой кости, лук этот казался слишком красивым для поля сражения.

— Велите построиться в боевые порядки! — приказал Тут Хoremхебу.

Генерал бросил на него разъяренный взгляд, но смолчал. Он не привык получать приказы, особенно от юнцов.

— Как вам будет угодно, государь, — наконец ответил он. А затем обернулся к армии и крикнул: — В боевые порядки!

Колонна египтян растянулась в длинную, но узкую, в двадцать человек глубиной линию, в которой солдаты стояли плечом к плечу, глядя на приближавшихся хананеев. Колесницы замерли перед этой линией, лучники поспешили занять места на ее флангах.

Теперь Хoremхeб и вся армия ожидали следующего приказа Тута.

Общепринятая мудрость гласит, что на широком, открытом поле сражения, каким и была эта пустынная равнина, обороняющаяся армия имеет больше преимуществ, и потому самым правильным было бы сейчас дожидаться атаки хананеев.

Однако Тут знал, что такая тактика срабатывает далеко не всегда. Адреналин все приливал в его кровь, наполняя Тута новым бесстрашием, и инстинкт подсказал ему, что первыми пойти в атаку должны египтяне.

— Я не хочу давать им шанс бежать и укрыться за городскими стенами, — ровным тоном произнес Тут.

— Как я уже говорил, нам следует ждать, когда все они выйдут из города, — попытался настоять на своем генерал.

Тут облизнул пересохшие губы и, держа в руках поводья, сошел с колесницы на землю и повернулся лицом к войскам.

Тела его солдат блестели от пота, двухнедельный переход из Фив утомил их, однако в профессионализме этих людей сомневаться не приходилось. Они были уверенными в себе воинами, жаждавшими боя и вознаграждений, которые принесет им победа. Их долго муштровали и выучили испытывать первобытное наслаждение, вступая в честный бой на мечах с заклятым врагом Египта. А затем — предаваясь мародерству и грабежу.

Сердце Тута бешено колотилось. Никогда еще не доводилось ему испытывать такую гордость за то, что он египтянин.

Воины выжидающе смотрели на него, желая услышать новый приказ.

— Генерал Хоремхеб, прикажите лучникам открыть огонь.

Теперь нервное возбуждение охватило даже Хоремхеба, и когда слова его прозвенели над пустыней, их наполняло такое же волнение, какое испытывал Тут.

— Лучники, цельсь!

Хананеи увидели, как египетские лучники достали из колчанов стрелы и натянули тетивы своих луков. Далекий сигнал рога приказал хананеям броситься в бой, и они понеслись на египтян, осмелившихся первыми начать сражение.

Одновременно и хананейские лучники взяли врагов на прицел.

Тут извлек стрелу из своего колчана, дабы произвести первый выстрел этой войны. Стрела ушла в небо по могучей дуге и точно попала в цель. Только тогда он отдал своим солдатам приказ.

— Огонь! — крикнул Тут. Голос его был высок и неровен, голос юноши, только еще вступающего в пору мужественности. Однако в нем звучало такое неистовство, такое бесстрашие, что он всколыхнул ряды египтян.

От залпа египетских лучников небо почернело, затем их стрелы пали на пехотинцев и на колесницы хананеев. Сотни воинов попадали на землю, крича и извиваясь от мучительной боли.

Оглянувшись на свое войско, Тут с отчаянием увидел, что пехота египтян не желает бросаться в атаку, но стоит, выдерживая сомкнутый строй.

В чем тут причина, объяснил ему Хоремхеб:

— Они ожидают, что первым будете вы, фараон.

Тут с трудом сглотнул. Сколько времени обучался он вождению колесницы? Шесть лет? Семь? Он считал, что способен справиться с ней не хуже, чем любой другой мужчина, однако полной уверенности в этом все-таки не испытывал. «Будь со мной, мама», — прошептал он. После этого юный фараон вернулся в свою колесницу.

— Трубите атаку, генерал.

Хоремхеб махнул рукой герольду. Боевой рог взревел.

Тут вернул лук на плечи, выхватил из ножен меч. Пришла пора искупать его в крови врага. Он с силой стегнул поводьями своих коней и понесся прямо на хананеев.

И армия египтян, взревев, как один человек рванулась вперед. Над нею пронеслась новая туча стрел, павших на боевые ряды хананеев.

По бокам от Тута мчали в своих колесницах Хоремхеб и другие бойцы. И уже через несколько секунд кони их начали топтать павших на землю хананеев, кричавших и корчившихся от боли. А Тут услышал, как совсем рядом зазвенели мечи.

Держа поводья левой рукой, Тут взмахнул мечом и ужаснулся, когда тот отсек чью-то голову. Тут убил своего первого врага.

Хананеи дрогнули, подались назад, а затем побежали, бросая щиты и даже мечи. Однако Тут видел, что огромные деревянные ворота города накрепко заперты. Укрыться хананеям было негде.

Женщины Ханаана предпочли обречь своих мужей и сыновей на смерть, но не отдать город египтянам. И солдатам Тута осталось лишь добивать еще уцелевших врагов. Вскоре пустыню усеяли их тела, некоторые из которых были изувечены до неузнаваемости.

Так Тут узнал наконец вкус битвы и стал мужчиной — и истинным царем.

Глава 6

Фивы, 1912 г.

Книга, в которой описывались успехи Картера, большие и малые, была названа им так: «Пять лет раскопок в Фивах. Отчет о работе, сделанной за 1907–1911 годы». Несмотря на отсутствие концессии, позволявшей проводить раскопки в Долине, партнерство Картера и Карнарвона определенно оказалось плодотворным.

Картер усовершенствовал методы ведения раскопок, привнес в них гораздо большую, чем прежде, точность и профессионализм. Он первым начал использовать фотосъемку, как способ документирования открытий, продолжая тем не менее точно зарисовывать все находки. Используя команды рабочих, число которых иногда приближалось к тремстам, Картер и Карнарвон открывали одну за другой гробницы вельмож и высокопоставленных государственных служащих.

Однако, какого бы хорошего приема ни удостоились «Пять лет раскопок», сколь у многих бы египтологов Лондона и Каира ни повылезали глаза на лоб, когда они узнали о масштабах открытий, сделанных Картером и Карнарвоном, оба они так и пребывали в тени американца Теодора Дэвиса, и мысль об этом не давала Говарду Картеру покоя.

Ныне о Дэвисе поговаривали, что он обнаружил в Долине гробницу не просто новую, но *последнюю*.

Теодор Дэвис был уверен, что ему удалось напасть на след неуловимого Тутанхамона.

Все началось, когда Дэвис и Эдуард Айртон обнаружили скрытый вход, заложенный глиняными кирпичами, на которых было оттиснуто изображение шакала, охраняющего девятых пленников. Такая защищающая захоронение печать означала, что за входом находится мумия.

Рядом с этим оттиском имелся еще один символ, представлявший собой Тутанхамона.

Археологи немедля взломали вход, голыми руками разобрав кирпичную кладку, и оказались в узком коридоре.

Коридор вел к погребальной камере. Пол его был усеян камнями. На одном из обнаруженных в коридоре украшенных золотыми листьями кусков дерева присутствовало изображение Тэе, матери «фараона-еретика» Эхнатона.

Какими изумительными были последние четыре дня! 3 января рабочие Дэвиса проводили раскопки груды древнего мусора и нашли восемь запечатанных горшков, на которых стояло имя Тутанхамона. Горшки были заполнены веществами, использовавшимися при бальзамировании, остатками давнего пиршества и красочными воротниками с вышитыми на них изображениями ягод и цветов.

Все это наводило на мысль о том, что пиршество состоялось после погребения Тутанхамона. Цветы были из тех, которые расцветают в марте—апреле, и это позволяло судить о времени смерти фараона.

А теперь еще и эта находка.

Коридор вел в главную камеру. Она оказалась сильно поврежденной водой, однако стены ее были покрыты изображениями печати Тутанхамона.

А на полу лежал саркофаг.

Когда-то он покоился на деревянной платформе, однако время источило ее, и саркофаг упал. Крышка его от удара об пол открылась, и Дэвис, заглянув в саркофаг, пришел в восторг, ибо увидел смотревшую прямо на него мумию.

Когда обвивавшую ее ткань размотали, глазам Дэвиса представили волосы, зубы и остатки носа.

Пытаясь определить состояние мумии, Дэвис выдернул один волос, пошатал зуб. Зуб, что, впрочем, и неудивительно, остался у него в руке.

Дэвис расстроился, но лишь на миг. Не дожидаясь помощи Айртона, он поднял мумию на руки и вынес ее, точно ребенка, на солнечный свет.

Там он постоял немного, ослепленный, под взглядами изумленных туристов.

Затем Дэвису попался на глаза проходивший мимо по тропке знакомый врач. Дэвис подозвал его. Врач осмотрел мумию и сказал, что она принадлежит женщине.

Из этого Дэвис сделал вывод, что на руках у него лежат останки царицы Тэе. Теперь он был *уверен*, что обнаружил гробницу Тутанхамона. Нужно лишь копать дальше, и вскоре он наверняка найдет самого фараона.

Стоя посреди Долины царей и держа на руках останки женщины, скончавшейся тридцать три сотни лет назад, Теодор Дэвис торжествовал, радуясь своей проницательности и удаче.

Однако кое в чем он катастрофическим образом ошибался.

Луксор, 1912 г.

Картер и Карнарвон были не единственными опубликовавшими в том году египтологами.

Перелистав книгу Теодора Дэвиса «Гробницы Хармхаби и Тутанхамона», Картер в большей, чем когда-либо, мере убедился в том, что гробница неуловимого Тутанхамона находится где-то в Долине и все еще ждет своего открывателя.

Впоследствии Картер писал, что был «совершенно уверен в существовании участков, заваленных мусором, который остался от прежних раскопок, и не исследованных должным образом». Предвкушая день, когда Дэвис откажется от своей концессии, а он, Картер, и Карнарвон смогут вернуться в Долину, Картер прибавлял: «Я заявляю, что мы надеемся найти совершенно конкретного царя, и царем этим окажется Тут.Анх.Амон».

Картер закурил сигарету и еще раз перечитал описание гробницы, отталкиваясь от которой, Дэвис намеревался искать Тутанхамона. По его, Дэвиса, мнению, и украшенные золотой фольгой, и простые алебастровые объекты, находившиеся в этой гробнице, обладали слишком низким для погребальной камеры фараона качеством. Скорее всего, их поместили туда при вторичном вскрытии гробницы, через многие годы после того, как она была запечатана. А исходя из гипотезы, согласно которой эта гробница имела непосредственное отношение к Амарне, представлялось разумным предположить, что в какой-то момент останки царицы Тэе были перенесены в Долину из Амарны.

Нет, Дэвис обнаружил вовсе не Тутанхамона. Однако другие сделанные в Долине находки — горшки с бальзамировочной жидкостью, фаянсовая чаша, остатки последней трапезы и надписи на сосудах, в которые их поместили, показывали, что все эти вещи связаны с поминальным пиршеством, посвященным Тутанхамону, и — вместе с символами на дверных проходах гробницы, — явственно свидетельствовали о том, что он действительно существовал.

«Для того чтобы объяснить причины, по которым мы верим в это, — писал далее Картер, — следует обратиться к тем страницам книги мистера Дэвиса, на которых описаны произведенные

им раскопки. Дэвис утверждает, что обнаружил место захоронения Тут.Анх.Амона. Эта теория несостоятельна... Итак, у нас имеются три различных свидетельства: найденная под валуном фаянсовая чаша, золотая фольга из маленькой вырытой в земле погребальной камеры и значительный запас похоронных материалов. Все они очевидным образом связывают захоронение Тут.Анх.Амона с этой частью Долины».

Все, что теперь оставалось сделать Картеру, это найти само захоронение. «Имея перед собой три таких свидетельства, мы прониклись глубокой убежденностью в том, что гробница Тут.Анх.Амона все еще ожидает своего открывателя и что расположена она неподалеку от центра Долины».

Оставалось ждать, когда Дэвис откажется от концессии.

И два года спустя американец от нее отказался.

Долина царей, 8 февраля 1915 г.

За оставленную Теодором Дэвисом концессию лорд Карнарвон ухватился без малейших колебаний. И Картер после восьмилетнего ожидания вернулся в Долину царей. 8 февраля 1915 года он начал обшаривать ее в поисках нетронутой гробницы, которую так давно надеялся обнаружить.

Когда Дэвис, прощаясь со своей концессией, заявил, что Долина «себя исчерпала», с ним согласились далеко не все египтологи. «Мы помним, впрочем, что столетием ранее с подобным же заявлением выступил Бельцони», — написал Картер.

Он твердо верил в то, что Дэвис позволил себе сделать о принадлежности найденной им мумии предположений больше, чем смог подтвердить серьезной проверкой. «Было достаточно ясно, что впереди нас ожидала очень трудная работа, что, прежде чем мы сможем что-либо найти, нам придется переместить тысячи тонн мусора. Однако шанс отыскать в итоге что-либо интересное существовал, и мы готовы были за этот шанс ухватиться».

Итак, день 8 февраля 1915 года оказался для Картера исполненным торжества, ибо в этот день должно было начаться движение к вершине его карьеры.

Существовала, правда, одна проблема: *шла мировая война*.

Все раскопки в Долине царей были приостановлены. Хуже того, британская армия призвала Картера в свои ряды.

И как только посмел корыстный, пустой современный мир помешать его поискам древнего царя?!

Египетская пустыня, 1324 г. до н. э.

Костер озарял ночь, пламя его играло на стенах светлых шатров огромной армии египтян. Тут сидел на своем дорожном троне, по сторонам от него замерли вооруженные мечами стражи.

Вина Тут выпил больше, чем позволяло благоразумие, однако действия его совершенно не ощущал. Накидывая на плечи, чтобы защититься от холодного ночного воздуха, плащ, Тут чувствовал, как солдаты поглядывают на него. Он уже заметил, что они прониклись к нему уважением. Взгляды их говорили, что сегодня на поле сражения он вел себя как истинный царь.

Кроме солдат, костер кольцом обступали женщины, и некоторые из них были по-настоящему прекрасны. Часть этих женщин проделала, следуя за армией, длинный путь из Фив. Большинство же было женщинами врага, пленницами со связанными в запястьях руками. Лица их застыли, обратившись в маски ужаса, стыда и утраты. Они видели, как убивали их мужей и сыновей. И теперь, едва лишь костер погаснет, они пойдут по рукам, от одного мужчины к другому, — участь, которая заставляла многих из них желать, чтобы и их постигла смерть. Что же, в скором времени это желание для многих из них исполнится и они уйдут в загробный мир.

Тут ощутил на себе взгляд одной из них. По другую сторону костра одиноко сидела девушка с удивительной красоты волосами. *Чья-то дочь*, — подумал Тут. Примерно его лет, быть может моложе.

У него странно свело живот, и поначалу он решил, что причина тут в вине. Однако вскоре понял: это нервы, та самая нерешительность, которая едва не парализовала его перед сражением. Тут отогнал ее от себя и отвернулся от девушки, которая осмелилась прямо смотреть на него. Он заставил себя думать об Анхесенпаатон, которая вынашивала сейчас их второе дитя. О его царице, его возлюбленной, его подруге еще со времен детства.

И вдруг он обнаружил, что снова смотрит на пленницу. Девушка отбросила назад волосы, чтобы фараон мог яснее разглядеть ее профиль. Она явно предпочитала, раз уж ей все равно придется отдаться какому-нибудь египтянину, провести эту ночь с фараоном.

Он смотрел, как девушка встает, как пламя костра озаряет ее полногрудое тело — женское тело, которого он одиноко жаждал уже многие дни. Юбка девушки оставляла открытой большую часть ее ног, предлагая воображению Туту блуждать, где ему захочется, чем оно сразу же и занялось. Да и как ему было не за-

няться этим? Тут находился вдали от дома, он только что победил в великой битве.

Я фараон, — напомнил себе Тут. — Какое мне дело до того, что будут думать на мой счет другие? Мой отец брал любовниц, и отец моего отца тоже. Я могу уложить эту женщину в свою постель, я могу даже, уж если на то пошло, взять ее в жены, никто мне и слова не скажет.

Тут неосознанно подвигался вперед, пока не оказался на самом краешке трона. По глазам девушки было ясно: она почувствовала, что фараон того и гляди подзовет ее к себе. И застывшее лицо ее смягчилось.

Тут встал, не сводя с нее глаз. Мучительное, могучее желание владело им. Какое-то время он вглядывался в девушку — в ее лицо, в губы, в каждый изгиб ее тела. А затем отвернулся и ушел в свой шатер.

Один.

Он остался верен своей Анхе.

Дворец Тутанхамона, 1324 г. до н. э.

Анхесенпаатон с трудом вошла в тронный зал, придерживая обеими руками свой большой живот. Шел шестой месяц ее второй беременности.

Каждое утро она безмолвно молилась Амону, прося его позволить этому ее ребенку жить. До сей поры молитвы не оставались не услышанными, однако теперь произошло нечто такое, что привело Анхесенпаатон в ужас.

— Тут, — прошептала она от двери. — Тут, прошу тебя.

Вокруг трона Тута полукругом стояли его советники, — дневное совещание, касавшееся предстоявшего вторжения нубийцев, было в самом разгаре. Фараон был одет в одну лишь царскую юбку и декоративный воротник — в Фивах с самого утра стояла удрушающая летняя жара. Решив вернуть столицу в Фивы, Тут не учел крайностей здешней погоды.

Он торопливо приблизился к царице, махнув рукой на возможное неодобрение советников.

— Что такое, Анхе? — спросил он. После его возвращения с войны они стали даже ближе друг к другу, чем были прежде.

— Я не чувствую ребенка, Тут.

Он оглянулся на советников, притворявшихся — без особого, впрочем, успеха, — что они продолжают разговаривать.

— Он наверняка просто спит, — негромко сказал Тут.

Анхесенпаатон покачала головой:

— Это продолжается весь день. Обычно он все время шевелится во мне. Вот, — сказала она и, взяв ладонь Тута, приложила ее к своему животу, — чувствуешь?

Тут кивнул.

— Это его нога, — сказала Анхесенпаатон. — Как правило, он все время бьет ею, но сегодня она не шелохнулась ни разу.

Внезапно Анхесенпаатон задохнулась от боли и осела на пол. Советники устремились к фараону и царице.

— Стража! — рявкнул Эйе. — Послать за царским врачом!

Лицо Анхесенпаатон покрылось болезненной бледностью. Она закричала — по телу ее одна за другой прокатывались волны мучительной боли.

— Что с тобой? — спросил, схватив ее за руку, Тут. — Что случилось?

— Ребенок выходит, Тут. Прямо сейчас.

Сказав это, Анхесенпаатон заплакала. Она знала, что при столь малом сроке беременности дети на свет не рождаются. Значит, ее ребенок мертв.

Казалось, Тут и его советники существовать для нее попросту перестали. Оставшись наедине со своим ребенком, она сжалась на полу в комок и горько плакала, прижимаясь лицом к прохладному, гладкому камню.

— Мне так стыдно, — шептала она.

— Моя царица... — начал Тут.

— Я не достойна того, чтобы зваться твоей царицей, — сказала она, сев и взглянув ему прямо в глаза. — Я не могу дать тебе наследника. Неужели ты не видишь? Я не способна на это.

Советники молчали, даром что каждый из них был с ней согласен.

— Не говори глупостей, — ответил, хоть и не очень убедительно, Тут. Этого мгновения он страшился с того самого дня, как Анхесенпаатон сообщила ему о том, что снова забеременела. — Мы поместим ребенка в мою погребальную камеру. Она уже почти закончена.

— Ты не слышишь меня, — сказала Анхесенпаатон, и тут новая родовая схватка пронзила ее болью.

— Она права, — заявил Хоремхеб. — Она все понимает верно. Тут поднялся с пола и повернулся к генералу:

— Ты смеешь говорить фараону, что он ошибается?

Хоремхеб совсем отказаться от своих слов не пожелал:

— Нет, государь. Я всего лишь соглашаюсь с царицей. Вы слышали, что она сказала. Она считает, что вам следует взять другую жену. Прислушайтесь к ее совету.

Тут, наклонившись, поднял Анхесенпаатон, поцеловал ее в щеку. Она обвила шею мужа руками, и он понес ее в царскую спальню.

— Тобой я займусь потом, — сказал он на прощание Хоремхебу. — В Египте очень много генералов, не забывай об этом.

И, повернувшись к Эйе, добавил:

— Пришли в спальню врача. И побыстрее, писец.

Раздеваясь у своего ложа, Тут позволил юбке соскользнуть на пол — завтра слуга подберет ее и почистит. Со времени, когда Анхесенпаатон потеряла второго ребенка, прошло уже много дней.

Он смыл с лица черную краску, окружавшую его глаза и тянувшуюся от них к вискам. Прополоскал рот водой из стоявшей на столике у кровати чаши и лег. Подушка приятно холодила его наголо обритую голову, льняные простыни нежно ласкали тело. Как и большинство египтян, Тут был буквально помешан на чистоте и гигиене. Волосы, выраставшие на его теле, регулярно удалялись ножницами и бритвой.

Тут лежал, глядя в потолок и думая о том, что будет дальше.

Весь этот вечер дворец буквально гудел от рассказов о споре, который произошел между фараоном и Эйе.

— Египет снова процветает, к нему возвратилась прежняя мощь, — орал царский визирь. — И все это благодаря мне, фараон. Не вам. И не вашей царице. Ваш отец довел страну почти до разрухи, а я заново отстроил ее. Но теперь вы грозите сделать всю мою работу напрасной, потому что не можете родить наследника. То, что вы именуете «любовью», для Египта опаснее, чем хананеи, нубийцы и все остальные наши соседи. Этот народ, — Эйе повел рукой в сторону города, — заслуживает фараона, у которого на первом месте стоит страна.

— Я фараон. И могу делать то, что считаю нужным. А ты всего лишь человек, писец.

Навестив Анхесенпаатон в ее спальне и одиноко направляясь к своей, Тут сознавал, что весь дворец ожидает того, что произойдет следом.

Исполнит ли Эйе данное им обещание, пришлет ли к постели Тута служанку?

В полночь, когда в окно его спальни заглянула полная луна, Тут получил ответ на этот вопрос. Он услышал, как по вращающему к спальне коридору ступают две пары ног. Одна тяжелая, другая легкая.

Потом послышался негромкий шелест, и обладательница легких ног на цыпочках вступила в спальню. Туту показалось, что он слышит, как бьется сердце девушки.

О чем она может думать? — гадал Тут, лежа на спине и глядя в темноту. — *Ведь она пришла сюда, чтобы переспать с фараоном.*

Он повернулся на бок, чтобы взглянуть на девушку. Верность своей царице едва не заставила его отослать эту служанку назад, однако он не сделал этого сразу, хоть и сам не вполне понимал почему.

А затем Тут увидел ее.

Судя по внешности, ей было лет шестнадцать-семнадцать. Тут вспомнил, как любовался ею во время торжественного обеда, думая, что она — дочь кого-то из местных вельмож. В том, что она очень красива, сомневаться не приходилось. Девушка, скромно потупившись, стояла у края его ложа, лунный свет пронизывал ткань ее широкого, свободного платья. Все в ней — форма ее тела, длинные черные волосы, подведенные темные глаза — казалось Туту очаровательным.

— Как тебя зовут? — спросил он, удивляясь и тому, сколь сильно бьется его сердце, и тому, что он заботится о чувствах этой девушки.

— Туйа, — шепотом ответила она.

— Сними платье, Туйа. И не бойся. Здесь тебе бояться нечего. Туйа стянула ткань платья с плеч, и оно упало на пол.

— Повернись кругом. Медленно. Ты очень красива. Прошу тебя, не бойся.

Она повернулась, высоко подняв голову и отведя назад плечи. Потом нерешительно шагнула к нему.

— Подожди, — сказал Тут, ибо у него перед глазами вдруг возник образ Анхесенпаатон. Что делает сейчас его царица? И что бы она сказала, если бы увидела его в эту минуту?

Туйа остановилась и машинально прикрыла ладонями груди.

Тут выбрался из постели и подошел к ней. Когда она увидела его обнаженным, глаза ее расширились, и это лишь увеличило его возбуждение.

Он поцеловал ее в губы — они оказались мягкими, даже более мягкими, чем у Анхе. Дыхание девушки было свежим и сладким.

И до конца этой долгой, бессонной ночи молодой фараон больше о своей царице не вспоминал.

Анхесенпаатон не спалось. Мысль о том, что происходит в спальне Туты, наполняла ее ревностью и отнюдь не легкой печалью. Она всегда любила Туту, еще с их детской поры. И всегда между ними вставали придворные.

Она поднялась с постели, накинула платье, тихо вышла в сад. Воздух был прохладен, ее пробрал озноб. Однако голова Анхесенпаатон была слишком занята мыслями, чтобы она стала тревожиться по поводу холода. Анхесенпаатон снова думала о Туте и той девушке.

Ему происходящее наслаждения не доставляет, — говорила она себе.

Доставляет, да еще какое, — отвечал ее внутренний голос.

Этим вечером, во время ужина, она услышала, как слуги поспеиваются над ней, как с презрением говорят о царице, которая не может рожать.

Ей хотелось закричать: *Я могу! Я привела в этот мир двух прекрасных детей. Боги сочли за лучшее отправить их в мир загробный, но я могу выносить и других. Почему никто не показывает пальцем на Туту? Почему только она испытывает муки деторождения — и только затем, чтобы получить мертвого младенца? Почему ему дозволяется ложиться с другой женщиной, чтобы породить наследника, а я остаюсь одна? Что, если и я захочу привести в свою постель мужчину? Что тогда будет? А ведь мне иногда хочется этого.*

Она пошла по саду. Царица была боса, а тропинку покрывали мелкие камни, так что ступать приходилось осторожно. Наконец особенно острый камушек заставил ее остановиться. Что же, эта мелкая помеха доставила ей лишь удовольствие. *Нет ничего мучительнее родов, Тут! Вот это настоящая боль!*

Может быть, ей побежать на другой конец дворца и предстать перед любовниками, сплетенными воедино, потными?

Ты же сама говорила ему, что он должен так поступить, — напомнила себе Анхесенпаатон.

Да, но думала-то я совсем не так.

Она могла бы влететь в спальню и начать рвать ногтями лицо девушки — рвать, пока от ее красоты не останется и следа. А следом наброситься и на Туту.

Нет, я не могу. Он мой царь, царь всего Египта.

Но он же бросил тебя. И вот в эту самую минуту лежит в объятиях другой.

Он фараон, фараоны же заводят себе целые гаремы. А тут — всего одна девушка.

Но ведь мы дали друг другу клятву. Обещали хранить верность. И если бы я нарушила эту клятву, он убил бы меня.

Нет, не убил бы. Возможно, он ни разу больше не прикоснется к тебе. Однако убить тебя не сможет.

Я царица. Женищина, в жилах которой течет только благородная кровь. Тут смог взойти на престол лишь потому, что женился на мне. Но ведь я могу вступить в брак и с другим мужчиной. Вот подождите — увидите.

— Все дело в вас, фараон, — ухмыльнулся Эйе.

Они вдвоем направлялись к царским конюшням, в воздухе пахивало конским навозом и сладкой зеленой люцерной. Время для прогулки на колеснице было уже довольно позднее.

В эту ночь Туяа снова не дала фараону заснуть, и он, вместо того чтобы отсыпаться днем, решил взбодрить себя скачкой по пустыне, раскинувшейся вдоль восточного берега Нила. Сказать по правде, его смущало и тревожило то, что происходило с Туйей — и с Анхесенпаатон.

— О чем ты говоришь? — спросил он.

— Туяа так и не забеременела. Проблема не в ней, фараон, и не в вашей царице. Причина того, что у нас нет царственного наследника, — вы сами. *Все дело в вас!*

Лицо Туты вспыхнуло от гнева:

— Этого не может быть! Моя мужская сила несомненна!

Они уже вошли в конюшни, и фараон вырвал вожжи из рук юноши-конюха. Кони тихо ржали в предвкушении скачки.

— В вашем колчане отсутствуют стрелы, — продолжал Эйе.

Эти слова оказались последней соломинкой.

— Стража, — приказал Тут, — *взять его!*

Шестеро стражников из охраны фараона приблизились и обступили визиря, однако вид у них был какой-то неуверенный, похоже, они предпочли бы выполнять приказы Эйе, а не Туты.

— *Взять!* — рявкнул Тут, раздираемый унижением и гневом. Он был фараоном. Он мог, если бы пожелал, обрухатить любую девственницу Египта. И не он виноват в том, что Туйе никак не удается зачать. Быть может, Эйе и выбрал-то ее потому, что она известна своим бесплодием, и все происходящее составляет часть заговора.

Эйе не стал бороться со стражниками, схватившими его за руки и за плечи. Нет, он лишь продолжал ухмыляться.

— Я фараон, Эйе. И с сегодняшнего дня ты будешь помнить об этом. — Тут забрался в колесницу и, повернувшись к капитану стражи, сказал: — К моему возвращению царский визирь должен получить пятьдесят ударов бичом. Вы меня поняли?

Вот теперь ухмылка слетела с лица Эйе — к немалому удовольствию Тута. Даже десять ударов бичом выдерживал не всякий. А пятьдесят прорвут спину Эйе до кости и оставят на ней вечные шрамы, которые он будет носить, как клеймо позора, до скончания своих дней.

Тут, окинув его на прощание гневным взглядом, хлестнул лошадей поводьями и понесся в пустыню.

Изготовленные из вяза колеса и рама колесницы обычно уменьшали тряску, однако сейчас нужда в этом отсутствовала: пустыня была ровной, гладкой — и скачка тоже.

Вдали Тут различил какого-то ехавшего на верблюде мужчину, но больше в пустыне никого видно не было, и Туту это нравилось.

Спустя несколько минут лоб его уже взмок от пота, а грудь покрылась летевшей из-под конских копыт пылью. Он любил все это, однако сегодня даже быстрой скачке не удавалось улучшить его настроение.

Тут до того погрузился в мысли о наглости Эйе и своей неспособности родить наследника, что не заметил, как проскакал несколько миль и достиг той части пустыни, где земля становилась неровной.

Не заметил он и глубокой расщелины, промытой, скорее всего, ливневым паводком, — вернее, заметил, но слишком поздно для того, чтобы уклониться от нее.

Колеса влетели в расщелину, и Тута выбросило из колесницы вперед. Он сильно ударился о землю и какое-то время пролежал в беспомощности.

Сознание возвращалось к нему медленно, а когда он со стоном открыл глаза, то увидел прямо перед собой морду... *верблюда*.

Хозяин животного стоял рядом с Тутом на коленях, ощупывая его тело в поисках повреждений и явно не сознавая того, что перед ним распростерся фараон Египта.

Нет, грабитель — а то, что человек этот был грабителем, Тут понял быстро — стянул с шеи фараона украшенный богатым шитьем воротник, а затем обшарил царское тело, отыскивая деньги.

Тут мог бы назваться этому человеку, однако — странное дело — ему не удалось произнести ни слова.

И грабитель, убедившись, что кошель с деньгами при Туте нет, удалился, предварительно избавив фараона от юбки и сандалий.

Начинало темнеть, и Тут снова впал в беспамятство.

— Нам необходимо поговорить.

— Я слушаю.

До рассвета оставался еще час, однако все, кто находился во дворце, пребывали в бессонном волнении. Самая крупная в истории Египта поисковая операция позволила обнаружить фараона в пустыне к западу от Фив. Тут оказался ограбленным — вне всяких сомнений, каким-то кочевником. В сознание молодой фараон так пока и не пришел.

Тута била лихорадка, тело его покрывали синяки и ссадины. И сейчас по двум сторонам его ложа стояли, глядя на своего неподвижного властителя, Эйе и Хоремхеб. В огромной спальне было темно, лишь свет луны проливался в ее окно.

Эйе сказал:

— Говорить лучше в коридоре.

Хоремхеб поджал губы. Длинный прямой шрам, оставшийся от удара хеттского меча, рассекал его лицо по диагонали. И когда генерал волновался, шрам этот краснел и становился особенно приметным.

— Если мы выйдем отсюда, на нас обратят внимание. Фараон все равно ничего не слышит. Лучше разговаривать здесь.

Эйе не любил, когда ему перечили, однако Хоремхеб был, пожалуй, прав. Кроме того, царского визиря все еще мучила сильная боль — результат унижительного бичевания, которому его подвергли по приказу Тута. Благодаря высокому положению Эйе, стражники наносили ему удары вполсилы, и все же некоторые из них рассекли кожу. И теперь покрытая поперечными шрамами спина Эйе распухла и сочилась кровью.

— Хорошо. Поговорим здесь, — сказал он и оглянулся, желая удостовериться, что в спальне нет никого, кто мог бы их подслушать. — Я старею. Я служил своей державе с юных лет и хорошо изучил змеиные нравы царского двора. Мы оба видели, к какому краху привело страну правление Эхнатона, и знаем, что Тут не очень спешит исправить нанесенный его отцом вред.

— Ты говоришь о...

— Да, — спокойно ответил Эйе. — И если ты сможешь мне, я сделаю так, что преемником моим станешь ты. Долго я не проживу, но смогу за время своего правления вернуть Египту былую славу. А ты, генерал, завершишь выполнение этой задачи.

Шрам Хоремхеба стал уже пурпурным и, казалось, пульсировал.

— Но как мы сможем достичь этого? Посмотри на него. Он еще мальчик и, конечно, оправится от своего падения. — Хоремхеб вздохнул. Он сильно нервничал, однако мысль о том, чтобы стать фараоном, казалась ему упоительной. — Вот уж не думал, что стану когда-нибудь в открытую говорить об... убийстве фараона.

Прежде чем Эйе успел ответить ему, оба услышали шуршание сандалий по плитам пола. И обернулись на этот звук.

— Покажись, — сказал Эйе. — Выйди. Кто здесь? *Кто?*

Из тени выступила Юйе, придворная царицы, высокая девушка с зелеными глазами. Она была совсем еще юна и считалась во дворце наперсницей Анхесенпаатон. Уж она-то наверняка пересказала бы царице весь произошедший здесь разговор.

Девушку явно терзал страх.

— Я ничего не слышала, визирь.

— Дело не в том, что ты *слышала*, а в том, что ты *расскажешь*.

— Я ничего не расскажу, обещаю.

Эйе обхватил ее за талию и рывком притянул к себе. Почти вплотную приблизив ее лицо к своему, он тихо и угрожающе произнес:

— Знаю.

А затем повернулся к Хоремхебу:

— Думай о том, как поступить с ним, — Эйе повел подбородком в сторону Туты, — а я займусь девицей.

Поначалу Юйе не сомневалась в том, что Эйе убьет ее, а тело где-нибудь спрячет. Он выволок девушку из спальни Туты, сжимая ее запястье так сильно, что Юйе боялась, как бы он не сломал ей руку.

Они миновали две двери и вошли в третью, которая вела в никем не занятую спальню, и здесь Эйе швырнул девушку на кровать.

— Слушай меня, — без обиняков сказал он. — Ты станешь моей шпионкой. Согласна?

— Я не понимаю. Какой шпионкой?

— Будешь рассказывать мне обо всех тайнах царицы. *Вот* какой.

— Она заподозрит меня. Царица не глупа.

С мгновение Эйе молчал. Потом поднял кулак и обрушил его на ребра девушки. Такой боли Юйе никогда еще не испытывала. Боль перехватила ей горло — так, что она даже закричать не смогла.

— Ты будешь пересказывать мне каждое слово царицы. Поняла?

Юйе кивнула. Разумеется, она его поняла.

Со времени крушения колесницы прошла неделя. Тут пришел в себя настолько, что мог уже садиться в постели, чтобы выпить чашку отвара и стакан вина, одобренного толченой яичной скорлупой, которая, как считал врач, поможет восстановить черепную кость фараона.

Однако большую часть времени Тут спал, и за каждым его движением наблюдали поочередно Туйа и царица. Две женщины дежурили, сменяя друг друга, у его ложа. Решение о том, что только они станут выхаживать фараона, приняла Анхесенпаатон.

Анхе промокнула лоб мужа прохладной тряпицей, а затем наклонилась и нежно поцеловала его. Незадолго до этого он произнес несколько обращенных к ней слов, но Анхесенпаатон понимала, что жизнь Тута все еще в опасности.

Раны со временем затянутся, однако его может погубить их заражение. Она уже не раз видела, как это происходит.

Анхесенпаатон снова поцеловала Тута и прошептала: «Я прощаю тебя». И она искренне верила в это. Тут изменил ей ради блага Египта, это было последним спасительным средством. И что еще важнее, она сама подала мужу мысль о нем.

Царица встала, разгладила свое платье и покинула спящего Тута. Теперь он лежал в темноте один, тихо дыша.

Стояла уже глубокая ночь, когда царица направилась к своей части дворца. После дня, отданного уходу за фараоном, ее сильно клонило в сон.

Внезапно она услышала какой-то звук в коридоре.

— Кто здесь? — спросила она. — Я слышу тебя.

Ответа не последовало, и царица пошла дальше.

Через несколько мгновений после того, как она удалилась, из-за каменной статуи, одной из тех, что украшали коридор, выскользнула громоздкая тень. Какой-то мужчина быстро и тихо вошел в спальню и торопливо приблизился к ложу Тута.

В руке он нес двухфутовую дубинку. В душе — жажду убийства.

Глава 7

Долина царей, 1917 г.

Подобно возглавляющему небольшую армию генералу, Картер отдавал отрывистые приказы, расставляя рабочих по местам, где им предстояло вскоре копать, копать и копать снова. Те, что уже заняли отведенные им позиции, стояли, опираясь на мотыги. Они знали, что приступить к работе надлежит только по команде Картера.

Британская армия сочла сорокатрехлетнего Говарда Картера, бегло говорившего по-арабски и хорошо знавшего Египет, очень ценным ресурсом, и потому он, вместо того чтобы искать давно забытых фараонов, провел всю войну в Каире сотрудником Отдела военной разведки Министерства обороны.

«В следующие несколько лет работа на войну занимала почти все мое время, — писал он впоследствии, — однако порою в ней случались и перерывы, позволявшие мне проводить небольшие раскопки».

А затем, 1 декабря 1917 года, когда в Европе еще бушевала война, Картера наконец освободили от службы в армии, что позволило ему возвратиться в столь любимую им Долину царей.

«Главная трудность состояла в том, чтобы понять, откуда начать, — писал он. — Я предложил лорду Карнарвону избрать в качестве отправной точки треугольник земли, лежавший между гробницами Рамзеса II, Мернептаха и Рамзеса VI».

Картер тосковал по Долине, как тоскуют по своим возлюбленным сидящие в окопах солдаты. Снова стоять здесь, под сияющими синими небесами, ощущать, как кожу покрывает тонкий слой пыли, — для него это было то же самое, что снова влюбиться по уши.

— Начали, — крикнул он, и эхо вернуло ему это слово.

Армия голых по пояс землекопов вонзила мотыги в землю.

Картер намеревался расчистить территорию, лежавшую между гробницами Рамзеса II и Рамзеса VI и добраться до обнажения коренной породы, а это требовало удаления десятков тонн почвы и камней. Он уже протянул сюда узкоколейку, по которой маленький поезд должен был отвозить собранный мусор.

План его был не лишен грандиозности, однако после десяти лет ожидания ни Картер, ни Его Светлость на меньшее и не согласились бы. В них было слишком много нерастраченной энергии, слишком много все еще не нашедших выхода амбиций.

Да, но удастся ли им найти девственную гробницу? И окажется ли она гробницей царя Тутанхамона?

Дэвис утверждал, что Долина себя исчерпала, а этот американец успел стать главным по ней специалистом. Однако Дэвис уже умер — сердечный приступ сразил его через полгода после того, как он покинул Долину. Картер же был человеком более чем живым и изголодавшимся по работе.

Интересно, что думают его рабочие, размышлял он, эти широкоплечие ветераны с мозолистыми руками, перелопатившие в течение своих жизней столько земли? Считают ли и они, что Долина себя исчерпала? Думают ли, что, целый день прокопавшись под палящим солнцем в земле, они ничего не найдут? Или надеются в глубине души обнаружить под землей давно забытую гробницу?

Надеются отыскать неуловимого Тутанхамона?

Долина царей, 1920 г.

Однако в 1917 году гробница Тутанхамона обнаружена так и не была, да, собственно говоря, и в 1918-м, и в 1919-м тоже.

Картер вглядывался в Долину царей со все возрастающим отчаянием и с меньшими, чем обычно, донкихотскими упованиями.

Сотни землекопов, труд которых оплачивал лорд Карнарвон, проработали несколько долгих сезонов — и все без сколько-нибудь значительного результата. В Луксоре Картер уже успел обратиться в своего рода посмешище, в бедолагу, наскაკивающего на ветряные мельницы.

Картер находил гробницы, которые начинали строить, но не достраивали, находил склады алебастровых кувшинов, ряды хижин, в которых ютились строители. И хотя его терпение казалось безграничным, сказать то же самое о терпении лорда Карнарвона

было никак нельзя. «Мы роемся в Долине вот уже несколько сезонов, однако результаты получили до крайности скудные, — жаловался Картер. — В итоге у нас начались серьезные споры о том, стоит ли нам продолжать работу здесь или следует попробовать копать в каком-то другом, более перспективном месте. Имеем ли мы право, потратив несколько лет на бесплодные поиски, продолжать упорствовать?»

Он вглядывался в Долину, отыскивая хоть какие-нибудь признаки присутствия в ней царя Тутанхамона. Как объяснял Картер: «Пока существует хотя бы один никем еще не тронутый участок земли, идти на риск стоит». Довод он приводил простой: «Если нам улыбнется удача, она окупит годы и годы скучной, безрезультатной работы».

Взгляд его остановился на кремниевых валунах и хижинах, стоявших поверх гробницы Рамзеса VI.

Вот здесь он и начнет копать в следующем году — *если, конечно, у него будет следующий год.*

Дворец Тут, 1324 г. до н. э.

Одинокая фигура пересекала спальню фараона, точно призрак, — призрак злобный и мстительный.

Это был солдат египетской армии по имени Абдул. В армию он попал еще восьмилетним, и с той поры все его дни прошли на службе фараону. У Абдула не было ни жены, ни детей, а родители его давно ушли в загробный мир. По сути дела, этот воин был никем и не имел ничего.

К пышному убранству дворца Абдул не привык. Он был уверен, что за каждым поворотом коридора его ожидает ловушка. Однако ему на глаза попалась лишь покидавшая спальню Тута царица. Походило на то, что стражу дворца на всю эту ночь отправили отдыхать. Или и это тоже было продумано?

Сандалии он оставил в казарме, зная, что босые ноги производят, ступая по плитам, меньше шума. А в руке Абдул сжимал особое оружие, изготовленное одним из лучших оружейников генерала Хоремхеба.

Гладкий камень размером с грейпфрут был привязан к концу двухфутовой дубинки из полированного черного дерева.

По виду это была самая красивая и удобная военная дубина, однако Абдул понимал, что для поля боя она чересчур изысканна.

А вот для убийства молодого фараона сгодится в самый раз.

Долина царей, 26 февраля 1920 г.

Открытие было сделано, непонятно только — чего.

Картер первым склонился над находкой, чтобы осмотреть ее. По пятам за ним следовал лорд Карнарвон, а с ним и его жена, леди Карнарвон.

Они осматривали заурядную кучу мусора — камни, песок, осколки кремня и посуды, сваленные во время давних раскопок гробницы в стороне от нее.

И обнаружили гладкие, белые алебастровые сосуды — штук двенадцать, если не больше.

И все эти сосуды оказались нетронутыми.

Картер собрался было очистить их от грязи, однако его опередила бывшая обычно сдержанной и спокойной леди Карнарвон. Женщина грузная, уже миновавшая пору своего расцвета, она опустилась на колени и принялась ногтями соскабливать землю с сосудов. Карнарвон потратил в Долине немало времени и денег, а это была первая его значительная находка. Так что леди Карнарвон имела никак не меньшее, чем любой из обоих мужчин, право насладиться этим открытием.

Картер и рабочие стояли в сторонке, наблюдая за тем, как она оттирает сосуды от грязи. Когда леди Карнарвон закончила, сосуды пересчитали: их оказалось тринадцать.

Совершенные и абсолютно целые, они, вне всяких сомнений, относились к захоронению фараона по имени Мернептах и представляли собой находку весьма достойную.

Впрочем, никаких признаков того, что они как-то связаны с Тутанхамоном, сосуды на себе не несли. И все же, сколь мелкой ни представлялась эта находка, она была лучше, чем ничего. А поскольку до окончания сезона 1920 года оставалась всего неделя, обнаружение сосудов означало, что завершен он будет на высокой, так сказать, ноте.

«Это первое более-менее важное открытие, которое мы совершили в Долине», — записал в своем дневнике Картер.

Замок Хайклер близ Ньюбери, Англия, 1922 г.

Сказать по правде, время, которое Картер провел в Долине царей, оказалось дорогостоящим и бесплодным. Он не нашел ничего, способного возместить сотни тысяч фунтов, израсходованных лордом Карнарвоном на поиски утерянного великого фараона, да и не великого тоже.

Алебастровые чаши, обнаруженные под конец сезона 1920 года, возбудили новые надежды, мгновенно отодвинув в прошлое воспоминания о потраченных впустую годах.

Однако 1921 год ничего значительного не принес. И причин надеяться на то, что предстоящий сезон 1922 года будет чем-то отличен от предыдущего, похоже, не имелось.

И теперь двое мужчин прогуливались по обширным землям замка Хайклер, которым семья Карнарвона владела в Англии. Настроение у обоих было мрачноватое, Картер полагал, что его вызвали сюда, чтобы сообщить новость самую неутешительную.

Как бы странно это ни выглядело со стороны, за прошедшие годы эти двое успели подружиться. Слишком много времени провели они вместе, суеверно скрещая пальцы и молясь о том, чтобы их усилия позволили раскопать великое сокровище.

Нанятые ими рабочие перелопатили тонны камней. Однако за двадцать без малого лет Говард Картер так и не смог найти ничего существенного, да и война ему большой помощи в этом не оказала. А слишком теплые египетские зимы пагубно сказались на здоровье Его Светлости. И теперь он был готов отказаться от дорогостоящих раскопок, которые все равно ничего ему не давали.

И тем не менее Картер спокойно стоял на своем: он обнаружил вблизи гробницы Рамзеса VI хижины древних строителей, однако большой наплыв туристов не позволил ему копать там, где эти хижины стояли. И теперь он собирался приступить к раскопкам в начале ноября, когда туристов будет еще не много.

Карнарвон этот план решительно отклонил. Он покончил с Долиной. И оплачивать дальнейшие раскопки в ней не собирается.

— Мне очень жаль, Говард. Я опечален этим не меньше вашего, — сказал Карнарвон.

Картера его слова могли бы выбить из седла, если бы он не предвидел их и не продумал свой следующий шаг. Он откашлялся:

— Нам осталось найти одну, последнюю гробницу, сэр. Я в этом не сомневаюсь. И потому, если вы позволите мне воспользоваться вашей концессией на раскопки в Долине, работы следующего года я оплачу сам. Разумеется, — поспешил добавить он, — все, что я обнаружу, мы разделим поровну.

Карнарвона услышанное изумило.

— У вас же нет таких денег! — воскликнул он.

— Деньги я найду, сэр.

— Найдете? Средства на оплату сотни землекопов? На оплату охраны? На собственное пропитание?

Картер улыбнулся, что случалось с ним редко:

— Мне не так уж и много нужно — я говорю о еде, разумеется. Вот деньги на сигареты мне, пожалуй, понадобятся.

Карнарвон прищурился. Вера Картера тронула его.

— Я оплачу еще один сезон. Но только один, Говард. Это ваш последний шанс. Найдите царя Тутанхамона, иначе раскопкам придет конец.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 8

Палм-Бич, Флорида, наше время

— Чему это ты улыбаешься, Джим? — спросила Сьюзен. Жена стояла на пороге моего кабинета.

Я только что переговорил по телефону с Марти Дюгаром.

— Да просто я нутром чувствую, что прав, и чувство это только усиливается. Тута убили, Сью. Мне осталось всего лишь понять, кто прикончил беднягу.

— Много ли проку от интуиции, если доказать ты все равно ничего не можешь? — поинтересовалась жена.

— Докажу, не беспокойся, — усмехнувшись, ответил я. — А тебе большое спасибо за веру в мои способности.

— Всегда пожалуйста, — уже повернувшись, чтобы уйти, сказала Сьюзен.

И она была права.

Как я смогу доказать, что Тут умер не от ран, полученных при крушении колесницы? А именно такой и была общепринятая версия его смерти.

Самый популярный из придуманных мной персонажей, доктор Алекс Кросс, живет, руководствуясь интуицией и инстинктами, —

скорее всего, потому, что и я сам так живу. А в это мгновение я чувствовал, что вскоре пойму, кто был повинен в смерти Тута, причем возможно, что повинным в ней окажется человек совершенно неожиданный. И *это* меня возбуждало.

Перед тем как мне позвонил Марти Дюгар, я правил рукопись нового романа о Кроссе. Стопка страниц лежала на моем рабочем столе рядом с десятком других рукописей, над которыми я работал. Я обладаю способностью — или имею несчастье — сосредоточиваться на нескольких замыслах сразу. Однако Тут отвлекал меня от всех остальных.

И я, махнув рукой на Кросса, потянулся к составленному мной списку фараонов.

«Новое царство» — эпоха, продолжавшаяся от Восемнадцатой по Двадцатую династии, — просуществовало немногим больше пятисот лет. За это время успели поцарствовать тридцать два фараона, однако меня больше всего интересовали Тут и его преемник. Представлялось вполне разумным предположить, что больше всего выиграл от смерти Тута именно тот, кто сменил его на троне. Кому выгодно? — вот в чем вопрос. Кто подобрался к большим деньгам, кто достиг власти?

Я вел пальцем по списку, произнося вслух имена фараонов:

— Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Эхнатон, Нефертити, Тутанхамон...

И вдруг остановился.

Мое внимание привлекло не просто следующее имя, но *два* следующих. Перечень этот я просматривал не один раз, однако лишь сейчас начал понимать, что могут означать эти имена. Они были не просто именами, но кусочками пазла, который за тысячу лет так никто собрать и не смог.

Глядя на эти два имени, я думал о том, что расследую не просто совершенное впопыхах убийство, но тщательно продуманный заговор. Во мне снова заговорил мой внутренний инстинкт — тот, благодаря которому журнал «Тайм» назвал меня однажды «человеком, который не способен промахнуться».

Что же, вскоре мы увидим, способен я на это или не способен, не так ли?

Долина царей, 1 ноября 1922 г.

Рабочие сходились к месту раскопок. Картер, проведенный в Долине многие годы, знал большинство из них либо по имени, ли-

бо в лицо. Обутые в тонкие сандалии и одетые в доходившие до колен свободные белые рубахи, они небрежно несли на плечах свои инструменты.

— *Mabrook!* — приветственно восклицали рабочие, и улыбки их показывали, что они рады будут провести новый сезон со своим требовательным начальником.

Картер старался сохранять вид бодрый, однако его одолевали сомнения.

«Мы роемся в Долине вот уже несколько сезонов, однако результаты получили до крайности скудные, — записал он в минуту полной откровенности. — Имеем ли мы право, потратив несколько лет на бесплодные поиски, продолжать упорствовать?»

Для себя он решил, что такое право у них имеется, и уговорил лорда Карнарвона потратить на раскопки еще несколько тысяч фунтов. И Картер кивнул своему десятнику, отдав тем самым официальный приказ приступить к работе.

Они приступали к ней на два месяца раньше обычного, надеясь завершить ее до начала туристического сезона.

Неподалеку от места, где стоял сейчас Картер, прямо перед зиявшим входом в гробницу Рамзеса VI, находился треугольник руин, откопанных пять лет назад, — скопление хижин древних строителей.

Первым делом рабочим Картера надлежало нанести на бумагу точное расположение и размер каждой хижины. Затем нужно было удалить и хижины, и почву под ними, чтобы добраться до коренной подстилающей породы. Только тогда можно будет снять с нее остатки песка и грязи и приступить к поискам прорубленного в камне хода, который может привести к Тутанхамону и его гробнице. Строители гробниц врезались в камень по вертикали, чтобы создать самое прочное и долговечное захоронение, какое только можно себе представить. К входу в эту гробницу Картера должна будет привести уходящая вниз лестница или, может быть, длинный коридор.

Во всяком случае, он на это надеялся.

«Меня никогда не покидало суеверное чувство, что именно в этом углу Долины удастся найти одного из недостающих пока фараонов, возможно Тутанхамона», — писал Картер в своем дневнике, который один мог бы составить несколько томов, подобных тому, который вы сейчас держите в руках.

Картер давно уже обзавелся привычкой наблюдать за работой землекопов. Они без умолку болтали, обмениваясь сведениями о

друзьях и женах, а между тем их мотыги врубались в твердую почву. Ударяясь о камни, мотыги лязгали, — в этой работе присутствовал ритм, бывший для уха Картера едва ли не музыкой.

При всей их разговорчивости работали эти люди обдуманно и точно. Годы труда в Долине обратили в профессиональных египтологов и их самих. Они точно знали, когда следует продвигаться с осторожностью, а когда просто перебрасывать землю, ни о чем не задумываясь.

Так что Картеру оставалось только стоять, наблюдать за ними и надеяться, что долгожданное событие произойдет именно в этом году. Как быстро ни продвигалась бы работа, на то, чтобы добраться до коренной породы, уйдет несколько дней. Может быть, думал он, ему лучше вернуться домой, укрыться от солнца, распаковать еду и вино, которые только что доставили из Лондона.

Однако Картер остался на раскопках, предпочитая скорее терпеть жару, чем сидеть дома и предаваться тому, что он назвал однажды ползучими «сомнениями, порожденными прежними разочарованиями».

И Картер, вглядываясь в поднимающуюся над землей пыль, закурил новую сигарету.

Долина царей, 4 ноября 1922 г.

Наступила заря третьего дня сезона. Оптимизм, владевший всеми в первый день, уже успел смениться ворчанием и упадком духа. Землекопы все еще продолжали болтать, но уже менее громко и более разочарованно — похоже было, что они готовы сдаться.

Маленький мальчик, сын одного из рабочих, рылся в песке. Вообще-то ему полагалось подносить рабочим воду, однако солнце еще не поднялось настолько высоко, чтобы людей начала мучить жажда, и у мальчика оставалось время поиграть в землекопов.

Он знал, что в хижины, в которых жили рабочие древности и на месте которых теперь велись раскопки, ему лучше не соваться, и потому копался в земле, орудуя двумя палками, неподалеку от них. Песок был мелким, не слежавшимся. Чтобы втыкать в него палки, особых усилий не требовалось.

Внезапно одна из них ударилась о что-то твердое! Сердце мальчика забилось немного быстрее: интересно, что там такое? — подумал он. Мальчик отбросил палку и принялся разгребать песок руками. Вскоре это твердое показалось наружу — каменная поверхность, плоская и гладкая. Чем больше песка отбрасывал

мальчик, тем сильнее крепла в нем уверенность в том, что он нашел нечто стоящее.

Это была ступенька.

Вот здесь, где никто не копал.

Кто-то давным-давно вытесал в каменной породе ступеньку. Время и природные стихии засыпали ее песком, пока тысячи лет спустя маленький водонос не обнаружил ее, орудия всего лишь двумя палками.

Мальчик быстро сгреб песок в образовавшуюся ямку, аккуратно пометил это место и побежал к раскопкам, чтобы рассказать мистеру Говарду Картеру о загадочной лестнице.

Египетская пустыня, 1324 г. до н. э.

— Остановить работу!

Этот крик пронесся по коридору, перекрывая стук молотков и зубил.

Смотритель работ разгневался. Отдать такой приказ мог только сам фараон.

Он расставил ноги, уперся мозолистыми ладонями в бедра и повернулся, чтобы посмотреть на наглого идиота, кем бы тот ни был.

Смотритель услышал доносившийся из коридора топот и сердитые крики рабочих, которым непрощенный гость явно наступал на ноги.

Вскоре прямо перед ним остановился один из царских чиновников. Смотритель вроде бы помнил, что чиновник этот служил у царского визиря, хотя уверен в этом не был. Так или иначе, но гнев он решил пока попридержать.

— По какому праву ты заявился на строительство и распоряжаешься здесь? — неторопливо осведомился смотритель.

— Я поступаю так, исполняя приказ царского визиря, — ответил чиновник.

Смотритель присмирел:

— Я слушаю. И в чем же состоит приказ царского визиря?

— Тебе следует знать лишь, что фараон мертв. — Затем чиновник склонился к смотрителю и прошептал — настолько тихо, что смотритель едва расслышал его: — Ходят слухи, что фараона убили и что за этим последует еще не одна смерть.

Смотритель явно был потрясен, и это доставило чиновнику удовольствие.

— Так это тайна? — спросил смотритель.

— Величайшая. На твоём месте я не повторял бы то, что ты от меня услышал.

— Ты же повторяешь.

— Я — это не ты, о копатель могил.

Последовало напряжённое молчание. Поразительная новость ошеломила зрителя настолько, что ему потребовалось время, чтобы осознать все её возможные последствия.

— За семьдесят дней строительство этой гробницы я закончить не смогу, — наконец сказал он, подразумевая предписанное время скорби, бальзамирования и мумификации, лишь по истечении которого фараона полагалось на веки вечные запечатывать в гробнице. — Это невозможно.

— Потому я и пришел к тебе. *Эту* гробницу мы закончим позже. А фараон будет погребен в другой, находящейся вдали от центра Долины.

Зритель снова изумился:

— Да разве она годится для фараона? Такая маленькая. Всего четыре комнаты и самый узкий коридор на свете. Это же чулан какой-то!

— Да, но чулан уже законченный.

— Так его еще расписать нужно, — ответил зритель. Обычно требовал, чтобы на стенах гробницы были яркими красками изображены сцены из жизни фараона и из его путешествия в загробный мир.

— Совершенно верно. Вот пусть твои люди и распишут его.

— Прекратить работу! — взревел зритель. И, помолчав, с любопытством взглянул на чиновника. — А кто же...

— Получит эту гробницу? — произнес, поняв, какой вопрос он сейчас услышит, чиновник.

Зритель кивнул.

— Царский визирь великодушно согласился заменить собой фараона.

Долина царей, 1324 г. до н. э.

Анхесенпаатон стояла на верхней ступеньке каменной лестницы, спускавшейся в гробницу ее мужа. До погребения оставалось еще два месяца, однако ей хотелось своими глазами увидеть место, где он упокоится навеки.

Она кивнула своей придворной служительнице, Юйе, показав, что хочет сойти вниз одна. И начала спускаться.

Лестница привела ее в коридор. Царица с разочарованием отметила, что украшений он лишен, каменные стены его остались голыми. Анхесенпаатон понимала, что времени было мало. И все же несколько простых картин — это было бы лучше, чем ничего.

Она обернулась, чтобы проверить, не последовал ли за нею кто-нибудь, к свету, который лился из входа в гробницу. Нет, там никого.

Анхесенпаатон облегченно вздохнула. Более, чем чего-либо, она жаждала сейчас одиночества. Слишком многое ей требовалось обдумать.

Коридор вел в большую камеру, за которой лежала комната несколько меньших размеров. Дорогу освещали маленькие лампы, призрачно мерцавший свет которых плясал на стенах.

Когда царица наконец увидела фрески с изображением сцен из жизни Тут, на сердце у нее полегчало. По крайней мере здесь память о нем сохранится.

В середине маленькой комнаты стоял трон Тут, словно ожидая его появления. Анхесенпаатон подошла к трону, провела ладонью по дереву.

Вглядываясь в его спинку, на которой были вырезаны картины их общей жизни, царица улыбалась. Вот она намащивает мужа маслом. А вот они охотятся вместе — Тут держит наготове лук, а она протягивает ему стрелу, указывая другой рукой на жирную нильскую утку. Анхесенпаатон помнила этот день — или другой, точно такой же, — так, как если бы все это произошло вчера.

Для того чтобы прийти сюда, у нее имелась и еще одна веская причина: Анхесенпаатон боялась, что ее того и гляди убьют.

Она обошла трон кругом, страшась чувств, которые вскипали в ее груди. Никогда еще не была она так одинока и никогда не нуждалась так в успокоительных речах Тут. Уж он-то знал бы, что сейчас следует сделать. Она видела, что муж вел себя в присутствии Эйе все более и более уверенно. Эйе утратил почти всю, если не всю, власть над ним. Тут с удовольствием напоминал Анхесенпаатон, что Эйе и его жена — это не более чем достигшие высокого положения слуги его и ее родителей. И вправду, жена Эйе была всего-навсего кормилицей Нефертити. Их царице опасаться нечего.

Анхесенпаатон глубоко вздохнула и позволила себе опуститься на трон. Поначалу она сидела прямо, а потом откинулась, устраиваясь поудобнее, на спинку. Так обычно сидел на нем Тут — не

вытянувшись в струнку, точно какой-нибудь робкий правитель, но расслабившись, поскольку его наполняла уверенность в себе.

Сидя здесь, на троне, она почти слышала голос мужа. Он говорил бы сейчас прямо, не боясь сказать правду тем, кому ее следовало услышать.

Анхесенпаатон ощущала, как в ней накапливается сила, — казалось, сам Тут придает ей уверенности в себе. И это стало для нее, одиноко сидевшей посреди гробницы, испытанием слишком тяжелым. Из глаз царицы брызнули слезы, она разрыдалась.

Муж ее покинул этот мир, тут ничего уже не изменишь. И как же теперь будет она править без него?

И Анхесенпаатон услышала голос Туты, сильный и твердый: *В наши дни женщина не может быть фараоном. У тебя только два пути: либо выйти замуж за Эйе и позволить править ему, либо найти иноземного царя, который займет мой трон.* Некоторые из ее сестер стали женами азиатских правителей. Почему бы и ей не последовать их примеру?

Потому что они были принцессами, а я царица — да к тому же сейчас я еще и фараон.

Плакать Анхесенпаатон уже перестала, однако сердце ее по-прежнему сжимала великая скорбь. Ей не хотелось снова выходить замуж, и уж тем более за Эйе. Однако она — царица, и выбора у нее нет. И какой бы путь она ни избрала, он должен принести благо Египту.

Царица еще раз обвела взглядом стены. Действовать следует быстро.

Из погребальной камеры Анхесенпаатон вышла, высоко подняв голову и расправив плечи. В мыслях своих она уже составляла письмо, которое приведет ее к свободе.

Или к смерти от руки убийцы — как несчастного Туты.

Чтобы оплакать Мальчика-Царя, в столицу съехались со всех концов Египта самые богатые и видные его жители. Одеты они были в свои самые яркие юбки, накидки и золотые воротники. В долине горя эта переливающаяся всеми красками толпа выглядела неуместной.

Скорбящих оказалось так много, а вход в гробницу был так мал, что почетную возможность войти в нее, дабы увидеть место, где фараону предстояло провести вечность, предоставили лишь немногим избранным.

Саркофаг был тяжел, лестница крута, поэтому путь Тута к месту его последнего упокоения оказался долгим и трудным. Плечи несших его мужчин стали скользкими от пота, видно было, что они изо всех сил стараются не уронить фараона.

Оставшаяся снаружи, ничем не защищенная от солнца толпа встревоженно наблюдала за ними. Даже самые богатые из женщин чувствовали себя прескверно, они обливались потом, и черная тушь стекала с их ресниц по щекам. Впрочем, некоторых обмахивали веерами рабы, принося им в здешнем неподвижном, горячем воздухе хоть какое-то облегчение.

И все же никто не решался покинуть свое место и поискать хотя бы клочок тени. С этим можно было подождать до времени, когда тело фараона окажется запечатанным в подземной гробнице.

Сегодняшний долг смотрителя состоял в том, чтобы оберегать сокровища гробницы, ибо даже самые богатые, облеченные наибольшей властью особы Фив могли не устоять перед искушением стянуть, если им представится такая возможность, какую-нибудь золотую вещицу. Как только тело фараона заняло свое место в гробнице, смотритель степенно прошел через толпу и спустился по лестнице. Его рабочие уже заделывали деревянными брусками и штукатуркой вход в погребальную камеру.

Теперь Тут покоился в саркофаге из чистого золота, помещенном во второй саркофаг, который был помещен в третий, помещенный в свой черед в гроб — вырезанный из желтого кварцита и накрытый крышкой из розового гранита. Саркофаги стояли в погребальном святилище, находившемся внутри второго святилища, находившегося внутри третьего, и все они размещались в святилище внешнем, изукрашенном синим фаянсом и золотом.

Сооружение это было настолько большим, что заполнило собой всю погребальную камеру, почти не оставив в ней свободно места.

Пока рабочие еще трудились здесь, множество людей занялись тем, что несли имущество Тута в гораздо большую, находившуюся рядом с погребальной камерой комнату. Ни одна из его вещей не была сочтена слишком мелкой и незначительной, здесь было все — от детских настольных игр фараона до его походных кроватей. Вещи несли на протяжении нескольких часов, Тут словно бы перебирался в новую резиденцию, как оно, собственно, и было.

— Мы закончили, господин, — сказал каменщик и повел рукой в сторону своей работы, предлагая зрителю проверить ее. Штукатурка еще оставалась влажной, однако ясно было, что работа выполнена образцово. Чтобы проникнуть в гробницу, грабителю потребовалось бы крайнее напряжение воли, да и мышц тоже. Добраться до тела фараона можно было, лишь полностью сняв новую стену, а затем разобрав каждый из элементов защиты сложной усыпальницы.

— Теперь ты в безопасности, — пробормотал зритель, гордый своим мастерством и профессионализмом. — Ты был хорошим фараоном.

Больше фараона никто не потревожит.

Глава 9

Долина царей, 4 ноября 1922 г.

Картер курил сигарету, уже пятую или шестую за этот день. Надежды снова вернулись к нему. Он сидел верхом на своем неторопливо вступавшем в Долину гнедом, с белыми пятнами муле. Тропинка вилась между скал, отвесно уходивших вверх, к бледно-синему небу.

За последние тридцать лет Картер проделывал этот путь несчетное множество раз, и сегодняшний день выглядел таким же, какими были все остальные, — полным ожиданий, но чреватым отчаянием. Вчера вечером, прежде чем отправиться домой, он приказал десятнику завершить на следующий день расчистку коренной породы. И сейчас Картер курил, гадая, как подвигается эта работа.

Тридцать лет — срок очень долгий, особенно если результаты он приносит столь неутешительные. Нечего и удивляться тому, что над ним потешаются в Луксоре.

И вдруг он заметил, что в Долине стоит тишина.

Во время сезона раскопок в Долине тихо никогда не бывало.

Испытывая все большее удивление, Картер спешил, привязал мула в тени. И почти сразу же к нему подбежал десятник, принесший новость о находке.

«Меня приветствовали известием о том, что обнаружена вырезанная в камне ступенька, — вспоминал позже Картер. — Новость эта показалась мне слишком хорошей, чтобы быть правдивой, однако быстрая расчистка позволила установить, что мы и вправду нашли лестницу, уходящую в глубь камня».

Такого рода лестницы Картер уже видел во многих гробницах Долины и теперь думал: «Я почти позволяю себе надеяться, что мы наконец отыскали нашу гробницу».

Он велел своим людям копать. За первой найденной мальчиком-водоносом ступенькой обнаружили новые, уходившие в каменную породу все глубже и глубже — на дюжину с чем-то футов ниже жерла в гробницу Рамзеса VI.

Картер проработал в Долине достаточно долго, чтобы знать: такого рода лестницы использовались во время строительства гробниц. На это указывал сам способ, которым она была высечена в камне.

Рабочие не нуждались в указаниях относительно того, что им следует делать. Все прочие участки раскопок были покинуты. Одна группа рабочих уходила все глубже под землю, убирая преграждавшую ей путь спрессованную почву и известняк, другая трудилась наверху. Ее работа заключалась в том, чтобы расчистить участок вокруг лестницы, чтобы можно было увидеть ее истинную форму и размеры.

При наступлении ночи Картер раскопки остановил. Однако на следующее утро они возобновились, — люди работали лихорадочными темпами, к ним снова вернулась былая болтливость.

К полудню 5 ноября стало ясно, что им удалось обнаружить некую большую подземную постройку. Нужно было просто копать дальше, чтобы добраться до жерла в нее.

Даже несмотря на лягз мотыг и густую пыль, наполнявшую воздух, Картер снова томился пессимизмом, гадая, какого именно положения человек занимает подземную камеру.

Что, если она пуста? А может, ее и не использовали никогда? Что там внизу, действительно погребальная камера или просто какой-нибудь склад? И если там все же гробница, возможно ли, чтобы она избежала разграбления?

Лестница уже превратилась в частично засыпанный проход, имевший десять футов в высоту и шесть в ширину. Рабочие успели откопать восемь ступенек.

Затем девять.

Десять.

Одиннадцать.

Добравшись до двенадцатой, они обнаружили верхушку двери. Картер описал ее в своем дневнике как «заблокированную, оштукатуренную и запечатанную».

Запечатанную. Это был хороший знак. Понемногу Картер начинал верить, что ему удалось найти никем не вскрытую гробницу.

«За этим проходом может лежать что угодно, буквально все, что угодно, — писал Картер. — Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не взломать дверь и не приступить к исследованиям сразу же».

Однако исследования он отложил на потом, по крайней мере сейчас. На закате 5 ноября Картер распорядился о прекращении раскопок.

И как ни хотелось ему углубиться еще дальше, как ни *нуждался* он в этом, Картер велел рабочим засыпать лестничный колодец.

Луксор, 23 ноября 1922 г.

Ко времени, когда поезд из Каира подошел к перрону луксорского вокзала, со дня открытия гробницы прошло почти три недели, вконец измотавших Картеру нервы.

После того как 5 ноября был засыпан лестничный колодец, никакие раскопки не производились. Место находки днем и ночью охраняли часовые. Мало того, засыпанную лестницу завалили сверху валунами.

Впрочем, эти меры предосторожности были очень важны. Слухи о находке уже привлекли в Долину орды туристов, вследствие чего Картер сухо отметил в своем дневнике, что «по Египту слухи распространяются так же быстро, как по маленькому городку».

И все же вскрывать гробницу он пока не собирался.

«Лорд Карнарвон находился в Англии, — объяснял впоследствии Картер. — Справедливость требовала отложить все до его приезда. И потому утром 6 ноября я послал ему телеграмму: *“В Долине наконец сделано чудесное открытие; величественная гробница с нетронутыми печатями; вскрою ее после вашего приезда; мои поздравления”*».

Карнарвон ответил тоже телеграммой, что прибудет через две недели.

«Таким образом, у нас образовалась почти двухнедельная передышка, и мы воспользовались ею, чтобы произвести всякого рода приготовления, которые позволили бы нам, когда придет время вскрыть гробницу, справиться с любой ситуацией, какая может при этом возникнуть, без малейшей задержки», — писал Картер.

Он провел две недели, терзаясь постоянными сомнениями и строя догадки. Теперь с этой гробницей оказалась связана вся его жизнь.

«Одно обстоятельство озадачивало меня: в сравнении с другими гробницами Долины вход в эту был очень маленьким, — писал он. — Не могла ли она оказаться гробницей, в которой по распоряжению фараона похоронили какого-то вельможу? Или царской кладовой, в которой была надежно спрятана некая мумия и все, что имело к ней отношение? Или это все-таки гробница царя, поискам которого я посвятил так много лет?»

Дни тянулись медленно, а вот новость об открытии распространилась по всему миру очень быстро, превратив Говарда Картера в публичную фигуру.

Его это привело в ужас. Не то чтобы он возражал против славы — после стольких лет неудач и борьбы слава льстила его самолюбию. Однако, если гробница окажется пустой, он станет всеобщим посмешищем, а приставшая к нему репутация неудачника еще и укрепится.

Картер старался, как мог, заниматься повседневными делами и проводил бессонные ночи в ожидании лорда Карнарвона и членов его семьи.

И наконец они приехали!

Поезд остановился, из купе первого класса вышел одетый с иголочки лорд. Рядом с ним шагала двадцатилетняя красавица — его дочь Эвелин. В прошлом сезоне она и Картер уже пережили, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, увлечение друг другом, однако в Луксоре рядом с ними день и ночь находился Карнарвон, и потому далеко их роман так и не зашел.

Картер радостно приветствовал прибывших, вручил Эвелин букет белых цветов. Затем все трое уселись на осликов и отправились в шестидневный путь к Долине царей. Поначалу дорога шла по окружавшим Луксор пышным зеленым полям, но после того, как паром переправил путников через Нил, они оказались на ведущем в Долину пыльном проселке.

Леди Эвелин излучала, как и всегда, оживление и радость, а вот лорд Карнарвон выглядел слабым и усталым. Он очень нуждался в отдыхе.

И потому вскрытие гробницы пришлось отложить еще на один день.

Разочарованный Говард Картер разместил гостей в своем доме и сам провел в нем еще одну бессонную ночь.

Долина царей, 24 ноября 1922 г.

На следующий день Картер, лорд Карнарвон и леди Эвелин пришли на место раскопок. Для Картера обнаружение лестницы было итогом тридцатилетних ожиданий, однако и Карнарвонами волнение владело отнюдь не малое.

Рабочие откатили в сторону тяжелые валуны, затем начали расчищать ступени лестницы. Однако теперь они не просто удаляли почву, поскольку, чем глубже зарывались рабочие, тем чаще им стали попадаться древние артефакты.

Леди Эвелин была вне себя от восторга, она понимала, какое огромное историческое значение имеют эти находки, и любовно разглядывала каждый керамический черепок и каждый амулет — *scarabs*, как их принято было называть, — который рабочие извлекали из земли.

А вот Картер начинал падать духом. По его мнению, весь этот сор указывал на то, что он обнаружил не гробницу, а царскую мусорную свалку. «Все найденное говорило, похоже, скорее о складе, чем о гробнице, — мрачно признавал он, — о разнородном скоплении предметов, относящихся к царям Восемнадцатой династии».

На черепках стояли имена фараонов, хорошо ему известных: Аменхотепа Величавого, Эхнатона, Тутмоса. Отнюдь не довольный увиденным, Картер провел весь день, глядя вниз с верхней ступеньки лестницы и думая о том, что это открытие может окантаться концом его карьеры — ее бесславной последней главой.

И наконец «к вечеру 24-го была расчищена вся лестница, все ее шестнадцать ступеней, и мы смогли осмотреть запечатанную дверь», — записал он.

Увиденное разочаровало его ужасно.

«Вопреки нашим надеждам, — писал Картер, — гробница не была совершенно нетронутой».

Кто-то уже побывал здесь, опередив его.

Когда дверь полностью освободили от земли, в солнечном свете стало ясно видно, что печати ее кем-то подделаны. Грабители проникли в гробницу, обчистили ее, а потом не поленились *запечатать снова*.

Мысли Картера понеслись во всех направлениях сразу. Может быть, гробницу взломали уже в наше время? Нет, это невозможно. Хижины рабочих и слой покрывавшей коренную породу земли позволяли отнести гробницу к эпохе Рамзеса VI — это самое раннее. Значит, те, кто проник в гробницу, сделали это во время двухсотлетнего периода, отделявшего правление Эхнатона от правления Рамзеса.

Только одно и поддерживало в Картере слабую надежду: печать Тутанхамона на двери.

Однако и она вела к новым вопросам. Свидетельствует ли эта печать о том, что за дверью похоронен сам загадочный фараон, о котором почти ничего не известно? Или она говорит лишь о том, что он присутствовал при перенесении в эту гробницу чьих-то еще останков либо имущества или просто правил в то время, когда это произошло? В конце концов, такие же печати были обнаружены и на гробнице, которую Дэвис когда-то объявил принадлежащей Тутанхамону.

Уже смеркалось, работы пришлось остановить, а эта печать все не давала Картеру покоя. В голове его звучал и звучал один и тот же вопрос: *Тутанхамон?*

Если это так, он, Картер, совершил величайшее открытие современности.

С ответом придется подождать до утра. Он намеревался стать первым за три тысячи лет человеком, который войдет в эту дверь.

Долина царей, 25 ноября 1922 г.

Время пришло. Правильнее сказать, почти пришло. Перед тем как взломать дверь, следовало сфотографировать для истории царские печати.

Эта редкая честь выпала лорду Карнарвону, бывшему у себя в графстве президентом фотоклуба. Теперь граф стоял в бледном утреннем свете на верхней ступеньке лестницы и возился с камерой, подбирая правильную диафрагму и выдержку, — он был хоть и любителем, но весьма опытным и знающим. Последнее, чего желал лорд Карнарвон, — это совершить ошибку, которая приве-

дет к снимкам плохого качества или, хуже того, на них вообще ничего не будет видно.

Стоявшего рядом с ним Картера снедала тревога. Положение его осложнилось, поскольку на раскопки прикатил, чтобы понаблюдать за вскрытием гробницы, внушавший ему немалую неприязнь чиновник Отдела древностей. Рекс Энгельбах, прозванный Картером и Карнарвоном Форелью за его мелочность, твердо стоял на том, что занимаемый им пост дает ему право стать первым, кто войдет в гробницу.

Энгельбаха, с его властным высокомерием и отсутствием хоть каких-то познаний в египтологии, Картер всегда не любил, однако сегодня он не собирался позволить этому человеку досаждать ему. После многих лет тяжкого труда и неудач Картеру предстояло войти наконец в гробницу Тутанхамона. И сейчас время для препирательств с чиновниками было отнюдь не лучшее. Однако и позволить Энгельбаху первым войти в гробницу он не собирался. Ни под каким видом.

Картер спустился с альбомом в руке к двери, чтобы зарисовать все ее печати и оставленные на ней оттиски. Они должны были послужить подкреплением для фотографий, которые делал Карнарвон. Теперь двое друзей работали бок о бок в самом низу обветшавшей лестницы.

Рисунки Картера точно передавали все размеры и все детали. Ни одна мелочь упущена им не была.

И только в середине утра, покончив с зарисовками и фотографированием, Картер и лорд Карнарвон рысцой поднялись по лестнице наверх.

Время пришло.

Картер приказал рабочим разбить дверь.

«Утром 25-го, — писал он, — мы удалили преграду, состоящую из необтесанных камней, уложенных от пола до притолоки и густо обмазанных штукатуркой, на которую наносились оттиски печатей».

Люди, толпившиеся вверх лестницы, вытягивали шеи, стараясь разглядеть то, что находится за дверью. Однако темнота и груды мусора делали это невозможным.

Картер сошел вниз, заглянул в дверь и увидел длинный, узкий коридор. Гладкий пол его наклонно шел вниз.

В одном месте коридор, писал Картер, «был доверху завален камнями и сором, вероятно оставшимися со времени, когда его

пробивали. Этот завал нес, как и дверь, явные признаки того, что гробницу вскрыли, а после закрыли снова. Нетронутая его часть состояла из белых обломков, смешанных с пылью; та, через которую кто-то пытался пробиться, — из обломков темного кремня».

Как далеко уходил коридор, сказать было невозможно. Ясно было только одно: кто-то здесь уже побывал.

«В левом верхнем углу завала виднелось неровное углубление», — отметил Картер. Кто-то попробовал прорыть здесь лаз, намереваясь выяснить, что находится по другую сторону завала.

Карнарвон сфотографировал завал. Затем усталый Картер приказал рабочим полностью удалить его. Рано или поздно, а коридор должен был где-то закончиться.

И если удача на его стороне, грабители унесли не все, что находилось в гробнице.

Долина царей, 26 ноября 1922 г.

Это произошло сразу после дневного завтрака, к которому Картер почти не притронулся. Он и леди Эвелин рылись в корзине с мусором, когда снизу прибежал землекоп с новостью: рабочие нагнулись на вторую дверь.

Сердце Картера, готовившегося спуститься в коридор, чтобы взглянуть на свежую находку и оценить ее, учащенно билось от новых предвкушений.

Последние сутки для всех стали суматошными, полными нервного напряжения. Землекопы продолжали работать и ночью, поднимая наверх полные корзины мусора. И все же, когда работа была наконец прекращена, коридор по-прежнему производил впечатление бесконечной свалки.

Впечатление это даже усилилось, поскольку камни теперь лежали вперемешку с тем, что Картер описал как «глиняные черепки, крышки сосудов, алебастровые сосуды — целые и разбитые, расписные глиняные вазы, многочисленные фрагменты предметов поменьше и меха для воды» — все новые признаки того, что здесь находится древняя свалка, *не* гробница.

Работа возобновилась при первом утреннем свете. Картер и леди Эвелин тщательно перебирали каждую новую корзину мусора, отыскивая указания на период истории, к которому этот мусор относился. Картер был египтологом, первым и лучшим среди них. Для него эти усилия были попытками сохранить историю. Вместо того чтобы просто выбрасывать мусор, как делал Теодор Дэвис, Картер

скрупулезно каталогизировал и описывал каждую новую находку, какой бы малой и по видимости незначительной она ни была.

А взволнованным зрителям, которые буквально изжаривались под солнцем пустыни в надежде, что им удастся заглянуть в гробницу, регистрация этих мелочей представлялась нудной тратой времени, только замедлявшей работу.

И теперь, когда Картер, а за ним и лорд Карнарвон с леди Эвелин начали спускаться по лестнице, зрители заволновались. Эти трое протискивались сквозь толпу рабочих, которым и без них уже не хватало места в узком проходе.

Воздух наполняли пыль и «трепет ожидания».

Вторая дверь оказалась почти точной копией первой. На покрывавших ее поверхность неглубоких оттисках печатей различалось имя Тутанхамона.

Однако кто-то проник в древности и за эту дверь. Помимо прочего, на ней был оттиснут и символ царского некрополя, однако пессимизма Картера этот знак не убавил. «Нам предстоит вскрыть склад, а не гробницу», — записал он в дневнике.

И все же он шагнул вперед и начал руками проделывать дыру в левом верхнем углу двери. Руки его, вытаскивавшие камни и куски штукатурки, дрожали.

Лорд Карнарвон протянул ему тонкий железный прут. Картер ударил им в вырытую руками ямку и бил до тех пор, пока прут не вышел, не встретив преграды, с другой стороны двери. Картер пошуровал им, отыскивая новое препятствие. Препятствия не было — никакой стены, сложенной из обломков известняка и глиняных черепков, только воздух.

Он и в самом деле пробился к следующему уровню.

Картер не имел представления о том, что именно произойдет следом, но понимал: великий миг наконец-то настал. Что там — склад или гробница? Для того чтобы выяснить это, существовал только один способ. «Перед нами возвышалась запечатавшая коридор дверь, а за нею находился ответ на этот вопрос», — вспоминал впоследствии Картер.

И он начал голыми руками расширять проделанное с помощью прута отверстие, обратившись теперь в единственного здесь рабочего-землекопа.

Картер считал, что уж это-то право он заслужил.

Глава 10

Дворец Туты, 1324 г. до н. э.

Глаза-то их и выдают — всегда.

Поэтому Анхесенпаатон внимательно изучала глаза всех представавших пред ней придворных. Если глаза их были слегка потуплены, это означало, что они считают ее убийцей своего мужа. То же самое относилось и к тем, кто вымученно улыбался, однако взгляда ее избегал.

Толком описать выражения лиц тех, кто верил ей, она не могла. Впрочем, во дворце таких было не много. Все выглядело так, точно она уже предстала перед судом и была признана виновной.

— Вы желали видеть меня, Ваше Величество? — спросила Юйе, ее придворная служительница. Девушка склонила, входя в покои царицы, голову, не позволив Анхесенпаатон взглянуть в ее лицо.

Теперь, когда Туты не стало, царице принадлежал весь дворец, однако она осталась в своих прежних покоях. В них она чувствовала себя более уверенной, более защищенной. Единственным изменением, которое она произвела в жизни дворца, было изгнание из него любовницы Туты.

— Ты напишешь письмо, — сказала Юйе царица. Произнося эти слова, она смотрела поверх плеча девушки на дверь, боясь, что ее подслушают или обвинят в том, что неведомо почему именуется государственной изменой.

Юйе достала чистый папирус, пожевала кончик свежей тростинки, прежде чем окунуть ее в чернильницу.

— Дражайший царь Суппилулиума, — чуть подрагивающим голосом начала диктовать царица.

И, прежде чем продолжить, взгляделась в девушку. Если она и может доверять кому-либо, то только Юйе. И все-таки царица не имела полной уверенности в том, что письмо царю хеттов было такой уж хорошей идеей. Хетты всегда враждовали с египтянами, и столетия вражды вскормили в двух народах сильное недоверие друг к другу.

Однако у Анхесенпаатон имелся хорошо продуманный план, исполнение которого могло принести Египту пользу и в настоя-

шем, и в будущем. Хеттское царство было могучим, с превосходной армией и сильными правителями. Брак, заключенный между царицей и одним из царских сыновей, мог бы на многие века укрепить Египет.

И она продолжила диктовать: «Муж мой скончался, а как мне говорили, у вас есть взрослые сыновья. Пошлите ко мне одного из них. Я сделаю его царем, и он станет править Египтом».

Анхесенпаатон помолчала, подыскивая фразу, которой можно было бы закончить это письмо. Но смогла лишь выпалить то, что бесконечно крутилось в ее голове: «Я опасаюсь за свою жизнь».

Юйе подняла на нее взгляд, не уверенная в том, что царица могла произнести именно эти слова.

Тогда-то Анхесенпаатон и удалось увидеть глаза Юйе. Ее служительница, вне всяких сомнений, считала, что это она убила Тута.

АНХЕСЕНПААТОН терзалась страхом уже двадцать восемь дней. Она считала их, один за другим. И теперь, когда солнце вставало, чтобы начать двадцать девятый после смерти Тута день, она в одиночестве вышла в дворцовый сад.

Плеск воды в ближайшем фонтане насылал на нее фальшивое ощущение покоя, как и воробьи, порхавшие среди фруктовых деревьев. Однако к завтраку царица не прикоснулась, она нервничала так сильно, что даже глотка воды не отпила.

Все решится сегодня. Она была уверена в этом. Но только в этом — ничто иное во дворце уверенности ей не внушало.

Путь от Фив до царства хеттов занимал четырнадцать дней. Если все сложилось благоприятно, принц может уже сегодня прибыть во дворец и предложить ей руку. И разумеется, она эту руку примет. С каждым проходившим часом Эйе внушал Анхесенпаатон все больший страх, теперь он распоряжался во дворце так, точно уже стал фараоном. Однако притязания его не осуществятся, если царица не выйдет за него замуж. И когда появится хеттский принц, дело будет решено окончательно. Эйе вновь обратится в простолюдина и до конца своих дней останется царским визирем. Если останется.

Размышляя об этом, она вдруг услышала тяжелые шаги. Тот, кто приближался к ней, безусловно, не был ее служительницей.

Обернувшись, Анхесенпаатон увидела Эйе.

— С добрым утром, Ваше Величество, — чопорно произнес он. Однако в глазах его читалось нечто новое. Самодовольство.

— Визирь?

— Вас что-то тревожит? — спросил он.

Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

— Это не твоя забота.

Несмотря на то что царица стояла, Эйе, игнорируя придворный этикет, опустился на скамью. Это была дерзость — неслыханная и оскорбительная.

— Встань, — резко приказала царица.

Визирь улыбнулся, встал и шагнул к ней:

— Ваше Величество, до погребения вашего мужа времени остается еще довольно много. И все же нам следует обсудить вопрос наследования. У вас имеется план?

Она не ответила.

— Для того чтобы править Египтом, Ваше Величество, вам нужен царь. Вы ведь должны понимать это.

— Царь у меня будет, — ответила Анхесенпаатон.

— В стране нет никого более, чем я, способного...

— Я сказала: царь у меня будет. И обсуждать с тобой эту тему, пока мой муж не займет место вечного упокоения, я не желаю.

Разговор их прервала Юйе, чьи глаза поспешили встретиться с глазами визиря. Этот обмен взглядами царица заметила. Уж не состоят ли они в тайном сговоре? Она отогнала от себя эту мысль. Юйе никогда не предала бы ее. И все же царица была уверена: что-то между ними происходит.

— К вам прибыл гонец, Ваше Величество, — объявила Юйе.

— Кто такой? — резко спросил Эйе.

— И это тоже не твоя забота, — сказала Анхесенпаатон. Сердце ее чуть не выскочило из груди. — Ты можешь идти, визирь.

После ухода Эйе в сад ввели темноволосого мужчину. Его небольшая свита осталась за воротами дворца. Царице довольно было один раз взглянуть на гостя, чтобы понять: это не хеттский принц.

— Зачем ты прибыл сюда? — спросила царица и в полном отчаянии взглянула на Юйе.

Юйе пожала плечами, а хетт, который явно смешался в присутствии царицы, попытался ответить на ее вопрос.

— Я привез послание от моего царя, — сказал он. И вручил царице свиток. Анхесенпаатон торопливо прочитала его. А следом и хетт пересказал ей послание царя своими словами: — Но где же сын фараона? Что с ним случилось?

Анхесенпаатон едва не взорвалась от гнева:

— Ты что же, видел бродящего по залам дворца мальчика? Видел? Или ты видел, как по окрестностям дворца скачет на колеснице юный принц? О, я отдала бы что угодно, лишь бы он был у меня. Неужели твой царь думает, что все это некая уловка? Неужели мое письмо показалось ему неискренним либо неясным?

Хетт потупился, переминаясь с ноги на ногу.

— Что мне сказать моему царю?

— Скажи ему так: «Зачем мне обманывать тебя? У меня нет сына, а муж мой мертв. Пошли мне одного из твоих сыновей, и я сделаю его царем Египта».

Хетт стоял, не зная, как ему поступить дальше.

— Чего ты ждешь? — спросила царица. — У нас мало времени! Только то, что осталось до похорон моего мужа, не больше.

Едва лишь хетт покинул дворец, Юйе отправилась на поиски Эйе.

Царица осталась одна.

Египетская граница, 1324 г. до н. э.

Принц хеттов носил имя Заннанза.

Он и его свита скакали по ведущей к Египту дороге. По рождению Заннанза был чистокровным хеттом, гордостью и радостью своего отца. Прожив всего двадцать два года, он уже продемонстрировал и отвагу на поле битвы, и уверенное владение дипломатическим искусством при царском дворе. Предстоявший брак с царицей должен был объединить два царства и войти в историю. Заннанза станет фараоном и обретет власть, которая не снилась даже его отцу.

Он отпил воды из меха и протянул его своему визирю.

— Вы видите их? — спросил визирь.

— Как же я могу их не видеть? — ответил Заннанза.

Похоже, царица послала навстречу ему почетный эскорт. Небольшая группа египтян ожидала его на границе, укрывшись от солнца под деревьями оазиса. Наверное, подумал Заннанза, у них найдется что поесть, — может быть, фрукты. И свежая вода. Весь этот день он провел в седле.

Заннанза, его солдаты и придворные галопом поскакали к египтянам. Когда они приблизились, навстречу им выехал на лошади низкорослый, пузатый человек.

— Привет вам. Я Хоремхеб, генерал царицы. Она шлет вам наилучшие пожелания, принц.

— Я Заннан...

Договорить хеттский принц не успел. Он не заметил ни лучников, затаившихся за шатрами египтян, ни стрелу, которая была выпущена по нему и ударила его прямо в лоб. Принц свалился с коня, и вскоре на песке образовалась большая лужа царственной крови.

Схожая участь постигла и всю его свиту. Тех, кто смог уклониться от стрелы, догнали и изрубили на куски. Над телами их уже закружили стервятники, когда Хоремхеб спешил и подошел к трупам Заннанзы.

Он отсек мечом голову принца и поднял ее повыше. Солдаты Хоремхеба, радостно закричав, устремились к телам хеттов, чтобы снять с них все ценное.

— Это для царицы, — сказал, злобно усмехнувшись, Хоремхеб и опустил голову в мешок, который он намеревался отправить в Фивы.

Дворец Тут, 1324 г. до н. э.

Тронный зал был темен и мрачен. Анхесенпаатон и Эйе спорили уже не один час, начав сразу после ужина. Теперь же стояла полночь, и на царского визиря падал свет луны. Эти яростные препирательства продолжались больше недели, и нынешней ночью ни один из спорщиков выбором слов себя уже не утруждал.

Царица протестовала горячо и громко, так что ни плотные занавеси на окнах, ни растения в огромных горшках слов ее не заглушали. Каждый человек, находившийся во дворце, если он не спал, мог услышать ее отчаянный голос, и она это прекрасно понимала.

— Не заблуждайтесь, державой буду править я. А вы будете моей царицей, — заявил Эйе. Обвислая шея и брюхо сильно старили его. Он не походил на мужчину, способного стать отцом наследника трона.

— Я ею не буду, — резко ответила Анхесенпаатон. Она расхаживала по залу, пытаясь придумать, как ей выиграть побольше времени.

И в зал вошла, словно только этих слов и ожидала, Юйе.

— Что такое? — спросила царица. — Ты принесла мне новости? Говори.

Эйе расхохотался:

— О да, новости у нее имеются. Сообщи ей новости. Сообщи удивительные новости о хеттском принце, который ехал сюда, чтобы спасти царицу и стать фараоном.

Анхесенпаатон гневно уставилась на него:

— Так ты знал об этом?

— Разумеется, знал. — Он снова зашелся хохотом, а затем указал на Юйе: — Из вашей придворной служительницы получилась недурная шпионка. Прошу тебя, Юйе, сообщи царице новости, которые ей так не терпелось услышать.

Девушку затрясло от стыда, она не решалась встретиться с царицей взглядом. И тем не менее Юйе заговорила, негромко и монотонно:

— Хетты получили отправленное вами послание, Ваше Величество. Их повелитель направил в Египет своего сына, чтобы он женился на вас и служил вам как царь Египта.

— И? — спросила Анхесенпаатон.

— И этого принца, имя которому было Заннанза, встретил на границе генерал Хоремхеб. И принц, и все его люди убиты. Сегодня с границы прискакал гонец, который принес эту весть — а с нею и вот это.

Юйе опустила на стол кожаный мешок. Эйе, подойдя к нему, вывалил содержимое мешка на пол. Отрубленная голова принца глухо ударилась о плиты.

Анхесенпаатон отшатнулась. Ей стало трудно дышать, и она перевела взгляд на визиря.

Теперь от его почтительности не осталось и следа. На лице Эйе читалась лишь нескрываемая издевка.

— Ты — государственная изменница, — объявил он. — А под моим началом находятся жрецы, финансы, да и Хоремхеб послушен мне. Постарайся сделать умный выбор, Твое Величество. Ты можешь либо стать моей женой и сохранить жизнь, либо предпочесть смерть, подобную той, что постигла твоего мужа.

Эйе развернулся и вышел из зала, шлепая сандалиями по плитам.

Он увел с собой Юйе и в ту же ночь принял должные меры к тому, чтобы она хранила молчание, — перерезал ей горло. Если придворная служительница оказалась способной предать царицу, значит, она может предать и его. А ставки были слишком высоки, чтобы он позволил себе подобный риск.

Обручальное кольцо было изготовлено из стекла и покрыто синей глазурью. По внутренней его стороне тянулась вязь иероглифов, которые складывались в имена молодоженов: ЭЙЕ И АНХЕСЕНПААТОН.

Царица надела это кольцо на палец, изображая всем своим видом райское блаженство. Пиршественный зал заполняли кутилы и бражники, свадебному приему предстояло продлиться далеко за полночь. На открытом огне жарились цельные бычьи туши, рекой лилось пиво. Сколько бы ни старалась Анхесенпаатон оставаться безучастной наблюдательницей происходящего, она, как-никак, была царицей Египта. Ни одно ее движение или жест не оставались незамеченными — самым блестящим и обладавшим наилучшими связями гражданам Египта очень хотелось понять, действительно ли она любит своего нового мужа.

Потому-то и важно было прилюдно надеть кольцо и постараться выглядеть счастливой.

Эйе стоял рядом с Хоремхебом на другом конце зала, и стоило лишь взглянуть на него, чтобы понять: перед вами старый, но счастливый фараон — да так оно, собственно, и было. Правда, он прожил на свете на сорок лет больше, чем его новобрачная, и к тому же уже имел жену, властную женщину одного с ним возраста.

Долго ли он еще протянет? — вот о чем гадали все гости. И что случится после его кончины? Анхесенпаатон придется снова выходить за кого-то замуж? А за кого? Может быть, за чужеземца?

Единственный выход, думала царица, состоит в том, чтобы прижить с Эйе ребенка. Ничем другим она защитить свою жизнь не сможет.

Пир становился все более шумным, а Анхесенпаатон вдруг почувствовала, что ее бьет горячая дрожь, что она покрывается потом. Волна тошноты прокатилась по всему ее телу. А спустя несколько секунд она упала на колени и ее вырвало.

К занемогшей царице бросились слуги. Эйе наблюдал за происходившим с другого конца зала, но прийти Анхесенпаатон на помощь не спешил.

Она встретила взглядом со своим новым мужем. Его глаза излучали самодовольство и торжество. Анхесенпаатон постаралась придать своему взгляду такое же выражение.

Когда же ей это не удалось, она, отмахнувшись от слуг, с трудом поднялась на ноги. Однако устоять на них не смогла и упала, сильно ударившись головой об пол и потеряв сознание.

Хеттский принц принес с собой смертоносную заразу, которая каким-то образом добралась до царицы. Так объяснил случившееся Эйе, и объяснение его вошло в исторические хроники.

Через несколько дней Анхесенпаатон скончалась. Эйе, исполняя желание своей старой жены, отказался похоронить ее в своей гробнице, да и в гробнице Тутанхамона тоже.

Вместо этого он приказал отнести тело царицы к реке и бросить его на съедение крокодилам.

Глава 11

Долина царей, 26 ноября 1922 г.

КАРТЕР снова попытался расширить руками отверстие, чтобы увидеть то, что находилось по другую сторону каменной кладки. Он потел, задыхался, его побуревшие от табака пальцы ранила жесткая штукатурка и острые края камней.

За спиной у Картера стояли леди Эвелин и ее отец. А в некотором отдалении замерли землекопы, надеявшиеся получить, если сегодня будет сделано большое открытие, денежное вознаграждение.

Но особенно приметен был — своим отсутствием — «Форель» Энгельбах. Он уехал, дабы проинспектировать другие раскопки, находившиеся в нескольких милях отсюда. Предполагалось, что Картер дождется его возвращения и только тогда войдет в камеру или гробницу. Ну уж нет.

Расчистив отверстие от потолка до уровня своих глаз, Картер зажег свечу и поднес ее к отверстию, чтобы проверить, не скопились ли за дверью вредоносные газы. Пламя свечи затрепетало — из камеры повеяло воздухом, которому была не одна тысяча лет.

Когда же пламя стало гореть ровно, Картер просунул в отверстие руку со свечой и приник к нему лицом, ощущая, как на кожу его оседает пыль столетий. Стараясь держать свечу потверже, он смотрел внутрь камеры, вглядываясь в то, что вырывало из мрака ее пламя.

«Поначалу я не мог различить ничего, — писал впоследствии Картер. — Но постепенно, по мере того как мои глаза привыкали к сумраку, в нем начали проступать детали того, что находилось

в этой комнате. Странные животные, статуи, золото — повсюду блеск золота. На миг — тем, кто стоял у меня за спиной, он должен был показаться вечностью, — я онемел от изумления».

— Вы что-нибудь видите? — нетерпеливо спросил лорд Карнарвон.

— Да, — ответил Картер. — Чудесные вещи.

— Дайте посмотреть, — потребовал граф. — Теперь моя очередь.

Картер довольно невоспитанно проигнорировал графа. Слишком много лет ждал он этого невероятного мгновения. И то, что он видел, было невероятнее всего того, что рисовало ему его воображение. Он наконец сделал это! Нашел *чудесные вещи*.

Заменив свечу электрическим фонарем, он медленно провел лучом по содержимому камеры, и содержимое это заворожило его. «Никогда еще за всю историю раскопок, — писал впоследствии Картер, — свет электрического фонаря не открывал глазам человека зрелище, столь поразительное».

Эта гробница, или склад, или что угодно, содержала не просто несколько разрозненных древностей. Нет, ее заполняли золото и иные бесценные сокровища.

Теперь глаза Картера начинали различать формы и очертания, и он принялся мысленно составлять каталог изумительного содержимого комнаты. Прямо перед ним находились «три больших позолоченных дивана с резными боковыми стенками, имевшими вид фантастических животных, тела их были странно слабыми, но головы отличались пугающим реализмом изображения».

«Рядом с ними, справа, — позже записал он, — лицом друг к другу стояли, подобно часовым, две выполненные в натуральную величину черные статуи царя в золотых юбках, золотых сандалиях, с булавами и жезлами в руках и защищающими их священными кобрами на лбах».

Там находилось и многое иное: инкрустированные сундуки, алебастровые вазы, букеты из золотых цветов и листьев, трон из золота и дерева с тончайшими инкрустациями.

Комната была забита от пола до потолка — мебелью, статуями, посудой и прочей утварью богатого египтянина.

Но тут Картер почувствовал, что его тянут назад чьи-то жилистые руки.

Это были руки Карнарвона.

Крепко уперевшись ногами в каменный пол, граф с удивительной силой вцепился в плечи Картера, оторвал его от отверстия и отодвинул в сторону. Здоровье у графа было уже не из лучших, и это усилие сбило ему дыхание.

Однако, едва вырвав фонарь из руки Картера и прикинув лицом к отверстию, он и думать забыл обо всем на свете.

У Карнарвона снова перехватило дыхание.

Картер стоял у него за спиной, привалившись к стене, и широко улыбался леди Эвелин. Взгляд ее был прикован к глазам Картера, великое открытие, сделанное им, внушало ей благоговение. Но еще больше она уважала Картера за одержимость, с которой он относился к своей работе. Леди Эвелин была своим происхождением обречена на то, чтобы жить в богатстве и занимать высокое положение в обществе. На социальной лестнице Говард Картер стоял несколькими ступенями ниже нее. И все же влечение, которое они испытывали друг к другу, становилось все более сильным. Им мешал лишь неусыпный надзор лорда Карнарвона.

Впрочем, сейчас он за ними не надзирал. И они, стоя в сыром подzemелье, смотрели в глаза друг другу, охваченные «восторгом открытия».

Наконец ошеломленный лорд Карнарвон повернулся к ним и поманил к себе Эвелин:

— Подойди сюда. Это поразительно, моя дорогая! Ты должна увидеть все своими глазами.

Только тогда к Картеру вернулась способность четко думать, и он задал себе самый очевидный вопрос: *Если это гробница, то где же мумия?*

Увы, поискам мумии препятствовала одна серьезная проблема.

В полученной лордом Карнарвоном концессии на проведение раскопок в Долине было сказано, что человек, открывший гробницу, обладает правом войти в нее первым. Однако, как с полной ясностью дал два дня назад понять Энгельбах, Отдел древностей толковал текст концессии совершенно иначе.

Действуя в соответствии с полученными от начальства приказами, Энгельбах потребовал, чтобы при вскрытии любой камеры присутствовал кто-либо из служащих Отдела. Неисполнение этого требования влекло за собой суровое наказание: Картера и Карнарвона могли лишить значительной части причитавшихся им сокопищ.

А это означало бы, что после многолетних трудов они могут, если проявят чрезмерное нетерпение, остаться с пустыми руками.

И хотя сам Энгельбах место раскопок покинул, он оставил здесь своего заместителя, египтянина Ибрагима Эффенди, дабы тот присматривал за выполнением названного требования в его, Энгельбаха, отсутствие. Однако в ту минуту, когда Картер и его группа добрались до второй двери, и самого Эффенди в Долине уже не было. Он вернулся в Луксор и ожидал там сообщений от Картера.

И теперь перед Картером и Карнарвоном стояла дилемма: послать ли им за Эффенди или войти в гробницу без него?

Картер решил сделать и то и другое.

Взяв со всех, кто находился в туннеле, в том числе и с египтян-землекопов, клятвенное обещание сохранить все в тайне, он торопливо набросал записку, которая должна была уведомить Отдел древностей о его находке. Записку он вручил одному из землекопов, приказав доставить ее адресату только после наступления темноты.

А сделав это, вновь занялся заложенной дверью и еще больше расширил отверстие.

Он собирался проникнуть внутрь и найти мумию.

Самой миниатюрной из них была леди Эвелин, поэтому она первой и протиснулась в щель в разобранной кладке. Увидев перед собой призрачно белевшие алебастровые вазы, она замерла. Картер еще немного расширил отверстие, чтобы сквозь него мог пролезть более крупный, чем его дочь, лорд Карнарвон. А затем и сам проник в помещение, получившее впоследствии название «передней».

Это была небольшая, двенадцать на двадцать шесть футов, прямоугольная комната с настолько низкими потолками, что они грозили наградить забравшихся в нее людей клаустрофобией. На стенах прихожей не было никаких росписей, что показалось Картеру странным. *Почему комната осталась недоделанной?*

Пахло здесь не просто пылью и временем, но и ароматическими веществами и экзотическими породами дерева. «Сам воздух, которым мы дышим, оставался неизменным в течение многих столетий», — думал ошеломленный Картер.

И он с удивлением почувствовал, что вневременность этого мгновения внушает ему смиренное чувство. В пыли, покрывавшей пол, виднелись отпечатки ног, оставленные здесь тысячи лет

назад. У стены стоял ящик с известковым раствором, который использовался для постройки закрывшей вход перегородки. «Закопченная лампа, отпечаток пальца на свежеокрашенной поверхности, висящий над порогом погребальный веноч — все наводит на мысль о том, что они были оставлены здесь только вчера», — думал Картер.

Трое явившихся сюда из современности непрошенных гостей обшаривали комнату лучом фонаря и, забыв об уважении к истории, трогали руками золотые реликвии.

Картер открыл маленький ларец с изображением фараона — *Тутанхамона*? — разящего врагов на поле битвы. Внутри лежала пара древних сандалий и расшитое яркими разноцветными бусинами одеяние.

Леди Эвелин ахнула от восторга, увидев позолоченный трон с написанными на нем ляпис-лазурью портретами фараона и его царицы. Нежность, с которой царица прикасалась к фараону, свидетельствовала о том, что эти двое очень любили друг друга. На взгляд Картера, эта картина была «прекраснейшим из артефактов, когда-либо найденных в Египте».

Тем временем снаружи стемнело. Рабочие и еще остававшиеся у входа в гробницу зеваки разошлись по домам. А в «передней» Картер и его спутники продолжали с наслаждением делать одно открытие за другим.

И все же полного удовлетворения Картер не ощущал. Великая загадка оставалась по-прежнему неразрешенной. Он простукивал стены в поисках свидетельства существования еще одной комнаты.

В одном месте он наткнулся на маленькое отверстие и, посветив в него фонарем, увидел очень маленькую комнату, также переполненную сокровищами. Признаков присутствия мумии и в ней видно не было, поэтому Картер воспротивился искушению проникнуть и в эту камеру.

Он продолжал поиски, проводя ладонями по гладкой поверхности стен, отыскивая скрытый проход. И наконец кое-что обнаружил! Справа, у дальней стены, стояли — явно по сторонам двеного проема — две статуи.

Они были, судя по всему, часовыми, стражами, многие века охранявшими эту дверь. «Мы снова оказались на пороге открытия, — напишет вскоре Картер, пытаясь осмыслить эту ошеломляющую находку. — За охраняемой дверью должны были нахо-

даться другие камеры, быть может, целая череда камер, и в одной из них мы, вне всяких сомнений, увидим фараона во всем его помертвом великолепии».

И Картер снова оказался перед выбором: ждать ли ему приезда чиновника или пробить стену сейчас?

И снова решил махнуть рукой на возможные политические последствия и выяснить, что находится по другую сторону двери. Ему оставалось только надеяться, что это решение не окажется для него роковым. Однако именно таким оно, разумеется, и оказалось.

В нижнем правом углу скрытого дверного проема Картер обнаружил отверстие высотой три фута, заделанное штукатуркой еще в древние времена. А это указывало на то, что древние грабители все-таки опередили его.

В третий за этот день раз Картеру пришлось разрушать то, что соорудил в древности некий вор, выламывая камни, которыми была наспех заделана дыра в стене, светить в полученное отверстие фонарем.

Поначалу он увидел немного. *Еще один узкий коридор?*

В это отверстие Картер пролез первым, ногами вперед, и оказался в комнате, расположенной ниже предыдущей. Он повел лучом фонаря по стенам коридора.

Поначалу ему показалось, что свет фонаря сыграл с ним злую шутку.

Но затем он понял: одна из стен — это вовсе не стена. И находится он не в коридоре, а в удивительной квадратной комнате.

Низкая стена, которая сбила его с толку, была на самом деле стенкой усыпальницы.

Он нашел погребальную камеру.

После того как к нему присоединились леди Эвелин и лорд Карнарвон, Картер осмотрел усыпальницу.

Он стоял перед крепкой деревянной двустворчатой дверью, запертой на изготовленный из черного дерева засов. За нею, как хорошо знал Картер, должна была находиться усыпальница поменьше, копия наружной. И лишь после того, как будут открыты все усыпальницы, он сможет увидеть саркофаг — и саму мумию.

От этой мысли сердце Картера забилося быстрее. *Мумия наверняка была там.* Грабители не смогли бы похитить ее, не разломав предварительно все усыпальницы, а та, на которую он сейчас смотрел, осталась нетронутой.

С помощью Карнарвона Картер медленно и осторожно сдвинул засов. Двери, повернувшись на петлях, приотворились. Следующая усыпальница оказалась задрапированной расшитой золотыми розочками тканью. Приподняв ее, Картер увидел новое доказательство того, что мумия осталась непо потревоженной: засов еще одной двери, ведущей к еще одной усыпальнице, был опечатан печатью фараона. Такие печати ставили на царских некрополях: на ней был изображен охраняющий девятерых пленников шакал, и это означало, что внутри покоится фараон.

Было уже почти утро. Потратив еще некоторое время на осмотр второй усыпальницы, все трое покинули гробницу. Карнарвон нуждался в отдыхе. Да и Картер с Эвелин не были людьми, привычными к духоте и физическому труду. Даже Картеру требовалась передышка.

Они начали подниматься по ступенькам и через несколько секунд вышли из древнего прошлого в предрассветную прохладу настоящего.

Рабочие Картера так и стояли у гробницы. Они помогли закрыть ее на ночь и остались рядом с ней, чтобы охранять гробницу от непрошенных гостей.

Величайший день жизни Говарда Картера закончился.

Долина царей, декабрь 1922 г.

Новость об открытии уже разлеталась по опутавшим земной шар телеграфным и телефонным проводам, а Картер, вернувшись домой, размышлял о том, что он нашел, и о том, что следует из этой находки.

Картер смотрел из своего стоявшего на возвышенности дома на Долину и думал о загадочной смерти Тутанхамона. Он пытался извлечь какой-то смысл из того, что обнаружил в гробнице, — из игрушечных парусников и колесниц, золотых ковчегов, драгоценных амулетов, — пытался понять, как могла оборваться жизнь человека, столь молодого. Была и загадка еще большая: почему гробница находится именно здесь? И где захоронена царица?

«Понятно, что в политическом отношении правление и жизнь царя должны были оказаться на редкость нелегкими. И возможно, он стал игрушкой в руках темных политических сил, таившихся за его троном».

Картер мысленно перебирал обнаруженные им артефакты. Он писал впоследствии о «найденных в камере расписных деревян-

ных ларцах, вся лицевая поверхность которых была обмазана гипсом». Отмечал сосуды с косметикой, украшенные изображениями «быков, львов, охотничьих собак, газелей и зайцев». Наиболее трогательными казались ему «эпизоды из повседневной жизни царя и царицы». Но где же *ее* саркофаг?

Особенно поразила Картера картина, на которой сопровождаемый львенком Тутанхамон стреляет из лука по уткам, «а у ног его сидит на корточках юная царица». Другая картина изображала царицу, подносящую Тутанхамону «вино, цветы и маленькие воротнички». Еще на одной фараон, лежавший с царицей на ложе, умащивал ее некими благовониями. Картер понимал, насколько юными они были — и насколько любящими.

Количество золота и драгоценностей, найденных в гробнице, поражало Картера, но не меньше поражало его и то, что было, судя по всему, складом оружия.

В находившейся рядом с погребальной камерой комнате с ничем не украшенными стенами, которую Картер назвал «сокровищницей», и в комнатке за «передней», названной им «пристройкой», он обнаружил запасы оружия: тринадцать составных луков, два простых лука и два колчана; двести семьдесят восемь стрел, многие из них с бронзовыми наконечниками; а также покрытый сложной резьбой и украшенный золотой фольгой футляр для лука.

Самый большой из луков позволял предположить, что Тутанхамон обладал немалой физической силой, поскольку длина этого лука составляла больше шести футов.

Мирным фараоном Тутанхамон не был, это ясно. Столь же несомненным представлялось и то, что, помимо стрельбы из лука, у него имелись и другие увлечения. В пристройке находилось несколько щитов, кожаные доспехи, защищавшие грудь и плечи Тутанхамона, мечи, бумеранги, дубинки и кинжалы.

На своего отца Тутанхамон определенно не походил. «Умелый обладатель лука мог свалить самое быстрое из животных и защититься от врага», — отмечал Картер.

В одном из углов пристройки, среди луков, предназначенных для охоты и сражений, был найден и тот, из которого Тутанхамон стрелял в детстве. Этот лук имел длину всего полтора фута, а единственная его стрела — шесть дюймов.

Картер поймал себя на том, что снова думает об обстоятельствах смерти Тутанхамона. В конечном счете он пришел к выводу, что случайной она не была. «Гробница словно дышит скорбью,

порожденной преждевременной утратой. Царственный юноша, несомненно полный жизни и способный насладиться ею, едва успев обратиться в мужчину, отправился — кто знает, при каких трагических обстоятельствах? — в свой последний путь, который вел его от сияющих небес Египта к мраку страшного Загробного мира», — записал Картер.

Долина царей, 16 февраля 1923 г.

Настало время вскрыть погребальную камеру.

Картер так и не признался Энгельбаху, что уже побывал в ней, и потому, когда наступил день «официального» вскрытия, вынужден был изображать любопытство относительно ее содержимого. И изображать убедительно. После того как новость о сделанном им открытии распространилась по миру, в Луксоре началось столпотворение. А Говард Картер неожиданно превратился в звезду первой величины и даже в значительную историческую фигуру.

Кроме всего прочего, начались раздоры между бюрократами Египта и заграничными любителями пожить за чужой счет — всем им хотелось как-то примазаться к происходившему.

«Сначала со всех концов света начали поступать телеграммы, а через неделю-другую за ними последовали и письма, потоки писем, которые все еще продолжают приходить», — отмечал Картер.

Поздравительные письма уступили место «предложениям помощи; просьбам о сувенирах — даже несколько крупиц песка и те были бы приняты с благодарностью; предложениям немислимых денег — за права на экранизацию, за авторские права на фасоны найденных одежд; советам по наилучшим способам сохранения древностей и изгнания злых духов».

Человек, подобный Картеру, склонный к самоанализу и довольно тихий, справиться с такой ситуацией никакой, разумеется, возможности не имел. Никто же не мог предвидеть случившегося — и уж менее всего он сам или его луксорские хулители.

«Уинтер-Палас» превратился в нечто немислимое, — отмечал египтолог Артур Мэйси, которого Картер пригласил поучаствовать в дальнейших раскопках. — Кроме как о гробнице, здесь ни о чем не говорят; отель кишит газетчиками, поэтому, прежде чем произнести хоть слово, необходимо оглядеться по сторонам и убедиться, что никто тебя не подслушивает. Кое-кто пытается поссорить Карнарвона с Отделом древностей, и весь Луксор разделился на партии сторонников одного либо другого. Археология плюс жур-

налистика — смесь достаточно взрывоопасная, а если добавить в нее и политику, она становится по-настоящему гремучей».

Неожиданную для Картера проблему создало одно из принятых лордом Карнарвоном решений. Стараясь заработать на Тутанхамоне как можно больше, граф подписал с лондонской «Таймс» эксклюзивное соглашение, которое давало этой газете право публиковать все подробности сделанного открытия. А это обозлило газеты не только Египта, но и всего мира, и теперь они сварливо требовали, чтобы и им тоже позволили писать о величайшем открытии столетия.

Но самым неприятным было то, что Отдел древностей и правительство Египта приступили к попыткам полностью захватить контроль над гробницей. И это вылилось в борьбу, которая на долгие годы отравила жизнь Картера.

А была еще и леди Эвелин. Лорд Карнарвон проникался все большими подозрениями по поводу отношений между его дочерью и Картером. Эти подозрения плюс обретенная Картером слава вбили клин между двумя давними партнерами и друзьями.

И все-таки, когда у входа в гробницу собралась толпа британских и египетских политиков и чиновников, перед ней предстали оба компаньона. Картер провел всех внутрь гробницы. Статуи «передней» пришлось отодвинуть к стенам, чтобы никто не зацепил их случайно рукой или ногой. У стены, которая отделяла погребальную камеру от всей остальной гробницы, воздвигли помост. Он сильно походил на сцену, и Говард Картер был в тот день ее звездой.

Он поднялся на помост, снял пиджак и рубашку и приставил к стене острие зубила.

И начал разбивать стену мощными ударами молотка.

Пока продолжалась эта работа, Артур Мэйси стоял рядом с Картером, принимая от него один отколотый камень за другим. Мэйси в свою очередь передавал камни египетским рабочим, которые укладывали их в корзины, выносившиеся затем из гробницы наружу.

Пролом расширялся медленно. После двух часов работы Картер оказался «покрытым пылью, растрепанным, потным» — он в совершенстве играл свою роль.

Наконец он протиснулся в пролом и поманил за собой всех остальных. Теперь все ясно увидели за проломом алебастровые сосуды, каноны, усыпальницу с фигурами четырех богинь-хранительниц и усыпанные блестками саваны.

Эффект это зрелище произвело колоссальный: зрители всплескивали руками и ахали, ослепленные тем, что открылось их взорам.

Картеру осталось лишь отступить в сторонку и наблюдать за происходящим. Он устал — и от физических усилий, которых потребовала расчистка прохода, и от ежедневной борьбы с Карнарвоном и журналистами. Мысленно он строил планы насчет того, как снова запечатает гробницу и на неделю запрется в своем доме, чтобы отдохнуть в одиночестве и покое.

Когда недолгий осмотр гостями погребальной камеры Тутанхамона закончился, Картер и Карнарвон попрощались с ними. Картер приготовился к трудной работе по каталогизации содержимого гробницы, работе, на которую должен был уйти не один год, но к которой ему не терпелось приступить. Он считал, что работа эта станет вершиной трудов всей его жизни.

Большую часть своих разногласий Картер и Карнарвон уладили еще до 23 февраля, дня, когда граф покинул Египет. Однако спустя шесть недель лорд Карнарвон скончался от заражения крови, вызванного тем, что он, бреясь, срезал бугорок, появившийся у него на коже после укуса комара.

И Картеру пришлось единолично сражаться с египетскими политиками и чиновниками. Необходимыми для этого способностями он не обладал. Меньше чем через год его лишили доступа и к гробнице Тутанхамона, и к Долине.

Темперамент и упрямство Картера подвели его в последний раз.

Глава 12

Каир, 1931 г.

Обручальное кольцо, изготовленное из стекла и покрытое синей глазурью, все еще сохраняло былую красоту. На внутренней стороне его стояли имена Эйе и Анхесенпаатон.

Как это ни иронично, в руках его вертел сейчас Перки Ньюберри, ныне уже седой ветеран, на счету которого было сорок проведенных в Египте лет. А происходило это в Каире, в легендарном сувенирном магазине, принадлежавшем англичанину по имени Роберт Бланчард.

Бланчард торговал не безвкусными и крикливыми копиями добытых в гробницах реликвий, но вещами подлинными — которые сам он приобретал, разумеется, у грабителей гробниц.

Обычными его клиентами были европейские туристы, однако временами к нему заходили и египтологи, чтобы посмотреть, не появились ли на рынке новые диковины — это было безошибочным признаком того, что где-то ограбили очередную гробницу. Перки уже собрал здесь обширную коллекцию амулетов и сейчас рылся в выставленных на продажу вещах, надеясь добавить к ней новое сокровище.

На кольцо он наткнулся случайно, однако значение его понял мгновенно.

Он перечел замысловатую надпись, дабы увериться, что правильно разобрал имена, и лишь после этого удовлетворенно улыбнулся. Лежавшее на его ладони кольцо разрешало загадку, которая не давала Говарду Картеру покоя с тех пор, как была вскрыта гробница Тутанхамона. И загадка эта была такова: что случилось с прекрасной юной царицей?

На стенах гробницы Тутанхамона упоминания и об Анхесен-паатон, и о какой-либо другой его жене отсутствовали. А на стенах гробницы Эйе, которая изначально строилась для Тутанхамона, имелось изображение его первой жены, однако какие-либо указания на то, что он взял вторую жену, опять-таки отсутствовали.

— Где вы нашли эту вещь? — спросил Перки, постаравшись не выдать голосом своего волнения — заметив его, Бланчард мог вздуть цену на кольцо до небес.

— В восточной дельте, — ответил, равнодушно пожав плечами, Бланчард.

Перки удивился, однако ничем этого не показал.

Интересно, каким это образом кольцо совершило путешествие из Фив, мимо Каира и до самого устья Нила? Очень странно. Хотя, с другой стороны, прошло три тысячи лет. А за такое время всякое может случиться, верно?

Перки решил купить кольцо, но тут выяснилось, что бумажник его остался в отеле. Он извлек из кармана блокнот и тщательно скопировал надпись. Потом вернул кольцо в витрину и поспешил в отель, за бумажником.

Однако, прежде чем вернуться в магазин, Перки набросал короткое письмо старому другу, который жил теперь в Англии.

«Дорогой Картер, — говорилось в этом письме, — я только что видел у Бланчарда кольцо, на котором стоят рядышком имена Анхесенпаатон и царя Эйе. *Это может означать только одно: царь Эйе женился на Анхесенпаатон, вдове Тутанхамона.*

Перки отнес письмо на почту и побежал к Бланчарду, чтобы купить кольцо.

Он опоздал.

Кольцо было только что продано.

Долина царей, 1319 г. до н. э.

Генерал Хoremхeб оплакивал своего друга и союзника Эйе. Эти двое знали друг друга еще с молодых лет. И когда Эйе запечатали в гробнице, некогда предназначавшейся для Тутанхамона, душу Хoremхeба наполнила печаль. И шрам на его лице побагровел.

Как странно, — думал Хoremхeб, — что я могу убить человека ударом кинжала в сердце, а после оплакивать его.

Он окинул взглядом толпу, собравшуюся у гробницы Эйе, встретившись при этом взглядом с несколькими старыми друзьями. Гробница находилась в месте относительно укромном, вдали от центра Долины царей.

Хoremхeб понимал, почему Эйе хотел, чтобы его похоронили здесь, — место уединенное, удаленное, глядишь, грабители его и не найдут. Однако он и ругал старого друга за то, что тот забрался так далеко от Фив. Солнце уже садилось, а это означало, что придется два часа тащиться до столицы в темноте.

Впрочем, вскоре он уже улыбался. Подумаешь, проблема. Зато под конец этой поездки он направится не в свой старый дом и не в армейские казармы. Нет, он триумфально въедет во дворец.

Генерал Хoremхeб стал фараоном.

Когда слуги начали собирать тарелки и винные кубки, использованные для погребального пиршества, Хoremхeб направился по каменистой тропе к временным конюшням. За ним последовала длинная процессия скорбящих. До генерала доносились обрывки их болтовни, в которой звучали разговоры Мемфиса и Амарны. Возглавляли процессию верховные жрецы.

Несмотря на смерть Эйе, настроение сегодня у всех было приподнятое. Может быть, из-за выпитого вина, а может быть, и потому, что большой любовью Эйе не пользовался.

И тем не менее Хоремхеб надеялся, что, когда он умрет, все будет точно так же — на пир снова съедутся люди со всего Египта. Генерал любил хорошее застолье.

Издали уже доносилось конское ржание, и Хоремхеб понял, что конюх запрягает в его колесницу жеребцов. Ему захотелось с силой хлестнуть поводьями по их бокам и пролететь весь путь до Фив на предельной скорости.

Так каким же фараоном я буду?

Величавым. Как Аменхотеп III.

Да. Я буду величавым. Надо распорядиться, чтобы к моему имени добавили этот титул.

А каким станет его следующий шаг, Хоремхеб уже знал: необходимо начать с чистого листа.

И прямо в эту минуту жестокий генерал решил сровнять с землей Амарну, город, построенный Эхнатомом.

Весь город.

Целиком.

Должен исчезнуть.

Как должны исчезнуть под ударами зубил и имена Тутанхамона и Эйе, вырезанные на стенах храмов. Только его, Хоремхеба, имени и следует сохранить.

Его солдаты обшарят всю страну. Это может занять не один год, однако имена предшественников Хоремхеба будут стерты. Фараонам, подобным Тутанхамону, надлежит покрываться плесенью в их гробницах, указы их должно отменить, распоряжения перечеркнуть. Пусть все выглядит так, точно ни Тутанхамона, ни его юной жены и не было никогда на свете.

Берясь за поводья своей колесницы, Хоремхеб все еще размышлял об этом. Теперь, когда он стал фараоном, за ним повсюду следовала процессия телохранителей, но сейчас он их словно бы и не видел. Летя по пыльной дороге в Фивы, Хоремхеб думал только о том, как он перепишет историю.

И он действительно переписал ее — на срок больше трех тысяч лет.

Палм-Бич, Флорида, наше время

Я сидел у себя в кабинете, глядя на раскинувшееся за окном озеро Уорт, однако мысли мои пребывали в пустыне. Набрасывая план книги, я время от времени проставлял вверху страницы слова «*Быть там*». Они напоминали мне о том, что каждая глава

книги должна оживать для читателя, что я должен переноситься на место ее действия. Я знал, что сама эта история живет собственной жизнью, по крайней мере в моем сознании. И ничего более ошеломляющего, чем то, что произошло с бедным Тутанхамом в 1925 году, через два года после открытия его гробницы, представить себе не мог. Мне и самому-то было трудно поверить в случившееся.

Разумеется, без Говарда Картера исследование гробницы было бы невозможным. Ему потребовалось несколько лет, чтобы наконец извлечь останки Тутанхамона из погребальной камеры. Процесс этот начался в тот миг, когда была разбита оштукатуренная стена, отделявшая «переднюю» от усыпальницы. Толпившиеся у входа в гробницу журналисты, затаив дыхание, ожидали новостей. Имевшиеся в сообществе египтологов скептики по-прежнему считали, что Картер обнаружил всего-навсего богатый склад. А никаких признаков мумии Тутанхамона все еще видно не было.

Бедный Картер! А ведь дальше ему пришлось еще хуже.

Как только рабочие разобрали усыпальницу и унесли ее деревянные панели, он с изумлением увидел перед собой вторую усыпальницу, поменьше. И ее разобрали тоже, кусочек за кусочком.

Однако внутри обнаружилась другая усыпальница. А внутри этой еще одна.

Всего их оказалось четыре, одна была вставлена в другую, точно русские матрешки.

Но в конце концов Картер все же добрался до саркофага. Крышка его была изготовлена из розового гранита, и крышка эта треснула в центре, словно от удара молотом или каменной дубинкой. Но кто же мог нанести такой удар? И по какой причине?

Что ж, по крайней мере Картер проникся серьезной уверенностью в том, что он нашел Тутанхамона. Он вскрыл два внешних саркофага. Но тут вмешалась политика. Лорд Карнарвон умер загадочной смертью. И египтяне на год выдворили Картера за пределы страны.

Он возвратился в 1925 году, чтобы вскрыть последний, золотой саркофаг. Мумия оказалась покрыта черной мазью. Когда современные люди впервые увидели Тутанхамона, он был залит черной смолой и потому по-прежнему окутан тайной.

А следом произошло нечто не менее шокирующее, чем вся история Тутанхамона.

Исследование тела фараона было поручено доктору Дугласу Дерри из Каирского университета. Его, профессора анатомии, сочли более, нежели Картер, подходящим для выполнения этой работы. Решение довольно спорное. Поскольку Тутанхамон был спаян смолой со своим саркофагом, Дерри пошел на крайние, и это еще слабо сказано, меры. Сначала он попытался вырубить Тутанхамона зубилом. Потом воспользовался раскаленными ножами, которые плавил смолу. А затем совершил нечто и вовсе немыслимое: *взял пилу и распилил Тутанхамона пополам!*

Дворец Тут, 1324 г. до н. э.

Солдат по имени Абдул беззвучно, на цыпочках пересекал спальню Тут. Он стоял за каменной статуей, пока царица не покинула — точно в срок — больного мужа. И знал, что у него есть лишь несколько минут на то, чтобы сделать свое дело и выбраться из дворца.

Молодой, лежавший в постели фараон выглядел невинным и беспомощным, как дитя. Душу солдата охватила жалость, однако жалость быстро сменила мрачная решимость и понимание: то, что он сейчас сделает, пойдет на благо Египта. Генерал обещал ему деньги и повышение по службе. А царский визирь добавил к этому участок земли и немного скота.

И потому убийца хладнокровно приблизился к ложу фараона, расставил пошире ноги и, ухватив дубину обеими руками, занес ее над головой.

Неужели фараона и вправду так легко убить? Абдул ждал, что из укрытия вот-вот выскочит стража, а сам Тут встанет и прикажет прикончить его, пойманного на месте преступления.

Руки солдата ощущали гладкую поверхность черного дерева и тяжесть камня, точно подобранную для того, что ему предстояло совершить, — камень был не настолько легким, чтобы просто отскочить при ударе от головы фараона, но и не настолько тяжелым, чтобы солдат, замахнувшись дубиной, потерял равновесие.

И тут он с испугом услышал слово, негромко произнесенное Тутот во сне: «Мама».

Солдат опустил дубину. Нет, убивать фараона именно так — это неправильно. Абдул положил обе ладони на горло спящего фараона и с силой стиснул его.

Глаза Тут широко открылись. Он пытался бороться, но был слишком слаб. И вскоре замер навеки.

Солдат подобрал дубину и покинул спальню так же быстро и тихо, как проник в нее. А некоторое время спустя и самого его убили под покровом тьмы, изрубив мечами.

Палм-Бич, Флорида, наше время

Именно найденные в гробнице Тутанхамона картины рассказали подлинную историю всего случившегося и помогли разрешить загадку убийства.

На стенах погребальной камеры был изображен Эйе, смотревший сверху вниз на каждого, кто входил в нее. Эйе исполнял на этих картинах церемонию, называвшуюся «Раскрытие рта», и был увенчан царской короной. А церемонию эту полагалось исполнять новому фараону. Выходило, что Эйе не только исполнял ее, но и стал фараоном вскоре после смерти Тутанхамона, что и позволило ему нанять художников, которые написали его портрет на стенах гробницы только что почившего царя.

Ирония истории заключается в том, что эти двое, бывшие при жизни смертельными врагами, оказались навеки связанными друг с другом в промозглой погребальной камере. Тутанхамону так и не удалось укрыться от своего мучителя.

Проведенные мной исследования показали, что такие же картины имеются и на стенах гробницы Эйе. Как и в погребальной камере Тутанхамона, здесь тоже присутствуют охряно-желтые изображения двенадцати стражей-бабуинов, символизирующие двенадцать часов ночи. Имеются изображения охотящегося посреди болот Эйе. После смерти Тутанхамона именно Эйе решал, какой должна быть роспись гробницы молодого фараона — и, разумеется, его собственной.

Что еще важнее, Анхесенпаатон Эйе на стенах гробницы Тутанхамона изображать не стал. И это было необычно, поскольку фараоны неизменно изображали на стенах своих гробниц любимых жен. А Анхесенпаатон была *единственной* и любимой женой Тутанхамона. Но Эйе хотел, чтобы она принадлежала только ему, дабы он смог претендовать на царский престол. План его был совершенно ясен: сделать Анхесенпаатон своей женой — так, как если бы никакой Тутанхамон и не жил никогда на свете.

Так кто же несет ответственность за смерть Тутанхамона? Кто сплел заговор, имевший целью его убийство? И почему?

Все они. Вспомните, сразу после убийства Тутанхамона царица стала править страной как фараон. Она явно стремилась к вла-

сти, о чем свидетельствует ее попытка выйти замуж за хеттского принца. Это было предательством самого гнусного толка. А почему она совершила его? Потому что жаждала править Египтом.

Все трое — Анхесенпаатон, Эйе и Хоремхеб — поочередно вошли на трон Тутанхамона. Эйе перехитрил Анхесенпаатон, убив хеттского принца. В конце концов, он годами стремился стать фараоном и понимал, что другого случая занять трон ему не представится. Сначала он убил принца хеттов, потом убил Анхесенпаатон. Царица дала согласие на убийство Тутанхамона. Нет никаких сомнений в том, что она, страшаясь возможной смерти мужа от недуга, решила, что сможет выйти за хеттского принца, родить наследника и сохранить свое место на царском престоле.

Анхесенпаатон и думать не думала о том, что Эйе перехитрит ее, а затем убьет.

Как и Эйе не догадывался о том, что будет убит своим союзником, генералом Хоремхебом, который сменит его на троне.

Тутанхамон погиб в результате заговора трех человек, которые при его жизни стояли к нему ближе всех прочих — Анхесенпаатон, Эйе и Хоремхеба. Посвященные Тутанхамону выставки посещаются сотнями тысяч любопытных, миллионы людей считают, что им известна его история, однако истинную трагедию Мальчика-Царя знают лишь немногие.

Дело закрыто.

Ныне останки Тутанхамона покоятся на простом деревянном помосте, который изготовил для него Картер. Исследователям уже многие годы известно, что он сломал, скорее всего вылетев из колесницы, правую лодыжку; что это был тяжелый перелом, который, возможно, привел к заражению крови; они знают даже то, что его мучило воспаление зуба мудрости.

Но не знают, что Тутанхамон был убит.

Лондон, 2 марта 1939 г.

Говард Картер умер в одиночестве, за ним ухаживала только племянница, которой предстояло унаследовать сокровища, найденные им после более чем тридцати лет тяжких трудов в Долине царей.

Между его смертью и похоронами прошло четыре дня — время, достаточное для того, чтобы газета «Таймс» успела напечатать некролог, в котором он был назван «великим египтологом... прославившимся своим участием в одном из самых успешных и волнующих эпизодов, образующих анналы археологии».

Публикация некролога в «Таймс» была привилегией, и немалой. Обычно такой чести удостоивались лишь люди богатые, прославленные, эксцентричные или достигшие очень многого.

Картер принадлежал ко всем четырем категориям сразу. Однако романтическая интонация этого некролога, написанного его другом Перки Ньюберри, оставляла в тени тот факт, что слава Картера давно уже пошла на убыль и что Перки остался его единственным близким другом. Да и похороны Картера произвели самое удручающее впечатление: у могилы собралась лишь горстка скорбящих, выбитая на могильной плите дата рождения на год отличалась от подлинной и, самое, быть может, печальное, похоронили его в простой, вырытой в земле яме.

Такое прощание мира с человеком, который посвятил всю свою жизнь исследованиям изысканно убранных гробниц фараонов, выглядело более чем несправедливым.

Впрочем, один трогательный момент в этом прощании все же присутствовал.

Через многие годы после того, как оборвался их роман, к могиле Картера пришла единственная любовь его жизни. Леди Эвелин была миниатюрной женщиной, облаченной в дорогую одежду и широкополую черную шляпу. Отец ее прогневался на Картера, узнав об их тайной любви. А когда лорд Карнарвон через месяц с небольшим после вскрытия гробницы Тутанхамона внезапно скончался, она поступила «как полагается». Леди Эвелин, дочь пятого графа Карнарвона, отвернулась от Картера и подыскала для себя более подходящего в социальном — и финансовом — отношении жениха. Свадьба ее состоялась всего через несколько месяцев после вскрытия гробницы Тутанхамона.

И теперь леди Эвелин стояла на весенней траве, глядя на простой гроб и глубокую яму в земле, — так же, как стояла когда-то рядом с Картером на месте другого погребения. Может быть, в память о том дне она и приехала сюда. Сколь бы далеко ни развела Картера и леди Эвелин жизнь, факт все равно остался фактом: семнадцать лет назад, в одно знаменитое теперь ноябрьское утро, они стали первыми за три тысячи лет людьми, заглянувшими в гробницу Мальчика-Царя, известного ныне как Тутанхамон.

Они вошли в историю вместе, их обоих прославлял в то время весь мир.

«Я вижу чудесные вещи», — задыхаясь произнес тогда Картер.

Теперь он не задыхался.

Служивший в Патни викарий закрыл молитвенник, гроб Картера опустили в могилу. Леди Эвелин бросила в нее горсть земли и медленно пошла по гравийной дорожке к ожидавшей ее машине с шофером.

Лимфогранулематоз убил Картера, когда ему было шестьдесят четыре года. Тутанхамон умер, едва достигнув восемнадцатилетия, и причина его смерти осталась загадкой, которая не давала Картеру покоя до конца его дней. И леди Эвелин тоже размышляла все эти годы о тайне его смерти, последнем недостающем кусочке картины, рисующей жизнь царя Тутанхамона.

Ныне и Картер спал вечным сном в могиле, которая никогда потревожена не будет.

Эпилог

Долина царей, 1300–1500 г. до н. э.

Каждая песчаная буря, каждое наводнение погребали тайну Тутанхамона, тайну Мальчика-Царя, все глубже и глубже.

Сначала ветры пустыни, заставлявшие грабителей гробниц, обитавших в расположенных высоко над Долиной царей пещерах, торопливо укрываться в своих жилищах, намели в нее тонны песка. Дверь гробницы Тутанхамона оставалась запечатанной и не вскрытой в течение сотен лет.

А песок, поднимавшийся все выше и выше, запечатывал ее еще надежнее.

В конце концов она оказалась полностью погребенной под песком и гравием, полностью укрытой ими от мира.

Дожди приходили в Долину не часто, но уж если приходили, вода их рушилась на нее с такой неистовой силой, что со склонов Долины сползали вниз огромные пласты почвы. Вода превращала песок и известняк в подобие цемента, накрывавшего крепкой, как камень, коркой, все, что лежало под ним. Эта корка накрыла и последние, верхние ступеньки лестницы, которая вела в гробницу Тутанхамона.

И скоро гробница укрылась от любопытных взглядов так, точно никогда и не существовала.

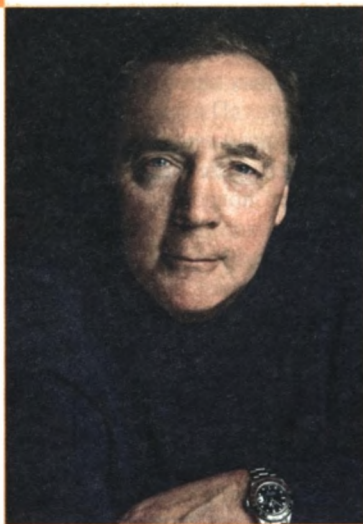
Каждая новая песчаная буря, каждый новый ливень создавали новое наслоение, и в итоге верхние ступеньки лестницы ушли под поверхность земли на шесть футов. Место погребения Тутанхамона оказалось не просто укрытым от глаз, но и забытым.

Глубоко под землей покоился Тутанхамон, Мальчик-Царь. Стены его гробницы были крепки, они не обрушились и даже не треснули под тяжестью скопившегося над ними грунта.

Да и сокровищ не повредили ни дождь, ни влажность — от них эти сокровища были теперь защищены даже лучше, чем в начале.

Тутанхамон одиноко лежал там год за годом, столетие за столетием, словно дожидаясь дня, когда некий исследователь соскребет с его могилы всю эту грязь и мусор.

И, быть может, проникнет в тайну его жизни и безвременной смерти.

БОЛЬШЕ ВСЕГО БОИТСЯ: публичных выступлений («если, конечно, я не рассказываю какую-нибудь историю»).

БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБИТ: свою семью и кино («я смотрю буквально каждый новый фильм»).

ЛЮБИМЫЕ ГОРОДА: Палм-Бич, штат Флорида и Санта-Барбара, штат Калифорния.

ВЕБ-САЙТ: www.JamesPatterson.com

ДЖЕЙМС ПАТТЕРСОН МАРТИН ДЮГАР

У Паттерсона столько интересных идей и сюжетов для новых романов, что он не успевает писать один и обращается к талантливым соавторам. На этот раз его помощником стал Мартин Дюгар — автор документальных книг, журналист, сотрудничающий с «Эсквайр» и «Спортс иллюстрейтед».

Вот что рассказывает Джеймс Паттерсон о том, как шли их поиски истинных причин смерти юного фараона Тутанхамона:

— Когда я пишу свои произведения, я руководствуюсь набором правил, которые сам разработал и назвал «Авторский стиль Дж. П. и составные элементы его

книг». Всего там двадцать пунктов, но восемнадцатый — самый

АВТОР № 1 В МИРЕ

Первый же роман Джеймса Паттерсона, опубликованный в 1976 году, мгновенно принес ему славу. Сегодня его называют «самым известным автором на все времена». Его книги продаются по всему миру, и их суммарный тираж составил уже более 170 миллионов экземпляров. Только под своим именем Паттерсон опубликовал 46 романов. Всего с его участием вышло без малого 70 книг.

важный, на мой взгляд — гласит: ИССЛЕДУЙ. НЕ ПРИВИРАЙ НИ О ЧЕМ — НИ ОБ ОПУХОЛИ МОЗГА, НИ О ЧУВСТВАХ УТОПАЮЩЕГО, НИ ДАЖЕ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ ОТ УКУСА ПЧЕЛЫ.

Признаюсь, ни одна из моих книг не потребовала от меня более тщательной подготовки. Задумав написать этот роман и объединив усилия с Марти Дюгаром, я тут же с головой окунулся в Древний Египет.

Казалось бы, сюжет прост — в книге раскрывается убийство, однако реалии, которые очень важны для этого романа, сделали работу на редкость сложной и в то же время захватывающей, интригующей. Нам нужно было не просто хорошо продумать характеры героев нашей драмы, необходимо было выяснить, что они ели, как одевались и как, какими способами могли убивать.

В общем, смотри пункт восемнадцатый моих правил: НЕ ПРИВИРАЙ НИ О ЧЕМ.

Мы собирали материал очень долго. Марти в основном ездил — он побывал и в Лондоне, и в Долине царей, в гробнице Тутанхамона, а я зарывался в книги и часами просиживал в Интернете.

Объединив потом наши разработки, мы приступили собственно к написанию романа. Нас по-

разило то, что в истории Древнего Египта до сих пор еще очень многое остается неизвестным. Мы постоянно натывались на белые пятна и снова и снова обращались к научным исследованиям, ища ответы на свои вопросы. Безумно интересно было сравнивать результаты научных трудов с нашей версией того, что же происходило на самом деле.

Мы воссоздавали диалоги персонажей, мотивы их поведения, описывали быт и нравы роскошной дворцовой жизни — и в основе всего этого лежали доказанные факты.

В том, что история спекулятивна, ничего нового нет, однако существует разница между догадками и теорией, основанной на холодных, упрямых фактах. Мы предпочли последнее.

Что касается Говарда Картера, судьба которого безусловно достойна отдельного романа, то он почти наш современник, поэтому его жизнь документирована достаточно хорошо.

Я нашел в себе силы и противостоял искушению пуститься в домыслы о его отношениях с леди Эвелин Герберт, хотя все еще надеюсь, что какой-нибудь журнал даст мне возможность вдоволь порассуждать на эту приятную тему. Пока же предоставляю читателям делать собственные выводы.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: ЭЛЕОНОРА МЕДВЕДЕВА
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР: ЕКАТЕРИНА АНТИПОВА
РЕДАКТОРЫ: ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ, НИНА УСОВА
КОРРЕКТОРЫ: ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВА, ЕЛЕНА ШАРИКОВА,
МАРИНА ТАГИ-ЗАДЕ
ДИЗАЙН: ПЕДРО КЛАВИХО
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА: ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВА
АССИСТЕНТ РЕДАКЦИИ: ЕКАТЕРИНА БОРИСОВА

«Без следа», перевод с английского «Gone Tomorrow»,
автор Ли Чейлд.
Полное издание на английском языке опубликовано в издательстве
Bantam Press, an imprint of Transworld Publishers.
© Lee Child, 2009
Иллюстрации на с. 8–10: Dave Krieger/Stone; дизайнер: Curtis Cozier.
Фото на с. 184 © Johnny Ring.

«Спасибо за твои воспоминания», перевод с английского
«Thanks for the Memories», автор Сесилия Ахерн.
Полное издание на английском языке опубликовано в издательстве HarperCollins.
© Cecelia Ahern, 2008
Иллюстрации на с. 186–188: © HarperCollins
Фото на с. 306: © Kieran Harnett; с. 307: предоставлено Сесилией Ахерн.
Полное издание на русском языке опубликовано под названием
«Люблю твои воспоминания» в издательстве «Иностранка», Москва, 2009.

«Адвокатская мантия», перевод с английского «Silks»,
авторы Дик Френсис, Феликс Френсис.
Полное издание на английском языке опубликовано в издательстве
G. P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Group (USA) Inc.
© Dick Francis Corporation, 2008
Иллюстрации на с. 308–310: дизайн: Oily Howe@advocate
Фото на с. 436: Harold Roth; с. 437: Clipart.com
Полное издание на русском языке опубликовано под названием
«Звезд на выживание» в издательстве «Эксмо», Москва, 2009.

«Смерть фараона», перевод с английского «The Murder of King Tut»,
авторы Джеймс Паттерсон, Мартин Дюгар.
Полное издание на английском языке опубликовано в издательстве
Little, Brown and Company, a division of Hachette Book Group, Inc.
© James Patterson, 2009
Иллюстрации на с. 438–440: иллюстрации: © Photodisc, Flickr; дизайнер: Curtis Cozier.
Фото на с. 574: Deborah Feingold.

Иллюстрация на первой обложке: © Getty Images/Fotobank
Фото на четвертой обложке: © Julie Brothers, © Timothy Stephenson

ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ»
Адрес: 117218, Москва, а/я 8
Сайт: www.rd.ru
E-mail редакции: redakzia@rd.com
E-mail отдела по работе с клиентами: klient@rd.com
Телефон: (495) 725 25 70

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 23.06.10. БУМАГА ОФСЕТНАЯ. ФОРМАТ 84×108/32
ГАРНИТУРА «ТАЙМС». ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. УСЛ.-ПЕЧ. Л. 30,24
УЧ.-ИЗД. Л. 29,4. ТИРАЖ 110 000 ЭКЗ. ЗАКАЗ 1000030
ОТПЕЧАТАНО В ОАО «ЯРОСЛАВСКИЙ ПОЛИГРАФКОМБИНАТ»
150049, ЯРОСЛАВЛЬ, УЛ. СВОБОДЫ, 97

